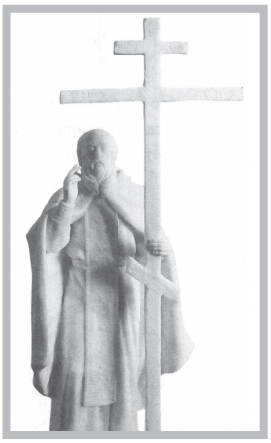
Север в истории и культуре России. Духовное наследие и традиции

Пятнадцатые Феодоритовские чтения



По благословению
Высокопреосвященнейшего МИТРОФАНА,
митрополита Мурманского и Мончегорского

ПЯТНАДЦАТЫЕ ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Мурманская митрополия Русской Православной Церкви
ФИЦ Кольский научный центр РАН
Министерство образования и науки Мурманской области
Министерство культуры Мурманской области
ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»

Материалы
Всероссийской историко-краеведческой
конференции

ПЯТНАДЦАТЫЕ
ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

СЕВЕР В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ. ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И ТРАДИЦИИ

г. Мурманск
21–23 октября 2022 года

Издательство Кольского научного центра
2023

«Север в истории и культуре России. Духовное наследие и традиции». Материалы историко-краеведческой конференции. Пятнадцатые Феодоритовские чтения: под ред. митрополита Митрофана (Баданина). – Апатиты: Издательство Кольского научного центра, 2023. – 706 с.: ил.

ISBN 978-5-91137-497-6

© Митрополит Митрофан (Баданин), сост., 2023

Феодоритовские чтения проводятся с 2006 года и посвящены памяти выдающегося христианского подвижника, замечательного богослова и историка – преподобного Феодорита Кольского («русского философа Феодора»), пришедшего в начале XVI века с проповедью веры Христовой и просветившего евангельским светом земли Кольского Севера.

Юбилейные пятнадцатые Феодоритовские чтения состоялись в городе Мурманске. С каждым годом конференция собирает все большее число участников: ученых и исследователей разных областей знаний. Тема очередных чтений – «Север в истории и культуре России. Духовное наследие и традиции» – позволила поговорить о роли и значении Северного края в различные периоды истории страны, увидеть многообразие и богатство культурного наследия региона.

Слово о преподобном Феодорите, просветителе Кольском (1481–1571)

Великий северный старец, преподобный Феодорит Кольский в начале XVI века пришел в эти древние, колдовские «вотчины князя бесовского» с проповедью веры Христовой и не отступил от задуманного, пока не просветил евангельским светом эти некогда пустынные, «полночные» земли Великой Лапландии.

Преподобный Феодорит Пустынник – первый из святых подвижников Крайнего Севера, который с детства возжелал и сознательно готовился к великой миссии: к просвещению этого края, к покорению просторов Великой Лапландии. Всю свою долгую жизнь он посвятил воплощению этой мечты, и столь грандиозная по своему масштабу задача была им успешно решена.

В этом славном делании кольский старец не остался одинок. Феодорит как духовный отец породил великий сонм святых Кольского Севера, оставив после себя целую плеяду последователей

школы монастырского старчества. Среди его учеников такие знаменитые подвижники, как преподобные Трифон Печенгский и Варлаам Керетский, преподобномученики Печенгские Иона и Герман, игумен Гурий и с ним 116 мучеников.

Духовное наследие, завещанное нам великим просветителем Кольским – преподобным Феодоритом, многогранно и масштабно. В равной степени уникальными и достойными восхищения являются обстоятельства его долгой жизни, свидетельствующие об очевидном «от младых ногтей» избранничестве подвижника, об угодности Господу его великих дел и свершений.

С семи лет пребывая во Владычнем монастырьке при Ростовской архиепископии и трудясь над переписыванием книг для соловецкой библиотеки, возревновал юный «дьячишка Федор» о повторении подвига святителя Стефана, просветившего в XV веке светом веры евангельской языческие народы Великой Перми.

Для осуществления этой достойной миссии юный Федор обладал всеми необходимыми внутренними качествами и дарованиями. Очевидные способности к языкам, филологические, философские и богословские таланты он в полной мере наследовал от выдающихся предков.

В конце XV века, с 1493 года, двенадцатилетний отрок Феодор уже числится в послушниках «на Соловецком острове, в монастыре, иже лежит на Ледовом море». По уставу преподобного Зосимы Соловецкого, искус послушания для соловецких послушников продолжался не менее трех лет, но игумен Досифей уже через год принял решение о постриге отрока с наречением имени Феодорит. Такая, как могло бы показаться, поспешность отнюдь не затрагивала незыблемых основ монастырского устройства, служащих формированию в каждом иноке человека внутреннего молитвенного делания и нацеленные на духовное созидание «служителя Христова и домостроителя тайн Божиих» (1 Кор. 4,1).

Об этой мудрой несуетности воспитания «новой твари во Христе», о понимании того, что главное делание жизни монаха, на которое не жаль времени, – это одоление самого себя и своего «ветхого человека», дабы, стяжав Благодать Святого Духа, «облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф. 4,24). Об успешном решении этой величественной задачи ярко свидетельствует вся долгая жизнь великого старца.

Целых восемнадцать лет пребывает инок Феодорит в полном и неотступном послушании у своего учителя, старца Зосимы, затем двенадцать лет подвизается в лопарских пустынях, пребывая в богомыслии и молчании, на

долгие годы скрывается в пустынях Кирилло-Белозерского монастыря, постигая великую науку священнобезмолвствующих. И лишь стяжав благодать Духа Святого, войдя в духовную силу «мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 13), священноинок Феодорит изливает свои благодатные деяния на эту иссохшую, жаждущую землю. Ему уже сорок пять лет, и лишь скупые строки летописей доносят до нас свидетельства успешности его миссионерских трудов.

1526 год – Кандалакшский залив, устье реки Нивы. «Освящали церковь Рождества Иоанна Предтечи и многих лоплян крестили во имя Отца и Сына и Святого Духа в нашу Православную веру христианскую» [1].

1533 год – Кольский залив, устье реки Колы. «Церкви Божия освящали, Благовещения Святой Богородицы да Чудотворца Николу, и самих многих крестили лоплян во имя Отца и Сына и Святого Духа в нашу православную и святую веру» [2].

С 1533 по 1540 год – «Заволжские пустыни», скиты Кирилло-Белозерского монастыря. Здесь трудится Феодорит над созданием письменности лопарского народа.

1540 год – «на устье Колы реки созидает монастырь», ставит «церковь во имя Пребезначальной Троицы и, собрав братию, дает им Устав» [3].

1542 год – «наученных от Феодорита и оглашенных лоплян единого дня крестилось яко две тысячи человек со женами и детьми» [4].

С 1548 по 1551 годы – вновь в Кандалакше, где созидает Рождества-Богородичный (Кокуев) мужской монастырь и «бывает в нем игуменом».

Игумену Феодориту в это время исполнилось уже семьдесят лет, но впереди кольского старца ждали новые великие деяния и испытания. Это и скорбь неправедного гонения, и тяготы незаслуженного осуждения на ссылку, и слава и почет «премудрого» богослова, отстоявшего высоту российского вероисповедания перед гордыми греческими иерархами в 1557 году. Он блестяще выполнит эту знаменитую «Константинопольскую миссию», доставив из Царьграда для российского Государя «древнюю книгу» с благословением Все-

---

1 Софийская летопись // Полное собрание русских летописей. М.–Л., 1929. Т. 4. Ч. 1. С. 542.

2 Софийские летописи // Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. 6. С. 289.

3 Курбский Андрей. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. 2 пол. XVI в. М., 1986. С. 332.

4 Курбский. С. 333.

ленского Патриарха на возведение на царство по чину «венчания императоров византийских». Таким образом получит официальный статус идея наследования Московским царством достоинства Византийской империи: «Москва – Третий Рим».

За исполнение этой важнейшей дипломатической задачи Феодорит сподобится царских почестей и великих милостей от Иоанна Грозного, увенчавшихся и искусительным предложением даровать Феодориту «такую власть духовную», которую тот бы только «захотел».

Но блаженный старец до конца дней своих будет вновь и вновь стремиться к своей избраннице – к «полнощной стране», к земле Кольской, объезжая «детей своих духовных, как монахов, так и лопянов, наученных и крещенных от него, печась о спасении душ их», и, духовно окормляя Печенгский и Кандалакшский монастыри, в сане архимандрита достигнет блаженной кончины, отойдя ко Господу в родном Соловецком монастыре в возрасте девяноста лет.

Современник Феодорита и его духовный сын князь Андрей Курбский напишет вскоре, обращаясь к «теплохладному» человеку века сего: «Зри сюда, лицемерный христианин, какие храбрые еще обретаются старцы в Православной земле, на правоверных догматах воспитанные. Чем более престареют и изнемогут телом, тем большую храбрость и ревность ко благочестию во Господе полагают, и проникаются Богом и живут под покровом Вышнего».

Яркая жизнь великого апостола Крайнего Севера, преподобного Феодорита Кольского ясным образом свидетельствует об утратах нашего времени, обличая болезненную суетность нашей жизни и духовную немощь современных христиан.

Как мы теперь знаем, у преподобного Феодорита с детства была мечта, и в своих трудах по просвещению Лапландии Феодорит, следуя примеру просветительских деяний Стефана Пермского, конечно же, намеревался повторить опыт утверждения епископской кафедры на присоединенных к православию землях Крайнего Севера. И, как святитель Стефан стал первым архиереем Великой Перми, так мечтал и Феодорит, чтобы и здесь, на Кольской земле, был свой архиерей «Великой Лапландии».

В 1996 году мечта жизни кольского подвижника исполнилась: на земле Великой Лапландии впервые появилась самостоятельная Мурманская епархия. И не удивительно, что благословением первого архиерея епархии, епископа Мурманского и Мончегорского Симона в 2003 году первым из святых, в земле Кольской просиявших, был прославлен в лике преподобного Феодорит, просветитель Кольского края, с установлением дня его памяти 17/30 августа.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

ПЯТНАДЦАТЫЕ
ФЕОДОРИТОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ

СЕВЕР В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ. ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И ТРАДИЦИИ

«В Русском Севере удивительнейшее сочетание настоящего и прошлого, современности и истории (и какой истории – русской! – самой значительной, самой трагической в прошлом и самой философской), человека и природы, акварельной лиричности воды, земли, неба и грозной силы камня, бурь, холода снега и воздуха.

Но самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, – это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский, – он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре… Отсюда вышли замечательные русские землепроходцы и путешественники, полярники и беспримерные по стойкости воины».

Д. С. Лихачев

МИТРОПОЛИТ
МИТРОФАН
(Баданин)

глава Мурманской
митрополии

РОЛЬ ПРЕДАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ КОЛЬСКОГО КРАЯ

Чудо предания

Надо заметить, что одной из загадок человеческой памяти является непредсказуемость механизма отбора фактов и событий нашей жизни. Нам не ведомо, что должно будет запомниться навсегда, а что забудется бесследно. Очевидно то, что этот процесс управляется вовсе не нами. Но он ведь Кем-то должен управляться… Думается, что нашу память, эту столь важную составляющую человеческого бытия, Господь не мог оставить без Своего попечения.

Говоря о таких особенностях человеческой памяти, следует коснуться одного важного аспекта. Речь идет предании, как церковном, так и народном. Эта информация становится единым благодатным наследием народа, в случае если преодолено разделение на мирскую и священную историю, и предание воспринимается как единый источник исторического повествования.

Наша Православная Церковь в полной мере обладает этим удивительным сокровищем – Церковным Преданием. Предание в целом есть передача истины из поколения в поколение. Церковное Предание сберегается не только человеческими силами: через память или постоянство Таинств, обрядов и обычаев, но и сверхъестественным образом, поскольку она есть жизнь Святого Духа в Церкви Христовой. Именно

в Духе Святом хранится все Знание мира. Ученое сообщество, избегая «церковных» слов ввело особый термин – информационное поле, и предпринимает настойчивые усилия в него проникнуть своими силами. Мы помним бодрые строки советских времен: «Орешек знанья тверд, но все же мы не привыкли отступать! Нам расколоть его поможет киножурнал "Хочу все знать!"».

В действительности Предание – есть верная благодать истины, «которая дана Церкви с самого начала и сохраняется в непрерывности епископского служения» [1]. Но это что касается Церковного Предания, однако не меньшей удивительной стойкостью в сбережении истины обладают и народные устные предания. И чудо их сбережения и явления «на свет» в нужный момент каждый раз изумляют.

Память о Феодорите

Не секрет, что преподобный Феодорит, просветитель Кольский, несмотря на удивительные и великие заслуги подвижника, был практически забыт. И не по причине незначительности его деяний, они-то как раз потрясают своим масштабом, а как следствие известного спора середины XVI века между «нестяжательным» и «иосифлянским» монашеством. По своему внутреннему молитвенному устройству Феодорит, конечно же, был последователем Нила Сорского, и в его окружение входили все заволжские старцы, насельники знаменитых Северных Фиваид.

Однако сам-то Феодорит как раз строил большие общежительные монастыри на Кольском Севере, как в устье Кольского залива, так и на Печенге, и на реке Ниве. После осуждения образа монастырского устройства и «мудрования» нестяжателей на Соборе 1554 года тень церковного недоверия легла и на Феодорита. В результате, несмотря на покровительство Иоанна Грозного и свою масштабную просветительскую и дипломатическую деятельность, Феодорит так и не был прославлен.

И более того, этот знаменитый подвижник XVI века – просветитель Крайнего Севера – Феодорит Кольский оказался практически забыт на более чем четыре столетия. И в преданиях народа многие факты жития Феодорита стали приписываться прп. Трифону. Как, например,

[1] Флоровский Георгий, протоиерей. Святой Григорий Палама и Традиция Отцов.

В. С. Маслов выступает на первой конференции, посвященной прп. Феодориту. Рядом епископ Симон (Гетя), игумен Аристарх (Лоханов) и автор этих строк. 1998 год

одновременное крещение двух тысяч саамов. Или предание о том, что Трифон был из крещеных евреев, что для него абсолютно исключено, а вот для Феодорита вполне возможно.

Но вот «прошли времена и окончились лета» забвения, и в 1996 году впервые была образована самостоятельная Мурманская епархия, условия для создания которой, как епархии Великой Лапландии, подготовил именно Феодорит. О том, что было здесь в давние времена и наследниками чего мы являемся, никакого понятия к тому времени уже не осталось. Память сохранилась, пожалуй, лишь о преподобном Трифоне и об основанном им Печенгском монастыре. А в остальном наблюдалась полная духовно-историческая амнезия.

И вдруг чудесным образом в конце 90-х годов XX века появился человек от Бога. Человек, достаточно далекий от Церкви, стал неожиданно всем говорить о некоем Феодорите, просветителе нашего края. Этим глашатаем Божьей воли стал Виталий Семенович Маслов (ум. в 2001 г.), председатель Мурманского отделения Союза писателей России. Церковь Кольского Севера и новый архиерей тогда еще были не готовы воспринимать с доверием эту информацию, равно как и поощрять неожиданную активную деятельность Маслова. Тем не менее, вскоре по инициативе Виталия Семеновича в память о Феодорите был поставлен поклонный крест в г. Коле у моста через Тулому. На всех возможных площадках Маслов вдохновенно поднимал эту тему. Можно сказать, что этим своим напором и неумолкающим гласом он разбудил

Поклонный крест у Кольского моста через р. Тулома

и меня, как те самые «декабристы разбудили Герцена» [1]. Виталий Семенович вскоре почил, но появились исследования, и вот мы с вами уже пятнадцатый раз собираемся на научные конференции имени Феодорита Кольского.

Вотчины князя Александра

В своей книге «Князь Александр Невский и Кольский Север. Неизвестные страницы жития» [2] я рассказывал о той исключительной роли, которую сыграл этот государственный муж и святой воин в деле присоединения Кольского края к территории Новгородской Руси в XIII веке. Но начать поиски этих утраченных сведений меня навел на мысль коренной помор, простой житель села Варзуга Петр Прокопьевич Заборщиков.

Как-то в разговоре со мной, вспоминая древнюю историю села, он

---

1 Из статьи В. И. Ленина «Три источника и три составных части марксизма».

2 Князь Александр Невский и Кольский Север. Неизвестные страницы жития. СПб. – Мурманск, 2013. (Кольский патерик: Книга IV). 72 с.: ил.

отметил как нечто хорошо известное, что эти места были вотчиной новгородских князей, начиная еще с Александра Невского. Тогда это показалось мне странным и недостоверным.

Сейчас уже все изменилось, и нам известно, что в результате Полярного похода благоверного князя в 1251 году эти Кольские земли, принадлежавшие ранее народу Биармиии, отошли к Новгородской Руси как волости Колоперьмь и Тре.

В то же время, как подтвердили исследования, по договору с Новгородом «ходити на Терскую сторону, куда новгородцы не ходят», то есть на запад от Варзуги, было преимущественным правом великих князей в XIII и XIV веках. «Князь Александр Невский и его сын Андрей направляли на "Терскую сторону" людей для ловли кречетов» [1], при этом они имели право «посылать три ватаги помытчиков [*царские охотники «ловившие и помыкавшие» ястребов, челигов, соколов и кречетов. – м. М.*]» [2]. Великий князь Андрей Александрович писал «к посадникам, и к старостам: "Как договаривался с Новгородом – ходить трем ватагам моим на море, а с моря пойдут с потками [*в северных говорах «потка» – птичка, пташка. – м. М.*] с данными по данничу пути [по пути сборщиков дани. – *м. М.*], а как пошло при моем отце не ходить на Терскую сторону новгородцам, так и ныне не ходят"» [3].

Это великокняжеское право дожило до времен московских царей, «присылавших сюда помытчиков, которые были обязаны ежегодно доставлять в Москву определенное количество птиц для царской охоты» [4].

Вряд ли Петр Прокопьевич читал приведенные мной источники, и потому мы имеем возможность убедиться в удивительной жизненной силе народных преданий.

Равным образом, можно вспомнить варзужское предание о некоем «косом городище». Опираясь на это предание, в 2010 году мы провели там археологические исследования и обнаружили самое северное

---

1 Яковенко Н. Г. Терский берег. Мурманск, 1985. С. 17. «Кречетов пускали бить журавлей и лебедей. Те по тонкому своему чутью открывали, где летят любимые ими птицы». Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания. М., 1880. С. 268.

2 Дергачев. Подробное описание Лопской земли. 1869. № 70.

3 Акты Археографической экспедиции, СПб., 1836–1838. Т. 1. № 1. С. 157–158.

4 Дергачев. Подробное описание Лопской земли. 1869. № 87.

Археологические изыскания на месте древнего Варзужского городища. Археолог М. М. Шахнович, игумен Митрофан и глава села Г. Н. Попов. Июль 2008 г.

в средневековой истории края крепостное сооружение. История освоения Кольского полуострова нашими предками сдвинулась на начало XIV века.

Биармийцы – аборигены Кольского края

В своем трехтомном исследовании средневекового Кольского Севера я довольно подробно описывал аборигенов края, биармийцев – этих древних жителей страны Биармии. В лопарских преданиях и сказках они упоминаются как жестокие угнетатели лопарей под именем чуди. Так вот, одна престарелая жительница поселка Умба, Елисеева В. Я., ныне уже почившая (2017 г.), прочитав мое сообщение о биармийцах (чуди), рассказала мне, что в детстве видела представительницу этого народа.

«Это было в сороковых годах прошлого столетия. Я, еще маленькой девочкой, с мамой ходила на Канозеро рыбачить. И вот там, идя по лесной дороге, я увидела идущую нам навстречу женщину странной внешности. У нее были длинные белые льняные волосы, красноватый цвет кожи и, что самое необычное, – абсолютно бесцветные глаза. Помню, я спросила маму, почему эта женщина так странно выглядит.

И мама мне ответила, что эта женщина из народа, который жил здесь прежде нас». Интересно, что в преданиях архангелогородцев много есть рассказов именно о «чуди белоглазой».

Теперь можно сравнить приведенное свидетельство с описанием того народа, сделанным еще в 1130-е годы арабским путешественником Абу Хамид аль-Гарнати: «Я видел группу их в Булгаре [*Волжская Булгария в это время располагалась на Средней Волге. – м. М.*] – они пришли во время зимы: кожа красноватого цвета, с голубыми глазами, волосы их белы, как лен, и в такой холод они носят льняные одежды. На некоторых из них бывают шубы из превосходных шкурок бобров, мех этих бобров повернут наружу…» [1].

«Валитово Городище»

Не секрет, что исторических материалов, связанных со средневековым Крайним Севером, сохранилось весьма не много. Потому предания о том времени для нас необычайно важны, и мы не можем не упомянуть сбереженное в народной памяти предание о древних валитах – правителях-богатырях, осуществлявших властные полномочия на этих землях.

Предание это было впервые записано в 1592 году «послами великого государя нашего царя и великаго князя Федора Ивановича» [2] – «болховским наместником князем Григорием Борисовичем Васильчиковым» и «наместником брянским князем Семеном Григорьевичем Звенигородским», которые прибыли в волость Колу на переговоры – «на съезд о рубежах» [3].

История, «узнанная от старожилов той страны», была такова: «Был в Кореле и во всей Корельской земле большой Владетель, именем Валит или Варент, а послушна была Корела с Двинскою землею Вели-

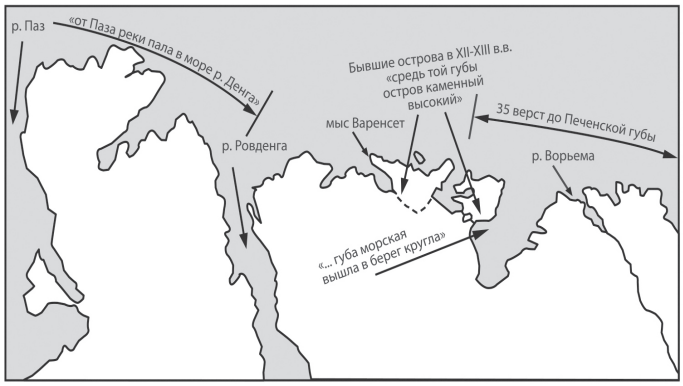
[1] Путешествие Абу Хамида аль-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Под редакцией Большакова О. Г. и Монгайта А. Л. М., 1971. С. 32.

[2] «Опросные речи данщиков и которые люди з данщики в Лопи езживали и всяких людей старожилцов, которые сказались в Лопской земли знатцы и про рубежи им ведомо, сказывали послом князю Семену Звенигородцкому с товарыщи». ЦГАДА, ф. 53. Сношения России с Данией. 1614 г., № 1.

[3] Грамота кольского приказного человека И. С. Салманова. Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым // Русская историческая библиотека. СПб., 1897. Т. 16. № 69. С. 293.

Место Валитова Городища. А промеж тех речек [р. Деньга и р. Воема] на море, на острову, близко к берегу, Валитово городище

МЕСТО ВАЛИТОВА ГОРОДИЩА ПО КНИГЕ БОЛЬШОГО ЧЕРТЕЖА И «ОПРОСНЫХ РЕЧЕЙ 1592 ГОДА»



кому Новгороду, и посаженик был тот Валит, посажен на Корельское владение от Новогородских Посадников. И начал Валит Мурманскую землю войною под свою власть приводить. Мурмане [1] били челом Норвецким Немцам, чтоб они по соседству за них стали. Но Немцы отстояти их не могли, потому что тот Валит был собою дороден и человек ратный [2]. К рати был он необычайный охотник, и на то дело у него был большой промысл. И там, где рать он Немецкую побивал, в Варенге, на побоище Немецком, там, где Варенский летний погост, – там, на славу свою, принесши с берега, положил он своими руками камень в вышину от земли больше косые сажени [*около 2,5 м – м.М.*]. И ныне он там есть».

Про этот Валитов камень известно, что «около его, подале, выкладены каменьем как-бы оклад загороды в двенадцать стен. И назван был у него тот оклад Вавилоном. Да и в Коле, там, где ныне острог, также обложено было у него каменьем двенадцать стен тем же обычаем. Тот камень, что в Варенге, и по сей час слывет “Валитов камень”, а то, что было в Коле построено, то развалено, когда острог делали [*в 1584 году. – м. М.*]» [3].

---

[1] Под именем «мурманов» здесь следует понимать народ Биармии – биармийцев.

[2] Упомянутая «дородность» того Валита должна была быть, действительно, выдающейся, исполинской, чтобы противостоять объединенной рати «мурманов» и «норвецких немцев».

[3] «Опросные речи данщиков… ». ЦГАДА, ф. 53. Сношения России с Данией. 1614 г., № 1.

«А меж Печенги и Паз-реки, от Печенской губы по ту сторону верст с 35, есть губа морская, вышла в берег кругла. Середь той губы остров каменный высокий, а кругом сверху ровен – тут у него для покоя место было, загорода крепости» [1]. Место Валитова Городища указано и в Книге Большого Чертежа: «от Паза реки морским берегом пала в море речка Денга (Ровдньга) да речка Воема (Ворьема). А промеж тех речек Волитово [Волотово] городище» [2]. Примечательно, что эти камни, выложенные по окружности, «финны называют – Jatulintarha – Ограда великанов» [3].

«А как Валита не стало, а в крещенье ему было имя Василей, то положен он был в Кореле на посаде» [4]. Эта история о валите Василии была хорошо известна русскому поморскому люду: «По русским преданиям некто Василий (Васин) является завоевателем береговой Лапландии. С ним связывают и русское название норвежского города Вадсе – Васин» [5].

Мы помним, что великий князь Александр, осуществляя в середине XIII века миссию по присоединению Крайнего Севера к новгородским землям, опирался, конечно же, на своих традиционных союзников – народ корельский, в лице их предводителей – валитов.

Именно временной отрезок XIII века, связанный со славными деяниями благоверного князя Александра Невского, предлагает усвоить упомянутой выше истории с «Валитом или Варентом» известный исследователь Кольского Севера Е. К. Огородников, указывая, что построенное Валитом «городище Кольское явилось уже не позже 1264 года, если не ранее, и существовало до 1582 года» [6].

Эта история о том, как «начал Валит Мурманскую землю войною под свою власть приводить», «узнанная от старожилов той страны», как свидетельствует Н. М. Карамзин, вскоре послужила основанием

---

1 Там же.

2 Спасский Г. Книга Большой Чертеж. М., 1846. С. 166.

3 Виноградов Н. Н. Новые лабиринты Соловецкого архипелага. Лабиринт Б. Заяцкого острова. Соловецкое общество краеведения: Материалы. Вып. XII. Соловки, 1927. (Ученый Н. Н. Виноградов был заключенным Соловецкого лагеря особого назначения).

4 Варашев камень // Олонецкие губернские ведомости. 1841. № 4. С. 14.

5 Гебель Г. Ф. Наша Лапландия. С. 86.

6 Огородников Е. К. Мурманский и Терский берега. С. 630.

российским государям оспаривать датские притязания на Лапландию и Кольский Север, поскольку «побежденные Валитом немцы заключили с ним мир, отдав ему всю лопь до реки Ивгея [1]. Лопари с того времени платили дань Новгороду и царям Московским» [2].

Еще раз надо подчеркнуть, что понятие «валит», в смысле главный воевода или старейшина рода, в течение долгих веков не раз усваивалось тем или иным историческим личностям в качестве прозвища или фамилии. Поэтому, когда в I-ой Софийской летописи, сто лет спустя под 1337 годом, говорится, что «придоша Немцы к Корельскому городку со многою силою, и бяше в городе тогда воевода Валит Корелянин», это вовсе не значит, что мы, наконец, нашли единую временную привязку ко всем сохранившимся в истории сообщениям о Валите [3].

«Тот камень, что в Варенге и по сей час слывет Валитов камень», согласно с преданием, находится на берегу залива Варангер: «там, где Варенский летний погост». Надо полагать, что упоминаемый древний летний лопарский погост на берегу Варангер-фьорда – это древнее местечко «Варяги», где жили «восточные лопари» или саамы-сколты. Это место также упомянуто и в грамоте великого князя Василия III, написанной для сборщиков дани в 1517 году: «А с Wariagiske погоста должны [лопари] дать ему дань…» [4]. Наши русские поморы именовали это место в память о Валите (в крещении Василии) – Васин. Ныне норвежцы этот городок называют Вадсе.

Так что надо внимательно относиться к народным преданиям и не допускать высокомерного отношения к этим свидетельствам, уповая лишь на свои «академические» знания.

---

[1] Река Ивгей – ее современное финское название Ивалойоки (Ivalojoki). Древняя порубежная река, впадающая в южную оконечность озера Инари. Протяженность реки – 180 км. Важнейшая часть исторического водного пути, ведущего с Балтики на Север.

[2] Карамзин Н. М. Том XI. Глава I. Царствование Бориса Годунова (1598–1604 гг.) // История государства Российского. М., 2008. Т. 9–12. С. 445.

[3] «Валит времен Бориса Годунова, Валит – воевода XIV в., и Валит IX в. – все они совершенно разные личности». Пашкина Л. Д. К вопросу о смерти князя Рюрика в городе Кореле // Вуокса: Приозерский краеведческий альманах. Приозерск, 1999. Вып. 1. С. 29.

[4] Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. СПб., 1998. С. 129.

ХЛЕСТКИНА
Елена Константиновна

профессор РАН,
доктор биологических наук
Федеральный исследовательский
центр, Всероссийский институт
генетических ресурсов растений
имени Н. И. Вавилова,
Санкт-Петербург

НА ПУТИ К ОСВОЕНИЮ АРКТИЧЕСКИХ РУБЕЖЕЙ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННЫХ ЗНАНИЙ О БИОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

Введение

Освоение северных территорий пришлым населением – настоящий биологический эксперимент, удивительные примеры успешных результатов которого глубоко изучаются на уровне современной биологии, биомедицины, агробиологии и генетики. Если у коренного населения были многие тысячелетия, а у аборигенной флоры и фауны миллионы лет, чтобы плавно приспособиться к заведомо непростым климато-географическим условиям, то пришлому человеку и принесенным им с собой растениям и животным отводился короткий срок для адаптации в течение жизни одного организма или нескольких поколений.

Речь не только о преодолении наиболее критических условий – световой и температурной адаптации, – но о целом комплексе реакций, которые возникают в организме.

Здоровье и качество жизни

Изучение циклов адаптации позволило сформировать научно-обоснованное мнение относительно вахтового метода: организм человека не успевает пройти полный цикл адаптации за время вахты, проходит лишь начало цикла, затем организм возвращают в прежнюю среду; повторение этого незавершенного цикла для организма вынести гораздо сложнее, чем переезд на длительный срок. Адаптация при длительном проживании, однако, происходит успешно не у всех. В исследованиях уделяется особое внимание уделяется индивидуальной реакции и ее взаимосвязи с генотипом организма человека с целью выявления отличительных особенностей, опираясь на которые, можно заранее рекомендовать или не рекомендовать переезд на Крайний Север [1, 2].

При освоении северных территорий пришлое население смогло на протяжении нескольких веков также реализовать блестящие эксперименты с сельскохозяйственными растениями и животными. Наиболее яркие достижения были отмечены во второй половине 20 века [3–4], однако с «оптимизацией» в условиях рыночной экономики практические эксперименты по северному земледелию почти закончились, сохранившись лишь в специализированных научных учреждениях. Но, если современная медицина говорит о том, что человеку при освоении Арктических рубежей показан (при условии индивидуальной предрасположенности к благоприятному исходу адаптации) переезд, нежели вахтовый метод работы, то стоит подумать о северном растениеводстве не только с точки зрения рыночной экономики, но и с позиции условий качества жизни.

Во-первых, генетическое разнообразие некоторых овощных, ягодных культур, картофеля позволяет приспосабливать их к местным условиям и получать сезонные плоды и корнеплоды [5–6], более превосходные, чем лишенный полезных веществ и вкуса современный рыночный сортимент, селектируемый для длительной транспортировки и хранения. Во-вторых, у частичной самообеспеченности продуктами и возможности участвовать в их производстве части пришлого населения есть положительный социальный аспект. Не нужно забывать и о декоративном растениеводстве. При создании и развитии новых северных поселений можно бережно вписывать их в имеющиеся природные экосистемы и создавать при этом новые элементы «зеленой» территории поселений, отличающейся разнообразием и создающей среду с эстети-

ческой, экологической и просветительской составляющей для воспитания бережного отношения к новой малой родине у подрастающих поколений пришлого населения. А это еще один социальный аспект в свете устремлений сделать так, чтобы покоритель севера не только сам был здоров, счастлив и обеспечен интересной работой, но и желал бы и мог укорениться здесь на несколько поколений вперед.

Генетические ресурсы арктики: адаптация растений, животных, микроорганизмов

Сравнительные генетические исследования северных популяций домашнего скота и холодостойких арктических животных выявили схожие механизмы адаптации, мутации в одних и тех же генах. Например, выявлены одинаковые изменения в одном из генов, отвечающем за работу сердца и мышц, у холодостойких, глубоко ныряющих животных, арктических рыб и у северных популяций домашнего скота. Обнаруженная особенность данного гена предположительно играет ключевую роль для эффективной работы сердца в условиях арктического климата. Такое эволюционное сходство между неродственными группами организмов в биологии называют конвергенцией [8].

Еще один прекрасный пример конвергенции, связанный с адаптацией к условиям Крайнего севера, – антифризные белки для устойчивости организмов к замерзанию. Многие насекомые, рыбы приобрели это приспособление в ходе эволюции независимо, белки-антифризы эволюционировали у них из разных исходных генов. Но в результате все они имеют сходные свойства и сходный принцип организации. Это небольшие белки с плоской поверхностью, богатые аминокислотой треонином. Треониновые участки связываются с поверхностью кристаллов льда. Это свойство позволяет животным, не имеющим свойства теплокровности, переживать отрицательные температуры [9].

Масштабному эксперименту по адаптации культурных растений к условиям Заполярья – 100 лет. Северным форпостом отечественного земледелия стала организованная в 1923 году на Кольском полуострове Полярная опытная станция ВИР. При использовании Вавиловской коллекции [10] удалось вывести более 70 сортов картофеля, различных овощных, ягодных и других культур, приспособленных к суровым условиям севера, к фотопериоду, нетипичному для привычных ареалов

большинства растений, создать адаптированные к более быстрому созреванию скороспелые сорта [11]. Селекционная работа и испытания мировой коллекции активно продолжаются на Полярной опытной станции ВИР и сегодня, но уже при использовании современных, том числе, биотехнологических методов. Самое прочное место в работе станции завоевал картофель, и не только потому, что эту культуру удалось прекрасно адаптировать для северного земледелия, но и в связи с тем, что именно на Полярной опытной станции удобно поддерживать коллекцию картофеля ВИР [5], получая новые репродукции в ареале, где не происходит столь быстрого накопления и распространения патогенов картофеля, как в других регионах. Проводятся смелые эксперименты с зерновыми культурами. Если 90 лет назад Полярная опытная станция удивляла местных жителей выращиванием ржи, то сегодня на этой площадке тестируется уже гораздо более прихотливая культура – пшеница. Выделены особо зимостойкие образцы яровой пшеницы. Эксперименты с этой культурой ведутся и в Якутии вместе с Якутским НИИСХ, где также выделены образцы коллекции по скороспелости и урожайности [11]. Еще с одной культурой, гораздо более «южной», чем пшеница – с соей, также идет системная работа по «осеверению». Сегодня у многих культур расшифрованы гены, отвечающие за зимостойкость, нечувствительность к фотопериоду, скороспелость (например, гены сои [12]) – важные свойства для адаптации в Заполярье. Для культур закрытого грунта важное значение имеют сорта с более компактной формой растения, чем у других сортов той же культуры (например, известны гены арбуза [13] и даже киви [14]). Сегодня лабораторные методы генодиагностики, а также технологии редактирования геномов позволяют существенно ускорять процесс селекции растений и направленно создавать сорта с заданными свойствами [15], а Коллекция ВИР предоставляет богатый выбор исходного материала для создания новых сортов. Важное значение имеет организация экспедиций для мониторинга и изучения популяций диких родичей культурных растений, мобилизация в коллекцию образцов, найденных вблизи северных границ ареалов обитания той или иной культуры, исследование генетических особенностей образцов растений, адаптированных к экстремальным условиям. Такие экспедиции регулярно проводятся в ВИР [16]. Создание на базе ВИР Национального центра генетических ресурсов растений Указом Президента Российской Федерации от 8 февраля 2022 года № 44 [11] позволит не только надежнее сохранять и разви-

вать интегрированную отечественную коллекцию генетических ресурсов культурных растений и их диких родичей, но и эффективнее изучать эти ресурсы при помощи современных методов генетики и геномики и использовать полученные знания для ускоренного создания сортов растений с заданными свойствами.

Следует отметить, что успешная реализация сортами растений своего генетического потенциала во многом зависит от взаимодействия с полезными почвенными микроорганизмами. Создание и изучение микробиомных портретов пахотных и залежных почв Крайнего Севера – еще одно важное фундаментальное и практическое направление в интересах развития северного земледелия [17].

Заключение

Генетические и геномные исследования с использованием ценных генетических ресурсов растений, животных и микроорганизмов, а также биоматериалов человека, в том числе мобилизованных в биоресурсные *ex situ* коллекции из регионов, отличающихся экстремальными природно-климатическими условиями, – основа для получения знаний, создания комплекса инструментов и разработок, способствующих социально-экономическому развитию и обеспечению безопасности в Арктике, решению вопросов здоровьесбережения, повышения качества жизни населения и частичного самообеспечения продовольствием регионов Севера и Арктики.

Список литературы

1. Гришин О. В., Воевода М.И. 2022. Фенотипические стратегии адаптации человека в Арктике. В сборнике: Генетические ресурсы и генетические технологии для развития северных территорий. Материалы конференции, г. Санкт-Петербург, 21–22 декабря 2021 г. С. 47–49.

2. Шишкин Г. С., Гришин О. В., Устюжанинова Н. В. 2011. Перестройки функции внешнего дыхания и энергетического обмена у адаптантов севера. В сборнике: Человек на Севере: системные механизмы адаптации. Сборник научных трудов. Магадан. С. 143–165.

3. Марецкая А. Ю., Марецкая В. Н. Аграрный сектор Мурманской области: история развития, современное состояние: монография. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2018. 108 с.

4. Марецкая А. Ю., Марецкая В. Н. 2019. К вопросу о природно-ресурсном потенциале сельских территорий северного региона. Фундаментальные исследования. 2019. № 11. С. 95–99.

5. Травина С. Н. 2020. Полярная опытная станция ВИР – северный форпост исследований картофеля. Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 2020. Т. 181 (1). С. 139–145. DOI: 10.30901/2227-8834-2020-1-139-145

6. Жигадло Т. Э., Травина С. Н. 2017. Раннеспелые сорта картофеля, пригодные для возделывания в Мурманской области. Каталог мировой коллекции ВИР. Выпуск 852. Под редакцией С. Д. Киру. Издательство Санкт-Петербург: ВИР. 2017. 27 с. ISBN 978-5-905954-54-2

7. Елсакова С. Д., Елсаков Г. В. 1999. Ягодный сад на Кольском Севере. Мурманск: ЦНТИ, 1999. 48 с.

8. Ромашов Г. А., Юдин Н. С., Ларкин Д. М. 2022. Конвергентная эволюция геномов домашних и диких животных в условиях холодного (арктического) климата. В сборнике: Генетические ресурсы и генетические технологии для развития северных территорий. Материалы конференции, г. Санкт-Петербург, 21–22 декабря 2021 г. С. 29–30.

9. Goodsell D. 2009. Molecule of the Month: Antifreeze Proteins. PDB-101. DOI: 10.2210/rcsb_pdb/mom_2009_12

10. Хлесткина Е. К. 2022. Генетические ресурсы России: от коллекций к биоресурсным центрам. Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. Т. 183. С. 9–30. DOI: 10.30901/2227-8834-2022-1-9-30

11. Хлесткина Е. К. 2022. Генетические технологии и генетические ресурсы растений для развития северного земледелия. Материалы научной конференции «Котлас – контактная зона: российские ученые – для Арктики и про Арктику» под редакцией Ю. В. Ухатовой, Е. А. Соколовой. Санкт-Петербург. ВИР, 2022. С. 13–15.

12. Федорина Я. В., Хлесткина Е. К., Сеферова И. В., Вишнякова М. А. 2022. Молекулярно-генетические механизмы, лежащие в основе продвижения ареала возделывания сои к северу. Экологическая генетика. Т. 20. № 1. С. 13–30. DOI: https://doi.org/10.17816/ecogen83879

13. Стрыгина К. В., Елацкова А. Г., Елацков Ю. А., Теханович Г. А., Хлесткина Е. К. 2022. Анализ генов, определяющих компактную форму растений арбуза *Citrullus lanatus* (Thunb.) Matsum. & Nakai, у образцов из коллекции ВИР // Генетика. Т. 58. № 12. С. 1400–1417. DOI: 10.31857/S001667582212013X

14. Тихонова Н. Г., Хлесткина Е. К. 2019. Генетическое редактирование для улучшения плодовых и ягодных культур. Садоводство и виноградарство. № 4. С. 10–15. DOI: 10.31676/0235-2591-2019-4-10-15

15. Колчанов Н. А., Кочетов А. В., Салина Е. А., Першина Л. А., Хлесткина Е. К., Шумный В. К. 2017. Состояние и перспективы использования маркер-ориентированной и геномной селекции растений. Вестник Российской академии наук. Т. 87. С. 348–354. DOI: 10.7868/S0869587317040107

16. Шипилина Л. Ю., Чухина И. Г. 2022. Инвентаризация диких родичей культурных растений в Арктике и Субарктике как основа развития северного земледелия. В сборнике: Генетические ресурсы и генетические технологии для развития северных территорий. Материалы конференции, г. Санкт-Петербург, 21–22 декабря 2021 г. С. 17–16.

17. Абакумов Е. В., Кимеклис А. К., Гладков Г. В., Зверев А. О., Андронов Е. Е. 2022. Микробиомы почв залежных агроландшафтов Ямальского региона. В сборнике: Генетические ресурсы и генетические технологии для развития северных территорий. Материалы конференции, г. Санкт-Петербург, 21–22 декабря 2021 г. С. 13–14.

ЛОБАНОВ
Константин Валентинович

член-корреспондент РАН, доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник, Институт геологии рудных месторождений петрографии, минералогии и геохимии Российской академии наук (ИГЕМ РАН), президент межрегионального общественного Ломоносовского фонда, г. Москва

ЧИЧЕРОВ
Михаил Владимирович

научный сотрудник, Институт геологии рудных месторождений петрографии, минералогии и геохимии Российской академии наук (ИГЕМ РАН), г. Москва

ГОРНОСТАЕВА
Татьяна Александровна

ведущий научный сотрудник, доктор геолого-минералогических наук, Институт геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского Российской академии наук, г. Москва

ПРОКОФЬЕВ
Всеволод Юрьевич

заведующий лабораторией геохимии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, Институт геологии рудных месторождений петрографии, минералогии и геохимии Российской академии наук (ИГЕМ РАН), г. Москва

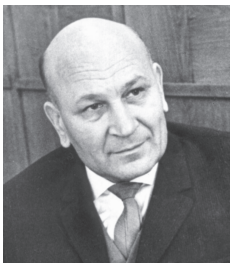
КОЛЬСКАЯ СВЕРХГЛУБОКАЯ СКВАЖИНА – КОСМИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ В НЕДРА АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ

Бурение Кольской сверхглубокой скважины в Печенгском районе Мурманской области в Арктической зоне России явилось знаменательным событием в истории мировой геологии. Проходка самой глубокой в мире скважины, глубиной 12262 м, в недра планеты Земля советскими специалистами сопоставима только с космическим полетом и является величайшим достижением мировой геологической науки в XX веке.

Проблема изучения континентальной земной коры с помощью сверхглубокого бурения возникла в СССР в 60-х годах. Главной ее задачей считалась «возможность получить с больших глубин фактический материал, необходимый для познания эндогенных процессов и связанных с ними месторождений полезных ископаемых» [20].

Научные основы программы сверхглубокого континентального бурения были определены на заседании Президиума АН СССР и коллегии Министерства геологии и охраны недр СССР. Программа была утверждена Председателем Совета министров СССР Н. С. Хрущевым в 1962 г. Она была ответом на программу океанического бурения США. Развитие науки и техники во второй половине XX века определялось соперничеством между этими супердержавами. Если достижения в космосе широко освещались, то гонка в сверхглубоком бурении осуществлялась не так открыто, но не менее напряженно.

В 1958 г. в США появилась программа сверхглубокого бурения «Мохол», которая была призвана обогнать СССР в научном соперничестве и установить мировой рекорд в бурении. США начали бурить скважины в океане, где земная кора значительно тоньше, чем на материках. В этом месте под осадочными породами ожидали встретить верхний слой земной коры – «гранитный», но поднятый керн содержал океанические базальты, а пройти земную кору и войти в мантию не удалось. Считалось, что в земной коре сверху – молодые породы, снизу – древние. Однако лишь сверхглубокое бурение могло дать истинную картину строения и состава внешней оболочки Земли [9, 10].



б

в

Рис. 1. Председатели научного совета: А. В. Сидоренко (а), Н. С. Тимофеев (б), Е. А. Козловский (в)

В 1968 г. в США было построено судно «Гломар Челенджер», специально построенное для реализации этой программы. Но когда стоимость проекта перевалила за 100 млн. долларов, конгресс США прекратил финансирование. Проект «Мохол» не ответил ни на один из поставленных вопросов, но он показал главное: сверхглубокое бурение в океане возможно. В США подготовили новую программу изучения океанского дна. Построенные специально для этого проекта суда «Гломар Челленджер» и «Джойдес Резолюшн» (1985) с 1968 года пробурили в дне океанов и морей почти 800 скважин, достигнув глубины 1741 м ниже дна океана.

Программа сверхглубокого бурения СССР

СССР в ответ создал программу «Изучение недр Земли и сверхглубокое бурение», но не в океане, а на континенте. Несмотря на многовековую историю бурения скважин, континентальное сверхглубокое бурение являлось совершенно новым делом, так как работы планировались на недостижимых ранее глубинах – более 7 километров. Эта программа была утверждена, так как мы не хотели отстать от США.

Для организации, координации и руководства работами по глубинному изучению земных недр в 1963 г. был образован Межведомственный научный совет по проблеме «Изучение недр Земли и сверхглубокое бурение», который объединил около 200 ученых и специалистов из научных и производственных организаций различных министерств и ведомств. Первым председателем этого совета был Министр геологии СССР, академик АН СССР А. В. Сидоренко. Затем его возглавил доктор технических наук Н. С. Тимофеев, а в 1974 г. председателем совета был назначен Министр геологии СССР Е. А. Козловский.

Программой работ на 70-е годы намечались: разработка модели строения земной коры и верхней мантии, а также новых методов прогноза месторождений полезных ископаемых, составление прогнозных карт с количественной оценкой природных ресурсов и запасов и определение направления поисковых и разведочных работ на основные виды полезных ископаемых в перспективных районах страны.

Был разработан новый технический и методический подход к решению регионального глубинного строения земной коры и верхней мантии, основанный на комплексировании данных глубокого бурения (3000–6000 м) и сверхглубокого (более 6000 м), а также сейсмического глубинного зондирования. Также была разработана система взаимной увязки данных геофизических профилей, опирающихся на опорные сверхглубокие скважины. По программе к бурению были намечены в первую очередь Кольская (СГ-3) и Саатлинская (СГ-1) сверхглубокие скважины [9, 10].

Программа сверхглубокого бурения СССР развивалась одновременно с программой освоения космоса и была как бы космическим полетом в недра планеты Земли, что сопоставимо по объему научных исследований, разработке нового оборудования и финансированию. Программа «Изучение недр Земли и сверхглубокое бурение» на континенте представлялась совершенно новым делом. Результаты научного бурения во многом оказались неожиданными и заставили пересмотреть теоретические представления, которые до этого казались очевидными и незыблемыми. В программе была поставлена цель получения представления о разрезе земной коры, начиная от осадочного чехла и кончая «базальтовым» слоем и границей Мохоровичича [4, 5]. Глубина планируемых скважин оценивалась в 15 км. Места расположения скважин были выбраны так, чтобы каждая скважина полностью вскрывала какой-либо сейсмический слой, наиболее развитый в месте бурения.

Скважина на Кольском полуострове планировалась для вскрытия «базальтового» слоя. Важным шагом на пути к изучению глубинного строения недр было создание в 1964 г. во Всесоюзном научно-исследовательском институте буровой техники лаборатории по бурению на мантию, которую возглавил Н. С. Тимофеев. В течение 1964–1966 гг. был проведен научный анализ технических проблем строительства сверхглубоких скважин, и намечены пути решения задач [19].

Было решено начать бурение Кольской скважины (СГ-3) в кристаллических породах Балтийского щита.

Был разработан технический проект первого этапа бурения (до 7000 м) СГ-3. Для бурения до глубины 15000 м специалисты завода «Уралмаш» разработали буровую установку «Уралмаш-15000». Обоснована перспективность технологии бурения гидравлическими забойными двигателями с применением, впервые в мире в области техники и технологии бурения сверхглубоких скважин, бурильных труб из легких алюминиевых сплавов, которые изготавливались на оборонных предприятиях авиационной промышленности. Разработан принципиально новый технологический подход, при котором конструкция скважины формировалась непосредственно в ходе строительства скважины [9].

Головной организацией в осуществлении намеченных задач было определено Министерство геологии СССР, а для реализации программы привлечено более 150 научных и производственных организаций этого министерства, АН СССР, академий союзных республик, Минвуза СССР и Минвуза РСФСР, отраслевых министерств и ведомств.

Кольская сверхглубокая скважина

Кольская сверхглубокая скважина (СГ-3) задумывалась в качестве научно-исследовательского проекта, нацеленного на изучение недр Земли. Одна из основных задач бурения скважины заключалась в достижении «базальтового» слоя земной коры. Предположение, что континентальная кора состоит из верхнего «гранитного» и нижнего «базальтового» слоев, строилось на основе сейсмических данных, свидетельствующих об увеличении плотности горных пород с глубиной.

Место заложения СГ-3 в 1968 г. было выбрано Межведомственной комиссией под руководством академика В. И. Смирнова (рис. 2). При заложении скважины был принят вариант, решающий практическую задачу по определению перспектив нижних горизонтов Печенгского рудного поля в отношении медно-никелевых руд. СГ-3 была заложена в северо-западной части Кольского полуострова, в 10 км к западу от г. Заполярного, где развиты древнейшие рудоносные тектонические структуры раннего протерозоя и архея. Проектная глубина скважины – 15 км [9].

Рис. 2. Межведомственная государственная комиссия по выбору места заложения СГ-3. Справа налево: начальник Кольской ГРЭ Д. М. Губерман на месте заложения СГ-3, академик В. И. Смирнов, начальник управления научно-исследовательских организаций Министерства геологии СССР Г. И. Горбунов, его заместитель Н. П. Лаверов

Выбор места заложения скважины СГ-3 определили результаты глубинного сейсмического зондирования по профилю Баренцево море – Печенга – Ловно, выполненного в 1958–1962 гг. [12]. Определено, что под центральной и северо-восточной частями Печенгской структуры верхняя граница «базальтового» или «гранулит-базальтового» слоя находится на наименьшей глубине.

Под Печенгским синклинорием была сейсмическая граница со скачкообразным ростом скорости продольных сейсмических волн от 6,1 до 6,5 км/с на глубине около 7–7,5 км. Этот скачок «маркирует» границу Конрада между «гранитным» и «базальтовым» слоем континентальной коры [11]. Считалось, что по данным сейсмологии граница Конрада на континентах фиксируется на глубинах 20–25 км, а в Печенгском районе глубина этой границы была оценена всего лишь в 7,5 км, что давало шанс достичь ее и получить образцы пород из недр при помощи сверхглубокого бурения с подъемом керна.

Бурение СГ-3 было поручено Кольской геологоразведочной экспедиции объединения «Волгокамскгеология» (с 1986 г. – НПО «Недра») Мингео СССР. На скважине работали до 3000 специалистов и 16 научно-исследовательских лабораторий. Начальником Кольской ГРЭ стал Д. М. Губерман, в команду геологов вошли В. С. Ланев, Ю. П. Смирнов и другие. Бурение было начато 24 мая 1970 г. не только с чисто научной целью – изучить древнейшие породы Земли и идущие в них процессы, но и обнаружить новые залежи медно-никелевых руд Печенгского рудного поля [5, 9].

Целью бурения СГ-3 являлось изучение глубинного строения докембрийских структур Балтийского щита, типичных для фундамента

Рис. 3. Буровые установки СГ-3 – «Уралмаш-4Э» 1970 г. (а), «Уралмаш-15000» 1984 г. (б)

древних платформ, и оценка их рудоносности. Основные задачи работ были следующие:

1. Изучить глубинное строение никеленосного Печенгского комплекса и архейского кристаллического основания Балтийского щита, выяснить особенности проявления на больших глубинах геологических процессов, включая процессы рудообразования.

2. Выяснить геологическую природу сейсмических границ в континентальной земной коре и получить новые данные о тепловом режиме недр, глубинных водных растворах и газах.

3. Получить максимально полную информацию о вещественном составе горных пород и их физическом состоянии, вскрыть и изучить пограничную зону между «гранитным» и «базальтовым» слоями земной коры.

4. Усовершенствовать имеющиеся и создать новые технологии и технические средства для бурения и комплексных геофизических исследований сверхглубоких скважин [9].

Основой решения этих вопросов должны быть результаты изучения керна геологическими, петрографическими, минералогическими, геохимическими методами с применением оптических, рентгеновских, микрозондовых, термических, химико-аналитических, спектроскопических и других способов анализа.

Вначале бурение велось серийной буровой установкой «Уралмаш-4Э», которую применяли для разведки и добычи нефти и газа. Проходка заняла 4 года (рис. 3).

Первый этап бурения завершен в мае 1975 г., когда скважина достигла глубины 7263 м. К этому времени был пересечен разрез раннепротерозойской северопеченгской вулканогенно-осадочной серии

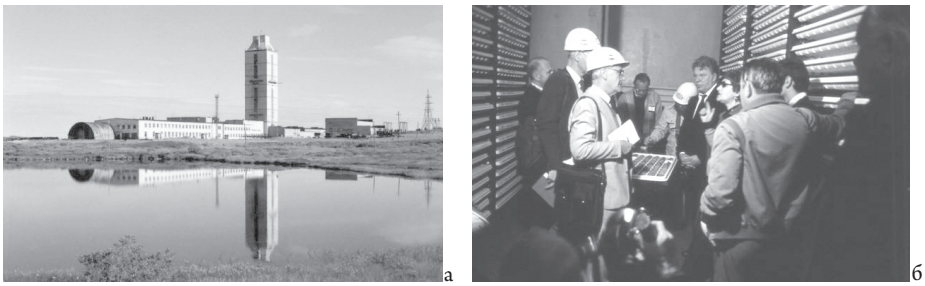
пород, и скважина вошла в подстилающие их архейские гнейсы. Успешное осуществление первого этапа бурения оказало решающее влияние на разработку оптимального пути развития сверхглубокого бурения. Одним из важнейших технических достижений этого этапа бурения была отработка технологии проводки скважин в кристаллических породах до 7 км при помощи бурового оборудования и инструмента отечественного производства [9]. Буровая установка «Уралмаш-4Э» была разобрана, а на ее месте смонтирован специально созданный комплект бурового оборудования «Уралмаш-15000» грузоподъемностью 400 т с максимальной автоматизацией и регулированием основных технических процессов.

В 1976 г. начался второй этап бурения. С помощью этой установки велось дальнейшее бурение, и она позволила проникнуть вглубь земной коры на 12262 метра. В июне 1979 г. скважина побила рекорд в 9583 метра, принадлежащий скважине США, достигнув глубины 9584 метра. В 1983 г. скважина достигла глубины 12066 м. По состоянию на 01.05.1991 г. глубина скважины составляла 12262 м [10].

В процессе бурения СГ-3 был решен ряд сложных технических проблем. На глубинах более 8 км контролировать работу долота по наземным датчикам и приборам оказалось практически невозможным. Исследования выявили перспективность гидравлического канала связи для передачи информации от забойных датчиков на поверхность методом частотной модуляции импульсов давления в жидкости [6]. Наиболее важными были требования обеспечения максимального отбора керна и сохранения вертикальности ствола. 27 декабря 1983 г. глубина скважины достигла 12000 м, буровики готовились к бурению до проектной глубины (рис. 4).

После достижения рекордной глубины 12066 метров бурение было приостановлено, так как шла подготовка к XXVII сессии Международного геологического конгресса, который проходил в 1984 году в Москве. Выдающиеся достижения СССР в области глубинного исследования недр Земли привлекли широкое внимание геологов и других специалистов во всем мире. На специальной сессии Конгресса были доложены основные результаты изучения, а также организована специальная экскурсия министров геологии многих стран мира. Кольская сверхглубокая скважина была признана самым выдающимся достижением мировой науки XX века [10] и внесена в книгу

Рис. 4. Этапы бурения СГ-3, 10000 м (а), прием и укладка керна (б), 12000 м (в)



а б

Рис. 5. Кольская сверхглубокая скважина (а), экскурсия МГК в 1984 г. на СГ-3 (б)

рекордов Гиннеса как мировое достижение [9,13] (рис. 5).

В 1990 г. была достигнута максимальная глубина – 12262 м., не превзойденная до сих пор. Однако резкое сокращение финансирования не позволило продолжить работы. Бурение прекратили в 1992 году. Предполагалось, что СГ-3 после завершения бурения будет превращена в уникальную лабораторию для исследования с помощью специальных приборов глубинных процессов, протекающих в земной коре. Однако в 1995 г. все научные работы были прекращены, сама скважина законсервирована, а оборудование демонтировано [13,14].

Особенности технологии бурения СГ-3

Бурение Кольской скважины было осуществлено с применением только отечественной техники и технологии. Все оборудование для бурения было сделано на предприятиях оборонной промышленности, также как при работе по проектам создания атомного оружия и космических кораблей. Была создана уникальная буровая установка «Уралмаш-15000» грузоподъемностью 400 т, при давлении нагнетания бурового раствора 40 МПа, с максимальной автоматизацией процессов бурения. Установка была рассчитана для проходки скважин до глу-

бины 15 км [9]. Основными техническими решениями, обусловившими успешную проходку СГ-3 на больших глубинах были: 1) применение призабойного гидравлического турбобура вместо классического роторного бурения; 2) использование буровых труб из легких сплавов, позволившее резко снизить вес буровой колонны; 3) технология бурения опережающим стволом.

Эти решения позволили добиться лучших результатов при использовании отечественной буровой техники с меньшими параметрами, чем на зарубежном оборудовании для сверхглубокого бурения. Так, грузоподъемность советской буровой установки составляла 400 тонн против 600–800 тонн, а давление создаваемое насосами – 40 МПа против 50 МПа у зарубежных установок. При бурении СГ-3 на больших глубинах использовались бурильные трубы из различных алюминиевых сплавов со стальными замками. Эти трубы обладали теплостойкостью от 100 до 200°С, что позволяло применять их на глубинах спуска от 6000 до 13000 метров. Общий вес буровой колонны из таких труб достигал 200 тонн. Аналогичная колонна, собранная из стальных труб, просто оборвалась бы под собственным весом. Нарезка резьбы на трубах производилась непосредственно на Кольской сверхглубокой.

На установке «Уралмаш-15000» вместо роторного способа бурения (когда с помощью двигателя, установленного на поверхности, вращается вся буровая колонна) было применено турбинное бурение, при котором вращается не вся колонна, а только нижняя часть с буровым инструментом. Через колонну под давлением до 40 МПа подается буровой раствор, вращающий стоящую внизу многоступенчатую турбину длиной 46 м, с бурильной головкой диаметром 214 мм. Сама буровая колона при этом остается неподвижной. Через все секции турбины проходила труба – керноприемник, где собирался керн выбуренной породы. Применение данной технологии позволило снизить напряжения, особенно скручивающие, возникающие в буровой колонне, что в свою очередь позволило широко применять легкосплавные трубы (рис. 6).

На СГ-3 конструкция скважины формировалась непосредственно в ходе бурения на основании текущей информации о геологической обстановке. Этот способ строительства с использованием опережающего ствола был разработан в ВНИИБТ. После цементации первой обсадной колонны в нее опускается промежуточная съемная колонна и закрепляется на поверхности. В 1992 году была проведена уникальная операция

а б в г

Рис. 6. Буровая СГ-3, спуск турбобура (а), буровая коронка с керном (б), кернохранилище (в), образец с глубины 12 км (г)

по обсадке скважины до глубины 8770 метров. К этому моменту длина открытого ствола составляла более 10000 м, и он пересек четыре зоны тектонических осложнений.

Этот метод бурения позволил в 5-6 раз сократить металлоемкость конструкции скважины, исключил износ обсадных колонн, предотвратил осложнения и обеспечил возможность бурения на большие глубины, повысил информативность внутрискважинных исследований за счет сохранения ствола открытым длительное время. Всего в рамках подготовки к бурению сверхглубоких скважин промышленность освоила производство более 30 новых видов буровой техники. Скважина бурилась с научными целями, особое внимание было обращено на необходимость максимального отбора керна на всем ее протяжении. Для бурения в кристаллических породах было создано несколько типов бурового инструмента, позволяющих осуществлять отбор керна.

Для бурения скважины были сконструированы породоразрушающие инструменты и забойные двигатели для глубинных условий, с буровыми твердосплавными коронками. Одна коронка служила около 4 часов с проходкой 7–10 метров. При глубине скважины более 8000 м на спуск и подъем колонны уходило до 18 часов с автоматической разборкой ее на секции. На СГ-3 впервые в мире использовалась система контроля и управления процессом буровых работ [9, 10].

Ключевым вопросом бурения СГ-3 было сохранение вертикальности ствола скважины. Инклинометрия осуществлялась между циклами бурения через каждые 100 м проходки. На больших глубинах в дополнение к ней привлекались и другие геофизические методы: кавернометрия, акустический и сейсмический каротажи, гамма-каротаж, нейтронный каротаж, боковой каротаж, магнитометрия. Комплексный

подход к управлению навигацией дал возможность успешно выполнить важнейшее требование: не допустить отклонения ствола от вертикали более одного градуса на километр. Мировой рекорд проходки: на глубине 12 км отклонение не превысило 6 градусов [1].

27 сентября 1984 года бурение СГ-3 было продолжено. Пробурили очередной 9-метровый интервал, однако на глубине более 12 км произошла авария: оборвалась буровая колонна. При подъеме произошел прихват бурильной колонны. В скважине остались турбобур и 5 км бурильных труб. Лишь спустя 7 месяцев бурение возобновили заново с глубины 7000 м.

Подобных сложностей, совершенно неожиданных, в процессе бурения СГ-3 и с отбором керна возникло немало. До глубины примерно 7 км скважина пересекала прочные, сравнительно однородные протерозойские вулканогенно-осадочные породы, и поэтому ствол скважины был ровный. Глубже 7 км пошли менее прочные трещиноватые, переслаивающиеся архейские породы – гнейсы, амфиболиты. Бурение осложнилось, а ствол принял овальную форму, появилось множество каверн, участились аварии. После крупнейшей аварии 1984 года – снова подошли к глубине 12 км только через 6 лет.

Всего в скважине было пробурено 12 обходных стволов. Четыре из них имели протяженность от 2200 м до 5000 м. Разветвленность скважины огорчила буровиков, но обрадовала геологов, которые неожиданно получили объемную картину внушительного массива древних архейских пород, сформировавшихся более 2,5 млрд. лет назад. Ниже 7 км скважина представляет собой многоствольную горную выработку, первый ствол которой закончен на глубине 11662 м, второй, пройденный из первого с глубины 9378 м, достиг 12066 м, третий, начатый на глубине 7010 м из первого, завершился на 12262 м и, наконец, четвертый, забуренный в третьем на глубине 9649 м, достиг 11882 м.

Керноотборный снаряд МАГ 195/60 (магазинный) представляет собой устройство, которое присоединяется к валу турбобура и снабжено системой гидротранспорта керна по приемной трубе в керносборник. Эти снаряды с системой гидротранспорта способны вместить до 20 м керна диаметром 60 мм. Более 70 % интервала бурения пройдено с отбором керна при среднем его выносе 40,1 % в целом по скважине. Продолжительность одного спуско-подъема инструмента при глубине 12000 м – 21 час (рис. 5 б) [19].

Ствол СГ-3 имеет диаметр и круглую форму сечения только в верхних интервалах – до 6000 м. Кавернозные зоны в стволе были только в зонах тектонических нарушений, где он имел сложную изометричную форму. На глубинах более 7000 м ствол скважины имел эллипсовидную форму сечения. Кавернозные зоны были приурочены к тектоническим нарушениям. В верхних интервалах ствол скважины в основном устойчив к гидродинамическим и механическим воздействиям, а в породах архея внешние воздействия привели к обрушениям стенок скважины и значительным изменениям ее радиальных размеров. В 1992 г. была проведена уникальная операция по монтажу в стволе СГ-3 обсадной колонны до 8000 м, для продолжения бурения скважины до глубины 13 км. К сожалению, несмотря на это, дальнейшее бурение было прекращено.

Геологические результаты бурения

Главной задачей бурения Кольской сверхглубокой скважины являлось изучение глубинного строения и рудоносности древней континентальной коры: получение глубинного геологического разреза; всестороннее исследование вещественного состава горных пород и характера их изменения с глубиной; выяснение особенностей проявления эндогенных геологических процессов в глубоких частях земной коры и связи с ними процессов рудообразования; выяснение геологической природы глубинных геофизических границ и геофизических параметров геологических толщ [10]. Основой решения этих вопросов являлись данные, полученные при изучения керна, который отбирался по разрезу скважины непрерывно и изучался комплексно: различными методами. В результате была получена уникальная информация, зачастую существенно менявшая представления о глубинном строении недр (рис. 7).

Проходка СГ-3 опровергла существовавшие ранее представления о строении земной коры в районе Печенгской структуры. Проектный разрез скважины, составленный по данным сейсмических исследований, прогнозировал, что на глубине 4 км скважина выйдет из вулканогенно-осадочных пород Печенгской структуры и войдет в гранито-гнейсы архейского фундамента. Затем, разбурив трехкилометровый слой гранито-гнейсов, скважина должна была погрузиться в базальтовый слой. Однако породы Печенгской структуры простирались до глубины 6842 м и лишь затем сменились архейскими гранито-гнейсами. А базаль-

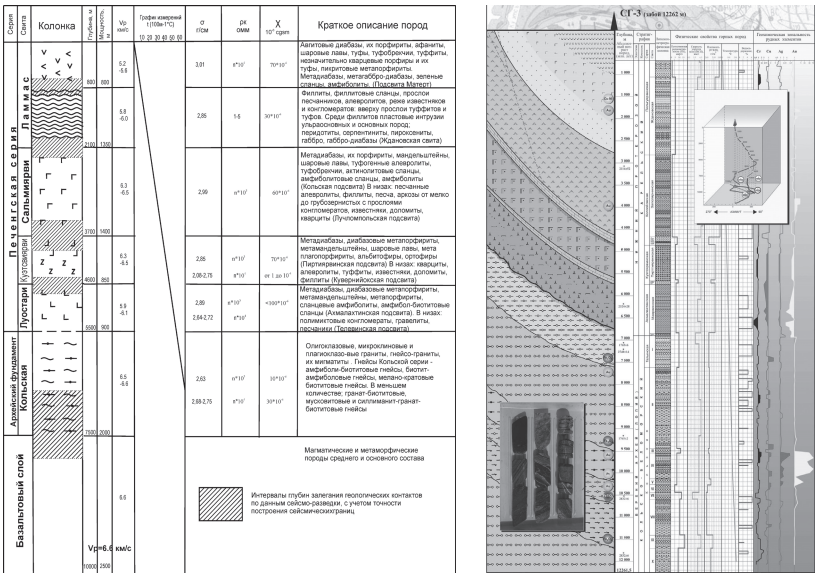


Рис. 7. Проектный (а) [1] и фактический (б) [10] геолого-геофизические разрезы СГ-3

товый слой вообще не был обнаружен – до самой рекордной глубины бур пробивался через гнейсы и амфиболиты архейской кольской серии.

На глубине 7,6 км была вскрыта не граница Конрада, а раздел между протерозойским осадочно-вулканогенным комплексом Печенгского синклинория и подстилающим его кристаллическим фундаментом, представленным верхнеархейским гранито-гейсовым комплексом кольской серии. Ниже раздела вплоть до 12 км было вскрыто чередование высоко-метаморфизованных гнейсов, амфиболитов и гранитов. По составу пород кольская серия в интервале 7,6–12,2 км полностью соответствует параметрам «гранитного» слоя континентальной земной коры [5, 6, 7]. Пришлось признать, что основной цели бурения – достижения границы Конрада – СГ-3 не достигла, но ее изучение дало богатейший материал для пересмотра методов интерпретации результатов ГСЗ, чтобы избежать в дальнейшем некорректного моделирования глубинной структуры рудоносных провинций на территории Евразии.

При исследовании образцов керна было установлено, что уплотненные гранитоиды при сейсмологических исследованиях воспринимались геофизиками в качестве более плотных, по сравнению со стандартными породами. Это новая геологическая информация, ко-

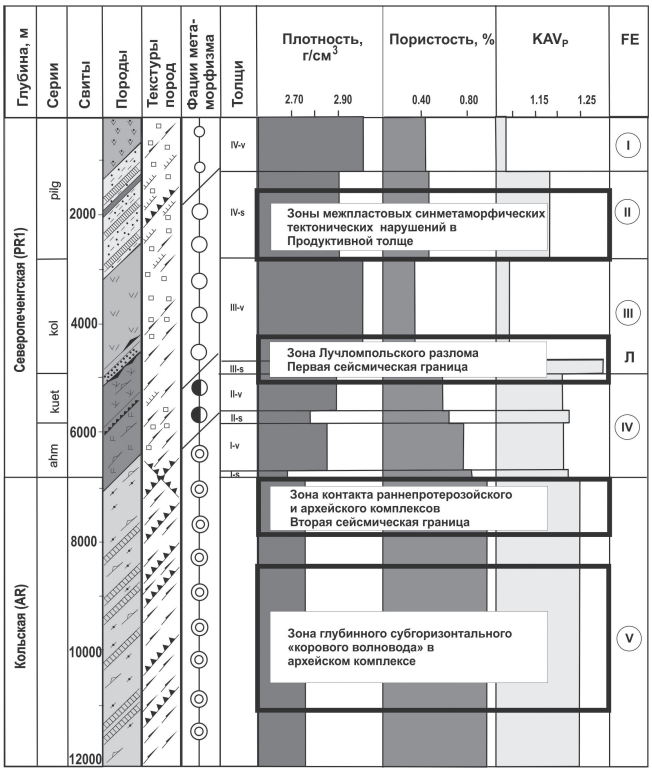


Рис. 8. Формализованный разрез СГ-3 с зонами тектонических нарушений [13]

торая позволяет по-другому интерпретировать данные глубинных геофизических исследований (рис. 8).

Расположение скважины на Северном крыле Печенгской структуры было выбрано с таким расчетом, чтобы оценить перспективы глубоких горизонтов в отношении медно-никелевого оруденения. Эта задача в ходе бурения была успешно решена. На глубине 1,5–1,7 км в средней части продуктивной толщи скважина обнаружила ранее неизвестное тело никеленосных гипербазитов [9, 10].

Важную роль в структуре Печенгского рудного поля занимают межпластовые тектонические зоны синметаморфического рассланцевания, которые привели к формированию чешуйчато-блоковых структур. В разрезе СГ-3 и на поверхности выделены четыре тектонических зоны. Значения петрофизических параметров пород в межпластовых тектонических зонах характеризуются наиболее высокой плотностью, пористостью и KAVp.

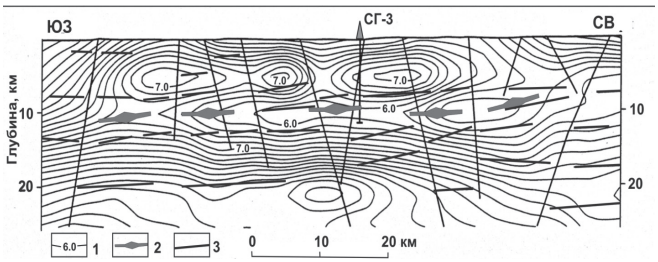


Рис. 9. Сейсмогеологический (скорость Vp) и сейсмический (МОВЗ-МРС) разрез через Печенгскую структуру [15]

1 – изолинии скоростей Vp в км/с (до глубины 25 км в изолиниях), 2 – ось волновода; 3 – границы, установленные по МОВЗ

Вместо «поверхности Конрада» (кровля базальтового слоя) был выявлен субгоризонтальный «коровый волновод», своеобразная зона разуплотнения, перемещение тектонических блоков по этим зонам обеспечило чешуйчато-надвиговое строение всего Лапландско-Печенгского блока. Исследования геологического пространства и скоростей упругих волн в разрезе СГ-3 привели к выводу о наличии волноводов и флюидонасыщенных зон в архейском комплексе пород на больших глубинах [15, 16]. Однако данные о строении самого волновода были и остаются отрывочными и противоречивыми. В этом плане особенно показательны результаты сопоставления глубинного разреза МОВЗ с сейсмотомографическим разрезом (рис. 9).

Они свидетельствуют о существовании под Печенгской структурой почти горизонтальной зоны пониженных скоростей Vp, осевая поверхность которой пересечена скважиной СГ-3 на глубине около 10 км. Общая мощность зоны волновода составляет порядка 5 км. Верхняя граница волновода прослеживается прерывистой границей обменов, которая одновременно является и подошвой высокоскоростных линзовидных аномалий в верхней части коры. Нижняя граница волновода выражена более устойчивой границей обменов, которая на протяжении всего профиля контролирует положение кровли высокоскоростного слоя.

Петрофизические данные, полученные для опорных образцов керна архейских пород и их аналогов с поверхности, доказывают, что на глубинах 8.5–11.5 км присутствуют гнейсы со средней скоростью Vp – 5.57 км/с и амфиболиты со средней скоростью Vp – 6.29 км/с. Именно они создают тот каркас волновода, в котором развиваются более

поздние процессы. В качестве возможных причин возникновения волновода можно исключить насыщенность разреза СГ-3 метабазитами и степень мигматизации метаморфических пород, поскольку они не обнаруживают закономерных вариаций по глубине.

Самостоятельным структурным элементом зоны волновода в разрезе скважины СГ-3 являются зоны катаклаза и регрессивного метаморфизма. Существует предположение, что именно они могут являться флюидонасыщенными рефлекторами. Однако петрофизические данные показывают, что регрессивные изменения в гнейсах, амфиболитах и мигматитах приводят к уменьшению плотности, пористости, KAVp и увеличению скоростей Vp и Vs. Следовательно, их также нельзя рассматривать в качестве флюидонасыщенных сейсмических границ [7].

Остается еще одна альтернатива – еще более молодые зоны открытой трещиноватости, заполненные флюидами. В пользу этого предположения свидетельствует продолжение предполагаемого волновода в акваторию шельфа Баренцева моря и однотипная инверсия скоростей S- и P-волн на глубине 8–10 км там и здесь. Отсутствие представительного кернового материала и приборов, которые бы позволили отбирать на больших глубинах пробы флюидов и газов, поступающих из окружающих пород и трещинных зон, приводят к предположению, что для зоны волновода характерно наличие открытой трещиноватости.

Результаты структурно-петрологических и петрофизических исследований опорных образцов керна из архейской части разреза Кольской сверхглубокой скважины и их аналогов с поверхности имеют кардинальное значение для характеристики того каркаса, в котором в глубинных зонах континентальной земной коры развивались более поздние процессы, а также проливают свет на постоянно дискутируемый вопрос об аномально высокой пористости и аномально низких скоростях упругих волн на глубоких горизонтах скважины, имеющий прямое отношение к проблеме сейсмических границ и волноводов.

Параметры физико-механических свойств опорных образцов керна и их аналогов с поверхности показывают, что на глубинах 8–12 км присутствуют гнейсы и амфиболиты с нормальными для таких пород плотностью (2.71–2.74 и 3.05–3.06 г/см^3), скоростями Vp (5.57–5.83 и 6.29–6.50 км/с) и Vs (2.72–3.18 и 3.31–3.45 км/с) волн. Декомпрессия при подъеме образцов керна на поверхность приводит к их разуплотнению, в результате чего пористость может возрасти в два раза.

Результаты этих исследований дают основание предполагать, что in situ архейские гнейсы и амфиболиты обладают пористостью 0.5 %.

Установлено, что в интервале от 8 до 12 км в архейском комплексе формировались более поздние зоны регрессивного метаморфизма и трещиноватости. Эти зоны, насыщенные флюидами, не могут являться пологими глубинными рефлекторами. Предполагается, что флюидонасыщенные пологие сейсмические границы связаны с наиболее поздними зонами открытой трещиноватости, непосредственно продолжающимися из Балтийского щита в шельф Баренцева моря.

Измерения температуры на больших глубинах Балтийского щита показали, что температура с глубиной растет незначительно (примерно 8–10°С на 1 км). Однако реальная температура в скважине на глубине 10 км достигла 180°С, а на глубине около 12 км значения температур достигли 212°С, вместо предполагавшихся 120°С [14].

Рудная минерализация в разрезе СГ-3

Изучение СГ-3 показало присутствие рудной минерализации в древней континентальной земной коре на всем интервале в 12 км (рис. 10). В зависимости от сочетаний рудных элементов, форм их нахождения и минеральных парагенезисов в разрезе выделены семь основных типов рудной минерализации: 1) сульфидная медно-никелевая и платинометальная, 2) сульфидная железная, 3) оксидная железная, 4) оксидная железо-титановая, 5) сульфидная медно-цинковая, 6) золото-серебряная, 7) паладиевая. Первые четыре типа сопоставимы с оруденением в протерозойской Печенгской структуре и ее архейском обрамлении по минеральному составу, характеру вмещающих пород и генезису.

Возможно, это связано с повышенной тектонической активностью в глубинных горизонтах земной коры. В зонах циркуляции подземных вод, зафиксированных на больших глубинах (6,5–11,5 км и более), происходило отложение низкотемпературной гидротермальной минерализации (медной, медно-цинковой, никелевой).

В разрезе медно-никелевое оруденение приурочено к измененным перидотитам и филлитам и представляет ранее неизвестную зону в средней части продуктивной толщи. По структурно-текстурным особенностям и минеральному составу медно-никелевое оруденение СГ-3 сходно с детально изученными главными промышленными ти-

Рис. 10. Вертикальная рудная зональность в разрезе СГ-3 [14]

пами сульфидных медно-никелевых руд Печенги, что свидетельствует об их одинаковом генезисе и большой выдержанности по падению. Источником оруденения явились интрузивы ультраосновных пород. Первично-магматические структуры сульфидно-силикатных срастаний сохранились лишь в убого вкрапленных рудах. Метаморфизм вызвал перекристаллизацию и переотложение рудных минералов, проявившееся во вкрапленных рудах в перидотитах и брекчиевидных и прожилково-вкрапленных рудах.

В кольской серии скважина пересекла железистые кварциты, железо-титановые руды в метабазитах и мусковитоносные пегматиты. На глубинах от 6 до 11 км в низах северопеченгской серии и в кольской серии скважина вскрыла гидротермальную сульфидную минерализацию, приуроченную к зонам трещиноватости и регрессивного метаморфизма амфиболитов и гнейсов. Наряду с рассеянной вкрапленностью сульфидов для этих зон характерно присутствие сульфидов в составе хлорит-карбонат-кварцевых прожилков, сходных по своему облику и составу с прожилками месторождений «близповерхностного» типа, в том числе медно-порфирового.

На глубоких горизонтах СГ-3 в породах кольской серии зафиксированы проявления регрессивного дислокационного метаморфизма. Тектоническая природа зон регрессивного метаморфизма доказывается морфологическими признаками минерализованных трещин, а также перемещениями по типу сдвига разновозрастных жилок разного состава. Обычно это согласные со сланцеватостью зоны (мощностью 10–15 м) катаклаза и трещиноватости гнейсов и амфиболитов, в которых олигоклаз, высокоглиноземистая роговая обманка, биотит, гранат и другие минералы амфиболитовой фации замещаются альбитом, эпидотом, актинолитом, хлоритом, пренитом, серицитом, калишпатом. Судя по минеральным парагенезисам, даже на максимальных глубинах регрессивный метаморфизм происходил при температуре порядка 300°С, отвечающей границе между пренит-пумпеллиитовой и зеленосланцевой фации. В зоне глубинного разлома вблизи милонитового шва, проходящего по контакту амфиболитов и мигматитов, последние катаклазированы и рассечены тонкими трещинами, выполненными пренитом, вторичным кварцем, карбонатом, хлоритом, серицитом. Измененные мигматиты содержат вкрапленность халькопирита.

Наиболее распространенными рудными минералами сульфидной минерализации являются пирротин, пирит и халькопирит, ассоциирующие в прожилках с кварцем, карбонатом, хлоритом, пренитом, эпидотом и другими жильными минералами. Более редкие рудные минералы представлены сфалеритом, галенитом, борнитом, молибденитом, аргентопентландитом, зигенитом.

Минерализация установлена в зонах регрессивного дислокационного метаморфизма в интервале 6,2–12 км. Наряду с рассеянной вкрапленностью наиболее широко распространенных сульфидов – пирротина, пирита и халькопирита, она представлена хлорит-карбонат-кварцевыми прожилками, в которых наблюдаются более редкие и более разнообразные по составу сульфиды – сфалерит, галенит, борнит, молибденит, аргентопентландит, зигенит. В прожилках в метабазитах печенгской серии на глубине 6380 м встречается аргентопентландит, образующий мелкие выделения в халькопирите и реже в пирротине в ассоциации с пентландитом и сфалеритом. Состав аргентопентландита, по данным микрорентгеноспектрального анализа, %: Fe 32,9; Ni 20,7; Ag 13,8; S 32,0; сумма 100,4. Его присутствие свидетельствует об эпигенетическом происхождении гидротермальной сульфидной минерализации.

Температуры образования гидротермальной сульфидной минерализации оценивались по распределению кобальта в срастаниях пирротина и пирита. Значения температур, вычисленные по коэффициенту распределения кобальта в этих сульфидах, в основном укладываются в интервале 184–323°С, т. е. они существенно более низкие, чем температуры, характерные для амфиболитовой фации метаморфизма вмещающих пород.

Неожиданным результатом изучения СГ-3 стало открытие повышенных содержаний золота в интервале 9500–11000 м, сложенном амфиболитами и гнейсами архейского возраста (2.6–2.8 млрд. лет), метаморфизованными в условиях амфиболитовой фации при 500–650°С и 3.5–6 кбар [8]. Оно было обнаружено с помощью нейтронно-активационного анализа и подтверждено результатами минераграфических исследований. В интервале 410 м содержание золота превышает 0.1 г/т, а местами достигает 1–6.7 г/т. В шлифах из керна обнаружены мельчайшие выделения самородного золота, представленного (размером до 10 мкм) чешуйками и зернами неправильной формы в биотите, роговой обманке, плагиоклазе [3]. Иногда чешуйки золота располагаются по спайности биотита. Золото не образует срастаний с другими рудными минералами и содержит до 26 % серебра.

Верхняя граница золотоносного интервала совпадает с крупным разломом (9500–9700 м), который проявлен в керне скважины резким переходом от пологозалегающих биотит-амфиболитовых гнейсов к крутопадающим железистым кварцитам, горнблендитам, тальк-тремолит-флогопитовым сланцам и дайкообразному телу среднепротерозойских порфировидных гранитов лицко-арагубского комплекса (1.76 млрд. лет) (рис. 11, А). Золотая минерализация пространственно совпадает с зонами регрессивных изменений, что говорит о ее структурном контроле [15]. Детальные минералогические исследования проводилось в ИГЕМ РАН с помощью сканирующей аналитической электронной микроскопии (СЭМ) (микроскоп JSM-5610LV + ЭДС INCA-450). Поиск золотосодержащих включений проводился в режиме отраженных электронов.

В образце с глубины К-9630 м обнаружены частицы золота с серебром, палладием и висмутом размером несколько микрон в ассоциации с халькопиритом в диопсидовой матрице. В образцах с глубины К-10167 м найдены частицы золота размером до 10 микрон с содержанием се-

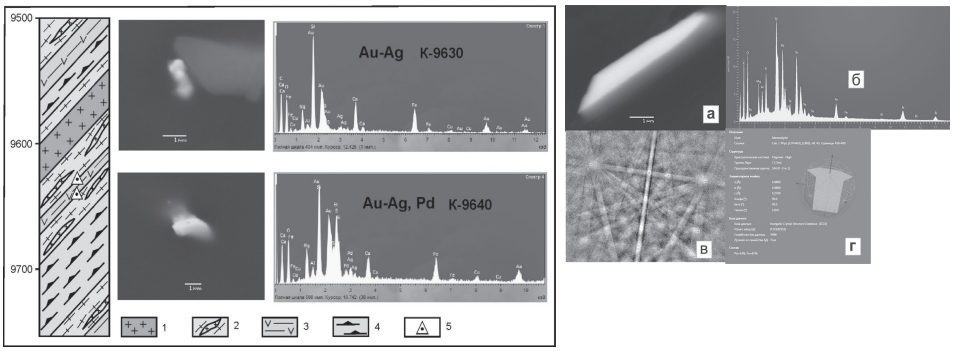


Рис. 11. Сканирующая электронная микроскопия золотой (А) минерализации в зоне разлома 9500–9700 м. 1 – среднезернистые граниты; 2 – гнейсы с прослоями мигматитов; 3 – рассланцеванные амфиболиты; 4 – бластокатаклазиты, 5 – образцы керна, Б – палладиевая минерализация в отраженных электронах СЭМ: а – кристалл меренскиита, б – ЭДС-спектр от кристалла меренскиита, в – картина дифракции на отражение от кристалла меренскиита, г – результат автоматической диагностики, приведенной на (в) дифракционной картине

ребра до 12 мас. %, которые фиксировались по трещинам в роговой обманке. Впервые установлено наличие золота в сульфидах.

Впервые в образцах из зоны разлома (около 10 км) СГ-3 выявлена палладиевая минерализация [17]. Исследования проводились в лаборатории кристаллохимии минералов ИГЕМ РАН методами аналитической электронной микроскопии на сканирующем электронном микроскопе (СЭМ) JEOL JSM-5610 с энергодисперсионным спектрометром (ЭДС) Oxford AZtec. Диагностирован собственный палладиевый минерал – меренскиит (рис. 15, Б). Наиболее яркими особенностями меренскиита из СГ-3 являются полное отсутствие в нем платины и необычно высокое содержание висмута, что связано с низкотемпературными условиями (184–323 °С) его образования из флюида, резко обогащенного висмутом. Это также подтверждается многочисленными находками сопутствующих висмутовых минералов (самородных и интерметаллидов, сульфидов, теллуридов и сульфотеллуридов). Наряду с самородным висмутом, висмутином, широким спектром теллуридов и сульфотеллуридов висмута (цумоит, теллуровисмутит, пильзенит, жозеит, алексит?), нами были встречены точно не установленные Au-Bi и Ag-Bi фазы в тесных срастаниях с предположительно котульскитом. Сопутствующая благороднометальная минерализация была представлена самородными серебром и золотом, акантитом и гесситом. Изучение состава

частиц золота, размер которых составляет первые десятки микрон, и ассоциирующих с ними минералов показало, что можно выделить два типа золота: первичное – низкопробное, где примесь серебра достигает 27 мас. % и вторичное – высокопробное золото, содержащее сравнительно небольшое количество серебра (до 12 мас. %). Впервые установлено золото в сульфидах.

Таким образом, обнаружен новый для СГ-3 тип оруденения – благороднометалльно (Au-Ag-Pd) редкоэлементный (Bi-Te).

Вопрос о положении золотого оруденения в разрезе СГ-3 в общей последовательности эндогенных процессов остается открытым. Возможны три варианта: 1) перераспределение золота при метаморфизме за счет первичных концентраций во вмещающих породах; 2) избирательное осаждение на периферии зон регрессивных изменений и гидротермальной сульфидной минерализации; 3) отложение из восстановительных флюидов глубинного происхождения.

Исследование флюидных включений (ФВ) в кварцевых прожилках из керна золотоносного интервала показало наличие в нем ФВ 4 типов [23]: (рис. 12) 1) газовых ФВ плотной углекислоты; 2) двухфазовых ФВ водно-солевых растворов; 3) трехфазовых ФВ хлоридных рассолов, содержащие кубический кристалл NaCl, и 4) ФВ углекислотно-водно-солевых флюидов. Исследование индивидуальных ФВ методом LA ICP MS показало наличие высоких концентраций Au (0.7–8081 ppm, 174 анализа) в индивидуальных ФВ всех типов во всем исследуемом диапазоне глубин (9050–11000 м).

Прецизионные оптические исследования доказали присутствие в ФВ наночастиц золота. Доказательство того, что Au и Ag находятся в ФВ в форме наночастиц, было получено при регистрации с помощью конфокального микроскопа спектров пропускания в оптическом диапазоне в разных частях ФВ с шагом 1 мкм по глубине. При записи спектров в плотной углекислоте ФВ типа 1 было обнаружено, что вблизи границы флюид/кварц эти спектры имеют выраженную полосу в области около 440 нм (рис. 13). Такая полоса характерна для плазмонного поглощения наночастиц сферической формы диаметром около 10 нм, содержащих Au и Ag, причем доля Ag составляет около 75 %. В спектрах других областей раствора ФВ и во вмещающем кварце такая полоса не наблюдается. Однотипные данные были получены для 3 ФВ, имеют одинаковые тренды и однозначно доказывают наличие наноча-

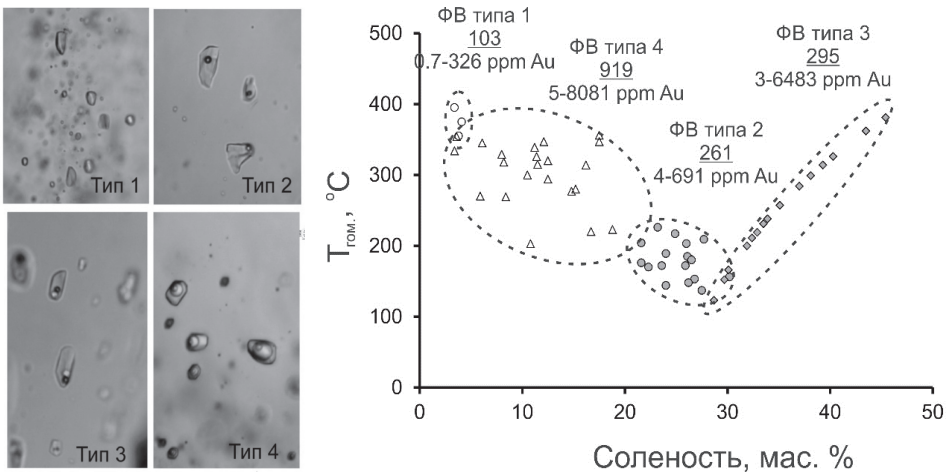


Рис. 12. Типы флюидных включений в кварце золотоносного интервала Кольской сверхглубокой скважины: тип 1 – газовые; тип 2 – двухфазовые газово-жидкие, тип 3 – трехфазовые с кристаллом галита, тип 4 – углекислотно-водные. Типы ФВ и концентрация золота в них на диаграмме «температура гомогенизации – соленость минералообразующего флюида»

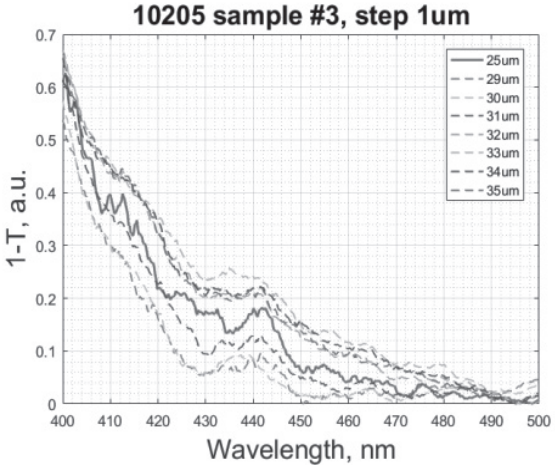


Рис. 13. Спектры пропускания в оптическом диапазоне в разных частях углекислотного ФВ

стиц Ag-Au в растворе ФВ вблизи границы флюид/кварц. Подобное скопление наночастиц на межфазной границе жидкость/твердое тело также является характерным для наносистем [23].

Полученные данные показывают, что флюиды с высокими концентрациями золота могут встречаться в обстановке средней коры. Средняя и нижняя кора соответствует глубинам, на которых происходит мобилизация флюидов, образующих орогенные месторождения золота [22]. Оценки концентрации золота в минералообразующих флюидах орогенных месторождений составляют 0,5–5 ppm [21]. Это примерно на 3 порядка ниже установленных нами концентраций золота во флюидах из кварца золотоносного интервала Кольской сверхглубокой скважины.

Принципиально новыми оказались и данные о процессах рудообразования в глубинных слоях земной коры. На глубинах 9–12 км встретились высокопористые трещиноватые породы, насыщенные подземными сильно минерализованными водами. Эти воды – один из источников рудообразования. Раньше считалось, что такое возможно лишь на значительно меньших глубинах. Обнаруженные в скважине низкотемпературные ассоциации рудных минералов свидетельствуют о принципиальной возможности появления на этих глубинах их промышленных скоплений, не говоря уже о высокотемпературных рудных образованиях. Этот вывод имеет фундаментальное значение для развития учения о полезных ископаемых и поисков рудных залежей на больших глубинах [4]. Новые данные о рудообразовании на больших глубинах были зарегистрированы в качестве научного открытия № 28 в области наук о Земле.

«Звуки с больших глубин»

С бурением Кольской сверхглубокой скважины связан один курьезный случай. Все началось в 1989 году с публикации в малотиражной финской газете, посвященной мистике и паранормальным явлениям. В газете существовала специальная рубрика, в которой размещались истории, присланные читателями. При этом они не подвергались никакой проверке.

В опубликованном сообщении говорилось, что в Кольской сверхглубокой скважине на огромной глубине в условиях экстремальных температур и давлений микрофоном были записаны душераздирающие звуки, которые являются воплями душ грешников, попавших в ад. При этом самой записи никто тогда не слышал. Не обратив внимания, что эта новость была опубликована в первоапрельском выпуске газеты, ее растиражировали другие СМИ.

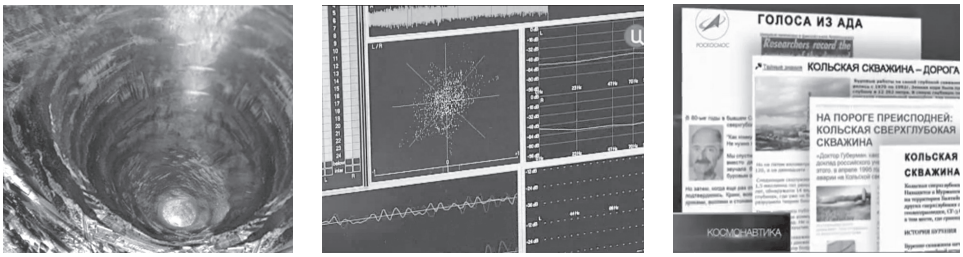


Рис. 14. Студийные записи звуков из скважины и публикации, посвященные этому вопросу

Газета «Комсомольская правда», как ни странно, в 2006 г. внесла некоторую ясность в эту историю: «Существует жуткая история про то, как советские бурильщики просверлили землю настолько глубоко, что достали до самого ада. Опустили в скважину микрофон и записали крики грешников. Недавно интерес к столь сверхъестественному достижению науки вспыхнул с новой силой – появилась сама запись. Звуки действительно напоминают гул толпы, пение, слышатся какие-то крики».

Бессменный руководитель Кольской ГРЭ Давид Миронович Губерман вынужден был неоднократно категорически опровергать эти россказни. «Ни малейшей правды. Я заявляю со всей ответственностью: никаких сенсаций на Кольской скважине не было. Никаких чертей мы не поднимали и никаких звуков не слышали. Шло нормальное, хоть и в сложнейших условиях, бурение сверхглубокой скважины. А вот открытия, сделанные благодаря скважине, действительно можно назвать сенсационными». Второе рождение новость получила с распространением интернета. При этом на американских сайтах появилась и сама запись загадочных звуков (рис. 14).

В ходе съемки специального фильма киноканалом ТВ-Центр «Кольская сверхглубокая. Дорога в ад» в 2012 году звуковые записи из интернета, якобы записанные в Кольской сверхглубокой скважине, были специально изучены специалистами. Самое главное, что спустить микрофон в ствол СГ-3 физически невозможно. Кабель микрофона длиной 12 км порвался бы под собственной тяжестью. Скважина заполнена буровым глинистым раствором. В этой среде никакой записи звуков не может быть.

Профессиональный звукорежиссер Евгений Федухин обработал эти данные на специальной аппаратуре и авторитетно заявил, что эти

звуки, выдаваемые как голоса из ада, были взяты из звуковых библиотек, созданных для звукового оформления фильмов. Запись звуков, якобы из Кольской скважины, по словам Е. Федухина, смонтирована из разных частей с наложением и является подделкой. Кроме того, журналисты одного из московских изданий смогли выйти на вполне реального автора всей этой адской истории. Им оказался некто Аге Рендалин, норвежец, которому, видимо, наскучила рутинная работа учителем в провинциальном городке, и он стал называть себя «спецсоветником юстиции Норвегии». Он оказался также большим выдумщиком. Когда с ним поговорили по душам, он с удовольствием признался в том, что это именно он запустил адскую утку в прессу, с тем чтобы проверить, насколько легко провести скандинавских журналистов. Провести их оказалось просто, а также многих читателей. Американцам нужна была сенсация, чтобы подтвердить наличие ада под землей на территории России. В данном случае использовались звуки из американского фильма ужасов «Кровавый барон» 1972 года. Но, несмотря на разоблачение фальсификации, эта история до сих пор продолжает гулять по просторам интернета.

Заключение

Кольская сверхглубокая скважина – выдающееся достижение мировой и российской геологической науки в развитии континентального бурения. Она была пробурена в рамках программы «Изучение недр Земли и сверхглубокое бурение». Все работы по этой программе были осуществлены с применением только отечественной техники и технологии в сложных условиях Арктической зоны России. Была создана уникальная буровая установка «Уралмаш-15000». Все оборудование для бурения было сделано на предприятиях оборонной промышленности СССР, также как создание космических кораблей.

Впервые в мире СГ-3 была пробурена с применением новейших отечественных технических средств, научного изучения глубинного строения земных недр. Были использованы новые материалы и технологии бурения, также создано уникальное буровое оборудование, позволяющее добраться до прежде недосягаемых глубин. Вот уже 50 лет этот результат остается непревзойденным. СГ-3 является прорывом в недра планеты Земля и может быть сопоставима только с полетом в космос.

Совместная работа ученых и специалистов из научных и производственных организаций различных министерств и ведомств позволила получить прямой вещественный материал с таких глубин и провести измерения различных параметров непосредственно в толще земной коры до глубины 12262 м с использованием нового научного оборудования, способного работать в условиях высоких температур и давлений. Полученные образцы горных пород с больших глубин по своему значению сопоставимы с образцами с Луны.

Геолого-геофизическая информация о глубинном строении Балтийского щита была существенно скорректирована, в соответствии с материалами бурения скважины. На основании изучения минерально-геохимического состава пород керна и проведения комплекса исследований в стволе СГ-3 были получены данные о вещественном составе и физическом состоянии глубинных пород.

Геофизическая граница, дающая наибольшее отражение при сейсмическом зондировании, где породы «гранитного» слоя переходят в более прочный «базальтовый слой», в разрезе СГ-3 свидетельствует, что там расположены менее прочные и менее плотные трещиноватые породы – архейские гнейсы. Вместо «поверхности Конрада» (кровля базальтового слоя) был выявлен субгоризонтальный «коровый волновод», своеобразная зона разуплотнения, перемещение тектонических блоков по этим зонам обеспечило чешуйчато-надвиговое строение всего Лапландско-Печенгского блока.

Новые данные получены при оценке температур на больших глубинах. Предполагалось, что в гранито-гнейсовом фундаменте Балтийского щита температура с глубиной растет незначительно (примерно на 8–10°С на 1 км). Реальная температура в СГ-3 на глубине 10 км достигла 180°С, а на глубине около 12 км – 212°С, вместо ожидаемых 120°С.

Установлена зональность протерозойского метаморфизма с глубиной: от пренит-пумпеллиитовой к зеленосланцевой (4900 м), эпидот-амфиболитовой (6000 м), амфиболитовой фациям (низы северопеченгской и архейской кольской серий (12000 м)).

Изучение СГ-3 показало присутствие рудной минерализации в древней континентальной земной коре на всем интервале в 12 км. Выделены семь типов минерализации: сульфидная медно-никелевая и платинометальная, сульфидная железная, оксидная железная, оксидная железо-титановая, сульфидная медно-цинковая и золото-сере-

бряная и палладиевая. Принципиально новыми оказались и данные о процессе рудообразования в глубинных слоях земной коры. Так, на глубинах 9–12 км встретились высокопористые трещиноватые породы, насыщенные подземными сильно минерализованными водами. Эти воды – один из источников рудообразования. Раньше считали, что такое возможно лишь на значительно меньших глубинах.

Запись звуков из ада с больших глубин, якобы из Кольской скважины, смонтирована с помощью современной аппаратуры из разных частей с наложением и является подделкой. Все записи, демонстрируемые в интернете, являются фейковыми.

Литература

Абдрахимов М. З., Виноградов А. Н., Кузнецов Ю. И. Полвека тверской школе промысловой геофизики Кольской сверхглубокой скважине СГ-3 / НТВ «Каротажник». Вып. 6 (312). 2021. С. 254–280.

Глаголев А. А., Генкин А. Д., Казанский В. И., Боронихин В. А., Гордиенко Л. П., Красивская И. С., Кузнецов А. В., Лобанов К. В., Носик Л. П., Прохоров К. В. Изучение эндогенных процессов по материалам сверхглубокого бурения // Эндогенные рудные районы и месторождения. М.: Наука, 1987. С. 129–144.

Казанский В. И., Новгородова М. И., Смирнов Ю. П., Боронихин В. А. Необычные минеральные ассоциации на нижних горизонтах Кольской сверхглубокой скважины // Геология рудных месторождений. 1989. Т. 31. № 6. С. 75–82.

Казанский В. И., Кузнецов О. Л., Кузнецов А. В., Лобанов К. В., Черемисина Е. Н. Глубинное строение и геодинамика Печенгского рудного района: опыт исследования Кольской сверхглубокой скважины / Геология рудных месторождений, том 36, № 6, 1994. С. 500–519.

Казанский В. И, Лобанов К. В. Глубинное строение и рудоносность древней континентальной земной коры (по результатам исследований Кольской сверхглубокой скважины) // Проблемы рудной геологии, петрологии, минералогии и геохимии, ИГЕМ РАН, 2004, Москва, С. 24–43.

Казанский В. И., Лобанов К. В. Структурно-геофизическая позиция, глубинное строение и условия локализации уникального Печенгского рудного поля (Балтийский щит) // Крупные и суперкрупные месторождения: закономерности размещения и условия образования, Москва, ИГЕМ РАН, 2004, С. 187–205.

Казанский В. И., Лобанов К. В., Шаров Н. В. От разреза Кольской сверхглубокой скважины к глубинным моделям Печенгского рудного района:

к 10-летию открытия № 28 в области наук о Земле//Вестник Российской Академии естественных наук. 2007. Т. 7. № 2, С. 3–7.

Козловский Е. А., Губерман Д. М., Казанский В. И. Рудоносность глубинных зон древней континентальной земной коры (по материалам Кольской сверхглубокой скважины)//Советская геология. 1988. № 9. С. 3–11.

Кольская сверхглубокая. Исследование глубинной структуры континентальной коры бурением Кольской сверхглубокой скважины. Е. А. Козловский (ред.). М.: Недра, 1984. 490 с.

Кольская сверхглубокая: Научные результаты и опыт исследований. Редакторы: Орлов В. П., Лаверов Н. П. М.: МФ «ТЕХНОНЕФТЕГАЗ», 1998. 260 с.

Литвиненко И. В. Особенности глубинного разреза земной коры северо-западной части Кольского п-ова и южной части Баренцева моря//В сб. «Геология и глубинное строение восточной части Балтийского щита». Л.: Наука, 1968. С. 90–96.

Литвиненко И. В., Ленина И. С. Некоторые результаты изучения сейсморазведкой глубинного строения Печенгской структуры//Геология и глубинное строение восточной части Балтийского щита. Л.: Недра, 1968. С. 139–147.

Лобанов К. В., Казанский В. И., Кузнецов А. В., Жариков А. В. Интегральная геодинамическая модель Печенгского рудного района на основе корреляции геологических, петрологических и петрофизических данных по Кольской сверхглубокой скважине и опорному профилю на поверхности//Современные проблемы рудной геологии, петрологии, минералогии и геохимии. ИГЕМ РАН, Москва, 2010, С. 258–300.

Лобанов К. В., Чичеров М. В., Чижова И. А., Горностаева Т. А., Шаров Н. В. Глубинное строение и рудообразующие системы Печенгского рудного района (арктическая зона России)//Арктика: Экономика и Экология. 2019. № 3. С. 107–122.

Лобанов К. В., Горностаева Т. А., Прокофьев В. Ю., Чичеров М. В. Кольская сверхглубокая – космический полет в недра Земли. Смирновский сборник 2020. Проблемы минерагении, экономической геологии и минеральных ресурсов. Москва. Издательство ООО «МАКС Пресс». 2020. С. 50–71.

Лобанов К. В., Чичеров М. В., Горностаева Т. А., Прокофьев В. Ю., Шаров Н. В. Кольская сверхглубокая скважина – прорыв в недра арктической зоны России. Всероссийская конференция с международным участием «Глобальные проблемы Арктики и Антарктики», посвященная 90-летию со дня рождения академика Николая Павловича Лаверова. 2–5 ноября 2020 г. г. Архангельск. ФИЦКИА УрО РАН. С. 38–43.

Лобанов К. В., Горностаева Т. А., Карташов П. М., Мохов А. В., Чичеров М. В. Проявление палладиевой минерализации на глубинных горизонтах Кольской сверхглубокой скважины//Доклады Российской Академии наук. Науки о Земле. 2021, том 499, № 2. С. 26–31.

Лобанов К. В., Чичеров М. В., Шаров Н. В. Пятидесятилетняя годовщина начала бурения Кольской сверхглубокой скважины//Арктика и Север, САФУ. Архангельск, 2021, № 44. С. 267–284.

Повалихин А. С. 50 лет научному прорыву в исследовании Земли. Кольская сверхглубокая скважина: путь к энергетическому и сырьевому обеспечению человечества // Инженер-нефтяник. 2020. № 1. С. 5–16.

Хитаров Н. И. К вопросу проведения сверхглубокого бурения на территории Советского Союза // Советская геология. 1961. № 6. С. 134–138.

Garofalo P. S., Fricker M. B., Günther D., Bersani D. Lottici P. P. Physical-chemical properties and metal budget of Au-transporting hydrothermal fluids in orogenic deposits. Geological Society of London Special Publication. 402. 71–102. (2014).

Goldfarb R. J., Groves D. I. Orogenic gold: Common or evolving fluid and metal sources through time. Lithos. 233. 2–26. (2015).

Prokofiev V., Banks D., Lobanov K., Selektor S., Milichko V., Boroviko A., Akinfiev N., Lüders V., Chicherov M. Exceptional Concentrations of Gold Nanoparticles in 1,7 Ga Fluid Inclusions From the Kola Superdeep Borehole, Northwest Russia // Scientific Reports. 2020. 10. 1108 https: //doi.org/10.1038/s41598-020-58020-8

ГАЙДА
Федор Александрович

доктор исторических наук, доцент,
исторический факультет МГУ
имени М. В. Ломоносова, ПСТГУ

А. Ф. ТРЕПОВ – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Александр Федорович Трепов (1862–1928) – безусловно, один из наиболее ярких государственных деятелей Российской империи предреволюционного времени. В мемуарной литературе с Треповым нередко даже связывается «последний шанс» монархии накануне Февраля 1917 г. [1]

А. Ф. Трепов происходил из очень известной тогда в России семьи. Он был младшим сыном петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова (1812–1889), которого в 1878 г. тяжело ранила террористка В. Засулич. Родные братья Александра Федоровича также были значимыми государственными деятелями. Генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов-младший (1854–1938) стал киевским, волынским и подольским генерал-губернатором (1908–1914). Генерал-майор Свиты Его Императорского Величества Д. Ф. Трепов (1855–1906) в январе 1905 г., после событий «Кровавого воскресенья», был назначен петербургским генерал-губернатором, затем товарищем (заместителем) министра внутренних дел и командующим отдельным корпусом жандармов. В 1905 г. он прославился

[1] Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914 –1917. В 2-х тт. М., 2017. Т. 2. С. 254, 305–313; Мосолов А. А. При дворе последнего российского императора. М., 1993. С. 237–238; Путилов А. С. Период кн. Голицына // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.

фразой из своего приказа: «холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Шталмейстер В. Ф. Трепов (1863–1918) стал сенатором и членом Государственного совета. Он был одним из лидеров консервативной антистолыпинской оппозиции в парламенте и в марте 1911 г. подал в отставку, потерпев поражение в борьбе с премьером.

Александр Федорович окончил элитный Пажеский корпус, поручиком вышел в отставку и начал службу в МВД. Вместе со своим начальником В. К. фон Плеве Трепов перешел в Государственную канцелярию, что было явным признанием деловых качеств молодого чиновника: Плеве был очень щепетилен в подборе кадров и в своем окружении лентяев не терпел [1]. Александр Федорович стал активным участником Петергофских совещаний 1905 г., решавших вопрос о новой политической системе страны. В 1906 г. Трепов был определен в Сенат, а в мае 1914 г. назначен членом Государственного совета, где подобно брату вошел в правую группу. Вероятнее всего, назначение состоялось благодаря протекции своего друга и мужа сестры – начальника канцелярии Министерства императорского двора А. А. Мосолова [2]. Возможно, определенную роль сыграл и председатель Государственного совета М. Г. Акимов, у которого Трепов ранее был подчиненным в Сенате.

В период Первой мировой войны в России были созданы Особые совещания, включавшие представителей правительства и законодательных палат для обсуждения вопросов тыла. Трепов стал членом наиболее значимого из этих учреждений – Особого совещания по обороне (ОСО). Александр Федорович и был убежденным сторонником существовавшего строя и противником политической активности общественных организаций [3]. Однако даже его недруги из оппозиционной среды признавали за ним деловые качества. Депутат-кадет А. И. Шингарев, также входивший в состав ОСО, давал Александру Федоровичу характеристику, в которой были и неприязнь, и уважение: «У него есть большое самолюбие в порученном ему деле. <…> Он всегда беспристрастен. Хорошо разбирает дела. Хороший докладчик». Соратник

---

1 Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 134.

2 Мосолов А. А. Указ. соч. С. 233.

3 Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 328–330.

Шингарева по оппозиционному Прогрессивному блоку А. И. Савенко подтверждал: «Самый умный из братьев, способный, чрезвычайно решительный, с большим характером. Но оппортунист, который может пойти куда угодно. Если будет затронуто самолюбие, может далеко пойти» [1].

30 октября 1915 г. 53-летний егермейстер Трепов был назначен управляющим Министерством путей сообщений, а уже 1 января 1916 г. – министром. Император принял решение по совету уходившего в отставку министра путей сообщения С. В. Рухлова [2]. Ведомство Трепову особенно знакомо не было, однако он нашел себе профессиональных помощников, в частности Э. Б. Кригер-Войновского (позднее, в декабре 1916 г., он сменил Трепова на посту министра) [3]. По воспоминаниям Кригера, Трепов был «человек умный, властный, искушенный в делах государственного управления и очень быстро освоившийся со своей главной задачей» [4]. Министр земледелия А. Н. Наумов, недолюбливавший Александра Федоровича, все же отмечал: «Благодаря своему волевому характеру, способности быстро ориентироваться и удачному подбору своих ближайших помощников, он, при содействии их, вел свое нелегко дело с настойчивостью и энергией, добиваясь сравнительно благоприятных результатов» [5]. При Трепове активно строилась и была завершена Мурманская железная дорога – кратчайший путь сообщения с союзниками по Антанте. В июне 1916 г. министр инициировал строительство города Романова-на-Мурмане (совр. Мурманска).

Трепов быстро зарекомендовал себя на министерском посту и показал, что его амбиции идут дальше. 6 января 1916 г. было создано Совещание министров по обеспечению нуждающихся местностей Империи продовольствием и топливом («Совещание пяти министров»: военного, внутренних дел, путей сообщения, земледелия, фи-

---

1 Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1933. № 1 (56). С. 119.

2 Там же.

3 Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2 кн. Нью-Йорк, 1954–1955. Кн. 2. С. 369.

4 Кригер–Войновский Э. Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции / Спроге В. Э. Записки инженера. М., 1999. С. 55.

5 *Наумов А. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 369.

нансов), которое возглавил Трепов [1]. Товарищ министра внутренних дел гр. А. А. Бобринский записал в дневнике, что на фоне остальных членов правительства Александр Федорович был особенно «энергичен» [2]. Наумов вспоминал: «Трепов был одним из наиболее темпераментных и говорливых членов Совета министров. Он всегда принимал очень горячее участие в обсуждении многочисленных дел, поступавших от различных ведомств. Александр Федорович имел обыкновение высказываться обстоятельно, в непререкаемо-авторитетном тоне» [3].

В результате Трепов быстро стал правой рукой пожилого премьер-министра Б. В. Штюрмера. Как отмечал министр торговли и промышленности кн. В. Н. Шаховской, премьер «определенной программы действий не имел и весьма скоро подпал подвлияние решительного, упорного и резкого А. Ф. Трепова, который зачастую проводил заседания, не стесняясь с присутствием председателя, и старался, вопреки намерениям Совета министров, держаться слишком правой программы» [4]. Для министров не было секретом, что Трепов стремился занять премьерский пост [5]. Осенью слухи об этом уже широко ходили в думских и чиновничьих кругах [6].

1 ноября 1916 г. знаменитой речью «Глупость или измена?», произнесенной неформальным лидером Прогрессивного блока П. Н. Милюковым, начался оппозиционный «штурм власти». В словах Милюкова содержался прозрачный намек на государственную измену премьера Штюрмера и императрицы Александры Федоровны: подготовку ими сепаратного мира с Германией. Растерявшийся престарелый премьер не нашел в себе сил адекватно ответить на обвинения. 10 ноября он был заменен на своем посту Треповым. За неделю до этого он был также удостоен серьезной награды: возведен в статс-секретари за сооружение Мурманской железной дороги. По поводу назначения популярная га-

---

1 Наумов А. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 421–422; Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). С. 413–414.

2 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1412. Оп. 8. Д. 298. Л. 19. 15 апреля 1916 г.

3 Наумов А. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 368.

4 Шаховской В. Н. Так проходит мирская слава. 1893–1917. М., 2019. С. 110.

5 Барк П. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 209; Шаховской В. Н. Указ. соч. С. 158.

6 Радкевич А. А. Дневник // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 220. Л. 74–74 об. 14, 15 сентября 1916 г.

зета «Русское слово» отметила: «После смерти Столыпина власть еще не была в столь сильных руках» [1]. Проправительственные «Московские ведомости» полагали, что «решительный, энергичный, быстро ориентирующийся в положении и верящий в себя и в свое дело» Трепов сможет «без особых потрясений и конфликтов ввести в надлежащее русло несколько разволновавшуюся в последнее время жизнь страны» [2].

Новый премьер начал активно проводить на министерские посты своих ставленников. Министр иностранных дел Н. Н. Покровский и сменивший его на посту государственного контролера С. Г. Феодосьев были креатурами Трепова [3]. Назначение по его же инициативе министром земледелия А. А. Риттиха, как отмечал глава министерства финансов П. Л. Барк, стало отличным выбором: он был молод, энергичен, компетентен, сразу после назначения объехал 24 губернии и договорился с местными властями о хлебных поставках [4]. Наумов вспоминал: «Примерный, аккуратный и умный работник. <…> Отличался редкой усидчивостью и необыкновенной исполнительностью. Все его труды и доклады носили печать всестороннего изучения и являлись образцом точности и ясности» [5]. Другое дело, что в условиях снежных заносов на железных дорогах и военного напряжения накануне весеннего наступления 1917 г. краткосрочные перебои в хлебном снабжении городов не были исключены – так и случилось в конце февраля в Петрограде.

Трепов занимал вполне определенную позицию по внешнеполитическим вопросам. Он был недоволен чрезмерными уступками министра иностранных дел С. Д. Сазонова союзникам и руками Штюрмера добился отставки главы МИД летом 1916 г. Премьер был недоволен результатами Парижского экономического совещания Антанты (1916 г.), решившего начать долгосрочную «ожесточенную экономическую войну» против Германии, полагая, что в послевоенном будущем такая политика была не на руку России. Трепов полагал, что рейху должно

---

1 В Думе // Русское слово, 12 ноября 1916 г.

2 Уступка ли? // Московские ведомости, 12 ноября 1916 г.

3 Барк П. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 305–311; Шаховской В. Н. Указ. соч. С. 314–315.

4 Там же. С. 309–313.

5 Наумов А. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 348.

быть нанесено поражение, но после этого Россия была бы заинтересована в союзе с проигравшим [1].

Несмотря на свои политические взгляды, Трепов в обстановке политического цейтнота изначально попытался договориться с оппозиционной Думой. Сразу по назначении премьером он поехал к ее председателю М. В. Родзянко и сообщил, что ему было указано «работать в мире» с Думой. Родзянко потребовал отставки наиболее непопулярных министров, в первую очередь главы МВД А. Д. Протопопова – выходца из самой Думы, которого она воспринимала как ренегата. Трепов попытался добиться этого от императора, считая возможным в дальнейшем наладить сотрудничество с парламентом [2]. Однако императрица считала такие уступки вредными, поскольку они лишь усилили бы оппозиционное давление. Протопопов сохранил свой пост [3].

19 ноября Александр Федорович выступил в Думе с правительственной декларацией. Как считал Барк, речь премьера была составлена «очень умно» [4]. Трепов признавал необходимость проведения ряда реформ из тех, что требовала оппозиция (реформа городского самоуправления, введение волостного земства, снятие национальных и конфессиональных ограничений на получение образования). Премьер также официально заявил о наличии Петроградской конвенции 1915 г., в соответствии с которой Россия по окончании войны получала Константинополь и Проливы (конвенция была секретной, но российское правительство добилось от Британии и Франции права на оглашение). Тем самым снималось подозрение о тайных мирных переговорах с Германией. «Забудем споры, отложим распри... посвятим все время положительной работе. Этого от всех и каждого повелительно требуют жизненные интересы России», – призвал с думской трибуны Трепов.

---

1 Шаховской В. Н. Указ. соч. С. 275–277.

2 Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1933. № 1 (56). С. 118; Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1911: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 156, 161–162, 172; Шаховской В. Н. Указ. соч. С. 110, 312–315.

3 Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 тт. Под ред. П. Е. Щеголева. М.–Л., 1925–1927. Т. 4. С. 30; Переписка Николая и Александры Романовых. М.–Пг. (Л.), 1923–1927. Т. 5. С. 147–153, 163–164, 171–173.

4 Барк П. Л. Указ. соч. Т. 2. С. 254.

Однако Дума в ответ приняла резолюцию, отказывавшую кабинету в доверии как находящемуся под влиянием «темных безответственных сил» [1].

Невозможность сговора с парламентским большинством стала совершенно очевидной. 26 ноября Трепов в своем докладе императору инициировал чистку состава Государственного совета с целью увеличения в нем консервативного крыла [2]. Премьер также предполагал распустить Думу до 12 января 1917 г., а затем сделать это «окончательно», если она продолжит критику правительства (в 1917 г. истекал срок полномочий текущего состава). План получил Высочайшее одобрение [3]. В середине декабря полиция закрыла съезды Всероссийского Земского союза и Всероссийского союза городов за принятие оппозиционных резолюций. Однако Трепов продолжал добиваться отставки Протопопова, считая его слишком некомпетентным для занятия поста министра внутренних дел. В противном случае премьер просил освободить от обязанностей его самого [4]. 4 декабря, обедая со старинным другом минским губернатором кн. В. А. Друцким-Соколинским, Трепов мрачно пророчествовал: «Недовольство общее. Союзники, видя происходящее, опасаются за исход войны, и кто знает, не вмешаются ли они тем или иным путем в наши дела с целью закрепить наше обязательное участие в войне. Уставшее общество, наблюдая творящееся, утеряло веру в способность Государя и правительства довести войну до победного конца и улучшить экономическое положение страны. Все кричит, волнуется… Хорошо! Вы говорите, что народ никогда не встанет на революционный путь, что на местах всегда хватит сил и возможностей удержать его в пределах порядка. Я тоже думаю, что это так, но за народ скажут и будут действовать другие. Народ и не спросят. А сможет ли власть, находящаяся уже теперь в полупараличе, сдержать натиск и найти в себе силу сопротивляемости?» [5].

---

1 Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. I. Пг., 1916. Стб. 240–259, 396.

2 Падение царского режима. Т. 6. С. 363–364.

3 Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 186–187.

4 Глинка Я. В. Указ. соч. С. 169–170, 172.

5 Друцкой-Соколинский В. А., кн. На службе Отечеству. Записки русского губернатора. 1914–1918. М., 2010. С. 194.

В конечном счете Трепов решился на отчаянный шаг. Премьер предложил Г. Е. Распутину полное содержание и 200 тысяч рублей за отставку Протопопова или хотя бы перемещение его на пост министра торговли и промышленности. У «Друга» царской семьи в действительности не было столь серьезных возможностей. Однако о предложении стало известно императрице, и она прямо обвиняла премьера в сговоре с Думой [1]. 9 декабря Николай II в переписке с супругой впервые проявил недовольство премьером. Но впечатление оказалось, по-видимому, настолько сильно, что уже через несколько дней император писал очень резко: «Противно иметь дело с человеком, которого не любишь и которому не доверяешь» [2]. Таким образом, рискованная политическая интрига завершилась печально: поссорившись с оппозицией, Трепов вскоре потерял и доверие монарха. Отставка состоялась 27 декабря 1916 г. Пост премьера получил лично преданный императору кандидат – кн. Н. Д. Голицын. Он также пытался добиться отставки Протопопова для установления более гладких отношений с Думой, но столь же безуспешно [3]. А сам Протопопов оказался бессилен предотвратить революционный напор в феврале 1917 г.

В эмиграции А. Ф. Трепов продолжал свою борьбу, будучи одним из лидеров эмигрантских монархических организаций. Однако это уже иная история.

---

1 Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 153, 188–191; Мосолов А. А. Указ. соч. С. 237–240.

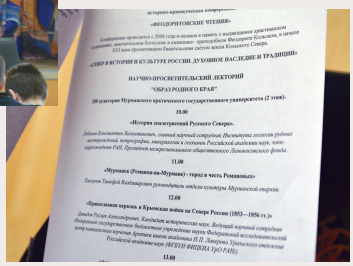
2 Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 173, 186–187, 192.

3 РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 258 об. Дневник С. Д. Протопопова. 24 февраля 1917 г.

Торжественное открытие Юбилейных XV Феодоритовских чтений состоялось 21 октября 2022 года в зале Мурманского областного драматического театра

В течении двух дней
в Мурманской областной
универсальной научной
библиотеке прошли
секционные слушания

Для учащихся образовательных учреждений города Мурманска был организован научно-просветительский лекторий



В период проведения Чтений прошли книжные выставки и презентации новых книг Кольского научного центра РАН

В ходе конференции было подписано соглашение о сотрудничестве между Мурманской и Североморской епархиями и Вологодской духовной семинарией

Работа Чтений завершилась торжественным Богослужением в Свято-Троицком Феодоритовом Кольском монастыре

СЕВЕР НА ПУТЯХ ОСВОЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ РУБЕЖЕЙ

ПРОТОДИАКОН
ВЛАДИМИР
Василик
доктор исторических наук

ПУТЕШЕСТВИЕ В БИАРМИЮ ОТТАРА ИЗ ХОЛУГАЛАНДА: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Одно из самых ранних свидетельств о Кольском полуострове – о таинственной земле биармов – находится в англосаксонском переводе «Истории язычников», созданным или под руководством короля Альфреда, или непосредственно им. Личность короля Альфреда (870–899) и его деяния глубоко повлияли на ход английской истории [1].

К ним относятся:

1. Уничтожение датской угрозы. Альфред победил викингов под Эрдингтоном (878) и в результате дальнейших успешных военных действий смог заключить договор (886), по которому датчане во главе с их конунгом Гутрумом приняли христианство и признали власть Альфреда [2].

2. Строительство крепостей, восстановление разрушенных городов (в т. ч. отвоеванного им Лондона), храмов и монастырей.

3. Создание флота (875) и кавалерии.

4. Первая в Англии перепись населения.

5. Правовая реформа (создание «Правды короля Альфреда» и огра-

---

[1] Постернак А. В. Альфред Великий/ Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2000. С. 86–87.

[2] Беатрис Мей. Альфред Великий, глашатай правды. М., 2005. С. 100.

ничение кровной мести) [1]. Альфред ввел суровые наказания за нарушение присяги и обетов, повысил авторитет королевского суда и создал новую систему судопроизводства.

6. Административная реформа: произошло разделение Англии на графства (shires), которые возглавлялись эрлами (earl) и делились на «десятки» (tythings) [2].

7. Поддержка просвещения, переводы с латыни на англосаксонский. Несмотря на тяжелейшие для просвещения условия, при короле Альфреде был осуществлен перевод на древнеанглийский язык пяти крупнейших и имевших наибольшее значение для формирования христианской культуры средневековья произведений: это – сочинение, определившее развитие философской мысли, – «Об утешении философией» Боэция [3] (начало VI в.); изложение сущности святоотеческого миропонимания – «Монологи» св. Августина (начало V в.); кодекс христианской этики – «Обязанности пастыря» папы Григория Великого (VI в.); первая история своего народа – «Церковная история народа англов» Беды Достопочтенного (начало VIII в.) 4 и, наконец, всемирная история, сопровожденная географическим описанием ойкумены, – «История против язычников» Павла Орозия (V в.) [5]. Отметим, что в переводческой деятельности короля Альфреда присутствует тот же практицизм, что и в организации флота, строительстве крепостей, устроении законодательства. Альфред очень ценил знание, но в его конкретном, практическом воплощении. Если кто-либо из его элдорменов (управляющих или чиновников) проявлял в чем-либо невежество, король говорил ему в лицо: «Вы недостойны Вашей должности. Идите учитесь, не то я вас от нее отрешу» [6]. Знание для него

---

1 Хрестоматия по истории государства и права. Т. 1. М, 2001. С. 230–240.

2 Савело К. Ф. Королевская власть англосаксов и тенденция к ее укреплению в эпоху короля Альфреда//Вестн. ЛГУ. 1967. Вып. 2. № 8. С. 67–75.

3 Bately J. Boethius and King Alfred//Platonism and the English Imagination / Ed. by A. Baldwin, S. Hutton. Camb., 1994. P. 38–44.

4 Gransden A. Historical Writing in England. L.; N. Y., 1998. T. 1 (p. 550–1307).

5 Orosius, Old English History of the World: An Anglo-Saxon Rewriting of Orosius, ed. and trans. Malcolm Godden, Dumbarton Oaks Medieval Library, 44 (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016).

6 Alfred the Great: Asser's Life of King Alfred and Others Contemporary Sources/ Transl. and ed. by S. Keynes, M. Lapidge. Harmondsworth, 1983.

было ценно в аспекте управления людьми, а также их духовного роста, именно поэтому он отбирает те произведения, которые могли созидать его державу и души его подданных. При этом для него перевод являлся скорее переложением. Так, в «Утешении философией» он допускал обширные вставки, связанные с его собственными размышлениями над жизнью.

Перевод «Истории» Орозия также отличается свободой отношения к оригиналу, который подвергся структурной переработке (были опущены некоторые разделы, другие – объединены и т. п.) и дополнениям. Особенно сильно была изменена глава, посвященная географическому описанию мира. В нее были внесены обширные вставки, содержащие характеристику тех регионов Европы, которые были неизвестны античным писателям, а вслед за ними и Орозию, но хорошо знакомы англосаксам: это Германия в широком смысле, т. е. земли в Центральной и Западной Европе, после Великого переселения народов заселенные германцами.

Кроме того, Альфред включает в текст Орозия рассказы двух людей, совершивших плавания в земли, которые не посещались англосаксами: норвежца Оттара (древнеангл. – Охтхере) из Холугаланда, побывавшего на дальнем севере Европы, а также в Дании и Англии, и англосакса Вульфстана из Хедебю, плававшего в юго-восточную часть Балтийского моря и достигшего устья Вислы. Рассказы обоих путешественников содержат самые ранние описания этих областей Европы.

Эти повествования объединяет манера изложения, т. к. они являются морскими итинериариями с обозначением расстояния через дни пути и содержат сведения о новых и неизвестных для средневековых англосаксов землях.

Интересна и несколько загадочна личность Оттара (в древнеанглийском оригинале Охтхере). Он обращается к королю Альфреду как к «своему господину» [1]. Вряд ли это этикетная формула, скорее всего, Оттар действительно был подданным. Поскольку подданство в средневековье часто подразумевало религиозное единомыслие, то не исключена возможность, что Оттар был христианином. Однако вслед за этим мы узнаем, что Оттар жил на севере Норвегии, в области Хо-

[1] «Ōhthere sǣde his hlāforde, Alfrēde cyninge» – Охтхере сказал своему господину. An Anglo-Saxon Reader. Edited with notes by James W. Bright. New York, 1913. P. 38.

лугаланд [1]. Сам он именует себя одним из первых и самых богатых людей своей земли, однако его богатство на первый взгляд оказывается весьма скромным: «Он был из лучших («fyrstum» – букв. первых) людей в их земле; было у него, однако, не более чем 20 коров и 20 овец и 20 свиней, а пашню свою небольшую он пашет лошадьми» [2]. Однако это впечатление оказывается ошибочным, поскольку его богатство коренится в другом: во-первых – в многочисленных стадах оленей [3], а во вторых – в той обильной дани, которую он и его соплеменники брали с финнов: «Эта дань бывает дикими животными и птичьим пухом и китовой костью и судами, которые делаются из шкур китов и тюленей. Каждый оплачивается по его рождению. Самым высокородным должны платить 15 куньих шкурок и 5 оленьих и одну медвежью шкуру и 10 амберов перьев и шубу медвежью или из выдры и 2 корабельных каната, каждый чтоб был 60 элей длиною (= 68 м): один из китовой шкуры, другой из тюленьей» [4].

В итинерарии Оттара мотивом его путешествия предстает любознательность. Как он сам заявляет: «как-то раз захотел он выяснить, как далеко эта земля простирается на север, и(ли) живет ли кто к северу от той пустыни. Тогда он отправился к северу вдоль той земли» [5].

Разумеется, мы не будем отказывать Оттару в жажде знаний и открытий, характерной для всякого человека, в т. ч. и для средневекового,

---

[1] «Hē cwæð þæt hē būde on þǣm lande norþweardum wiþ þā Westsǣ». Он сказал, что он жил на той земле на севере, у Северного моря. Ibid.

[2] «Hē wæs mid þǣm fyrstum mannum on þǣm lande: næfde hē þēah mā ðonne twēntig hrȳðera, and twentig scēapa, and twentig swȳna». Ibid. P. 44

[3] Он был очень богатый человек в той (форме) собственности, в которой у них богатство бывает, т. е. в северных оленях. Он имел еще, с тех пор как он (звания) конунга искал (домогался), прирученных животных, непроданных, шесть сотен. Этих животных он называет hranas (северные олени); у него было 6 оленей-приманок, которые очень ценятся среди финнов, потому что с их помощью ловят диких оленей.

[4] «Ac hyra ār is mǣst on þǣm gafole þe ðā Finnas him gyldað. Þæt gafol bið on dēora fellum, and on fugela feðerum, and hwales bāne, and on þǣm sciprāpum, þe bēoð of hwæles hȳde geworht, and of sēoles. Ælghwilc gylt be hys gebyrdum. Sē byrdesta sceall gyldan fiftȳne mearðes fell, and fif hrānes, and ān beran fel, and tȳn ambra feðra, and berenne kyrtel oððe yterenne, and twegen sciprāpas; ǣgþer sȳ syxtig elna lang, ōþer sȳ of hwæles hȳde geworht, ōþer of sīoles». Ibid. P. 43.

[5] «Hē cwæð þæt hē būde on þǣm lande norþweardum wiþ þā Westsǣ. Hē sǣde þæt hē æt sumum cirre wolde fandian hū longe þæt land norþryhte lǣge, oþþe hwæðer ǣnig mon be norðan þǣm wēstenne būde. Þā fōr hē norþryhte be þǣm lande». Ibid. P. 39.

хотя Охтхере и мог говорить подобное в т. ч. для того, чтобы понравиться своему любознательному господину – королю Альфреду, однако, на наш взгляд, другим, гораздо более важным, мотивом являлся поиск неосвоенных территорий для охоты и сбора дани.

Свой маршрут он излагает достаточно конкретно: «Тогда он отправился к северу вдоль той земли; 3 дня у него пустыня была все время по правому борту, а открытое море – по левому. Тогда он оказался так далеко на севере, что не заходили дальше него и охотники на китов. Тогда отправился он еще дальше на север, так далеко, как только мог он проплыть за другие 3 дня. Потом повернула земля на восток, или море (повернуло) в ту землю, он не знает что из них, зато он знает, что там он ждал ветра западного и немного северного, и плыл потом на восток вдоль земли так далеко, как только мог он проплыть за 4 дня... Потом он должен был там ждать хорошего северного ветра, поскольку земля повернула там к югу, или море в землю, он не знает что из них. Потом плыл он оттуда вдоль земли так далеко, как только мог он проплыть за 5 дней. И там протекала (læg – букв. «лежала») большая река дальше (up – букв. «вверх» как и в английском) вглубь (in – внутрь) по той земле. Тогда они свернули прямо в ту реку, поскольку они не осмелились дальше реки той (по морю) плыть, чтобы не вызвать вражду; поскольку земля та была вся заселена по другому берегу реки» [1].

Иными словами, три дня пути на север, явившиеся концом освоенной и обитаемой земли. Затем следуют еще три дня в совершенно необитаемой земле. После следует поворот на восток и четыре дня пути. Потом идет поворот на юг и пять дней пути. Возникает законный вопрос: сколько миль, или километров, мог пройти за день корабль Оттара? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, для начала мы должны уяснить: какого типа был этот корабль? Если это был драккар, то максимальная скорость, которую он мог развивать под парусом – 17 узлов, или 31 километр в час. Однако ясно, что постоянно на такой скорости корабль идти не мог. Опыт реконструкции, в частности, трансатлантический переход драккара «Харальд Хорфагре» из древней столицы викингов Хегисунн (Норвегии) в порт Сент-Энтони (Ньюфаундленд) показывает, что драккар может пре-

[1] Матузова В. И. Английские средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 15.

одолеть 4035 км за 5 недель, или 35 дней, то есть проделать за день около 115 км [1]. Может возникнуть возражение, что океанское плавание является более быстрым, чем каботажное (вдоль берегов), однако экипаж «Харальда» был вынужден обходить льдины и айсберги и, соответственно, тратить на это время. Другое дело, если кораблем был не драккар, а более тихоходная снекка, которая развивает максимальную скорость 12 узлов в час, или 24 км/час. Казалось бы, снекка более подходит для целей торговли и обмена, в которых был заинтересован Оттар, чем драккар. Однако, взвесив все обстоятельства, мы вынуждены склониться к тому, что Оттар все же путешествовал на драккаре: во-первых, в силу того, что благодаря его быстроте и маневренности на нем было удобнее охотиться на китов, моржей и тюленей; во-вторых, Оттар продвигался в чужие неизведанные земли, где его могли ждать воинственные многочисленные племена, поэтому не только он и его спутники должны были хорошо вооружиться, но для подобного путешествия скорее приличествовал боевой корабль, т. е. драккар. Косвенно наши предположения подтверждает сам рассказ Оттара, точнее та его часть, где он рассказывает о своем путешествии из Скрингсхеала в Хебедю: «К югу от Sciringesheal'a впадает в ту землю очень обширный залив; он так широк, что не хватит взора людского его обозреть. Этот залив простирается на много сотен миль вглубь той земли. И из Sciringesheal'a, он сказал, что он плыл в течение 5 дней до того порта, который этот человек называл Hæþum, который находится между венедами, и саксами, и англами, и принадлежит данам» [2]. Скрингсхеал хорошо идентифицируется, он находится недалеко от современного порта Ларвик. Хедум (Hæþum), или Хедебю – древнее поселение викингов, хорошо исследованное и раскопанное, находится недалеко от современного Шлезвига. Расстояние между ними по прямой 504 км, но, с учетом каботажного плавания и расстояния по береговой линии Дании и островов, оно увеличивается до 540–550 км. Следовательно скорость движения за день равнялась 108–110 километров, или 59 миль.

---

[1] https://dzen.ru/a/Wy4VoWYoywCoGadD; https://history1752.su/drakkar–xarald–xorfagre/

[2] Матузова В. И. Английские средневековые источники//С. 20. Речь идет о Балтийском море, Дании, Готланде и Шлезвиге.

Исходя из этого, постараемся реконструировать путь Оттара. Вначале он плывет вдоль побережья Норвегии на север 6 дней пути. Затем следует поворот на восток. Он возможен у мыса Нордкап. Следовательно, если Оттар плыл со скоростью 100–110 км в день, то исходная точка плавания Оттара должна находится в 600–660 км (или 325 миль) от Нордкапа. Нам известно, что Оттар жил в Холугаланде [1], исторической провинции на севере Норвегии. Таким образом, исходная точка плавания Оттара могла находиться в районе Среднего Холугаланда, современного города Бодо (около 630 км от Нордкапа, или южнее). Далее от Нордкапа Оттар плывет на восток четыре дня и, следовательно, проплывает 400–440 км (или около 236 миль). Это расстояние укладывается от Нордкапа до входа в Кольский залив (с учетом береговой линии) как раз там, где море или земля уходят на юг. Далее, на наш взгляд, возможно следующее истолкование текста Оттара: последние пять дней его плавания проходили не в море (или лучше сказать – не только в море), большая часть его пришлась на речную систему, связанную с Кольским заливом: реку Тулому и реку Лотту. В общей сложности вместе с Кольским заливом они составляют 357 км в длину (длина Кольского залива – 57 км, Туломы – 64 км, Лотты – 235 км). Учитывая трудность движения по Кольскому заливу, а равно и затруднения, которые должны были испытывать путешественники при преодолении порогов, 5 дней – вполне достаточный срок.

Итак, западной границей Биармии служили Кольский залив и реки Тулома и Лотта. Восточной и северной границей, скорее всего, служило Баренцево море. Оттар вел достаточно осторожную политику: он не хотел углубляться в землю биармов, поскольку не хотел их провоцировать на враждебные действия: «Тогда они свернули прямо в ту реку, поскольку они не осмелились дальше реки той (по морю) плыть, чтобы не вызвать вражду; поскольку земля та была вся заселена по другому берегу реки. Беармы весьма густо населяли землю свою; но они (Охтхере и его спутники) не осмелились туда пойти» [2].

Столь же он осторожен и в сообщениях о Биармии. Единственно, что можно извлечь из его рассказа, – сообщение о густом заселении

---

1 Berglund, Birgitta . Helgeland historie Mosjøen, 1994.

2 Матузова. Указ. соч. С. 17.

этой земли: «Не встречал он до этого ни одной населенной земли с тех самых пор как отправился он из своего дома; и на всем пути была у них справа по борту земля пустынная, если не считать рыбаков, охотников и птицеловов, и все они были финны; а слева по борту у них было открытое море». Правда, биармы многое ему рассказывали о своей земле, однако он их сообщениям не верит: «Много историй ему рассказали Беармы как об их собственной земле, так и землях, которые есть рядом с ними, но он не знает, что там было правды, поскольку сам он не видел всего этого». Нам неведомо, о чем ему рассказывали «Беармы», может быть, это были истории о колдовстве и бьярмийских богах, и несметных сокровищах их храмов, подобные саге о Стурлауге Трудолюбивом, которому удается унести волшебный рог единорога Урахорн из храма Тора в Биармии [1]. Если Оттар проявил в данном отношении скепсис, то это добавочный аргумент в пользу того, что он мог быть христианином. Однако этот скепсис и осторожность могут быть связаны с характером его венценосного адресата – короля Альфреда, трезвого правителя, требовавшего точных сведений.

В числе народов, соседствующих с бьярмами (беармами), он упоминает терфиннов, или терских финнов, а также квеннов [2], при этом указывает на агрессивность квеннов и на факт их набегов на норвежцев [3].

В завершении выдвинем одну гипотезу относительно одного термина, связанного с добычей, добытой Оттаром на севере, а именно horswal: «Так далеко он зашел туда, помимо исследования земли, ради конекитов, поскольку у них есть прекрасные кости на месте зубов их. Несколько этих зубов они привезли королю, а шкура их (конекитов – моржей) весьма хороша для корабельных канатов. Такой кит много меньше других китов: он не больше семи элей в длину. В его-то собственной земле охота на китов гораздо лучше: они (киты) (там) бы-

---

[1] См., в частности: Петрухин В. Я. Мифы финно-угорских народов. М., 2001. С. 89–93.

[2] О терских финнах и квеннах из последних работ см., в частности: Ливанова А. Н. Финны в Норвегии//Скандинавские чтения – 2006–2007/Отв. ред. И. Б. Губанов, Т. А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 100–111.

[3] Подобные качества квенны проявляли и позднее: в 1271 г. они совершили опустошительный набег на Холуголанд.

вают 8 и 40 элей в длину, а самые большие 50 элей в длину. Там, он говорил, что он сам-шест забил 60 (китов) за 2 дня» [1].

В науке укрепилось представление, что horswal (буквально – «конекит») обозначает моржа. Однако если мы всмотримся в размеры этих «моржей», то увидим, что самые маленькие из них составляют длину около 8 метров (7 элей, один эль составляет 1143 мм, или 1 м 14 см., т. е 8 м) [2]. Очевидно, таких моржей не бывает в природе. Ситуация меняется, если мы предположим, что первоначально horswal мог звучать как maerwal (жеребец-кит) и в свою очередь восходить к narwal (мертвенно-серый кит). В таком случае все становится на свои места. Длина тела взрослого нарвала обычно достигает 3,8–4,5 м (в старину попадались экземпляры длиной 6 м) [3]. Если мы прибавим длину бивня (2 м и более), то перед нами размер т. н. «конекита» (на самом деле – нарвала) Оттара. Отметим, что рог нарвала необычайно высоко ценился в Средние века, поскольку ему приписывали свойство обнаруживать яды.

Подведем итоги.

1. Переводческая деятельность короля Альфреда носила сугубо практический характер и, помимо общего повышения духовного уровня его подданных, была связана с задачами управления.

2. Охтхере, или Оттар из Холугаланда, мог быть подданным короля Альфреда и, возможно, христианином. Он являлся его торговым агентом и, в частности, снабжал его флот канатами из китовой кожи.

3. Вероятно, свое плавание он осуществлял на драккаре со скоростью 100–110 км в день (около 59 миль). В свой путь он отправился из Среднего Холугаланда, в районе современного Бодо, на расстоянии 600–660 км от мыса Нордкап.

4. От мыса Нордкап Оттар дошел до Кольского залива за 4 дня,

---

[1] «Swīþost hē fōr ðīder, tō ēacan þæs landes scēawunge, for þǣm, for ðǣm hīe habbað swīþe æþele bān on hiora tōþum — þā tēð hīe brōhton sume þǣm cyninge — ond hiora hȳd bið swīðe gōd tō sciprāpum. Sē hwæl bið micle lǣssa þonne ōðre hwalas: ne bið hē lengra ðonne syfan elna lang; ac on his āgnum lande is sē betsta hwælhuntað; þā bēoð eahta and fēowertiges elna lange, and þā mǣstan fiftiges elna lange; þāra hē sǣde þæt hē syxa sum ofslōge syxtig on twām dagum».

[2] Данилевский И. В., Кабанов В. В., Медушевская И. Н. Вспомогательные исторические дисциплины. Источниковедение. М.: РГГУ, 2004. 702 с.

[3] Wilson D. E. & Reeder D. M. (eds). Mammal Species of the World. 3rd ed. Johns Hopkins University Press, 2005. Vol. 1. P. 743.

вошел в него и отправился путешествовать по рекам Тулома, Лотта, покрыв в общей сложности около 360 км. Благодаря ему, мы можем определить границы Бьярмии: ее западная граница определялась Кольским заливом и реками Тулома и Лотта, северная и восточная – Баренцевым морем.

5. Так называемые конекиты (horswal) на самом деле являлись не моржами, а нарвалами.

Список литературы:

Беатрис Мей. Альфред Великий, глашатай правды. М., 2005. С. 100.

Данилевский И. В., Кабанов В. В., Медушевская И. Н. Вспомогательные исторические дисциплины. Источниковедение. М.: РГГУ, 2004. 702 с.

Ливанова А. Н. Финны в Норвегии/Скандинавские чтения – 2006–2007/ Отв. ред. И. Б. Губанов, Т. А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2008.

Петрухин В. Я. Мифы финно-угорских народов. М., 2001. С. 89–93.

Савело К. Ф. Королевская власть англосаксов и тенденция к ее укреплению в эпоху короля Альфреда//Вестн. ЛГУ. 1967. Вып. 2. № 8. С. 67–75.

Хрестоматия по истории государства и права. Т. 1. М, 2001. С. 230–240.

Alfred the Great: Asser's Life of King Alfred and Others Contemporary Sources/Transl. and ed. By S. Keynes, M. Lapidge. Harmondsworth, 1983.

Bately J. Boethius and King Alfred//Platonism and the English Imagination/ Ed. by A. Baldwin, S. Hutton. Camb., 1994. P. 38–44.

Berglund, Birgitta . Helgeland historie Mosjøen, 1994.

Gransden A. Historical Writing in England. L.; N. Y., 1998. T. 1 (p. 550–1307).

Orosius, Old English History of the World: An Anglo-Saxon Rewriting of Orosius, ed. and trans. Malcolm Godden, Dumbarton Oaks Medieval Library, 44 (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016).

Wilson D. E. & Reeder D. M. (eds). Mammal Species of the World. 3rd ed. Johns Hopkins University Press, 2005. Vol. 1. P. 743.

ДАВЫДОВ
Руслан Александрович

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки,
Федеральный исследовательский
центр комплексного изучения
Арктики им. академика
Н. П. Лаверова Уральского отделения
Российской академии наук;

Федеральное государственное
автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Северный (Арктический)
федеральный университет
им. М. В. Ломоносова»

ДЕРЕВЯННЫЕ ПАРУСНЫЕ СУДА ТИПА «ЁЛА» НА РУССКОМ СЕВЕРЕ (1860-е – НАЧАЛО 1920-х гг.) [1]

Европейский Север России известен многовековыми традициями судоходства и частного деревянного судостроения. Русские деревянные суда, построенные в Поморье, совершали плавания к арктическим архипелагам Новая Земля и Шпицберген (Грумант), к становищам Мурманского берега, в уездный город Колу и далее – в Норвегию. Тысячи морских и речных судов ежегодно, как только позволяла ледовая обста-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20061, https://rscf.ru/project/22-18-20061/

новка, с весны по осень использовались на промыслах и при перевозке грузов. Значительная часть населения городов, посадов, сел и деревень, расположенных на берегах Белого моря и Северного Ледовитого океана, была вовлечена в деятельность, связанную со строительством и эксплуатацией судов.

По истории частного судостроения на севере России имеется внушительная историография, включающая сотни публикаций [1]. Тем не менее остаются многие малоизученные аспекты данной темы.

Настоящая статья посвящена распространению или «прививанию» деревянных судов традиционного норвежского типа, называемых ёлами [2], на Европейском Севере России. Процесс этот официально начался в 1860-е гг., а последние ёлы массово строились в Архангельске в 1940-х годах, во время Великой Отечественной войны.

Но, прежде чем приступить к описанию этого процесса, следует кратко напомнить, как осуществлялась и чем закончилась единственная более ранняя попытка стимулирования здесь строительства судов европейских типов.

Указы Петра I в отношении традиционного судостроения в Поморье

До начала XVIII в. российские власти на Европейском Севере России старались не вмешиваться в вопросы судостроения, предоставляя судостроителям и судовладельцам самостоятельно решать – какие суда строить и как. Традиции и технологии постройки лодей, кочей, шняк, карбасов и др. типов судов здесь передавались из поколения в поколение.

---

[1] О частном деревянном судостроении на Европейском Севере России и историографию данной темы см. в следующих изданиях: Судостроение Поморского Севера. От истоков до конца XIX века: Библиографический указатель литературы. Архангельск: Правда Севера, 1997; Дубровин Г. Е., Окороков А. В., Старков В. Ф., Черносвитов П. Ю. История северорусского судостроения. СПб.: Алтейя, 2001; Народное судостроение в России. Энциклопедический словарь судов народной постройки / П. А. Филин, С. П. Курноскин. СПб: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2016 и др.

[2] В литературе и источниках, нередко даже в рамках одного делопроизводства или одной публикации, тип судна указывался и как «ёла» и как «ела». Фонетически правильным является первый вариант. Поскольку это слово не является общеупотребительным, в настоящей статье тип судна везде указан как «ёла».

В эпоху реформ Петра I серией законодательных актов 1710-х–1720-х гг. использование судов традиционных типов в стране вообще и на Севере в частности было ограничено, а их строительство попало под запрет [1].

Согласно именному, данному архангельскому вице-губернатору, указу от 28 декабря 1714 г. «О делании морским промышленникам вместо лодей и кочей, гальотов и других новоманерных судов» все промышленники, использующие морские суда традиционных типов, обязаны были в двухлетний, а «по нужде» – в трехлетний срок, вывести их из эксплуатации и уничтожить (буквально: «перевесть»). Закладка новых лодей и кочей запрещалась под угрозой их конфискации и штрафов: «У подлинного указу подписано собственною его царского величества рукою тако: оное взять судно, а сверх вдвое денег во что оное стало» [2]. 28 декабря 1715 г. вышел указ, почти идентичный по содержанию указу, вышедшему годом ранее [3].

Именным указом от 2 июля 1718 г., объявленным князем Меншиковым, Петр I запрещал, начиная с сентября, эксплуатацию и строительство карбасов («карбусов») и лодей под угрозой «разорения всего имения» [4].

После поданных царю челобитных 11 марта 1719 г. Петр I издал именной, данный архангельскому вице-губернатору, указ «О строении мореходных судов по новому образцу», разрешавший «всем поморским жителям» все-таки «доходить» на имеющихся у них судах традиционных типов, пока они не придут в полную негодность. Но этим указом также была и подтверждена прежняя решимость полностью искоренить поморские «лодьи, карбасы, соймы, кочи и прочие». «А буде кто станет делать после сего указу новые (суда традиционных типов. –

---

1 Минейко Г. Законоположения Петра Великого о речных и морских торговых судах Архангельского порта // Справочная книжка для Архангельской губернии на 1860. Архангельск, 1859. С. 33–55; Брызгалов В. В. Строительство западноевропейских типов судов в Поморье (первая половина XVIII в.) // Нидерланды и Северная Россия / под ред. Ю. Н. Беспятых, Я. В. Велувенкампа, Л. Д. Поповой. СПб: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2003. С. 235–249.

2 Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (ПСЗРИ-I). Т. V. 1713–1719. СПб., 1830. № 2873. С. 136.

3 ПСЗРИ-I. Т. V. 1713–1719. СПб., 1830. № 2973. С. 187–188.

4 Там же. № 3215. С. 579–580.

Р. Д.), тех с наказанием ссылать на каторгу, и суда их изрубить» [1].

Несмотря на угрозы наказаний, строительство лодей, кочей, шняк, карбасов и других официально запрещенных судов в Поморье продолжилось. А после смерти Петра I российские власти постепенно свели на нет петровские запреты. Сначала – де-факто, потом – де-юре. Дело было отнюдь не в том, что власти Российской империи стали более гуманными и социально ориентированными. И не в том, что к ним пришло понимание, что поморские суда, адаптированные для эксплуатации в арктических условиях, по соотношению цена – качество, по особенностям конструкции и мореходным качествам, как минимум не хуже европейских типов судов. В данном случае причинами отказа от законодательного наследия Петра I стали убытки и упущенная выгода влиятельных лиц, как светских, так и духовных, контролировавших рыболовство и зверобойные промыслы. Прикрываясь заботой о «поморских жителях» или «бедных мезенцах», они лоббировали в столице свои интересы, добиваясь официального разрешения на возобновление строительства судов традиционных типов «кому угодно и сколько потребно».

Вот что писал специально изучавший этот вопрос Г. И. Минейко еще в 1859 году: «В 1730 и 1731 году архимандрит Соловецкого монастыря и мезенцы входили с жалобой, что им, по причине мелководья вверх по Двине реке, при морских берегах и речных устьях и в прочих местах на новоманерных судах ходить невозможно. Да притом бедные мезенцы жаловались, что им не на что строить такие суда. Поэтому и было разрешено употребление старых судов – монастырю для потребностей монастырских и крестьянских, исключая, впрочем, промышленников; мезенцам же потому, что новоманерные суда неудобны ни для рыбного промысла, ни для доставки хлеба» [2]. Юридически эти разрешения были оформлены 26 октября 1730 г. и 5 мая 1731 г. [3]

В 1749 г. граф Шувалов, получивший годом ранее в содержание сальные промыслы на Европейском Севере России, добился принятия Правительствующим сенатом указа, позволяющего тем, кто имел отношение к зверобойному промыслу и перевозке продукции этого про-

---

1 Там же. № 3323. С. 678–679.

2 Минейко Г. Законоположения Петра Великого… С. 50–51.

3 Брызгалов В. В. Строительство западноевропейских типов судов… С. 238.

мысла, беспрепятственно строить староманерные суда, пользуясь для этого казенным лесом [1].

С середины XVIII в. строительство судов традиционных типов в Поморье возобновилось уже легально. Насаждавшиеся Петром I типы новоманерных судов с этого времени стали конкурировать на равных условиях с теми типами судов, что строились здесь веками. Европейские новоманерные типы судов не выдержали честной конкурентной борьбы с русскими судами традиционных для Поморья типов. Староманерные типы деревянных парусных судов, строившиеся в Поморье, оказались более востребованными в суровых условиях морей Северного Ледовитого океана, на промыслах у берегов Новой Земли и Шпицбергена (Груманта).

Законодательство Петра I, без учета местной специфики понуждавшее под угрозами штрафов, каторжных работ, конфискаций и уничтожения имущества поморских жителей строить для торговли и промыслов суда европейских типов вместо традиционных, на практике оказалось неработающим и недолговечным. В середине 1770-х гг. жители Архангельской губернии вернулись к строительству почти исключительно староманерных судов [2].

Спустя ровно 100 лет после исчезновения из российского законодательства последних ограничений на строительство судов традиционных типов в Архангельской губернии капитан над Архангельским портом Павел Федорович Кузмищев собрал статистические сведения обо всех частных (т. е. «принадлежащих жителям») мореходных судах, имевшихся в губернии. По состоянию на 1849 г. их оказалось 756. Из них большинство (722 или около 95,5%) относились к традиционным типам: шняк – 72, раньшин – 69, карбасов – 152, кочмар – 154, лодей – 275 [3].

---

1 ПСЗРИ-I. Т. XIII. 1749–1753. СПб., 1830. № 9634. С. 88-93; Минейко Г. Законоположение Петра Великого… С. 51.

2 Брызгалов В. В. Строительство западноевропейских типов судов… С. 247–248.

3 Кузмищев П. Статистические сведения о мореходных судах Архангельской губернии за 1849 год // Архангельские губернские ведомости. 1850. № 13. Эта же публикация была издана отдельным изданием на 6 страницах. Рукопись П. Ф. Кузмищева находится в Государственном архиве Архангельской области (ГААО) в фонде Архангельского губернского статистического комитета в «Деле о движении судоходства и торговли по Архангельскому таможенному округу в 1852 и 1853 годах» (ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 6. Л. 2–7).

«Метод кнута», т. е. метод угроз и наказаний, повсеместно используемый Петром I при проведении догоняющей модернизации в России, в данном конкретном случае не сработал.

В 1860-х гг., в начале эпохи великих реформ, власти российской империи попробовали заставить поморов Архангельской губернии строить суда иностранных типов уже, если можно так выразиться, «методом пряника», стимулируя строителей медалями и деньгами. Инициатором идеи «прививания» среди судостроителей и судовладельцев Поморья норвежских типов судов, главным образом – ёл, выступил Николай Яковлевич Данилевский. Тот самый Н. Я. Данилевский, который известен историкам и философам как автор выдержавшей множество переизданий книги «Россия и Европа» [1], а также своей воинственной критикой дарвинизма [2].

Н. Я. Данилевский и официальное начало «прививания» норвежских ёл на Севере России в 1860-х гг.

В 1859–1861 гг. Данилевский возглавлял экспедицию от Министерства государственных имуществ, которая впервые в отечественной науке собрала и обработала большой объем сведений о рыболовстве и зверобойном промысле на Европейском Севере – не только в России, но и в Норвегии. Результаты работы этой экспедиции были опубликованы в двух объемных томах, один из которых был написан лично Н. Я. Данилевским [3], и альбоме великолепно выполненных иллюстраций. Работа ученых вызвала заметный интерес в Архангельской губернии,

---

[1] «Россия и Европа» – наиболее известный труд Н. Я. Данилевского. Написан в 1868 г., впервые опубликован в журнале «Заря» в 1869 г., впервые отдельным изданием – в 1871 г. Одно из последних изданий: Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. Подробнее о взглядах Н. Я. Данилевского и соответствующую историографию см.: Хорошева А. В. Творчество Н. Я. Данилевского в общественной мысли пореформенной России. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2007.

[2] Данилевский Н. Я. Дарвинизм: Критическое исследование. В 2 т. СПб., 1885–1889.

[3] Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VI. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. Общие отчеты и предположения. СПб., 1862.

ряд положений ее подвергся обсуждению и критике [1]. Помимо выводов сугубо научного характера, Данилевский большое внимание уделял разработке практических рекомендаций по рациональному использованию рыбных ресурсов, совершенствованию способов лова и обработки рыбы, промыслового судостроения на Севере.

В 1862 г. на основе рекомендаций Н. Я. Данилевского 12 (24) ноября было высочайше утверждено и 17 (29) декабря распубликовано мнение Государственного Совета «О даровании жителям Поморского края Архангельской губернии некоторых льгот в видах развития там рыбного промысла и о дозволении крестьянам и мещанам Беломорского побережья вывозить в Норвегию всякого рода товары наравне с купцами первых двух гильдий» [2].

Н. Я. Данилевский выступил одним из инициаторов начала официальной колонизации Мурманского берега Кольского полуострова и стимулирования этого процесса. После сожжения во время боя английским военным пароходом в 1854 г. большей части города Колы – единственного русского города на всем Мурманском берегу – с особой остротой возникла необходимость заселения и хозяйственного освоения Мурмана, где русские, занимаясь сезонными промыслами, не имели постоянных поселений, а коренное население – саамы – вели кочевой образ жизни. Заброшенность российской территории особенно бросалась в глаза при сравнении ее с сопредельной территорией «культурной» Норвегии. Н. Я. Данилевский поддержал инициативу российского генерального консула в Христиании (ныне Осло) Г. А. Мехелина [3] об устройстве постоянных русских поселений на Мурманском берегу. Он писал: «Поселения эти должны быть тем же для рыболовства, чем служат образцовые фермы для земледелия, чтобы прочие ловцы, приходящие с Поморья, могли здесь видеть на деле новые отрасли рыбной промышленности, у нас только что начинающие входить в употребление, именно лов акулы, а также и лов

---

[1] Об отчете экспедиции, исследовавшей рыбные и звериные промыслы Белого и Ледовитого морей // Отчет о деятельности Архангельского губернского статистического комитета за 1866 год / Сост. П. Чубинский. Архангельск, 1867. С. 101–122.

[2] ПСЗРИ-II. Т. XXXVII. Отделение 2. 1862. СПб., 1865. № 38910. С. 332.

[3] Давыдов Р. А. Российский генеральный консул в Норвегии Г. А. Мехелин, его наблюдения и предложения, касающиеся Мурмана и Северной Норвегии (1850–1860-х гг.) // Живущие на Севере: альманах. Вып. 2. Мурманск: МГГУ, 2012. С. 20–30.

сайды, и не введенные у нас еще способы лова, как, например, ручною удочкою на поддев, который в некоторых случаях может быть весьма полезен. *Здесь также могли бы наши перенять устройство норвежских рыболовных судов – ёл, которые лучше держатся в море при погоде, чем наши шняки и, следовательно, могут дальше отъезжать от берегов* (здесь и далее курсив мой. – Р. Д.)» [1].

Одним из главных внешних отличий ёл от шняк было парусное вооружение, как правило, «прямое» у шняк и «косое» у ёл, что давало последним гораздо больше возможностей для лавировки и делало их менее зависимыми от направления ветра. Другое заметное отличие – наличие каюты в кормовой части.

Н. Я. Данилевский выступил с инициативой закупки в Норвегии норвежских судов разных размеров за казенный счет для бесплатной раздачи их наиболее авторитетным русским промышленникам, чтобы те «переняли» их устройство и начали строить свои суда по образцу норвежских [2]. В дополнение к этому он рекомендовал властям распространить чертежи норвежской ёлы в Поморье, чтобы облегчить этот процесс.

Соответствующая переписка 1863–1869 гг. в двух объемных томах сохранилась в Государственном архиве Архангельской области. Историки и местные краеведы не обращали на нее должного внимания, на наш взгляд, отчасти потому, что это делопроизводство в советское время было искусственно разъединено и разведено по разным фондам архива, причем каждый из томов получил свое название: «Дело о раздаче беломорским рыбопромышленникам купленных в Норвегии ел» (ГААО. Ф. 71 – Архангельское губернское по крестьянским делам присутствие. Оп. 1. Т. 1. Д. 5а) и «Дело о распространении строительства судов – норвежской елы и ронверской лодки, согласно чертежей, и о порядке награждения за выполнение этого строительства

---

[1] Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VI … С. 243. О роли Н. Я. Данилевского в начале колонизации Мурманского берега подробнее см.: Давыдов Р. А. Предыстория и начало норвежской и финской колонизации Мурмана. Формирование и трансформация собирательного образа Мурманского колониста в 1860–1876 гг. // Живущие на Севере: образы и реальность: Сборник научных статей / Науч. ред. П. В. Федоров. Мурманск: МГПУ, 2006. С. 59–82. Об истории колонизации Мурмана в целом см.: Орехова Е. А. Колонизация Мурманского берега Кольского п-ова во второй пол. XIX – первой трети XX вв. Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2009.

[2] ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 482. Л. 14–15.

медалями и деньгами» (ГААО. Ф. 1 – Канцелярия архангельского губернатора. Оп. 5 Д. 765). Между тем, на сохранившихся оригинальных обложках дел есть полные старые названия, имеющие минимальные отличия друг от друга: «Канцелярии архангельского губернатора дело по 2 столу по отношению Департамента сельского хозяйства об устройстве рыбопромышленных ёл» и «Канцелярии архангельского губернатора дело по 2 столу по отношению Департамента сельского хозяйства об устройстве норвежских рыболовных ёл». При этом «том I» имеет подзаголовок: «О раздаче купленных в Норвегии ёл»; подзаголовок «тома II» – «О приглашении к устройству ёл». Наличие на оригинальных обложках указания томов латинскими цифрами не оставляет сомнений в том, что в 1860-х гг. эта межведомственная переписка представляла единое делопроизводство в канцелярии архангельского губернатора.

Чертежи от Министерства государственных имуществ для самостоятельного строительства ёл в Поморье

29 июня (11 июля) 1863 г. Департамент сельского хозяйства Министерства государственных имуществ выслал в Архангельск 350 экземпляров чертежей «норландской ёлы». В сопроводительном письме содержалось пояснение: «Экспедиция, исследовавшая Белое и Ледовитое моря [1], в проектированных ею мерах к развитию рыболовства в северных водах России предложила, между прочим, ввести в употребление между нашими поморскими рыбопромышленниками норвежские ёлы вместо ныне употребляемых шняк. С этою целью экспедиция предлагала разослать в Кемь и по поморским деревням планы норвежских ёл. Г. министр государственных имуществ, по докладе об этом Департамента сельского хозяйства, приказал меру эту привести в исполнение». Далее в письме губернатору содержалась просьба: «Сделать распоряжение о раздаче сих чертежей поморским и известным архангельским рыбопромышленникам». Чертежи рекомендовалось давать в первую

[1] Северный Ледовитый океан в российских источниках и литературе середины XIX в. назывался «Ледовитым морем».

очередь тем из них, которые «по своим средствам и пониманию дела» действительно захотят и смогут построить ёлы [1].

В августе 1863 г. большую часть полученных 350 экземпляров чертежей из Канцелярии архангельского губернатора передали для распространения в архангельскую палату государственных имуществ (125 экземпляров), архангельскому полицмейстеру – 25 экземпляров. Кемскому, онежскому, мезенскому и архангельскому уездным исправникам были отправлены почтой 75, 50, 25 и 25 экземпляров соответственно. Можно с большой уверенностью предположить, что это явно неравное распределение чертежей было обусловлено пониманием в канцелярии губернатора «целевой аудитории»: в Кемском и Онежском уездах частное судостроение было более развито; именно из этих уездов на сезонные мурманские промыслы уходило большее число мужчин. Именно на Мурмане предлагаемые к распространению ёлы были бы наиболее востребованы. По нескольку экземпляров чертежей было отправлено для использования в учебном процессе Архангельских и Кемских шкиперских курсов, так как основы судостроения входили в число преподаваемых там предметов. Чертежи получил и настоятель Соловецкого монастыря, а также подданный и вице-консул Великобритании Джелибрандт, «который по давнему пребыванию своему в Онеге, хорошо знает местных промышленников и приобрел между ними особую любовь и доверие» [2].

Поступившие в канцелярию губернатора ответы с мест были формально вежливы и нейтральны; смысл их сводился к тому, что чертежи получены и будут использованы. Настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Порфирий, поблагодарив губернатора «за сочувствие к пользе обители», недвусмысленно дал понять, что никаких действий к распространению ёл предпринимать не будет: «Соловецкий монастырь на Мурманском российском берегу рыбными промыслами трески не занимается, а покупает таковую у тамошних промышленников готовую» [3]. В ответе мезенского уездного исправника было выражено сомнение в том, что распространение им среди промышленников чертежей ёл будет иметь какие-либо последствия: «Полагаю, что постройка

---

1 ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 765. Л. 1–1 об.

2 Там же. Л. 2–4.

3 Там же. Л. 13–13 об.

лодок по этим чертежам едва ли войдет в употребление между здешними промышленниками, потому что они вовсе не занимаются ловлею морской рыбы, но если и выходят в море, то единственно для боя морских зверей, на каковой предмет имеют лодки весьма легкие, способные к быстрым поворотам между плавающими льдинами и приспособленные так, что их можно перетаскивать по льдинам на подделанных под ними узких полозьях» [1].

«Правила о награждении… первых в России строителей норвежских ёл» (1863 г.)

Осенью 1863 г. отдельные судостроители, получившие чертежи или ознакомившиеся с ними, проявили сдержанный интерес к постройке ёл. В канцелярии архангельского губернатора они лично и через исправников просили уточнить: возможно ли будет лес для строительства ёл получить на льготных условиях? Началась переписка, конец которой положили «Высочайше утвержденные в 1 день ноября 1863 года правила о награждении медалями и денежными премиями первых в России строителей норвежских ёл» из пяти пунктов. Воспроизведем их полностью.

«1. Первых трех промышленников, которые построят суда по образцу норвежских ёл, наградить пожалованием серебряных медалей, с надписью: “за полезное”, для ношения на шее, хотя бы они и не имели еще таковых для ношения на груди, но с соблюдением однакоже постепенности в лентах, на коих эти медали будут жалуемы, т. е. если построивший ёлу не будет иметь вовсе медалей для ношения на шее, то ему дается серебряная медаль на Станиславской ленте, если же он будет иметь уже таковую медаль, то ему жалуется новая на Аннинской ленте и т. д.

2. Следующих за тем пять промышленников, которые строят норвежские ёлы, наградить пожалованием серебряных медалей, для ношения на груди и с соблюдением такой же постепенности в лентах, как это означено в пункте 1.

3. Медали эти, не устанавливая для них особого закона, жаловать

[1] Там же. Л. 12–12 об.

в применение к ст. III Уст. город. и сель. хоз. Т. XII Св. Зак. изд. 1857 г. и на основании ст. 1147 Зак. служ. опред. правит. Т. III по продолж. 111, испрашивая всякий раз, через Комитет Министров, высочайшее соизволение.

4. Наконец следующим пяти лицам, построившим суда по образцу норвежских ёл, выдавать, с разрешения Министра государственных имуществ, денежные премии в размере 100 руб. каждому, производя этот расход из суммы 5000 руб., вносимым ежегодно в финансовую смету Департамента сельского хозяйства по Высочайшему повелению 19 июля 1863 года на развитие рыболовства в России.

5. Правила эти распубликовать во всеобщее сведение, возложив на начальника Архангельской губернии представлять Министерству государственных имуществ о тех лицах, которые за постройку ёл будут подлежать награждению на указанных основаниях» [1].

«Высочайше утвержденные правила» Министерство государственных имуществ отправило в Архангельск в самом конце 1863 г., соответствующая переписка началась лишь в начале 1864 года. В течение 1864 г. первые восемь ёл в Архангельской губернии были построены.

Первые ёлы, построенные в Архангельской губернии и их строители (1864 г.)

Сохранившаяся переписка, касающаяся строительства первых ёл и награждения их строителей, довольно обширна. В рамках статьи отметим лишь общие сведения, представив их в виде таблицы, сгруппировав данные согласно вопросам, которые запрашивала канцелярия архангельского губернатора от уездных чиновников.

[1] ПСЗРИ-II. Т. XXXVIII. Отделение 2. 1863. СПб., 1866. № 40169. С. 138–139; ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 765. Л. 1а.

Краткие сведения о первых ёлах, построенных в Архангельской губернии в 1864 г., и их строителях [1]

№ п/п	«Кем именно построена»	«Когда окончена, спущена на воду и приноровлена к плаванию»	«Когда освидетельствована и что при этом оказалось»
1	Степан Абакумов Щапихин, крестьянин Дорогорской волости Мезенского уезда	Построена 17 февраля. Спущена на воду в первых числах июня. «Приноровлена к плаванию и оснащена» к 15 августа	15 августа 1864 г. «Оказалась соответствующей чертежу норландской лодки (елы) и, по удостоверению знатоков, весьма годна для промыслов»
2	Петр Сергеев, крестьянин Мотовского погоста Кемского уезда	Построена в марте. Спущена на воду 16 апреля	18 августа 1864 г. «Оказалась построенною сходно с чертежом, может поднять грузу от 80 до 90 пудов»
3	Михайло Иконников, крестьянин Сороцкой волости Кемского уезда	Построена 10 апреля, оснащена и спущена на воду «в половине мая»	8 июня 1864 г. «Оказалась сходною с чертежом, доброкачественна и легко управляется двумя человеками»
4	Григорий Демидов, сумский мещанин	Построена 15 апреля, оснащена и спущена на воду в половине мая	25 мая 1864 г. «Оказалась построенною с некоторыми отступлениями от чертежа, которые, по заверению знатоков, не могут служить препятствием при употреблении на промыслах»
5	Никифор Васильев Кочин*, крестьянин Колежемского селения Кемского уезда	Построена 8 мая, вскоре спущена на воду и оснащена в октябре	5 ноября 1864 г. «Оказалась построенною сходно с чертежом, благонадежна к плаванию и может понести груза до 300 пудов»
6	Андрей Старков, крестьянин деревни Шуи Кемского уезда	Построена и спущена на воду 23 мая	11 февраля 1865 г. «Имела сходство с чертежем норландской лодки»
7	Егор Ильин Корконосов, крестьянин Патракеевского общества Архангельского уезда	Построена в мае 1864 г., «переделана согласно замечаниям специалистов в начале ноября»	4 ноября 1864 г. «оказалась соответствующею норвежской ёле»
8	Ефим Михайлов Швецов, крестьянин Вачевской волости Онежского уезда	Построена и «приноровлена к плаванию» 2 июля	2 июня 1864 г. «Оказалась сходною с чертежом и благонадежною для плавания»

* В разных документах фамилия указывалась как «Кочин» и как «Кичин» (возможно, из-за небрежности канцеляристов?). Полагаем, что правильным является первый вариант.

[1] ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 765. Л. 139–140.

В таблицу не включены сведения о двух ёлах, построенных еще в 1862 г. крестьянином Кемского уезда Шуерецкой деревни Степаном Охлыновым, которые были освидетельствованы 2 августа 1864 г. и «оказались схожими с чертежом, присланным из министерства», могли поднять груз до 200 пудов каждая. Однако представлять к награждению С. Охлынова местные власти отказались, поскольку ёлы его были «шиты веревкой, шпангоуты толсты, мачты без вантов», отсутствовали кнехты для крепления якорных канатов, и вообще работа выглядела «довольно нечистой». Наконец, и это главное: ёлы Охлынов построил до того, как были опубликованы «Высочайше утвержденные правила» [1].

Награды для строителей первых ёл (по материалам межведомственной переписки 1864–1865 гг.)

Строители первых ёл – государственные крестьяне С. Щапихин, П. Сергеев и М. Иконников, согласно Высочайше утвержденным правилам от 1 ноября 1863 г., имели право на награждение серебряными медалями для ношения на шее. Остальные пять строителей – сумский мещанин Демидов и государственные крестьяне Н. Кочин, А. Старков, Е. Корконосов и Е. Швецов – подлежали награждению серебряными медалями для ношения на груди. Но при оформлении представления на награждение возникли неожиданные сложности. Дело в том, что о каждом человеке, представляемом к награде, нужно было сообщить, какие он «получал прежде награды, когда и за что именно?», а также «был ли в штрафах, под следствием и судом, а если был, то за что именно, когда и чем дело кончено?».

И тут выяснилось, что четверо из восьми строителей имели проблемы с законом ранее или даже на момент представления их к наградам.

Е. Швецов состоял под судом «по прикосновенности к делу о неповиновении начальству», но по решению Онежского уездного суда от суда и взыскания был освобожден.

М. Иконников был под судом в 1852 г. по делу о причинении им

[1] ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 765. Л. 140, 143 об.

обиды становому приставу, за что по решению Кемского уездного суда выдержан под арестом при волостной расправе три недели и «оставлен в подозрении». Кроме того, состоял под следствием по делу о найденном осенью 1864 г. на островах Кузовах контрабандном товаре, будто бы ему принадлежащем. Следствие было еще не окончено.

Г. Демидов, получивший в 1859 г. благодарность «за постройку на свой счет нового дома для священников Сумского прихода», в 1852 г. был под судом по делу «об оставлении двух работников в становище на Мурманском берегу без надлежащего обеспечения», за что по решению Кемской городовой ратуши был выдержан под арестом при становой квартире 3 недели.

Но больше всего дел Архангельской палатой уголовного и гражданского суда производилось в отношении Е. Корконосова. Таких дел было девять!

«1. О похищении им с работниками его с разбитого корабля снастей;

2. О непущении им станового пристава Головина к описи имения его, Корконосова, по иску купеческого сына Селезнева;

3. Об оскорблении и оклеветании им, Корконосовым, станового пристава Крыкова;

4. О покраже у купца Сергеева разных вещей;

5. О ложном им извете [...] в составлении фальшивой расписки от имени его, Корконосова, в должных Алсуфьеву деньгах, об ослушании его против волостного начальства и произнесении им неуважительных слов на счет судов и становых приставов и об угрозах Корконосовым крестьянину Павлу Стрелкову;

7. О невзятии плававшими в навигацию 1859 г. в Норвегию поморами таможенных паспортов;

8. О плавании того же Корконосова и других крестьян в Норвегию без таможенных паспортов в навигацию 1861 г. и

9. О поморах, плававших в Норвегию без таможенных паспортов в навигацию 1862 года».

О сложившейся ситуации начальник архангельской губернии Николай Мартынович Гартинг написал министру государственных имуществ 24 марта (5 апреля) 1865 г. Ссылаясь на статью 850 тома I Свода

законов [1], он отмечал, что М. Иконников, Г. Демидов и Е. Коркоиосов «не могут быть удостоены медалей». Тем не менее, начальник губернии выступил в их поддержку! Он мотивировал ее тем, что М. Иконников, Г. Демидов и Е. Коркоиосов «поспешным исполнением приглашения правительства о постройке ёл выразили полную готовность содействовать правительству в благих заботах его по устройству благосостояния местных жителей». Н. М. Гартинг полагал, что будет справедливо «вместо следующих им на основании Высочайше утвержденных 1-го ноября 1863 г. правил, медалей, выдать им, согласно п. 4 тех же правил, денежную премию по 100 руб. каждому» [2].

В случае поддержки его предложения начальник Архангельской губернии считал возможным «раздать» три серебряные медали для ношения на шее государственным крестьянам С. Щапихину, П. Сергееву и Н. Кочину, одну серебряную медаль для ношения на груди выдать крестьянину Е. Швецову. В отношении А. Старкова вопрос о награждении его Гартинг счел нужным отложить до тех пор, пока тот не устранит сделанные ему замечания по конструкции построенного им судна; «остальные же нерозданные медали оставить для раздачи последующим строителям ел» [3].

Министр государственных имуществ согласился с доводами архангельского губернатора и вошел в Комитет министров с представлением о награждении серебряными медалями государственных крестьян С. Щапихина, П. Сергеева и Н. Кочина для ношения на шее; Е. Швецова – для ношении на груди. Также министр сделал распоряжение об ассигновании в канцелярию архангельского губернатора 200 рублей для выдачи их в качестве премий государственному крестьянину Иконникову и сумскому мещанину Демидову – по 100 руб. каждому [4].

Единственным, о ком «забыли» в Министерстве государственных имуществ, оказался крестьянин Патракеевского сельского общества Архангельского уезда Егор Корконосов. Вероятно, чиновники в Санкт-Петербурге посчитали, что невозможно награждать злост-

---

1 Подробнее см.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1857 года. СПб., 1857. С. 166.

2 ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 765. Л. 141–143 об.

3 Там же.

4 Там же. Л. 150–150 об.

ного уголовника – ни деньгами, ни тем более медалью. Но губернатор Н. М. Гартинг проявил неожиданную настойчивость. Сначала он решил выяснить: где находится Е. Корконосов – в тюрьме или на свободе? Узнав, что тот на свободе, Н. М. Гартинг 2 (14) июня 1865 г. написал письмо на имя министра государственных имуществ, в котором вновь ходатайствовал о награждении Е. Корконосова. Он напоминал министру, что согласно высочайше утвержденных правил от 1 ноября 1863 г., этот крестьянин подлежал награждению медалью за то, что он «один из первых изъявил готовность исполнить желание правительства» по распространению ёл и действительно построил ёлу одним из первых. Н. М. Гартинг не мог не упомянуть о производящихся в Архангельской палате уголовного и гражданского суда делах, по которым Е. Корконосов проходил обвиняемым. Однако, заменив в черновике письма «девять» уголовных дел на «несколько», губернатор написал, что подсудность Корконосова «едва ли может служить препятствием к выдаче ему денежной премии, а, между тем, отказ ему в этом может иметь весьма дурное влияние, поколебав доверие к обещанным правительством наградам» [1]. Аргумент возымел действие. Министр государственных имуществ приказал выдать Е. Корконосову денежную премию; 100 рублей были переассигнованы в канцелярию архангельского губернатора [2].

«Полный успех», по мнению губернского начальства? (середина 1860-х гг.)

В середине 1860-х гг. в канцелярии архангельского губернатора были твердо уверены, что процесс распространения («внедрения», «прививания») норвежских ёл не только начался, но и завершился совершенным успехом. Соответствующие выводы были даже включены в ежегодные отчеты губернатора, представленные на высочайшее имя за 1864 и 1865 гг.

Из отчета за 1864 год:

«В видах улучшения местного судостроения, Министерство госу-

1 Там же. Л. 155–156 об.

2 Там же. Л. 160.

дарственных имуществ, согласно предположениям ученой экспедиции, исследовавшей в 1859–1861 гг. состояние рыбных и звериных промыслов в Белом море и Северном океане, признало полезным ввести у архангельских рыболовов норвежские суда – ёлы и для скорейшего достижения сего испросило высочайшее соизволение на награждение медалями и денежными премиями первых строителей норвежских ёл и выписало из Норвегии для образца 10 лучших ёл. Из числа этих ёл 6 уже доставлены в Архангельск и розданы надежнейшим, по указанию крестьян, промышленникам, а остальные ёлы ожидаются в начале настоящего года. По объявлении же крестьянам о высочайше назначенных за постройку ёл наградах, крестьяне: Архангельского уезда – Корконосов; Мезенского – Щапихин; Кемского – Иконников, Кочин, Старков, Сергеев и Онежского – Швецов и сумский мещанин Демидов построили для себя в 1864 г. норвежские ёлы, и будут представлены к установленным наградам. Сверх того, по представлению начальника губернии о пользе введения этих ёл у норвежских переселенцев, прибывших в последнее время на Мурманский берег для развития в том крае сельского хозяйства и промыслов, г. министром государственных имуществ разрешено отпустить упомянутым переселенцам бесплатно, из кемских лесов, необходимый на постройку 10 ёл материал» [1].

Из отчета за 1865 год:

«Возникшее в 1864 году *предположение о введении у архангельских рыболовов норвежских судов ёл осуществлено в минувшем году с полным успехом*, и первые строители сих судов – крестьяне Мезенского уезда Степан Щапихин; Кемского уезда Сергеев и Кочин и Онежского – Швецов, – удостоены с высочайшего Вашего императорского величества соизволения серебряных медалей с надписью «За полезное» для ношения на шее на Станиславской ленте. Сверх того, выданы от министра государственных имуществ за постройку ёл денежные премии в 100 руб. крестьянам Кемского уезда Иконникову и сумскому мещанину Демидову» [2].

Однако если взглянуть на результаты строительства ёл в Архангельской губернии более внимательно, то всё оказывается не столь оптимистично.

---

1 ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 482. Л. 14–15.

2 Там же. Д. 490. Л. 11–11 об.

Первые восемь ёл были построены в течение одного 1864 года, т. е. сразу же после того, как в по уездам были распространены их чертежи, и после того, как заинтересованным лицам в Архангельской губернии стали известны высочайше утвержденные правила. Награды получили лишь строители семи ёл: трое – медали для ношения на груди, один – медаль для ношения на шее и трое – денежные премии по 100 рублей. Строитель восьмой ёлы, крестьянин деревни Шуи Кемского уезда Андрей Старков, отказался переделывать свое новое судно, при освидетельствовании которого обнаружились «некоторые отступления от изданного чертежа» и письменно отказался от установленной за его постройку награды.

В 1865 г. в Архангельской губернии ёлы никто не стал строить. Оставшиеся награды за постройку ёл (четыре серебряных медали для ношения на груди и две денежных премии по 100 рублей) оказались невостребованными [1]. Соответствующая переписка возобновилась лишь в 1867 году.

Результатами научной и административной деятельности Н. Я. Данилевского, как уже отмечалось выше, стало официальное объявление колонизации Мурмана – северного морского побережья Кольского полуострова от российско-норвежской границы до мыса Святой Нос, к участию в которой официально приглашались иностранные подданные (по факту – норвежцы), которые по прибытии на Мурман должны были принять российское подданство. И вот в 1867 г. один из норвежцев, приехавший на Мурман на постоянное место жительства, решил получить обещанное российским императором вознаграждение за построенную им норвежскую ёлу. Н. Я. Данилевский мог бы гордиться: его инициативы – о приглашении норвежцев к колонизации Мурмана «для примера» русским и о распространении норвежских ёл на мурманских промыслах, оказались реализованы на практике, причем в конкретном случае – обе сразу. Получалось, что инициативный и трудолюбивый норвежец, принявший российское подданство построил норвежскую ёлу как пример для подражания русским рыбопромышленникам!

В апреле 1867 г. проживающий в г. Коле Кристиан Мартынов Оль-

[1] ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 765. Л. 195, 195 об., 201.

денбург [1] сообщил приставу 5-го стана Кемского уезда [2] о том, что он «построил для примера прочим жителям норвежское судно ёлу». Он просил пристава освидетельствовать ее «и довести до сведения господина архангельского губернатора на предмет вознаграждения» его чем-либо «по усмотрению начальства» и обещал, что если получит вознаграждение, то непременно на будущее время постарается «в большом размере построить другую ёлу» [3].

В том же месяце ёла Ольденбурга была освидетельствована. Размер ее считался «средним»: длина по килю – 5 сажен; ширина – 1 сажень 1 вершок; высота «боковых стен» – 1,5 аршина. Она была «довольно чистой работы», «шита гвоздьем на глухих железных заклепках и построена из тонкого лесу, где какой следует», шпангоуты были тонкими, но достаточно крепкими. Грузоподъемность – около 170 пуд. Полностью соответствуя рекомендованным чертежам, ёла Ольденбурга при испытании хода на веслах и под парусом «оказалась весьма ходкою» [4].

По собранным сведениям о бывшем норвежском, а, на момент освидетельствования ёлы, уже русском подданном К. М. Ольденбурге, выходило, что «он состояния есть самого бедного», лес для постройки ёлы приобрел на законных основаниях и оплатил пошлину. По сообщению судебного следователя Кемского уезда выяснилось, что К. М. Ольденбург хотя под судом ранее не состоял, но в 1867 г. находился «прикосновенным к следствию по одному делу о самовольной порубке леса в Печенгской даче на сумму 2 руб. 64 коп.» и значит не мог быть представлен к награждению медалью [5].

Однако без награды К. М. Ольденбург не остался. В январе 1868 г. Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства

---

[1] В документах канцелярии архангельского губернатора имя и фамилия принявшего российское подданство норвежца пишется по-разному: «Кристиан» и «Христиан»; «Ульденбург», «Улденбург», «Ольденбург». Русифицированное написание отчества «Мартынов» указывает на отца его, вероятно, по имени Мартин.

[2] Уездный город Кола после сожжения его при обстреле с моря английским пароходом «Миранда» в 1854 г. утратил свое административное и экономическое значение; Кола стала заштатным городом, с 1859 по 1883 гг. Кольский уезд был присоединен к Кемскому.

[3] ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 765. Л. 198.

[4] Там же. Л. 197–197 об.

[5] Там же. Л. 195 об.–196, 200–202.

государственных имуществ уведомил архангельского губернатора о подписанном приказе «выдать русскому подданному Ольденбургу денежную премию за постройку норвежской ёлы» [1]. Другое дело, что примеру его ни на Мурмане, ни на берегах Белого моря местные жители следовать не спешили.

Более того, в 1870-х гг. стало казаться, что попытки «прививания» норвежских ёл на Русском Севере потерпели неудачу.

Русская шняка и норвежская ёла – какой тип судна лучше? (мнения авторов публикаций 1870-х–1910-х гг.)

Летом 1872 г. промысловые становища Мурманского берега на шхуне «Полярная звезда» посетили члены Комиссии, учрежденной при Министерстве финансов, занимавшейся изысканием мер к экономическому развитию северного края империи. Входивший в состав Комиссии от Морского министерства командир Архангельского порта князь *Л. А. Ухтомский* [2] в 1874 г. опубликовал свои путевые заметки, где, среди прочего, заметил: «Лет 10 тому назад были опыты заменить шняку лучшим судном – ёлою, но это не принялось, говорят потому, что ёла жидка постройкою, и стоя на обсушке или во время отлива не выдерживает ударов о дно моря. Напротив, шняка выдерживает эти невзгоды, будучи прошита вицею т. е. ивовою корою» [3].

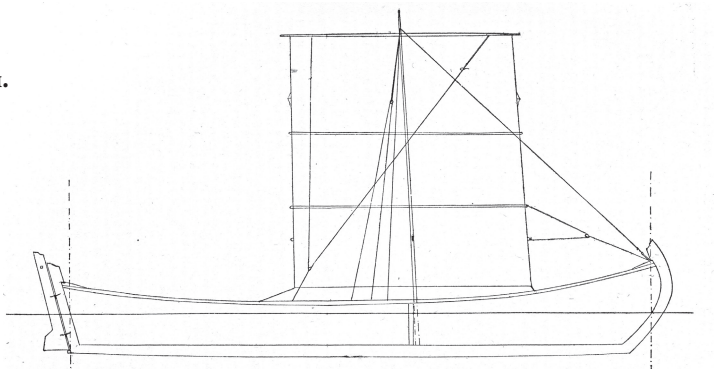
Один из авторов журнала «Русское судоходство» *М. Козлов*, публикуя в 1898 г. составленный им с натуры чертеж строящейся в 1897 г. в г. Кеми шняки и характеризуя этот традиционный тип русского судна,

---

1 Там же. Л. 203.

2 Князь Леонид Алексеевич Ухтомский (1929–1909) – морской офицер, участник обороны Севастополя в Крымскую войну, автор многочисленных публикаций в журнале «Морской сборник». В 1871 г. был назначен командиром Архангельского порта, в 1872 г. произведен в капитаны 1 ранга, в 1875 г. назначен директором беломорских маяков; в 1871–1884 гг. находился в плаваниях в Белом море на шхунах «Самоед», «Полярная Звезда» и «Бакан»; с 1872 по 1883 – капитан 1 ранга, в 1883 г. произведен в контр-адмиралы. Подробнее о его службе см.: Общий морской список. Ч. XII. Царствование Николая I. Т–Ю. СПб., 1900. С. 135–137.

3 Ухтомский Л. А. Путевые заметки при обзоре состояния мурманских рыбных промыслов // Морской сборник. 1874. № 9. Неофициальная часть. С. 85. Надо только уточнить, что ивовые вицы – это тонкие стволы или ветви, а не кора.



Чертежъ Бѣломорской шняки.

Ил. 1. Чертеж беломорской шняки. Источник: Козлов М. Беломорская шняка // Русское судоходство. 1898. № 192–193. С. 100

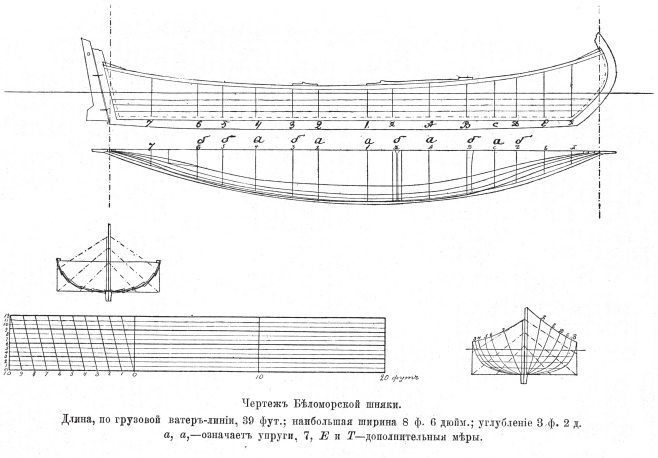
не удержался от сравнения его с норвежской ёлой: «В сравнении с норвежскими ёлами, шняка будет гораздо прочнее, потому что ее набои или набор вдвое толще, чем на ёле, которая на большом волнении вся изгибается и, во-вторых, остойчивее ёлы под парусами, так как шняка полнее и тяжелее ёлы при одинаковых размерах. Все эти хорошие морские качества шняки служат причиною давнишнего употребления ее при рыбных промыслах в океане по Мурманскому берегу. При этом стоимость шняки впятеро дешевле ёлы. В настоящее время в одном Кемском уезде строится ежегодно от 50 до 70 шняк и, пока способы лова на Мурмане не изменятся, шняка вряд ли выйдет из употребления» [1].

В 1904 г. начальником Мурманской научно-промысловой экспедиции *Л. Брейтфусом* [2] была подготовлена записка в Комитет для помощи поморам Русского Севера «О промысловых судах Мурмана». Вместе с другой, гораздо меньшей по объему запиской «Неудовлетворительность компасов на поморских промысловых судах» она была сведена в единый документ, датированный 7 (20) марта 1904 г. и отпечатанный типографским способом на 12 страницах, который, вероятно, распространялся Л. Брейтфусом среди заинтересованных лиц в различных учреждениях. Несколько экземпляров этого документа сохранились в российских библиотеках [3].

1 Козлов М. Беломорская шняка // Русское судоходство. 1898. № 192–193. С. 104.

2 Леонид Львович Брейтфус или Ludwig Gottlieb Breitfuss (1864–1950) – полярный исследователь; в начале XX в. руководил Мурманской научно-промысловой экспедицией (после Н. М. Книповича); занимался организацией деятельности спасательных судов и станций в Архангельской губернии.

3 Брейтфус Л. О промысловых судах для Мурмана. Неудовлетворительность компасов на поморских промысловых судах. Б. м., [1904].



Чертежъ Бѣломорской шняки.
Длина, по грузовой ватеръ-линіи, 39 фут.; наибольшая ширина 8 ф. 6 дюйм.; углубленіе 3 ф. 2 д.
a, *a*,—означаетъ упруги, 7, *E* и *T*—дополнительныя мѣры.

Ил. 2. Чертеж беломорской шняки. Источник: Козлов М. Беломорская шняка // Русское судоходство. 1898. № 192–193. С. 101

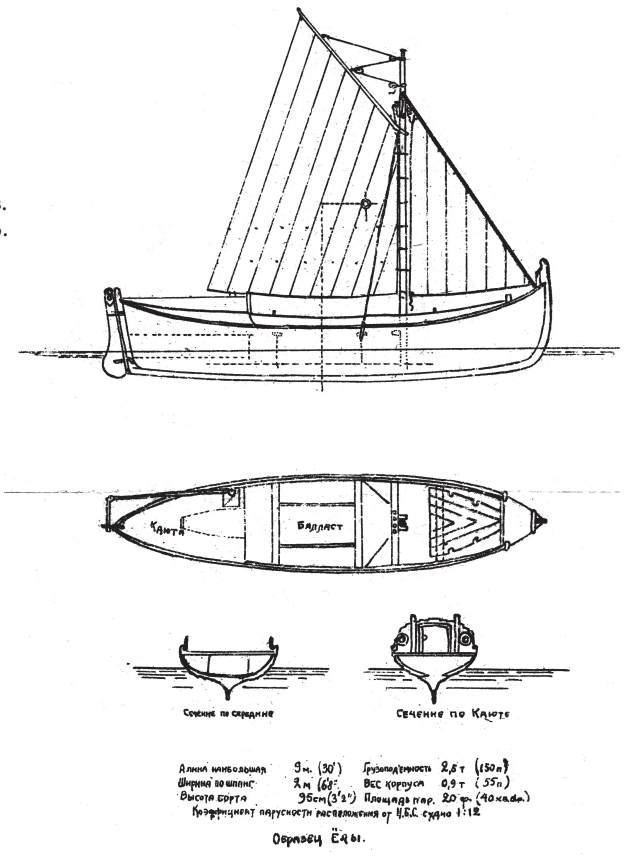
В своей записке Л. Л. Брейтфус охарактеризовал шняку («старый, мурманский тип» промыслового судна) и ёлу или «норландсбот» – основные типы промысловых судов, используемых на Мурмане, отметив их положительные и отрицательные качества, заодно сравнив их друг с другом.

По наблюдению Л. Л. Брейтфуса, в начале XX в. шняки составляли половину всех промысловых судов Мурмана. Количество ёл было меньше, но постепенно увеличивалось: их привозили из соседнего норвежского Финнмарка с каждым годом «всё более и более». Эти ёлы в массе своей были подержанными, а потому дешевыми: ёлу вместе с парусами можно было приобрести за 40–50 рублей, что и привлекало малоимущих и нетребовательных поморов [1].

Ниже мы приведем с некоторыми сокращениями две объемных цитаты из записки Л. Брейтфуса.

Вот что писал Л. Л. Брейтфус про шняку: «Шняка, несмотря на то, что представляет собой самое распространенное промысловое судно, в сущности неудобна как для плавания в море, так и для промысла. Она тяжела для хода на веслах, за отсутствием косых парусов неудобна для лавировки, не имеет отапливаемой каюты и, главное, не имеет палубы, ни постоянной, ни разборной. Положительные ее качества – дешевизна и значительная прочность толстой обшивки, что имеет большое значение в тех условиях, в каких промышленники держат

[1] Там же. С. 1.



Ил. 3. Ёла.
Источник:
Приложение к статье:
Крамаренко Г. Мелкие деревянные промысловые суда Мурманского района // Техника северных промыслов. Сборник I. Архангельск, 1925. С. 46–66

свои суда, т. е. при скалистости берега и значительных отливах, благодаря которым большинство становищ обсушивается, и суда остаются на отмелях.

В зависимости от размеров леса, шняки бывают двух типов – беломорские и кольские; первые строятся из более крупного местного леса, а кольские – из более мелкого. Прежде поморы крепили свои шняки вицею, ныне же они шьют их стоянками (т. е. стеклинем в 9–12 ниток), заклинивая их деревянными шконтиками, которые, когда сгниет стоянка, ослабевают […].

В зависимости от размеров яруса, поморы вылавливают и грузят в шняку рыбы 200–300 пудов, не считая снасти и прочего инвентаря, составляющего 40–50 пуд. груза. При этом, надо заметить, шняка балласта не берет.

Ил. 4. Ёла? Фото на почтовой карточке. Оригинальная подпись: «В забытом краю. Мурман». Изд. З. Виноградова, Москва. 1913 г.
Источник: Мурманский областной краеведческий музей, МОМ ОФ 16334/2; Почтовые карточки начала XX века из собрания Мурманского областного краеведческого музея. Каталог / сост. Дмитренок В.Н., Жалнин Д.Е. СПб.: ООО Издательский Дом «ГАМАС», 2008. С. 23.

Весьма понятно, почему промышленники-поморы так ревниво и настойчиво держатся за шняку: во-первых, ввиду ее дешевизны (90 руб. со всем вооружением, цепью и дреком) и уменья самим ее строить; во-вторых, за безнаказанность оставлять ее, даже с грузом, на обсушке в становище и за возможность метать и выбирать ярус прямо со шняки (…); особенно большое удобство предоставляет выборка яруса на шняку двумя промышленниками, тяглецом и кормщиком через два переносных ролика, установленных на борте; наконец, в шняке очень удобно распределяется груз рыбы, а также и снасть, благодаря 6-ти поперечным переборкам; удобны также и приспособления для чистки рыбы. Все это вместе взятое, а также и веками приобретенные привычки, дают вполне достаточное объяснение крепкой привязанности промышленников-поморов к родной шняке, вопреки обычным указаниям, в этом случае, на косность и невежество помора-рыбака» [1].

А вот что писал Л. Л. Брейтфус про ёлу: «Тип ёлы встречается у нас трех размеров: 1) обыкновенная небольшая ёла для трех промышленников (два взрослых, один подросток), поднимающая 80–

[1] Там же. С. 1–2.

120 пуд., 2) ёла – отрин, для четырех промышленников, поднимающая до 200–250 пудов, и 3) фембурин – большая ёла на 350–450 пудов груза. Это легкие норвежской постройки суда из пиленых досок на железных заклепках. Обыкновенная ёла и отрин вооружены одной мачтой с прямым парусом; фембурин же – двумя мачтами, с бушпритом и косыми парусами. Отрин у колонистов из финляндцев вооружен косыми парусами [1]. Отрины и фембурины имеют в корме отапливаемые каюты. Обыкновенная ёла употребляется для прибрежного промысла, ярусного и удебного, вместо тройника и карбаса. Отрин по своим размерам заменяет шняку на дальнем промысле; по легкости же своей с удобством употребляется и для прибрежного плавания. Фембурины употребляются почти исключительно финляндцами, как для прибрежного, так и дальнего промысла, и притом не только для трескогового, но иногда и для акульего, причем выметывание и поднятие яруса производится при помощи подъездка (маленькой шлюпки).

Ёла, хотя по прочности не может считаться хорошим промысловым судном, благодаря легкости и другим удобствам постепенно входит в употребление, пользуясь симпатиями промышленника. Этому распространению немало способствует как то обстоятельство, что со времени введения прямых пароходных сообщений между Поморьем и Мурманом, поморы совсем перестали переходить на Мурман и обратно на своих шняках, так и дешевизна подержанных норвежских ёл, которые поморы нашли удобными для своих промыслов; вследствие этого постройка шняк стала сокращаться, как в Поморье, так и в Коле» [2].

На одно из приведенных выше замечаний Л. Брейтфуса хотелось бы обратить особое внимание. Л. Брейтфус сначала перечислил несколько абсолютно рациональных причин, по которым поморы на Мурмане предпочитали использовать традиционные шняки вместо норвежских ёл. А потом он посчитал нужным уточнить, что всё это так и есть *«вопреки обычным указаниям, в этом случае, на косность и невежество помора-рыбака»*. Зачем это уточнение и что это за «обычные указания» на «косность и невежество» поморов?

---

[1] О парусном вооружении ёл различных размеров данные в источниках и литературе неоднозначные. Вопреки распространенному мнению о преимущественно косых парусах на ёлах, на фотографиях конца XIX–XX вв. можно видеть и прямые паруса. Что подтверждается также приводимой здесь цитатой Л. Брейтфуса.

[2] Брейтфус Л. О промысловых судах для Мурмана … С. 3.

Дело в том, что темы невежества и пьянства поморов были излюбленными темами в газетных корреспонденциях и изданных записках туристов конца XIX – начала XX вв. Да, на Мурмане крепкие напитки употребляли и употребляли их много [1]. Да, условия труда и быта рыбаков были крайне тяжелыми. И, конечно, мало с кем из рыбаков путешествующий интеллигент мог поговорить о политике, литературе или искусстве. И как-то так сложилось, что написать о Мурмане, дежурно не упомянув «косности и невежества» поморов, стало почти невозможно. Можно привести немало примеров малокомпетентных и тенденциозных оценок, данных в российской прессе поморам и используемым ими на промыслах судам. Мы ограничимся одним, зато, возможно наиболее показательным примером такого рода.

О норвежских ёлах в сравнении их с русскими шняками незадолго до начала Первой мировой войны писала *Мария Павловна Благовещенская*, в девичестве Аршаулова – писатель и переводчик, известная всем, кто занимается историей и литературой скандинавских стран. Детство и юность М. П. Благовещенской прошли в Великом княжестве Финляндском, в Гельсингфорсе, где ее отец был директором гимназии. Исследователи ее творчества отмечают, что она «превосходно владела английским, датским, немецким, норвежским, финским и французскими языками» [2]. Впоследствии она немало путешествовала по Скандинавии и с увлечением общалась с местными писателями и интеллектуальной

---

[1] Боднарук Р. В., Давыдов Р. А. Алкоголь как инструмент экономической экспансии (в контексте российско-норвежских отношений XIX – нач. XX вв.) // Материалы II международной научно-практической конференции «Алкоголизм и наркомания в Евро-Арктическом Баренц-регионе» 28 ноября – 1 декабря 1996 г. Архангельск, 1996. С. 13–17; Боднарук Р. В., Давыдов Р. А., Попов Г. П. Норвежский ром или русская водка? (Из исторического опыта административного регулирования продажи и потребления спиртных напитков) // Экология человека. 1997. № 2. С. 80–85; Орехова Е. А., Давыдов Р. А. Норвежский ром на Русском Севере во второй половине XIX в. // Питейное дело и трезвенническое движение в России с древнейших времен до наших дней: сборник материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.) / редактор-составитель А. И. Раздорский. СПб; М.: Старая Басманная, 2022. С. 283–291.

[2] Подробнее о М. П. Благовещенской см.: Файнштейн М. Ш. Из истории русско-скандинавских литературных связей: М. П. Благовещенская // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 137–143; Александров А. С. Из истории подготовки собрания сочинений К. Гамсуна в издательстве «Товарищество А. Ф. Маркс» // Русская литература. 2016. № 2. С. 152–157.

элитой. Во время одной из поездок М. П. Благовещенская – по-европейски образованная и по-европейски мыслящая горожанка-интеллектуалка – посетила промысловые становища Мурмана и, как минимум, Вардё и Хаммерфест в Норвегии. По итогам поездки в 1912 г. она опубликовала очерк своих «мурманских впечатлений» от посещения становищ русских рыбаков [1]. Этот очерк наполнен восторженными характеристиками образованных, симпатичных, трезвых и предприимчивых норвежцев и норвежских городов. И в то же время он пронизан неприкрытой брезгливостью к безграмотным, неумелым, грязным, пьяным русским поморам, к их убогим становищам на Мурмане. Но мы здесь пишем не о рефлексии культурных дам, на протяжении веков страдающих от всего, что им приходится видеть в «этой стране» и постоянно испытывающих чувство «жалкой тошноты по стороне чужой», говоря словами классика. Мы пишем о ёлах. Поэтому просто дословно процитируем ту часть очерка М. П. Благовещенской, которая непосредственно к ёлам и относится.

«В настоящее время мурманские промышленники настолько некультурны, так мало развиты экономически, что трудно ожидать от них удовлетворительного разрешения сложной системы промысловых задач. Слепо подчиняясь природным условиям, они с трудом приспособляются к ним; и орудия, которыми они производят лов, отличаются первобытными простотой и несовершенством.

Суда, употребляемые для трескового промысла, подразделяются на два преобладающих типа: норвежскую “ёлу” и русскую шняку; последний тип пока безусловно преобладает, хотя постепенно шняка вытесняется ёлой.

Шняка – плоскодонное, беспалубное тяжелое судно, примитивно построенное на глаз теми же промышленниками, не имеющими ни чертежей, ни специальной подготовки; эти судостроители руководятся лишь опытом, не жалея при этом строительного материала, почему стенки шняки толсты, вообще вся она представляет собою фундаментально грубое сооружение, неуклюжее и малоподвижное. Сшито это судно деревянными гвоздями. На шняке выезжают обыкновенно четыре человека: трое взрослых и один подросток.

---

[1] Благовещенская М. П. В царстве трески (Мурманские впечатления) // Вестник знания. 1912. № 3. С. 267–274.

Второй тип промыслового судна – упомянутая норвежская «ёла», употребляемая, главным образом, на тресковом промысле. Она отличается значительной килеватостью, правильностью форм и почти вертикальным форштевнем, благодаря чему она сравнительно легка на ходу и под парусами и на веслах.

При сравнении шняки с ёлой, которая, кстати сказать, вытесняется в Норвегии моторными судами, невольно замечаешь разницу культуры населения побережья русского и норвежского: безграмотное поморское население, расходуя на судно массу материала, делает его неуклюжим и тяжёлым, тогда как норвежцы, прошедшие шестиклассную школу и знакомые с основами геометрии, строят сравнительно красивое, легкое судно правильной формы.

Морские качества норвежских судов признают сами наши промышленники. Они признают, что ёла легче идет под парусом и на веслах, что она очень удобна для команды, которая всегда может обогреться и обсушиться в каюте и приготовить себе теплую пищу. Однако, признавая положительные стороны «ёлы», наши промышленники находят, что благодаря тонким стенкам, она представляет некоторую опасность во время шторма. Впрочем, поморы и сами не отрицают, что они – далеко не такие опытные моряки, как норвежцы, которые управляют своей ёлой во всякую погоду и выезжают на промысел даже тогда, когда помор не рискнет выйти в море» [1].

Исходя из процитированных выше публикаций и других доступных нам источников, можно сделать следующие обобщения от сравнения традиционных русских шняк и усиленно «прививавшихся» в 1860-х гг. норвежских ёл.

Ёла, благодаря своему парусному вооружению (преимущественно косые, а не прямые паруса), при движении могла лавировать. Ёла также была более лёгкой, по сравнению со шнякой, что облегчало работу гребцам при движении на веслах. Наличие у ёлы каюты в корме, нередко отапливаемой, создавало более комфортные условия для команды, в сравнении с командою шняки. Но преимущества ёл над шняками становились далеко не очевидными с учетом условий эксплуатации их у русских берегов и с учетом особенностей техники ведения промыслов русскими.

---

[1] Там же. С. 268.

Условия эксплуатации ёл в Норвегии и, отчасти, на Мурмане, сильно отличались от аналогичных условий на берегах Белого моря. В Норвегии ёлы отстаивались в фиордах, на значительной глубине. А у многих поморских селений по берегам Белого моря глубины были незначительными; ситуации, при которых волны били суда о каменистое дно во время приливов и отливов, были не исключительными, а вполне заурядными. Поэтому большая толщина бортов шняк и более крепкая их конструкция в сравнении с ёлами оборачивались достоинством, позволявшим безопасно эксплуатировать шняки не только вблизи берегов Мурмана и Норвегии, но также и у мелководных каменистых берегов Белого моря. «Тяжелые» шняки обладали, по-видимому, остойчивостью как минимум не худшей, чем ёлы.

Норвежцы со своих ёл чаще ловили «на поддев», русские со своих шняк – на ярусы. При ловле «на поддёв» наличие или отсутствие кормовой каюты мало влияло на промысел; при работе с ярусом вместительная каюта на корме могла создавать рыбакам некоторые неудобства.

Наконец, и это, возможно, главное: при сопоставимых размерах, водоизмещении, шняки стоили существенно дешевле, чем ёлы. Этот фактор и обеспечил многолетнее сосуществование на мурманских промыслах традиционных русских шняк с насаждавшимися российскими властями в 1860-х гг. норвежскими ёлами.

… Казалось, что консерватизм, выражавшийся в стремлении из поколения в поколение строить деревянные суда одних и тех же типов неистребим в Поморье, что никаким инновациям не «привиться» здесь к традиционной морской культуре извне. Не получилось это в эпоху Петра Великого, не получилось и в эпоху великих реформ Александра II. Казалось, что ни указы Петра I с угрозами разнообразных наказаний за строительство судов традиционных типов, ни медали с денежными премиями за постройку норвежских ёл и даже бесплатная раздача их в 1860-х гг. не смогли поколебать приверженность поморов своим старым шнякам, карбасам и другим типам судов, давно используемым на Русском Севере.

Тем не менее, в конце XIX – начале XX вв. норвежские ёлы стали постепенно распространяться на Русском Севере, причем преимущественно на мурманских промыслах, т. е. именно там, где их еще в 1860-х гг. хотел видеть Н. Я. Данилевский. В рамках данной статьи мы не рассматриваем подробно этот медленный и не очевидный для сто-

ронних наблюдателей, не получивший освещения в прессе и официальных отчетах губернаторов процесс распространения норвежских ёл. Заметим пока, что в 1880-х–1900-х гг. ёлы стали использоваться на Мурмане не только на промыслах. Их применяли в качестве разъездных маломерных судов и местные чиновники. Известны случаи, когда ёлы закреплялись на шлюпбалках российских паровых судов, в т. ч. и военных, совершавших плавания в морях Северного Ледовитого океана. Врач К. С. Моркотун [1], служивший в 1897 г. на транспорте «Самоед», занимавшимся охраной промыслов в Севером Ледовитом океане от иностранных «хищников», при описании устройства и помещений транспорта отмечал: «Начиная с фок-мачты, на шкафуте помещается прежде всего большой люк [...] По сторонам люка, на ходу, обыкновенно помещаются меньшие шлюпки (справа – так называемая шестерка, а слева – норвежская ёла)» [2].

Ёлы на Мурмане накануне Первой мировой войны

Существует крайне интересный, но до сих пор мало востребованный историками источник по частным парусным [3] судам – опубликованные отчеты начала XX в. о деятельности взаимного страхования мореходных парусных судов населения Архангельской губернии. Изложению в систематизированном виде и анализу всех данных, содержащихся в этих отчетах, касающихся ёл и их владельцев, можно посвятить отдельную публикацию. Здесь же, для примера, пока представим данные о ёлах пока лишь из одного отчета: за период с 1 (14) апреля 1912 г. по 1 (14) апреля 1913 г. [4]

По состоянию на 1 (14) апреля 1912 г. во взаимном обязательном

---

[1] Моркотун Константин Степанович известен как автор объемной монографии: Моркотун К. С. Морская гигиена. СПб.: Типография Морского министерства, 1907. 858 с., илл.

[2] Моркотун К. С. Очерк плавания транспорта «Самоед» в Северном Ледовитом океане в 1897 году. [СПБ., 1898]. С. 2.

[3] Парусно-моторные суда не учитывались.

[4] Отчет о деятельности взаимного страхования мореходных парусных судов населения Архангельской губернии за 1912 год (с 1 апреля 1912 г. по 1 апреля 1913 г.). 15-й год существования страхового учреждения. 5-е трехлетие. Архангельск: Губернская типография, 1913.

страховании судов населения Архангельской губернии «состояло на страхе» 546 судов разных типов. Общая стоимость их определялась в 1 443 863 руб.; страховая оценка равнялась 1 080 106 руб.; совокупная «грузоподъемная сила» определялась примерно в 20 000 тонн.

С 1 (14) апреля 1912 г. по 1 (14) апреля 1913 г. 45 судов были исключены: вследствие гибели – 39, по непригодности к дальнейшему плаванию – 5, и после установки мотора – 1. К 1 (14) апреля 1913 г. в Обществе взаимного страхования оставалось 501 судно общей стоимостью 1 343 783 руб. с общей страховой суммой 1 016 179 рублей. Кроме того, за этот же период вновь, т. е. впервые, было принято «на страх» еще 61 судно.

На начало отчетного периода ёл было 39 или чуть более 7,14 % от общего количества судов.

По состоянию на начало XX в. в Архангельской губернии по берегам морей акватории Северного Ледовитого океана располагались населенные пункты Александровского, Кемского, Онежского, Архангельского, Мезенского, Печорского уездов. Из них в Архангельском, Мезенском и Печорском уездах не было застраховано ни одной ёлы. Одна ёла была зарегистрирована по Онежскому уезду в Нименьгской волости; две ёлы – по Кемскому уезду (по одной в Нюхотской и в Керетской волостях). Большая же часть застрахованных ёл (36 из 39, т. е. более 92,3%) находилась в эксплуатации на Мурманском берегу Кольского полуострова в Александровском уезде [1]: в Мурманско-колонистской волости – 25 ёл, в Кольско-лопарской волости – 9 ёл и в Териберской волости [2] – 2 ёлы.

Застрахованные в 1912–1913 гг. ёлы (значительная их часть) были далеко не новыми, построенными еще в XIX в. (самая старая построена в 1888 г., т. е. в 1913 г. ей было 25 лет). Обращает на себя внимание тот факт, что немалое количество владельцев ёл было, судя по их именам

---

[1] Александровский уезд Архангельской губернии был образован в 1899 г. после официального открытия в Кольском уезде нового города Александровска (также Александровск-на-Мурмане, ныне Полярный). В том же 1899 г. Александровск стал уездным городом; уезд переименован из Кольского в Александровский (Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: Справочник. Архангельск, 1997. С. 33–35).

[2] Териберская волость была выделена из 1 стана Кольско-лопарской волости в 1912 г. (Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: Справочник. Архангельск, 1997. С. 35).

и фамилиям, колонистами Мурмана – финнами и норвежцами.

О том, как работало Общество взаимного страхования мореходных парусных судов в Архангельской губернии, можно судить по кратким данным о решенных делах по страховому вознаграждению владельцев ёл, потерпевших аварии или крушения в 2012 г. В отчете за период с 1 (14) апреля 1912 г. по 1 (14) апреля 1913 г. среди прочих были отмечены следующие случаи.

Аварии:

«1 июля 1912 г. ела "Мурман" колониста колонии Гагарки Акима Яковлева Васильева во время пути подверглась сильному шторму, которым совершенно уничтожило парус-трисель стоимостью 30 р., 70% каковых т. е. 21 р. и выданы Васильеву. Ела "Мурман" оценена в 408 р., отнесена к 3 разряду и 3 классу и застрахована в 285 р.» [1]

«1 июля 1912 г. ела "Мария" колониста Мурманского берега Софрона Немчинкова во время ловли рыбы подверглась сильному ветру, вследствие чего ела потеряла якорь, цепь [...] на 30 р. Убыток от аварии исчислен в 64 р., 70% каковых, т. е. 44 р. 80 к. и выданы Немчинкову. Ела "Мария" оценена в 417 р. отнесена к 3 разряду и 3 классу и застрахована в 292 р.» [2]

Крушения:

«22 августа 1912 г. ёла "Фрюда" кр. Нихотской волости Михаила Степановича Пономарева во время стоянки сильным штормом была сорвана с места и дала течь. Команда с судном принуждена была выброситься на берег. В выдаче страхового вознаграждения Пономареву отказано на основании пункта 4 ст. 580 Св. Пол. и Прав. О взаимном страховании судов, так как не было исполнено требование ст. 622 того же Св. Пол. и Прав. – не было сообщено своевременно об аварии. Ела "Фрюда" построена в 1897 г., оценена в 436 руб., отнесена к 3 разряду и 3 классу и застрахована в 306 р.» [3]

«23 сентября 1912 г. ёла "Юттерхен" колониста Мурманского берега Абрама Регина в сильный шторм была сорвана с якорей другим

---

[1] Отчет о деятельности взаимного страхования мореходных парусных судов населения Архангельской губернии за 1912 год (с 1 апреля 1912 г. по 1 апреля 1913 г.). 15-й год существования страхового учреждения. 5-е трехлетие. Архангельск: Губернская типография, 1913. С. 26.

[2] Там же. С. 26–27.

[3] Там же. С. 40.

судном "Аванс" и разбилась о берег. В выдаче страхового вознаграждения Регину отказано на основании п. II ст. 580 Св. Пол. и Прав. О взаимном страховании судов, так как судно вышло в плавание с недостаточным снабжением принадлежностей. Ела "Юттерхен" построена в 1900 г., оценена в 815 р., отнесена к 3 разряду и 2 классу и застрахована в 570 рублей» [1].

Помимо этих случаев в отчете упоминалась случаи «гибели» ёлы «Лилия» 16 октября 1912 г., владельцем которой была указана Лайвина Лилия Петровна, и ёлы «Рыбак» Якова Полежаева 18 апреля 1912 г., информация о страховом вознаграждении по которым в отчете отсутствовала.

Ёла – основной тип промыслового судна на Мурмане в начале 1920-х гг.

К началу 1920-х гг., т. е. времени окончания Гражданской войны на севере России, ёла (как тип промыслового судна) заняла доминирующее положение на мурманских промыслах.

В середине 1920-х гг. изучением мурманских морских промыслов занимался, среди прочих, техник-судостроитель Г. Крамаренко. Он лично объезжал становища Мурманского побережья, повсюду «снимал эскизы и делал описания самых разнообразных типов судов». Во время бесед с рыбаками он собирал и записывал их отзывы обо всех типах судов, используемых на промыслах, их достоинствах и недостатках; спрашивал у них советов о том, какого рода усовершенствования судов они бы желали; собирал сведения о количестве судов. В 1925 вышла его иллюстрированная публикация «Мелкие деревянные промысловые суда Мурманского района» [2].

Приведем здесь дословно довольно объемную цитату из этой малоизвестной даже специалистам публикации, где дается описание ёлы, как типа маломерного судна, использовавшегося на мурманских промыслах в начале 1920-х гг.

---

[1] Там же. С. 47.

[2] Крамаренко Г. Мелкие деревянные промысловые суда Мурманского района // Техника северных промыслов. Сборник I. Архангельск, 1925. С. 46–66.

«Размеры промысловых ел колеблются от 9 до 12 метров длиною и от 2 до 2,75 метров шириною. Их килевая конструкция при малой грузоподъемности дает значительную осадку, что увеличивает их мореходные качества. Тип елы, благодаря высоко выдающемуся форштевню, несколько напоминает прежние крупные гребные суда. Характер обводов острый, скулистый с миделем несколько перенесенным к носу.

Конструкция судна легкая, обшивка накройная, состоящая из 6–10 поясов с несколько выдающимся фальшбортом. Шпангоуты коренные, поставленные на нагеля со шляпками, расстояние между ними от 1 ½ до 4-х фут. На расстоянии около трети всей длины от кормы каюта на три человека, на такое же расстояние от носа поставлена съемная мачта, между каютой и мачтой двумя переборками отгорожено грузовое отделение, где находится ящик с балластом и укладывается рыба. Это отделение бывает длиною по большей части около 7 фут. Между грузовым отделением и каютой находится небольшое место для рулевого (это место называется «собачьей дырой»). Такое же расстояние и со стороны мачты, оно заполняется рыбой как запасное. У форштевня прикреплен деревянный клюз для якорной цепи и несколько далее поперек бортов – утки для крепления цепи. В носовой части телгас сильно приподнят для работ при тяге яруса. Одна пара кочет расположена к носу от мачты фута на 3–4, другая – у «собачьей дыры».

Руль у елы неширокий, навешен плотно к штевню и управление рулем чаще всего встречается посредством бокового румпеля с прикрепленным к нему на деревянном шарнире шестом длиною до «собачьей дыры». Встречается также устройство рулевого управления посредством протянутых от руля двух тросов, тросы один раз обвернуты вокруг горизонтального колеса с желобком, прикрепленного к крыше передней части каюты. К колесу приделана ручка, которой правит рулевой. По отзывам промышленников, большая их часть предпочитает старый и более простой способ управления шестом. Преимущество его заключается в том, что можно одной рукой править, другой же подгребать веслом.

Парусное вооружение преимущественно “косое”. Совсем недавно еще в районах наших промыслов рыбаки консервативно придерживались старого прямого паруса, но недостатки его все же заставили переменить прямой парус на косое вооружение, имеющее за собой больше преимуществ. Гафель делается с тем расчетом, чтобы он поме-

стился между мачтой и каютой, подъем его на мачте около 45°. Встречаются елы с бомом и без бома. Парус к бому крепится лишь концами в отличие от спортивных судов. На парусе чаще встречается около 2-х рядов рифов. Пара или две вант и форштаг лежат на чиксах, под которыми сквозь мачту пропущен болт с двумя упорными ушами: одним основным, другим с другого конца на резьбе. Болт пропущен через мачту продольно судну. Уши служат для гаков блока коренфала и кливерфала. Пик-фал проходит через два блока на мачте на двух бугелях. Форштаг своим нижним концом прикрепляется к рыму, пропущенному через форштевень пониже клюза, а верхним концом разъединен двумя блоками, посредством которых опускают мачту назад. Площадь парусов ел размерами от 9 до 12 метров колеблется от 18 до 25 кв. метр.

Каюта имеет овальную крышу, крытую дольными досками вгладь или же иногда накройной конструкции. Накройные крыши, благодаря своей конструкции и крепкой скрепке, не требуют бимсов и непромокаемой покрышки сверху, гладные же держатся на 3–4 легких бимсах и покрыты толем или же покрашенной и просмоленной парусиной. Вертикальная переборка каюты делается из горизонтальной шпунтовки и упирается на банку, под которой тоже есть перегородка. Квадратная дверца от банки до самой почти крыши ведет в каюту. По бокам дверцы врезаны маленькие иллюминаторы. В каюте на уровне банки сделаны нары с вырезом у дверец в их ширину и фут на 4–5 длины. На нарах у переборки на левом борту устанавливается каменка с дымовой трубой, пропущенной через крышу. Особое внимание обращается на изоляцию каменки от дерева железом и асбестом.

Способ постройки и конструкция елы насколько только возможно упрощается с целью удешевления стоимости судна. Киль и штевни елы составлены из двух средних размеров частей кокор, распиленных вдоль и составленных на простых замках косого среза сообразно изгибу киля. Штевни также наставлены со сростами повыше грузовой ватерлинии. Для наиболее удобного способа работ первые набои ставятся короткими. Этот способ дает то преимущество, что из наиболее узкого и дешевого лесного материала предоставляется возможность сделать ту форму килевой конструкции судна, которая обладает наиболее мореходными качествами. Между досками обшивки прокладывается негниющий мох или же пазы проконопачиваются. Заклепки ставятся на расстоянии 10–19 с. друг от друга. Большое преимущество дается

оцинкованным заклепкам, не ржавеющим в морской воде. Шпангоуты в обшивке крепятся на деревянные нагеля с шапочками и расклиниваются с внутренней стороны шпангоута. Этим креплением пренебрегать нельзя, так как при работе елы во время промысла всякое дурное крепление, менее крепкое, может не выдержать» [1].

Согласно опубликованным Г. Крамаренко данным, всего на Мурманском берегу в 1924 г. было 520 деревянных промысловых судов. Из них парусно-гребных ёл было 380 или 73% от общего количества!

Старых шняк, которых ёлы всё-таки почти вытеснили с мурманских промыслов, оставалось там 27 или 5,2%. Почти столько же было старых карбасов и оборудованных для промысловых целей малопригодных для этого судов – 26 или 5%. Лишь 86 судов или 16,8% от общего количества были относительно новыми парусными и парусно-моторными ботами, среди которых, кстати, было также и четыре ёлы, оборудованных двигателями [2].

Используемые на Мурмане в 1920-х гг. русскими рыбаками ёлы в массе своей, судя по ряду косвенных упоминаний в публикациях 1920-х гг., были не новыми. «Большинство рыбаков – народ несостоятельный, – писал Г. Крамаренко. – Если кому удавалось скопить 100–200 рублей, он отправлялся в Норвегию купить себе норвежскую ёлу, выбирая себе подешевле, и в результате ему попадалось старье. Таков был главный источник для пополнения судового состава Мурмана…» [3].

Ёлы и в самом деле покупались в Норвегии подержанными, по низким ценам. Норвежские рыбаки в то время активно осваивали парусно-моторные палубные боты, гораздо большего водоизмещения по сравнению с ёлами, более безопасные в эксплуатации и более комфортные для команд. Старые во всех смыслах ёлы за ненадобностью продавались русским. И без того небогатые рыбаки севера нашей страны, разоренные Первой мировой и Гражданской войнами, их охотно брали. В сущности, на примере ёл, распространившихся на Мурмане в начале 1920-х гг., хорошо видна порочность так называемой «догоняющей модернизации»: заимствованное с Запада зачастую оказывалось неактуальной и потерявшей там свою востребованность архаикой.

---

1 Там же. С. 53–54.

2 Там же. С. 64.

3 Там же. С. 65.

Техник-судостроитель Г. Крамаренко и его коллеги понимали, что будущее – за парусно-моторными ботами. Но вынужденные ориентироваться на реальные условия и понимая, что большинство рыбаков на Мурмане – народ «несостоятельный» и «нетребовательный» [1], они рекомендовали ёлу, как тип судна, к дальнейшей эксплуатации рыбаками и поддерживали возможность строительства ёл в Советской России.

* * *

История «прививания», внедрения ёл – норвежских деревянных парусно-гребных судов, использующихся преимущественно для рыболовства, – берет свое начало в 1860-х гг. и неразрывно связана с именем известного российского ученого и философа Н. Я. Данилевского. Заканчивается эта история в годы Великой Отечественной войны, когда строительство судов этого типа в условиях военного времени по необходимости действительно стало массовым.

В 2022 г. автором настоящей статьи были подготовлены три публикации по данной тематике. Одна из них опубликована в журнале «Вопросы истории» [2], две другие – в сборниках материалов конференций, проводившихся в Архангельске [3] и Вологде [4]. Они отличаются объемом и содержанием представленного в них материала, наличием иллюстраций.

---

[1] Там же. С. 52.

[2] Давыдов Р. А. «Прививание» норвежских судов на Русском Севере в 1860-х гг., его результаты и последствия (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского) // Вопросы истории. 2022. № 8 (1). С. 16–33.

[3] Давыдов Р. А. «Прививание» норвежских судов в Поморье в 1860-х гг., его результаты и последствия: единственная со времен Петра I попытка стимулирования российскими властями строительства судов иностранных типов частными судостроителями Архангельской губернии // Петр I у истоков Российской империи: материалы Малого Северного Петровского конгресса, Архангельск, 20–23 апреля 2022 г. Архангельск: [б. и.], 2022. С. 420–436.

[4] Давыдов Р. А. Распространение норвежских ёл на Русском Севере по инициативе Н. Я. Данилевского в 1860-х гг.: мероприятия российских властей, их результаты и последствия // Исследования Русского Севера: экология, история, наследие: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского (Вологда, 25–27 октября 2022 г.). Вологда: ВоГУ, 2022. С. 309–315.

Настоящая статья, сводя воедино ранее опубликованный материал, тем не менее не закрывает полностью изучение процессов «прививания» и распространения норвежских ёл на севере России и СССР в 1860-х – 1940-х гг. И есть как минимум три аспекта данной темы, которые в настоящей статье пока лишь упомянуты, но еще подробно не рассмотрены:

1. Обстоятельства приобретения в Норвегии в середине 1860-х готовых новых ёл разных размеров для бесплатной раздачи их русским промышленникам; порядок доставки их в Россию и критерии, которыми руководствовались представители губернских и уездных властей, определяя будущих владельцев ёл.

2. Организация строительства ёл в 1923–1924 гг. в Кехотской волости Архангельского уезда, начатая паевым товариществом для эксплуатации рыбно-звериных промыслов «Севкорыба» под наблюдением техника-судостроителя Г. Г. Крамаренко. Предположительно, это была серия минимум из шести ёл – первых судов такого типа «советской» постройки. Насколько можно судить по имеющимся документам, организаторы данного дела в 1920-х гг. ничего не знали ни о покупке в Норвегии ёл в середине 1860-х гг. и раздаче их поморам, ни о первых ёлах, построенных в Архангельской губернии в те же годы. А потому они искренне считали себя первыми, кто когда-либо занимался организацией строительства ёл на севере России.

3. Причины, организация и результаты массового строительства ёл в Архангельске в годы Великой Отечественной войны и эксплуатации их в 1940-е гг. на побережьях Белого и Баренцева морей. Это, возможно, самые интересные страницы истории ёл в нашей стране. Пока с осторожностью (точный подсчет еще не завершен) можно заметить, что для советской рыбопромышленности в годы Великой Отечественной войны в отдельные периоды ёлы строились по нескольку десятков в месяц, а общее количество построенных в Архангельске ёл измеряется сотнями!

Работа по трем указанным выше направлениям будет продолжена. Ранее никогда не публиковавшийся материал для этого отчасти уже собран…

БОГОМАЗОВА
Анастасия
Александровна

кандидат исторических наук.,
младший научный сотрудник
Санкт-Петербургского института
истории РАН

ПРОМЫСЛОВЫЕ СУДА В ВАРЗУЖСКОЙ СЛУЖБЕ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XVI – 70-Х ГГ. XVII ВЕКА [1]

В Варзуге находились рыбные (семужьи) промыслы нескольких монастырей, в том числе Соловецкого, Николо-Корельского, Новоспасского, Троице-Сергиева, а также патриарха [2]. Соловецкая обитель владела промысловыми угодьями в Варзужской волости как минимум со второй половины XVI в. [3] П. А. Филин рассмотрел организацию и функционирование семужьего промысла в волости Варзуга на южном берегу Коль-

---

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-78-10060 «Церковное и монастырское строительство в России XIII–XVII вв. как фактор развития общества и государства в XIII–XVII вв. и в начале XXI в.: история, культура, архитектура, наука».

[2] Филин П. А. «Варзужская служба» Соловецкого монастыря в XVII–XVIII веках по документам Российского государственного архива древних актов // Массовые источники истории и культуры XVI–XX вв.: Материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: проблемы изучения и издания», посвященной памяти В. В. Крестинина (1729–1795), 19–23 июня 2001 г. Архангельск, 2002. С. 328; Никонов С. А. Инфраструктура и логистика монастырских промыслов Поморья: организация варзужской службы Николо-Корельского монастыря в XVII в. // Русь. Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2019. С. 440–443.

[3] Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь, 1927. С. 200–201.

ского полуострова (Терском берегу Белого моря) в XVII–XVIII вв. [1] Исследователь приводит сведения и об использовании судов в организации промысла. Так, он отмечает, промысел обслуживало крупное грузовое судно – лодья. П. А. Филин приводит характеристики лодьи, а также указывает, что в устье реки Варзуги располагался монастырский двор с лодейной пристанью («Кош»). Отдельная статья П. А. Филина посвящена тоневому [2] хозяйству и организации рыболовного промысла поморов на примере тоней Терского берега Белого моря [3]. Организации варзужской службы Николо-Корельского монастыря посвящена статья С. А. Никонова [4]. Рассматривая монастырское хозяйство, исследователи упоминают о наличии промысловых судов, однако специальной работы, посвященной организации судового хозяйства в варзужском промысле того или иного монастыря, нет.

В статье мы обобщим сведения о судовом хозяйстве варзужской службы Соловецкого монастыря с конца XVI в. до 70-х гг. XVII в. (времени после подавления Соловецкого восстания). Основными источниками для изучения судового хозяйства варзужской службы Соловецкого монастыря являются приходо-расходные книги обители, а также отводные и приходо-расходные книги соловецкой варзужской службы.

На 1669 г. к Варзужской службе относились рыболовные промыслы на устье р. Варзуги в Кошу, в р. Киче, в р. Чаванге, в р. Стрельне, монастырская четверть в р. Чапоме (четверть в избе, в заборе (ловушке

---

[1] Филин П. А. «Варзужская служба» Соловецкого монастыря в XVII–XVIII веках по документам Российского государственного архива древних актов // Массовые источники истории и культуры XVI–XX вв.: Материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: проблемы изучения и издания», посвященной памяти В. В. Крестинина (1729–1795), 19–23 июня 2001 г. Архангельск, 2002. С. 328–334.

[2] Тоня – «участок водоема и его побережья, естественно приспособленный или специально подготовленный для ловли рыбы или боя морского зверя (Филин П. А. Поморские тони как форма организации промыслового хозяйства Русского Севера) // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Вып. 15. Архангельск – М., 2016. С. 36.

[3] Филин П. А. Поморские тони как форма организации промыслового хозяйства жителей Русского Севера // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 15. Архангельск – М., 2016. С. 35–44.

[4] Никонов С. А. Инфраструктура и логистика монастырских промыслов Поморья: организация варзужской службы Николо-Корельского монастыря в XVII в. // Русь. Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2019. С. 440–443.

для рыбы) и в тоне), рыболовные промыслы Точильно и Кашкаранцы [1].

Самые ранние сведения о наличии судов в Варзуге у Соловецкого монастыря относятся к концу XVI в. В 1582/83 г. священник Аркадий, постриженик Валаамского монастыря дал Варзуге поездной [2] карбас [3]. В 1599 г. в Варзуге были проданы две «лодейки вкладных» [4].

В 1603 г. приказной старец Спиридон купил поездной карбас. В 1604/1605 г. в службу делали кошечный и юричный карбасы. В 1606/1607 г. были куплены юричный и поездной карбасы, в 1608/1609 г. – карбас с парусом. В 1609/10 г. приказной старец Мирон купил поездной карбас. В 1621 г. в Чапому, где находился один из рыбных промыслов, всей волостью вскладчину был куплен большой карбас и матица (зд. – часть невода), приказной старец Алимпий заплатил за монастырскую четверть 14 алт. В 1625 г. приказчик старец Тихон купил или заказал сделать новый юричный карбас, а также чинил кошечные, юричные и поездные карбасы. Следовательно, все эти виды карбасов были и использовались в Варзуге в то время. В 1626 г. приказчик старец Никандр дал в аренду варзужанину Петру Волкову лодью «под кладь» до Холмогор. Следовательно, в Варзуге в 1626 г. была лодья. В 1628/29 г. приказчик старец Михаил купил новый поездной карбас. В 1629 г. приказной старец Митрофан купил два юричных карбаса. В 1630 г. приказной старец Измаил купил на Двине в Кехте два кошечных карбаса и «шил» два паруса: «чепомский» (для карбаса на промысел на Чапомском берегу) и юричный. В 1636–1637 г. крестьянин Новоспасского монастыря Федор Дементьев сын Безпортошный дал вкладом в Варзуге старцу Сергию мурманскую шняку с парусом и со всей снастью, однако мы не можем сказать точно, осталась ли шняка в Варзуге. В 1645/1646 гг. приказчик старец Лазерь купил поездной карбас. В 1648 г. по договору со старцем Савой Старковым подужемец Микитка Мартинов сделал весновский карбас в Варзугу на кошечную тоню. В 1650–1652 гг. старец Савватий купил один по-

---

1 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 580. Л. 6–9 об.

2 Поезд – плавная снасть для ловли рыбы (Подробнее см.: Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 136).

3 Архив СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 125. Л. 75, 81.

4 Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1571–1600 гг. / Сост. Е. Б. Французова. М.; СПб., 2013 (далее – ПРК). С. 418.

ездной карбас у некоего Фалелея, а также поездной карбас вместе «с троецким» (соловецкой варзужской службе принадлежала четверть карбаса) в Чапому. В эти же годы упоминается кашкаранская лодья. В 1652/1653 г. был куплен новый поездной карбас, в 1653/1654 г. – юричный карбас у двинянина Сисоя. В 1660/1661 г. был куплен карбас на тоню «Рендоку на гаровную» (Рендокоту). В 1664 г. в службу был сделан поездной карбас [1].

Сохранились отводные книги Варзужской службы 1656, 1664, 1665, 1667, 1672, 1677 гг., а также переписные книги 1669 и 1676 гг. В отводных книгах варзужской службы перечислены карбасы (с указанием их видов), находящиеся на разных тонях и рыболовных промыслах, относящихся к службе.

Таблица 1. Суда в Варзужской службе Соловецкого монастыря [2]

Год	Суда
1656	В Варзужской волости – 7 поездных карбасов, в Кошу – 9 карбасов юричных (один из них ветхий), 8 карбасов кошечных, большой карбас, на котором «в Чавангу ездят», 6 карбасов «поездовых ветхих» и 2 новых; на р. Киче – карбас «поездовый», на р. Чаванге – карбас «поездовой» ветхий; на р. Стрельне – карбас «поездовой»; в Чапоме – карбас «поездовой». 5 карбасов (из них один ветхий и один подержанный) даны в аренду.
1664, май	В Варзужской волости – «2 карбаса болших чавонской да стреленской, 5 карбасов поезных, карбас харовной рендуской, 5 карбасов кошешных, 4 карбаса юришных», в Чавонге и Чапоме – 2 поездных карбаса, на р. Киче – поездной карбас. 11 парусов каменных и «кошешных» тонь, 2 судовые якоря, якорь и шейма заборные.

[1] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 119; Оп. 5. Ед. хр. 476. Л. 8 об., 30 об., 53, 74; Ед. хр. 483. Л. 2; Ед. хр. 491. Л. 9; Ед. хр. 493. Л. 8, 8 об.; Ед. хр. 495. Л. 5 об., 7 об.; Ед. хр. 497. Л. 5; Ед. хр. 499. Л. 4; Ед. хр. 500. Л. 9; Ед. хр. 518. Л. 4 об.; Ед. хр. 524. Л. 12 об., 13–13 об.; Ед. хр. 528. Л. 11, 13; Ед. хр. 542. Л. 3 об.; Ед. хр. 554. Л. 4 об.; Музей «Московский Кремль». Инв. № Рук. – 1403. Л. 612.

[2] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 535. Л. 5 об., 6 об.–8; Ед. хр. 555. Л. 5 об., 6, 7; Ед. хр. 556. Л. 7 об., 9, 10; Ед. хр. 557. Л. 9 об.–10, 20 об.–21; Ед. хр. 562. Л. 6 об.; Ед. хр. 580. Л. 5 об.–9 об.; Ед. хр. 599. Л. 3 об., 6 об.; Ед. хр. 613. Л. 62 об.–63, 65; Ед. хр. 624. Л. 6 об., 8 об.–9 об.

1664, октябрь	В Варзужской волости – «два карбаса поездных, третей новой, карбас болшой, в чем камень возят, другой карбас в Кошу, два карбаса болших: чапомской да стреленской, карбас харовной рендуской, пять карбасов кошечных ветхи, пять карбасов юричных, в Чапоме – 2 поездных карбаса. 9 парусов каменных тонь, ветхи, якорь и шейма заборные.
1665	В Кошу – «2 карбаса болших: чаванской да стрелниской, 3 карбаса кошесних, 8 карбасов юрисних, 2 карбаса рендокочких, 2 карбаса поездных»; в Варзужской волости 2 поездных карбаса, на р. Чаванге – поездной карбас, на р. Стрельне и в Чапоме – 2 ветхих поездных карбаса[1]. Заборный якорь и шейма, 11 судовых ветхих парусов.
1667	В Варзужской волости – 7 поездных карбасов (4 новых, 2 подержанных, 1 ветхий), в Кошу – каменных тонь 3 новых карбаса и 14 ветхих «худых», на р. Киче – поездной карбас[2].
1669	В Варзужской волости – 2 карбаса «поездниц», в Кошу – «карбас извозной с полубами и парус извозного карбаса большей, 2 карбаса кошечных тоней да 11 карбасов каменных тоней, да стрелничной карбас, да чаванской карбас, 4 карбаса поездниц», на р. Киче – карбас «поездница», на р. Чаванге – карбас поездной, на р. Стрельне – карбас поездной, в Точильно – 4 карбаса тонных[3], в Кашкаранцах – 7 карбасов тонных
1672	В Варзужской волости – 3 поездных карбаса, в Кошу – 4 карбаса «юришных тонь», судно весновское. Большой якорь с заборной соймой, 2 судовых якоря.
1676	«Три карбаса кошечные, четыре карбаса юричные, карбас реднокоцкой, два карбаса поездные, да карбасов болших и малых девять», в Кашкаранцах – 9 карбасов. Якорь, 2 небольшие якоря.
1677	«Карбас болшой весновской стрелницкой, карбас болшой весновской же, что оставил соборной старец Иосиф, три карбаса кошечных старых, карбас кошечной новой Лаврентьевы покупки, шесть карбасов юричных старых, карбас чаванской, четыре карбаса поездниц ветхих, да четыре карбаса новых поездниц покупки старца Лаврентия, карбас рендоковской новой, ево же Лаврентьевы покупки 5 якорей судовых». Якорь заборный с шеймой, 11 ветхих парусов больших и малых судов.

[1] В одном экземпляре отводной книги 1665 г. «карбас кицкой» зачеркнут, а в другом назван поездной карбас в Киче (Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 557. Л. 9 об., 21).

[2] Промыслы на других реках в отводной книге не описаны.

[3] Для использования на тонях.

Согласно отводным книгам варзужской службы 1656, 1665 и 1667 гг., а также переписной книге 1669 г. [1], помимо нескольких карбасов в самой варзужской службе, в каждом рыболовном промысле был как минимум один карбас. Больше всего карбасов было в Кошу: в разные годы около 20 (!) карбасов. В Варзуге использовались несколько видов карбасов, предназначенных для разных рыболовных промыслов: тонные и поездные карбасы. Причем тонные карбасы различались: для каменных тоней и для кошечных тоней. В Кошу был также извозной карбас, на котором ездили в Чавангу, на р. Киче, р. Чаванге и р. Стрельне – только поездные карбасы, в Точильно и Кашкаранцах – только тонные. Всего же в июле 1656 г. в Варзуге и относящихся к ней рыболовных промыслах было 37 карбасов и еще пять были отданы в аренду (всего 42 карбаса); в ноябре 1665 г. – 22 карбаса, в 1667 г. – 25 карбасов, в январе 1669 г. – 36 карбасов, в июне 1672 г. – всего 8 судов, в июле 1676 г. и в июле 1677 г. – 22 карбаса. Количество карбасов в варзужских промыслах в 1656 г. превосходило, в 1669 г. было немногим меньше по сравнению с количеством карбасов, находящихся в самом монастыре в период расцвета монастырского флота в 1632–1640 гг. (тогда их было 40). В отводных книгах 1665, 1667, 1672 и 1677 гг. названо наименьшее количество судов. Однако в отводных книгах 1667, 1672 и 1677 гг. не приведены сведения о наличии судов и снастей на р. Чапоме, Чаванге, Стрельне, а также в Точильно и Кашкаранцах. Возможно, с учетом этих промыслов карбасов было несколько больше.

В 1585 г. старец Архип и старец Игнатий были посланы в Варзугу на рыбную ловлю. Позже его лодью с варзужской рыбой разбило. Ремонтировал судно кормщик Юрий Плешко [2]. В 1625 г. при старце Тихоне в Варзуге чинили кошечные, юричные и поездные карбасы, мастеру заплатили 13 алтын 2 денги [3]. В 1632 г. в Варзуге при старце Измаиле «у кошешново судна вставливал матицу новую, от дела дано 13 алтын 2 денги» [4]. Возможно, имеется в виду судно, обслуживающее

---

1 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 535. Л. 5 об., 6 об.–8; Оп. 5. Ед. хр. 562. Л. 6 об.; Оп. 5. Ед. хр. 580. Л. 5 об.–9 об.

2 ПРК. С. 274–275.

3 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 493. Л. 8 об.

4 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 500. Л. 14 об.

монастырский двор в устье реки Варзуга в «Кошу» или кошечный карбас [1]. В 1660 г. к чавангскому (на р. Чаванге) судну ковали петлю и крюк [2].

В 1628/1629 г. варзужский приказчик старец Михаил купил в промысел судовой парус за 1 руб. [3] Вероятно, этот парус предназначался для поездных карбасов, которые использовались в рыбном промысле. В 1630 г. приказчик старец Измаил заказал пошить два паруса: чепомский и юричный, то есть для юричного карбаса и для карбаса, предназначенного для рыбного промысла на Чепомском берегу [4].

В 1621 г. варзужский приказной старец Алимпий купил бочку смолы, в 1645–1646 гг. старец Лазарь также купил бочку смолы, в 1650–1652 гг. старец Савватий купил 2 двойные бочки смолы, в 1654/1655 г. было куплено у каргопольцев 2 большие бочки смолы, в 1659/1660 г. – 2 пуда смолы (32,76 кг), в 1660 г. – 3 пуда смолы (49,14 кг), в 1660/1661 гг. – 5 пудов смолы без четверти (77,8 кг) [5]. В 1664 г. на рыбном промысле «в Кошу» была треть бочки смолы, в 1669 г. – бочка смолы, в 1672 г. – полбочки смолы, в 1677 г. – 6 пудов смолы (98,28 кг) [6].

В устье реки Варзуги «в Кошу» стоял монастырский двор, в котором располагались амбары и находилась лодейная пристань [7].

Из Летнерецкого промысла соль отправляли на лодьях в монастырь и в Сумской острог, а также на рыболовные промыслы: в Кемь, По-

---

1 Филин П. А. «Варзужская служба» Соловецкого монастыря в XVII–XVIII веках… С. 330, 333.

2 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 542 а. Л. 6 об.

3 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 497. Л. 3.

4 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 500. Л. 10 об.

5 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 491. Л. 7 об.; Ед. хр. 518. Л. 5 об.; Ед. хр. 524. Л. 11 об., 14; Ед. хр. 528. Л. 15; Ед. хр. 538. Л. 7; Ед. хр. 542. Л. 3 об., 4; Ед. хр. 542 а. Л. 5 об.

6 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 555. Л. 6 об.; Ед. хр. 580. Л. 6 об.; Ед. хр. 599. Л. 3; Ед. хр. 624. Л. 6 об.

7 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 555. Л. 4; Ед. хр. 557. Л. 5, 16. См. также: Филин П. А. «Варзужская служба» Соловецкого монастыря в XVII–XVIII веках по документам Российского государственного архива древних актов // Массовые источники истории и культуры XVI–XX вв.: Материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: проблемы изучения и издания», посвященной памяти В. В. Крестинина (1729–1795), 19–23 июня 2001 г. Архангельск, 2002. С. 333.

дужемье, на Кильбоостров и даже в Варзугу (Терский берег Кандалакшской губы) для заготовки рыбы. Так, в 1613 г. в Варзугу была отправлена лодья с солью для рыболовного промысла из Поньгомы. В 1609/1610 г. старец Фаддей был отправлен на монастырской лодье за рыбой в Умбу и Варзугу.

Из Варзуги семгу отвозили осенью в монастырь в основном на монастырских лодьях, иногда на соймах. Так, в 1603 г. в монастырь было отправлено 1500 рыб на сойме со старцем Гаврилом и 500 рыб на лодье со старцем Ануфрием [1]. В 1621 г. на лодье было послано 100 рыб, в 1622 г. – 3300, в 1625 г. – 4025, в 1626 г. – 1130, в 1630 г. – 2000, в 1631 г. – 430, в 1632 г. – 1100 рыб. В 1625 г. в Архангельск было послано 4600 рыб, а в монастырь на сойме – 1290 рыб [2]. За провоз рыбы до Архангельска варзужский приказчик старец Тихон заплатил старцу Антониево-Сийского монастыря Исихею. Следовательно, рыбу отправили в Архангельск на наемной лодье (судя по грузоподъемности, именно на лодье). Осенью 1650 г. «в монастырской служебной лодье» со старцем Иваном в монастырь было отправлено 2500 рыб, в 1651 г. на лодье со старцем Зосимою – 2800 рыб. В 1652 г. сам приказчик старец Савватий, возвращаясь в монастырь, привез 2850 рыб, на каком судне – не известно, но, вероятно, также на лодье. В 1652/1653 – 1654/1655 гг. в монастырь отвозили рыбы по нескольку лодий. В 1659 г. на «осенней лодье» приказчик старец Матфей отправил со старцем Зосимою и с промышленниками 6630 рыб, а весной 1660 г. на лодье «с тем же старцем Зосимою» – 240 рыб [3].

Из Варзуги отправляли в монастырь не только рыбу, но и деньги, вырученные от продажи рыбы. Так, например, в 1615 г. варзужский приказчик старец Козьма прислал на лодье со старцем Логином Четочником 100 руб., в 1619 г. варзужский приказчик старец Исаия прислал на лодье со старцем Тихоном 300 руб. «рыбных денег», то есть вырученных от продажи рыбы. В казначейских приходо-расходных книгах есть упоминания об отправке монастырской лодьи в Варзугу и Умбу в августе 1645 г. и в Варзугу в сентябре 1653 г. В 1659/1660 г. при-

---

1 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 476. Л. 5–5 об.

2 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 493. Л. 2 об.

3 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 524. Л. 4 об., 7, 9 об.; Ед. хр. 528. Л. 2 об., 3 об., 5 об.– 6, 8; Ед. хр. 538. Л. 3 об.– 4.

казной старец Матфей послал в монастырь на лодье с дьяконом Пахомом 30 руб. 29 алт. [1] В 1630 г. приказной старец Измаил заплатил троицкому старцу Тихону за аренду чепомского карбаса 8 алт. 2 ден. [2]

В монастырь из Варзуги можно было добраться на небольшом судне. Так, в 1628/29 г. варзужский приказчик старец Михаил нанял за 40 алт. трех человек с судном, чтобы идти в монастырь. В данном случае имеется в виду наемное судно. Варзуга поддерживала связь с Кашкаранцами: в 1629 г. из Кашкаранцев приходил монастырский трудник за деньгами [3].

Наиболее поздняя дата прихода лодьи на Соловки – 14 ноября по старому стилю, когда лодья пришла из Варзуги в монастырь: 14 ноября 1615 г. «из Варзуги старец Козма прислал рыбных денег 269 рублев на лодье с старцом Тимофеем», 14 ноября 1626 г. «из Варзуги старец Никандра прислал на лодье с старцом с Костянтином да с старцом с Михаилом рыбных денег, что взял у гостей своего лову 100 рублев» [4]. С рыболовных промыслов Кандалакшской губы (Умбы и Варзуги) деньги, вырученные от продажи рыбы, приказные старцы присылали или привозили сами, как правило, в конце навигации: в ноябре – начале декабря. Так, 2 ноября 1615 г. из Умбы старец Фока прислал на лодье со старцем Стефаном «рыбные» деньги [5], в 1619 г. – 1 ноября варзужский приказчик старец Исаия прислал на лодье со старцем Тимофеем «рыбные деньги», а 5 ноября 1619 г. старец Корнилий Тверитин привез из Умбы «рыбные деньги», в 1621 г. – 30 октября умбский приказной старец Пафнутий прислал «рыбные деньги» со старцем Ефремом, а 1 ноября – варзужский приказчик старец Алимпий со старцем Тимофеем (не известно на чем), в 1648 г. – 6 ноября в монастыре взяли у умбского приказчика старца Евдокима «рыбные деньги» и деньги у варзужского приказчика Савы Старкова, в 1649 г. – 3 ноября умбский приказчик старец прислал из Варзуги

---

1 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 538. Л. 5 об.

2 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 229; Ед. хр. 245. Л. 35; Оп. 5. Ед. хр. 491. Л. 2, 4 об.; Ед. хр. 493. Л. 2 об., 4; Ед. хр. 495. Л. 3 об.; Ед. хр. 500. Л. 2 об., 7 об., 8 об.; Ед. хр. 538. Л. 5 об.

3 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 497. Л. 6; Ед. хр. 499. Л. 4 об.

4 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 19; Ед. хр. 227. Л. 14.

5 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 18 об.

вкладные деньги, в 1664 г. – 18 ноября в монастыре взяли деньги от рыбной продажи у варзужского приказчика старца Силуяна [1]. В 1651 г. 23 ноября варзужский приказчик старец Савватий прислал со старцем Зосимою 100 руб., вырученные от рыбной продажи [2]. На чем добирались старцы Зосима и Иона в ноябре до Соловков, приходо-расходная книга не говорит. В большинстве случаев в казначейских приходо-расходных книгах не указано, на каком судне старцы приходили в монастырь в конце навигации.

Лодьи в аренду давали не только в монастыре, но и в материковых промыслах. В 1626 г. приказчик старец Никандр дал в аренду варзужанину Петру Волкову лодью «под кладь» до Холмогор. В варзужской службе давали в аренду карбасы. Так, в 1603 г. в аренду были даны 2 кошечных карбаса, в 1603/1604 г. – карбас, в 1604/1605 г. – несколько карбасов, в том числе юричный, в 1605/1606 и 1606/1607 гг. – кошечный карбас. Во время отвода службы в 1656 г. новому приказчику пять карбасов были даны в аренду: Борщику был дан новый карбас, Безноскину – ветхий, Трофиму – подержанный, Василию Андронову – карбас (без характеристики), Тимохе Барщине – новый карбас. В 1650 г. в аренду были отданы кошечный карбас и поездной карбас, последний – Василию Клюю. В 1652/1653–1654/1655 гг. в аренду было отдано несколько карбасов. В 1659 и 1660 гг. в аренду был отдан как минимум один карбас [3]. Но, если судов не хватало, карбасы могли и брать в аренду. Так, в 1645/1646 гг. приказной старец Лазарь «кортомил» карбас в Чепому у Макара Клопова [4].

Суда могли попасть в бурю, сесть на мель, замерзнуть, их могли затереть льды. Мы уже говорили выше, что в 1585 г. разбило лодью с варзужской рыбой, но судно смогли починить [5]. В монастырских при-

---

1 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 224. Л. 11, 13, 66–67; Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 12–12 об., 28; Оп. 7. Ед. хр. 1115 (врем. номер). Л. 96.

2 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 60. Сведения об этом содержатся в монастырской приходо-расходной книге. В приходо-расходной книге варзужской службы сказано только об отправке рыбы (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 524. Л. 7).

3 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 476. Л. 5 а, 15 об., 26 об., 39 об., 50 об.; Оп. 5. Ед. хр. 495. Л. 5 об.; Ед. хр. 524. Л. 4 об., 5; Ед. хр. 528. Л. 4, 6 об.; Ед. хр. 535. Л. 7 об.–8; Ед. хр. 538. Л. 5; Ед. хр. 542 а. Л. 2 об.

4 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 518. Л. 6 об.

5 ПРК. С. 274–275.

ходо-расходных книгах под 1596 г. читаем запись о выдаче священникам на сорокоусты монастырских казенных денег. Сорокоусты должны были петь в том числе и по «утопших, которые ездили в Варзугу осенью по рыбу по семгу и которых в монастыре убило колесом мельничным, по мирянех по Иване по Цынгине, да по Павле с товарыщи, по 9 человекех» [1].

В Варзуге был также промысел Николо-Корельского монастыря, который имел здесь в 1603 г. 7 карбасов поездных и мурманскую шняку. «Да в Варзускую волость на рыбной промысл ходит лодья двинянка с парусом и з якори, и з шеймами, и со всякою лодейною снастью» [2].

1 ПРК. С. 438.

2 ГААО. Ф. и-191 (Николо-Корельский монастырь). Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 59 об., 71.

ПОЛЯКОВ
Иван Анатольевич

кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник
Института истории СПбГУ,
археограф Отдела рукописей РНБ

КНЯЗЬЯ РОМОДАНОВСКИЕ – ВОЕВОДЫ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ [1]

В конце XVI – начале XVII в., в связи с ослаблением после опричнины органов местного самоуправления, централизацией государственной власти и созданием территориальных приказов укрепляется система воеводского управления [2]. В тот период городовые воеводы, в зависимости от размера и статуса города, являлись связующим звеном между центральной властью и обладали широким перечнем полномочий. Они одновременно исполняли функции администраторов, налоговых агентов, хранителей правопорядка, судей, командующих гарнизонами и даже дипломатов [3]. В наиболее отдаленных уголках страны – на Севере и в Сибири – «гражданская» воеводская служба была неотличима от военной,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда Грантов Президента Российской Федерации в рамках научного проекта № МК–4091.2022.2 «Князья Ромодановские в составе правящей элиты Русского государства XVI – начала XVIII в.: генеалогия, землевладение, стратегии поведения».

[2] Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 243.

[3] Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000. С. 20–21.

что добавляло к уже имеющимся задачам обязанности региональных военачальников [1].

В конце XVI–XVII вв. воеводами могли быть только служилые люди по отечеству: члены Боярской думы, стольники, московские дворяне и т. д. [2] Их назначения в города производили московские приказы, отвечавшие за те или иные территории. Традиционно в крупные административные центры Русского государства отправлялись бояре, окольничие или стольники из знатных семей, имевшие большой военный и управленческий опыт, а службу в небольших городах несло «среднее звено» Государева двора. Тем не менее, для большей части представителей правящей элиты (за исключением влиятельных царедворцев – главных советников царя и ключевых государственных деятелей) воеводская служба была почетной, рассматривалась как пожалование со стороны государя и факт признания их предыдущих заслуг. Несмотря на то, что воеводы не получали отдельного жалования за службу, им оставлялось право «кормиться» за счет подчиненного населения [3]. При назначении на воеводство в Сибирь компенсацией за длительное и опасное путешествие была возможность существенно обогатиться за счет местных жителей или путем обмена пушнины и дорогих восточных товаров [4]. В зависимости от удаленности того или иного города воеводство могло занимать от одного года до трех или четырех лет и даже больше [5]. Данная система просуществовала около 100 лет и была фактически ликвидирована в конце XVII – начале XVIII в. в связи с административно-территориальными преобра-

---

1 Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в./Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 161–166; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 116–141; Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 16–64.

2 Обобщенные сведения о личности городовых воевод XVII в., их зоне ответственности и порядке назначения см.: Глазьев В. Н. Городовое воеводство второй половины XVII в.//Очерки феодальной России. М., 2004. Вып. 8. С. 165–174.

3 О «кормлениях» русских воевод XVII в. см. специальную работу Г. П. Енина: Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти).

4 Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. С. 162; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 116–141.

5 В городах Сибири в исключительных случаях срок воеводств мог достигать до 10–13 лет (Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 108).

зованиями Петра Великого, по результатам которых была создана новая структура государственной власти [1]. При этом должность воеводы осталась в государственном аппарате до губернской реформы императрицы Екатерины II 1775 г., но ее функции были серьезно изменены.

В историографии проблеме возникновения воеводской системы и ее аспектам посвящено большое число работ [2]. Тем не менее, до сегодняшнего времени ученые не располагают сведениями обо всех воеводах в городах Московского государства XVII в., а наиболее авторитетным справочником остается перечень воевод, подготовленный А. П. Барсуковым в начале XX в. [3] В первую очередь эта проблема касается небольших городов и удаленных территорий, в которых воеводская власть осуществлялась непостоянно, или в течение рассматриваемого времени менялось административно-территориальное подчинение.

Большой хронологический период, низкая сохранность материалов местных воеводских изб, разобщенность делопроизводственных документов органов центральной власти XVII в. и фрагментарные сведения биографического характера о воеводах затрудняют работу по созданию нового списка воевод или базы данных. Представляется, что в настоящий момент одним из источников пополнения информации о воеводствах XVII в. могут стать историко-генеалогические труды, посвященные комплексному исследованию жизни и службы членов семей из среды титулованной и нетитулованной знати. В настоящей работе в рамках данного подхода нами осуществлена попытка собрать все имеющиеся сведения о нахождении представителей рода князей Ромодановских на воеводских должностях в северных городах Русского государства XVII в.

Род князей Ромодановских являлся видным представителем княжеской аристократии Русского государства конца XV – первой трети XVIII в. [4] В конце XV в. его члены утратили удельные владения и стали служи-

---

[1] Зенченко М. Ю. Воевода//Большая российская энциклопедия. М, 2006. Т. 5. С. 515–516.

[2] Краткий обзор см. в: Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). С. 5–29.

[3] Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.

[4] О роде князей Ромодановских в XV–XVIII вв. и их генеалогии см.: Поляков И. А. Род князей Ромодановских в XVII в. и их книжное собрание: Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2020. С. 38–158.

лыми князьями в составе правящей элиты Московского княжества. В середине XVI в. они ослабили свое положение при дворе, потеряли ряд родовых вотчин, но к концу века силами братьев Григория и Ивана Петровичей Ромодановских сумели вернуть свой статус. В XVII – первой трети XVIII в. представители старшей (потомки князя Г. П. Ромодановского) и младшей (потомки князя И. П. Ромодановского) ветвей рода благодаря службам и неформальным связям играли важную роль в государственной политике, входили в состав Боярской думы и стали одной из самых знатных, титулованных и влиятельных аристократических фамилий XVII в. Широкому кругу любителей истории род князей Ромодановских известен прежде всего тремя личностями: князем Григорием Григорьевичем, русским воеводой второй половины XVII в., более двадцати лет защищавшим западные границы Московского царства и Малороссии от польских, крымских и османских войск; князем Федором Юрьевичем – знаменитым князем-кесарем, сподвижником царя Петра Великого, главой Преображенского приказа, и его сыном князем Иваном Федоровичем. Однако не только они, но и многие другие их родственники оказали большое влияние на историю и культуру Русского государства.

Сведения о пребывании князей Ромодановских на Русском Севере появляются в документах лишь с начала 30-х годов XVII в. До этого времени представители рода преимущественно несли службу полковыми и городовыми воеводами в центральных, западных и южных регионах страны. Первым князем Ромодановским, оказавшимся на Севере, стал князь Иван Григорьевич Большой, сын боярина князя Г. П. Ромодановского, посланный в 1634 г. на воеводство на Вагу (современный Шенкурск). Важский уезд был образован после падения самостоятельности Великого Новгорода, а по Уставной важской грамоте 1552 г. был разделен на две половины: Шенкурскую и Вельскую [1]. В 1613–1615 гг. важские земли окончательно перешли в разряд дворцовых и были поделены на четыре четверти: Шенкурскую, Подвинскую, Верховажскую, Кокшеньгскую. С того момента управление уездом перешло в ведение Приказа Большого дворца, и на Вагу начали назначаться воеводы.

С территории Важского уезда до нашего времени сохранился значи-

[1] Васильев Ю. С. Поморье. XIV–XVII вв.//Васильев Ю. С. Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII веков. 2-е изд., исправленное и дополненное. Вологда, 2013. С. 118–119.

тельный по объему актовый материал XIV–XVII вв., использующийся исследователями с XIX в. для изучения проблем местного самоуправления на Русском Севере, социальной истории и экономики региона [1]. Напротив, история воеводского управления этих земель представлена в источниках фрагментарно, так как до настоящего момента не сохранился комплекс грамот Важской воеводской избы, архив Приказа Большого дворца частично утерян, а оставшиеся его части распылены по различным фондам РГАДА [2].

В ходе выявления и исследования материалов князей Ромодановских в фондах библиотек и архивохранилищ страны в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ) был обнаружен любопытный документ, позволяющий расширить список важских воевод А. П. Барсукова. Это указная грамота от 11 ноября 1634 г., посланная из Приказа Большого дворца на Вагу воеводе князю
И. Г. Большому Ромодановскому и дьяку Ивану Митусову [3].
Грамота стала ответом на челобитную жителей Слободского стана Верховажской четверти с просьбой уменьшить затраты крестьянской общины на зарплаты земского дьячка, дворника и некоторые другие расходы, возникшие после перевода кабака и таможни в стане на «верную» систему [4]. Присланный князю Ромодановскому доку-

---

1 См. об этом: Васильев Ю. С. Поморье. XIV–XVII вв. С. 118–227.

2 На основании опубликованных к 1903 г. источников, А. П. Барсукову составил список всего из 12 известных важских воевод за XVII в. (Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. С. 34–35).

3 ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 2. № 388.

4 «Верная» система – особая бюрократическая система Московского государства по осуществлению государственного управления в сфере торговли, при которой ряд задач (к примеру, организация и сбор таможенных и кабацких пошлин) возлагался на представителей местного населения в виде государственной повинности на безвозмездной основе. При этой системе в XVII в. местная община сама выбирала таможенного и кабацкого голову и таможенных и кабацких целовальников из своих рядов сроком на год, а общий надзор за правомерностью их действий осуществлял воевода. См. об этом подробнее: Балковая В. Г. 1) Правовая регламентация деятельности «верных» таможен//Вестник Российской таможенной академии. 2010. № 2. С. 14–20; 2) «Верная служба» как первая модель государственной службы в таможнях Российского государства//Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 4. С. 116–122; Раздорский А. И. Таможенные и кабацкие оклады и сборы в городах юга и запада Европейской России в XVII в. (по материалам приходо-расходных книг московских приказов)//Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Третьей междунар. науч. конф. (г. Коломна, 24–26 сент. 2013 г.). Коломна, 2015. Т. 1: XVI–XVIII вв. С. 44–45.

мент предписывал снять с крестьянской общины вышеупомянутые расходы и возмещать их из ежегодного поступления кабацких и таможенных денег.

Датировка грамоты (11 ноября 1634 г.) свидетельствует о том, что князь И. Г. Большой Ромодановский к тому моменту уже находился на Ваге. Когда он занял эту должность и покинул северный регион – неизвестно. Каким-либо образом уточнить даты его воеводства в настоящий момент не удалось. За первую половину 1630-х гг. не было обнаружено упоминаний о его службах в Москве, полках или других городах. За период 1633/34–1636/37 гг. до нашего времени также не дошли «подлинные» [1] боярские списки, в которых могло бы быть указание на время отправки князя на воеводство [2]. Тематический просмотр материалов Приказа Большого дворца из фондов Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА) [3] и коллекции «Важских актов» из Научно-исследовательского архива Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – НИА СПбИИ РАН) за начало – середину 1630-х годов также не дал результатов [4]. Таким образом, выявленный в фондах ОР РНБ на сегодняшний день документ является единственным свидетельством о пребывании

---

[1] Здесь и далее в статье для обозначения боярских списков использованы термины: «подлинные» и «наличные». «Подлинный» боярский список создавался в Разрядном приказе раз в год и фиксировал весь состав Государева двора. «Наличные» боярские списки составлялись несколько раз в год, до 1630-х годов они делились на три части: «московскую» (члены Государева двора, оставшиеся служить при дворе), «служебную» (члены Государева двора на воеводствах, в полках, на дипломатической и писцовой службах и т. д.), «отпускную»; с начала 1630-х «наличные» боярские списки фиксировали только «московскую» часть. Подробнее о боярских списках см.: Станиславский А. Л. Источники для изучения состава и структуры государева двора в последней четверти XVI – начале XVII в. / Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 23–190; Павлов А. П. Боярские списки 30–40-х гг. XVII в.//Россия XV–XVIII столетий: Сб. научных статей. Волгоград, 2001. С. 136–185; Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2008. Т. 1–2.

[2] Павлов А. П. Боярские списки 30–40-х гг. XVII в. С. 147.

[3] Были просмотрены описи и несколько «составных» дел из фондов: РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги); Ф. 141 (Приказные дела старых лет).

[4] Наиболее «близкие» к князю И. Г. Большому Ромодановскому важские воеводы, не упомянутые у А. П. Барсукова: Стефан Федорович Стрешнев (грамота от 15 мая 1631 г.: НИА СПбИИ РАН. Ф. 27. Оп. 2. № 25) и Афанасий Осипович Плещеев (грамота от 4 апреля 1637 г.: НИА СПбИИ РАН. Ф. 27. Оп. 2. № 32).

князя Ивана Григорьевича Большого на воеводстве в Ваге [1].

В середине – конце 1640-х годов на крайний север – в Архангельск – были направлены два других представителя рода: князь Иван Иванович Ромодановский (сын князя И. П. Ромодановского) и князь Василий Григорьевич Меньшой Ромодановский (сын князя Г. П. Ромодановского). Согласно сведениям «Двинского летописца», известного памятника регионального летописания последней четверти XVII–XVIII вв. [2], стольник князь И. И. Ромодановский сменил «на Двине» воеводу стольника князя Ивана Никитича Хованского, пробывшего в этой должности с 7150-го (1641/42) по 7152-й (1643/44) г.: «А на князь Иваново место Хованского приехал на Двину воеводою стольник князь Иван Иванович Ромадановский. И во 152-м году мая в 13 день приехал на Двину на Иваново место Ломакина дьяк Яков Пятого» [3]. Затем неизвестный летописец зафиксировал печальное для города событие, случившееся за время воеводства князя, – пожар 10 августа 1645 г., в результате которого сгорели две церкви: Преображенская и Воздвиженская [4]. 7 декабря 1645 г., по сведениям источника, на место князя Ромодановского в Архангельск приехал новый воевода князь Иван Араслан Мурзин сын Черкасский [5].

Информация из «Двинского летописца» о пребывании князя Ромодановского в должности архангельского воеводы в середине 1640-х годов подтверждается сведениями «подлинных» боярских списков. В списке 7152-го (1643/44) г. напротив имени стольника стоит помета «у Арханилского города» [6]. По наблюдениям Г. В. Жаринова, основная часть списка могла быть составлена к сентябрю 1643 г., хотя

---

1 Также отметим, что отличительной особенностью этой грамоты является хорошо сохранившаяся печать Приказа Большого дворца с изображением единорога (илл. 2). Об этих печатях см.: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974. С. 152–153.

2 Богданов А. П., Зиборов В. К. Летописец Двинской//Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3: XVII в. Ч. 2: И – О. С. 243–246.

3 Двинской летописец//Полное собрание русских летописей. Л., 1977. Т. 33. С. 173.

4 Там же.

5 Там же.

6 Жаринов Г. В. Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 393.

свой окончательный вариант он приобрел уже после 6 декабря 1643 г.[1] Поскольку помета в списке выполнена писцом основного текста, то можно предположить, что князь И. И. Ромодановский выехал из Москвы в Архангельск поздним летом – ранней осенью 1643 г. Согласно источнику, на воеводство в качестве помощника вместе с ним поехал сын – князь Юрий Иванович Ромодановский (на момент 1643 г. ему было около 16–18 лет), спальник царевича Алексея Михайловича[2]. «Подлинный» боярский список за 7153-й (1644/45) г. сохранился не полностью, в нем отсутствуют члены Боярской думы и первая половина списка стольников (вместе с именем князя И. И. Ромодановского), но напротив князя Ю. И. Ромодановского по-прежнему стоит помет «с отцом у города», что свидетельствует о том, что в 1644/45 г. князья оставались на севере[3].

Установить точное время отбытия князя И. И. Ромодановского из Архангельска сложнее, поскольку «подлинный» боярский список за 7154-й (1645/46) г. не сохранился[4]. Составитель «Двинского летописца» упомянул, что во время воеводства князя «на Двину» прибыл князь Андрей Иванович Солнцев-Засекин приводить служилых людей и местное население к присяге[5]. Под тем же 7154-м (1645/46) г. указано, что 7 декабря (т. е., 7 декабря 1645 г.) на север приехал новый воевода князь И. А. Черкасский. По сведениям «наличного» боярского списка, составленного ко 2-му июня того же 7154-го г. (т. е., к 2 июня 1646 г.), князь Ю. И. Ромодановский уже находился в Москве и присутствовал при дворе[6]. Следовательно, князь Иван и князь Юрий выехали в Москву после передачи дел князю Черкасскому зимой или ранней

---

1 Там же. С. 388.

2 Там же. С. 395. В «подлинном» боярском списке напротив имени князя Ю. И. Ромодановского поставлена помета «С отцом у города».

3 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 184. Л. 6.

4 Павлов А. П. Боярские списки 30–40-х гг. XVII в. С. 147.

5 Двинской летописец. С. 173. После смерти царя Михаила Федоровича 13 июля 1645 г. на следующий день царем был объявлен его сын царевич Алексей Михайлович. 14 июля в полки и города были высланы представители Государева двора для приведения подданных к присяге. Список лиц известен по материалам частных разрядных книг, но там отражены не все фамилии (Дворцовые разряды. М., 1852. Т. 3. Стб. 2–5). В частности, в них отсутствует Архангельск и имя князя А. И. Солнцева-Засекина.

6 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 202. Ст. 3. Л. 11.

весной 1646 г.[1] Таким образом, на основании сопоставления сведений из «Двинского летописца» и боярских списков можно установить, что князь И. И. Ромодановский и его сын Юрий находились на воеводстве в Архангельске не менее 2,5 лет: с позднего лета – осени 1643 г. до зимы – весны 1646 г.

О деятельности князя И. И. Ромодановского на посту архангельского воеводы известно немного[2]. В фондах РГАДА за этот период удалось найти лишь фрагмент сметного списка денежных и хлебных доходов за 1644/45 г. и окладную роспись на 1645/46 г.[3]

Какую роль сыграло это назначение для дальнейшей службы князя И. И. Ромодановского при дворе? Как оно соотносилось с его предшествующими и будущими назначениями? Ответить на этот вопрос достаточно сложно. С одной стороны, формирующаяся в XVII в. придворная культура требовала постоянного нахождения служилого человека при дворе в поле зрения монарха[4]. В этом случае, благодаря церемониальным и комнатным службам, амбициозный царедворец мог расширить круг родственных и дружеских связей, быть в курсе всех пе-

---

[1] Традиционно, воевода должен был дождаться приезда «смены», получить у нового воеводы царскую грамоту об отзыве в Москву и «передать» ему город: укрепления, казенные здания, запасы, служилых людей и казну. По результатам проверки составлялся «росписной список», по которому новый воевода «принимал» город и начинал службу. Процесс смены воевод детально описан О. В. Сазоновым: Сазонов О. В. Козловские воеводы 17-го века // Мичуринский краеведческий музей [Электронный ресурс]. URL https://mkm68.ru/voennoe-delo/296-kozlovskie-voevody-17-go-veka (дата обращения: 16.07.2023). В конце 1639 г. князь И. И. Ромодановский, будучи воеводой в Томске, не дождался сменщика князя И. И. Лобанова-Ростовского и самовольно отправился в столицу, что вызвало серьезное недовольство руководства Сибирского приказа и потребовало вмешательства царя. В итоге опальный воевода был чуть не отправлен обратно в Сибирь, но снискал государеву милость и ограничился домашним арестом. См. об этом эпизоде: Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). С. 29. Маловероятно, что князь И. И. Ромодановский решил бы повторить этот поступок второй раз.

[2] Архив Архангельской воеводской приказной избы не сохранился в комплексе. Часть документов о деятельности архангельских воевод находилась в архиве Приказа Большого дворца и выявлена сотрудниками РГАДА (см.: Архангельская (Двинская) приказная изба (приказная палата) / Российский государственный архив древних актов. Путеводитель. М., 1997. Ч. 1 // Путеводители по российским архивам [Электронный ресурс]. URL https://guides.rusarchives.ru/terms/11/3250/arhangelskaya-dvinskaya (дата обращения: 16.07.2023).

[3] РГАДА. Ф. 137. Новгород. № 31. Л. 519–643.

[4] О формирующейся придворной культуре в XVII в. см.: Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 52–108.

рипетий противостояния боярских кланов при дворе и даже заручиться доверием царя. Воеводства в Сибирь и в северные города, напротив, требовали от члена Государева двора покинуть Москву на длительный срок, что приводило к понижению его влияния при дворе и часто означало опалу. С другой стороны, представляется, что назначение в Архангельск, крупнейший торговый город, специализировавшийся на внешней торговле, было ответственной службой для представителей аристократических семей [1]. Об этом свидетельствует список архангельских воевод за 1630–1640-е годы: князь В. П. Ахамашуков-Черкасский, Г. А. Плещеев, В. П. Львов, Б. П. Шереметев, князь И. Н. Хованский, князь И. И. Ромодановский, князь И. А. Черкасский [2]. Все вышеперечисленные царедворцы, за исключением Г. А. Плещеева и князя И. А. Черкасского, в будущем получили думные чины и играли важную роль в государственном управлении страны. С 1646 г. должность архангельских воевод стали занимать только опытные администраторы: члены Боярской думы и стольники из знатных или близких ко двору фамилий, пользовавшихся большим авторитетом (князья Прозоровские, Милославские, Нарышкины, Матвеевы, Апраксины) [3].

Представляется, что назначение князя И. И. Ромодановского на службу в Архангельск подтверждает высказанные выше наблюдения об ответственности и «знатности» этого северного воеводства. Князь И. И. Ромодановский был младшим сыном князя И. П. Ромодановского, погибшего от рук самозванца Лжепетра в 1607 г. под Царицыным [4]. В 1620-е годы он выполнял типичные для молодого аристократа церемониальные службы, в ходе Смоленской войны был полковым воеводой в Туле, затем – городовым воеводой в Томске. Помимо успешной военной и административной службы князь Иван обладал связями при дворе, хотя и не входил в эшелон наиболее влиятельных лиц в со-

[1] О роли Архангельска как центра торговли с западноевропейскими странами см.: Флоря Б. Н. Торговля со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI – начало XVII в.)//Средние века. М., 1973. Вып. 36. С. 129–151; Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 1–2.

[2] Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. С. 64–65.

[3] Там же. С. 65–67.

[4] Подробную биографию князя см.: Поляков И. А. Род князей Ромодановских в XVII в. и их книжное собрание. С. 138–145.

ставе правящей элиты. Благодаря браку с Анастасией Петровной, дочерью боярина П. П. Головина, сторонника боярского клана Романовых, пришедшего к власти после Смутного времени, князю И. И. Ромодановского удалось записать своего сына князя Юрия в состав комнатных стольников царевича Алексея Михайловича [1]. В 1650–1670-е годы князь Ю. И. Ромодановский будет входить в число самых влиятельных и близких к царю вельмож и принимать участь в придворной борьбе боярских кланов. Возможно, хорошая служба и связи князя Ивана или же комнатный чин князя Юрия повлияли на решение молодого царя и его окружения вернуть князя И. И. Ромодановского в Москву зимой 1645 г. Князь И. И. Ромодановский провел в Москве не более года, после чего был назначен на ответственную должность тамбовского воеводы – руководить укреплением засечной черты между Липовским и Челновским лесами. Вернувшись в Москву, 27 ноября 1647 г. князь Иван был пожалован чином окольничего [2]. Князь Юрий после возвращения из Архангельска и до конца 1640-х годов находился при дворе и участвовал в придворных церемониях.

Похожими мотивами было обусловлено назначение на воеводство в Архангельск представителя старшей ветви рода – князя В. Г. Меньшого. Князь Василий Григорьевич был пятым сыном боярина князя Г. П. Ромодановского [3]. За 1630-е – начало 1640-х годов он успешно проявил себя на военной, административной и дипломатической службе и пользовался поддержкой боярина Б. И. Морозова и его окружения, усиливших свои позиции после воцарения Алексея Михайловича. Укрепление позиций князя выразилось и в новых назначениях. Через две недели после венчания царя (28 сентября 1645 г.) князь Василий получил должность второго судьи во Владимирском судном приказе, его начальником стал дальний родственник Б. И. Морозова боярин И. В. Морозов [4]. 29 марта 1646 г. князь В. Г. Ромодановский был пожалован

---

1 НИА СПбИИ РАН. Ф. 131. № 74. Л. 274; Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: Просопографическое исследование. СПб., 2018. Т. 1. С. 197.

2 Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 80.

3 Подробную биографию князя см.: Поляков И. А. Род князей Ромодановских в XVII в. и их книжное собрание. С. 92–100.

4 Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 20–21.

чином окольничего и вошел в Боярскую думу [1]. До 10 января 1648 г. он продолжал исполнять обязанности приказного судьи, совмещая ее с административными и церемониальными назначениями в столице [2].

Согласно «Двинской летописи», в 156-м (1647/48) г. князь Василий Меньшой и дьяк Григорий Углев сменили в Архангельске воеводу князя Ю. П. Буйносова-Ростовского [3]. По данным летописи, на севере князь Ромодановский находился до 158-го (1649/50) г. до приезда нового воеводы окольничего Ф. В. Бутурлина [4]. Сведения источника подтверждаются делопроизводственными материалами московских приказов. Во всех редакциях разряда свадебной церемонии царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской (16 января 1648 г.) князь В. Г. Меньшой Ромодановский занимал почетную должность второго дружки «с государевой стороны», а его жена княжна Авдотья Афанасьевна (Кукарина) – второй свахи «с государниной» стороны [5]. Вероятно, сразу после праздника князь Василий был назначен на воеводство в Архангельск и уехал на север [6]. Это назначение не отразилось в «Дворцовых разрядах», однако было зафиксировано в «наличном» боярском списке 7156 (1648) г., составленным подьячими Разрядного приказа в конце декабря 1647 – первой половине января 1648 г. [7] В нем напротив имени окольничего поставлена помета – «у Архангелского». Исследователь приказного делопроизводства данного периода М. Р. Бе-

---

1 Там же. Стб. 33–34.

2 Там же. Стб. 54, 56, 64. Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 184.

3 Двинской летописец. С. 174.

4 Там же.

5 Поляков И. А. Документы царских и великокняжеских свадеб из библиотеки князей Ромодановских//Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. № 6 (92). С. 11. Дополнительные материалы: Таблица 1 // Электронный научно-образовательный журнал «История» [Электронный ресурс]. URL https://history.jes.su/s207987840010062-7-1/ (дата обращения: 16.07.2023).

6 В диссертационном исследовании автора вслед за Е. И. Филиной было высказано ошибочное предположение о назначении князя В. Г. Меньшого Ромодановского архангельским воеводой летом 1648 г. в связи с событиями придворной борьбы, последовавшими после Московского восстания в начале июня 1648 г. (Филина Е. И. «В поисках альтернативы...»: «Придворные партии» в политической борьбе в России 30–50-х гг. XVII в. М., 2011. С. 120; Поляков И. А. Род князей Ромодановских в XVII в. и их книжное собрание. С. 95).

7 Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Т. 1. С. 275.

лоусов аргументированно доказал, что основной текст списка был написан не позднее 17 января 1648 г., а изменения в него вносились до середины марта [1]. О быстром отъезде князя В. Г. Меньшого также свидетельствует появление в мае в Москве бывшего архангельского воеводы боярина князя Ю. П. Буйносова-Ростовского: 21 мая 1648 г. он присутствовал за столом у государя в Троице-Сергиевом монастыре [2]. На службе князь Василий также пробыл около 2,5 лет, летом 1650 г. он вернулся в Москву и с сентября начал получать назначения: 12 сентября 1650 г. он был в составе лиц, отправившихся с царем в Звенигород в Саввино-Сторожевский монастырь [3], а 5 октября возглавил Челобитный приказ, заменив на этой должности окольничего Б. М. Хитрово [4].

Князь В. Г. Меньшой Ромодановский был последним представителем рода, исполнявшим воеводскую службу в северных регионах в XVII в. В следующий раз на Белом море князья Ромодановские оказались только через полстолетия. В 1692 и 1693 гг. князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский и другие сподвижники сопровождали царя Петра I в его первом и втором архангельских походах [5].

В завершении стоит отметить, что пребывание князей Ромодановских на Русском Севере не ограничивалось только воеводской службой. В XVI–XVII вв. представители рода неоднократно несли службу в полках в ходе военных действий на северо-западных границах страны и служили воеводами в Великом Новгороде [6]. В XVI в. несколько князей Ромодановских поддерживали тесную духовную связь с Кирилло-Белозерской обителью и вкладывали в монастырь

---

1 Там же. С. 28.

2 Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 92–93.

3 Там же. Стб. 185.

4 Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. С. 225.

5 Петров А. Ромодановский, князь Федор Юрьевич//Русский биографический словарь. Пг., 1918. Т. 17. С. 131.

6 Воеводства князей Ромодановских в Великом Новгороде в XVII в. – отдельная большая тема для исследования. Частично она затронута в нашей работе: Шереметов Н. А., Поляков И. А. Почитание святителя Феоктиста Новгородского в XVII – начале XVIII века: новые сведения в свете рукописных источников//Slověne. 2022. Vol. 11. № 1. С. 86–123.

значительные суммы денег [1]. В XVII в. представителям старшей ветви рода даже принадлежала вотчина в Вологодском уезде – деревня Бильнево в Боровицкой волости. В 1632 г. ее получил в приданое князь Петр Григорьевич Ромодановский после женитьбы на княжне Марии Андреевне Звенигородской, дочери князя А. Н. Звенигородского [2]. В 1654 г. вотчину у брата выкупил князь В. Г. Меньшой Ромодановский и отдал в совместное владение своим старшим детям – князю Дмитрию и князю Никите [3]. После их ранней смерти в 1655 и 1664 гг. князь Василий Меньшой завещал деревню Бильнево невесткам: вдове князя Дмитрия княгине Прасковье Ивановне (Паниной) и вдове князя Никиты княгине Федосье Григорьевне (Унковской) [4].

Подводя итоги, следует сказать, что за XVII в. члены рода князей Ромодановских не так часто несли службу в северных регионах Русского государства, а современное состояние источниковой базы не позволяет детально рассмотреть их деятельность на воеводских постах в Архангельске и Ваге. Тем не менее, проведенное исследование показало, что анализ биографий представителей Государева двора того периода и изучение делопроизводственной документации дают возможность установить более точные сроки воеводств служилых людей и в некоторых случаях определить закономерности в их назначении на те или иные посты. На наш взгляд, актуальным для исторической науки является создание специальной работы, посвященной институту воеводской власти на Русском севере, в которой был бы обобщен весь дошедший до нашего времени материал, составлены новые списки воевод и произведено сопоставление их социального состава и особенностей службы с данными по другим регионам страны.

---

1 ОР РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 78/1317. Л. 114 об.; Алексеев А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.)//Вестник церковной истории. 2010. № 3–4. С. 59.

2 Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010. С. 295–296. Князь А. Н. Звенигородской был пожалован деревнею Бильнево за осадное сидение 1618 г. (Осадный список 1618 г.//Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVIII вв. Варшава, 2009. Т. 8. С. 139).

3 НИА СПбИИ РАН. Ф. 131. № 74. Л. 54.

4 ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 2. № 1451.

Список литературы

Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

Алексеев А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4. С. 17–117.

Балковая В. Г. «Верная служба» как первая модель государственной службы в таможнях Российского государства//Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 4. С. 116–122.

Балковая В. Г. Правовая регламентация деятельности «верных» таможен// Вестник Российской таможенной академии. 2010. № 2. С. 14–20.

Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.

Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в./ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 7–214.

Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2008. Т. 1–2.

Богданов А. П., Зиборов В. К. Летописец Двинской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3: XVII в. Ч. 2: И – О. С. 243–246.

Васильев Ю. С. Поморье. XIV–XVII вв./Васильев Ю. С. Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII веков. 2-е изд., исправленное и дополненное. Вологда, 2013. С. 118–227.

Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.

Глазьев В. Н. Городовое воеводство второй половины XVII в.//Очерки феодальной России. М., 2004. Вып. 8. С. 165–174.

Двинской летописец//Полное собрание русских летописей. Л., 1977. Т. 33. С. 148–221.

Дворцовые разряды. М., 1852. Т. 3.

Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 1–2.

Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000.

Жаринов Г. В. Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года// Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 382–483.

Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010.

Зенченко М. Ю. Воевода//Большая российская энциклопедия. М, 2006. Т. 5. С. 515–516.

Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974.

Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.

Осадный список 1618 г.//Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVIII вв. Варшава, 2009. Т. 8.

Павлов А. П. Боярские списки 30–40-х гг. XVII в. // Россия XV–XVIII столетий: Сб. научных статей. Волгоград, 2001. С. 136–185.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.

Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: Просопографическое исследование. СПб., 2018. Т. 1–2.

Петров А. Ромодановский, князь Федор Юрьевич//Русский биографический словарь. Пг., 1918. Т. 17. С. 130–139.

Поляков И. А. Документы царских и великокняжеских свадеб из библиотеки князей Ромодановских // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. № 6 (92). С. 11. Дополнительные материалы: Таблица 1 // Электронный научно-образовательный журнал «История» [Электронный ресурс]. URL https://history.jes.su/s207987840010062-7-1/ (дата обращения: 16.07.2023).

Поляков И. А. Род князей Ромодановских в XVII в. и их книжное собрание: Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2020.

Раздорский А. И. Таможенные и кабацкие оклады и сборы в городах юга и запада Европейской России в XVII в. (по материалам приходо-расходных книг московских приказов) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Третьей междунар. науч. конф. (г. Коломна, 24–26 сент. 2013 г.). Коломна, 2015. Т. 1: XVI–XVIII вв. С. 44–65.

Российский государственный архив древних актов. Путеводитель. М., 1997. Ч. 1 // Путеводители по российским архивам [Электронный ресурс]. URL https://guides.rusarchives.ru/terms/11/3250/arhangelskaya-dvinskaya (дата обращения: 16.07.2023).

Сазонов О. В. Козловские воеводы 17-го века//Мичуринский краеведческий музей [Электронный ресурс]. URL https://mkm68.ru/voennoe-delo/296-kozlovskie-voevody-17-go-veka (дата обращения: 16.07.2023).

Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.

Станиславский А. Л. Источники для изучения состава и структуры государева двора в последней четверти XVI–начале XVII в./Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 23–190.

Филина Е. И. «В поисках альтернативы...»: «Придворные партии» в политической борьбе в России 30–50-х гг. XVII в. М., 2011.

Флоря Б. Н. Торговля со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI – начало XVII в.)//Средние века. М., 1973. Вып. 36. С. 129–151.

Шереметов Н. А., Поляков И. А. Почитание святителя Феоктиста Новгородского в XVII – начале XVIII века: новые сведения в свете рукописных источников//Slověne. 2022. Vol. 11. № 1. С. 86–123.

СОРОКОЖЕРДЬЕВ
Владимир Васильевич

член Союза писателей России,
краевед, почетный гражданин
города Колы

ВРЕМЕННАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ РУМОВСКОГО В КОЛЕ В 1769 ГОДУ

Над городом Колой возвышается гора Соловарака. Это не только географический, природный, но и исторический объект.

В 1769 году на Соловараке размещалась временная обсерватория академика Петербургской академии наук С. Я. Румовского.

Степан Яковлевич Румовский, родился 29 октября 1734 года в селе Старый Погост Владимирской губернии. Здесь в деревянной церкви святого чудотворца Николы в конце XVII века служил священником дед Борис Степанов (Степанович), не имевший фамилии. Бесфамильными были и его сыновья – Федор, Яков и Петр, именуемые как Борисовичи (Борисовы). Яков Борисов (отец Румовского) тоже был священником, в 1739 году переведен в Санкт-Петербург, служил на Петроградской стороне.

С пяти лет Степан учился в Александро-Невской семинарии, где получил фамилию Румовский, за пытливый ум и способности к наукам. Однажды в стенах семинарии появились академики Михаил Ломоносов и Иосиф Браун, набиравшие способных учеников для гимназии при Академическом университете. Экзаменовали 10 человек, одобрили четверых семинаристов, среди которых был Степан Румовский.

В университете Румовский учился прилежно, науки давались легко. Любимыми предметами были математика и химия.

В 1754–1756 гг. Румовский стажировался в Берлине у известного

математика Леонарда Эйлера, жил в его семье и в дальнейшем поддерживал дружеские отношения с ученым, когда тот возобновил работу в Петербурге. По возвращении в университет Румовский преподавал математику и практическую астрономию. Лекции читал на русском языке, не на латыни, принятой в научном мире. До конца дней своих Румовский оставался верен астрономии, кафедру которой, после присвоения ему в 1767 году звания профессора, он занимал много лет. О молодом Румовском, своем ученике, с похвалой отзывался академик Эпинус, заведовавший астрономической обсерваторией. Он рекомендовал его президенту Академии наук Кириллу Разумовскому в сибирскую экспедицию для наблюдения предстоящего в 1761 году прохождения Венеры по диску Солнца.

Астрономы всего мира издавна пытались определить расстояние до Солнца. Считалось, это можно делать, наблюдая за движением Марса. В XVII веке И. Кеплер, а затем Э. Галлей предложили расстояние вычислять через Венеру, когда она будет проходить по диску Солнца, проектироваться на солнечный диск в виде маленького черного кружка. Главное для науки было наблюдать вход и выход Венеры из солнечного диска, для определения солнечного параллакса, дававшего основу для вычисления расстояния до Солнца и других планет. Это было очень редкое астрономическое явление, выпадавшее не на каждое столетие. В астрономической среде оно называлось венерианским дублем, ибо каждый раз повторялось через восемь лет (в наше время – 2004 и 2012 годы). В XVII веке оно состоялось 7 декабря 1631 и 4 декабря 1639 года, в России из-за отсутствия специалистов не наблюдалось. В XVIII веке происходило в 1761 и 1769 годах, в первом случае ученый работал в Забайкалье, в Селенгинске, до Якутска из-за распутицы не добрался…

Из-за плохой погоды Румовский наблюдал не весь процесс небесного явления. Сквозь легкие облака лишь однажды увидел внутренний контакт края диска Венеры с краем солнечного диска («внутреннее краев прикосновение»). Он обнаружил, что «край Венерин предыдущий светлым кольцом окружен казался». Так была им открыта атмосфера Венеры, которую зафиксировали и другие ученые, наблюдавшие явление в различных районах Земли. Атмосферу Венеры в то время зафиксировал и Ломоносов («… тонкое, как волос, сияние») и первым выступил в печати с работой «Явление Венеры на Солнце,

наблюденное в Санктпетербургской императорской Академии наук майя 26 дня 1761 года». Она была напечатана в академической типографии уже в июле 1761 года тиражом 200 экземпляров. Затем была издана на немецком языке. То есть, об открытии атмосферы Венеры с соответствующими выводами и рисунками он сообщил научному миру тогда, когда другие обсерваторы еще находились на обратном пути. Румовский не претендовал на лавры, но за рубежом кое-кто из ученых до конца XVIII века оспаривали первенство Ломоносова на это крупное открытие.

С начала 1767 года, став академиком и профессором астрономии, Румовский готовился к новой экспедиции, на этот раз на Север России.

Взгляд на север

К лету 1767 года общий план астрономических экспедиций был готов и представлен на утверждение императрице. Два отряда планировались на Север – в Колу и Соловецкий монастырь, остальные на юг – в Оренбург и Астрахань. Каждая экспедиция состояла из астронома и помощника. Роль помощников выполняли штурманы морского флота.

Екатерина II, ознакомившись с планом Академии, осталась довольна. Лишь засомневалась, что в Коле и Соловецком монастыре бывают сильные морские туманы. Посоветовала, пока есть время, взять на обучение из флота еще несколько офицеров и заказать за границей вдвое больше приборов и инструментов, чтобы возле каждого предполагаемого пункта в 50-60 верстах построить по запасной обсерватории. Она финансировала не четыре, а восемь экспедиций, повелев выделить 20 тысяч рублей. Забота императрицы об астрономических делах Академии была не случайной. Екатерина II уже знала, что ведущие западные страны готовятся к встрече редкого небесного явления.

В свою очередь слух о приготовлениях в Петербурге прокатился по Европе. Некоторые зарубежные ученые предложили свои услуги, кто-то хотел приехать в Россию для участия в российских мероприятиях. Леонард Эйлер представил Петербургской Академии своего сына, поручика артиллерии Христофора Эйлера, швейцарский математик Даниель Бернулли – своего ученика Жака-Андре Малле, тот в свою очередь рекомендовал друга любителя небесных светил Жана-Луи Пикте.

Всем им Академия оплатила дорогу до Петербурга. С этого времени их стали называть на русский лад – Андрей Малле и Людвик Пикте. Они готовились ехать на Север.

Весной 1768 года архангельский губернатор Егор Андреевич Головцын по поручению Екатерины II командировал в Кольский уезд штурмана Дмитрия Воробьева и унтер-офицера Гаврилу Кузьмина для осмотра тех мест, помеченных Румовским на карте красными чернилами. В результате осмотра оказалось, «…что Кандалакша, Кемь и Соловецкий монастырь к намерению Академии неспособны; что нигде кроме Колы, Поноя, Умбы и острова Кильдюйна (Кильдина. – В. С.) и то с великим трудом, построить обсерватории невозможно, что и в сих местах они поставлены должны быть не при жилье, но на горах, близ онаго находящихся». Именно штурман Воробьев выбрал в Коле место для обсерватории – гору Соловараку, как, впрочем, и другие высокие места в Поное, Умбе и на Кильдине.

В результате переписки с Головцыным Академия частично изменила план экспедиций. На Кольский полуостров решено было послать три группы астрономов – в Колу, Поной и Умбу. Румовскому следовало отправиться в Колу и, кроме Кольской, построить запасную обсерваторию на острове Кильдине. В Поной и Умбу ехали швейцарские астрономы Андре Малле и Людвик Пикте.

Кола

В конце декабря 1768 года Румовский отправил сначала в путь штурмана Герасима Бородулина «для разведывания кратчайшего пути и других дорожных обстоятельств», с наказом вести обстоятельный дневник, записывать расстояния между селениями, где ожидались ночевки и смена лошадей. В Кандалакше следовало ждать профессора.

Сам Румовский выехал из Петербурга 8 февраля 1769 года. Помощником он взял Фаддея Алексеевича Охтенского, зарекомендовавшего себя опытным обсерватором еще в первую поездку в Сибирь. Тогда, в 1761 году, он состоял в экспедиции профессора Н. И. Попова, наблюдал небеса в Иркутске. Как и Румовский, выходец из духовной семьи, окончил Академический университет. Учился в одном потоке с Румовским, так что знакомы были давно.

20 февраля астрономический обоз из шести повозок достиг Кандалакши на берегу Белого моря. Здесь их встретили штурман Герасим Бородулин и плац-майор Дмитрий Алексеев, начальник всех воинских команд, которые были приписаны к северным обсерваториям. Поначалу у Румовского сложилось благоприятное впечатление об этом человеке, видя будущую опору и защиту, о чем упомянул в письме губернатору. Однако он обшибался!

Через неделю экспедиция достигла Колы, где временно Румовский остановился в доме воеводы прапорщика Лукошкова, затем переселился на Соловараку…

В целом выбранное место для обсерватории он одобрил и разрешил стройку обсерватории, которая в течение марта-апреля была закончена пол руководством инженера прапорщика Ивана Постникова. В ней предполагалась комната отдыха для профессора, а также помещение для караульных. В строительстве, охране и прочих заботах были задействованы солдаты второго батальона Архангельского гарнизона, всего 28 человек во главе с прапорщиком Грудиным.

Что это было за строение – Кольская обсерватория? Здание типовое для всех астрономических экспедиций, посланных на север и юг империи в 1769 году. Построенное из досок, на четырех столбах, укрепленное брусьями, проконопаченное, размещалось на срубе в два венца из толстых бревен. Нижний венец был врыт в землю. Ширина стен – по восемь с половиной метров. Высота вместе с кровлей – та же. Кроме северной стороны на всех стенах имелись окна разных размеров, причем на южной стороне было большое окно от пола до кровли. Имелись также по три оконца на северном и южном скатах крыши. Вместо стекол использовалась промасленная парусина на рамах. Единственное застекленное окно было в комнате отдыха Румовского. Эта комната размером 2х5 метров соседствовала с караульным помещением меньших размеров. У дверей в караульню стояла кирпичная печь. Входная дверь открывалась вовнутрь, окна – наружу, для открытия их использовались две лесенки, внутри обсерватории и снаружи. При обсерватории постоянно находились два солдата, они топили печь, выполняли хозяйственные работы. Через какое-то время из Колы на гору приходила новая солдатская смена.

Румовский поначалу нашел географическую широту Колы. Она определялась еще в 1727 году Людовиком де ла Кройером – 68 гра-

дусов 54 минуты. По вычислениям Румовского широта Колы равнялась 68° 52' 27". Примерно так это и есть в настоящее время. С определением долготы пришлось повременить, в XVIII веке это было немалой проблемой, долгота определялась сложными измерениями через затмение Солнца, спутников Юпитера и по прочим звездам, чему мешал полярный день.

День 23 мая начинался хорошей ясной погодой, но вскоре подул юго-западный ветер, пригнал облака, закрывшие Солнце именно в момент входа в него Венеры. В дальнейшем Солнце иногда выныривало из облаков, что давало возможность наблюдать ход Венеры по его диску.

Несмотря на облачность, Румовский определил три фазы прохождения Венеры: первое и последнее внутреннее и первое наружное прикосновение краев Венеры и Солнца. Параллельно за Венерой следили Охтенский и Бородулин.

По возвращению в Петербург Румовский обработал результаты не только своих наблюдений, но и других экспедиций, работавших в Гурьеве, Оренбурге, Орске, Якутске. Позднее ему стали доступны материалы зарубежных исследователей. При участии Л. Эйлера получил значение солнечного параллакса 8,62". Он писал: «Параллаксис Солнца горизонтальный во время явления Венеры не превосходил 8, 62", или Земля от Солнца отстояла на 11 964 поперешников земных». Позднее уточнил параллакс до 8,67" – это близко к современному значению. Современный солнечный параллакс принят равным 8,80", среднее расстояние до Солнца – 149,5 миллионов километров. Удаленность его от Земли непостоянная.

В том же 1769 году результаты наблюдений Румовский опубликовал в книге на латинском языке и в специальном томе «Новых комментариев». Через два года написал обстоятельную книгу «Наблюдения явления Венеры в Солнце в Российской империи, в 1769 году учиненные, с историческим предуведомлением». В ней рассказал о ходе подготовки и проведении всех экспедиций, дал описание наблюдений в разных местах России, в том числе в Коле, привел их результаты.

Турчасов

Занятый своими научными делами на Соловараке, Румовский мало обращал внимание на текущую жизнь в Коле. Слышал кое-что от караульных о самоуправстве майора Алексеева, но не придавал тому особого значения, пока случай не коснулся его самого.

В Архангельск отправляли арестантов-колодников, как их здесь называли. К астроному пришла мать солдата Петра Турчасова, местного уроженца, назначенного сопровождать колодников, с просьбой, чтобы сына оставили при обсерватории. Многие солдаты команды имели семьи в Архангельске, хотели повидаться с родными. Поэтому Турчасову легко нашлась замена, осталось договориться с майором Алексеевым. Майор согласился, но в душе принял поступок женщины как пренебрежение к собственной персоне. Почему она пошла к профессору, почему через постороннего человека решала вопрос, касающийся внутреннего распорядка команды?

На следующий день, 3 июня, Алексеев на глазах у построенной команды нещадно бил Турчасова, за то, что солдат «мимо команды испросил». Чудовищная экзекуция привела в ужас всех присутствующих.

Румовский узнал о случившемся из рассказов очевидцев. Турчасова нашел в постели. Увидя окровавленную спину несчастного, содрогнулся, представив жестокость офицера-самодура. «Каким образом, – писал он губернатору [1], – майорские глаза смотреть на сие могли… ».

Но гнев начальника воинской команды не прошел. Румовский спешил к воеводе Лукошкову, чтобы отправить письма. У воеводской канцелярии увидел солдат и кучку арестантов. Среди солдат находился Турчасов с ружьем, едва стоявший на ногах. Товарищи поддерживали его. Бледное лицо говорило о физической слабости, недомогании. Алексеев оставил солдата при команде, не разрешил замену. Профессор отправил Турчасова домой. Встретив лекаря, отправил оказать помощь больному, а воеводу Лукошкова просил посодействовать в переводе солдата в караульные обсерватории.

На другой день Турчасова Алексеев посадил в свой домашний погреб, своего рода карцер. Негодующий Румовский потребовал ос-

---

[1] Переписка с губернатором опубликована в качестве приложения в моей книге о Румовском (см.: Литература и источники).

вободить больного, но хозяин дома, сославшись на законы, отказал в освобождении. Астроном пригрозил донести губернатору о самоуправстве офицера, в ответ услышал, что угроз со стороны посторонних не приемлет, пусть даже императрице будет доложено.

Турчасов под караулом содержался несколько дней. Кроме лекаря и Алексеева никто к нему не заходил. Даже мать, которая чуть ли не ночевала у ворот майорского дома, к сыну не допускалась. Румовский в письмах губернатору с отчаянием просил немедленно отозвать Алексеева из Колы. Благодаря его хлопотам Турчасов остался при обсерватории.

11 июня пришел из Архангельска за экспедицией корабль «Панов». Командовал им лейтенант Прокофий Кишкин, который стал виновником еще одного происшествия. 15 июня, придя на гору в обсерваторию в нетрезвом виде, случайно разбил дорогостоящую зрительную трубу Доллонда, изготовленную в Англии. В общении вел себя развязно, по-хамски. Так же вел себя непотребно, вместе со своими матросами, в отношении кольских женщин, которых взял «в полон» в Кольском заливе, возвращавшихся на лодке со сбора щавеля.

Румовский решил задержаться в Коле до осени: плыть на одном корабле с двумя негодяями неразумно и даже опасно. Об этом говорится в его письме губернатору. Он предупреждал, если второе судно за ним не пришлют, будет ждать зимнего пути. 6 июля за Румовским пришел другой корабль – «Бабаев» – под командой лейтенанта Одинцова, будущего адмирала. На нем 17 августа экспедиция благополучно добралась до Архангельска, в октябре – до Санкт-Петербурга. Солдат Петр Турчасов, душой и сердцем преданный профессору, сопровождал его до самых ворот Академии.

Швейцарцы на Севере

О швейцарских ученых скажем следующее. 8/19 [1] февраля Андре Малле со своими людьми достиг Колы, четыре дня гостил у воеводы Герасима Лукошкова. Его помощниками были штурман унтер-офицерского ранга Григорий Петров, подштурман Моисей Сидоров, ча-

[1] Швейцарские ученые жили по Григорианскому календарю.

совой мастер Филипп Мецке. Затем с лопарями на оленьих упряжках Малле пересек Кольский полуостров по маршруту Кильдинской погост – Лекозеро – Ловозеро – Семиостровский погост – Терский погост. В Поной приехал 17/28 февраля и на следующий день приступил к строительству обсерватории, которая в течение марта была завершена силами команды военнослужащих во главе с поручиком Алексеем Митюшиным. Погода накануне прохождения Венеры по диску Солнца была ясной, но 23 мая (3 июня) испортилась. Малле наблюдал только вход планеты на диск Солнца. И был очень расстроен неудачей, ибо жаждал открытий и славы.

Его товарищ, Пикте, проехал дальше, минуя Кандалакшу. Из Ковды русские извозчики перебросили его по льду Кандалакшского залива в Умбу, где он жил и работал около полугода. Ни Венеру, ни Солнце не видел из-за дождливой погоды, к наблюдениям в этот день не приступал. Однако отчет о работе в Петербургскую Академию представил.

В путевом дневнике Пикте живописно описал этот глухой уголок Умбы, природу, местные нравы, дома, одежды русских жителей и лопарей. Он пытался учить русский язык, для чего еще в Санкт-Петербурге нарисовал таблицу русского алфавита. Сделал несколько акварельных рисунков окрестностей Умбы, обсерватории, ближайшего лопарского погоста. Благодаря его рисункам мы имеем изображения обсерватории и жилого домика.

Оба швейцарца старательно описывали мелочи северного быта, излагали свое восприятие чужой жизни, порой строги в оценках российской действительности. Они молоды, обоим по 30 лет, любопытны, пробуют незнакомую пищу с лопарского стола, пытаются ходить на лыжах. Малле побывал в русской бане по-черному с термометром, чтобы измерить жар, и ошпарился там. Они стойко перенесли тяготы путешествия в непривычных для них повозках с оленями, удивлялись пустынным пространствам Севера, гостеприимству жителей.

Род Пикте ведет свою родословную со средних веков, потомки ныне живут в Швейцарии и Франции, благодаря одному из них в 2005 году изданы дневники Пикте и Малле под общим названием «Два женевских астронома в России Екатерины II». Над переводом этой книги на русский язык сейчас работают специалисты РАН при содействии посольства Швейцарии в Москве.

Судьба Румовского и его помощников

Кроме астрономии, Румовский успешно трудился и в других отраслях науки. Долгие годы возглавлял Географический департамент Академии наук, составлял географические карты, разрабатывал инструкции отъезжающим в экспедиции ученым. В связи с новым административным делением Российской империи в 1786 году, под его руководством была выпущена новая Генеральная карта страны.

В то время Румовский не оставлял занятий по математике и физике. При его участии разрабатывались громоотводы для пороховых складов и Петропавловского собора в Санкт-Петербурге, ранее пострадавшего от молнии.

Заметный след оставил Румовский в филологии и литературе, был переводчиком трудов Тацита. Являясь членом Российской Академии наук, образованной в 1783 году, он участвовал в составлении первого многотомного «Словаря Академии Российской» (1789–1794 гг.), высоко оцененного позднее А. С. Пушкиным.

В советских работах по истории русской науки имя Румовского нередко упоминали в связи с его разногласиями с М. В. Ломоносовым. Делалось это иногда мимоходом, без объяснений, что, естественно, вызывало ошибочный взгляд на личность и творчество Румовского. Его успехи в науке по этой причине порой замалчивались. Разногласия учителя и ученика были отзвуком внутренних интриг советника Академической канцелярии И. Д. Шумахера и его зятя И. И. Тауберта против отечественной науки. Кроме того, Румовский хотел жениться на дочери Ломоносова Елене Михайловне, но отец был против. В результате Румовский никогда не женился, прожил в одиночестве. Несмотря на разногласия, ломоносовские идеи и традиции оказали огромное влияние на формирование научного мировоззрения Румовского.

В последние годы Румовский в чине действительного статского советника занимал высокие должности, был вице-президентом Петербургской академии наук, попечителем Казанского учебного округа и членом Комитета по рассмотрению учебных руководств для средних и высших школ России, он – один из основателей Казанского университета. Умер ученый 6/18 июля 1812 года в Санкт-Петербурге.

Об однокашнике Румовского по университету и помощнике по наблюдениям Венеры в Коле Фаддее Алексеевиче Охтенском сведений

немного. В феврале 1770 года направлен в Москву на прежнюю должность землемера. Жизнь была кочевой: Владимирская, Переяславск-Залесская, Муромская, Костромская межевые конторы. С 1779 года, работая в Муроме, имел звание капитана. В 1788 году больной Охтенский направлен в Московскую богадельню, дата смерти неизвестна. Сын Василий также работал землемером.

Интересно сложилась короткая жизнь солдата Петра Петровича Турчасова (1752–1789). Он стал предпринимателем, купцом 2-й гильдии, уважаемым человеком в Коле. Фамилия происходила от названия села – Турчасово, что ныне в Онежском районе Архангельской области. Его предки упоминаются в документах XVII – начала XVIII веков по торговым делам и стрелецкой службе в Кольском остроге. Отец был солдатом, сын пошел по его стопам, служил в Архангельском гарнизоне. В связи с астрономическими хлопотами в 1768 году вошел в кольскую караульную группу из 28 человек, которая занималась охраной, хозяйством, строительством на Соловараке. Когда он выздоровел после жестокого избиения плац-майором Алексеевым, по ходатайству Румовского оставлен при обсерватории, а в дальнейшем сопровождал экспедицию до Санкт-Петербурга. Столицу покинул 27 октября 1769 года, вернулся в Архангельск к месту службы.

С той поры в Архангельске и Коле имя Турчасова было на слуху. Неудивительно, что два года спустя он оказался в экспедиции естествоиспытателя Николая Озерецковского, направленного академиком Иваном Лепехиным в Колу для исследования местной натуры. В 1772 году Турчасов помогал Лепехину в плаваниях по Белому морю, дважды сопровождал собранные коллекции флоры и фауны в Академию наук, среди них были чучела четвероногих животных, птиц, наборы рыб, раков и прочей морской живности для петербургской Кунсткамеры.

В конце 1770-х годов с разрешения генерал-губернатора А. П. Мельгунова Турчасов со своим другом солдатом Иваном Горюшковым, с кем работал в академических экспедициях, уволился со службы, занялся промысловой и торговой деятельностью. Дела шли неплохо, чему способствовал удачный брак на купеческой дочери. Имея начальный капитал, в 1780 году записался в кольские купцы. Скооперировался с уже ставшим купцом Иваном Горюшковым. Возил в Архангельск и Санкт-Петербург местные товары – треску, рыбий жир, морошку. Вкладывал капиталы в иные дела, в чем видел прибыль. По соседству

с Кильдинским погостом Турчасов пробовал заниматься производством кирпича на местной глине.

Умер Турчасов, будучи в Санкт-Петербурге, в возрасте 37 лет.

Литература и источники

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 10 томах. Т. 4. Труды по физике, астрономии и приборостроению 1744–1765 гг. М.-Л., 1955.

Павлова Г. Е. Степан Яковлевич Румовский 1734–1812. М., 1979.

Румовский С. Наблюдения Венеры в Солнце в Российской империи в 1769 году учиненные с историческим предуведомлением. СПб, 1771.

Сорокожердьев В. Румовский в Коле. Обсерватория на Соловараке. Мурманск, 2022.

Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 2. М., 1875.

Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века: Научное описание / Сост. И. И. Любименко. М. – Л., 1937.

Экспедиции Академии наук в XVIII и XIX веках / Сост. В. Ф. Гнучева. М.–Л., 1940.

Deux astronomes genevois dans la Russie de Catherine II: Journaus de voyage en Laponie russe de Jean-Louis Piktet et Jacgues-Andre Mallet pour observer lt passage lt Venus devant le disgue solaire 1768–1769. Paris, 2005.

Государственный архив Архангельской области. Дела о постройке обсерваторий в Коле, Кильдине, Поное, Умбе (Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 7319, 7825, 7826, 8400).

ГЕРАСИМОВ
Дмитрий Александрович

кандидат исторических наук,
учитель истории МБОУ
г. Мурманска СОШ № 21

ОСНОВАНИЕ МУРМАНСКА: ОТ ПЛАНОВ К СТРОИТЕЛЬСТВУ ГОРОДА

Основание порта на Мурмане имело длительную предысторию. Долгое время главным портом на Севере был Архангельск, наличие которого считалось достаточным. Что касается Кольского Севера, то правительство России с момента строительства Кольского острога интересовалось делами края только исходя из соперничества со скандинавскими соседями. После ослабления соседних Дании и Швеции правительство посчитало, что заполярный край лежит вне сфер его интересов, выведя в начале XIX века регулярные части из Колы.

Однако уже XIX век показал, что царские власти ошибались. Ведь Российская империя соперничала не только с соседними государствами, поэтому с развитием морских коммуникаций она стала более уязвимой. Из-за отсутствия вооруженных сил в Кольском крае самая промышленно развитая страна того времени – Великобритания – безнаказанно разоряла Мурман в начале и середине XIX века. При этом Кола в 1858 году потеряла статус центра уезда, а территория Кольского уезда вошла в состав Кемского.

Ослабление административного контроля властей при экономическом упадке вело к тому, что на Мурман усилилось проникновение иностранцев, промышлявших рыбу у русских берегов. В пограничной полосе начали самовольно селиться норвежцы. Тем более, что и так на Западном Мурмане в результате разграничения 1826 года часть при-

граничной территории отошла Норвегии. Разница между экономическим развитием соседней Северной Норвегии, имевшей почти все блага современной тогда цивилизации, и Кольским Севером становилась все разительней. Кроме того, в соседней норвежской провинции Финнмарк, в несколько раз меньшей, чем заполярный край, обитало в несколько раз больше жителей.

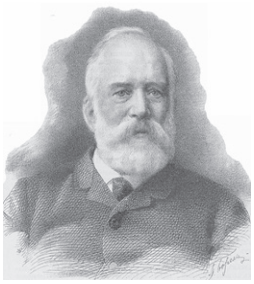
Для усиления своего влияния русские власти решили поощрять заселение Мурманского берега, на котором не было постоянных поселений. Многие поморы, каждый год ходившие на мурманское побережье, были готовы переселиться сюда. В 1860 году правительство России пообещало лицам, поселившимся на Мурмане, освобождение от всех государственных податей и повинностей [1]. Правда, право селиться на Мурмане получили не только русские, но и иностранцы, принявшие русское подданство. В результате, к 1867 году на Западном Мурмане поселилось 175 человек финнов и норвежцев, но ни одного русского. Никто из поморов без предоставления ссуд и пособий государством переселяться на Мурман не желал.

После того, как в 1868 году поселенцам Мурманского берега были дарованы льготы, на Мурман начали переселяться поморы. Ввиду того, что данные льготы распространялись и на иностранцев, принявших русское подданство, на Западном Мурмане продолжали селиться финны из Северной Финляндии и норвежцы из Северной Норвегии.

В 1869 году только что назначенный на должность архангельского губернатора Н. А. Качалов получил от Александра II поручение обратить внимание на экономическое положение края, представив соображения о местных нуждах. Кроме того, был поднят вопрос о строительстве порта на Мурмане.

В 1870 году губернатор Качалов вместе с великим князем Алексеем Александровичем принял участие в научно-исследовательской экспедиции, изучавшей в том числе и Мурманский берег. В ходе экспедиции было высказано мнение о необходимости создания на Мурмане – в Екатерининской гавани или на острове Кильдин – портового города. В ходе поездки было принято решение о выделении средств на организацию

[1] Ушаков И. Ф. Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период / И. Ф. Ушаков Избранные произведения в 3-х тт.: Историко-краеведческие исследования. Т. I. Мурманск, 1997. С. 313.



Качалов Николай Александрович (1818–1891)

постоянного пароходного сообщения между Архангельском и поселениями Мурманского берега.

Архангельским губернатором Качаловым был возбужден вопрос об устройстве коммерческого порта в Монастырской бухте на острове Кильдин. На Мурман была командирована особая экспедиция из представителей Министерств внутренних дел, финансов, государственных имуществ и морского. Эта экспедиция и состоявшая при Министерстве финансов комиссия для изыскания мер к экономическому развития Северного края согласились с мнением губернатора Качалова о необходимости устройства коммерческого порта в Монастырской бухте на Кильдине. Однако мысль эта не получила осуществления [1].

К данному вопросу вернулись в 90-е годы XIX века. Бывший в течение 8 лет (1893–1901 гг.) архангельским губернатором А. П. Энгельгардт все сделал для того, чтобы обратить внимание царских властей на Мурман. Так, осенью 1893 года в записке о необходимости скорейшего строительства железных дорог в губернии А. П. Энгельгардт подчеркивал: «С возвращением Севера, нет сомнения, русский военный флот появится в его незамерзающих водах, а вместе с тем при каких-либо международных недоразумениях голос России получит особое значение». Это было сказано под впечатлением от увиденных на Мурмане незамерзающих гаваней, где Энгельгардт предложил построить военный порт [2].

В результате летом 1894 года император Александр III поручил министру финансов С. Ю. Витте возглавить поисковую экспедицию на Север, чтобы найти гавань, не замерзающую круглый год, с возможностью создания там морского порта и военно-морской базы.

После поездки Витте подал Александру III доклад, в котором предложил место для порта в Екатерининской гавани: «удобства же этой гавани состоят в том, что она никогда не замерзает; весьма обширна,

---

1 Энгельгардт А. П. Русский Север: путевые записки. СПб, 1897. С. 129.

2 Энглези А. Архангельский губернатор Александр Платонович Энгельгардт// Московский журнал. История государства Российского. № 6 (318) от 21.06.2017. [Электронный ресурс] https://mosjour.ru/2017062425/?ysclid=lel6xqfgud675306751 (дата обращения: 21.12.2022).

Кольский полуостров

легко может быть защищаема; оттуда наш флот будет иметь прямой доступ в океан» [1]. Как оказалось, это был последний доклад Витте Александру III, который не успел принять конкретное решение. Александр III скончался 20 октября 1894 года.

Благодаря настойчивости Витте, Николай II решил выполнить волю своего отца и построить на Мурмане коммерческий порт. В 1896 году были выделены средства для начала работ. Руководство стройкой было возложено на Архангельское губернское управление под наблюдением губернатора А. П. Энгельгардта. Коммерческий порт, получивший название Александровск, был основан в 1899 г. Александровск стал центром уезда вместо Колы.

Тем не менее, необходимость связать столицу хотя бы с Петрозаводском в Петербурге в начале XX века становилась более ясной. Первые шаги на губернском уровне были предприняты еще в 1903 году, однако реализации проекта помешала Русско-японская война. В 1912 году было образовано акционерное общество Олонецкой железной дороги, которое взяло на себя обязательство построить железную дорогу Петербург – Петрозаводск. К постройке приступили в 1914 году, а закончили ее лишь к концу 1916 года.

Изменения на Кольском Севере, давшие толчок развитию края, произошли только с началом Первой мировой войны. Для ведения крупномасштабной войны России не хватало собственных ресурсов. Возникла

[1] Витте С. Ю. Воспоминания. Том 1. Глава 17. О моей поездке на мурманское побережье. [Электронный ресурс] http://az.lib.ru/w/witte_s_j/text_0010.shtml?ysclid=lekna0s4sa677675118 (дата обращения: 20.12.2022).

Энгельгардт Александр Платонович (1845–1903)

насущная необходимость поставок вооружения и боеприпасов от союзников по Антанте. При этом балтийские порты заблокировала Германия, а черноморские – Турция. Владивосток был слишком далеко от центра России. Бывший на Севере Архангельск не справлялся с объемом работ. Требовалось создание порта, наиболее приближенного к театру военных действий и связанного с центром страны железной дорогой.

Правительство России обратило внимание на мурманское побережье Баренцева моря, которое не сковывали льды, в отличие от Архангельска. В начале 1915 года правительство решило провести на Мурман, где должен был быть построен морской порт, железную дорогу. Весной 1915 года началось строительство Мурманской железной дороги и порта в Семеновской бухте Кольского залива.

Летом 1915 года гидрографическая экспедиция В. Е. Ляхницкого выбрала место для порта – урочище Семеновское в южной части Кольского залива. Здесь была большая глубина залива, доступность его для судов круглый год, длинная и ровная береговая полоса, примыкавшая к ней терраса для размещения большого города, наличие питьевой воды, защита рейда от ветров окрестными сопками, возможность выхода судов в океан без прохода через проливы, контролируемые иностранными государствами.

28 июня 1916 года министр путей сообщений А. Ф. Трепов пишет докладную записку на имя Николая II, в которой говорит об интересе этого района среди российских и иностранных торговых компаний и о желании приобретения земельных участков в районе станции Мурман. Трепов предлагал в своем докладе учредить город, указывая на его стратегическое положение, назвать его Романов-на-Мурмане и назначить попечителя по устройству города [1].

6 июля 1916 года был одобрен уже второй доклад А. Ф. Трепова по вопросу «образования на Мурманском побережье городского поселения». В этом докладе Трепов предлагает основать новый город Рома-

[1] Федоров П. В. Романов-на-Мурмане в правительственных документах Российской империи / III Ушаковские чтения. Мурманск: МГПУ, 2006. С. 12–19.

нов-на-Мурмане, попечение по его преобразованию в город возложить на обер-егермейстера графа М. Е. Нирода, а мероприятия по благоустройству возложить на министерство путей сообщений.

Официальным днем основания города считается 21 сентября 1916 года. Именно 21 сентября 1916 года архиепископ Архангельский Нафанаил в присутствии морского министра России И. К. Григоровича, министра путей сообщения А. Ф. Трепова, архангельского губернатора С. Д. Бибикова и других высокопоставленных лиц совершил молебен у креста под открытым небом на закладку храма святителя Николая и основание города.

После 1917 года ситуация на Мурмане ухудшилась, но в Мурманске продолжали верить в лучшее будущее. В первой половине 1918 года, еще до разрыва с Совнаркомом, активно пропагандировалась идея краевого самоуправления в местной газете «Известия Мурманского Совета рабочих и солдатских депутатов». В начале апреля 1918 года редактор газеты Б. П. Карпенко написал статью «Вольный город» о необходимости преобразования Мурманска в «порто-франко» [1]. После перехода Мурмана под контроль Антанты ситуация не сильно улучшилась.

[1] Известия Мурманского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 12 апреля.

Трепов Александр Федорович (1862–1928)

Марушевский Владимир Владимирович (1874–1952)

Когда в ноябре 1918 года в Мурманск прибыл генерал В. В. Марушевский, вскоре ставший командовать войсками белой Северной области, он описал следующую картину: «Величественный, может быть, чуть не первый в мире незамерзающий рейд, способный вместить флоты чуть ли не всей Европы, окружен покрытыми снегом горами. У подножия гор на восточной стороне лепится городок, кажущийся издалека даже красивым. Убожество деревянных построек издали не замечается. Грязи и хлама, в изобилии валяющегося повсюду, не видно» [1].

Несмотря на это, Марушевский не сомневался в будущем нового города: «Этому уголку предстоит большая будущность. Во время моей работы по должности генерал-губернатора мне не раз приходилось держать в руках план разбивки Мурманска, составленный еще во время проектирования постройки железной дороги, соединяющей этот порт с Петроградом. Разбивка города была спроектирована какою-то большою знаменитостью по этой части в Европе, и первые постройки были поставлены в строгом соответствии с этой разбивкой. Вдумываясь в этот план и зная лично местность и природу, я всегда видел перед собою грандиозный порт, обслуживающий всю Россию, и развернувшийся около него на обоих берегах бухты богатый, красивый город, залитый электричеством, изобилующий отелями, дворцами, кишащий сотнями тысяч жителей. Это будет. В торговом отношении Мурманск будет играть гораздо более важную роль, чем Владивосток, еще 50 лет тому назад представлявший собою ничтожную деревню».

В это время оказалось, что Мурманск, на протяжении более двух лет именовавшийся городом, вдруг в начале 1919 года стал поселком. Так, 9 января 1919 года Временное правительство Северной области ут-

[1] Марушевский В. В. Год на севере // Белый Север.1918–1920 гг.: Мемуары и документы / Сост. В. И. Голдин. Вып.1. Архангельск, 1993. С. 184.

вердило план поселка Мурманск [1]. Но 4 апреля 1919 года «поселок» Мурманск был выделен в отдельную административную единицу и стал «безуездным городом» Мурманск [2]. Городского самоуправления не ввели, а учредили должность городского правительственного комиссара, приравненного к уездным комиссарам. Для разрешения хозяйственных дел при городском комиссаре организовалось совещание из представителей от Кольской военно-морской базы, торгового порта, управления Мурманской железной дороги и управления городского строительства. Городское управление действовало на основе городского положения 1892 года и закона Временного правительства от 9 июня 1917 года.

Большие права оставались и у помощника генерал-губернатора по управлению Мурманским районом. Его предварительное разрешение требовалось на зачисление лиц в постоянные жители города, на продажу в частные руки построенных на государственные деньги зданий, на отвод мест под новостройки, на плату за пользование электроэнергией, водопроводом и городскими складами. Сметы городских доходов и расходов должны были составляться ежегодно и утверждаться губернским комиссаром. Так, на вторую половину 1919 года на содержание управления Мурманска должно было быть израсходовано 3636917,83 руб., а доход предполагался в 802881,52 руб., разница должна была поступить из казны [3].

Создание городского управления не означало, что оно получит право на самоуправление. Имея большой дефицит бюджета, управление Мурманска оказалось в полной зависимости от властей. В этом Мурманск отличался от других городов Северной области, которые в основном опирались на собственные доходы, подобно той же соседней Коле [4]. Конечно, Мурманск только строился, и больших вложений требовала его достройка, а средства могли поступить только извне.

С 13 июня 1919 года ВПСО вместо городского комиссара ввело должность начальника города, которым был назначен инженер Сер-

---

1 Государственный архив Мурманской области. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

2 Государственный архив Архангельской области. Ф. 2104. Оп. 1. Д. 312. Лл. 2–2 об.

3 Государственный архив Архангельской области. Ф. 2104. Оп. 1. Д. 312. Л. 6.

4 Воронин А. В., Федоров П. В. Власть и самоуправление: Архангельская губерния в период революции (1917–1920 гг.). Мурманск, 2002. С. 152–153.

бинов [1]. Комиссары уездов также стали начальниками уездов. По имеющимся данным, в то время в городе Мурманске жило около 5 тысяч человек [2].

18 февраля 1920 года вышло воззвание Временного правительства Северной области, где сообщалось, что войска покидают Область [3]. 19 февраля белые покинули Архангельск, а 21 февраля 1920 г. была свергнута власть белых в Мурманске. 7 марта в Мурманск прибыли красные части.

После присоединения Мурманска к Советской России количество жителей города резко сократилось, то есть за полгода численность жителей уменьшилась в два раза. Так в августе 1920 г. в Мурманске проживало 2487 человек [4]. 21 марта 1920 г. в Мурманске открылся I уездный съезд Советов, который принял решение перенести центр из Александровска в Мурманск. О понимании необходимости порта с круглогодичной навигацией говорило создание в 1921 г. Мурманской губернии.

Таким образом, идеи по строительству города на Мурмане являются частью планов по колонизации Мурманского берега, которые оказались воплощены в жизнь только благодаря военной необходимости в годы Первой мировой войны. В то же время город-порт был сохранен, несмотря на все перипетии Гражданской войны.

---

1 Государственный архив Мурманской области. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 7. Л. 7; Д. 13. Л. 3.

2 Государственный архив Мурманской области Ф. Р-1. Помощник генерал-губернатора Северной Области по управлению Мурманским районом. Оп. 1. Д. 4. Л. 47.

3 Белый Север.1918–1920 гг.: Мемуары и документы / Сост. В. И. Голдин. Вып. 2. Архангельск, 1993. С. 435–436.

4 Киселев А. А. Мурманск – город-герой. М, 1988. С. 8.

ФЕДОРОВ
Павел Викторович,

доктор исторических наук
профессор,
г. Сергиев Посад
Московской обл.

ОТ РОМАНОВА-НА-МУРМАНЕ – К «ГОРОДУ БЕЗ ЦЕРКВЕЙ»: ОБРАЗ И АНТИОБРАЗ РАННЕСОВЕТСКОГО МУРМАНСКА

Говоря об истории Мурманска в первые годы его существования, невозможно обойти стороной факт переименования города. Ведь возник он, согласно предложению министра путей сообщения А. Ф. Трепова и воле последнего российского императора Николая II, с именем «Романов-на-Мурмане» [1]. Царская фамилия должна была подчеркнуть не только стратегическое значение города-порта. Под этим именем город обретал предпосылаемый ему образ на символической карте русского мира.

Некоторые объяснения этому факту попытался дать епископ Архангельский и Холмогорский Нафанаил (Троицкий) в своей речи при закладке собора во имя Святителя Николая Чудотворца 21 сентября (4 октября – по новому стилю) 1916 года в Романове-на-Мурмане. Процитируем: «… в полуночной стране, на небосклоне восходит, вспы-

[1] Документы об учреждении Романова-на-Мурмане опубликованы здесь: Федоров П. В. «Северный проект» Российской империи. Рождение Мурманска в правительственных документах 1916–1917 гг. // Исторический архив. 2013. № 4. С. 116–126.

Епископ Нафанаил (Троицкий)

хивает и загорается яркая звезда в немолчное повествование в роды родов от Севера по всей Руси» [1].

Перефразируя владыку, можно сказать, что не только имя нового города, тождественное помазаннику Божиему, но и собор, который был заложен в основании этого поселения, наделяли завершение строительства Мурманской железной дороги историческим смыслом, склеивающим берег Кольского залива со Святой Русью. Через этот образ должен был в ближайшем будущем образоваться тот самый фундамент, на котором городу предстояло строиться и развиваться.

Но революционные потрясения и отречение Николая II привели, в некотором смысле, к перезагрузке вышеназванной духовной программы. Распоряжением морского министра А. И. Гучкова поселение было переименовано в Мурманск, что занесено в журнал заседаний Временного правительства от 1 апреля 1917 года [2]. Утратив добрую часть предпосланного смысла, город, впрочем, не утратил своего образа, поскольку у него появилось другое, пусть и нецарское, имя, а также небольшая деревянная церковь на месте, ограниченном современными улицами Капитана Егорова, Самойловой и проспектом Ленина. Освящена она была, как и предполагавшийся собор, во имя святителя Николая Чудотворца. И принадлежала в первое время военным морякам Базы.

Собственно, переименование с отказом строить большой соборный храм – бесспорно, важная метаморфоза в духовной жизни нового города, замеченная в нашей историографии [3]. Но то, что происходило в истории Мурманска, начиная с 1924 года, имело для духовной жизни еще более серьезные последствия, ведь именно тогда образ города под-

---

[1] Архангельские епархиальные ведомости. 1916. № 21. Часть неофициальная. С. 425–427.

[2] Журнал заседаний Временного правительства. Москва, 2001. Т. 1. С. 213.

[3] Двинин Е. Порт четырех океанов. Мурманск, 1957. С. 17; Ушаков И. Ф. Кольская земля: очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. С. 628–629; Киселев А. А., Климов Ю. Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск, 1977. С. 29.

Первая Свято-Никольская церковь в Мурманске (в районе современного проспекта Ленина и улицы Капитана Егорова). Ее закрытие в 1924 г. привело к тому, что город на долгие 22 года остался без церквей. Фото с официального сайта Свято-Никольского кафедрального собора г. Мурманска

вергся рискам разрушения: ему на смену явился антиобраз. Данный факт не получил широкого освещения и требует своего пояснения.

Все началось с закрытия деревянного храма святителя Николая Чудотворца – тогда единственного в Мурманске. Поводом к этому послужила опубликованная 7 июня 1924 года в газете «Полярная правда» заметка некоего военмора Петрова «Долой поповскую лавочку». И уже 22 февраля 1925 года в стенах этой церкви открылся спортивный зал общества «Динамо» [1].

Возникла парадоксальная для губернского города ситуация: здесь не осталось ни одной церкви. С потерей храма Мурманск в известном смысле терял и свое имя, и свой образ. Неслучайно побывавшая здесь в конце 1920-х годов московская журналистка Татьяна Тэсс дала городу свое, фактически уже без-ОБРАЗНОЕ имя – «город без церквей». Именно так она назвала свой очерк в журнале «Огонек» [2]. Правда, журналистка не только удивлялась, но и приветствовала атеистическую прыть Мурманска. Казавшееся странным в то время, это явление предопределяло трагический путь для других городов и всей страны в целом.

Татьяна Тэсс воспринимала значимым событием появление города «без церквей» и «без архивов», т. е. сбросившего с себя бремя истории, традиций и устремленного в будущее по фарватеру революции. Город как вызов тысячелетней христианской истории. Она заметила, в чем проявлялись эти первые «мурманские ласточки» нового общественного быта, когда приводила в пример возникшую в городе практику так на-

1 Военмор. На месте церкви – очаг физкультуры // Полярная правда. 1925. 8 марта.

2 Тэсс Т. Город без церквей // Огонек. 1929. № 35. С.11–12.

Статья Татьяны Тэсс «Город без церквей», опубликованная в популярном журнале «Огонек»

ГОРОД БЕЗ ЦЕРКВЕЙ

Мурманску - городу отроду 14 лет. Город военного времени, призыва 1915 года. Вырос при постройке Мурманской железной дороги, на боевом ветру, на пути орудий и снарядов, которые гнали сквозь него по новой дороге союзники, снабжая провиантом российские поля сражений. В 1918 году он был взят оккупантами, шел сквозь строй иноземного захвата, белогвардейского засилия, — и в 20-м году был отбит железнодорожными рабочими и передан в руки советского правительства. Единственный город в России, где никогда не было церквей.

14 лет — это пионерский возраст. Бойкий северный крепыш растет за полярным кругом с категорической быстротой. Это главный административный центр всего Мурманского края, держащий в своих руках управление крупнейшими промышленными отраслями. Если вспомнить, что Мурманский округ занимает 137 тысяч квадратных километров (т.-е. площадь, в которой может уместиться, примерно, около трех Швейцарий), — то эта цифра обяжет город полной правительственной внушительностью.

За полярный круг, вдоль побережий Ледовитого океана, в Мурманск, в Кандалакшу, в Кемь, в Сороки, в Онегу, в Архангельск, в Молотовск, в Беломорск, в Сорокскую, в Кемскую, в Онежскую, в Двинскую, в Печорскую, в Мезенскую, в Канинскую, в Колгуевскую, в Новоземельскую, в Вайгачскую, в Диксонскую, в Амдерминскую, в Обскую, в Тазовскую, в Гыданскую, в Дудинскую, в Хатангскую, в Анабарскую, в Оленекскую, в Булунскую, в Якутскую, в Нижнеколымскую, в Чаунскую, в Анадырскую, в Беринговскую, в Петропавловскую, в Охотскую, в Николаевскую, в Сахалинскую, в Владивостокскую, в Посьетскую, в Ольгинскую, в Сучанскую, в Хасанскую, в Ворошиловскую, в Ленинградскую, в Таллинскую, в Рижскую, в Либавскую, в Мемельскую, в Данцигскую, в Гдынскую, в Штеттинскую, в Копенгагенскую, в Гетеборгскую, в Осло, в Бергенскую, в Ставангерскую, в Тронхеймскую, в Ставангерскую, в Бергенскую, в Осло, в Гетеборгскую, в Копенгагенскую, в Штеттинскую, в Гдынскую, в Данцигскую, в Мемельскую, в Либавскую, в Рижскую, в Таллинскую, в Ленинградскую, в Ворошиловскую, в Хасанскую, в Сучанскую, в Ольгинскую, в Посьетскую, в Владивостокскую, в Сахалинскую, в Николаевскую, в Охотскую, в Петропавловскую, в Беринговскую, в Анадырскую, в Чаунскую, в Нижнеколымскую, в Якутскую, в Булунскую, в Оленекскую, в Анабарскую, в Хатангскую, в Дудинскую, в Гыданскую, в Тазовскую, в Обскую, в Амдерминскую, в Диксонскую, в Вайгачскую, в Новоземельскую, в Колгуевскую, в Канинскую, в Мезенскую, в Печорскую, в Двинскую, в Онежскую, в Кемскую, в Сорокскую, в Беломорск, в Молотовск, в Архангельск, в Онегу, в Сороки, в Кемь, в Кандалакшу, в Мурманск, ледовитого океана, вдоль побережий Полярный круг, за

Памятник жертвам интервенции

А в городе двери домов открыты, из труб идет семейный дымок, на улицах прохожие видны видеть до того часа, который на юге принято называть рассветом. Не холодно, солевая прохлада тянется из гавани. Перед домами на веревках танцует под ветром разноцветное лохматое белье. У крылец, привязанные как собаки, зевают козы, чешутся и постукивают о доски ушками, как бокалы, копытами. Пустые консервные коробки в канавах с готовностью подхватывают и дробят лучи полуночного солнца. Единственное, что несколько поддерживает ночь, это — висячие замки на дверях лавок: не будь их — ночь и юридически перестала бы существовать.

Одно из основных затруднений Севера, это нехватка питьевой воды. В Мурманске этот вопрос уже разрешен, в нем проведен водопровод, и достижение это явилось результатом работы на субботниках. Вода мягкая, с легким привкусом иода. Говорят, что она очень портит зубы, особенно сказывается это у детей. Медицинская помощь в Мурманске поставлена очень хорошо. Есть прекрасно оборудованная больница, есть постоянный штат врачей из 30 человек. Дело питания также поставлено очень прилично. Есть ряд коопера-

зываемых «переходных жен». Женщин в Мурманске очень мало, пишет Т. Тэсс, а те, что есть, соглашаются «домовито и хозяйственно» жить с мужчиной, пока он не вернется на родину к своей семье или не пропьется «в доску», затем переходят к следующему [1]. В то же самое время в подобном, бунтарском ключе писали о Мурманске М. Горький в очерке «На краю земли» и В. Лебедев в своей книге «Полярное солнце» [2].

Следует заметить, что Татьяна Тэсс не была создателем антиобраза «город без церквей». Судя по другим литературным источникам, он был растворен в мурманском воздухе. Тогда же его услышит и приезжавшая в Мурманск в январе 1929 года дочь Льва Толстого – Александра Толстая, вспоминавшая об этом спустя много лет в своих мемуарах [3].

И новосибирский писатель Вивиан Итин в повести «Спасение Печонкина», опубликованной ранее очерка Т. Тэсс, в 1928 году, напишет о Мурманске: «Он так нов, что в нем нет ни одной церкви» [4].

Но тут же В. Итин показывает оборотную сторону всей этой «новизны»: «Кажется, нигде в свете нет места пьянее Мурманска… Нижний этаж желрыбовской гостиницы… занят “рестораном”… Эпопея

---

1 Там же.

2 Горький М. На краю земли // Горький М. Полное собрание сочинений: в 25 тт. Москва, 1974. Т. 20. С. 237–251; Лебедев В. Полярное солнце. Москва, 1930.

3 Толстая А. Л. Дочь. Москва, 2000. С. 413. Подробнее о визите А. Л. Толстой в Мурманск см. здесь: Федоров П. В. Творцы и персонажи «великого арктического города»: очерки по истории культуры Мурманска. Мурманск, 2022. С. 120–122.

4 Итин В. Спасение Печонкина // Сибирские огни. 1928. № 6. С. 127.

Вторая Свято-Никольская церковь в Мурманске (на улице Зеленой), свидетельствовавшая о возрождении в городе регулярной литургической жизни. Освящена в 1946 г. Фото с официального сайта Свято-Никольского кафедрального собора г. Мурманска

поножовщины годами разыгрывается у входа. Интернациональная ругань потрясает желрыбовские стекла. Специальный вышибала, потея, спокойно выносит живые трупы и, с помощью милиционера, сваливает в мокрый ров. Там, бесчувственные, они лежат в нечеловеческих позах, иногда вниз головой, маяча в полярных сумерках, и жестокая морянка – северный ледовитый ветер – замораживает нечистоты на их непропитых еще рубахах» [1].

Вивиан Итин, должно быть, немного приукрасил, но все-таки не исказил сути возникшего в городе положения. В конце концов под напором общественности ресторан «Желрыбы» был закрыт, а в его помещении в январе 1929 года открылась безалкогольная столовая-чайная [2].

Антиобраз, к счастью, не сумел завладеть Мурманском полностью. Православная жизнь не прекращалась даже в отсутствие храмов.

В соседней Коле одним из хранителей приходских традиций после закрытия церкви и ареста священника стал местный житель Философ Суслов [3]. Что касается Мурманска, то после исчезновения единственного храма здесь продолжал действовать приход, который окормлялся иеромонахом Арсением (Коноплевым), создавшим на своей квартире под-

---

1 Там же. С. 128.

2 В помещении бывшего ресторана «Желрыба» // Полярная правда. 1929. 10 января.

3 См.: Федоров П. В. Философ Суслов и православная жизнь Колы в период гонений (1920–1930-е гг.) // XIII Феодоритовские чтения: Исторические поселения севера Европы: материалы международной историко-краеведческой конференции. Апатиты, 2021. С. 353–360.

польную церковь [1] – мурманский аналог церковной катакомбы. В 1937 году священник был арестован и вскоре расстрелян [2].

Возникновение в Мурманске подпольной церкви выявляло несоответствие между реальным положением и антиобразом – «город без церквей». Точнее все-таки говорить о «городе без куполов». Неизвестно, имелись ли продолжатели у Арсения (Коноплева) в Мурманске?

При том, что население было в основном приезжим, духовность русского мира на берег Кольского залива, по-видимому, принесли крестьяне, вынужденно переселявшиеся сюда. Крестьянская религиозность находила выход в той или иной форме.

В 1946 году на улице Зеленой в Мурманске усилиями священника Владимира Жохова и мирян был открыт деревянный православный храм во имя святителя Николая Чудотворца. В истории города завершился 22-летний период отсутствия регулярной литургической жизни.

Сегодня, когда в Мурманске насчитывается больше десяти православных храмов, уже трудно представить, что когда-то его называли «городом без церквей».

---

[1] Бардилева Ю. П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века. Мурманск, 2015. С. 128–129, 175–176.

[2] Иеромонах Арсений (Коноплев) жил в Мурманске на ул. Карла Либкнехта, 16. Не по этому ли адресу возникла подпольная церковь? См.: Книга Памяти: поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской области. Мурманск, 1997. С. 153.

ПОРЦЕЛЬ
Александр
Константинович

доктор исторических наук,
доцент кафедры социально-
гуманитарных дисциплин
Мурманского
государственного
технического университета

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: КАК СОЗДАВАЛИ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ НА ШПИЦБЕРГЕНЕ

Дискуссии о том, что такое историческая память, начались давно и не прекращаются по сей день. В настоящее время единого определения «исторической памяти» нет: употребляются как синонимы термины «историческая память», «коллективная память», «социальная память» и др. В данной статье автор под исторической памятью понимает сознательное сохранение информации о прошлом, включая информацию о среде обитания (природно-культурный ландшафт) и о социуме (отдельные личности, общественные группы и события).

Но, как бы не именовать эту память о прошлом, важно сохранять не только духовные скрепы, но и материальные носители этой памяти. Эти носители могут сохраняться как у отдельных людей или в малых группах (семейные реликвии), так и в больших общественных группах (от отдельных коллективов до этносов). К этим материальным носителям относится многое: предметы старины, памятники, документы, фотографии, семейные реликвии и т. д. Эти материальные носители должны где-то храниться, реставрироваться, систематизироваться, изу-

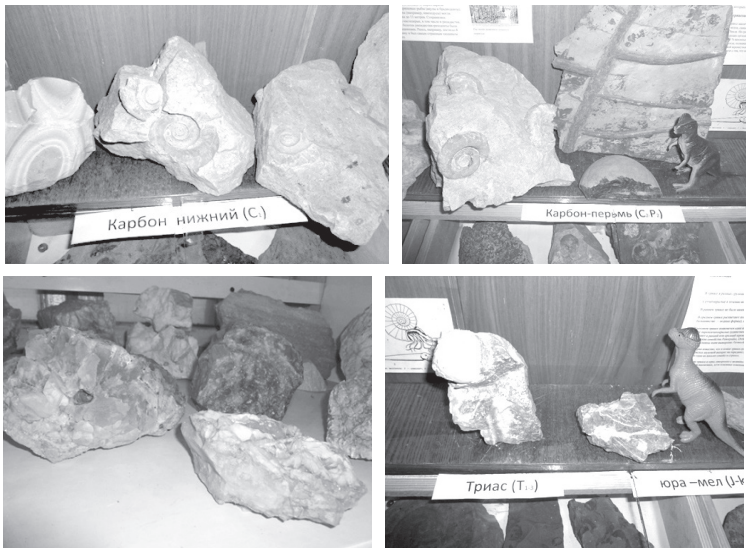
чаться и экспонироваться. Одним из социальных институтов, которые реализуют эту общественную функцию, являются музеи. Особое место занимают среди них музеи краеведческие. Они сохраняют информацию о «малой родине», о непосредственной среде обитания человека, о том, что составляет его микросреду. А без такой информации социализация человека как личности вызывает вопросы.

Неудивительно, что нередко потребность в создании таких краеведческих музеев, рассказывающих о своей малой родине, о микросреде личности проявляется как инициатива снизу, как стремление людей сохранить память о прошлом своего ближнего круга, об истории своего «места обитания», сохранить «связь времен». Это касается и истории общества, в котором существует человек, и окружающей его среды, прежде всего – природы данной местности.

Цель данной статьи – показать на примере советских поселков треста «Арктикуголь» на Шпицбергене, как формируются такие малые краеведческие музеи, и какие условия необходимы в конечном счете для их создания и успешного функционирования.

Как известно, архипелаг Шпицберген был передан под суверенитет Норвегии по Парижскому договору 1920 года. Но в договоре указано, что на архипелаге могут свободно вести любую невоенную деятельность все участники договора. С 1931 г. на Шпицбергене ведет хозяйственную деятельность трест «Арктикуголь». На сегодняшний день функционирует один рудник – «Баренцбург». Два других («Грумант» и «Пирамида») законсервированы. С начала XX века наряду с добычей угля, которая постепенно сокращается, трест «Арктикуголь» активно развивает туризм. Для этого в структуре треста был создан Центр арктического туризма «Грумант». Этот центр организует различные туры для тех, кто прибывает на Шпицберген. Среди различных видов экскурсий одними из самых востребованных являются экскурсии в поселки Баренцбург и Пирамида.

В Баренцбурге обязательным объектом для туристов является музей «Помор». Генеральный директор треста «Арктикуголь» Н. А. Гнилорыбов в 1980-е гг. указывал и на другие туристические объекты: «Недалеко от Баренцбурга находится музей, посвященный страстному исследователю Арктики, пламенному революционеру Русанову. Действует филиал краснодонского музея “Молодая гвардия”. Во дворце культуры Баренцбурга развернута выставка, посвященная русским по-



Баренцбург. Экспонаты музея ПМГРЭ. Фото автора. 2015 г.

морам» [1]. В настоящее время музей «Помор» остается основным туристическим объектом в Баренцбурге.

Судя по документам, идея создания краеведческого музея оформилась среди жителей советских поселков Шпицбергена в конце 1950-х гг. (Возможно, подобные предложения высказывались и ранее, но документального подтверждения этому автор пока не нашел.) Осенью 1959 г. в газете «Полярная кочегарка», которую издавал трест «Арктикуголь», было опубликовано обращение заведующего клубом Н. Краюхина и сотрудницы геофизической станции Е. Гриневой. Они писали: «Каждый полярник хочет увезти что-нибудь на память о суровом Шпицбергене. <…> Но дело в том, что многие товарищи, оформляя свои коллекции, подчас даже не знают, как назвать тот или иной экспонат. Больше того, кое-кто уезжает с острова без малейшего представления о его географии, природе. В этом случае, да и вообще для расширения знаний полярников о Шпицбергене, серьезную помощь могли бы оказать краеведческие уголки, созданные на каждом руднике. С течением времени, они, возможно, перерастут в солидные краеведческие музеи. <…> Дело за общественными организациями, которые должны заинтересоваться

[1] На трудовой вахте – арктические шахтеры: беседа с Н. А. Гнилорыбовым // Полярная кочегарка. № 36 (3781). 16 мая 1984 г.

Баренцбург. Экспонаты музея ПМГРЭ. Фото автора. 2015 г.

данным вопросом» [1]. В письме предлагался примерный план экспозиции будущего музея: в нем должны были быть залы, посвященные геологии, природе и истории Шпицбергена.

Вскоре последовал ответ на это предложение: «Письмо обсуждалось на заседании физкомитета советских угольных рудников Шпицбергена. Физкомитет обязал физбюро рудников до 1 апреля организовать инициативные группы по созданию краеведческих уголков. Этим решено положить начало осуществлению предложения тт. Краюхина и Гриневой» [2]. (Надо пояснить, что, поскольку советские рудники находились на территории, принадлежащей иностранному государству, то в целях конспирации в официальной переписке применялся шифр. Так, комитет комсомола именовался физкультурным комитетом, комсомольское бюро – физкультурным бюро, партийная организация – профсоюзной организацией и т. д.)

Но довести дело до создания настоящего краеведческого музея оказалось непросто: «решения сверху» было недостаточно, нужны были энтузиасты, готовые взяться за это непростое дело. В мае 1960 г.

---

[1] Краюхин Н., Гринева Е. Давайте создадим краеведческий музей! // Полярная кочегарка. № 17 (1217). 28 февраля 1959 г.

[2] Инициатива поддержана // Полярная кочегарка. № 20 (1220). 11 марта 1959 г.

Баренцбург. Музей «Помор». Фото автора. 2015 г.

в «Полярной кочегарке» появилась статья с красноречивым заголовком «Об одной забытой инициативе» (и подзаголовком «Создать на рудниках краеведческие уголки»). В частности, в статье говорилось, что речь о создании на рудниках таких краеведческих уголков идет не первый год: «В прошлом году физорганизация рудоуправления Баренцбурга решила взять это дело в свои руки. Уже было подыскано подходящее помещение в клубе, запланированы экскурсии. Однако помещение так и не выделили, экскурсии не состоялись» [1]. Но и после этой публикации дело практически не двинулось.

В сентябре того же года трестовская газета вновь подняла вопрос о создании краеведческого музея в заметке с категорическим заголовком «Баренцбургу – свой музей». В ней утверждалось: «В Баренцбурге должен быть краеведческий музей. Это подсказывает сама жизнь. <…> Музей можно оборудовать своими силами. Дело за инициативой, желанием полярников» [2]. Но дело практически не сдвинулось.

В сентябре 1961 г. на собрании молодежи рудника «Пирамида» комсомолец Яковлев предложил: «Давайте создадим своими силами краеведческий музей острова, соберем гербарии, сделаем чучела, фотографии, рисунки» [3]. Идея была поддержана, но до практической реализации ее дело опять не дошло.

---

[1] Константинов Е. Об одной забытой инициативе // Полярная кочегарка. № 37 (1339). 5 мая 1960 г.

[2] Костионов П. Баренцбургу – свой музей // Полярная кочегарка. № 72 (1374). 3 сентября 1960 г.

[3] Курило В. Одни фокстроты нам не нужны // Полярная кочегарка. № 77 (1483). 27 сентября 1961 г.

Баренцбург. Музей «Помор». Фото автора. 2015 г.

Вновь потребовалась «инициатива снизу». Началось все с чучела белого медведя, изготовленного в 1962 г. главврачом больницы С. Филипповым, начальником порта Н. Скуматовым и диспетчером порта Г. Хорохориным. Это чучело разместили в фойе клуба Баренцбурга.

В 1962 г. снова вернулись к идее создать краеведческий музей. На этот раз предложения были направлены в конкретное русло. Преподаватели школы рабочей молодежи Д. Юданова и Н. Голикова предлагали: «Давайте общими силами создадим на острове краеведческий музей, в котором зимовщики пополняли бы свои знания об архипелаге. <…> Экспонаты принимаются в нашей школе рабочей молодежи. При их сдаче необходимо указать фамилию полярника, сдающего экспонат, время и место его находки» [1]. Предложение получило практическую поддержку со стороны руководства рудника: было выделено помещение и найдены средства на оформление экспозиции.

И, наконец, в феврале 1963 г. краеведческий музей в Баренцбурге открылся. В нем было несколько отделов: исторический, живой природы и геологический. «Энтузиасты собрали практически полный гербарий местной полярной растительности, коллекции почти всех горных пород, изготовили чучела белого медведя, овцебыка, северного оленя, голубого песца, нерпы, различных птиц и рыб» [2].

---

[1] Юданова Д., Голикова Н. Создадим краеведческий музей // Полярная кочегарка. № 33 (1543). 25 апреля 1962 г.

[2] Петрова В. Гордость баренцбуржцев//Полярная кочегарка. № 15 (3662). 23 февраля 1983 г.

(С датой открытия музея в воспоминаниях ветеранов есть расхождения. Вл. Кириллов, опубликовавший в 1967 г. в «Полярной кочегарке» серию материалов по истории треста, писал, что это было 20 февраля 1963 г., а член общественного совета музея учитель баренцбургской школы В. Петрова в 1983 г. указывала дату 24 февраля. Расходятся они и в том, кто был организатором музея. Вл. Кириллов пишет: «Организовали его педагоги школы рабочей молодежи – Н. В. Голикова, Д. И. Тюбо, Н. И. Федоренко, З. А. Чистякова, Д. Д. Юданова, М. В. Яковлева и геолог Б. И. Рыбаков» [1]. В. Петрова приводит иной список: «Инициатор создания самого северного в нашей стране музея – директор рудника А. В. Гуреев. А создавали музей учителя во главе с Д. Д. Юдановой, работавшей в то время директором школы рабочей молодежи, а также главным врачом больницы С. И. Филипповым» [2]. Старший научный сотрудник НИИ геологии Арктики В. Дибнер в 1969 г. сообщает: «В 1963 году по инициативе местной школы и при участии ленинградского геолога Б. И. Рыбакова на руднике Баренцбург был основан краеведческий музей» [3].)

Вскоре после открытия музей посетил губернатор Свальбарда Мюдбе. Это было 2 апреля 1963 г. В книге почетных посетителей он оставил запись: «Я впервые посетил этот музей. Было очень интересно! Здесь проведены в жизнь мысли и планы, которые другие вынашивали в течение многих лет безрезультатно. Приятно видеть, что здесь реализована мысль о сборе и сохранении старых памятников. Может быть, мы последуем вашему примеру в Лонгиербюене» [4]. (Заметим, что в 1979 г. в норвежском административном центре Шпицбергена был открыт «Музей Свальбарда».) Губернатор подарил музею Баренцбурга шкуру овцебыка, а диспетчер порта Г. А. Хорохорин сделал чучело. Он же сделал для музея чучело нерпы и белька [5]. Через год в музее поя-

---

[1] Кириллов Вл. Вновь рожденные//Полярная кочегарка. № 9 (2034). 1 февраля 1967 г.

[2] Петрова В. Гордость баренцбуржцев//Полярная кочегарка. № 15 (3662). 23 февраля 1983 г.

[3] Дибнер В. Музей должен работать//Полярная кочегарка. № 65 (2290). 20 августа 1969 г.

[4] Кириллов Вл. Вновь рожденные//Полярная кочегарка. № 9 (2034). 1 февраля 1967 г.

[5] Кириллов Вл. Вновь рожденные // Полярная кочегарка. № 9 (2034). 1 февраля 1967 г.

Баренцбург.
Музей «Помор».
Фото автора. 2015 г.

вился новый экспонат – чучело оленя. «Его изготовили горнотехнический инспектор В. Д. Григорьев и главный врач больницы И. Г. Глотов. Отстрел в дар музею разрешил губернатор Шпицбергена Ландсверг» [1].

Огромную роль в создании и развитии музея «Помор» сыграл известный отечественный археолог В. Ф. Старков. Первая археологическая экспедиция ИА РАН на Шпицберген состоялась в 1978 г. С тех пор работы на архипелаге под руководством Вадима Федоровича не прерывались ни на один сезон. Важным итогом отечественных археологических работ на Шпицбергене явилась большая коллекция предметов материальной культуры поморов XVI–XVIII вв. Все эти предметы хранятся в музее «Помор».

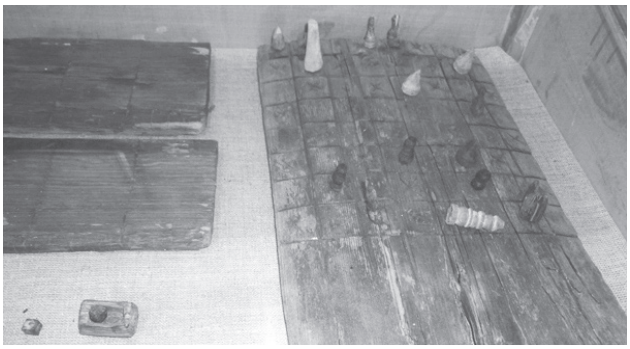
Аналогичный краеведческий музей был открыт и в Пирамиде. Это произошло в 1970 г. Директор вечерней школы К. Свешников так описывал это событие: «Наступивший 1970 год ознаменовался на руднике Пирамида открытием краеведческого музея. 2-го января председатель Общества дружбы “СССР–Норвегия” начальник рудника т. Гичко перерезал ленту у входной двери в музей, и первые посетители с большим интересом начали знакомиться с экспонатами самого северного в мире краеведческого музея.

Наш музей состоит из четырех отделов: история о Шпицбергене, международные связи, природа, геология. <…> В первый же час работы в нем побывало свыше ста полярников. В дальнейшем музей будет работать по воскресным дням» [2].

---

[1] Кириллов Вл. Вновь рожденные // Полярная кочегарка. № 24 (2049). 25 марта 1967 г.

[2] Свешников К. Музей на Пирамиде//Полярная кочегарка. № 2–3 (2329–30). 10 января 1970 г.



Баренцбург.
Музей «Помор».
Фото автора. 2015 г.

Но музей перестал существовать, когда рудник «Пирамида» был законсервирован. Экспонаты его частично сохранились в помещениях Дома культуры, превращенного в исторический памятник, а частично были утрачены в результате отсутствия должного хранения. Сейчас Пирамида является туристическим объектом – музеем под открытым небом, идет активное восстановление зданий и их интерьера. Здесь посетители словно окунаются в атмосферу советских времен.

Музей «Помор» в Баренцбурге сейчас располагает несколькими залами. Он может существенно расширить свою экспозицию. Но для этого необходимы новые площади. Часть выставочных площадей оборудована в реставрированном старом здании консульства. Планируется отдать в распоряжение музея часть из законсервированных старых жилых домов после их реставрации. Таким образом, реализуется одно из условий привлечения туристов в российские поселки архипелага и расширения российского туристического бизнеса: увеличение музейных экспозиций.

Но тут имеется препятствие: по норвежским законам все находки, сделанные на архипелаге, являются собственностью администрации Свальбарда, точнее – собственностью музея Свальбарда. Поэтому все экспонаты музея «Помор», равно как и других музеев в российских поселках архипелага, считаются лишь переданными во временное пользование из Музея Свальбарда. А пополнение экспозиции за счет новых находок, сделанных в различных частях архипелага, затруднено, поскольку закон об охране культурных памятников Свальбарда фактически запрещает перемещение таких объектов с места их находки: «На Шпицбергене охране подлежат все следы человеческой деятельности (как все виды построек, домов, конструкций, механизмов, так и остатки таковых)

Баренцбург. Музей Помор». Фрагменты экспозиции.
Фото автора. 2015 г.

до 1946 г. Следы захоронений, кресты, кости и фрагменты костей, а также части скелета человека, находящиеся вне захоронений, автоматически попадают под защиту закона вне зависимости от их возраста. Также это касается фрагментов скелета на местах забоя китов и моржей и мест установки "ружей-растяжек" против медведей» [1].

И норвежцы периодически ограничивают работу археологов. В 2015 г. советник губернатора Хаукалид Снорре заявил: «В дальнейшем объекты культурного наследия на Шпицбергене будут сохраняться в нетронутом виде и могут быть задействованы в будущих исследованиях» [2]. В 2016 г. директор Управления по охране памятников культуры Норвегии Йорн Холме подчеркнул, что исторические захоронения на Шпицбергене в принципе следует оставить нетронутыми, если им ничто не угрожает [3]. Как отмечает старший советник международного отдела государственной службы охраны памятников Норвегии Й. Йоргенсен: «Любые действия в отношении охраняемых памятников могут осуществляться только после согласования с государственной службой охраны памятников» [4].

---

[1] Шепелев К. «Адвокат» Ее Природного Величества // Русский вестник Шпицбергена. 2014. № 13. С. 19.

[2] Хаукалид С. Археологические раскопки разрушающихся памятников на Свальбарде // История освоения Шпицбергена и Евразии. М.: 2015. ИА РАН, ГТ «Арктикуголь», 2015. С. 35.

[3] Сохранить для истории // Русский вестник Шпицбергена. 2016. № 4 (24). С. 13.

[4] Шепелев К. Музей под открытым небом // Русский вестник Шпицбергена. 2015. № 3 (17). С. 23.

Баренцбург. Музей Помор». Фрагменты экспозиции.
Фото автора. 2015 г.

Еще одна серьезная проблема самодеятельных краеведческих музеев – отсутствие специальной подготовки у тех, кто отвечает за функционирование этих музеев.

Музейное дело требует серьезных знаний и умений. Музеи – это не только экспозиция и запасники. Это еще большая исследовательская работа и не менее важная работа по распространению и пропаганде знаний. Это требует серьезной подготовки от музейщиков. Не случайно подготовкой специалистов музейного дела занимаются в специальных учебных заведениях. Но у предприятий и организаций, которые организуют свои музеи, нет таких специалистов и нет возможности пригласить профессиональных музейщиков: этого не позволяют ни финансирование, ни штатное расписание. И зачастую музей держится на плечах энтузиастов. Но эти энтузиасты, к сожалению, не всегда обладают нужными знаниями и подготовкой. А это в результате нередко приводит к утрате и экспонатов, и исторических документов.

Эти проблемы не являются исключением для краеведческих музеев отечественных рудников Шпицбергена. Было бы очень неплохо, если бы работники профессиональных музеев, включая и мурманские музеи – краеведческий, музей ПИНРО, музей Северного флота и иные, оказали методическую помощь своим самым северным коллегам.

Подводя итог, отметим, что краеведческие музеи – хорошее средство для сохранения исторической памяти. Эти музеи являются одной

из составляющих ответа на вопрос: «С чего начинается Родина?». Но для их организации необходима «инициатива снизу», нужно, чтобы у жителей данной местности появилась осознанная необходимость в сохранении исторической памяти о своей «малой родины». Однако одной такой инициативы мало, нужна обязательная «поддержка сверху», со стороны «административного ресурса» – руководства местных органов власти, администрации местных предприятий или учреждений, общественных организаций. Создание и успешное существование таких «малых краеведческих музеев» возможно лишь при объединенных усилиях «снизу» и «сверху».

СЕВЕР В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

ЖИРОВ
Владимир Константинович

НИЦ Медико-биологических проблем адаптации человека на Севере, ФИЦ «Кольский научный центр РАН», г. Апатиты Мурманской области

ГОНТАРЬ
Оксана Борисовна

НИЦ Медико-биологических проблем адаптации человека на Севере, ФИЦ «Кольский научный центр РАН», г. Апатиты Мурманской области, Научно-исследовательская лаборатория ФБУН «Северо-Западный научный центр гигиены и общественного здоровья», г. Кировск Мурманской области;

МЕГОРСКИЙ
Владимир Владимирович

НИЦ Медико-биологических проблем адаптации человека на Севере, ФИЦ «Кольский научный центр РАН», г. Апатиты Мурманской области;

ИЕРЕЙ ИОАНН
Данилец

настоятель храма Новомучеников и Исповедников Церкви Русской, г. Апатиты Мурманской области

ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЕСТЕСТВА И ПРАВОСЛАВНАЯ МЕДИЦИНА. ЛАНДШАФТНАЯ ТЕРАПИЯ: НАЗАД К ТРИНИТАРНОСТИ

... Беспредельное множество отдельных вещей и (свойств), содержащихся в них, неизбежно делает также беспредельной и бессмысленной твою мысль...

Платон

Вся живая материя восстает перед нами как одно целое, как один огромный организм, заимствующий свои элементы из резервуара неорганической природы, целесообразно управляющий всеми процессами своего прогрессивного и регрессивного метаморфоза и, наконец, отдающий снова все заимствованное назад мертвой природе.

С. Н. Виноградский,
лекция перед императорской
семьей 8 декабря 1896 г.

Апологетическое значение медицинского холизма

Почти 100-летняя монополия атеизма в идеологических устоях нашего академического сообщества не могла не отразиться на результатах его научных исследований [1]. В фундаментальной медицине это, в частности, затруднило развитие представлений о психосоматических нарушениях [2], что отразилось на Международной классификации заболеваний, в номенклатуре которой им до сих пор [3] не нашлось места.

---

[1] которое и до сих пор остается в основном атеистическим или духовно-биполярным.

[2] Курпатов А. В., Алехин А. Н. Философия психологии. Новая методология. М.: «ОЛМА Медиа Групп». 2006. 448 с.

[3] До МКБ Десятого пересмотра.

Особое значение в связи с этим сейчас приобрели исследования, основанные на холистическом понимании механизмов повреждения и адаптации человеческого организма. Среди них в первую очередь привлекают внимание работы архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) [1] и епископа Василия (Родзянко) [2], позиции которых позволяют оценивать изменчивость существующего разнообразия биосистем с точки зрения их **целостности**, то есть отношений **единого со множеством**.

Данная оппозиция представляет собой частный случай второй антиномии Иммануила Канта: *«каждая сложная субстанция состоит из простых частей – не существует ничего простого»* [3]. Поскольку решение антиномий находится за пределами человеческих возможностей [4], видимо, это обстоятельство стало основной причиной значительного разнообразия соответствующих философских мнений в Европе с античных времен [5].

В философской системе Августина Блаженного (IV–V вв.) понимание категории целостности строилось, в соответствии с христианским вероучением, на признании абсолютного приоритета Бога, как ее основы и единственной причины. Если бы эта идея и в дальнейшем служила методологической основой развития естественных наук, их отношения с христианским догматическим учением могли бы пойти по пути взаимополезного сотрудничества. Однако с наступлением Нового времени в представлениях европейских философов источник

---

[1] Святитель Лука, (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. Москва: Терирем, 2017. 179 с. Далее – «ДДТ».

[2] Епископ Василий (Родзянко). Теория распада Вселенной и вера Отцов. М.: Паломникъ, 2003. 250 с.

[3] Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1963. 799 с.

[4] Священник Павел Флоренский. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. 3 изд. М.: Академический проект, 2021. 905 с. (Философские технологии).

[5] в отличие от понимания этой проблемы древнегреческими философами. Если у Платона или Аристотеля многообразие приобретает целостность и становится единым – на уровне идеи или формы, соответственно, а «в неоплатонизме иерархию бытия возглавляет сверхсущее единое, приобщение к которому дает целостное восприятие мира», в учении же Аврелия Августина и более позднем – Фомы Аквинского – «источник единства и целостности (уже) заключен… в личностном Боге». [Л. А. Маркова. Новая философская энциклопедия. В четырех томах/Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010, т. IV. С. 316–317.]

целостности сместился от Бога к міру природы [1], а впоследствии – и к человеку [2], ознаменовав тем самым начало наступления, а в перспективе – будущего торжества материализма.

В последние годы, когда в нашей стране представители естественных наук по большей части отошли от враждебного отношения к религии, перспективы их сотрудничества с Церковью наконец приобрели зримые очертания [3].

Очевидно, что дальнейшее развитие холизма в естествознании связано с формированием единой теоретической платформы, по меньшей мере, допускающей мирное сосуществование материалистических и православно-апологетических позиций. В медико-биологической области к этому наиболее близки взгляды архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), расширившего понятие материального [4] и своими исследованиями внесшего значительный вклад в развитие идеи целостности человеческого естества и принципов холистической методологии.

Проблемой целостности живых систем занимались и такие выдающиеся ученые-естественники, как Л. С. Берг [5], Н. И. Вавилов [6]

---

[1] В связи с чем уместно также вспомнить отношение великого математика Пьер-Симона де Лапласа к возможности участия Творца в поддержании мірового порядка, которую он озвучил в начале XIX века в известной беседе с Наполеоном: «… Сир, я не нуждаюсь в этой гипотезе». [Ливио, Марио. Был ли Бог математиком? Глава 5. М.: АСТ, 2016. 384 с. (Золотой фонд науки).]

[2] Л. А. Маркова. Новая философская энциклопедия. В четырех томах/Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010, т. IV. С. 316–317. «Идея целостности в 20 веке базируется на ином понимании предмета познания (как обладающего субъектными характеристиками), теоретичности знания (как системы, включающей в себя и процессы получения знания), индивида (как личности), факта (как события), времени (не как линейного, а скорее как топологического)».

[3] в частности, в форме подписанного в ноябре 2020 г. «Соглашения о сотрудничестве Кольского научного центра Российской Академии Наук с Мурманской и Мончегорской митрополией Московского Патриархата Русской православной церкви».

[4] «Мы… готовы подписаться под основным тезисом материализма: Бытие определяет сознание, но только при условии не узко материалистического понимания бытия».

[5] Берг Л. С. Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей. Петербург: Государственное издательство, 1922. 306 с.

[6] Вавилов Н. И. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости// Теоретические основы селекции растений / под ред. Н. И. Вавилова. М., Л.: Сельхозгиз, 1935. Т. 1: Общая селекция растений. С. 75–128.

и А. А. Любищев [1], однако только святителю Луке на основе личного врачебного и пастырского опыта удалось логически объединить биологическую, психическую и духовную составляющие человеческой природы. Позднее были опубликованы работы профессора Д. Е. Мелехова [2] и митрополита Антония (Блюма) [3], а в 2000 году – приняты «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», свидетельствующие о сближении психиатрической практики и духовного врачевания.

Возможности их дальнейшего синтеза определяются, во-первых, созданием необходимой теоретической базы, понятийный аппарат которой соответствует и естественно-научной, и теологической логике; во-вторых, возрождением методов и подходов традиционной медицины, которые создавались при доминировании холистического, и еще не потраченного редукционизмом, мировоззрения.

Применительно к обсуждаемой здесь проблеме непременным условием **первого** являются представления о многоуровневой организации живых систем, целостность которой обеспечивается системой «вертикальных» или «шунтирующих» (межуровневых) [4] связей; **второго** – использование соответствующих этим представлениям методов ландшафтной (пассивной садовой) терапии (ЛТ), основанной на визуальном восприятии отдельных растений и садово-парковых комплексов [5]. Дальнейшее развитие этого метода на основе холистических представлений архиепископа Луки и его последователей связано с анализом механизмов воздействия зрительных образов растительных форм на психосоматические структуры человека, и на его духовное состояние – в целом.

---

[1] Любищев А. А. Проблемы формы систематики и эволюции организмов. М.: Наука, 1982. 150 с.

[2] Мелехов Д. Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни. «Русское возрождение» №№ 46–49, 1989–1990.

[3] Антоний Сурожский (Блюм), митр. Уверенность в вещах невидимых. Последние беседы (2001–2002) / пер. с англ. М.: Никея, 2013. 288 с.

[4] Жиров В. К., Гонтарь О. Б., Мегорский В. В. Межуровневые связи в адаптациях фитогенных систем // Известия Российской Академии Наук. Серия Биологическая. М.: Российская академия наук. № 2. 2020. С. 137–143.

[5] Жиров В. К., Закревский Ю. Н., Гонтарь О. Б., Мегорский В. В., Койгерова А. А., Маурчева П. А. Ландшафтная терапия нарушений зрительного восприятия на Крайнем Севере//Морская медицина. Т. 7. № 1. 2021. С. 7–19.

Согласно Книге Бытия Ветхого Завета непосредственным результатом грехопадения для наших Прародителей стало облачение в «кожаные ризы» [Быт. 3, 21], принципиально изменившее их богоподобную природу: они лишились бессмертия. По словам сщмч. Мефодия Олимпийского, *«Бог сделал кожаные одежды для этой цели, как бы одевая человека в смертность»* [1]. В элементы (*«стихии»*) человеческого тела было введено **противоборство,** в силу чего оно стало грубым и тленным, подверженным страданиям и смерти. Согласно утверждению прп. Максима Исповедника, *«в человеческую природу привзошли **тленность, смертность и страстность**, которых не знало человеческое естество до грехопадения»* [2].

С этой точки зрения, эффекты ландшафтной терапии должны оцениваться в контексте восстановления **целостности** отношений его **духовной, психической и соматической** составляющих, которая, в частности, проявляется в целостности зрительного восприятия ландшафта, обеспечивающего терапевтический эффект. Другой стороной данного подхода является **целостность лечебного ландшафта**, т. е. гармоничное сочетание его элементов, соответствующее задаче конкретной терапевтической процедуры. Наконец, не менее важную роль в ЛТ играет **целостность** самого зрительного и, возможно, других форм **пространственного восприятия** [3].

Слова св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова *«Мір сей во зле лежит»* [1 Ин. 5:19] указывают на то, что в процессе Вселенского Распада целостность Мироздания была нарушена на всех его уровнях, выключая человеческую природу. Нет оснований сомневаться в том, что это по силам падшим духам, которые, по словам прп. Серафима Саров-

---

[1] Архиепископ Михаил (Чуб). К вопросу об источниках богословия св. священномученика Мефодия Олимпийского.

[2] Прп. Максим Исповедник. Вопросы и ответы к Фалассию. Вопрос XLII // Творения. Т. 2. М., 1993. С. 111. Термин тление – перевод греческого φθορά, которое означает процессы распада, разложения, утраты единства и целостности разного рода. Они наиболее заметно проявляются на уровне человеческого тела, но, безусловно, затрагивают и душу.

[3] Теоретически эффекты ландшафтной терапии могут быть обусловлены ее воздействием и на другие механизмы пространственного восприятия, Так, летучие мыши, ведущие ночной образ жизни, ориентируются по отраженному ультразвуковому излучению, а перелетные птицы – по изменениям параметров магнитного поля Земли. Поскольку в настоящее время взаимоотношения зрительного восприятия с его другими видами изучены недостаточно, корректнее, если речь не идет непосредственно о зрительной функции, говорить о восприятии пространства в целом.

ского, *«будучи сотворены с силой и свойствами ангелов, они обладают таким для человека и для всего земного необоримым могуществом, что самый маленький из них, как и сказал я вам, может своим когтем перевернуть всю землю…»* [1].

Наряду с духовной, Вселенский Распад затронул и другие составляющие человеческого естества – душу (психику) и тело (сому), также ставшие ареной взаимодействия двух духовно-противоположных начал [2]. Результатом этого стало многообразие психических и соматических структур, а с функциональной стороны – процессов их повреждения и адаптаций.

Используя современные научные представления, можно сказать, что смысл ландшафтной терапии заключается в оптимизации межуровневых взаимодействий психических и соматических структур. Важнейшую роль при этом играет пространственное **восприятие**, связывающее психосоматические эффекты со зрительным образом растений и ландшафта в целом [3]. С медико-биологических позиций, холистический подход к этой проблеме связан с целостным пониманием двух фундаментальных процессов: **восприятия** и **адаптации**, лежащих в основе отношений человека с окружающим міром. Исследования этих процессов могут внести определенный вклад в православное апологетическое учение, поскольку изучение разнообразных модификаций биосистем и человеческого естества в контексте нарушения Міровой Целостности является наиболее важной и одной из немногих идей, на основе которых временные естественно-научные представления могут быть адаптированы к догматическому православному учению. Применительно к теме нашего сообщения,

---

[1] О цели жизни нашей христианской. Беседа преподобного Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым / Преподобный Серафим Саровский; Н. А. Мотовилов. Киев: Киево-Печерская Успенская Лавра, 2013. 79 с.

[2] Поскольку до облачения в «кожаные ризы» взаимоотношения трех составляющих человеческого естества принципиально отличались от нынешних, сейчас все попытки их анализа были бы, по меньшей мере, некорректными: Св. Писание и Св. Предание ограничиваются только намеками на существенные пространственно-временные различия современного и Первозданного міров, не давая оснований фантазировать на эту тему.

[3] согласно наиболее распространенным сейчас представлениям. Однако, по одному из мнений, существует и альтернативный механизм т. н. «экологического восприятия» в видимой части спектра солнечного света (Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс. 1988. 464 с.).

это потребует более детальных исследований духовных эффектов ландшафтной терапии.

Особые отношения человека и растений

Ключевую роль в технологиях ландшафтной терапии играют растения, как главная составляющая искусственных и природных ландшафтов. Общеизвестно, что их значение для человека далеко выходит за границы его чисто материальных интересов.

Даже для современного городского жителя, давно утратившего реальную связь с живой природой, растительный мір продолжает оставаться одним из главных источников душевного и физического здоровья. Об этом свидетельствует, в частности, широкое распространение в последние годы любительского растениеводства в широком спектре направлений – от огородничества на приусадебных участках до комнатного цветоводства. Профессия садовника (теперь – «ландшафтного дизайнера») становится все более популярной и в больших городах имеет уже достаточно высокий социальный статус.

В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что для всех, кто профессионально занимается растениями, ботаника – больше, чем наука. Это – образ жизни, определенное мировоззрение, наконец, это страсть. В типичных случаях общение с растениями связано с переживанием более интимных и глубоких чувств, чем общение с животными. Не случайно, что, в сравнении с другими научными сообществами, у ботаников более высок дух корпоративности, и удельное число женщин среди них больше, чем среди зоологов.

Общение с міром растений несет отпечаток мистерии, которая особенно заметна при сравнении его с общением с животным міром. Среди других Творений растения выделяются особой формой отношений с человеком – интимных и во многом таинственных, попытки серьезного научного анализа которых до сих пор не увенчались успехом. При этом подавляющему большинству любителей, да и профессиональных растениеводов известно, что растения каким-то образом чувствуют человека. Это убеждение, сложившееся на основе многолетнего практического опыта, не объясняется традиционными научными представлениями, хотя попытки регистрации соответству-

ющих эффектов электрофизическими методами предпринимались неоднократно [1, 2, 3].

Данное свойство растений сочетается с их внешней привлекательностью, и с эстетических позиций восприятие человеком растений существенно отличается от его восприятия животных. Принципиальное различие заключается в том, что красота растительных форм универсальна и воспринимается практически всеми, а многие беспозвоночные животные выглядят эстетично только с точки зрения специалистов, для которых это качество определяется соответствием его внешних данных экологическим условиям среды обитания [4].

В целом отношения людей с растениями складываются иначе, чем с животными: явные случаи негативного отношения к растениям чрезвычайно редки; гадливое же отношение к пресмыкающимся, земноводным, не говоря о многих беспозвоночных, практически является нормой.

Особая эмоциональная атмосфера, возникающая при общении с растениями, более всего чувствуется в ботанических садах, где научная деятельность сочетается с практическим растениеводством. Однако этими направлениями не ограничивается деятельность ботанических садов и родственных им учреждений. С античных времен они, прежде всего, использовались в образовательных и просветительских целях. Античные философы Платон и Аристотель читали свои лекции в садах при возглавляемых ими учебных заведениях, а в средние века это вошло в традицию, которая до сих пор сильна в Англии. Можно думать, что контакт с определенным образом организованным ландшафтом и ассоциациями растений во время обучения не просто способствовал усвоению преподаваемого материала, оказывая глубокое воздействие на душевное состояние студентов, но

[1] Cleve Backster, Primary Perception: Biocommunication with plants, living foods, and human cells (2003) White Rose Millennium Press, ISBN 0-9664354-3-5, Website Архивная копия от 29 ноября 2019 на Wayback Machine.

[2] Robert Carroll. The Skeptic's Dictionary: A Collection of Strange Beliefs, Amusing Deceptions, and Dangerous Delusions. John Wiley & Sons, 2011. P. 294–296. ISBN 978-1-118-04563-3.

[3] Kenneth Horowitz, Donald Lewis and Edgar Gasteiger. (1975). Plant Primary Perception: Electrophysiological Unresponsiveness to Brine Shrimp Killing. Science, 189. pp. 478–480.

[4] и с этой точки зрения аскарида не менее эстетична, чем тропическая бабочка.

служил одним из важных условий формирования их личности.

Так, по мнению академика Д. С. Лихачева, «сады Лицея» существенно повлияли на молодого А. С. Пушкина, во многом определив особенности реализации его поэтического таланта [1]. Отечественное садово-парковое искусство претерпевало в то время переход от регулярного (голландского) к пейзажному (английскому) парковому стилю. Обусловленное этой сменой разнообразие садово-парковых форм в конце XVIII – начале XIX вв. отразилось на архитектуре Царского Села, что оказало серьезное воздействие на творчество великого поэта, в котором парадоксально сочетаются барочная легкость, глубина философского мировосприятия, искреннее религиозное чувство и свободомыслие.

К этому можно добавить, что работа в ботанических садах требует особых душевных (или духовных) качеств, научно не формализуемых и непосредственно не зависящих от трудолюбия или образования сотрудников. Попытаемся осмыслить это, обратившись к Священному Писанию и мнениям Отцов Церкви.

Особое положение растений в первозданной природе очевидно следует уже из того, что, согласно Шестодневу, хронологически именно они создаются (производятся землей) ранее всех остальных живых существ: *«И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что [это] хорошо. И был вечер, и было утро: день третий»* [Быт. 1:11–13].

Едем был первым жилищем Адама, специального созданным для выполнения им первой, и, очевидно, главной по значению задачи: *«И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла… И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его»* [Быт. 2:8, 9, 15]. Этой задаче уделяли особое внимание прп. Ефрем Сирин, свт. Гри-

[1] Лихачев Д. С. «Сады Лицея». О литературе Нового времени. Л.: Наука, 1984. С. 295–310.

горий Богослов, прп. Нил Синайский, прп. Нил Сорский, прп. Паисий (Величковский), склоняясь к тому, что под **возделыванием** и **хранением** Сада св. прор. Моисей разумел молитвенное действие (умную молитву) и соблюдение самое себя от злых помыслов [1]. Поскольку для современного читателя такое толкование однозначно утверждает духовный смысл функций Адама, естественен вопрос, не является ли это просто аллегорией?

К такому мнению склонялся, в частности, известный православный библеист о. Николай Иванов, по мнению которого еврейские понятия *Ган* (рай) и *Эден* (Эдем) следует воспринимать в психологическом, а не географическом смысле [2]. Однако против аллегорического понимания Св. Писания выступали такие авторитетные Отцы Церкви, как свт. Василий Великий, свт. Ириней Лионский, прп. Ефрем Сирин, свт. Афанасий Великий, свт. Иоанн Златоуст, свт. Лев Великий, папа Римский, свт. Иоанн Дамаскин и свт. Филарет, митрополит Московский [3]. Ту же позицию занимал один из ведущих православных богословов конца XX в. иеромонах Серафим (Роуз). Даже относительно одного из наиболее сложных вопросов Бытия – о дереве жизни и дереве познания добра и зла [Быт. 2:9], его мнение было однозначным: «*если кто искушается желанием найти аллегорию в рассказе о творении и рае, ему нигде не предстоит более сильное искушение, чем в отношении этих двух деревьев: "жизни" и "еже разумети доброе и лукавое". Тем не менее, весь "реализм" святоотеческого толкования книги Бытия, так же как и тот факт, что рай на самом деле был (и есть) "сад" с материальными (или полуматериальными) деревьями, указывает на то, что эти деревья были настоящими деревьями… именно этот факт подчеркивает свят. Григорий Палама, приведя свидетельства свят. Григория Богослова и других Отцов*». Кроме того, по мнению того же автора, «*наши современные представления стали слишком дуалистичны: мы*

---

[1] Серафим (Роуз), иеромонах. Бытіе: сотворение міра и первые ветхозаветные люди. М.: Русский паломник, 2004. 703 с.

[2] Иванов Николай, протоиерей. И сказал Бог… Толкование первых глав Книги Бытия. М.: Христианская жизнь, 2005. 478 с.

[3] Сысоев Даниил, диакон. Эволюционизм в свете православного учения. В кн.: Шестоднев против эволюции. В защиту святоотеческого учения о творении (Сборник статей). Под ред. диакона Даниила Сысоева. М.: Паломник, 2000. С. 41–54.

слишком легко делим вещи на "дух" и "материю", в то время как действительность рая причастна обоим» [1].

Таким образом, противоречие между буквальным и аллегорическим восприятием описания Едемского сада снимается при понимании его двойной – физической и духовной природы. По словам прп. Паисия Величковского, *«… Бог, создав человека по образу Своему и подобию, ввел его в рай сладости, делать сады бессмертные, то есть, мысли Божественные, чистейшие, высочайшие и совершенные…»* (там же, с. 173), можно догадываться, что в этом пространстве, объекты которого воспринимались нашим Праотцем духовным и физическим зрением одновременно, в ракурсе второго помыслы Божьи имели формы, которым упрощенно подражает окружающий нас сегодня растительный мір.

Главной и единственной доступной для нашего теперешнего восприятия характеристикой этих форм в богословском понимании является их эстетичность с традиционной, интуитивно воспринимаемой и не испорченной позициями современной массовой культуры, точки зрения. Но, поскольку до сих пор еще никому не удавалось *«гармонию алгеброй поверить»*, для начала проще определить наиболее общий признак ее альтернативы, т. е. безобразия или **без-образности** [2], обратившись за примерами к міру животных. Огромное разнообразие беспозвоночных тварей предоставляет в этом смысле широкие возможности, причем наиболее отрицательные эмоции у неподготовленных людей вызывают метамерно-симметричные, т. е. червеобразные, формы [3], элементарная морфоединица тела которых многократно повторяется в одном измерении. По-видимому, эта примитивная форма симметрии способна индуцировать сложные ассоциации с вывернутым наизнанку туннелем – образом потусторонних одномерных пространств [4], не говоря о классических ветхозаветных аллюзиях [Быт. 3, 14].

Возвращаясь к мнению Отцов Церкви о том, что под «**возделы-**

---

[1] Серафим (Роуз), иеромонах. Бытіе: сотворение міра и первые ветхозаветные люди. М.: Русский паломник, 2004. 703 с.

[2] в смысле отсутствия признаков Образа Божия.

[3] Зенкевич Л. А. Введение. В кн.: Жизнь животных. Под ред. Л. А. Зенкевича. М.: Просвещение, 1968. С. 5–64.

[4] через восприятие, которое все прошли вначале, и многие – в конце земной жизни.

ванием» Едемского сада св. прор. Моисей разумел умную молитву, по существу – соработничество Богу, можно думать, что предметом деятельности Адама было обустройство пространственно-временных отношений в масштабах его возможностей. Если растительные формы в каком-то смысле являются отражением Высших Помыслов в пространстве материального бытия, развивающееся во времени ветвление побегов и распускание листвы на деревьях Едема может рассматриваться в качестве физического символа преобразования пространства и времени под действием умной молитвы в доступных для нашего Праотца границах. Интересно, что и плоды, и семена, предназначенные ему в пищу, организованы принципиально иначе, чем стебли и листья, упрощенно представляют собой несколько вложенных одна в другую сфер. Тема перехода от замкнутого (покоящегося) пространства плода или семени к развивающемуся – стеблей и листьев, его развертывания, символизирующего процесс духовного развития, находит образное выражение в Св. Писании Нового Завета при описании Царства Небесного, подобного *«зерну горчичному, которое, взяв, человек посадил в саду своем; и выросло, и стало большим деревом, и птицы небесные укрывались в ветвях его»* [Лк. 13:19].

В 1 и 9 главах Книги Бытия содержатся указания на одно чрезвычайно важное различие между представителями животного и растительного миров. Как указывалось выше, растения были созданы раньше животных [Быт. 1:11–13; 20–25] и предназначались в пищу и животным, и человеку: *«И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам [сие] будет в пищу; а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, [дал] Я всю зелень травную в пищу»* [Быт. 1:29, 30]. Отметим строгую регламентированность первозданного вегетарианства: людям полагались плоды и семена, птицам и наземным животным – «зелень травная».

Катастрофа грехопадения, принесшая в мир страсти, скорби, старение и смерть, а вслед за этим – и дальнейшее глубокое развращение человеческого рода, даже официально изменила эти отношения после Потопа: *«все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все; только плоти с душею ее, с кровью ее, не ешьте»*, – говорит Господь спасенному семейству Ноя [Быт. 9:3, 4].

Итак, хищничество как способ питания, а также паразитизм, как своего рода ослабленная форма хищничества, являются продуктами грехопадения, а не Творения. С этой точки зрения современный растительный мір в сравнении с животным менее искажен последовавшим за грехопадением Вселенским Распадом, так как относительное число хищных и паразитических видов среди растений существенно меньше, чем среди животных [1]. Сохранившиеся у растений признаки Первозданной Целостности имеют принципиальное значение для понимания не только теоретической и духовной сторон обсуждаемой здесь проблемы, но и возможностей ее практического использования.

Одна из таких возможностей связана с технологией ландшафтной терапии.

Адаптации биосистем: целостность и размеры

Несмотря на то, что к настоящему времени накоплен значительный объем данных о реакциях биосистем на изменение внешних условий, и в этой области сделаны крупные теоретические обобщения, до сих пор не создана **синтетическая** теория адаптаций, которая позволила бы систематизировать их многообразие у организмов различной сложности. В контексте проблемы целостности биосистем и человеческого естества особый интерес представляют взгляды об их многоуровневой организации и соответствующих отношений между их подсистемами.

Если взаимодействующие подсистемы относятся к разным уровням организации, связи между ними можно обозначить как **вертикальные,** или, по аналогии с известным электротехническим устройством, как **шунтирующие**. У человека и высших животных связи этого типа обеспечиваются специализированными структурами нервной, кровеносной и лимфатической систем; у высших растений – сосудисто-проводящей системы с выраженными фрактальными свойствами во всех

[1] Зенкевич Л. А. Введение. В кн.: Жизнь животных. Под ред. Л. А. Зенкевича. М.: Просвещение, 1968. С. 5–64; Серебрякова Т. И. Жизненные формы растений. В кн.: Жизнь растений. Под ред. А. А. Федорова. М.: Просвещение, 1974. Т 1. С. 87–98.

случаях [1]. При этом возможности вертикального шунтирования вряд ли ограничиваются только этими структурами, так как у большинства биосистем оно сочетается с функционированием и других каналов дальней межуровневой связи [2]. В частности, немаловажную роль в ее эффектах могут играть изменения электрической (там же) и других видов физиологической активности [3].

Судя по разнообразию эффектов ландшафтной терапии, ее активность имеет системный характер, охватывая различные уровни иерархии человеческого организма. По-видимому, начальные стадии терапевтического воздействия связаны с формированием зрительного образа конкретного ландшафта, а последующее распространение его адаптогенной активности вниз по иерархической «вертикали» подчиняется фрактальным закономерностям. В связи с этим остается неясным: (1) в какой, по определению – универсальной, для разноуровневых психических и соматических структур человека – форме осуществляется вертикальный перенос информации, связанной со зрительным образом лечебного ландшафта; (2) какие формы физиологической активности приобретает данный образ, отражаясь в структурах разных уровней организации, и (3) по каким шунтирующим каналам и при участии каких механизмов осуществляется этот перенос.

Ответы на эти вопросы могут быть получены в результате более подробного изучения шунтирующих связей с точки зрения самоподобия,

---

[1] Гелашвили Д. Б., Иудин Д. И., Розенберг Г. С., Якимов В. Н., Солнцев Л. А. Фракталы и мультифракталы в биоэкологии. Нижний Новгород: изд-во НГУ, 2013. 370 с.

[2] На возможное участие других систем указывает опубликованное в 1965 г. сообщение корейского ученого Ким Бон Хана о существовании у человека сети микроканалов «кенрак», соответствующей системе энергетических меридианов, или акупунктурной системе. Впоследствии у нас в стране эта теория была классифицирована как лженаучная, однако ее ошибочность, равно как и отсутствие системы кенрак у человека, до сих пор так и не были доказаны. [Ким Бон Хан. Система Кенрак и теория Санала//Вестник Академии Кенрак КНДР, № 2, 1965. Изд. Медицинской литературы, КНДР, Пхеньян.]

[3] в отношении природы которых сейчас пока можно только строить предположения. Так, объяснением быстрого распространения системного эффекта ингибирующего гормона АБК между отдельными кластерами столонных растений, зарегистрированного в свое время одним из авторов этой статьи, может быть изменение структуры тканевой воды (Винниченко М. Б., Белишева Н. К., Жиров В. К. Модуляция свойств воды вариациями космических лучей//ДАН. Науки о Земле. 2009. Т. 429. № 6. С. 816–820).

то есть *«инвариантности относительно изменения масштаба»* [1] разноуровневых структур, которое способно проявляться не только в сходстве их морфологических признаков, но и сходстве формы отношений. По-видимому, концепция шунтирующих связей сможет сыграть положительную роль в развитии синтетической теории адаптации биосистем и послужить интеграции ряда существующих теорий, среди которых, в первую очередь, обращают на себя внимание следующие.

Мембранные механизмы повреждения, старения и адаптаций. Универсальный план строения биологических мембран, как основа структурного единообразия всех живых систем от бактерий до человека на субклеточных уровнях организации, определяет и неспецифичность механизма их повреждений по отношению к типу вызвавшего их фактора. В кислородной среде ключевым звеном этого механизма является активация (восстановление или формирование синглетного состояния) молекулярного кислорода и свободнорадикальное окисление (СРО), в т. ч. перекисное окисление липидов (ПОЛ), использующее в качестве субстратов полиненасыщенные жирные кислоты [2]. Уже более 40 лет назад в литературе были широко представлены факты, подтверждающие идею об универсальном характере ПОЛ, как молекулярной основе стрессовых состояний [3] и старения [4] биологических систем.

На ранних стадиях развития повреждающего процесса защита от него также имеет неспецифический характер и направлена на тушение активных форм кислорода специализированными ферментами или низкомолекулярными соединениями, конкурирующими за кислород с защищаемыми от окисления молекулами, а также на элиминирование токсических продуктов их метаболизма [5]. С другой стороны,

[1] Шредер М. Фракталы, хаос, степенные законы. Миниатюры из бесконечного рая. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005. 528 с.

[2] Владимиров Ю. А., Арчаков А. И. Перекисное окисление липидов в биологических мембранах. М.: Наука, 1972. 273 с.

[3] Halliwell B. Chloroplast metabolism//The structure and functions of chloroplasts in green leaf cell. Oxford: Claredon Press. 1984. P. 30–35.

[4] Harman D. Ageing: A theory based on free radicals and radiation chemistry// J. Geront., 1956. V 11. P. 298–312.

[5] Мерзляк М. Н., Жиров В. К. Свободнорадикальное окисление в хлоропластах при старении растений//Актуальные проблемы биофизики растительной клетки. М.: ВИНИТИ, 1990. С. 101–135.

определенный уровень активности СРО является необходимым условием жизнедеятельности клетки, так как его процессы участвуют в синтезе ряда гормонов [1], [2], [3], инактивации токсических соединений и регуляции активности деления клеток [4]. Кроме того, они имеют фундаментальное биологическое значение в качестве биохимической основы старения и возрастных изменений в целом [5]. Нормальная жизнедеятельность клетки обеспечивается сложным комплексом про- и антиоксидантных факторов, поддерживающим активность свободнорадикального окисления на физиологическом уровне. Под действием внешних повреждающих факторов баланс между активностями СРО и его ингибирования может смещаться в сторону окисления, что и является основой т. н. «кислородных» повреждений.

Морфофизиологическая роль старения. Представления второй половины XX века о физиологической роли СРО, как основы возрастных изменений и старения, сыграли роль весомого аргумента в пользу классической, и к настоящему времени незаслуженно забытой теории циклического старения и омоложения растений Н. П. Кренке [6], связывающей их морфологическое разнообразие с возрастными изменениями.

По мнению Н. П. Кренке, у растений данная форма изменчивости играет роль главного посредника между вариациями параметров их внешней и внутренней сред. Теория циклического старения и омоложения не была закончена вследствие ранней смерти ее автора, однако результаты биохимических исследований других авторов и более

---

[1] Firn R. D., Friend J. Enzymatic production of plant growth inhibitor, xanthoxine// Planta (Berl.), 1972, v. 103, № 2. P. 263–266.

[2] Galliard T., Chan H.W.-S. Lipoxygenases//Biochemistry of Plants, v. 4. Lipids: Structure and Functions/P. K. Stumpf. NY-London-Toronto-Sydney-St-Francisco: Acad. Press, 1980. P. 131–161.

[3] Yang S. P. The chemistry and biochemistry of plant hormones//Recent advances in p hytochemistry/V. C. Runecles, E. Soundheimer, P. C. Watton. NY-London: Acad. Press. 1974. P. 131–164.

[4] Журавлев А. И. Развитие идей Б. Н. Тарусова о роли цепных процессов в биологии//Биоантиокислители в регуляции метаболизма в норме и патологии. Под ред. А. И. Журавлева. М: Наука, 1982. С. 3–36.

[5] Канунго М. Биохимия старения. М.: Мир, 1982. 294 с.

[6] Кренке Н. П. Теория циклического старения и омоложения растений и ее практическое применение/Н. П. Кренке. М.: Сельхозгиз, 1940. 135 с.

поздние к ней комментарии [1] свидетельствуют о том, что данная проблема имеет значительно более широкое, вплоть до общебиологического, значение.

С этой точки зрения, классификационной основой существующего разнообразия реакций растительного организма на действие внешних факторов является бинарная оппозиция «старение-омоложение», или, по Г. Н. Чернову50, шкала физиологического возраста. Суммируя представления Н. П. Кренке и Г. Н. Чернова о возрастной зависимости ответных реакций растения на действие внешних факторов и общепринятые взгляды о фундаментальном значении СРО в старении, можно думать, что физиологический возраст играет ключевую роль в доминировании повреждающей или адаптивной роли СРО в каждом конкретном случае.

Две стратегии адаптаций и целостность биосистем. Более 30 лет назад О. А. Зауралов была сформулирована концепция, подразделяющая все известное разнообразие адаптаций сосудистых растений к неблагоприятным условиям на активную и пассивную стратегии, различающиеся по интенсивности метаболизма и энергообмена и, соответственно, скорости роста и развития [2]. Поскольку активация обмена веществ и энергии неизбежно связана с повышением уровня интегрированости подсистем, последующее развитие концепции О. А. Зауралова позволило связать данную оппозицию с представлениями о целостности растительного организма, как важнейшего фактора его устойчивости [3]. Очевидно, что активная стратегия связана с повышением, а пассивная – со снижением уровня целостности. Этот принцип распространяется и на адаптации иерархически более сложных – надорганизманных – структур.

Несмотря на то, что адаптивные реакции различных уровней организации уже достаточно хорошо изучены, вопрос об их взаимоотно-

---

[1] Чернов Г. Н. Кренке и его теория старения и омоложения/Г. Н. Чернов. М.: Изд. АН СССР, 1963. 117 с.

[2] Зауралов О. А. Два типа устойчивости растений // Проблемы и пути повышения устойчивости растений к болезням и экстремальным условиям среды в связи с задачами селекции. Ч. 1. Л.: изд. ВИР, 1981. С. 9–11.

[3] Жиров В. К., Голубева Е. И., Говорова А. Ф., Хаитбаев А. Х. Структурно-функциональные изменения растительности в условиях техногенного загрязнения на Крайнем Севере. М.: Наука, 2007. 166 с.

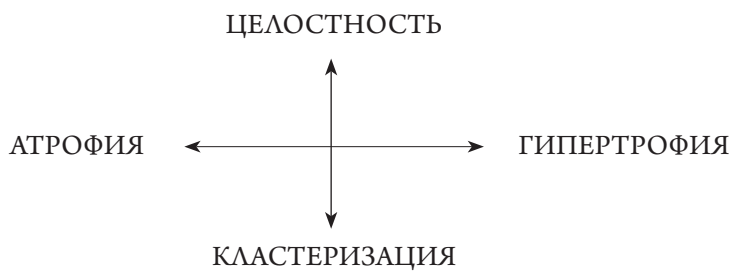


Схема 1. **Принципы взаимодействия морфоанатомических адаптаций у растений и человека**

шениях до сих пор практически не освещался в литературе. Однако он представляется весьма важным для понимания фундаментальных основ адаптогенеза, поскольку «многоэтажность» конструкции любой биологической системы предполагает и относительную независимость каждого из ее уровней. Комплексное изучение структурной иерархии адаптаций дает, кроме того, возможность более четкого определения самого этого понятия. В результате отсутствия «многоуровневого» подхода в оценке взаимодействия процессов повреждения и адаптации граница между ними до сих пор выглядит достаточно размыто.

Ранее общие принципы синергетического взаимодействия структур различных уровней организации биосистемы в процессе формирования адаптивного ответа были сформулированы нами на примере сосудистых растений по результатам комплексного исследования их реакций на действие техногенного загрязнения55.

Данные по вариабельности этих структур вместе с результатами оценки активности СРО, характеризующей общую напряженность функционирования энергопреобразующих систем, позволили выявить три типа адаптивных реакций на мембранном, органоидном (хлоропласты), клеточном, органном (листья), организменном (жизненная форма) и микропопуляционном (систематическое разнообразие) уровнях. Полученные данные представлены на Схеме 1.

Согласно этой схеме, разнообразие адаптаций структур различных уровней подчиняется оппозиции: активные – пассивные реакции (положительные и отрицательные области осей X и Y: целостность / увеличение – кластеризация / уменьшение размеров, соответственно).

Обобщенные результаты оригинальных исследований вместе с дан-

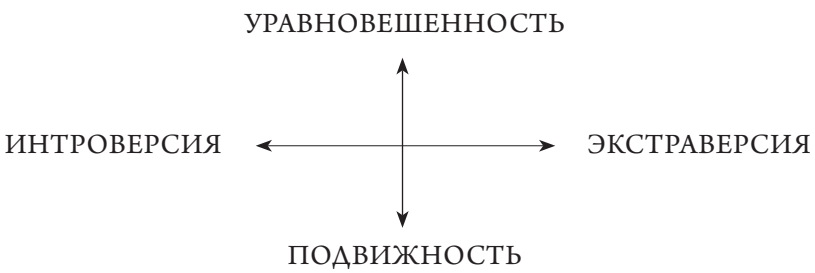


Схема 2. **Принципы взаимодействия психологических адаптаций у человека**

ными других авторов позволяют использовать аналогичную схему для систематизации адаптивных изменений структур одного иерархического уровня – как у человека, так и у растений. Аналогичной схеме, согласно классификации человеческих темпераментов по И. П. Павлову [1], подчиняется и разнообразие психических адаптаций (Схема 2).

Анализ духовных эффектов и соответствующих им иерархически более высоких уровней организации биосистем не входит в компетенцию естественной науки в силу того, что все известные научные методы основаны на материалистическом, бесконечно упрощенном по сравнению с духовным, міровосприятии. Поэтому, говоря о духовных эффектах, мы сознательно ограничиваемся «пограничной» зоной, о которой, по мнению митрополита Антония Сурожского (Блюма), *«нельзя сказать, что где-то кончается душевное и начинается духовное: есть какая-то область, где самым нормальным образом совершается взаимное проникновение»* [2].

Эта область имеет особое значение для пастырской и медицинской практик, так как, согласно «Основам социальной концепции Русской Православной Церкви», утвержденным на юбилейном Архиерейском соборе 2000 года, *«… поддержание физического здоровья в отрыве от здоровья духовного с православной точки зрения не явля-*

---

[1] Павлов И. Полное собрание сочинений/АН СССР. Изд. 2-е, доп. М.: Изд-во АН СССР, 1951–1954. Т. 5: Лекции по физиологии/ред. Э. Ш. Айрапетянц. 1952. 567 с.

[2] Антоний (Блюм), митрополит. Тело и материя в духовной жизни/Пер. с англ. По изд.: Body and matter in spiritual life. Sacrament and image: Essays in the Christian understanding of man. Ed. A. M. Allchin. London: Fellowship of S. Alban and S. Sergius, 1967. http://www.practica.ru/Ma/16.htm.

ется безусловной ценностью. Господь Иисус Христос, проповедуя словом и делом, врачевал людей, заботясь не только об их теле, но наипаче о душе, а в итоге – о целостном составе личности. По слову Самого Спасителя, он врачевал "всего человека" [Ин. 7:23]» [1]. Именно взаимопроникновение двух соседних пластов – духовной и душевной (психической) реальностей человеческого естества – позволяет рассчитывать на возможность косвенной регистрации духовных девиаций по их отражениям в «пограничном» пространстве, на которое указывает Владыка Антоний. Поскольку явно выраженные формы одержимости с присущими им проявлениями запредельных физических и сенситивных возможностей встречаются пока достаточно редко, вероятно, что их ослабленные отражения могут регистрироваться традиционными методами психической диагностики, если особое внимание обращать при этом на случаи нетипичного сочетания различных симптомов, определенную цикличность периодов их активности, а также неадекватные реакции на православные святыни.

Таким образом, опираясь на данные других авторов и результаты собственных исследований, мы показали, что адаптивные изменения структур различных уровней: от мембранного до фитоценотического – у растений, и от мембранного до психического – у человека, укладываются в логическую схему двух бинарных оппозиций: **сужения – расширения** занимаемого биосистемой пространства (1), и ее **целостности – кластеризации**, вплоть до распада на самостоятельные субъединицы (2). Единообразие этого организационного принципа для иерархических структур обоих участников терапевтического акта – действующего (растение) и воспринимающего (человек) – свидетельствует о том, что, во-первых, сходная фрактальность их «вертикальной» организации играет существенную роль в проведении стимула, сформированного на основе зрительного образа растений, по структурам нисходящих уровней организации. Во-вторых, этот стимул должен обладать универсальной адаптогенной активностью по отношению ко всем структурам различных уровней организации человеческого организма, которая не только стимулирует специфические для каждого уровня адаптивные ре-

[1] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Москва: РПЦ, 2000. 57 с.

акции, но и гармонизирует их взаимоотношения в пределах иерархической вертикали.

Согласно теории «Циклического старения и омоложения растений» Н. П. Кренке [1] и ее последующей интерпретации Г. Н. Чернова [2], процесс старения является универсальным вариатропным фактором для биологических структур различной сложности и различных уровней организации. С этой точки зрения, позиция Н. П. Кренке соответствует ветхозаветному утверждению вселенских масштабов старения и смерти, охвативших тварный мір в результате грехопадения. При этом «кожаные ризы», сильно ограничившие первозданную свободу наших прародителей, тем не менее, оставили им принципиальную возможность восстановления первозданного единства с Создателем. В частности, она была связана с растительными міром – наименее поврежденным среди других живых тварей. По-видимому, особые отношения человека с растениями и до сих научно не обоснованные, но зачастую стихийно используемые методы ландшафтной терапии являются отголоском этих, уже во многом забытых, отношений.

Зрительное восприятие: целостность и перспектива

> Следует признать, что обратная перспектива в изображении мира – вовсе не есть просто неудавшаяся, недопонятая, недоизученная перспектива линейная, а есть именно своеобразный охват мира [3].
>
> Священник Павел Флоренский

Комплексный характер воздействия ландшафтной терапии подтверждается сложным сочетанием ее соматических, психических и даже духовных эффектов. Однако многочисленные свидетельства об отно-

---

[1] Кренке Н. П.. Теория циклического старения и омоложения растений и ее практическое применение. М.: Сельхозгиз, 1940. 135 с.

[2] Чернов Г. Н. Кренке и его теория старения и омоложения/Г. Н. Чернов. М.: АН СССР, 1963. 117 с.

[3] Подчеркнуто нами.

шениях человека с растениями, явно выходящие за границы традиционных представлений естественных наук, а также соображения о большей, по сравнению с животными, причастности растений к Первозданному міру, не объясняют общих принципов этих отношений, тем более – их механизмов.

Явное сходство общих принципов адаптивной изменчивости растений и человека, направленной на стабилизацию внутри, и межуровневой целостности, вместе с многочисленными сведениями о благотворном влиянии на здоровье только визуальных контактов с растениями, свидетельствуют о ключевой роли зрения в механизме ландшафтной терапии. Логично предположить, что именно этот тип восприятия играет ключевую роль в механизме, индуцирующем адаптивные реакции человеческого организма под действием зрительного образа растения, в котором содержится информация о собственных адаптивных реакциях последнего.

Ранее мы указывали на возможную связь изменений геометрии зрительного образа и нарушений его целостности с различными психическими расстройствами [1]. К обсуждаемой здесь проблеме эти вопросы имеют непосредственное отношение с точки зрения возможного участия в этом процессе двух факторов целостности зрительного образа: (1) подвижности воспринимающих систем и (2) перспективного изменения геометрии перцептивного пространства.

Суть проблемы целостности. Если положительные результаты активной садовой терапии достаточно легко объясняются прямым воздействием физической работы на опорно-двигательный аппарат и сердечно-сосудистую систему человека, то интерпретация эффектов пассивно созерцаемого ландшафта требует синтеза различных, даже противоречивых, представлений о психофизиологических основах зрительного восприятия. Основным «камнем преткновения» здесь является проблема структурно-функциональной целостности воспринимающих систем. По отношению к ней существующие мнения можно разделить на утверждающие пространственную и временную разобщенность процессов проксимальной

[1] Жиров В. К., Закревский Ю. Н., Гонтарь О. Б., Мегорский В. В., Койгерова А. А., Маурчева П. А. Ландшафтная терапия нарушений зрительного восприятия на Крайнем Севере//Морская медицина. Т. 7. № 1. 2021. С. 7–19.

стимуляции и восприятия, либо их интегрированность вплоть до континуального уровня [1].

Первый подход основан на представлениях о зрительном восприятии как причинно-следственной цепи последовательных реакций, от возбуждения фоторецепторных клеток сетчатки глаза и преобразования электромагнитного излучения в нервные импульсы до их передачи в кору головного мозга и формирования зрительного образа. Традиционное объяснение этих функций в терминах современной биофизики и нейрофизиологии оставляет нерешенным вопрос о взаимодействии соматических и психических структур, оставляя между ними понятийный пробел. Альтернативный – психософский – подход связан с утверждением принципа пространственно-временного психосоматического континуума [2], который лежит в основе разных типов восприятия, включая зрительное.

Отсутствие единого понятийного аппарата для описания различных психосоматических состояний является естественным следствием антиномичности отношений сомы и психики, как целого и части, или их целостности и дискретности. Применительно к зрительному восприятию, данную антиномию можно рассматривать с точки зрения взаимоотношений чувственности и рассудочности, посредством которых предметы, соответственно, целостно воспринимаются или дискретно, логически последовательно, осмысливаются. Понятийный барьер между этими оппозициями преодолевается привлечением «семантического посредника» – категории, в равной степени присущей обеим составляющим антиномии.

Впервые семантический синтез чувственного рассудочного осуществил Иммануил Кант с помощью категории времени, трансцедентальная природа которого позволяет соединять понятия разной модальности [3]. Примерно 150 лет спустя аналогичный подход применил американский психолог Джеймс Джером Гибсон в своей теории

---

[1] Согласно теории экологического подхода к зрительному восприятию (Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс., 1988. 464 с.).

[2] Курпатов А. В. Алехин А. Н. Философия психологии. Новая методология. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2006. 448 с.

[3] Кант, И. Критика чистого разума. Сочинения в 6 томах. Под общей редакцией В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Серия Философское наследие, Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.

«непосредственного», или «экологического», восприятия, доведя целостность зрительного восприятия до уровня *«… чувств, как воспринимающих систем»* [1]. Однако трансцедентальную природу имеет не только время, но и пространство, и за три десятка лет до появления первых работ Дж. Гибсона православный священник, известный богослов и математик о. Павел Флоренский использовал эту категорию для обоснования духовного значения обратной перспективы при формировании перцептивного образа [2].

Разными путями подойдя к проблеме целостности зрительного восприятия, Флоренский и Гибсон в каком-то смысле пренебрегли общепринятыми представлениями физики своего времени. Характеризуя обратную перспективу как *«метафизическую плоскость спайности бытия»*, о. Павел, по существу, допустил теоретическую возможность расширения пространственного восприятия за границы физического зрения [3], а Дж. Гибсон, оценивая перцептивную роль *«закрывающих краев»* – одновременного восприятия прошлого, настоящего и будущего [4].

Позиции Флоренского и, вслед за Кантом, Гибсона, решивших проблему понятийного разрыва между категориями чувственности и рассудочности с помощью пространственной или временной трансцедентальных схем, взаимно дополняют друг друга, отражая различные способы достижения целостности зрительного восприятия. В связи с этим логично предположить, что для синтеза их представлений потребуется более общая трансцедентальная схема.

Для ее создания целесообразно сравнить позиции Дж. Гибсона и о. Павла Флоренского с их современными последователями [5] с точки

---

[1] Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс., 1988. 464 с.

[2] Флоренский П. А., священник. Обратная перспектива. Соч. в 4-х тт. Т. 3 (1). М.: Мысль, 1999. С. 46–98.

[3] Перетятькин Г. Ф. Мир в прямой и обратной перспективе: Размышления на тему Флоренского // Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. 2009. № 10 (65). Вып. 9. С. 5–18.

[4] Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс., 1988. 464 с.

[5] автора математической теории пространственных построений в изобразительном искусстве, академика РАН Б. В. Раушенбаха, а также исследователей обратной перспективы: психолога О. А. Гончарова и философа Г. Ф. Перетятькина.

зрения пространственно-временных отношений воспринимающих систем и воспринимаемых объектов.

Джеймс Джером Гибсон. Объемлющий оптический строй как временной континуум пространственных форм. Для психологической науки второй половины XX века революционное значение теории непосредственного восприятия, или «экологического подхода к восприятию» Дж. Гибсона **заключалось** в идее континуальной целостности механизма зрительного восприятия, по его словам – в *«установлении **прямой, неопосредованной связи** между образами и инвариантами-стимулами» без «**промежуточного процесса (нервного или психического)**, опосредующего эту связь»* [1, 2] (выделено нами).

Согласно общепринятым до появления его теории представлениям, зрительное восприятие строится на ощущениях, которые до стадии формирования перцептивного образа проходят многоэтапную обработку. Исключая участие отдельных ощущений в этом механизме, Дж. Гибсон отрицал и необходимость обработки поступающей с ними информации: в его теории внешние воздействия не дифференцируются на отдельные стимулы, т. к. реакциями на них являются целостные ощущения.

При этом Гибсон утверждал реальность существования зрительного стимула высшего порядка – «объемлющего оптического строя» (ООС), инвариантного светового потока, который непосредственно связан с формируемым перцептивным образом без промежуточных звеньев в виде нервных или психических процессов. Математически ООС является мерой множества световых лучей светового пучка, не зависящего от того, какая из частей воспринимаемого пространства является излучающей.

Центральное понятие теории Гибсона – «экологическая оптика» – это результат структурирования ООС совокупностью зрительных, или телесных, углов. Однако *«… вместо единственного объекта, предстоящего глазу»* [3], *он рассматривает «окружение из освещенных поверхно-*

[1] Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс., 1988. 464 с.

[2] Учитывая поздние взгляды Дж. Гибсона, в которых степень интегрированности зрительного восприятия была поднята им до «чувств, как воспринимающих систем», можно говорить о континуальном уровне целостности этого механизма.

[3] как считали древние философы Евклид и Птолемей.

стей. А вместо набора телесных углов – … образуемый ими встроенный комплекс». Весь комплекс объемлющего строя телесных углов составляет, по Гибсону, основу естественной перспективы. Так как взятая в отдельности естественная перспектива *«геометризует окружающий мир и потому излишне упрощает его»*, важным элементом его теории является также подвижность точки наблюдения, которую он связывает с поведением единой системы «глаз – голова – тело» наблюдателя, или с его активным перемещением в пространстве, т. е. локомоциями.

Основываясь на исключительной роли ООС, как зрительного стимула высшего порядка, Дж. Гибсон фактически отрицал реальность «пустого» пространства, рассматривая его только в качестве вместилища формирующих ООС светоотражающих поверхностей и отводя времени, а не пространству, главную роль в механизме зрительного восприятия. Однако наиболее парадоксальной и смелой идеей теории Гибсона стало *«непосредственное восприятие скрытых поверхностей»*, которые не *«припоминаются»* из полученных ранее впечатлений и не *«предвосхищаются»* на их основе [1]. *«Вполне разумно считать*, – утверждал Гибсон, – *что* ***восприятие простирается и в прошлое, и в будущее***» (выделено нами).

Именно в этих рассуждениях, синтезирующих чувственную и рассудочную составляющие зрительного восприятия, наиболее заметно влияние на Дж. Гибсона философии И. Канта, использовавшего время в качестве посредника при трансмодальном синтезе этих категорий [2]. Придавая вслед за Кантом фактору времени трансцедентальный смысл, Гибсон редуцировал роль пространства в зрительном восприятии до способа реализации временных изменений ООС, через континуум которых различные пространственные формы находят зримое выражение.

О. Павел Флоренский. Обратная перспектива как пространственный континуум временных состояний. В отличие от Дж. Гибсона, позиции о. Павла Флоренского строятся на представлениях не только об онтологической, но и гносеологической реальности «пу-

---

[1] сделанного им на основании результатов экспериментов П. Каплана по изучению эффектов «заслоняющего края» (см. прим.89).

[2] Кант, И. Критика чистого разума. 1964. Сочинения в 6-ти томах. Под общей редакцией В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Серия «Философское наследие», Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.

стого» пространства неевклидовых геометрий. По мнению Флоренского, *«отвлеченно-геометрически, пространство эвклидовское есть лишь частный случай различных, весьма разнообразных, пространств». Однако, даже если мы «… допустим временно, что на самом деле физическое пространство удовлетворяет геометрии Эвклида… отсюда еще ничего не следует, будто таковым же воспринимает его непосредственный наблюдатель мира»* [1].

Привычный для нас образ открытого пространства линейной перспективы является, по Флоренскому, только иллюзией, которая создается в результате взаимодействия: 1) изменений размера зрачка, формы глазного яблока и хрусталика глаза; 2) бинокулярности зрения; 3) подвижности глаз, головы, и всего тела (т. е. локомоций) наблюдателя; 4) подвижности самого объекта наблюдения, наконец, 5) психических механизмов формирования перцептивного образа. Нетрудно заметить, что, за исключением последних, представления Флоренского и Дж. Гибсона о физических основах трансформации стимулов зрительного восприятия практически не различаются.

К настоящему времени установлено, что иллюзия открытого пространства линейной перспективы проявляется далеко не во всех случаях. В частности, дети до определенного возраста воспринимают пространство в обратной перспективе [2]. О. Павел Флоренский подчеркивает, что *«рисунки детей, в отношении неперспективности, и именно обратной перспективы, живо напоминают рисунки средневековые, несмотря на старание педагогов внушить детям правила линейной перспективы; и только с утерею непосредственного отношения к миру дети утрачивают обратную перспективу и подчиняются напетой им схеме… Обучение перспективе* [3] *есть именно дрессировка»*. Впоследствии этот факт неоднократно подтверждался и другими авторами [4].

Обратная и/или аксонометрическая перспектива может доминировать в зрительном восприятии некоторых взрослых людей, постоянно

---

[1] Флоренский П. А., священник. Обратная перспектива. Соч. в 4-х тт. Т. 3 (1). М.: Мысль, 1999. С. 46–98.

[2] в чем легко убедиться, рассматривая детские рисунки.

[3] имеется в виду – в прямой (линейной) перспективе.

[4] Гончаров О. А. Закономерности восприятия и изображения перспективных отношений//Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2009. № 4. С. 1–15.

пребывающих в пространствах открытых монотонных ландшафтов. На близком расстоянии от визуально воспринимаемого объекта в перцептивном пространстве наблюдателя могут чередоваться различные (прямая, аксонометрическая или обратная) перспективы, периодически сменяя друг друга при константном положении точек перехода между ними [1]. По-видимому, представители некоторых этнических групп способны сочетать незавуалированное локомоциями «туннельное» восприятие близкорасположенных предметов в линейной перспективе с обратно-перспективным восприятием более удаленных предметов [2].

Для гносеологических позиций о. Павла Флоренского обратная перспектива имеет фундаментальное значение. По мнению Г. Ф. Перетятькина, их важным философским аспектом является содержащееся в «Философской антропологии» утверждение о том, что *«особливость различных восприятий должна быть в соответствии с метафизическими линиями мира. Метафизические плоскости спайности бытия выражаются в своеобразиях психологического устройства нашего опыта»* [3] (выделено нами). Это «психологическое своеобразие» придает сходство логике И. Канта и о. Павла, однако у первого в ее основе лежит время, а у второго – некие *«метафизические линии мира»* – категории явно пространственной модальности.

Пространство в представлениях о. Павла играет роль трансцедентальной схемы, объединяющей чувственную и рассудочную стороны зрительного восприятия, аналогичную той, которую у Канта выполняет время, а пространственный континуум, открывающий себя в обратной перспективе – способа его реализации.

Основываясь на ретроспективном анализе существовавших в связи

---

[1] Койгерова А. А. Особенности пространственного восприятия лиц с психическими расстройствами как основа построения лечебных ландшафтов//Вестник уральской медицинской академической науки. 2019. Т. 16. № 2. С. 273–278.

[2] Жиров В. К., Гонтарь О. Б., Маурчева П. А. Особенности пространственной организации ландшафтов Кольского Севера в контексте духовности поморской и саамской культур//Север России – один из источников ее развития и единения народов: уроки истории/Сборник докладов региональной научно-практической конференции в рамках общественного форума «Всемирный Русский Народный Собор» 26–27.11. 2015 года, г. Кировск Мурманской области. Под ред. А. М. Ершова. Мурманск: изд. МГТУ, 2015. С. 27–32.

[3] Перетятькин Г. Ф. Мир в прямой и обратной перспективе: Размышления на тему Флоренского//Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. 2009. № 10 (65). Вып. 9. С. 5–18.

с этим представлений, Г. Ф. Перетятькин считает, что позиции Канта и Флоренского отражают различные этапы становления мировоззренческих позиций человечества, причем выражение времени через пространственные схемы по Флоренскому исторически имеет более раннее происхождение, чем пространства – через временные – по Канту.

Целостность и пространственно-временной континуум зрительного восприятия. Синтез взглядов Гибсона и Флоренского. Мы показали, что по отношению к целостности механизма зрительного восприятия позиции Гибсона и Флоренского не противоречат друг другу, но по-разному оценивают значение обеспечивающих его временных и пространственных схем. Характерной особенностью теории Дж. Гибсона является создаваемая подвижностью точки наблюдения временная «*текучесть*» структур ООС, «*размораживающая*», по его выражению, неподвижную естественную перспективу и обеспечивающая объемное восприятие пространства. Пространство в этом случае воспринимается через временные изменения. По мнению о. Павла Флоренского, восприятие физического пространства в обратной перспективе позволяет сформировать континуум временных состояний в перцептивном пространстве, т. е. воспринимать время через изменчивость пространственных форм. Подвижность при этом является вторичным, относительно обратной перспективы, фактором.

Очевидная симметрия позиций Дж. Гибсона и о. Павла Флоренского наводит на мысль о возможностях их синтеза на основе единой схемы пространственно-временного континуума зрительного восприятия. Препятствием этому является различная модальность понятий подвижности и перспективы, которую можно преодолеть с помощью метода бинарных оппозиций и образуемых ими невырожденных (истинных) триад [1].

Ключевая роль подвижности в теории Дж. Гибсона позволяет обобщить его представления в виде бинарной оппозиции: «**подвижность – покой**». Подвижность воспринимающих систем и локомоции наблюдателя могут реализоваться при сохранении их пространственной целостности, либо в результате снижения ее уровня, т. е. распада на со-

[1] Баранцев Р. Г. Системная триада – структурная ячейка синтеза/Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1988. Под ред. Б. М. Гвишиани и др. М.: Наука. 1989. С. 193–198.

ставляющие элементы. Вследствие этого данную оппозицию можно представить в форме истинной триады:

Принимая во внимание то, что в идеальном случае преобразование подвижной целостной системы в совокупность независимых друг от друга подвижных элементов с необходимостью включает в себя мгновенное состояние «нулевой» подвижности, при котором система прекращает свое существование как единое целое, логично преобразовать истинную триаду в триаду вырожденную [1].

«подвижность / целостность – покой – подвижность / распад»

Позиция о. Павла Флоренского о пространственном восприятии также может быть представлена в форме вырожденной триады перспектив различных типов:

«прямая – аксонометрическая – обратная»

Несмотря на то, что в своей теории о. Павел придает главное значение пространству, а Дж. Гибсон – времени, в контексте целостности механизма зрительного восприятия их взгляды объединяет пространственно-временная константность, т. е. отсутствие третьего измерения и временных изменений в «нулевой» точке, которые в первом случае обеспечиваются аксонометрической перспективой, а во втором – неподвижностью воспринимающих систем и воспринимаемых объектов.

Временная континуальность зрительного восприятия в теории Дж. Гибсона непосредственно зависит от скорости локомоций, возрастая с ее увеличением и согласованностью их поведения. С этих позиций, целостное восприятие структур ООС при снижении их подвижности вплоть до состояния покоя в «нулевой» точке должно завершиться превращением трехмерного зрительного образа в двумерный. Следующее за этим состоянием возрастание несогласованной подвижности отдельных подсистем неизбежно приведет к снижению це-

[1] В отличие истинной триады, вершина которой расположена на качественно отличном от составляющих исходную бинарную оппозицию семантическом уровне, вершина вырожденной триады находится на одном с ними уровне, графически – на одной прямой.

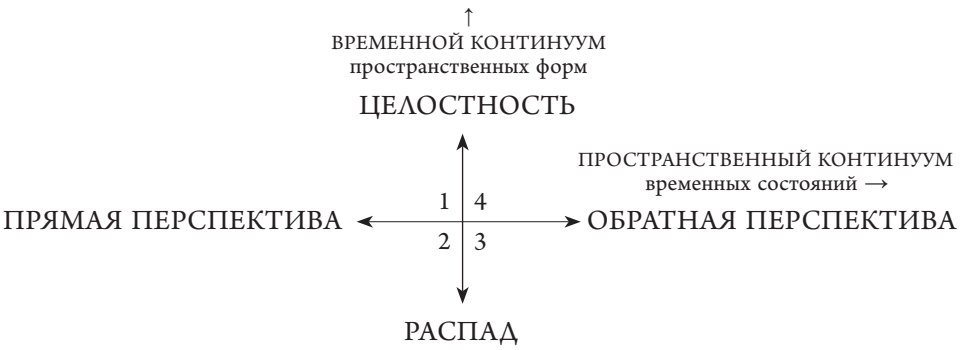


Схема 3. **Синтез позиций Гибсона и Флоренского**

лостности и расщеплению формирующегося образа, а затем – к его полной деградации.

Согласно теории о. Павла, восприятие пространства в обратной перспективе не зависит от активности локомоций, так как, по всей видимости, оно является рудиментом древнего и более совершенного зрения, утраченного человеком в условиях городской среды и развития технологий. В переходной – аксонометрической перспективе, или «нулевой» точке – пространственное восприятие не создает объемного образа, поскольку в ней размеры воспринимаемого объекта не изменяются с расстоянием. Изменение геометрии перцептивного пространства при переходе к прямой перспективе связано с уменьшением числа его измерений вплоть до одного, если этот переход не маскируется факторами подвижности, повышающими целостность пространственного восприятия. Последующая деградация теоретически должна привести к тому же конечному результату, что и в случае расщепления зрительного восприятия, т. е. к его прекращению. Эти соображения позволяют объединить позиции Гибсона и Флоренского в виде Схемы 3:

Оси координат, представленные оппозициями: ЦЕЛОСТНОСТЬ — РАСПАД, ПРЯМАЯ ПЕРСПЕКТИВА — ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА, с нулевой точкой аксонометрии / неподвижности, делят поле возможных состояний перцептивного пространства на 4 сектора, каждый из которых ограничен векторами двух типов: изменений подвижности ООС и вариаций перспективы пространственного образа. В направлениях, обозначенных векторами обратной перспективы или целостности, в процессе зрительного восприятия

должно происходить образование пространственного континуума временных состояний или временного континуума пространственных форм, соответственно.

В связи с этим можно предполагать следующие возможности.

Сектор 1. Общий принцип формирования указанных состояний в этой области соответствует представлениям Флоренского о декорирующей роли локомоций и подвижности воспринимающих систем в процессе создания иллюзии открытого пространства, построенного по закону прямой перспективы. Подвижность структур ООС и возрастание целостности зрительного восприятия является в этом случае фактором, компенсирующим сужение перцептивного пространства при усилении восприятия этого типа. По-видимому, при подвижности, недостаточной для сохранения иллюзии открытого пространства, размерность его перцептивного образа сокращается вплоть до одного измерения. Дальнейшее развитие этого процесса приведет к полному прекращению зрительного восприятия.

Сектор 2. Снижение целостности механизма зрительного восприятия при доминировании в нем даже аксонометрической перспективы приведет к расщеплению пространственного образа, в результате чего он станет двумерным. Переход к прямой перспективе и ее развитие усилит деградацию перцептивного пространства, сократив его размерность до одного измерения, а далее – полностью прекратит зрительное восприятие.

Сектор 3. Пространственное восприятие в обратной перспективе, по-видимому, способно до определенной степени «уравновесить» дезинтегрирующие эффекты снижения целостности его механизма и расщепления зрительного образа.

Сектор 4. Доминирование обратной перспективы в сочетании с высокой целостностью зрительного восприятия в идеальном случае приведет к синтезу временного континуума пространственных форм и пространственного континуума временных состояний. Однако в реальных условиях формирование единого пространственно-временного перцептивного континуума недостижимо, так как для этого, в частности, требуются способности к визуализации скрытых поверхностей. Однако упоминавшиеся ранее результаты экспериментов Каплана [1]

[1] Kaplan, G. A. Kinetic disruption of optical texture: The perception of depth at an edge. Perception and Psychophysics, 1969, 6. Pp. 193–198.

вместе с использованным А. Бергсоном «веерным» образом отдельных моментов бесконечно быстрого времени, развернутых в пространстве [1], и Дж. Гибсона о фундаментальном значении заслоняющих краев [2], свидетельствуют о гипотетической возможности развития пространственного восприятия и в этом направлении.

Пространственно-временные аспекты нарушений зрительного восприятия. Психофизиологические основы некоторых известных нарушений зрительного восприятия и связанных с ними синдромов могут обсуждаться с позиций предложенной двумерной классификации разнообразия пространственно-временных состояний его систем.

Клаустрофобия и агорафобия [3]. Среди наиболее известных психоневрологических патологий, связанных со зрительным восприятием пространства, эти синдромы привлекают наибольшее внимание.

Во многих случаях признаки клаустрофобии проявляются с осознанием отсутствия свободы передвижения и поведения в целом, т. е. туннелированности физического и социального пространств, особенно выраженной в условиях современного города. Роль физиологической составляющей защитного комплекса, создающего иллюзию открытости через оптическое умножение точек наблюдения, очевидно, снижается вместе с возрастным снижением двигательной активности, вследствие чего нагрузка по формированию иллюзии открытого пространства все больше переносится на психику. Возможно, что при высокой активности синдрома ощущение туннелированности среды суммируется с подсознательно сохраненными интранатальными впечатлениями.

С этой точки зрения, альтернативный синдром агорафобии, проявляющийся в форме боязни открытых пространств и больших скоплений людей, возникает как следствие избыточной активности психофизического механизма, усиливающего иллюзию открытости вплоть до утраты осторожности, что раньше или позднее приводит к травматическим по-

---

[1] Бергсон А. Творческая эволюция. С.-Петербург, 1914. 230 с.

[2] Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 464 с.

[3] Жиров В. К., Гонтарь О. Б., Маурчева П. А. Лечебные ландшафты в контексте психологии пространственного восприятия: традиции и современные подходы // Ландшафтная архитектура в ботанических садах и дендропарках: материалы IX Международной научной конференции / отв. ред. д. с.-х. н. Е. В. Голосова, науч. ред. к. б. н. Н. А. Трусов; 4–6 сентября 2017 г. Соловки. 2017. С. 49–54.

следствиям, наиболее частым у детей младшего возраста, или лиц, пребывающих в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. В результате психической переработки травматического опыта в таких случаях может сформироваться устойчивая ассоциация открытого пространства с чувством опасности.

Таким образом, синдромы клаустро- и агорафобии можно представить как издержки пространственной перцепции в **секторе 1** Схемы 3, в котором линейная перспектива сочетается с высокой целостностью зрительного восприятия и подвижностью элементов его механизма. Недостаточная или чрезмерная завуалированность перцептивного «туннеля» приводит, соответственно, к его реалистичному – одномерному – восприятию вместе с драматическим осознанием недоступности выхода, либо неожиданному появлению травмирующих препятствий. Восприятие пространства в обратной перспективе предотвращает развитие указанных фобий: демонстрацией более высоких уровней организации пространства в первом случае, либо устранением этой декорации – во втором.

Нарушения константности восприятия (НКВ) [1]. Этот, достаточно редкий, синдром объединяет симптомы разнообразных нарушений зрительного восприятия – размеров, пропорций, ракурсов, а также спонтанных перемещений объектов окружающего пространства. Важно, что последние возникают только во время движения пациента, а при его остановке исчезают. В подавляющем большинстве случаев страдающие НКВ пациенты способны распознавать предметы и сохраняют критичность относительно своего состояния.

Поскольку симптомы НКВ связаны с движением, логично предположить, что особенности зрительного восприятия, обуславливающие этот синдром, связаны с **секторами 1** и **4**. Их разнообразие можно условно подразделить на расстройства восприятия, связанные со спонтанными 1) движениями предметов, либо 2) вариациями их размеров и пропорций. Поскольку обе тенденции являются результатом неустойчивости состояний по обеим осям нашей схемы, о близости нарушений зрительного восприятия конкретного пациента к одной из них можно судить по соотношению двигательной, либо

[1] Волокитина Т. В., Зотова А. А., Попова Е. В., Синицкая Е. Ю. Коррекция нарушений зрительного восприятия у слабовидящих детей. Архангельск: САФУ, 2013. 175 с.

размерной неустойчивости формирующихся в его представлении пространственных образов.

Расщепление перцептивного образа [1]. Апперцептивная агнозия Лиссауэра – распространенный симптом, при котором отдельные элементы наблюдаемого объекта не интегрируются в единый образ, и в целом структура объекта не воспринимается. При нем, как и при других агнозиях, пациенты обычно не узнают и не могут вспомнить ранее виденное. В психопатологическом смысле апперцептивная агнозия является альтернативой НКВ, занимая **секторы 2** и **3**, поскольку, в отличие от нее, связана с расщеплением зрительного образа. До некоторой степени этот эффект может компенсироваться усилением обратной перспективы перцептивного пространства, а усиление прямой перспективы при достаточно выраженном расщеплении образа в **секторе 2** может привести к симптому симультанной агнозии, при котором пациент способен к зрительному восприятию только одного из нескольких находящихся рядом объектов. С этой точки зрения к нему близок *симптом Балинта*, при котором эффекты симультанной агнозии усиливаются благодаря глазодвигательной апраксии.

В целом девиации зрительного восприятия, связанные с расщеплением перцептивного образа, связаны с возрастной изменчивостью, наиболее проявляясь у детей младшего школьного возраста, а в период от 8 до 13 лет восприятие развивается в направлении его интегрированности [2]. По-видимому, дальнейшее сокращение поля зрения в результате развития этого симптома вместе с усилением прямой перспективы может привести к уменьшению размерностей перцептивного пространства вплоть до одного измерения или полного прекращения зрительного восприятия.

---

[1] Кудашкина Е. Ю., Сухих Е. А. Зрительная агнозия. Нейрофизиологические основы. Виды и методы выявления // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2017. № 4:19. Т. 3. С. 64–67.

[2] Гончаров О. А. Нейропсихологический анализ нарушений зрительного восприятия у детей с локальными поражениями мозга/Рукопись кандидатской диссертации. Санкт-Петербург. 1998. 184 с.

Альтернатива: «мысли и сердце» [1] святителя Луки

> … Мозг нельзя считать органом чувств и исключительным органом высшего познания,… это в огромной мере подтверждает учение Священного Писания о сердце как органе чувств вообще и особенно высших чувств. … Как это ни сомнительно для неверующих, мы утверждаем, что сердцем можно воспринимать вполне определенные внушения прямо как глаголы Божии.
>
> Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий).
> «Дух, душа и тело»

> Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.
>
> А. де Сент-Экзюпери. «Маленький принц»

Ранее мы высказывали соображения о том, что редукционизм в медицинской науке, в частности, разделяющий душевные и телесные нарушения, на протяжении последних полутора столетий не единожды становился причиной ошибочных диагнозов и калечащих назначений. Сейчас, судя по многочисленным публикациям, стереотипы несистемного восприятия психосоматических патологий преодолеваются на основе подходов персонифицированной медицины и развития высокотехнологичных методов лечения. Хотя, как уже говорилось, психосоматические заболевания пока отсутствуют в перечне ВОЗ.

С этой точки зрения еще более сложной является проблема духовных повреждений, которые психиатры по идеологическим соображениям до сих пор не отделяют от психопатологий. Реальность духовного

---

[1] Мы взяли на себя смелость использовать название вышедшей в 1964 году книги известного советского и украинского кардиохирурга Н. А. Амосова в качестве заголовка одного из разделов нашей статьи. Нам кажется промыслительным, что этот выдающийся врач – по наитию, или под влиянием своего старшего коллеги, архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), в литературной форме вернулся к животрепещущей для всех врачей проблеме отношений чувств и рассудка.

воздействия на организм человека, никогда не вызывавшая сомнений у врачей самых разных этнических культур, прямо противоречит материалистической доктрине и потому не принимается ее последователями. Хотя до сих пор медицинская наука предпочитает не касаться вопросов духовного воздействия, многие врачи уже не сомневаются в его реальности, а Церковь недавно сделала первые шаги к официальному сотрудничеству с медициной [1]. Судя по динамике развития отношений Церкви со светскими учреждениями в последние годы, можно предполагать, что в методологии медицинской науки недалекого будущего духовно-душевные и духовно-телесные воздействия будут признаны легитимными.

Ранее мы уже ссылались на книгу архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого) «Дух, душа и тело» [2], внесшую весомый вклад в развитие представлений о целостности человеческого естества.

Как с медицинской, так и с теологической точки зрения, для врачебной практики большое значение имеют соображения святителя об отношениях иерархически высших – душевной и духовной – составляющих человеческого естества. Однако весьма важное место в его представлениях занимает идея о значении сердца как главного органа чувств человека: «*… наши анатомо-физиологические знания о сердце не только не мешают, а скорее даже побуждают нас считать сердце важнейшим органом чувств, а не только центральным мотором кровообращения*» [3]. Эта мысль проиллюстрирована многочисленными ссылками на Св. Писание: «Для чего такие мысли входят в сердца ваши?» [4]; на Св. Предание: «*Сердцем осуществляются высшие функции духа человеческого – вера в Бога и любовь к Нему. Сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению*» [5], а также на Отцов Церкви: «*Сердце правит всеми органами, и когда благодать займет*

---

[1] Начало этому процессу было положено «Основами социальной концепции Русской Православной Церкви» [2000], разделившими компетенции РПЦ и Минздрава РФ по вопросам диагностики психических патологий и духовных нарушений.

[2] Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2008. 496 с. Далее в ссылках – «ДДТ».

[3] ДДТ.

[4] Лк. 24:38.

[5] Рим. 10, 10.

все отделения сердца, господствует над всеми помыслами и членами, ибо там ум и все помыслы душевные... Ибо там должно смотреть, написана ли благодать закона духа», [1] и светских ученых: *«Разум … действует медленно, принимая во внимание столько принципов, которые всегда должны быть налицо, что он поминутно устает и разбегается, не имея возможности одновременно удержать их. Чувство действует иначе: оно действует в одну секунду и всегда готово действовать… Надо, следовательно, возложить наше упование на «чувство», иначе упование наше постоянно будет шататься»* [2].

Мысли Владыки о роли сердца в человеческих эмоциях можно было бы принять за привычную метафору, если не его напоминание о том, что *«не только из мозга сердце получает эти обработанные мысли, сенсорные восприятия, но и само обладает удивительной, важнейшей способностью получать из мира духовного экзогенные, нисколько не адекватные органам чувств, ощущения самого высшего порядка»* [3].

Это напоминание заставляет также задуматься о соотношении перцептивной чувствительности сердца и мозга. По мнению Блеза Паскаля, *«сердце, а не разум чувствует Бога»*; Анри Бергсона: *«Мозг… – нечто вроде центральной телефонной станции: его роль сводится к выдаче сообщения или к выяснению его. Он ничего не прибавляет к тому, что получает. Все органы восприятия посылают к нему нервные волокна; в нем помещается моторная система, и он представляет собою центр, в котором периферическое раздражение вступает в сношение с тем или иным моторным механизмом»*, и Нобелевского лауреата, академика И. П. Павлова: *«Оставаясь на почве точных фактов, мы можем сказать, что большие полушария есть совокупность анализаторов, которые разлагают сложность внешнего и внутреннего мира на отдельные элементы и моменты и затем связывают таким образом анализированные явления с той или иной деятельностью организма»*.

Таким образом, сердце, в отличие от мозга, способно непосредственно воспринимать *«определенные внушения прямо, как глаголы Бо-*

---

1 прп. Макарий Великий, цит. по: ДДТ.

2 Блез Паскаль, цит. по: ДДТ.

3 ДДТ, подчеркнуто нами.

жии» [1]. Применительно к научному творчеству эти внушения можно определить как *«теологические интуиции»*, возникающие при общении с *«эонической вечностью»* [2].

По-видимому, различия между сердцем и мозгом, с помощью которых можно было бы подойти к объяснению разной духовной чувствительности этих органов, целесообразно искать на ранних стадиях эмбриогенеза в сравнении с другими животными объектами, так как расширение анатомического разнообразия систематически близких форм скорее позволит выявить существующие закономерности изменчивости этих органов в связи с их перцептивными возможностями.

На рис. 1–3 показаны ранние стадии эмбрионального развития, свойственные хордовым животным и человеку. В контексте данной работы особое значение приобретают взаимоотношения первичной и вторичной полостей тела (соответственно – бластоцеля и целома). Хотя филогенетически бластоцель связан с первичной водной средой, которая, согласно Книге Бытия, на Пятый День Творения производит *«пресмыкающихся, душу живую…»* [3], очевидно, что нет смысла искать прямую связь состояния внутренней водной среды современных организмов с Первозданным океаном, так как от Шестоднева нас отделяют не только прошедшие тысячелетия, но и принципиально отличная от теперешней организация пространства – времени. Вместе с тем, если многие наземные животные до сих пор поддерживают связь с водной стихией, которая, по ряду физических характеристик, может иметь отношение к Первозданному океану, не исключено, что эта связь распространяется и на современные организмы [4]. Ее существование у человеческого зародыша утверждал в своих лекциях из-

---

1 цит. по: ДДТ.

2 С. В. Кривовичев, иерей. Теологические интуиции в естественных науках: история и современность. Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия. СПб, 2021. 22 с.

3 Быт. 1, 20–22.

4 включая человека. Относительно недавно было показано, что изменения структуры воды природных водоемов и эндогенной воды человеческого организма могут служить передаточным звеном между колебаниями активности космической радиации и вспышками наиболее распространенных заболеваний сердечно-сосудистой системы (Винниченко М. Б., Белишева Н. К., Жиров В. К. Модуляция свойств воды вариациями космических лучей//ДАН. Науки о Земле. 2009. Т. 429. № 6. С. 816-820).

вестный немецкий эмбриолог Карл Кениг, аналогизируя различные этапы эмбриогенеза с событиями Шестоднева [1].

С этой точки зрения, именно первичную полость тела можно рассматривать в качестве наиболее важного приемника внешней информации, не воспринимаемой рецепторами [2]. В процессе эмбрионального развития у вторичноротых животных и человека вторичная полость тела, во взрослом состоянии выполняющая опорную, выделительную и половую функции, вытесняет первичную полость, оставшаяся часть которой преобразуется в кровеносную систему, а бластоцель – в гемоцель. Кроме гемоцеля, первичная полость сохраняется в виде внутреннего пространства окружающего сердце перикарда.

В отличие от кровеносной, нервная система происходит от эктодермы и формируется заметно раньше – на стадии гаструлы, в результате чего непосредственно подвергается внешнему воздействию, особенно до стадии замыкания медуллярной полосы на спинной стороне зародыша в нервную трубку. По сравнению с гемоцелем, этот путь явно проигрывает в скорости передачи и объеме передаваемой информации. Дальнейшее развитие нервной трубки вплоть до формирования головного мозга, по-видимому, связано с увеличением объема информации и усложнением процесса ее обработки по компьютерному принципу.

Эмбриологические различия между нервной и кровеносной системами дают возможность подойти к объяснению мысли святителя Луки о сочетании двух принципов восприятия на основе структурного разделения механизмов: (1) рецепции внешних раздражителей, последующей логической обработки внешних стимулов и формирования определенного образа в коре головного мозга; (2) интуитивного получения искомой информации при участии гемоцеля. Во втором случае трудно говорить о локализации этого, чаще всего неожиданно наступающего,

---

[1] Кениг, Карл. Эмбриология и возникновение мира. Чебоксары: Антропософский центр социальной терапии, 2001. 126 с.

[2] В связи с этим уместно еще раз вернуться к утверждениям Дж. Гибсона о том, что формирование зрительного образа не нуждается во многоэтапной обработке, внешние воздействия не дифференцируются на отдельные стимулы, целостность восприятия поднимается до «чувств, как воспринимающих систем», а само оно «простирается и в прошлое, и в будущее» (Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс., 1988. 464 с.).

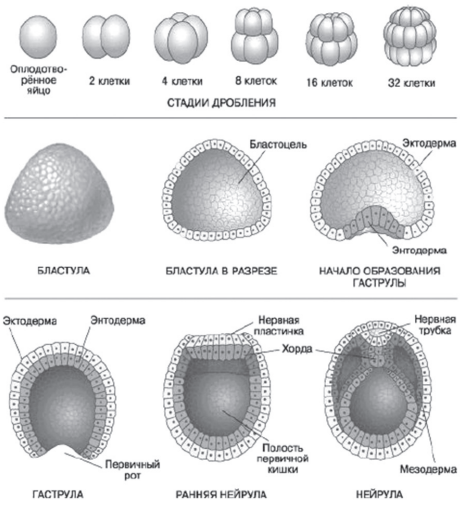


Рис. 1. Схема эмбрионального развития различных животных на стадиях бластулы, гаструлы и нейрулы

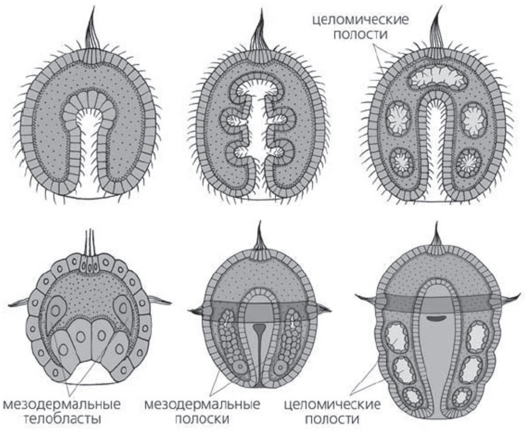


Рис. 2. Схема закладки целомической мезодермы у вторичноротых (верхний ряд) и первичноротых (нижний ряд) животных. Базальная пластинка здесь и на остальных рисунках обозначена плотным рядом точек

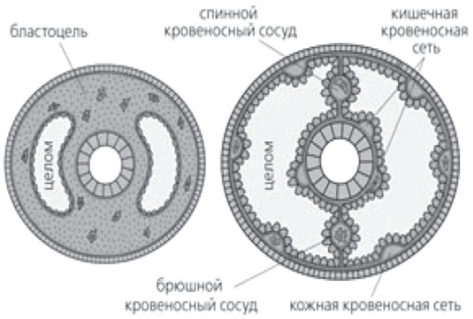


Рис. 3. Схема формирования кровеносной системы из остатков бластоцеля (показаны поперечные срезы эмбриона)

эффекта. Если процессы, происходящие в коре головного мозга, имеют (в основном?) физическую природу и регистрируются в виде электрической активности, то материальность связанных с восприятием «глаголов Божиих» систем гемоцеля должна по определению быть существенно более тонкой, для достижения прямого контакта с эонической вечностью.

Вместе с тем, необходимо отметить, что, как и любая сложная система, человеческое естество не может быть организовано по принципу жесткой структурно-функциональной специализации ее частей, поскольку такая стратегия связана с повышенным риском необратимых повреждений. Можно думать, что именно поэтому святитель Лука не придавал своим взглядам императивной формы [1] и был далек от того, чтобы однозначно утверждать различную функциональную специализацию сердца и головного мозга в процессе восприятия. Однако высказанные им соображения серьезно дополнили традиционные подходы к данной проблеме, работа над которой, безусловно, должна быть продолжена в дальнейшем.

Схемы 1–3 приводятся по статье В. В. Малахова и Е. В. Богомоловой «Новый взгляд на строение и происхождение полости тела многоклеточных (окончание) [2]» с любезного согласия авторов.

---

1 Несмотря на свой достаточно жесткий и непримиримый характер.

2 Природа № 12, 2016.

Ландшафтная терапия: синтез восприятия и адаптации

Многочисленные сведения о психологическом воздействии садов и парков указывают на возможность коррекции нарушений зрительного восприятия путем длительного созерцания ландшафтов определенной пространственной организации. Согласно Схеме 3, геометрическое разнообразие перцептивного пространства определяется изменчивостью его перспективы, локомоциями и подвижностью наблюдаемого объекта.

По-видимому, психотропная активность ландшафта обусловлена определенным сочетанием этих факторов, специфичных относительно конкретных видов нарушений восприятия и психофизических особенностей самого наблюдателя. Однако далеко не всегда можно разграничить нормальное и патологическое формирование зрительного образа, как и вообще психическую норму и нарушения психики. В контексте развиваемых здесь взглядов однозначно различаются только континуальные [1] и дискретные типы зрительного восприятия. Но, поскольку между ними существует целый спектр переходных форм, многообразие которых далеко не всегда можно выразить в терминах современной психофизиологии [2], очевидно, что для их определения требуется более емкий понятийный аппарат. Его основные принципы обсуждались выше и были положены в основу предлагаемой классификации различных форм зрительного восприятия (Схема 3).

Так как геометрические характеристики традиционных садов, в том числе определяющие их психотропные свойства, являются производными соответствующей культурной среды, их невозможно формализовать, не прибегая к духовным основам базовой культуры. Для китайского садового искусства, сформировавшегося более трех тысяч лет назад на основе синтеза религиозно-философских систем даосизма, конфуцианства и буддизма, это имеет особое значение [3].

Традиции китайского садового искусства. Не будет преувеличением сказать, что до сих пор именно китайская культура является

---

[1] и в этом случае восприятие теоретически должно расширяться за физические пределы зрения.

[2] а интерпретация во многом зависит от научной позиции автора.

[3] Голосова Е. В. Ландшафтное искусство Китая. М.: Наталис, 2008. 327 с.

лидером в отношении технологий моделирования перцептивного пространства и формирования определенных зрительных образов через психофизическое воздействие искусственных ландшафтов [1].

Проблема лечебных садов имеет продолжительную историю, однако в подавляющем большинстве случаев в различных (особенно – древних языческих) культурах их терапевтическая функция лишь дополняла основную – сакральную [2]. С этой точки зрения особый интерес представляют китайские сады, гармонически сочетающие духовное с материальным, в частности, терапевтическим. Поэтому с древних времен в Китае сад использовался как в эстетических, так и лечебных целях.

Высокий уровень технологий психологического воздействия, достигнутый в садово-парковой культуре древнего и средневекового Китая, дает все основания использовать этот опыт при создании теоретических основ современной ландшафтной терапии. Вместе с тем, нельзя не разделить сомнение ведущего отечественного специалиста по дальневосточным садам Е. В. Голосовой *«… о правомерности и рациональности использования учения, в основу которого заложена определенная география местности и присущие ей экологические параметры и законы, для других географических зон»*. Однако в настоящее время специфические особенности культурообразующих сред Китая и христианского мира уже не создают непреодолимой преграды для использования китайских технологий психотропной активности искусственных ландшафтов в европейской ландшафтной терапии. Связующим в этом смысле звеном могут служить представления о континуальной целостности зрительного восприятия о. Павла Флоренского и Дж. Гибсона, поскольку онтологическая и гносеологическая целостность мира вообще является одним из основополагающих принципов трех главных религиозно-философских систем, послуживших духовной основой традиционных китайских садов – даосизма, конфуцианства и буддизма.

Более тысячелетия назад в китайской области Сучжоу, располо-

---

[1] Мы не рассматриваем здесь возможности прямого духовного воздействия с помощью ландшафтного дизайна, технологии которого лежали в основе традиционных китайских садов.

[2] Рандхава М. Сады через века. М.: Знание, 1981. 320 с.

женной в нижнем течении реки Янцзы и отличающейся разнообразием форм классических садов, была разработана классификация, включающая следующие типы садовых ландшафтов:

противоположных – образующих различные картины, последовательно раскрывающиеся для зрителя в проемах архитектурных конструкций при его движении;

открытых – обеспечивающих восприятие нескольких картин одновременно;

разделенных – последовательно раскрывающих для зрителя отдельные участки сада по принципу анфилады дворцовых комнат при его движении;

сквозных – построенных по принципу почти полностью разделенных перегородками участков, через проемы в которых просматриваются конструкции соседних кластеров, и

заимствованных – использующих фрагменты внешних пейзажей, вписанных в общую ландшафтную конструкцию сада.

Сравнивая предложенную ранее Схему 3 с данной классификацией, сучжоусские типы садовых ландшафтов можно систематизировать с точки зрения изменчивости соотношений целостности – кластеризации с одной стороны и прямой – обратной перспективы перцептивного пространства – с другой. Очевидно, что при восприятии ландшафтов в последовательности: **противоположные – разделенные – сквозные**, его дискретность растет вплоть до состояния явно выраженной кластеризации в последнем случае. С другой стороны, заимствование крупномасштабных элементов (в частности, естественных возвышенностей) у внешних ландшафтов и встраивание их в садовую композицию можно рассматривать как способ усиления обратной перспективы в целостной картине всего ансамбля, а его **открытость**, согласно взглядам Флоренского, как завуалированную локомоциями одномерность восприятия в прямой перспективе.

Суммируя сказанное, древнекитайскую классификацию ландшафтов можно спроецировать на Схему (3) следующим образом:

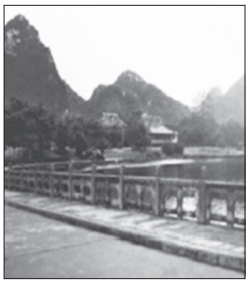
В этой схеме особое внимание обращают на себя разделенные пейзажи, занимающие промежуточное положение между заимствованными и открытыми пейзажами по горизонтали, и между противоположными и сквозными – по вертикали (Рис. 4).

Учитывая то, что каждый тип пейзажа занимает на Схеме 3 доста-

Противоположный пейзаж, Шоусиху, Янчжоу

Открытый пейзаж, правительственная резиденция Дяоюйтай, Пекин

Разделенный пейзаж, сад Гуи, Наньсян



Заимствованный пейзаж, парк Луньтань, Лючжоу

Сквозной пейзаж, храм Дамансы, Янчжоу

Рис. 4. Проекция принципа сучжоусской классификации ландшафтов на объединенную Схему 3 состояний перцептивного пространства по Флоренскому-Гибсону. Фотографии садовых ландшафтов приводятся по книге Е. В. Голосовой [1] с любезного согласия автора

[1] Голосова Е. В. Ландшафтное искусство Китая. М.: Наталис, 2008. 327 с.

точно обширную область с нечетко выраженными границами, можно думать, что «нулевая» точка, соединяющая аксонометрическую перспективу на оси абсцисс с пределом целостности зрительного восприятия на оси ординат, находится внутри области **разделенных** пейзажей. Это согласуется с традиционными формами организации их пространства, так как «анфиладный» принцип китайских садовых конструкций [1] минимизирует использование прямых линий, препятствуя восприятию в линейной перспективе. Однако он также не способствует доминированию обратной перспективы, для восприятия в которой необходимы большие размеры объектов заднего плана, значительно превышающие размеры близко расположенных объектов. По-видимому, в идеале **разделенные** пейзажи способствуют развитию аксонометрической перспективы, что является одним из факторов уменьшения глубины перцептивного пространства. Кроме того, на расположение «нулевой» точки в этой области указывает их переходный характер между противоположными и сквозными пейзажами.

Обсуждение

Суммируя сказанное, можно заключить, что терапевтические эффекты зрительного восприятия растительных ландшафтов и отдельных растений обусловлены корректирующим действием визуального образа определенной пространственной геометрии на структуры различных уровней организации человеческого организма. Результаты исследований ряда авторов и собственные данные позволяют предполагать, что в основе механизмов ландшафтной терапии лежит общий для человека и растений принцип взаимоотношения адаптивных реакций, сочетающий две бинарные оппозиции изменений адаптирующихся структур или функций, принадлежащих разным уровням иерархической вертикали, от социального / фитоценотического до мембранного:

уменьшения – увеличения линейных размеров / ширины функционального диапазона;

целостности – кластеризации соответствующих структур и функций.

Возможность классификации с этих позиций архитектурного раз-

[1] в отличие от анфилад европейской архитектуры.

нообразия традиционных китайских садов, при том, что целостность міровосприятия является важнейшей особенностью данной культуры, подтверждает справедливость предложенного нами систематического принципа. Однако данные, которыми мы располагаем в настоящее время, не дают конкретного ответа на вопрос о механизмах терапевтической активности растительного міра и ландшафтных композиций, в связи с чем последующее обсуждение этой проблемы имеет скорее гипотетический характер.

Объяснение позитивных психофизиологических эффектов созерцания красивых растений или их композиций, как и других эстетически привлекательных объектов, в контексте взглядов архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) значительно упростилось с появлением концепции А. Н. Алехина и А. В. Курпатова о психосоматическом континууме, который формируется не одним, а двумя – психосоматическим и соматопсихическим – векторами [1]. Но, хотя их концепция заметно приблизила общие представления о взаимодействии психики и сомы с позицией Владыки Луки, применительно к проблеме механизма ландшафтной терапии пока остаются открытыми два весьма важных вопроса: (1) как с помощью зрения происходит не только «считывание» совокупности внешних признаков растительных объектов, но и оценка характера отношений между вариациями размеров и целостности для различных уровней их структурной иерархии [2], и (2) каким образом кодируется информация, содержащаяся в сформированном зрительном образе, осуществляется ее передача по нисходящим уровням организации, дешифровка по прибытии к «месту назначения» и активация соответствующих данному уровню физиологических механизмов, обеспечивающих необходимые адаптивные перестройки.

Очевидно, что наиболее теоретически важная сторона этого процесса связана с межуровневой передачей гигантских объемов информации в течение не слишком продолжительного (в течение десятков минут) периода времени, что естественно может вызывать сомнения

[1] Курпатов А. В., Алехин А. Н. Философия психологии. Новая методология. М.: «ОЛМА Медиа Групп». 2006. 448 с.

[2] Следует подчеркнуть, что единство принципа взаимодействия адаптивных реакций на всех уровнях организации вовсе не означает их динамического единообразия, т. е. синхронизации их поведения.

в его реальности. Вместе с тем, многолетний и разнообразный опыт практического применения ЛТ, на который мы ссылались ранее, указывает на необходимость поиска альтернативных теоретических решений данной проблемы.

По нашему мнению, возможный подход к такому решению связан с развитием представлений о шунтирующих связях у растений и человека, как основы целостности их организации.

Возвращаясь к обобщенной модели взаимоотношений адаптивных реакций у растений и человека и различных форм зрительного восприятия (Схема 3), необходимо еще раз подчеркнуть, что, в соответствии с ней, формирование возможного разнообразия адаптивных состояний подчиняется единому принципу для каждого из иерархических уровней. Хотя их структурно-функциональные характеристики имеют разную модальность и не могут сравниваться непосредственно, «нулевые» точки пересечения осей X и Y отличаются отсутствием пространственно-временных изменений и, следовательно, определенной модальности. Это означает, что данные точки образуют конечное множество, ограниченное выделенными уровнями организации человеческого или растительного организмов, в совокупности образующее канал вертикальной (шунтирующей) связи, функционирование которого обусловлено его особыми пространственно-временными свойствами, в определенном смысле – вневременным и внепространственным положением «нулевых» точек разных уровней организации.

Это позволяет задуматься над причастностью канала вертикальной связи к «эонической вечности», которая, по определению В. Н. Лосского, *«стабильна и неизменна; она сообщает миру взаимосвязанность и умопостигаемость его частей»* [1]. Последнее подтверждается, в частности, недавним исследованием иерея Сергия Кривовичева [2], показавшего связь с эонический вечностью интуитивного познания в науке. Данные представления послужили развитию взглядов архиепископа Луки о ключевой роли сердечно-сосудистой системы в восприятии *«глаголов Божиих»* – нового апологетического направления, духов-

[1] Лосский В. Н.. Догматическое богословие. Образовательный портал СЛОВО. С. 3. Творение: время и вечность.

[2] С. В. Кривовичев, иерей. Теологические интуиции в естественных науках: история и современность. Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия. СПб, 2021. 22 с.

но-теоретической основой которого в 1947 году стала его работа «Дух, душа и тело».

Анализ взаимоотношений материального и духовного в адаптациях человеческого организма, проведенный нами в целях теоретического обоснования ландшафтной терапии, возможно, окажется полезным и для решения отдельных вопросов православной апологетики.

Авторы выражают глубокую благодарность двум действительным членам РАН: Генеральному директору Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр РАН», иерею Сергию (Владимировичу) Кривовичеву – за постоянную поддержку и ценные советы по проблеме теологических интуиций, и Заведующему кафедрой зоологии беспозвоночных Биологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Владимиру Васильевичу Малахову – за постоянную поддержку и ценные консультации по проблемам строения и происхождения полости тела многоклеточных.

ИЕРОМОНАХ
ГРИГОРИЙ
(Матрусов)

ХРИСТИАНСТВО В НОРВЕГИИ ДО СВЯТОГО ОЛАВА

1. Хронология основных направлений и формы христианизации Норвегии

О христианстве в Норвегии до X века можно говорить, опираясь в большой степени на новейшие данные археологии и истории. Но чем дальше мы будем удаляться вглубь веков, тем более наше исследование будет принимать характер гипотезы.

Собственно апостольской проповеди в этих землях не было. Соответственно возникает вопрос: «Когда впервые слово христианской проповеди могло прозвучать на норвежской земле?». На этот вопрос ответить очень непросто в силу объективных причин: «К сожалению, имеется очень мало информации о людях, которые принесли христианство в Норвегию. Хорошо известно то, что область Вика, вокруг Осло-фьорда, с древних времен имела хорошие контакты с Данией, поэтому с христианским учением здесь познакомились довольно рано» [1].

Фритьоф Биркели, епископ Церкви Норвегии, автор нескольких работ, посвященных истории христианства в Скандинавии, справедливо замечает, что безусловно христианство проникло в Норвегию через другие страны Европы, расположенные по соседству. Ф. Биркели выделяет пять возможных путей, которыми христианство могло прийти на норвежскую землю [2].

---

1 Steinsland G. Den hellige kongen. Oslo. 2000. C. 28–29.

2 Birkeli F. Tolv vintrer hadde kristendommen vært i Norge. Oslo. 1995. C. 12–13.

Возможно, впервые семя христианского благовестия в Норвегии было заронено еще в IV веке германскими племенами, которые познакомились с христианством в полуарианском варианте благодаря готскому епископу Вульфиле (ок. 331–338 гг.). Полуарианство, как известно, получило сильное распространение среди южно-германских племен.

Вторая возможность, предлагаемая Ф. Биркели, заключается в том, что поскольку христианство с IV века стало дозволенной, а после и государственной религией в Римской империи, то можно предположить, что римские легионеры несли с собой новую веру в те части империи, где они находились. Прежде всего, в Галлию и Британию.

Третья возможность – ирландско-кельтское христианство, имевшее ярко выраженный восточный характер, с монашеским и монастырским укладом, хотя в первое время без строгой церковной организации. Одной из характерных особенностей ирландского монашества была миссионерско-просветительская деятельность, в том числе и далеко за пределами изначальных поселений.

Четвертая возможность связана с завоеванием англосаксами Британских островов. Папа Григорий Великий Двоеслов направил туда в 597 году миссионерскую группу, которая обнаружила остатки церквей более раннего периода, и сама осуществляла большую миссионерскую деятельность во многих частях Европы.

Наконец, пятая возможность, обозначенная епископом Фритьофом Биркели, связана с Франкской церковью, которая, будучи в подчинении церкви Рима, в то же время непосредственно управлялась королем и вела независимую миссионерскую деятельность среди германских племен, не обращенных в арианство. Во время правления императора Карла Великого (742–814 гг.) было организовано несколько миссионерских походов. Безусловно, отголоски этой миссионерской деятельности не могли не отзвучать в сопредельных с империей территориях: в Дании, Норвегии, Швеции.

Если говорить в целом о предпосылках к христианизации Норвегии, то по единодушному мнению исследователей уже задолго до главных событий, которые изменили ход истории Норвежского государства, на этой территории выделяется длительный период неофициальной, или другими словами, естественной христианизации страны.

Многочисленные археологические находки, прежде всего на юге и западе Норвегии, свидетельствуют о развитых контактах, которые существовали в течение двух-трех последних веков первого тысячелетия. Путешествия викингов, речь о которых шла выше, сопровождались не только негативными явлениями и трагическими последствиями. Они служили также и взаимопроникновению различных культур. Прежде всего, происходило обогащение северян духовными и культурными ценностями передовых европейских стран. Контакты с Византийской империей, с ее богатейшей культурой, развитым христианским мировосприятием, «цивилизованным» законодательством оказывались сильнейшим фактором культурного воздействия на тех, кто знакомился с этим христианским миром.

Интересно, что оценка процесса христианизации Норвегии и в целом Скандинавии у представителей различных научных школ в этих странах существенно отличается. Одни считают, что христианство своим приходом в Норвегию целиком и полностью обязано конунгам-просветителям, их личной инициативе, идеологическим воззрениям. Другие же, напротив, не умаляя решительной роли конунгов, полагают, что предпосылки к христианизации существовали до них, и сама христианизация страны началась раньше. Иными словами, ко времени начала официальной христианизации некоторые норвежцы уже приняли крещение, другие же так или иначе слышали о новой вере и привыкали к ней.

Рассматривая процесс христианизации Норвегии, имеет смысл провести некое разграничение между всей Скандинавией и собственно Норвегией. Это необходимо, потому что некоторые «норвежские» явления данного процесса совершенно отсутствуют в соседних странах. Так, например, Ф. Биркели отмечает следующий факт: «В Норвегии были обнаружены кельтские и английские памятные камни и кресты, чего не наблюдается в соседних северных странах. Кроме того, зарубежные контакты каждой из стран уникальны, и не менее уникальны внутренние географические условия. Уже этих элементов должно бы быть достаточно, чтобы понять, с какой осторожностью нужно подгонять нашу (норвежскую) историю христианства и Церкви в строгую канву общей скандинавской истории» [1].

[1] Birkeli F. Tolv vintrer hadde kristendommen vært i Norge. Oslo. 1995. C. 11.

2. Святой Ансгарий

Святой Ансгарий или Ансгар именуется «Апостолом Севера». Поэтому интересно и логично рассмотреть возможность влияния его проповеди на Норвегию.

Святой Ансгарий родился около 801 года во Франции. Он происходил из знатной семьи, проживавшей в Пикардии, недалеко от Корби (Corbie). В юном возрасте Ансгарий вступил в Бенедиктинское аббатство в Корби. С 823 года он преподавал в монашеской школе в Корвее, «Новом Корби» (Corvey), в Вестфалии, после чего был направлен королем Людовиком Благочестивым по просьбе датского короля Харальда Клака для просвещения Дании. После падения Харальда, Ансгарий вернулся на родину, после чего отправился в повторное миссионерское путешествие, на этот раз в Швецию.

В 831 году король Людовик призвал святого Ансгария, поставил его настоятелем Корвея и определил ему быть епископом новообразованной Гамбургской епархии (до этого была единая Гамбургско-Бременская епархия). В 832 году Ансгарий был посвящен в епископы и организовал миссию ко всем скандинавским народам. Затем он побывал в Риме, где папой Григорием IV был возведен в сан архиепископа и назначен папским легатом у скандинавов и славян [1].

Нам достоверно известно, что святой Ансгарий проповедовал в Дании и Швеции. Также со всей уверенностью можно говорить о том, что это была первая официальная церковная миссия в Скандинавии. Однако никаких свидетельств, позволяющих говорить о путешествиях святого в Норвегию, не сохранилось. Скорее всего таких путешествий он не предпринимал. Но мы можем предполагать, что он посылал в Норвегию священников, хотя, к сожалению, сведений об этом также не сохранилось. С другой стороны, более чем вероятно, что во время посещений святым Ансгарием шведского города Бирки там находились норвежцы. Общение между шведами, датчанами и норвежцами было очень интенсивным. Норвежцы ездили торговать в Швецию [2] и в частности в Бирку, которая была крупным торговым

---

[1] The New Encyclopædia Britannica. Vol. 1. 1994. C. 436.

[2] Любопытно, что и сейчас ввиду большой разницы в ценах между скандинавскими странами норвежцы охотно ездят за продуктами в Данию и особенно в Швецию.

центром. Таким образом, они могли слышать там проповедь о Христе от святого Ансгария. Со всей уверенностью можно говорить и о посещении норвежцами Дании, а возможно и Гамбурга в те годы, когда Ансгарий пребывал на епископской кафедре.

Общая позиция ученых о возможной связи между проповедью святого Ансгария и христианизацией Норвегии выражена так: «"Северный апостол" Ансгарий побывал лишь в Дании и Швеции. Его посещения были краткими, но очень важными. Никакого прямого влияния на христианизацию в Норвегии и Исландии он не оказал. Но косвенное влияние, безусловно, было» [1].

3. Святая Суннива. Ирландское влияние

Из глубины веков до нас дошла удивительная история об ирландской принцессе, которая по воле судьбы оказалась вдали от своей родины и стала святой. Впервые упоминания о святой Сунниве встречаются в латинских жизнеописаниях около 1170 года («Acta Sanctorum in Selio») [2].

Вот что повествуют о ней дошедшие до нас сказания. В Ирландии в правление императора Оттона Великого (†973) жила блаженная Суннива. Она была дочкой небольшого ирландского конунга. После смерти своего отца ей пришлось самой управлять страной. Ее жизнь была живым примером благочестия для людей. Но один иноземный правитель, услышав о ее благородном происхождении, красоте и добродетелях, напал на страну, подчинил ее себе и, придя к Сунниве, угрожал погубить весь народ и страну, если она не согласится на его предложение выйти за него замуж [3].

Известный ученый Сигрид Ундсет объясняет эту ситуацию традицией, которая существовала к тому времени в Ирландии. Для небольших ирландских правителей было выгодно связывать иноземных морских предводителей предложением взять свою дочь в жены. В таком случае эти предводители, обычно знатные викинги, брали на себя заботу об охране владения от нападения других викингов.

---

1 Birkeli F. Tolv vintrer hadde kristendommen vært i Norge. Oslo. 1995. C. 11.

2 Birkeli F. Tolv vintrer hadde kristendommen vært i Norge. Oslo. 1995. C. 121.

3 Selja – heilig stad i 1000 år. Rindal M. (Red.). Oslo. 1997. C. 102.

Возможно, так и случилось в тот раз: чужестранный вождь пришел к Сунниве, услышав о смерти ее отца, но она ответила ему отказом. Тогда он начал разорять страну, чтобы устрашить святую Сунниву и принудить ее к согласию. Но святая, горя любовью к Богу, предпочла покинуть страну, нежели выйти замуж за языческого правителя.

Собрав тогда весь свой народ, святая Суннива сказала им: «Мои возлюбленные друзья, я пригласила вас сюда, чтобы обсудить положение в нашей стране, которой мы вместе управляли» [1]. Далее она обрисовала ту ситуацию, в которой она оказалась, и сказала о своем желании расстаться с горестями и переживаниями земной жизни, последовав за Христом Спасителем. Она предложила тем, кто бы этого захотел, отправиться с ней, а кто предпочел бы остаться на родине, был волен сделать так.

Таким образом, освободив свой народ от всех обязанностей по отношению к ней как к правительнице, она стала готовиться покинуть Ирландию. Но народ очень любил Сунниву за ее доброту и благочестивую жизнь, и поэтому многие не захотели разлучаться со своей любимой правительницей. Святая Суннива с многочисленным народом, который решил последовать за ней, села на три корабля и отправилась в плавание. После долгого плавания корабли попали в шторм возле норвежских берегов и вынуждены были разлучиться. Один из кораблей оказался на острове Кинн. Два других корабля, на которых находилась святая Суннива с остальными людьми, приплыли к острову Селье, который был необитаем. Оба этих острова находятся у западного побережья Норвегии среди других многочисленных островов.

Здесь люди поселились в пещерах, которые были на острове. Они проводили время в молитвах, а питались в основном рыбой. Как говорит житийное повествование, через некоторое время их пребывание было обнаружено норвежцами, которые стали подозревать и обвинять чужеземцев в похищении скота. Они обратились к Хокону Ярлу (Håkon Sigurdsson; †995), прося его помощи. Хокон отправился со своими воинами на остров, чтобы наказать пришельцев.

Ирландцы, услышав, что к ним плывет норвежское войско, стали усердно молиться, чтобы Господь спас и сокрыл их от преследователей. Они не боялись смерти, они боялись попасть в руки язычников и пре-

[1] Undset S. Helgener. Ashehoug. Oslo. 1992. C. 86.

дать свою веру. Как повествует сказание, Бог услышал их молитву: с неба стали падать камни и завалили людей в пещерах, где они находились. Когда Хокон Ярл прибыл на остров, то к своему удивлению никого там не нашел.

Через некоторое время два знатных землевладельца, которых звали Торд Ейгилейвссон и Торд Йорунссон, плыли на север в Тронхейм. Проплывая ночью возле острова Селье, они увидели необычный свет. Тогда они сошли на берег и подошли к тому месту, откуда шел свет. Свет потоком выходил из земли и уходил в небо к звездам, и от света исходило необычное благоухание. Пораженные таким явлением, оба Торда решили известить об этом Хокона Ярла, который был известен своей мудростью и мог бы объяснить им, что это было. Когда они поплыли к нему, то услышали, что Хокон Ярл, последний правитель-язычник в Норвегии, убит [1].

К власти пришел Олав Трюггвасон (†1000). Конунг Олав, который был христианином, услышав от Тордов известие о необычном свете, предложил им прежде всего принять крещение и стать его друзьями. Те согласились, были крещены, научены вере и с богатыми дарами отпущены. Через некоторое время и сам Олав попал на остров. Вместе со своими людьми он раскопал пещеры и в одной из них нашел тело святой Суннивы, которое было неповрежденным. Она лежала в пещере, как будто спала. После этого Олав построил рядом церковь.

Впоследствии на острове Селье был основан бенедектинский монастырь. В 1170 году тело святой Суннивы было перенесено в Берген, в церковь Христа Спасителя. Она стала покровительницей Бергена. А на острове была даже устроена епископская кафедра.

Современные исследователи считают, что в настоящее время «сложно узнать, была ли Суннива исторической личностью, но традиция о ней и "людях из Селье" в любом случае свидетельствует об одном из ранних христианских импульсов из ирландских пределов на норвежское побережье» [2]. Можно с большой уверенностью считать, что ирландское миссионерское влияние так или иначе с конца IX и весь X век оказывало свое воздействие на западные и южные области Норвегии.

---

1 http://www.britannica.com/EBchecked/topic/250657/Haakon-Sigurdsson.

2 Hallgeir E., Per H. Illustrert norsk kristendomshistorie. Bergen. 2002. C. 25.

Норвежский ученый Эрик Рекдал в своем эссе «Дева с Запада. Святая Суннива – первая норвежская святая?» [1] также высказывает мысль, что сейчас сложно со всей вероятностью сказать, идет ли здесь речь о реальной святой. Для нас важно то, что Э. Рекдал считает существование традиции почитания святой Суннивы ярким свидетельством ирландского влияния в христианизации Норвегии.

Историческая реальность «людей из Селье», как их принято называть в исторической литературе, никогда не подвергалась сомнению. По всей видимости, это были ирландские монахи. Как бы то ни было, интересен сам факт, отмеченный тем же ученым, что святая Суннива, «по всей вероятности, самая древняя (норвежская) святая, о которой мы знаем, – древнее как святого Олава (1030), так и святого Хальварда (ок. 1043)» [2]. Не исключено также, что сказание о святой Сунниве имеет гораздо более древнюю историческую основу.

4. Хокон Добрый

Впервые христианство в Норвегии на официальном уровне начинает появляться во время правления конунга Хокона Доброго. Хокон был младшим сыном Харальда Прекрасноволосого, первого объединителя страны. Он родился около 920 года. Хокон Добрый, прозванный также Athelstansfostre (т. е. воспитанник Ательстана), был воспитан при дворе христианского короля Ательстана в Англии. Здесь он был научен христианской вере и принял крещение [3]. В то время существовала традиция, когда знатные викинги посылали своих детей для воспитания и обучения при королевских дворах Европы. Отметим, что не все историки единодушно сходятся во мнении, что Хокон был действительно крещен [4].

О правлении Хокона норвежский историк О. Страум пишет: «В середине 930-х годов он вернулся в Норвегию и был выбран ко-

---

1 Rekdal J. E. Jomfruen fra vest. Sta. Sunniva – den føste norske helgen? // Fra hedendom til kristendom. Red. M. Rindal. Oslo. 1996. C. 105–110.

2 Rekdal J. E. Jomfruen fra vest. Sta. Sunniva – den føste norske helgen? // Fra hedendom til kristendom. Red. M. Rindal. Oslo. 1996. C. 110.

3 Snorri Sturluson. 1893. S. 159.

4 Birkeli F. Tolv vintrer hadde kristendommen vært i Norge. Oslo. 1995. C. 65–66.

нунгом. Судя по сведениям источников, он правил очень мирно. Его стратегией было соработничество с бондами, а не подавление сопротивления силой и властью» [1]. А С. Снорри повествует в Саге о Хоконе Добром, что он был к тому же красноречив и любим бондами. Хокон Добрый был провозглашен конунгом в большей части южной Норвегии. Крепче всего его власть была в западной Норвегии (Вестланне), где он в основном проводил время. В Трёнделаге его положение было слабее, т. к. там он зависел от союза с могущественным Сигурдом Ладеярлом. Еще слабее, нежели в Вестланне, были его позиции в области вокруг Вика, в районе современного Осло. Здесь он правил лишь временами.

Известно, что уже во времена Харальда Прекрасноволосого была совершена попытка объединения страны, или хотя бы некоторых частей страны, в единое государство. Очевидно, что и Хокон привнес свою лепту в дальнейшее объединение Норвегии. Хокон Добрый прославился тем, что он провел две реформы. Одна реформа коснулась бондов, которые должны были поставлять корабли для защиты границ, и таким образом устроил организованную береговую оборону. Вторая реформа коснулась организации тингов, где бонды теперь получили больше прав [2]. Люди были довольны правлением Хокона и любили за его доброту и мягкость, поэтому он вошел в историю с именем «Добрый». Но такая гармония существовала до той поры, пока конунг не коснулся вопросов веры.

Хокон, как мы уже сказали, стал христианином в Англии, но в первые годы своего правления сохранял свою веру в тайне. Когда он посчитал, что его власть достаточно окрепла (около 950 года), он выдвинул требование, чтобы Норвегия стала христианской. Возможно, он сам ездил в Англию, чтобы пригласить священников в Норвегию. В знаменитом аббатстве в Гластонбери он попросил монахов поехать с ним для проповеди христианства норвежцам под его покровительством. Вернувшись на родину, Хокон и сам начал наставлять свой народ в новой вере. При нем в Норвегии были построены первые церкви. Кроме того, он ввел празднование воскресного дня и установил пост в пятницу [3].

---

1 Straum O. Norrøn tro og kristningen av Norge. Bergen. 2004. C. 36.

2 Moseng G., Opsahl E., Pettersen G. I., Sandmo E. Norsk historie I. Oslo 2007. C. 67.

3 Elstad H., Halse P. Illustrert norsk kristendomshistorie. Bergen. 2002. C. 21.

Но большинство людей отказывалось слушать евангельскую проповедь. Хокон натолкнулся на очень резкое сопротивление и реакцию. «Английские священники, которые прибыли с Хоконом в Норвегию, вероятно, были бенедиктинскими монахами из Гластонбери. Они совершенно не были готовы к той участи, которая их ждала – они были убиты, а церкви, построенные ими, были сожжены» [1]. Хокон проповедовал с большим успехом только вдоль побережья, где к тому имелись все предпосылки, но общая христианизация Норвегии ему не удалась [2].

Для успешной организации и управления государством в то время помимо организаторских способностей нужно было еще, как считают современные норвежские исследователи, большое состояние: «Конунг, у которого не было средств, чтобы содержать довольно сильное войско, зависел от расположения к нему состоятельных людей, если он желал сделать что-то против их воли. Так, например, Хокону Доброму, который никогда не был викингом, удалось поддерживать доброе к себе расположение, но он вынужден был отказаться от попытки христианизации» [3].

По мнению другого норвежского историка, вероятнее всего во время миссионерских трудов Хокона, не все священники были убиты, хотя провал его миссионерской деятельности в целом не вызывает сомнения: «Часть священников была убита, и три церкви были сожжены. В Трёнделаге, где сопротивление было самым большим, а его позиции самые слабые, провалилась не только попытка христианизации. Сигурд Ладеярл и бонды принудили его принять участие в зимних возношениях (языческих) в Ладе и Мэре» [4].

Таким образом, мы имеем вновь очевидные свидетельства о христианских мучениках на норвежской земле, которые также подтверждают значимость предпринятых трудов Хокона Доброго на ниве евангельской проповеди.

Сейчас довольно трудно судить, насколько глубокой и искренней была вера конунга Хокона. Сложно судить и о том, почему он под-

---

1 Undset S. Helgener. Ashehoug. Oslo. 1992. C. 69.

2 Sanmark A. Power and conversion – A comparative study of Christianization in Scandinavia. Uppsala University. 2004. C. 82.

3 Den Katolske Kirke i Norge. Red. av J. W. Gran, E. Gunnes, L. R. Langslet. Oslo. 1993. C. 5.

4 Straum O. Norrøn tro og kristningen av Norge. Bergen. 2004. C. 37.

дался на уговоры и принял участие в языческих торжествах. Возможно, по мягкости своего характера и нежеланию огорчить свое окружение, возможно, по боязни.

В 960 году Хокон Добрый пал в борьбе с датчанами и своими политическими соперниками. Погребение конунга совершили по языческим обычаям.

5. Олав Трюггвасон

Гораздо более успешной была миссионерская деятельность конунга Олава Трюггвасона. Олав Трюггвасон – одна из самых ярких фигур в истории Норвегии. Его жизнь подробно освещена в повествованиях саг и в других источниках скандинавской истории [1]. О нем написано много литературы, как художественного, так и научно-исторического характера [2]. Его правление подготовило почву для переломного момента в истории Норвегии: перехода от язычества к христианству и окончательному объединению страны.

После гибели Хокона Доброго в 960 году к власти в стране пришли сыновья его сводного брата Эрика Кровавая Секира: Харальд Серая Шкура и его братья. Они, по-видимому, были христианами. О. Страум пишет: «Они тоже были крещены в Англии, но фактически не прилагали усилий для проповеди новой веры. На самом деле они разграбили старые святилища, или же позволяли разрушать их, но не проводили никакой активной миссионерской деятельности, или же, по выражению Одда монаха: “Они позволили каждому быть тем, кем он хочет”» [3].

После сыновей Эрика в Норвегии недолгое время правил датский конунг Харальд Гормссон, при котором Дания официально приняла христианство. В течение многих лет его страну на южных границах осаждал германский император. Чтобы предупредить неожиданное нападение

---

[1] См. разбор и синхронизация исторических повествований об Олаве Трюггвасоне: Bagge S. The Making of a misionary king // Journal of English and Germanic Philology. Vol. 105. N. 4. Oct. 2006. C. 473–513.

[2] См. подробно о библиографии вопроса: Bagge S. Helgen, helt og statsbygger – Olav Tryggvason i norsk historieskrivning gjennom 700 år // Kongsmenn og krossmenn. Red. S. Supphellen. Trondheim. 1992. C. 21–38. Также: Andersen P. S. Samlingen av Norge og kristningen av landet 800–1130. Oslo. 1995. C. 102–106.

[3] Straum O. Norrøn tro og kristningen av Norge. Bergen. 2004. C. 37.

с севера, Харальд подчинил себе большую часть Норвегии и принудил к принятию христианства Хокона Сигурдссона Ярла. Потом он поставил Хокона Ярла помощником конунга, чтобы он правил Норвегией, и послал миссионеров в Вик. Между тем Хокон Ярл постепенно стал фактически независим от датского конунга и начал сильную антихристианскую деятельность, которая продолжалась в течение 20 лет [1]. П. Андерсен пишет: «Согласно традиции саг Хокон предстает перед нами как ярый язычник. Такая характеристика во многом основывается на его привязанности к тем областям страны, где старая вера имела очень сильные корни – в северных горных районах Норвегии, особенно в Трёнделаге» [2].

Сам же Харальд Гормссон к тому времени уже ввел христианство в Дании. По сказанию Снорри, содержащемуся в Саге об Олаве Трюггвасоне, он желал крестить и Норвегию: «Когда Харальд сын Горма, конунг датчан, принял крещение, он разослал по всей своей державе повеление: все люди должны креститься и обратиться в правую веру. В поддержку этого повеления он применял силу и наказание там, где без этого повеление не выполнялось. Он послал двух ярлов с большим войском в Норвегию. Они должны были возвещать христианство в Норвегии. Оно распространялось в Вике, где тогда правил Харальд конунг, и там много народа тогда крестилось. Но после смерти Харальда его сын Свейн Вилобородый сразу начал воевать, сначала в стране Саксов и в Стране Фризов, а потом и в Англии. И те люди в Норвегии, которые уже приняли крещение, снова стали совершать жертвоприношения, как раньше и как делали люди на севере страны» [3].

После смерти Хокона Ярла к власти в Норвегии пришел конунг Олав Трюггвасон. Он родился в 968 году. Согласно повествованию саг, Олав был сыном Трюгве Олавссона, внука Харальда Прекрасноволосого. В раннем возрасте Олав лишился отца, который был убит, и был вынужден бежать со своей матерью Астрид, но по дороге на них напали пираты и разлучили их. Олав был продан в рабство. Через несколько лет его дядя Сигурд, который служил при дворе равноапо-

---

1 Straum O. Norrøn tro og kristningen av Norge. Bergen. 2004. C. 37–38.

2 Andersen P. S. Samlingen av Norge og kristningen av landet 800–1130. Oslo. 1995. C. 101.

3 Стурлусон Снорри. Круг Земной. М. 1980. С. 133.

стольного князя Владимира, отправился для сбора налогов в Эстланд. Увидев здесь на одном из рынков Олава, он заинтересовался светловолосым мальчиком, который не был похож на других детей в той местности, и, спросив у него о его происхождении, признал в нем своего племянника. Тогда он с радостью выкупил его и привез в Россию. Это произошло около 977 года [1].

Именно здесь, на Руси, прошли его детские годы. В России он прожил около 10 лет. Это было время незадолго до крещения Руси. Поэтому можно предполагать, что на Руси к тому времени уже были храмы, и Олав мог впервые познакомиться с христианством. Исландские саги повествуют даже о том, что Олав участвовал в крещении Руси, сам ездил в Грецию и привез епископа. В этом отношении Джаксон замечает: «Что касается Олава Трюггвасона, то его участие в крещении Руси представляется мне не более чем вымыслом автора саги, но вымыслом вполне оправданным в свете той роли крестителя северной части мира, которая ему приписывается традицией» [2].

Такая позиция разделяется не всеми исследователями. Интересно в этой связи привести слова Константинопольского патриарха Варфоломея, сказанные в юбилейный 1000 год начала крещения Норвегии: «… Более чем через 1000 лет мы вспоминаем и посещение молодым конунгом Олавом Трюггвасоном Константинополя в 986 году. Он представлял своего друга и покровителя Великого Князя Российского (Киевского) Владимира, и переговоры, в которые он был вовлечен, привели к великому событию – крещению русских людей в 988 году… Сегодня мы прославляем Олава Трюггвасона за крещение Норвегии и за его вклад в подготовку крещения Руси» [3]. Эти слова Вселенский патриарх произнес в 1995 году в Мостере (местечко в фюльке Хордаланд, Западная Норвегия), откуда Олав Трюггвасон начал крещение Норвегии. Основанием для этих слов патриарха послужило исследование Н. фон Баумгартена: «Святой Владимир и крещение Руси» [4],

---

[1] Более подробно см. Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси. Москва. 2000.

[2] Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси. Москва. 2000. С. 49.

[3] Bergan H. Olav Tryggvason. Fra vikinghøvding i Russland til kristningskonge i Norge 995–1000. Porsgrunn. 2009. C. 58.

[4] De Baumgarten N. Saint Vladimir et Conversion de la Russie // Orientalia Christiana Vol. XXVII. Roma. 1932.

а также исследование того же автора под названием «Олав Трюггвасон, король Норвегии» [1].

Когда Олав подрос, он вернулся в Норвегию и первые годы своей взрослой жизни путешествовал как викинг в районе Балтийского моря, вдоль берегов Голландии, Ирландии и Англии. В Англии он вновь соприкоснулся с христианством и принял крещение на островах Сюллингах около 993 года. Священник А. Филлипс пишет: «Через год или два, а именно в 994 или 995 году он был миропомазан в Андовере, в южной Англии, будущим святым Альфеге (Ælfheah)» [2].

После этого, в 995 году, Олав вернулся в Норвегию. Он высадился на западном побережье, в Мостере, и именно там впоследствии он построил первую в Норвегии церковь [3] (не разрушенную язычниками, как это случилось с храмами, построенными Хоконом Добрым. – иером. Гр.). Жителями Трёнделага на Ератинге (Eyratinget) Олав был провозглашен конунгом, «поклявшись хранить законы» [4]. Его правление было недолгим: всего 5 лет. Но в эти пять лет он успел очень многое и запомнился как один из лучших правителей Норвегии. Как и Хокон Добрый, Олав Трюггвасон трудился над собиранием земель Норвегии в единое целое. Христианизацию и собирание страны Олав Трюггвасон осуществлял одновременно. Когда Олав Трюггвасон вернулся домой, чтобы заявить о своих правах на власть конунга, он взял с собой английских священников, чтобы они проповедовали христианство среди его дружинников [5].

Свою проповедническую и объединительную деятельность Олав Трюггвасон начал в Вике, где люди легко принимали новую веру, так как этот район долгое время испытывал духовное воздействие «христианского» континента. Затем Олав продолжил свою апостольскую деятельность вдоль берегов Сёрланна, Южной Норвегии и Вестланна.

---

1 De Baumgarten N. Olaf Tryggwison Roi de Norvege // Orientalia Christiana Vol. XXVI. Roma. 1931.

2 Филлипс А. свящ. Православная Исландия. Электронная версия: http://www.pravoslavie.ru/put/1939.htm Bugge A. Norges Historie. Vol. I–II. Kristiania. 1910. C. 328.

3 Larsen K. A. History of Norway. New York. 1948. C. 95.

4 Andersen P. S. Samlingen av Norge og kristningen av landet 800–1130. Oslo. 1995. C. 102.

5 Есть мнение, что скандинавские правители обращались в Англию за духовенством из-за боязни немецкого владычества. См. напр.: Barlow F. The English Church 1000–1066. London and New York. 1979. C. 233.

В 996 году он собрал тинг в Мостере. Результатом тинга стало то, что Южный Вестланн принял христианство. Таким образом, большая часть побережья Южной Норвегии приняла крещение. Потом Олав направил свои усилия в сторону Трёнделага и Хологаланна. Здесь древние верования были укоренены глубже, так что требовалось постоянное присутствие самого конунга, чтобы народ не возвращался вновь к своим языческим традициям и обрядам. В полной мере осознавая стратегическую важность региона Трёнделаг, Олав основал там первую столицу Норвегии – Нидарос, будущий Тронхейм. [1]

Снорри описывает Хокона Доброго, Олава Трюггвасона и Олава Харальдссона как героев. Проникнув глубже литературных украшений, можно легко увидеть, что между ними много схожего. Прежде всего, они были национальными объединителями, развивая государственное устройство таким образом, чтобы оно способствовало укреплению государства как единого целого. Все трое были христианами, все трое, каждый по-своему, вводили в страну христианство, и для всех троих «Белый» Христос казался не только Спасителем, но и Богом, который мог укрепить власть конунга в Норвегии. Все трое в течение долгого времени жили в чужих странах, прежде чем стать конунгами, и Европа оказала на них сильное духовное влияние [2].

Саги донесли до нас повествования о том, как проповедовал Олав Трюггвасон. По всей видимости, он проповедовал лично, обращаясь со словом к народу. Этот момент, отмеченный С. Ундсет, на наш взгляд, очень интересен: «Конунг сам беспрерывно обращался к людям, которых хотел обратить в христианство. Он сам разъяснял им, о чем учит христианство, угрожал строптивым, осыпал подарками обратившихся с княжеской щедростью, обещал своим крестникам свою вечную дружбу и прощать все, кроме отпадения от веры» [3].

Олав Трюггвасон построил ряд церквей, среди которых храмы на Мостере, на Сейле и церковь святого Климента в Тронхейме. Именно на Тронхейм, центр области Трёнделаг, Олав направлял главные усилия, потому что западная область Норвегии в наибольшей степени противилась принятию христианства и чаще других областей от него отпадала.

---

1 Стурлусон Снорри. Круг Земной. М. 1980. 10. С. 634.

2 Alnæs K. Historien om Norge. Oslo. 1999. С. 194–196.

3 Undset S. Helgener. Ashehoug. Oslo. 1992. С. 42.

Видимо, с этим в большой мере и связана твердая миссионерская позиция Олава Трюггвасона. Некоторые современные ученые описывают в нелестных терминах «стратегию миссии»: «Методы миссионерской деятельности Олава Трюггвасона были жесткие и суровые. Он разрушал языческие капища, запретил жертвоприношения и последовательно обращал силой в христианство. Те, кто отказывались принять крещение, подвергались суровым наказаниям. Например, можно назвать изгнание из страны, лишение собственности, увечья и другие пытки» [1]. Этот момент применения силы во время миссионерской деятельности мы будем подробно рассматривать ниже в связи с деятельностью святого Олава Харальдссона.

Труды Олава Трюггвасона можно рассматривать как апостольские. Помимо трудов по просвещению Норвегии он приложил много усилий для обращения в христианство и других земель. Именно его заслугой стало всенародное принятие христианства в Исландии в 1000 году – итог и венец всей деятельности конунга Олава Трюггвасона.

Его труды по христианизации Норвегии и объединению страны вызвали недовольство внутри и за пределами Норвегии. У него нашлись влиятельные враги: Эйрик, сын Хокона Ярла хотел вернуть себе удел своего отца – Трёнделаг; датский король Свейн Вилобородый, в свою очередь, хотел вернуть под датское господство Вик. Они объединили свои усилия и выступили против Олава. В этой битве принимал участие и шведский конунг Олав Шётконунг. Олав Трюггвасон погиб в битве при Сволдере в 1000 году. Повествование об этом содержится у Снорри Стурлусона. Норвегия была поделена между иноземными, не норвежскими конунгами.

Однако исландские биографы Олава Трюггвасона – монахи Одд и Гюнлог (Gunlaug, Odur) – говорят, что конунг Олав чудесным образом спасся вплавь и его никогда больше не видели на Севере. После этого он отправился как паломник в Рим, затем продолжил свое путешествие. Добравшись до Сирии, он поселился в пустыне и окончил свои дни в благочестивом подвиге отшельника [2].

---

[1] Straum O. Norrøn tro og kristningen av Norge. Bergen. 2004. C. 38.

[2] Andrieu-Guitrancourt P. Histoire de l'Empire Normand et de sa civilization. Paris. 1978. C. 163. Turville-Petre G. The Heroic Age of Scandinavia. Westport. Connecticut. 1976. C. 137.

ОКЛАДНИКОВА
Елена Алексеевна

д. и. н., профессор, Российский государственный педагогический университет, г. Санкт-Петербург

СВЯЩЕННЫЕ РЕЛИКВИИ «ФАДДЕЕВСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ» РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ АРКТИКИ И АНТАРКТИКИ

В Музее Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге (далее – РГМАА) хранится так называемая фаддеевская коллекция, получившая в литературе название «Таймырская находка». В эту коллекцию вошли артефакты, случайно обнаруженные членами Восточно-Таймырской гидрографической экспедиции в 1940 году, сначала на о-ве Фаддей Северный, а затем в 1941 году и на берегу залива Симса, море Лаптевых. Оба памятника, как полагали авторы коллективной монографии (1951), были оставлены русскими полярными мореходами, членами торгово-промышленной экспедиции XVII века [1]. В дальнейшем версия, что это была морская полярная торгово-промысловая экспедиция, подвергалась сомнению. Высказывалось мнение, что артефакты принадлежали группе служилых людей, уходивших от фискальной погони и возможно планировавших продать эти предметы местному населению [2].

За прошедшие более чем 80 лет с момента открытия памятников

---

[1] Исторический памятник русского арктического мореплавания. М.; Л.: Изд-во Главсеморпути. 1951. 245 с. (Далее – ИПРАМ).

[2] Чайковский Ю. В. Мысы Ледовитого напоминают. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2015. 400 с.

XVII века было написано много книг, в которых артефакты «фаддеевской коллекции» получили освещение. Они делятся на три группы: научные исторические, научно-просветительские и публицистические. Основная информация о крестах из «фаддеевской коллекции» содержится в коллективной монографии (1951) [1] и неопубликованной статье А. Г. Авдеева и В. Е. Коршуна (2021) [2].

История открытия памятников. Первооткрывателями стоянки мореходов на о. Фаддей Северный 14 сентября 1940 года стали члены топографического отряда «Восточно-Таймырской экспедиции ГУСМП» в составе топографа Н. И. Линника, гидрографа А. С. Касьяненко, матроса П. Я. Кирина и моториста Е. В. Истомина [3]. За два дня до этого события они высадились г/с «Норд» на западном берегу о. Фаддей Северный и разбили лагерь. В тот день члены отряда направились в рабочий маршрут от своей палатки, поставленной на западном берегу острова, на северо-восток. На расстоянии 2 км от начала маршрута матрос П. Я. Кирин заметил блестевшие на солнце на *«узком пространстве между разрушенными каменными глыбами и тундрой торчащие из земли медные котлы»* [4]. Сначала члены отряда хотели двинуться дальше, решив, что котлы оставили члены экспедиции Амундсена в 1919 году, но передумали и обследовали находку П. Я. Кирина.

17 сентября 1940 года отряд вернулся на судно. 25 сентября Н. И. Линник и А. С. Касьяненко написали рапорт о находке заместителю начальника Восточно-Таймырской экспедиции т. Л. И. Сеньковскому. В рапорте они перечислили находки и приложили к нему ориентировочную схему расположения найденного [5].

30 июня 1941 года в залив Симса, где стояла избушка, пришли два топографических отряда: первый – под руководством Н. И. Линника и второй – под руководством А. С. Касьяненко. В отряд Н. И. Лин-

---

1 ИПРАМ. 245 с.

2 Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса. Рукопись, 2021.

3 Окладников А. П. Русские полярные мореходы у берегов Таймыра. М.: Изд. Главсеморпути, 1948. 157 с.

4 Окладников А. П. Русские полярные мореходы у берегов Таймыра. М.: Изд. Главсеморпути, 1948. С. 118.

5 Окладников А. П. Русские полярные мореходы у берегов Таймыра. М.: Изд. Главсеморпути, 1948. С. 118.

ника входили матросы И. Г. Малыгин, П. Я. Кирин и Е. В. Безбородов. В отряд А. С. Касьяненко – моторист Ф. В. Саблуков и еще три человека. Ф. В. Саблуков, отправившись на охоту на уток, опять-таки случайно, обнаружил остатки избушки. Около входа в нее лежали медные котлы, аналогичные тем, которые гидрографы нашли на о. Фаддей Северный.

С 30 июня по 1 июля 1941 года раскопки в избушке производили Н. И. Линник, И. Г. Малыгин, Е. О. Безбородов и П. Я. Кирдин. 2 июля был составлен акт о проведенных работах и опись находок. Некоторые вещи, как позднее писал первый музейный регистратор коллекции, этнограф, специалист по культуре Б. О. Долгих, в этот Акт не были внесены и были описаны в составе «фаддеевской коллекции» в музее Арктики им позднее [1]. Другие же артефакты, как, например, топоры, по слухам напоминавшие по форме русские алебарды XVII века, так никогда музея Арктики не достигли. 12 июля отряд Н. И. Линника покинул залив Симса и перешел на полуостров Ласиниуса.

В 1945 году руководство Арктического научно-исследовательского института (далее – АНИИ) и Института истории материальной культуры (далее – ИИМК АН СССР) поручило научному сотруднику ИИМК (Ленинград) археологу А. П. Окладникову осуществить профессиональные раскопки на открытых гидрографами памятниках. Отряд под руководством А. П. Окладникова не только обследовал памятники, оставленные полярными мореходами XVII века на о. Фаддей Северный и на берегу залива Симса, но и провел научное исследование найденных артефактов.

Не все артефакты, обнаруженные на открытых гидрографами памятниках, сохранились в музейном собрании РГМАА до наших дней. Часть предметов еще в довоенные годы «разошлась по рукам», часть, как, например, медные котлы и сковороды, была сдана в утиль в военные годы. В общей сложности, согласно списку предметов, переданных гидрографами в музей Арктики и Антарктики, опубликованному Б. О. Долгих в 1943 году, в коллекции числилось 4404 (4412) артефактов. Согласно Книге поступлений РГМАА, сегодня в Музее хранятся 3746 предметов, найденных в 1941/1945 гг. В состав «фаддеевской коллекции» вошли пять крупных групп предметов, выделенных по функциональной принадлежности:

---

[1] Окладников А. П. Русские полярные мореходы у берегов Таймыра. М.: Изд. Главсеморпути, 1948. С. 122.

1. Охотничьи принадлежности, оружие, утварь, средства передвижения: стрелы, фрагмент колчана, ножи, остатки ножен, части саней (нарт), кусочки обшивки лодки, пищаль, пули, пулелейка, кортик, кусочек свинца, утварь (металлические тарелки, железные иголки в деревянной коробочке, металлические ручки от предметов (сундучков?)), обломки деревянных сосудов, поплавки рыболовных сетей, плотницкие инструменты (топор, долото, рукоятка скобеля, сверло); замок, ключ от замка, нарты и др.;

2. Одежда: остатки обуви, сукно, из которого был сшит мужской кафтан и сумочка, частички полотна и шелковой ткани; каблуки и подковка от сапог, тканые пояса, фрагменты кожаного ремня, многочисленные кусочки меха (соболь, песец, олень) и др.;

3. «Денежная казна»: серебряные монеты разного времени: от правления Ивана III (ныне не сохранившиеся) до Михаила Федоровича Романова;

4. Письменные документы: «грамота» на тряпичной бумаге французского производства с текстом, выполненным московской приказной скорописью начала XVII века [1]; деревянные рукоятки именных ножей.

5. Ювелирные изделия и навигационные инструменты: бронзовое зеркало с изображением Китовраса, серебряные кольца с камнями, серебряные и железные кольца-печати и кольца с камнями, стеклянные бусы, гребешки, шахматы, медные пластины, бусины и пуговицы, солнечные часы-компасы, православные серебряные и бронзовые нательные кресты.

Описание священных реликвий. Все священные реликвии «фаддеевской коллекции» были найдены на обоих памятниках Северо-Восточного Таймыра в 1941 году топографами (Табл. 1).

Кресты «фаддеевской коллекции» входили в число священных артефактов наравне с двумя походными складнями. Два походных складня были найдены в избушке на берегу залива Симса. В силу того, что живопись на створках складня не сохранилась, определить время изготовления их можно только на основании музейных аналогий, а именно: по типу походных молитвенных складней XVI–XVII вв. [2]

---

[1] Петров В. А. Анализ материала документа // ИПРАМ. С. 145–147.

[2] Долгих Б. О. Опись предметов, найденных на о. Фаддея и в заливе Симса // Архив РГМАА (СПб). 1942. С. 23 (Рукопись).

Табл. 1. Информация о находках крестов. Башмурина Н. И. Описание историко-археологических находок на о. Фаддей и в заливе Симса// ИПРАМ. С. 224

Кресты	Время находки	Материал	Размеры	Место находки крестов
Наперсный крест	1941	перламутр	2.6х2.3 см	о. Фаддей Северный
Наперсный крест		серебряный	7х4.5 см, толщина 0.5–0.9 см	Залив Симса
Наперсный крест		медный	7х4.9 см	Залив Симса
3 тельника		серебро	3.2х1.8 см; 3.8х2.6 см	о. Фаддей Северный
6 тельников		медь	4.8х2.6 см 4.9х3.3 см	Залив Симса

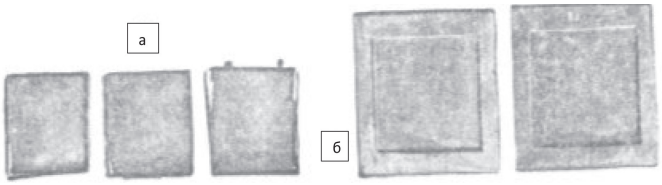


Рис. 1. Походные иконы (а). Походный складень (б). ИПРАМ. С. 245, Табл. XV, рис.15, 16

Информация о походных складнях имеется в описи предметов, которую сделал в 1943 году Б. О. Долгих и в «Описании историко-археологических находок на острове Фаддея и на берегу залива Симса», составленном Н. И. Башмуриной [1]. Согласно ее описанию, один из складней (9х8 см) был сделан из кедра. Он состоял из двух створок с углублениями. Второй (5.7х4.9 см) меньше первого, состоял из трех разрозненных створок с медными рамками, на которых припаяны ушки (для шнура) и крючок с застежкой. Этот складень изготовлен из сосны или липы. В собрании РГМАА эти артефакты сегодня не числятся, но их фотографии и описания есть в коллективной монографии (1951) (Рис. 1).

Описание нательных крестов из «фаддеевской коллекции» было сделано Н. И. Башмуриной. Она указала, что гидрографы обнаружили: «*Три креста наперсные – один серебряный с позолотой, внутри полый, тонкой филигранной работы, на кресте 4 гнезда для камней (камни не сохранились), оборотная сторона гладкая; второй крест медный, литой, четырехконечный, с выпуклым изображением; третий*

[1] Башмурина Н. И. Описание историко-археологических находок на о. Фаддей и в заливе Симса // ИПРАМ. С. 215–225.

Рис. 2. Энколпион. Дата не ранее XVI в. РГМАА, № 3819/26

перламутровый (фрагмент). Девять крестов, так называемые тельники, из них три серебряных (один семиконечный и два четырехконечных) и шесть медных, четырехконечных. Большинство крестов имеют рисунок и текст, который на некоторых размещен на лицевой и оборотной сторонах, а на некоторых только на оборотной» [1]. Все кресты были найдены в 1941 году. Два наперсных креста, включая серебряный энколпион, были обнаружены в избушке в заливе Симса. Перламутровый крест нашли на о. Фаддей Северный.

Сегодня в коллекции РГМАА сохранилось 7 из 12-ти крестов, описанных Н. И. Башмуриой, включая перламутровый. Среди них энколпион (РГМАА, № 3819/26), который датируется временем не ранее XVI века. Нижний конец креста имеет килевидное завершение (Рис. 2). Внутри крест полый. В верхней части он имел шарнир, от которого сохранилось только ушко. Лицевая сторона креста изящно орнаментирована и покрыта позолотой, по контуру обведена кантом из тонко свитой металлической прополки (скани). Лицевая поверхность энколпиона сплошь орнаментирована колечками скани. Среди мелких колечек фона помещены семь спиральных завитков из гладкой проволоки: два – в верхнем перекрестье, четыре – по углам распятия и один – в нижнем конце креста. В центре энколпиона напаяно литое распятие. По четырем сторонам распятия расположены высокие гнезда для камней (высота 0,3 см). Камни отсутствуют. Оборотная сторона энколпиона гладкая. Об этом энколпионе Н. Г. Порфиридов писал: *«Крест является несомненным произведением русских мастеров серебряного дела. Скань, как прием украшения металлических изделий, была распространена у нас уже в киевский период. Она стала особенно популярной в XV–XVII вв. в комбинации с литыми накладками, цветными камнями, финифтью, как на светских предметах украшения, так и на изделиях культа: крестах, панагиях, образках. В музейных собраниях можно найти немало экземпляров крестов, по формам, приемам*

[1] ИПРАМ. 1951. 224 с.

орнаментации и технике выполнения близко совпадающих» [1]. В описании в статье Г. А. Авдеева, В. Е. Коршуна указано, что в верхней перекладине находится табличка с контрапунктами «ИС ХС» (Иисус Христос). *«В верхней части мощевика имеются петли для крепления подвижного оглавия, которое некогда было утрачено. После утраты оглавия носился на продетом сквозь петли шнурке, об остатках которого сообщают исследователи. Наиболее близкие аналогии настоящему предмету личного благочестия являются реликварии из собрания ГИМ, изготовление которых датируется исследователями в пределах XVI–XVII вв.* [2] *Подобные мощевики могли носить лица с хорошим достатком, в том числе и представители духовенства. Верхнюю границу их бытования определить затруднительно, так как они считались семейными реликвиями и передавались по наследству»* [3]. Близкий аналог энколпиону «фаддеевской коллекции» – мощевик XVI века – находится в собрании Государственного исторического музея (далее – ГИМ) (Москва). Описание этого артефакта было сделано Д. В. Шполянской: *«Поступил в составе собрания П. И. Щукина. Крест-мощевик семиконечный, серебряный, позолоченный, с заостренным нижним концом, с оглавием на шарнире. На лицевой стороне накладное Распятие. Фон сплошь покрыт сканым орнаментом мелких кружков. По концам креста четыре жемчужинки в гнездах. В дутом оглавии зеленое стекло в гнезде. Боковые и оборотная стороны гладкие. Сохранность: шарнир поломан»* [4] (Рис. 2 а). Еще один аналог энколпиона с о. Фаддей Северный был изготовлен в Новгороде в XIV – начале XV в. Сейчас он хранится в ГИМ (Москва), поступил в Музей из собрания П. И. Щукина. «**Описание.** *Крест-мощевик серебряный, со следами позолоты, семиконечный, с оглавием. На лицевой стороне креста – литое прочека-*

---

[1] Порфиридов Н. Г. Предметы прикладного искусства // ИПРАМ. С. 156.

[2] Шполянская Д. В. Наперсные кресты-мощевики XIV–XVI вв. и кресты-мощевики с владельческими надписями в собрании Отдела драгоценных металлов Государственного исторического музея // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня. М., 2005. Кат. № 18, 25, 26.

[3] Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса // Архив автора. Рукопись 2021. СПб.

[4] Шполянская Д. В. Наперсные кресты-мощевики XIV–XVI вв. и кресты-мощевики с владельческими надписями в собрании Отдела драгоценных металлов Государственного Исторического музея. М.: Изд-во Московской Патриархии; Изд-во «Древлехранилище», 2005. Кат. № 17. С. 474–475.

а б в г

Рис. 2 а. Крест-мощевик. XVI в. Серебро, жемчуг, скань, золочение, литье. Изготовлен в Москве. ГИМ 4725 щ ОК 7268

Рис. 2 б. Крест-мощевик. Серебро, литье, чеканка, золочение, скань (7,3 х 2,8 см). Изготовлен в Новгороде. ГИМ Инв. ГИМ 4724 щ ОК 7730

Рис. 2 в. Крест-мощевик. Серебро, берилл, кварц, перламутр, не драг. металл; литье, золочение, скань, резьба (10,5х5 см), XV в. Инв. ГИМ 6980 щ ОК 6912

Рис. 2 г. Новгород. Крест-мощевик. XVI в. ГИМ 40280 ОК 7754 [1697] (icon-art. info). Каталог выставки Großmächtiges Nowgorod. Meisterwerke der Ikonenmalerei. Die Kirche auf dem Wolotowo-Feld. Frankfurt am Main, 2003. Kat. 78

ненное Распятие на фоне сканых кружков. Оборотная и боковые стороны гладкие. Оглавие дутое, с накладным прочеканенным изображением Спаса Нерукотворного. **Сохранность**. *Множественные повреждения металла: царапины, вмятины. Позолота почти утрачена. Крест сильно помят. Сильная деформация задней крышки. Утрачен фрагмент металла на оглавии*» [1]. Другой крест-мощевик, изготовленный в Новгороде в XV веке, хранится в ГИМ (Москва). Он также поступил из собрания П. И. Щукина: «**Описание**. *Крест-мощевик восьмиконечный с килевидным нижним концом, серебряный, золоченый. Лицевая половина с Распятием – литая с напаянным сканым орнаментом и четырьмя гнездами, в которых находятся два зеленых камня, один темный кусок перламутра (?), и одно белое стекло (?). Оглавие литое с изображением Нерукотворного Спаса и двумя боковыми отверстиями. На оборотной стороне резано поясное изображение архангела Михаила, над ним: МИХА(Л)О. На нижнем конце резана надпись: МОЛИТСЯ МОКСИМ ГРИГОРЬЕВ СЫН СТОЛЕШНИКОВЪ*. **Сохранность**. *Общая деформация, множественные царапины, вмятины, трещины, разрывы ме-*

[1] Каталог выставки Großmächtiges Nowgorod. Meisterwerke der Ikonenmalerei. Die Kirche auf dem Wolotowo-Feld. Frankfurt am Main, 2003. Kat. 76.

талла. В нижней части креста значительная горизонтальная трещина. Утраты металла: на левом конце креста, в местах креплений верхней крышки. Значительная трещина с расходящимися краями в месте крепления оглавия. Все гнезда сильно повреждены с частичной утратой металла. Камни с царапинами. Перламутр сильно поврежден, имеет трещины и круглое отверстие в центре. Позолота сильно повреждена до фрагментарной ее утраты» [1]. Близкими аналогами энколпиону «фаддеевской коллекции» являются кресты-мощевики XVI века, в основном изготовленные в Новгороде (Рис. 2 а-г).

Все они имеют одинаковую форму и единый характерный декор лицевой стороны сканым узором завитками. На основании этих аналогий можно сделать вывод о том, что и энколпион из «фаддевской коллекции» также был изготовлен новгородскими мастерами.

Второй медный наперсный крест, также найденный в избушке на берегу залива Симса, описан Н. Г. Порфиридовым как четырехконечный с расширяющимися закругленными концами (Рис. 3). *«Древняя форма складного выпуклого креста воспроизведена в плоском двустороннем литье. В середине лицевой стороны креста изображение распятия. По боковым концам находится по две поясных фигуры, отделенных от распятия прямыми линиями. Вверху и помещено изображение ветхозаветной троицы, внизу – Никиты, бьющего беса. На оборотной стороне в центре дано изображение знамения в ромбовидном обрамлении, по концам – поясные фигуры святых. Подобного рода воспроизведения древних складных энколпионов обычны для XV–XVII вв. и нередки в музейных собраниях. При устойчивости форм медного литья, часто воспроизводившего предшествующие образцы, какая-либо деталь не дает оснований для точной датировки данного экземпляра»* [2].

В описании артефакта в статье А. Г. Авдеева, В. Е. Коршуна есть некоторые детали, дополняющие описание Н. Г. Порфиридова: *«Центральную часть лицевой стороны занимает изображение Распятия. Тело Христа почти прямое, голова в нимбе немного склонена к правому плечу, руки прямые с непропорционально увеличенными ладонями.*

---

[1] Каталог выставки «Россия. Православие. Культура» М., 2001. № 564; каталог выставки «Großmächtiges Nowgorod. Meisterwerke der Ikonenmalerei. Die Kirche auf dem Wolotowo-Feld». Frankfurt am Main, 2003. Kat. 77.

[2] Порфиридов Н. Г. Предметы прикладного искусства // ИПРАМ. С. 156.

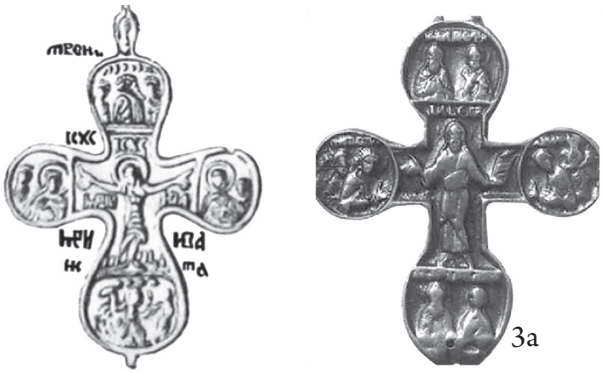


Рис. 3. Наперсный крест. Медь, 7х4,9 см с ушком

Рис. 3 а. Створка креста-энколпиона. XV–XVI вв. Медный сплав, литье (9х6,9х0,4 см). Гнутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М.: Интербук-бизнес, 2000. Кат. № 17. С. 27

Над головой креста помещены контрактуры IC XC (Иисус Христос). На оконечностях лопастей имеются изображения: на верхней – Ветхозаветной Троицы; на боковых – поясных фигур предстоящих (Богоматери и жены-мироносицы слева, Иоанна Богослова и сотника Лонгина справа) в трех четвертном повороте к центру; на нижней – великомученика Никиты, побивающего беса. Только над изображением Троицы нанесена поясняющая надпись – трца (Троица); остальные поясняющие надписи находятся под руками и у ног Христа – мрv, iwa, ни/ки (Матерь Божья, Иоанн, Никита). Изображения на оборотной стороне неразличимы из-за состояния предмета. Оглавие имеет форму ушка. Общепринятой датировкой крестов подобной формы является XVI в., но наблюдения последних лет показывают, что они изготавливались до середины XVII в.» [1].

Аналог этому наперсному кресту хранится в Центральном музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (Москва). Описание креста: *«В центре представлен пророк Илия с развернутой хартией (свитком) в руке. На концах – парные поясные изображения святых. Изображение пророка Илии на крестах-энколпионах встреча-*

[1] Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса //Архив автора. Рукопись 2021. СПб.

Рис. 4. Перламутровый крестик. XII в. (?) РГМАА № 3867

Рис. 5. Перламутровый крест. Псковский музей

ется уже в конце XIV в. Подобная створка креста была найдена на Куликовом поле» [1].

Рисунок креста представлен на табл. XIV, рис. 21 в «Описании…» Н. И. Башмуриной [2]. Место хранения креста не известно, в коллекции РГМАА в настоящее время этот крест не представлен.

Относительно третьего наперсного креста Н. Г. Порфиридов указывал, что он наверное был когда-то вставлен в металлическую оправу, которая не сохранилась (Рис. 4). Перламутровый крестик из «фаддеевской коллекции» РГМАА датируется XII веком и относится к типу так называемых афонских крестов [3]. Аналогичные перламутровые кресты известны в коллекции Псковского музея (Рис. 5).

В «Описании историко-археологических находок на о. Фаддей Северный и на берегу залива Симса» Н. И. Башмуриной указывается, что перламутровый крестик был найден в 1941 году на о. Фаддей Северный. Перламутровый крестик из «фаддеевской коллекции» РГМАА (Рис. 4) датируется XII веком [4]. Аналогичные перламутровые кресты известны в коллекции Псковского музея (Рис. 166). Типичной формой такого креста является крест с выточенными перемычками на перекрестьях (Рис. 6), которые привозились средневековыми паломни-

---

1 Шкурко А. И. Вопросы музеефикации памятников Куликовской битвы // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: Материалы юбилейной научной конференции. М., 1983. С. 228.

2 Башмурина Н. И. // ИПРАМ. Табл. XIV. Рис. 21.

3 Интервью с Ю. В. Колпаковой. Архив автора. СПб. 2022.

4 Интервью с Ю. В. Колпаковой. Архив автора. СПб. 2022.

Рис. 6. Перламутровый крест. Псковский музей

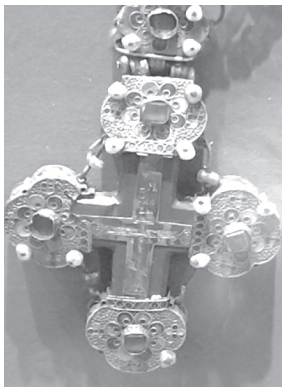


Рис. 7. Крест в оправе. Псковский музей

ками с Афона. Перламутровые кресты как и крест из полудрагоценных камней оправлялись в серебро и золото, украшались вставками из драгоценных камней (Рис. 7).

Гидрографы обнаружили в 1940 году на о. Фаддей Северный семиконечный серебряный крест с ушком. Этот серебряный крест, датированный Ю. В. Колпаковой XVI–XVII вв., ныне хранится в собрании РГМАА (№ 0-3823-30) (Рис. 8). Описание этого креста сохранилось в статье Н. Г. Порфиридова: «*Изображение на нем имеется только на лицевой стороне, которая обведена рамкой, отделяющей также концы перекрестий; поэтому изображение и надписи находятся как бы в углублении. В центре представлен узкий семиконечный крест на Голгофе. На его перекрестье нанесен венок, выполненный выпуклым пунктиром, по сторонам изображенные таким же приемом трость и копье. На концах креста – обычные надписи: ЦРЬ ІС НИКА*[1]*. Ушко широкое, с изображением на нем четырехконечного крестика. Тельники подобного типа датируются XVI–XVII вв.*» [2].

Есть более детальное описание этого артефакта: «… *На оконечностях креста имеются прямоугольные клейма с надписями: в верхнем и в боковых – контрактуры цр҃ь / іс҃ / хс҃ (Царь Иисус Христос); в нижнем – акроним н҃к҃а (На кресте искупи Кровию Адама). Все изображения и надписи рельефные. Оборотная сторона гладкая. Оглавие имеет*

[1] Покровский Н. В. Ц.-А. Музей СПб. Дух акад. СПб. 1909, табл. IV. С. 66.

[2] Порфиридов Н. Г. Предметы прикладного искусства//ИПАМ. С. 153–160.

Рис. 8 . Крест, серебро, XVI–XVII вв. Фонды РГМАА, № 0-3823-30

Рис. 9 . Крест, серебро, XVI–XVII вв. [Авдеев, Коршун: таблица]

вид куба со скошенными углами, на лицевой стороне которого помещено обронное изображение равностороннего креста в круге. Типологически такой формы кресты обычно датируют XV–XVI вв. [1]*, но наблюдения последних лет показывают, что подобные описываемому экземпляру изделия находят с монетами от периода царствования Ивана Грозного до времен Смуты. На основании изложенного, крест можно отнести ко второй половине XVI – началу XVII в.»* [2].

Изображения этого креста нет в таблицах «Описания…» Н. И. Башмуриной, но есть его рисунок в таблице к статье А. Г. Авдеева, В. Е. Коршуна. Нет этого артефакта и среди вещей «фаддеевской коллекции» РГМАА.

В статье А. Г. Авдеева, В. Е. Коршуна описан крест, который отсутствует в собрании РГМАА, и нет его упоминания в статье Н. Г. Порфиридова и «*Описании…*» Н. И. Башмуриой. Авторы статьи пишут об этом кресте следующее: «*Медный сплав, литье, вторая половина XVI – начало XVII в., 38×26 мм. Место находки. Остров Фаддея. Место хранения. Неизвестно. Описание и датировка. Крест с прямыми завершениями верхних лопастей и с остроконечным завершением нижней лопасти*

[1] Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX вв. из частных собраний. М, 2003. Кат. № 4–13.

[2] Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса // Архив автора. Рукопись 2021. СПб.

Рис. 10. Крест, медь, о-в Фаддей Северный. Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса // Архив автора. Рукопись 2021. СПб.

(табл. 1, 4). На оконечностях вертикальных лопастей имеются расширения. Из-за коррозии просматривается лишь изображение Голгофского креста на лицевой стороне с венком в средокрестии. Оборотная сторона гладкая. Оглавие имеет вид куба со скошенными углами. Изделие может быть датировано тем же временем, что крест № 3» [1] (Рис. 10).

Кроме описанных выше крестов, на о. Фаддей Северный был обнаружен прямой четырехконечный медный крест с ушком (4.9х3.3 см) с кругом и лучами у средокрестья (Рис. 11). В настоящее время этот артефакт в собрании РГМАА не числится. На лицевой стороне креста располагается рисунок, а на оборотой стороне – текст. Описание креста сделано Н. Г. Порфиридовым: *«В центре лицевой стороны изображен четырехконечный крест из зубчатых перекладин. По концам в рамках обычные надписи: ЦРЬ ІС ХС; нижняя надпись стерта и плохо читается, возможно НИКА или МЛРБ – «место лобное рай бысть», на средней перекладине, кроме того, КО ТР – «копие» и «трость». Надпись оборотной стороны содержит текст псалма, часто помещаемого на крестах. Подобные кресты также не представляют редкости и датируются XVII в. Общая простота формы и несложность лучистой орнаментации перекрестья говорят скорее за начало века»* [Порфиридов, 157] [2].

Более подробное описание этого артефакта, ныне в коллекции РГМАА не числящегося, чем это сделал Н. Г. Порфиридов, опубликовали

[1] Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса // Архив автора. Рукопись 2021. СПб.

[2] Порфиридов Н. Г. Предметы прикладного искусства // ИПАМ. С. 157.

А. Г. Авдеев и В. Е. Коршун: «*Крест с прямоугольными оконечностями, венцом вокруг средокрестия и радиально расходящимися лучами, имеющими вид стерженьков и символизирующими сияние (табл. 1, 7). Один из лучей утрачен. Центральную часть лицевой стороны занимает изображение семиконечного Голгофского креста с сиянием в средокрестии, напоминающим четыре S-образных языка пламени, копием, тростью и главой Адама в пещере. Поле Голгофского креста покрыто штриховкой "в линейку". Слева от его центральной перекладины имеется надпись ко / піе (Копие), а слева – тро / ст (Трость). Оконечности верхних трех лопастей украшены фигурными клеймами с надписями: под оглавием – црь; на боковых – іс҃ / хс҃ (Царь Иисус Христос). Прямоугольное клеймо на нижней лопасти содержит акроним млрб (Место Лобное Рай Бысть). Поле оборотной стороны заполнено текстом, представляющим собой начало молитвы кресту (или 67-го псалма Давида) в дораскольном варианте: даво | съкр | есне | тьбг | ъи разыд | тъс | врази его и | да бежатъ wтъ лица его вси | нена | вид | ще | ихе | го | к | още | зает | ъымъ (да воскреснет Б(о)г, и разыдутся врази его, и да бежат от лица его вси ненавидящих его, яко исчезает (д)ым). Все изображения и надписи углубленные. Оглавие имеет вид вытянутого по вертикали параллелепипеда со скошенными углами.*

К эпиграфическим и палеографическим особенностям следует отнести редко применяемое в молитве кресту слово «вси» [1], начертание слова «ненавидящих» вместо «ненавидящеи», начертание сочетания букв СЧ через Щ, что является характерным русским изводом до конца XVIII в. (например, этот извод присутствует в Псалтири письма Максима Грека) [2]. Конструктивные и иконографические особенности (наличие наружного «сияния», «сияния» и штриховки на Голгофском кресте) указывают на влияние барокко в оформлении этого предмета личного благочестия, которое начинает проявляться в Московском государстве со второй половины XVII в., вследствие чего подобные кресты датиру-

---

[1] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. III. Отд. 1. Казань, 1898. С. 114; Порфирьев И. Я. Апокрифические молитвы по рукописям Соловецкой библиотеки // Труды IV Археологического Съезда, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. 2. Отд. VI. Казань, 1891. С. 14; РГБ ОР. Ф. 304.I (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 55. Л. 62.

[2] Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография: учеб. пособие. М., 1982. С. 15; РГБ ОР. Ф. 173.I (Фундаментальное собрание библиотеки МДА). № 62. Л. 68 об.

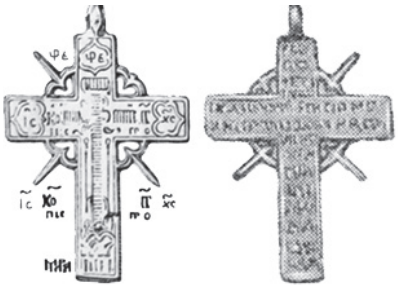


Рис. 11. Крест. Медь, 7х4.9 см с ушком. [ИПРАМ: табл. XIV, рис. 26]. Башмурина Н.И. // ИПРАМ. Табл. XIV. Рис. 26

Рис. 12. Крест. 7х4.9 см с ушком. (по: Косой А. И. С. 129. Рис. 27). Косой А. И. На восточном побережье Таймырского полуострова: Опыт Восточно-Таймырской экспедиции Гидрогр. упр. Гавсеморпути. М.: Изд-во ГУСМП. 1944. С. 129. Рис. 27

ются исследователями не раньше указанного времени [1]*. Известен крест, аналогичный описываемому экземпляру не только по конструктивным и иконографическим, но и по палеографическим особенностям, что может предполагать их изготовление в одной мастерской* [2]*. Применение в начертании молитвы текста, близкого к рукописному полуставу, что не характерно для изделий XVIII в., позволило датировать аналогию второй половиной XVII – началом XVIII в. К этому же времени резонно отнести изготовление настоящего креста»* [3].

Рисунок этого креста есть в «Описании…» Башмуриной Н. И. [4] и в книге А. И. Косого [5] (Рис. 12).

В избушке на берегу залива Симса гидрографы нашли несколько крестов. Один из них – медный с ушком (4.9х3.3 см) (Рис. 13). *«На лицевой стороне его имеется рельефное изображение восьмиконечного креста*

---

[1] Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. Тысячелетие креста… Кат. № 5–20.

[2] Коршун В. Е. Молитвенные тексты на нательных крестах // ВЭ. Вып. X. М., 2019. С. 362. Табл. 10, 1.

[3] Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса //Архив автора. Рукопись 2021. СПб.

[4] Башмурина Н. И. // ИПРАМ. Табл. XIV, Рис. 26.

[5] Косой А. И. На восточном побережье Таймырского полуострова: Опыт Восточно-Таймырской экспедиции Гидрогр. упр. Гавсеморпути. М.: Изд-во ГУСМП. 1944. С. 129. Рис. 27.

Рис. 13. Наперсный крест. Медь, 7х4.9 см с ушком. Башмурина Н. И.//ИПРАМ. Табл. XIV. Рис. 29

Рис. 14 . Крест. XVII–XVIII вв. Фонды РГМАА № 3822

с расширяющимися концами; на перекрестье изображенного креста дата, по сторонам копье и трость. Под концами креста круглые рельефные розеточки. Оборотная сторона патинирована, вследствие чего надписи и орнаментация не разбираются» [Порфиридов: 157] [1]. В статье А. Г. Авдеева, В. Е. Коршуна есть дополнения к описанию этого креста, сделанному Порфиридовым: *«Оконечность нижней лопасти пострадала от коррозии, что делает идентификацию изображения на ней невозможной. На оконечностях лопастей помещены восьмилепестковые розетки с оборотными надписями в круге: на верхней – црь; на боковых – іс / хс (Царь Иисус Христос). Все изображения и надписи рельефные. Оборотная сторона гладкая. Оглавие имеет вид вытянутого по вертикали параллелепипеда со скошенными углами. Расширяющиеся лопасти Голгофского креста, цата, восьмилепестковые розетки являются иконографическими признаками, позволяющими датировать изделие концом XVII – XVIII в.»* [2]. В настоящее время этот крест в собрании РГМАА не найден, но его рисунок представлен в «Описании..» Н. И. Башмуриной [3]. При этом Н. Г. Порфиридов указывал, что по типу этот крест является одним из четырех прямых крестов с ушками (3.8х2.9 см). На оборотой стороне трех из этих крестов читается надпись: «крест

---

1 Порфиридов Н. Г. Предметы прикладного искусства // ИПАМ. С. 157.

2 Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса // Архив автора. Рукопись 2021. СПб.

3 Башмурина Н. И. // ИПРАМ. Табл. XIV. Рис. 29.

хранитель вселенной». Возможно, что и на этом медном кресте была именно такая надпись. В собрании РГМАА этот артефакт ныне не числится.

В избушке на берегу залива Симса были найдены еще два серебряных креста. Один крест прямой с ушком (3.2х1.8 см) обладает немного расширяющимся к низу концом (Рис. 14). На лицевой стороне различимо изображение узкого семиконечного креста на Голгофе, под ним – череп Адама, по сторонам нарисованы копье и трость с изогнутыми верхушками. На концах креста надписи: ЦРЬ ИС ХС НИКА, расположенные под зигзагообразными титлами, *«на нижней – акроним НКА (На кресте искупи Кровию Адама). Все изображения и надписи рельефные… Как отмечал А. К. Станюкович при описании близких аналогий, "общепринятая датировка возникновения типа – вторая половина XVII–XVIII в.* [1]*, что подтверждается палеографической особенностью – контрактурами ис хс вместо іс хс, являющимися характерным датирующим признаком указанного времени". В качестве еще одной палеографической особенности следует отметить редкий начерк лигатуры букв Ц и Р в слове "царь", в которой общей частью является верхняя полумачта, а нижние части букв расходятся в разные стороны. Любопытно, что сходное начертание лигатуры имеется и описанного ниже креста № 9, в то время как ранее на нательных крестах оно зафиксировано не было»* [2]. Оборотная сторона креста гладкая. Этот крест сохранился в коллекции РГМАА № 3822 (Рис. 14). Также его изображение есть в таблице к статье А. Г. Авдеева, В. Е. Коршуна (Рис. 15), а рисунок опубликован в «Описании…» Н. Г. Башмуриной (Рис. 16).

Другой четырехконечный серебряный крест с ушком (3.2х1.8 см) имеет широкие боковые концы и килевидное расширение в нижней части (Рис. 17). Середина креста заштрихована пересекающимися косыми линиями. Под ними располагается маленький косо расположенный крестик. Лицевая сторона креста украшена чернью. По углубленному контуру чернью нанесены в рамках надписи

---

[1] Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. Тысячелетие креста… Кат. № 5–6.

[2] Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса//Архив автора. Рукопись 2021. СПб.

Рис. 15. Крест. XVII–XVIII вв. Фонды РГМАА № 3822 (по: А. Г. Авдеев, В. Е. Коршун). Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса//Архив автора. Рукопись 2021. СПб. Табл. № 5

Рис. 16. Крест. XVII–XVIII вв. Фонды РГМАА № 3822 (по: Н. И. Башмурина. ИПРАМ). Башмурина Н. И.//ИПРАМ. Табл. XIV. Рис. 29

по концам креста: НИ ІС КА [1]. Как писали А. Г. Авдеев и В. Е. Коршун: *«… на оконечностях имеются прямоугольные клейма с углубленными надписями: в боковых – контрактуры іс҃ / хс҃ (Иисус Христос); в верхнем и нижнем – слово ни / ка (ника). Буквы и поле креста заполнены чернью, которая местами утрачена. Оборотная сторона гладкая. Оглавие имеет вид вытянутого по вертикали параллелепипеда со скошенными углами. Известно несколько десятков крестов, сходных с описываемым по орнаментации и технологии изготовления. Подавляющее большинство находок этих предметов личного благочестия происходит из Архангельской, Вологодской и Кировской областей, а также Пермского края. С одной стороны, форма изделия и формула надписей на лопастях являются достаточно ранними, XV–XVI вв., но заполнение поля Голгофского креста штриховкой и применение черни указывают на появление изделия не ранее второй половины XVII в. Сопутствующие находкам подобных крестов памятники нумизматики доходят порой до середины следующего столетия. На основании изложенного можно предположить, что осуждаемые предметы личного благочестия являются продукцией одной мастерской, выпускающие изделия "под старину" и работавшей примерно во второй половине XVII – первой половине XVIII в.»* [2]. Этот

[1] Порфиридов Н. Г. Предметы прикладного искусства//ИПАМ. С. 157.

[2] Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса//Архив автора. Рукопись 2021. СПб.

Рис. 17. Крест. XVII–XVIII в., серебро. РГМАА № 0-3820

Рис. 18. Крест, XVII–XVIII век, серебро (по: Н. И. Башмурина. ИПРАМ). Башмурина Н. И.// ИПРАМ. Табл. XIV. Рис. 24

крест сохранился в собрании РГМАА, а также его рисунок опубликован в «Описании...» Н. И. Башмуриной [1] (Рис. 18) и в таблице к статье Авдеева А. Г. и Коршуна В. Е. [2] (Рис. 19).

Описание двух четырехконечных прямых крестов с ушками и надписями из собрания РГМАА (№ 3821 и № 3828) отсутствуют в статье Н. Г. Порфиридова. Оба креста были обнаружены в избушке на берегу залива Симса. Описание креста РМАА № 3821 есть в статье А. Г. Авдеева, В. Е. Коршуна: *«Крест с прямоугольными оконечностями (табл. 1, 9). Центральную часть лицевой стороны занимает изображение семиконечного Голгофского креста с копием и тростью. На оконечностях лопастей имеются клейма с надписями: на верхней – цр҃ъ сл҃в; на боковых – іс҃ / хс҃ (Царь Славы Иисус Христос); на нижней – слово ника (ника). По обе стороны древа Голгофского креста над и под основной его перекладиной помещены начальные строки светильна кресту, в которых буква Ь в слове «хранитель» и Е в слове «вселенеи» начертаны буквой Б – крестъх / ранител / бвсеивс / еленбик (крест хранитель всеи вселенеи к[рест]), а над верхней перекладиной – акронимы р҃с҃п҃в҃н҃. Все изображения и надписи рельефные. Оборотная сторона гладкая. Оглавие имеет вид вытянутого по вертикали параллелепипеда со скошенными углами,*

[1] Башмурина Н. И. // ИПРАМ. Табл. XIV. Рис. 28.

[2] Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса //Архив автора. Рукопись 2021. СПб.

Рис. 19. Крест, XVII–XVIII век, серебро (по: А. Г. Авдеев, В. Е. Коршун).
Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса//Архив автора. Рукопись 2021. СПб.

Рис. 20 . Крест, медь, XVII–XVIII вв. Фонды РГМАА № 0-3821

на лицевой стороне которого помещено обронное изображение креста в овале. В настоящий момент толкование акронимов р҃с҃п҃в҃ и р҃с҃п҃в҃н҃ не выявлено [1]*. Возможно, они могут быть раскрыты как «Распятие Спасение Подает Всем Нам». Все известные экземпляры* [2]*, содержащие указанные акронимы, редки, близки по оформлению к описываемому предмету, и, по иконографическим и палеографическим признакам, датируются концом XVII–XVIII в. В качестве палеографической особенности следует отметить редкий начерк лигатуры ЦР в слове "царь", в которой общей частью является верхняя полумачта, а нижние части букв расходятся в разные стороны»* [3]. Судя по внешнему виду, оба креста сделаны из низкопробного серебра. Ю. Колпакова датировала их XVII–XVIII вв. (Рис. 20, 21). Эти же кресты представлены в таблице к статье А. Г. Авдеева и В. Е. Коршуна (Рис. 22, 23).

Все кресты были найдены на обоих памятниках Северо-Восточного Таймыра в 1941 году топографами (Табл. 1).

В статье историков А. Г. Авдеева и В. Е. Коршуна [4], посвященной ана-

---

[1] Мутафов Е. Християнска криптография. Функционална типология на криптограмите в православното изкуство. София: Институт за изследование на изкуство БАН, 2019. 214 с.

[2] Коршун В. Е. Молитвенные тесты на нательных крестах // Вопросы эпиграфики. Вып. X. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2019. Табл. 10, 4.

[3] Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса // Архив автора. Рукопись 2021. СПб.

[4] Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса // Архив автора. Рукопись 2021. СПб.

Рис. 21 . Крест, медь, XVII–XVIII вв. Фонды РГМАА № 0-3828

Рис. 22. Крест, медь, XVII–XVIII вв. Фонды РГМАА № 0-3821. (по: А. Г. Авдеев, В. Е. Коршун)

Рис. 23. Крест, медь, XVII-XVIII вв. Фонды РГМАА № 3828. (по: А.Г. Авдеев, В. Е. Коршун)

лизу нательных крестов «фаддеевской коллекции» РГМАА, имеется сводная таблица крестов-тельников, которые входят в состав «фаддеевской коллекции» (Рис. 24).

Со ссылкой на таблицу (Рис. 24) в своей статье А. Г. Авдеев и В. Е. Коршун сделали выводы относительно датировки артефактов: *«Комплексно рассматривая описанные предметы личного благочестия, найденные на о. Фаддея Северном и в заливе Симса, по времени их наибольшего бытования можно выделить три группы: кресты № 1–4 – вторая половина XVI – первая половина XVII в.; кресты № 5–7 – вторая половина XVII – первая половина XVIII в.; кресты № 8–10 – XVIII в. Сделанные выводы не вызывают удивления, так как открытые комплексы, каковыми являются археологические памятники на о. Фаддея Северном и в заливе Симса, не исключают возможности попадания в них разновременных предметов, что говорит о как минимум двукратном посещении указанных мест мореплавателями. При этом синхронными ножам с владельческими записями Гурия-Акакия Иванова Корзяева являются кресты № 1–4»* [1].

Датировка артефактов. Первая опись предметов «фаддеевской коллекции» РГМАА, поступивших в Красноярский музей, была сделана в 1941 году гидрографами, открывшими эти памятники. Она была приложена к их рапорту, направленному в Главное управление Северного морского пути.

---

[1] Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса // Архив автора. Рукопись 2021. СПб.

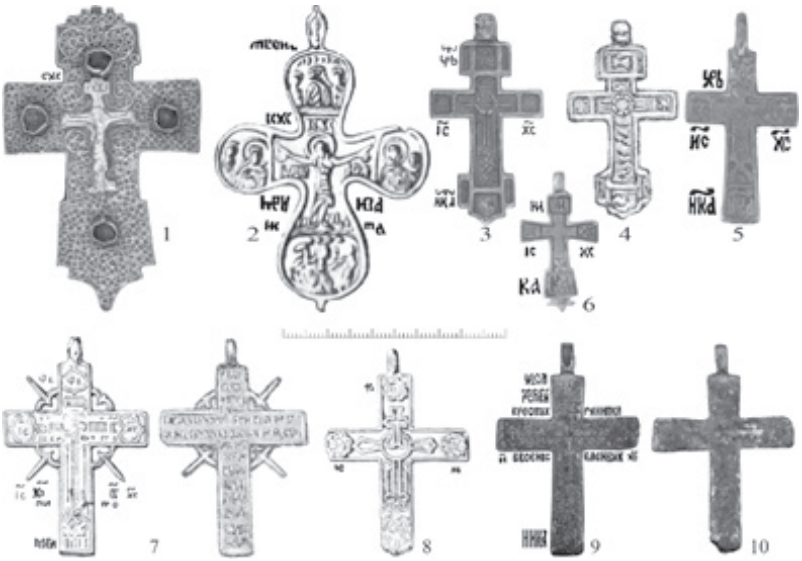


Рис. 24 . Кресты «фаддеевской коллекции».
Авдеев А. Г., Коршун В. Е. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса//Архив автора. Рукопись 2021. СПб.

Информация о находках гидрографов была опубликована в книге начальника «Восточно-Таймырской гидрографической экспедиции» А. И. Косого [1]. В главе, посвященной археологическим находкам, опубликованы кресты, обнаруженные гидрографами (Рис. 25).

Первый музейный регистратор артефактов «фаддеевской коллекции» Б. О. Долгих указал, что, согласно рапорту гидрографов 1940 года, в избушке на берегу залива Симса был найден серебряный четырехконечный медный крестик с расширяющимся закругленными концами и ушком, в котором сохранился обрывок шнурка [2]. В настоящее время этот артефакт в собрании РГМАА не числится, но похожее изображение представлено в таблице из рукописи А. Г. Авдеева, В. Е. Коршуна (Рис. 24, 2). Авторы рукописи полагали, что этот крестик, судя по сохранившемуся в петлице обрывку шнурка, принад-

[1] Косой А. И. На восточном побережье Таймырского полуострова: Опыт Восточно-Таймырской экспедиции Гидрогр. упр. Гавсеморпути. М.: Изд-во ГУСМП. 1944. 159 с.

[2] Долгих Б. О. Опись предметов, найденных на о. Фаддея и в заливе Симса, 1942. С. 28. Архив РАН. СПб. 1942. (Рукопись).

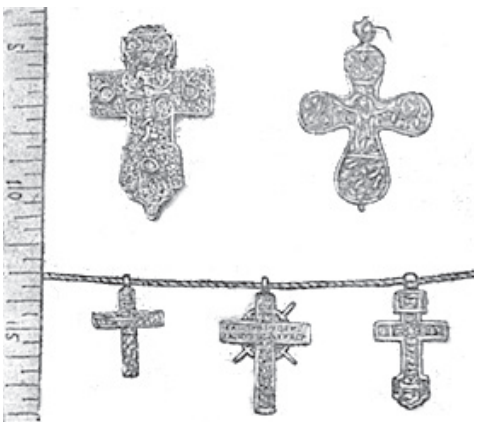


Рис. 25. Кресты с о. Фаддей Северный. Косой А. И. На восточном побережье Таймырского полуострова: Опыт Восточно-Таймырской экспедиции Гидрогр. упр. Гавсеморпути. М.: Изд-во ГУСМП. 1944. С. 129. Рис. 27

лежал торговому человеку или охотнику (промышленнику), который останавливался в избушке в заливе Симса в XVII в.

Помимо трудностей, связанных с условиями открытия памятника, его первыми непрофессиональными раскопками, особенностями доставки и учетом предметов в Красноярске, куда во время войны был из Ленинграда перевезен музей Арктики и Антарктики, сложности возникли с датировкой артефактов. Б. О. Долгих справедливо отнес все тельники к числу предметов русского ювелирного искусства. Описывая найденные на о. Фаддей Северный тельники, Б. О. Долгих указывал, что крестики, обозначенные в его описи №№ 41–43, «*… производят впечатление крестиков не бывших в употреблении, новых и предназначенных для товарообмена*» [1]. Б. О. Долгих также писал, что на о. Фаддей Северный и в избушке в заливе Симса были найдены два одинаковых крестика, эти крестики в его рукописи обозначены №№ 42 и 103. Наперсный крест № 67 с берега залива Симса Б. О. Долгих датировал XV веком [2]. Ныне этот крест в коллекции РГМАА отсутствует.

Среди крестов «фаддеевской коллекции» РГМАА историк Н. Г. Порфиридов выделил три особо дорогих и тщательно изготовленных нательных серебряных креста, а также кресты из меди, которые он отнес

---

[1] Долгих Б. О. Опись предметов, найденных на о. Фаддея и в заливе Симса. Архив РАН. СПб. 1942. С. 18. (Рукопись).

[2] Долгих Б. О. Опись предметов, найденных на о. Фаддея и в заливе Симса. Архив РАН. СПб. 1942. С. 23. (Рукопись).

к предметам личного пользования членов экспедиции. Остальные 9 крестов (6 медных, 3 из низкопробного серебра) предназначались для обмена. Семиконечный нательный крест с о. Фаддей Северный Н. Г. Порфиридов датировал XVI – началом XVII в., четырехконечный медный крест с о. Фаддей Северный – началом XVII века, два четырехконечных серебряных креста из залива Симса, о которых он написал, что они также являются предметами русской работы [1].

Часть крестов, а именно: нательный крест № 0-3820, РГМАА; голгофский крест, который был опубликован А. И. Косым [2] (Рис. 25); голгофский крест, опубликован Г. Н. Порфиридовым [3]; голгофский крест, № 0-3821, РГАММ; голгофский крест (№ 0-3828 РГМАА) датированы А. Г. Авдеевым и В. Е. Коршуном концом XVII – XVIII в.

Большинство крестов «фаддеевской коллекции» РГМАА, по мнению Ю.В. Колпаковой [4], а именно: 5 крестов датируются XVII–XVIII веками, один крестик датируется периодом XV–XVI вв., два крестика – XVI–XVII вв. и один (перламутровый) – XII в. Из 13 найденных крестов большая часть обнаружена в заливе Симса (8 крестиков), из них шесть – медные четырехконечные и три – серебряные семиконечные и четырехконечные. Самый старый перламутровый крестик был найден на о. Фаддей Северный.

Перламутровый крестик не упоминается ни А. И. Косым, который в археологическом разделе своей книги «Восточно-Таймырская экспедиция…» приводит изображения пяти крестиков [5], которые, как он писал, были найдены на о. Фаддей Северный, не описаны в статье А. Г. Авдеева и В. Е. Коршуна.

Получается, что датировка крестов «фаддеевской коллекции» РГМАА охватывает период с XII по XVIII века. Более точная датировка затруднена в силу длительного сохранения иконографических традиций. В эти временные рамки попадают датировки большинства артефактов

---

1 Порфиридов Н. Г. Предметы прикладного искусства // ИПРПАМ. С. 153–160.

2 Косой А. И. На восточном побережье Таймырского полуострова: Опыт Восточно-Таймырской экспедиции Гидрогр. упр. Гавсеморпути. М..: Изд-во ГУСМП. 1944. С. 129. Рис. 27.

3 Порфиридов Н. Г. Предметы прикладного искусства // ИПРАМ. С. 153–160.

4 Интервью с Ю. В. Колпаковой. Архив автора. СПб. 2021.

5 Косой А. И. На восточном побережье Таймырского полуострова: Опыт Восточно-Таймырской экспедиции Гидрогр. упр. Гавсеморпути. М.: Изд-во ГУСМП. 1944. С. 129.

«фаддеевской коллекции» РГМАА. Если принять версию о многоразовом посещении о. Фаддей Северный и берега залива Симса торговыми и промысловыми экспедициями в разное время, то и нательные кресты, как и другие артефакты «фаддеевской коллекции» РГМАА, могут быть соотнесены с разными историческими периодами. В этом случае перламутровый крестик может претендовать на статус самого древнего артефакта «фаддеевской коллекции» РГМАА. Серебряный энколпион, на основании аналогий с новгородскими крестами-мощевиками XVI века из собрания П. Г. Щукина, может быть не только датирован этим временем, но и происхождение его может определено как Новгород.

Такой разброс в датировке крестов (600 лет), с одной стороны, ставит под вопрос дату торгово-промысловой экспедиции XVII века. Ее дата, а именно: 1617 год была установлена авторами коллективной монографии (1951) на основании анализа «денежной казны». В то же время датировка большинства крестов (XVII–XVIII вв.), предложенная А. Г. Авдеевым и В. Е. Коршуном, поддерживает версию, высказанную историками Арктики В. А. Троицким [1] и Л. М. Свердловым [2] о том, что артефакты, составившие «фаддеевскую коллекцию» РГМАА, могли принадлежать членам не одной, а нескольких разновременных экспедиций. С другой стороны, разброс датировок крестов (от XII до XVIII века) усиливает версию Ю. В. Чайковского о том, что это была не промысловая, и даже не торговая экспедиция. Это был отряд служилых людей, которые уходили от фискальной погони, унося с собой возможно добытое разбойным путем имущество, собиравшееся разными людьми долгие десятилетия.

Нательные и наперсные кресты, составившие «Таймырскую находку», позволяют сделать следующие заключения.

Во-первых, группа предметов «фаддеевской коллекции», определенная как священные реликвии, не дает оснований для точной датировки памятников, оставленных русскими землепроходцами XVII века на о. Фаддей Северный и в заливе Симса, т. к. тип (форма, мотивы де-

---

[1] Троицкий В. А. Новые находки на острове Фаддея // Изв. РГО, Т. 105, вып. 1. 1973. С. 62–67.

[2] Свердлов Л. М. Знаменитый мореход или поручик Киже в Арктике? // Природа, № 4, 2002, С. 61–64.

кора, надписи) обнаруженных артефактов бытовал в русской религиозной культуре в диапазоне XII–XVIII вв.

Во-вторых, священные реликвии, которые входят в состав многочисленной группы ювелирных изделий, а также группы дорогой одежды, включающей кафтан служилого человека, письменные документы (надписи на ножах; «подорожная грамота») «фаддеевской коллекции» опровергают ранее выдвинутую историками версию о промысловом характере экспедиции XVII века, следы которой были обнаружены на северо-востоке Таймыра, а именно: на берегу залива Симса и на о. Фаддей Северный.

В-третьих, избушка в заливе Симса могла посещаться разными отрядами русских землепроходцев, в которые входили и служилые люди, и охотники, и торговцы. Однотипные вещи, которые составили «фаддевскую коллекцию», свидетельствуют том, что большая часть вещей могла предназначаться как для обмена с местными жителями, так и быть частью «воровской казны» одного из таких отрядов.

Литература

Авдеев А. Г., В. Е. Коршун. Нагрудные кресты, найденные на острове Фаддея и в заливе Симса. Рукопись, 2021.

Башмурина Н. И. Описание историко-археологических находок на о. Фаддей и в заливе Симса // Ист. памятник рус. аркт. мореплавания. М.; Л. Изд-во Главсеморпути, 1951. С. 215–228.

Гнутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М.: Интербук-бизнес, 2000. Кат. № 17, стр. 27.

Долгих Б. О. Опись предметов, найденных на о. Фаддея и в заливе Симса. 1942. Архив РАН. СПб. (Рукопись).

Интервью с Ю. В. Колпаковой. Архив автора. СПб. 2022.

Исторический памятник русского арктического мореплавания. М.;Л.: Изд-во Главсеморпути. 1951. 245 с.

Каталог выставки Großmächtiges Nowgorod. Meisterwerke der Ikonenmalerei. Die Kirche auf dem Wolotowo-Feld. Frankfurt am Main, 2003. Kat. 76.

Каталог выставки «Россия. Православие. Культура» М., 2001. № 564; каталог выставки «Großmächtiges Nowgorod. Meisterwerke der Ikonenmalerei. Die Kirche auf dem Wolotowo-Feld». Frankfurt am Main, 2003. Kat. 77.

Каталог выставки Großmächtiges Nowgorod. Meisterwerke der

Ikonenmalerei. Die Kirche auf dem Wolotowo-Feld. Frankfurt am Main, 2003. Kat. 78.

Коршун В. Е. Молитвенные тексты на нательных крестах Вопросы эпиграфики. Вып. X. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2019.

Косой А. И. На восточном побережье Таймырского полуострова: Опыт Восточно-Таймырской экспедиции Гидрогр. упр. Гавсеморпути. М.: Изд-во ГУСМП. 1944. 159 с.

Мутафов Е. Християнска криптография. Функционална типология на криптограмите в православното изкуство. София, 2019.

Окладников А. П. Русские полярные мореходы у берегов Таймыра. М.: Изд. Главсеморпути, 1948, 157 с.

Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. III. Отд. 1. Казань, 1898. С. 114.

Порфирьев И. Я. Апокрифические молитвы по рукописям Соловецкой библиотеки // Труды IV Археологического Съезда, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. 2. Отд. VI. Казань, 1891. С. 14; РГБ ОР. Ф. 304.I (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 55. Л. 62.

Петров В. А. Анализ материала документа // Ист. памятник рус. аркт. мореплавания. М.; Л. Изд-во Главсеморпути, 1951, 1951. С. 145–147.

Покровский Н. В. Ц.-А. Музей СПб. Дух акад. СПб. 1909, табл. IV. 66; Порфиридов Н. Г Предметы прикладного искусства // Ист. памятник рус. аркт. мореплавания. М.; Л. Изд-во Главсеморпути, 1951.С. 153–160.

Свердлов Л. М. Знаменитый мореход или поручик Киже в Арктике? // Природа, № 4, 2002. С. 61–64.

Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX вв. из частных собраний. М. 2003. Кат. № 4–20.

Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография: учеб. пособие. М., 1982. С. 15; РГБ ОР. Ф. 173.I (Фундаментальное собрание библиотеки МДА). № 62. Л. 68 об.

Троицкий В. А. Новые находки на острове Фаддея // Изв. РГО, Т. 105, вып. 1. 1973. С. 62–67.

Чайковский Ю. В. Мысы Ледовитого напоминают. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2015. 400 с.

Шкурко А. И. Вопросы музеефикации памятников Куликовской битвы // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: Материалы юбилейной научной конференции. М. 1983. С. 228.

Шполянская Д. В. Наперсные кресты-мощевики XIV–XVI вв. и кресты-мощевики с владельческими надписями в собрании Отдела драгоценных металлов Государственного Исторического музея // Ставрографический сборник. Книга третья: Крест как личная святыня: [Сб. статей]. М.: Изд-во Московской Патриархии; Изд-во «Древлехранилище», 2005. Кат. № 17.С. 474–475.

ДИАКОН НИКОЛАЙ
Серебряков

кандидат геол.-мин. наук ,
доцент кафедры библеистики
Богословского факультета ПСТГУ
г. Москва

«ЛЕСТНИЦА ТВОРЕНИЙ» В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ [1]

Появление теории эволюции Ч. Дарвина во второй половине XIX века было воспринято многими современниками английского ученого (и христианами, и противниками христианства) как явный вызов христианской вере (даже несмотря на упоминания Творца самим Дарвином в последнем абзаце текста «Происхождения видов» [2]). Ведь эта теория стремилась объяснить появление и разнообразие живых существ (вплоть до человека) естественными причинами без всякого участия Бога. Однако вскоре стали появляться многочисленные попытки согласования Библии и теории эволюции (в дарвиновском или других вариантах), и такой конкордизм до сих пор популярен среди христианских апологетов, в том числе в Православии (например, в Русской Церкви) [3].

Такое принятие многими христианами представления об эволюции

---

[1] Исследование проводилось в рамках проекта РФФИ 21-011-44141 (конкурс Теология) «Феномен жизни в естественных науках и теологии: история и современность».

[2] Дарвин Ч. Происхождение видов / Пер. К. А. Тимирязева с испр. и указ.; под общ. ред. Н. И. Вавилова. М.; Л.: Сельхозгиз, 1935. С. 591.

[3] Были такие попытки согласования еще и до выхода книги «Происхождения видов», когда библейский рассказ о творении мира сопоставлялся с эволюционной теорией Ламарка (см., Храмов А. В. Богословие и теория эволюции: конфликт, которого не было // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 1, Ч. 2. С. 314–316).

не совсем удивительно, т. к. в христианской традиции, при желании, можно найти идеи, которые кажутся близкими к эволюционным. Именно анализу этих идей и будет посвящен данный доклад.

В первую очередь, представителями так называемого «христианского (или теистического) эволюционизма» хоть XIX, хоть XXI века указанием на эволюцию считается сам текст Библии, а именно 1 глава книги Бытия – Шестоднев, где, казалось бы, непосредственно описывается развитие форм жизни в ходе шестидневного творения мира Богом. Ведь появление растений на третий день, затем водных животных и птиц на пятый день и, наконец, земных животных и человека на шестой день в общих чертах совпадает с тем, о чем говорит и естествознание о развитии жизни на Земле.

Конечно, те апологеты, которые являются специалистами в палеонтологии, при этом указывают, что есть и существенные нестыковки библейского рассказа с научными представлениями об истории жизни [1]. Так, согласно Шестодневу, растения созданы сразу все одновременно, причем до появления первых животных. Тогда как палеонтологическая летопись говорит нам о том, что эволюция растений шла параллельно с развитием животного мира. Другим важным несоответствием является тот факт, что согласно первой главе книги Бытия рыбы и птицы сотворены одновременно, тогда как палеонтология помещает их на принципиально разные ступени эволюции. Однако, несмотря на указанные нестыковки, даже эти апологеты-палеонтологи не отказываются от попыток конкордизма Библии и эволюционной теории.

Такое эволюционное понимание библейского текста обычно подкрепляется рядом святоотеческих толкований Шестоднева, в которых указывается на постепенное творение Богом живых существ от менее совершенных форм (растений) до более совершенных (человека). Именно такие высказывания святых отцов считаются важными образцами и для современных рассуждений об эволюции в Библии.

Самым известным высказыванием такого плана является комментирование порядка творений в Шестодневе свт. Григорием Нисским (IV в.) в его известном труде «Об устроении человека»: «природа

[1] Например, Гоманьков А. В. Книга Бытия и теория эволюции // Той повеле, и создашася. Современные ученые о сотворении мира. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 1999. С. 172–188.

естественным образом, как бы по степеням, – разумею отличительные свойства жизни, – делает восхождение от малого к совершенному» [1].

А непосредственно перед этой фразой святитель дает достаточно подробное для богословского текста описание такого восхождения: «законодатель говорит, что после неодушевленного вещества как бы в некое основание существ одушевленных прежде всего образована эта естественная жизнь, осуществившаяся в прозябении растений, потом вводит в бытие тварей, управляемых чувством. И, поскольку по этой последовательности из принявших жизнь телесную иные могут быть чувствующими себя и без разумного естества, а естество словесное не иначе может быть в теле, как в растворении с чувственным, то по этой причине последним после растений и животных устроен человек, так что природа каким-то путем последовательно восходила к совершенству. Ибо всякого вида души сраствореныв этом словесном животном – человеке» [2].

Конечно, все эти рассуждения свт. Григория призваны обосновать важную богословскую идею о том, что человек есть вершина Божьего творения, и что вся сотворенная природа как бы по ступеням восходит к нему в определенном разумном, установленном Богом порядке и тем самым находит в человеке свое исполнение и совершенство. Об этом же свт. Григорий пишет и в другом своем важном произведении «О душе и воскресении»: «Писание повествует, что Божество неким путем и последовательным порядком приступило к сотворению человека. Ибо, когда пришла в бытие Вселенная, человек, как говорит история, не вдруг является на земле, но ему предшествовало естество бессловесных (т. е. животных. – диак. Н. С.), а прежде их появились растения» [3].

И дальше добавляет, что «в повествовании (т. е. в Шестодневе – диак. Н. С.) заключительным представлено сотворение человека, как объявшего собою всякий вид жизни, усматриваемый и в растениях, и в бессловесных» [4].

---

1 Григорий Нисский, свт. Об устроении человека, 8//Он же. Творения. Ч. 1. М.: Тип. В. Готье, 1861. С. 101.

2 Там же. С. 99.

3 Григорий Нисский, свт. О душе и о воскресении, разговор с сестрой Макриною// Он же. Творения. Ч. 4. М.: Тип. В. Готье, 1862. С. 239.

4 Там же. С. 240.

Несмотря на общий богословский посыл всех этих рассуждений свт. Григория, они оказались вполне применимы уже в наше время при обсуждении соотношения Библии и науки, т. к. святитель указывает на постепенность совершенствования творения, что многими современными апологетами понимается в эволюционном духе.

Тем более, что сам свт. Григорий в этом толковании рассказа пророка Моисея использует именно естественнонаучные представления своего времени. В его рассуждениях о творении и о связи всех видов твари с человеком легко узнается классификация живых существ Аристотеля, которая уже в Новое время будет называться «лестницей существ», «лестницей природы» или, в более христианизированном виде, «лестницей творений». Эта «лестница» у Аристотеля также представляет собой последовательное и постепенное совершенствование существ, заканчивающееся человеком, хотя при этом Стагирит считает, что «если [сказать], что человек лучше [всех] прочих живых существ, то это ничего не меняет, ибо даже человека много божественнее по природе другие вещи, взять хотя бы наиболее зримое – [звезды], из которых состоит небо (kosmos)» [1]. Причем переход между существами Аристотель описывает как непрерывный: «природа переходит непрерывно от тел неодушевленных к животным, через посредство тех, которые живут, но не являются животными, таким образом, что одно совсем мало отличается от другого вследствие их близости друг к другу» [2].

Однако, как указывают исследователи наследия Аристотеля, «современное представление об эволюции – постепенном развитии органических форм во времени – было чуждо Аристотелю: формы все существуют одновременно и, согласно его учению о вечности мира, они должны быть вечными» [3]. И переход от низшего к высшему у него мыслился не в историческом, а скорее во вневременном и умопостигаемом смысле [4].

---

[1] Аристотель. Никомахова этика. 1141 b//Он же. Сочинения: в 4-х тт. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 179.

[2] Аристотель. О частях животных/пер. с греч. В. П. Карпова. М: Биомедгиз, 1937. С. 137 (кн. 4, п. 5, 681 a).

[3] Карпов В. П. Примечания, 137//Аристотель. О частях животных. С. 206.

[4] Старостин Б. Аристотелевская «История животных» как памятник естественно-научной и гуманитарной мысли//Аристотель. История животных. М: РГГУ, 1996. С. 33.

В этом плане христианизация воззрений Стагирита свт. Григорием путем помещения их в контекст библейского рассказа о творении (с явно выраженной, как бы сейчас сказали, «стрелой времени») в определенной мере делает «лестницу существ» более близкой к современным представлениям об эволюции, по крайней мере, если речь идет о концепциях направленной эволюции.

Кроме свт. Григория о подобной «лестнице творений» писал младший современник святителя – Немезий, епископ Эмесский (IV–V вв.) в своем знаменитом произведении «О природе человека», где он прямо ссылался на Аристотеля.

О совершенствовании твари Немезий говорит следующее: «сообщая одним [существам] больше чувств, другим – большую силу движения [подвижности], Творец постепенно дошел до совершеннейших из неразумных животных: совершенными же я называю имеющих все чувства и способных к далекому передвижению. Переходя, затем, от неразумных к разумному животному – человеку – [Творец] не сразу его создал, но прежде наделил остальных животных некоторой природной рассудительностью, ловкостью и хитростью – для их самосохранения, чтобы они были более близки к разумным [существам], и тогда уже сотворил человека – животное истинно разумное» [1].

Причем епископ Емесский подчеркивает общую связность творения: Творец «так сделал и во всех остальных видах творения, приспособляя их постепенно один к другому – по сродству и различию природы, чтобы не многим отличалось совершенно неодушевленное [бытие] от растений, имеющих питающую силу, а эти последние, в свою очередь, [не многим бы отличались] от неразумных, но чувствующих животных, чтобы, наконец, неразумные [твари] не были совершенно отчуждены от разумных [натур]» [2].

Учитывая общую известность в Церкви трудов свт. Григория Нисского и Немезия, еп. Емесского, можно проследить дальнейшую историю представлений о «лестнице творений».

Кратко сначала скажем о западно-христианской традиции. Очевидно, что и на Западе признавали иерархичность сотворенного Богом бытия.

---

[1] Немезий Эмесский. О природе человека/Пер. с греч. Ф. С. Владимирского. М.: Канон+, 2011. С. 8 (гл. 1).

[2] Там же. С. 7.

Так, еще блж. Августин (IV–V вв.) в труде «О граде Божием», рассматривая ряд творений, писал, что «все это ставится одно выше другого в силу порядка природы» [1].

Через несколько столетий Фома Аквинский (XIII в.) в «Сумме теологии» (вопрос 47) также будет указывать на иерархию творений: «в природных вещах виды как бы упорядочены по степеням [совершенства]; так, смешанные вещи совершеннее элементов, растения – минералов, животные – растений, люди – остальных животных: в каждом случае один вид совершеннее другого» [2].

При этом в другом месте (вопрос 74) он отмечает, что: «Все вещи не были различены и украшены разом не потому, что божественные пожелания и энергии нуждаются во времени для своего осуществления, а потому, что при основании мира было необходимо соблюсти должный порядок. В связи с этим различным состояниям мира были отведены различные дни, в которые каждое [новое] дело последовательно прибавляло к миру новое состояние совершенства» [3].

Возвращаясь к восточно-христианской традиции, укажем, как идея о «лестнице творений» пришла в славянские страны. Там она стала известна, в первую очередь, благодаря знаменитому «Шестодневу» Иоанна экзарха Болгарского (кон. IX – нач. X в.). В этом труде (в Слове 5 дня) Иоанн следует той же классификации Аристотеля, но уже в преломлении через призму трудов христианских авторов: «Добрый порядок, и полезный, и искусный, установленный на бытие всего сущего, поведал премудрый Моисей. <…> Имеется четыре вида живых существ: первый – растущий, обладающий силой, чтобы себя питать, как, например, растения. Второй же вместе с тем имеет и силу к ощущению, как, например, племя рыб и все пресмыкающиеся. Третий, который имеет то же самое и еще к тому же обладает способностью ходить, как, например, животные. Четвертый вид ко всем тем названным способностям еще добавляет абсолютно свободную волю, чтобы он мог выбирать, что ему хочется. Поэтому создание животных, начи-

[1] Августин, блж. О граде Божием. Кн. XI, гл. XVI//Он же. Творения / сост. и подгот. С. И. Еремеева. СПб.: Алетейя; К.: УЦИММ-Пресс, 1998. Т. 3: О граде Божием. Кн. I–XIII. С. 485.

[2] Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть I. Вопросы 44–74/Пер. ред. и прим. С. И. Еремеева. К.: Эльга, Ника-Центр, 2003. С. 48–49.

[3] Там же. С. 316.

наясь сначала с наименьшего вида, доходит до наибольшего и самого совершенного» [1].

Это воззрение о постепенном совершенствовании твари сохраняется в церковной традиции вплоть до XIX века. Так, свт. Филарет Московский в своих «Записках на кн. Бытия» (день 5) указывает, что: «В порядке, по которому существа сего рода получают от Творца бытие, примечается <…> постепенное восхождение от менее совершенного к совершеннейшему» [2].

Более восторженно и уже с употреблением естественнонаучной лексики об этом же пишет анонимный автор в статье «Цепь творений» в журнале «Христианское чтение» в 1833 году: «в чудном разнообразии звеньев, составляющих неизмеримую цепь вещей сотворенных, заметна также непрерывная постепенность в переходе от несовершенного к лучшему, от лучшего к более совершенному» [3], и «длинный ряд их, начинаясь простым кораллом, проходит тысячею многоразличных ступеней, от насекомых, рыб, птиц и млекопитательных животных до человека» [4].

Даже свт. Феофан Затворник, который пишет уже в начале 80-х годов XIX в., т. е. уже в дарвинскую эпоху (и при этом он сам настроен крайне против теории Дарвина), все равно использует образ «лестницы творений», которую он объясняет «лествицей невещественных сил душевного свойства»: «Я допускаю лествицу невещественных сил душевного свойства. Взаимное притяжение, химическое сродство, кристаллизация, растения, животные, – производятся соответствующими невещественными силами, которые идут, возвышаясь постепенно» [5].

Эта устойчивость христианских представлений о постепенном совершенствовании твари в ходе Божьего творения, безусловно, дает повод современным апологетам рассуждать о Шестодневе в смысле эволюции,

---

[1] Баранкова Г. С., Мильков В. В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб.: Алетейя: 2001. С. 758; см. также комм. на с. 902–904.

[2] Филарет Московский, свт. Записки, руководствующие к основательному разумению книги Бытия, заключающие в себе и перевод сия книги на русское наречие. Ч. 1: Сотворение мира и история первого мира. СПб.: Медицинская тип-я, 1819. С. 27.

[3] Цепь творений//Христианское чтение, 1833. № 4. С. 362–363.

[4] Там же. С. 364.

[5] Феофан Затворник, свт. Письмо 264//Феофан (Говоров), еп. Собрание писем. Вып. 2. М.: Типо-Литогр. И. Ефимова, 1898. С. 107–108.

ведь используемая святыми отцами «лестница существ» Аристотеля сама стала важной ступенью в формировании эволюционных представлений, хоть сейчас и считающаяся устаревшей.

Однако все же такой переход от «лестницы творений» к эволюции не может считаться правомерным. Очевидно, что в церковной традиции сотворенные Богом виды живых существ считались постоянным [1], а принятое большинством свв. отцов в буквальном смысле шестидневное время их творения никак не может удовлетворить эволюционных запросов.

Однако куда важнее то, что, например, для христианства на Западе результаты принятия эволюционных идей, в целом, и теории Дарвина, в частности, оказались весьма плачевными. Ведь уже в начале XX века некоторые христианские авторы в соответствии с представлениями об эволюции мира и человека отказались от веры в то, что были конкретные личности Адам и Ева, что они согрешили, и за это они и весь человеческий род был наказан смертью, и что именно из-за этого Христос пришел на землю, чтобы спасти людей [2].

Как представляется, для православной Церкви стоит быть очень осторожными в попытках прямого конкордизма библейского учения о творении мира и человека с эволюционными представлениями.

---

[1] Можно привести известные слова свт. Василия Великого в его Беседах на Шестоднев (Беседа 9): «природа существ, подвигнутая одним повелением, равномерно проходит и рождающуюся, и разрушающуюся тварь, сохраняя последовательность родов посредством уподобления, пока не достигнет самого конца; ибо коня делает она преемником коню, льва – льву, орла – орлу, и каждое животное, сохраняемое в следующих одно за другим преемствах, продолжает до скончания вселенной» (Творения иже во святых отца нашего Василия Великаго, архиепископа Кесарии Каппадокийския. Ч. I. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1991. С. 159).

[2] См. Храмов А. В. Теистическая эволюция и дарвинизм: от войны к миру//Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2015. № 4 (33). С. 91–92.

ЕДОВИН
Алексей
Геннадьевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной
истории Северного (Арктического)
федерального университета,
Президент Северного историко-
родословного общества

О ВРЕМЕНИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА НА КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Долгое время отрывочность археологических данных не позволяла приступить к вопросу о времени проникновения христианства в Беломорский регион, бассейны рек Онеги, Северной Двины и Мезени. Найденные в разных средневековых могильниках и при случайных обстоятельствах предметы, связанные с христианским культом, не подвергались специальному анализу. Исключение составляли только работы Н. А. Макарова о Восточном Прионежье, выводы в которых не пошли далее обобщенных представлений о связи славянской колонизации и проникновения христианства в Заволочье [1].

Несколько лет назад накопленный автором достаточно большой корпус источников по христианской символике позволил приступить к решению вопроса о времени и путях проникновения на Рус-

[1] Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. (по материалам могильников Восточного Прионежья.) М. «Наука» 1990.

ский Север носителей православия [1]. В этом анализе мы рассмотрели три категории находок: предметы с изображением креста в религиозной трактовке, тельные крестики и иконки-подвески. Датировка этих предметов колеблется в интервале XI–XIV веков, они найдены на достаточно обширном пространстве, что дает возможность судить о путях христианизации.

В том же обзоре нами была отмечена находка предмета христианского культа и на Терском берегу Белого моря в исследованном в начале 1980-х гг. могильнике Кузомень II. Однако тогда мы не придали значения этому факту, так как были сконцентрированы на вопросах освоения Подвинья, оставив на будущее вопрос о времени христианизации Кольского полуострова.

Теперь же мы решили взяться за решение этой проблемы, которую могут помочь решить новые археологические источники. Нам было абсолютно очевидно, что до появления в первой половине XVI века монастырей на полуострове здесь уже проживало христианское население. Оставался открытым вопрос о том, кто конкретно являлся первым носителем христианства – корела, христианизация которой произошла в 1227 году, и которая расселилась в XIII–XV веках далеко на север от своего первоначального ареала, либо переселенцы из Нижнего Подвинья, имевшие активные контакты с Новгородом.

К настоящему времени в распоряжении археологов имеется несколько достаточно неплохо изученных средневековых объектов на Кольском полуострове, которые позволяют решать задачи историко-культурного характера. Это клад в Варзуге [2], могильники у д. Кузомень, поселение Лива [3], ряд отдельных местонахождений средневековой материальной культуры XI–XIII веков [4].

По нашему предположению, в материалах могильника Кузомень II

---

[1] Едовин А. Г. Проникновение христианства на Север по данным археологии // Заволочье. Устьянская земля. Выпуск 4. Октябрьский, 2018. С. 5–13.

[2] Горюнова В. М. Овсянников О. В. Клад конца X – начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского полуострова)//Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 211–220.

[3] Колпаков Е. М. Мурашкин А. И. Шумкин В. Я. Сокровища древнего Ковдора. Каталог выставки. Археологический комплекс Лива 1. Изд. ИИМК РАН. СПб., 2022. 104 с.

[4] Едовин А. Г. Средневековые древности Заволочья IX–XIII вв. Архангельск, Лоция, 2021. С. 62.

на Терском берегу Белого моря имеется погребение женщины-христианки. Напомню, что всего здесь – на террасе, возвышающейся над речной поймой почти на 15 м, на мысу, образованном лощиной и небольшим ручьем, – исследовано три погребения. Это были частично засыпанные могильные ямы, которые наблюдались на поверхности как неглубокие западания. Все три погребения рассматривались автором работ как практически одновременные и датировались по вещам периодом – конец XII – начало XIII в. Этот вывод подтвердило радиоуглеродное датирование образцов органики, взятых из двух погребений – 740±10 и 750±10 л. н., т. е. приблизительно, 1200–1210 гг. н. э [1].

В погребениях 1 и 3, которые принадлежали женщине и мужчине соответственно, найдены типичные для финно-угорского населения Севера предметы: петлевидное височное кольцо, подковообразная фибула со спиральными концами, ожерелье из бус, поясное кольцо, железный нож. Подол одежды женского погребения был украшен нашитыми бронзовыми бусинами и спиральными пронизками. Мужское погребение содержало железный топор и металлические детали ременного набора: кольцо, трехчастные разделители, лировидную пряжку.

В противоположность этому, в женском погребении № 2 почти не было предметов финно-угорской материальной культуры. Погребенная лежала на спине, головой на северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища. У левой ключицы обнаружены остатки ожерелья из стеклянных бус, одной или двух больших круглых привесок (тип их из-за плохой сохранности определить не удалось), четырех круглых «монетовидных подвесок с “жемчугом” по краю» (сохранились не сами подвески, а оттиски от них в грунте, поэтому просматриваемый сюжет имеет зеркальное отображение), а также медальон с изображением процветшего креста (рис. 1).

У поясницы погребенной найдена бронзовая подвеска в виде утиной лапки, у костей таза – бронзовое поясное кольцо. Сразу отметим, что единственный «финно-угорский» предмет – лапчатая привеска – не имеет контекста среди других деталей костюма погребенной и мог попасть сюда случайно.

---

[1] Овсянников О. В. Рябинин Е. А. Средневековые грунтовые могильники Терского берега//СА № 2. 1989. С. 201–211.

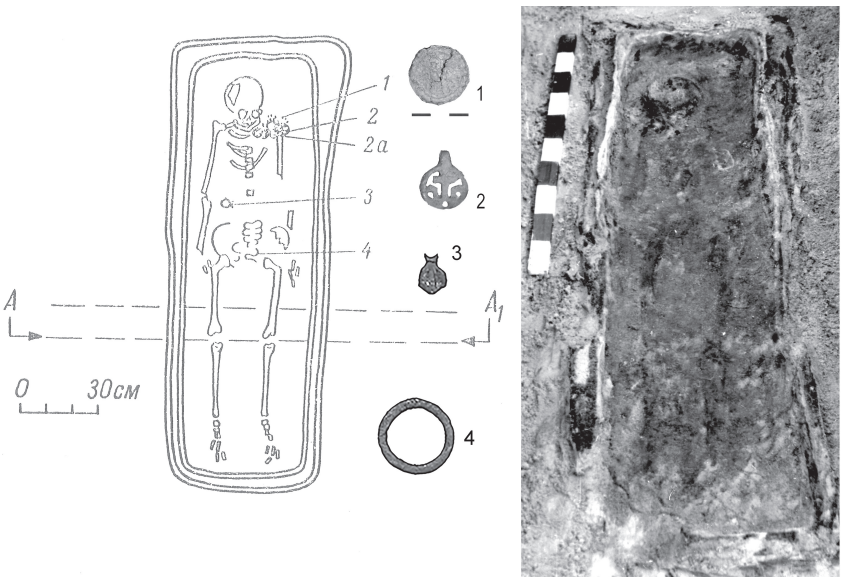


Рис. 1. План, фото и находки в погребении 2 могильника Кузомень II по О. В. Овсянникову, 1985 г.

Имеются остатки сильно деформированного (посмертно) черепа и второго шейного позвонка. Возраст женщины, по всей вероятности, около 35 лет. Обращают внимание крайне малая высота лица – признак скорее лопарский, чем русский, и довольно крупные при такой грацильности черепа зубы (определения сделаны А. В. Шевченко) [1].

Особый интерес вызывает круглый литой медальон с изображением всадника с копьем. На лицевой стороне находится рельефное конное изображение святого воина вправо. Конь показан скачущим, в руках воина угадывается копье, направленное вниз под углом в 45°. Вероятно, оно поражает находящегося внизу змея. Оборотная сторона также имеет какое-то изображение, которое из-за плохой сохранности не просматривается.

Изображение, по мнению большинства исследователей, принадлежит известному сюжету «Чудо святого Георгия о змие». Сюжет, зародившийся в Каппадокии в X–XI веках, проник далеко на Европейский Север в зоны финно-угорского проживания вместе с носите-

[1] Овсянников О. В. Средневековый грунтовый могильник на Терском берегу// Новое в археологии Северо-запада СССР. Л., 1985. Табл. 2:4.

лями христианских традиций. Такой медальон, имеющий некоторый литейный брак и выполненный из свинцово-оловянистого сплава, происходит из Холмогор в Нижнем Подвинье [1]. Такое же изделие есть в инвентаре Искорского городища в Прикамье [2]. Ажурная иконка такого сюжета происходит из Белоозера [3]. Таким образом, очерчивается очень широкий ареал подобных иконок, связанных, скорее всего, с распространением христианства. Датировка этих иконок пока неясна, так как все они найдены вне хронологического контекста. Только украшение из Кузомени может быть датировано более или менее определенно, поэтому мы можем предварительно отнести иконки с изображением св. Георгия на коне к первой половине XIII века.

Крестовключенная подвеска также вызывает интерес, т. к. здесь мы видим явные признаки «процветшего креста» – определенно христианского символа, имеющего массу аналогов в средневековых древностях Новгородской и Киевской Руси. Сходные подвески, судя по каталогу Кутасова и Селезнева, найденные в Брянской и Киевской областях, датируются XIII столетием [4]. Имеются литые, а не прорезные медальоны с процветшим крестом в Великом Новгороде [5], где они датированы началом XIII – началом XIV вв. Среди древностей Нижнего Подвинья нам известен круглый литой медальон с ушками из Матигор, изображающий процветший крест. Эти датировки согласуются с полученной радиоуглеродной датой.

Следует также обратить внимание на погребальный обряд в могиле № 2 Кузоменского II могильника. Здесь, в отличие от срубных захоронений 1 и 3, погребенная лежала в хорошо определимом гробу, а не была просто запеленута в лубяные волокна. Следовательно обряд погребения был почти сходным с христианским. Вопросы вызывает только ориентировка погребенной: головой на северо-восток. Это

---

1 Едовин А. Г. Средневековые древности Заволочья IX–XIII вв. Архангельск, Лоция, 2021. С. 253, рис. 101:26–27.

2 Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001. С. 120, рис. 76:4.

3 Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М. 2004. Рис. 38:7.

4 Кутасов С. Н. Селезнев А. Б. Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески X–XV вв. Москва, «Искатели», 2010. С. 27–28.

5 Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М., 1981. С. 41, рис. 12:11, 15; 15:5–7.

не вяжется с христианской традицией, однако и это имеет свое объяснение. По соседним погребениям мы видим, что население Терского берега в то время оставалось в основном языческим. Поэтому, совершая захоронение, языческие соплеменники женщины-христианки погребли ее так же, как и остальных членов коллектива. Гроб же, вероятно, был изготовлен еще при жизни, поэтому погребенная и была помещена в него перед совершением обряда.

Таким образом, наличие как минимум двух предметов личного благочестия, некоторое отличие в обряде погребения и полное отсутствие языческой атрибутики заставляют предположить, что погребенная в могиле 2 Кузоменского II могильника имела представление о христианстве, а может быть и сама придерживалась христианского вероисповедания. Этот факт, в свою очередь, свидетельствует о том, что по крайней мере с первой половины XIII века на Терском берегу Белого моря стало формироваться христианское население.

Археологические данные однозначно указывают, что первыми носителями христианских традиций на Кольском полуострове были переселенцы из Подвинья, освоившие в XII–XIII веках Терский берег Белого моря, позже вошедший в состав «Двинской земли». Об этом говорит характер найденных на Терском берегу средневековых древностей, имеющих массу аналогов в нижнем Подвинье, в том числе и сами атрибуты христианского культа.

Появление же во второй половине XIII века во внутренних районах Кольского полуострова корелы вовсе не сопровождалось христианизацией, скорее корела бежала от нее, а заодно и от увеличивавшегося экономического гнета со стороны Новгорода в монголо-татарскую эпоху. Об этом говорят собственно корельские памятники региона (Лива [1], Анзерское погребение [2]), которые не сопровождаются предметами с христианской символикой.

Дополнительным подтверждением освоения жителями Подвинья Беломорья в средневековье могут стать памятники Анзерского острова,

---

[1] Колпаков Е. М. Мурашкин А. И. Шумкин В. Я. Сокровища древнего Ковдора. Каталог выставки. Археологический комплекс Лива 1. Изд. ИИМК РАН. СПб. 2022. 104 с.

[2] Мартынов А. Я. Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск, 2010. С. 339–340.

которые ранее трактовались как «саамские могильники» [1]. Найденная на Анзере в большом количестве славянская керамика XIV–XV веков наталкивает на мысль о существовании здесь промежуточного пункта на путях освоения как Западного Беломорья и древнего торгового пути в Ботнию, так и Терского берега.

В силу ограниченного ареала славянской средневековой популяции и наличия большого массива финно-угорского языческого населения процесс христианизации Кольского полуострова растянулся на несколько столетий.

[1] Мартынов А. Я. Археологические памятники древних саамов на Соловецких островах //Природа и хозяйство Севера. Вып. 11. Мурманск. 1987. С. 83–87.

АВДЕЕВ
Александр Григорьевич

доктор исторических наук,
профессор историко-филологического
факультета Православного
Свято-Тихоновского гуманитарного
университета, научный сотрудник
Университета Дмитрия Пожарского

«КАМЕННЫЕ» СИНОДИКИ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ В КОНЦЕ 40-Х ГОДОВ XVII – НАЧАЛЕ XIX В. [1]

«Каменные» синодики или поминальные таблицы – это отдельный тип эпиграфических памятников Московской Руси с именами умерших родственников ктиторов (строителей) и донаторов храма, обычно размещавшиеся в алтаре храма и предназначенные для вечного поминовения. С начала XVIII в. размещение и содержание данных надписей существенным образом меняются. «Синодики» смешиваются с другими типами эпиграфических памятников – строительными надписями, храмовыми летописями и эпитафиями, располагаются в открытых для обозрения частях храмов, а также на намогильных плитах на кладбищах. В них включаются поминальные молитвы, родословия ктиторов. Появ-

[1] Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Корпус русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicarum» при поддержке Университета Дмитрия Пожарского, Лаборатории RSSDA и ПСТГУ: [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cir.rssda.su. Научный руководитель проекта – А. Г. Авдеев, технический руководитель – Ю. М. Свойский. Статья продолжает и развивает тему эволюции «каменных» синодиков, ранее изложенную в публикации: Авдеев А. Г., Оксенюк А. А. «Каменные синодики» и их эволюция в XVIII — начале XIX в. // ВЭ. Вып. XI. М., 2023. С. 247–262.

ляется новый тип — таблицы вкладчиков. Единственным устойчивом элементом является церковнославянский шрифт, который постепенно заменяется гибридным, а к началу XIX в. выходит из употребления.

Одной из нерешенных проблем в старорусской эпиграфике является вопрос о времени и формах перехода надписей от традиций Московской Руси к традициям Российской империи. Исходной точкой этого процесса, по моему мнению, является расширение смысловых полей в надписях, развивавшееся со второй половины 40-х гг. XVII в.

Рассмотрим этот вопрос на примере малоизученного типа старорусских монументальных надписей – «*каменных*» *синодиков* или *поминальных таблиц*. Надписи данного типа отражают, с одной стороны, эволюцию поминальной практики [1], с другой – взаимосвязаны с возросшей ролью ктиторов (от греч. κτήτωρ, от κτίζω – строю, созидаю или κτάομαι – приобретаю) и донаторов (от лат. dono – дарить) – людей, занимавшихся церковным строительством, или делавших вклады и пожертвования на монастырские и храмовые нужды. И те, и другие получали право на вечное поминовение, что закрепляла надпись на стене наиболее сакральной части храма.

Одним из традиционных типов эпиграфических памятников Московской Руси являются строительные надписи, увековечившие дату и время постройки того или иного сооружения и имена храмоздателей, в том числе и частных лиц. Осуществляемое последними храмоздательство рассматривалось как достойное похвалы проявление личного благочестия. «**Кóего жѐ сѹ́ть похвалéніѧ достоúнни ѥ́же сѝй храмъ создáша , и̑ толи́кую красотóю ѹ̑красúша.** <…> **Пои́стинѣ сéй мѹ́жъ бг҃олюби́вый , тщи́тсѧ гд҃а ѹ̑гости́ти , нѐ ѿ златы́хъ сокровищіа́хъ вни́маетъ : но̀ слáвѹ̀ бж҃їю разумнѡжа́етъ , да̀ воздáстъ є́мѹ̀ гд҃ь за рѹ̑котворе́нный сéй храмъ**», – писал в конце XVII в. автор сборника проповедей «Статир» [2].

---

[1] См.: Авдеев А. Г. Путь формулы «преставися раб Божий»: от поминальных граффити до эпитафий // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 30. Минск, 2015. С. 47–52; Он же. «Поминальная революция» XIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной конференции. Москва, 14–16 апреля 2016 года. / Отв. ред. Э. В. Шустова. М., 2016. С. 90–93.

[2] РГБ ОР. Ф. 256 (собрание Н. П. Румянцева). № 411. Ч. 2. Л. 246. Изд.: Яхонтов И., прот. Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». СПб., 1883. С. 201; О сборнике см.: От избытка сердца говорят уста. Рукопись XVII века «Статир» и ее автор / Ред.-сост. С. М. Барков, Т. Б. Соколова. Пермь, 2011.

В эпоху Московской Руси строительные надписи чаще всего размещались в открытых для обозрения местах, – у западного портала храма. «Каменные» синодики храмоздателей, вырезанные на белокаменных плитах или написанные краской, находились в закрытой для непосвящённых сакральной части церкви – на северной стене напротив жертвенника, «**и҆́бо в҆ цр҃квахъ хр҃тїѧ́нскихъ два̀ ст҃а́ѧ мѣ́ста во Ѻ҆лтари̑ и҆́мать, же́ртвенникъ и҆ пр҃то́лъ**» [1]. Данные эпиграфические памятники включали имя лица, оказавшего благодеяния храму или монастырю, а также имена его умерших родственников и тех лиц, которые храмоздатель считал необходимым внести в «каменный» синодик. Отчасти данные эпиграфические памятники могут быть сближены с надписями с именами иконописцев, дополнявшими храмовые летописи, отчасти (если речь идет о роде храмоздателей) – со строительными надписями, но главным их отличием является то, что «каменные» синодики фиксировали *личные имена умерших*, которые заслужили вечное поминовение. В этом отношении данные эпиграфические памятники, точно так же, как бумажные синодики, были тесно связаны как с «малой» эсхатологией – заботой о посмертной участи души, так и с «большой» – ожиданием Страшного Суда. На это, в частности, указывает синодичное предисловие в редакции патриарха Иова: «**Сїѧ̀ кни́ги спасе́ны, и҆ дш҃еполе́зны сꙋ́ть . в҆ ни́же написа́шасѧ хотѧ́щеи дш҃ѧ̀ свои́мъ спасе́нїѧ, и҆ по́мощи во́ стра́шный вели́кїй дн҃ь гро́знаго и҆ тре́петнаго хр҃то́ва сꙋда̀ . си́ми книгами изба́витисѧ мꙋ́ки вѣ́чныѧ, и҆ причести́сѧ в ли́к и҆збра́нны оу҆годи́вшихъ хр҃стꙋ, и҆ потрꙋди́вшисѧ бг҃а ра́ди. и҆ пострада́вши цр҃тва ра́ди**» [2].

Основными маркерами изменений мы будем считать использование церковнославянского или гражданского шрифтов, расширение смысловых полей и/или формуляра надписей и изменение их местоположения по сравнению с аналогичными типами XVI–XVII вв. [3]

В соответствии с разницей в понимании вида благодеяния данные эпиграфические памятники делятся на три разновидности:

---

1 Кириллова книга. М.: Печатный двор, 21.IV.1644. Л. 31. Зернова. 169.

2 ОР РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 156. Л. 1. О Синодике патриарха Иова см.: Дергачева И. В. Древнерусский Синодик. Исследования и тексты. М., 2011. С. 43–55.

3 Подробнее см.: Авдеев А. Г. «Каменные синодики»: методы датировки и интерпретации // ВИД. Вып. XL. СПб., 2021. С. 9–39.

– *поминальные таблицы донаторов;*
– *поминальные таблицы ктиторов;*
– *надписи со списками имен донаторов, не связанных родством.*

Первые две разновидности следуют традиции рукописных синодиков и содержат личные имена, удостоенные вечного поминовения.

Одно из первых упоминаний «каменных» синодиков донаторов находится в данной грамоте двинского землевладельца Алексея сына Амосова (1566), в которое он завещал принадлежащие ему вотчины Воскресенской церкви и, как донатор храма, требует, чтобы после его смерти имена его родственников, указанные в грамоте, «на стенке написали у жертвенника» [1].

Вторая разновидность – *поминальные таблицы храмоздателей* – как правило открывается формулой, объясняющей причины установки надписи – например, «здѣсь покоится прахъ храмоздателей» [2] или «|1 <<р>>**ѿдъ · гостиные сотни · строителѧ · сеѧ** |2 **цркви · маѯима · филипова сна** |3 <<в>>**ерховин{и}на**» **(Ил.1)**, после чего перечислялись имена умерших родственников (CIR0935) [3]. Впрочем, понятие «род», как и в бумажных синодиках, понималось расширительно. Сюда могли включаться имена глав государства, церковных иерархов, а также лиц, которые были связаны с ктитором служебными отношениями или духовным родством [4].

Например, в данной грамоте боярина Алексея Федоровича Басманова на пустошь Вишки в Нерльском стане Переславского уезда «на

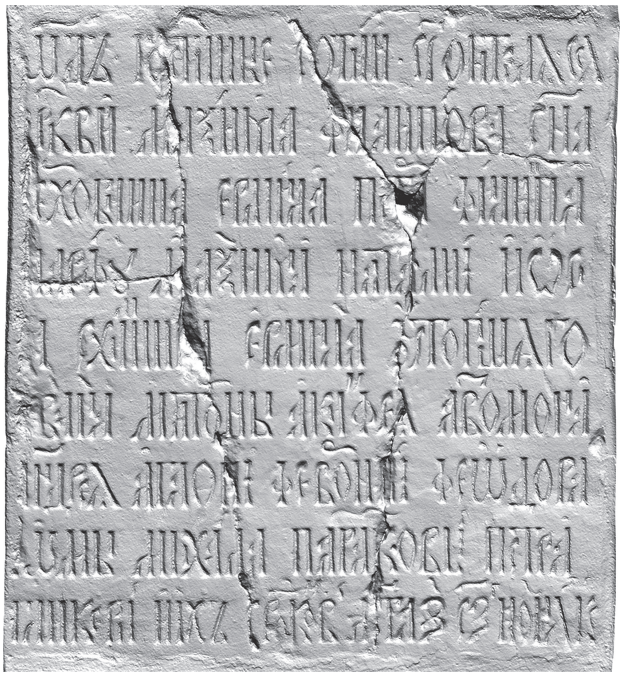
---

[1] Цит. по: Шереметев С. Д. Труды по истории Смутного времени / Сост. М.Д.Ковалева, А. В. Топычканов, С. Ю. Шокарев. М., 2015. С. 83–84. Номер архивного дела в публикации не указан. О роде Амосовых см.: Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 201–203; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 73–91.

[2] [Саитов В. Н., Модзалевский Б. Л.] Московский некрополь. Т. II. СПб., 1908. С. 336 (подклет церкви Троицы в Никитниках в Москве). Утрачена.

[3] А. А. Мартынов ошибочно прочел фамилию храмоздателя как «Верховитин» (Мартынов А. А. Надгробная летопись Москвы // Русский архив. 1895. Кн. II. С. 523). С тех пор несуществующий член Гостиной сотни Максим Верховитин прочно утвердился в историографии. Камень дает чтение «Верховин{и}н». Максим Верховинин был записан в Гостиную сотню в 1691 г. (Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 386), что подтверждает правильность чтения надписи.

[4] См.: Авдеев А. Г. Архимандрит Троицкого Ипатьевского монастыря Феодосий II // Ипатьевский вестник. Научно-богословский журнал. 2021. № 4 (16). С. 63–76.



Ил. 1. CIR0935. Москва. Китай-город. Церковь Максима Исповедника. «Каменный» синодик члена Гостиной сотни Максима Филипповича Верховинина. 25 июня 1699 г. Документировано 16.02.2018 г., код документирования OG0824, код надписи CIR0935. Операторы документирования: Сергей Пешков, Илья Соколов, Виталий Васнев, Екатерина Романенко, Денис Кологривов. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева

престол» построенной им в 1566–1567 гг. Никитской церкви в вотчинном селе Елизарове был прописан особый порядок поминовения, осуществлявшегося на доходы от пустоши. Помимо имен усопших родителей и детей, ктитор велел поминать «людцей», «которыя на государских службах под Казанью при мне, при Алексее, побиты» [1]. Список этих имен был увековечен в синодиках, написанных краской «в большой церкви над жертвенником» и, вероятно, на стене алтаря придела прп. Онуфрия. Это же требование содержалось и в храмозданной надписи, написанной краской по периметру храма [2]. Оба си-

[1] Изд.: Иоасаф, иером. *(Гапонов В. А.)*. Церковно-историческое и статистическое описание Владимирской епархии, составленное на основание определения Св. Правительствующего Синода от 19 мая/6 октября 1650 года / Изд. подг. А. И. Раздорский, А. В. Сиренов. СПб., 2019. С. 359; Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. и изд. К. Н. Тихонравов. М., 1857. С. 132–133; Добронравов В. Г., Березин В. Д. Описание церквей Владимирской епархии. Вып. 2: Переславский и Александровский уезды. Владимир, 1895. С. 150–151. Прим. 1 (в сокращении).

[2] Изд.: Казакевич Т. Е. О двух надписях в Никитской церкви села Елизарова// ТОДРЛ. 2009. Т. LX. С. 558 (гражданским шрифтом, в современной орфографии, с приложением небольшого фрагмента надписи).

нодика пострадали во время одного из пожаров и во второй половине XIX в. практически не читались [1].

Изменения в содержании «каменных» синодиках и связанных с ними строительных надписях, созданных от имени частных лиц, начинаются со второй половины 40-х гг. XVII в. Одним из наиболее ранних проявлений таких изменений является утраченная храмозданная надпись 1646/47 г. из московского храма Успения на Успенском вражке (CIR4102), построенной на средства служилого человека Григория Ивановича Горихвостова и разобранной в 1857 г.:

Лѣта ҂зрне году при благочестивомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Алексіѣ Михайловичѣ всея Русіи и при великомъ господинѣ святѣйшемъ Іосифѣ, патріархѣ Московскомъ и всея Русіи, строилъ церковь сію Пречистыя Богородицы Успенія съ предѣлы и съ папертью и съ колокольнею и съ полатками и со всякимъ строеніемъ Григорій Ивановъ сынъ Горихвостовъ, и родители его Григорьевы погребены у сея церкви подъ колокольнею въ полаткѣ, и Григорій себя погребсти велѣлъ у тоежъ церкви съ родителями его вмѣстѣ въ той же полаткѣ, а сенаникъ родителямъ его въ церкви.

Необычным здесь является наличие формулы corroboratio. В дипломатике под ней понимаются сведения об удостоверительных знаках документа [2]. В данном эпиграфическом памятнике – это дополнительные указания, подтверждающие сведения, изложенные в narratio надписи. Храмоздатель, изъявивший желание быть похороненным вместе с родителями в семейной усыпальнице («полатке») под возведенной им же колокольней (narratio), в corroboratio1 удостоверяет, что здесь погребены его родители, а в corroboratio2 – что «сенаникъ родителямъ его въ церкви» – вероятно, указывая на созданную им вторую надпись, утраченный «каменный» синодик на стене жертвенника. Вместе с тем, это одно из первых по времени указаний в строительной надписи на существование дополняющего ее синодик.

В последние десятилетия XVII в. процесс изменения смысловых полей в строительных надписях и «каменных» синодиках принял разнообразные формы.

---

1 Иоасаф, иером. (Гапонов В. А.). Церковно-историческое и статистическое описание... С. 359. Прим. 624; Владимирский сборник … С. 132. Прим. *; Добронравов В. Г., Березин В. Д. Описание церквей Владимирской епархии... С. 150. Прим. 1. О судьбе надписи в советское время см.: Казакевич Т. Е. О двух надписях... С. 556–563.

2 Каштанов С. М. Русская дипломатика: Учеб. пособие. М., 1988. С. 170.

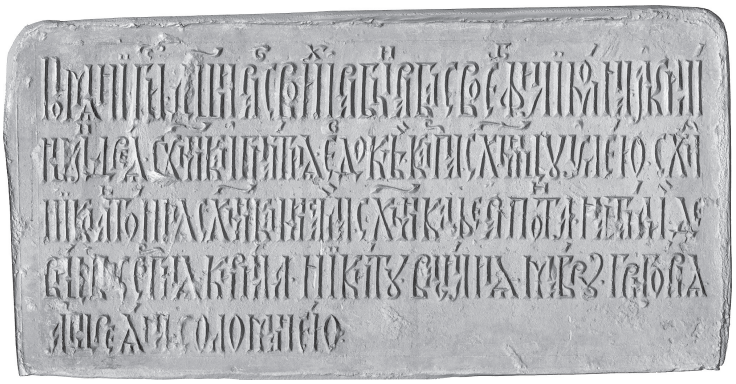
Ил. 2. CIR0953. Москва. Замоскворечье. Церковь Михаила и Феодора Черниговских. Надпись о строительстве храма. 25 октября 1675 г.
Документировано 27.02.2018 г., код документирования OG0835, код надписи CIR0953. Операторы документирования: Сергей Пешков, Илья Соколов, Виталий Васнев, Екатерина Романенко, Денис Кологривов, Антон Клейменов. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева

Одним из таких форм является размытие связи между строительной надписи и «каменным» синодиком. Такой пример дают эпиграфические памятники из московского храма черниговских мучеников князя Михаила и его боярина Федора, что под Бором. Строительная надпись (**Ил.2**) в конце XVIII в. размещалась с правой стороны от входа в придел св. великомученицы Екатерины и была известна по краткому пересказу в «Путеводителе к древностям и достопамятностям Московским…» [1]. В XIX в. надпись была утрачена (публикации этого времени ее не упоминают), и пустующая ниша, вероятнее всего, во время реставрационных работ 1977–1982 гг. была заложена закладными надгробными плитами-вставками, датируемыми 1692 и 1710 гг. [2] В 2000-е гг. фрагмент строительной надписи был найден в ходе археологического исследования территории храма. Его сопоставление с публикацией в «Древностях и достопамятностях…» и использование анализа сохранившегося фрагмента по модели, созданной на основе метода бесконтактного 3D документирования надписей позволило дать обоснованную реконструкцию текста:

---

[1] Путеводитель к древностям и достопамятностям Московским, руководствующий любопытствующаго по четырем частям сея столицы к дее-место-описательному познанию всех заслуживающих примечание мест и сданий, как-то: соборов, монастырей, церквей, государственных и частных заведений, как старых, так и новых, с надписей и из других достоверных источников собранный, и для удобнейшаго оных приискиванию азбучной росписью умноженной. Ч. IV. М., 1794. С. 55.

[2] Противоположной точки зрения придерживаются В. А. Беркович и К. А. Егоров (Беркович В. А., Егоров К. А. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М., 2017. С. 520–521), однако публикация в «Путеводителе к древностям и достопамятностям Московским…» им неизвестна.



Ил. 3. CIR0951. Москва. Замоскворечье. Церковь Михаила и Феодора Черниговских. «Каменный» синодик Андрея Филимонова сына по прозвищу Малюта. 25 октября 1675 г.
Документировано 27.02.2018 г., код документирования OG0833, код надписи CIR0951. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева

<<лѣта 7183 маїя въ 17 день {{зачата}}>> **б**[ы]**т҃ сиѧ цр҃ко делати ст҃ы мч҃къ**

[благовернаго (?) князя Михаила и] **болѧрина е҃ѡ феѡдора чернигo**

[вских] <<при державѣ Великаго Госуда>>**р**[а] **цр҃а и҆ вели́каго**

<<Князя Алексѣя Михайловича, всея Великїя и Малыя>> **и бѣ́лыѧ**

<<Россїи Самодержца и по благословенїю Великаго Государя Святѣйшаго Іоакима патрїарха Московскаго и всея Руссїи, а совершена 184 октября въ 25 день>>.

Имя храмоздателя в надписи отсутствует. Не указано оно и в «каменном» синодике, вставленном в северную стену алтаря напротив жертвенника (**Ил.3**):

Помѧнї гн҃ дш҃и ра҃ свои҃ і҆ рабы҃ раба свѡ҃ѡ филїмо́на а҆кили́ны адре́ѧ · схм҃нка і҆гна́тиѧ · єдо҃кѣ · ка҃па схм҃нцꙋ ꙋ҆ле́ю · схи҃ нїка ато́ниѧ схм҃нка мисаа҃ла схм҃нка ферапо҃та · натали҃ де ви́цы [·] се́гиѧ кири́ла · нїки́тꙋ · васи́лиѧ · ма́врꙋ · григо́риѧ а҆ндреѧ́на · соломане́ю · (vacat)

Связь строительной надписи с «каменным» синодиком» проясняет сохранившаяся в трапезной храма надгробная плита с эпитафией

члену Суконной сотни Андрею-Малюте Филимонову сыну, который умер 12 мая 1675 г., за пять дней до закладки храма (CIR0955). В начале XX в. здесь же находились плиты с эпитафиями вдове Андрея-Малюты Ульяне, ее отцу Исаие и тестю Филимону [1]. Отсюда можно сделать вывод, что храм был построен Ульяной в память о ее муже и его родственниках. При этом более значимую роли играли надгробные плиты с эпитафиями, нежели строительная надпись и «каменный» синодик.

Другим проявлением этого процесса является активное включение в «каменный» синодик лиц, не связанных родством с храмоздателем, что типично и для бумажных синодиков. Такой пример дает комплекс из двух эпиграфических памятников в московской церкви апостола Филиппа на Арбате – строительной надписи (утрачена) и «каменного» синодика на северной стене алтаря напротив жертвенника. Первая (CIR4102) сообщает, что в 1695 г. храм «въ вѣчное поминовеніе построилъ по себѣ и по родителяхъ своихъ» бывший комнатный [---] царя Алексея Михайловича Иван Кузмич Космин / Кузьмин. «Каменный» синодик (CIR0997) начинается с формулы «|1 **за упокѡ помина**», после чего следует фраза «|2 **помяни дш҃ѹ раба̀ твоего̀ цр҃а і̑ велико[ ] кнѧз[я] а[ле] |3 ксе҃ѧ михаи҃ловича**». После традиционной формулы «|4 **ро҃ ів҃ана кѹ҃мича кѹ҃мина і̑ сн҃а ево̀ федора |5 ро҃ ів҃ана кѹ҃мича кѹ҃мина і̑ сн҃а ево̀ федора**» начинается перечисление усопших, среди которых выделяется имя «**артемона уб҃енна**», которое без труда отождествляется с боярином Артемоном Сергеевичем Матвеевым, погибшим во время стрелецкого бунта 15 мая 1682 г. Причины включения этих имен в «каменный» синодик становятся ясными при изучении биографии И. К. Космина. Он начал службу в стрелецком полку А. С. Матевеева, дослужился до сотенного головы и по настоянию командира, ставшего фаворитом царя, 23 февраля 1669 г. был пожалован специальным указом Алексея Михайловича в важнейшую придворную должность стряпчего с ключом и занимал эту должность вплоть до смерти Алексея Михайловича [2].

Второй пример дает комплекс надписей из Троицкого собора с приделами Благовещения и Николая Чудотворца в селе Алексеевском (Ал-

---

[1] [Саитов В. Н., Модзалевский Б. Л.] Московский некрополь... С. 220.

[2] Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 81.

ферьево тож), которое располагалось в Тейковом и Сахтышском стане Суздальского уезда (ныне село Алферьево в Тейковском р-не Ивановской обл.). Храм был построен на келейные деньги уроженца села, архимандрита Феодосия, бывшего настоятелем Троицкого Ипатьевского монастыря в 1684–1692 гг.

Оба эпиграфических памятника – строительная надпись и «каменный» синодик утрачены после сноса храма в 30-е гг. XX в., но их текст сохранился в списках XIX в. Текст строительной надписи (CIR4089) известен в двух списках. Первый помещён иеромонахом Иоасафом (В. А. Гапоновым) в рукописное церковно-историческое и статистическое описание Владимирской епархии, составленном в 1850 г. по требованию Святейшего Правительствующего Синода и недавно был издан [1]. Второй список составлен приходским священником этой церкви Петром Ключаревым в 1887 г. для анкеты, которая была разослана по монастырям и храмам России Императорской археологической комиссией в начале 80-х гг. XIX в. [2] Последним эту надпись видел С. М. Березин в конце того же столетия, однако счел ее аналогией «каменного» синодика, размещённого в алтаре храма [3].

Приведу текст надписи, восстановленный на основе этих списков [4]:

Во славу Святыя і (5) Животворящіе і Нераздѣльные Троицы, Оц҃а (10) и Сн҃а и Ст҃аго Дх҃а, (15) въ честь и память Пресвятыя (20) и Преблагословенныя славныя Владычицы нашея (25) Бц҃ы и Приснодѣвы Маріи и (30) великаго святителя Николая Чудотворца при (35) державѣ великихъ государей царей и (40) великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра (45) Алексѣевича всея Великія, и Малыя (50) и Белыя России самодержцех (55) и при благоверном великом государе (60) нашем ца-

[1] Иоасаф, иером. (Гапонов В. А.). Церковно-историческое… С. 261–262 (гражданским шрифтом в современной орфографии).

[2] Метрика Троицкой церкви в селе Алферьеве / Сост. свящ. Пётр Ключарев. 1887 г.// Научный архив ИИМК РАН. Ф. Р–III (Метрики старинных церквей). Д. 523. Л. 1 об. (по собственной копии, гражданским шрифтом, с сокращениями текста и частичным сохранением подтительных написаний и буквенной цифири).

[3] Березин С. М., Добронравов В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5: Шуйский и Ковровский уезды. Владимир, 1898. С. 109.

[4] В круглых скобках здесь и далее даны порядковые номера слов в надписи, кратные 5.

ревиче и великом князе (65) Алексие Петровиче всея Великия и (70) Малыя и Белыя России, при (75) великомъ господинѣ господинѣ кѵръ Адріанѣ (80) Московскомъ и всехъ сѣверныхъ странъ патріархѣ (85) и при великомъ (90) господинѣ преосвященномъ Иларіонѣ митрополитѣ Суждальскомъ (95) и Юрьевскомъ, построи сію святую (100) церковь во имя Пресвятыя Богородицы, (105) честнаго и славнаго Ея Благовѣщенія, (110) въ селѣ Ольферьевѣ, каменную, съ (115) трапезою и съ колокольнею и (120) со всякою церковною утварію, по (125) своей праведной вере и по (130) обѣщанію архимандритъ Ѳеодосій и по (135) отцѣ своемъ Иоанне и по (140) сродникахъ в вечный поминок своею (145) келейною казною въ лѣто ҂ѕ҃се (150) іунія въ к҃д день на (155) память с҃тыхъ верховных апостолъ Петра (160) и Павла. А устроения сея (165) святыя церкви, всякое здание к (170) строению управлял келейной его иеромонах (175) Никодим, тоя церкви при священнике (180) Михаиле Никитине.

Структура строительной надписи традиционна:

Элементы формуляра	Текст надписи
Invocatio	*1–33.* Во славу Святыя і Животворящіе і Нераздѣльные Троицы, О҃ца и С҃на и С҃таго Д҃ха, въ честь и память Пресвятыя и Преблагословенныя славныя Владычицы нашея Б҃цы и Приснодѣвы Маріи и великаго святителя Николая Чудотворца
Datatio1	*34–96.* при державѣ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Великія, и Малыя и Белыя России самодержцех и при благоверном великом государе нашем царевиче и великом князе Алексие Петровиче всея Великия и Малыя и Белыя России, при великомъ господинѣ господинѣ кѵръ Адріанѣ Московскомъ и всехъ сѣверныхъ странъ патріархѣ и при великомъ господинѣ преосвященномъ Иларіонѣ митрополитѣ Суждальскомъ и Юрьевскомъ
Fundatio	*97–123.* построи сію святую церковь во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Благовѣщенія, въ селѣ Ольферьевѣ, каменную, съ трапезою и съ колокольнею и со всякою церковною утварію
Intitulatio	*124–132.* по своей праведной вере и по обѣщанію архимандритъ Ѳеодосій
Dispositio	*124–132.* по своей праведной вере и по обѣщанію архимандритъ Ѳеодосій

Narratio	*133–146.* и по отцѣ своемъ Иоанне и по сродникахъ в вечный поминок своею келейною казною
Subscriptio	*162–181.* А устроения сея святыя церкви, всякое здание к строению управлял келейной его иеромонах Никодим, тоя церкви при священнике Михаиле Никитине

Рассмотрим синодик (CIR4089), дополняющий строительную надпись:

лѣта ҂зсе г їюнѧ в кд҃ (5) **день построилъ сїю свт҃ую церковь** (10) **с҆ трапезою и с҆ колокольнею** (15) **каменное по обѣщанїю своему а҆рхимандритъ** (20) **ѳеѡдосїй за сїе строенїе за** (25) **просфорами и за ѹпокой ево** (30) **архимандрита ѳеѡдосїѧ такожде и ево** (35) **родителей поминать.**

рабовъ бж҃їихъ і҆еромонаха (40) **никодіма · схимонаха нестора монаха нифонта** (45) **монаха аввакѹма схимонахини ѳеѡдосїи іѡанна** (50) Григорія, Мины, Ирины, Ульянеи, Ксеніи, (55) Петра, **в҆ живыхъ іереѧ і҆ѡанна** (60) **игнатїѧ ермонаха аввакѹма елены дв҃цы** (65) **схимонаха гѹрїѧ схимонаха ѳерапонта инокини** (70) **схимницы наталїи анны і҆оанна мл҃ца**

Структура «каменного» синодика необычна для подобного рода надписей:

Элементы формуляра	Текст надписи
Datatio	*(1–6)* **лѣта ҂зсе г їюнѧ в кд҃ день**
Fundatio	*(7–15)* **построилъ сїю свт҃ую церковь с҆ трапезою и с҆ колокольнею каменное**
Intitulatio	*(16–21)* **по обѣщанїю своемѹ а҆рхимандритъ ѳеѡдосїй**
Dispositio	*(22–74)* **за сїе строенїе за просфорами и за ѹпокой ево архимандрита ѳеѡдосїѧ такожде и ево родителей поминать. рабовъ бж҃їихъ і҆еромонаха никодіма · схимонаха нестора монаха нифонта монаха аввакѹма схимонахини ѳеѡдосїи іѡанна** Григорія, Мины, Ирины, Ульянеи, Ксеніи, Петра, **в҆ живыхъ іереѧ і҆ѡанна игнатїѧ ермонаха аввакѹма елены дв҃цы схимонаха гѹрїѧ схимонаха ѳерапонта инокини схимницы наталїи анны і҆оанна мл҃ца**

В «каменном» синодике смешаны элементы разных типов эпиграфических памятников. Со строительной надписью его роднят формулы

datatio, fundatio и intitulatio, обычно не встречающиеся в «каменных» синодиках более раннего времени. С вкладной грамотой – порядок поминовения, установленный в dispositio надписи: «**за сїе строенїе за просфорами и за ѹпокой ево архимандрита ѳеодосїа такожде и ево родителей помнить**». Имеется в виду порядок поминовения живых и усопших во время первой части литургии – проскомидии (предложения), когда путем особых священнодействий из хлеба и вина приготовляется вещество для евхаристии. Составной частью проскомидии является изъятие частиц из просфор. Согласно «Скрижали», изданной в 1656 г., во время изъятия частиц из пятой просфоры священник читал молитву «**ѡ пама́ти, и ѡставле́нїи прпопама́тных҃ со҃да́телей сты́х҃ о҃би́тели сеѧ̀. здѣ̀ помина́е҃ сщ҃е́нни҃ по и҃мени и҃хже хо́ще҃ живы́хъ и҃ ме́ртвы҃** <...> **а҃ще же слу́чится҃ в҃ не́коей и҃ной цр҃кви, помина́етъ о҃ногѡ, и҃же созда̀ цр҃ковь, сѝрѣчь зда́теля, и҃лѝ зда́телей** <...> **послѣ́ди́ же помина́етъ о҃ны́хъ, и҃же оусп҃о́ша во хр҃тѣ**» [1].

Почти полную аналогию данной формуле в «каменном» синодике архимандрита Феодосия дают две надписи, относящиеся к разным этапам развития старорусской эпиграфики – в копии вкладной грамоты на кресте дьяка Стефана Бородатого (между 1458–1463 гг.) и в храмозданной надпись 1691/92 г. из Знаменской церкви в Туле, возведенной на келейные деньги иеромонаха Феодосия:

«Каменный» синодик архимандрита Феодосия	Надпись на кресте дьяка Стефана Бородатого *	Строительная надпись в Знаменском храме Тулы **
(22–36) за сїе строенїе за просфорами и за ѹпокой ево архимандрита ѳеодосїа такожде и ево родителей помнить	|[19]: а по сн҃у мо҃е҃ и҃ и҃лье҃ по всѧ сѹ҃бо҃ поѭ҃ два попа с дыяконом ве҃ро |[20]нашь помнилю	|[12] і҃ аще бѹ҃де҃ |[13]которо҃ сѣ҃щенн҃ѣ҃ со҃лужи́те҃ в҃ цр҃кви бл҃говѣ҃щенн҃ |[14]на пре҃сты҃а бц҃ы і҃ о҃нь бы пожлова҃ѣ҃ в҃ забвенні и не |[15]положи҃ у сѵ҃тго же҃ртвени҃ка просѳ҃ромисли҃не҃ |[16]і҃ на ѥстестви҃а і҃ма́на и҃ помина҃ да і҃ сѧ҃ помино |[17]вѣ҃. бѹ҃де҃ ѳ҃ престола вы҃шнего со҃дн҃

* *См.: Авдеев А. Г. О надписи на кресте Стефана Бородатого // Прикосновение к вечности. Сборник статей / Научн. ред. Г. Е. Захаров, свящ. А. Постернак. М., 2017. С. 162–169).*

** *Изд.: Он же. Строительная надпись конца XVII в. из Тулы // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник статей. Вып. II. М., 2005. С. 199–203.*

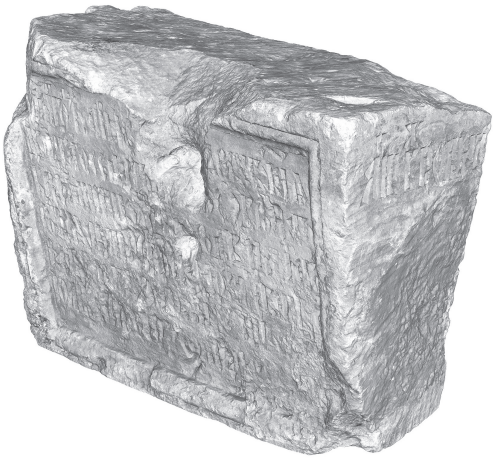
[1] Скрижаль. М.: Печатный двор. Х. 1656. Л. 167 об. – 168, 199 (третья паг.). Зернова. 266.

Еще одна особенность данного — включение в список поминаемых лиц живущих людей, что, при кратковременности человеческой жизни, представляется несколько необычным. Впрочем, вероятно, появление такого списка характеризует изменения в содержании эпиграфических памятников данного типа, очевидно, начавшееся в конце XVII в. Впрочем, вероятно, появление такого списка характеризует изменения в содержании эпиграфических памятников данного типа, очевидно, начавшееся в последние десятилетия XVII в. Один из ранних примеров дает уже упоминавшийся «каменный» синодик Ивана Кузьмича Кузьмина (CIR0977). Данная надпись завершается сильно повреждённым списком живых родственников храмоздателя, выделенных формулой «|9 [и о здрави?]҃ гд҃а молн҃7». Второй пример – также упоминавшийся «каменный» синодик архимандрита Троицкого Ипатьевского монастыря Феодосия в построенной в 1697 г. на его келейные деньги Благовещенской церкви в селе Алферьеве Тейкова и Сактышского стана Суздальского уезда (ныне – Тейковский р-н Ивановской обл.) (CIR4088), куда внесены бывшие в живых ко времени составления «каменного» синодика, вероятно, родственники и односельчане архимандрита.

В хронологическом порядке за ними следует «каменный» синодик Матюшкиных из церкви Иоанна Воина в Московском Златоустове монастыре, построенной в 1736 г. на средства Ивана Петровича Матюшкина (CIR4114). Синодик начинается с фразы «за здравие» и содержит имена живых родственников храмоздателя. Приведу его текст (CIR4114):

О здравии Праскеви[и Иоанна] Матрены і ихъ сродниковъ. За упокой строителя сея церкви Іоанна, болярина Петра, болярони Анны, Іоанна, Өеодосіи, Анастасіи, Кирилла, дѣвицы Анны, Петра, Екатерины, схимніцы Анисии, Андрея, Михаила, младенца Петра, Өеодора убиеннаго, Василія, Вас{с}ы, схимника Павла, схимницы Анисіи, Өеодора, Екатерины, Агрипены і ихъ сродниковъ. Построена сія святая церковь 1736 года [1].

[1] Здесь и далее в тексте утраченных надписей указывается порядковый номер слова, кратный 5.



Ил. 4. CIR0801. Москва. Церковь Николая Чудотворца в Хамовниках. Эпитафия Анне Прокопиевой дочери, жене оброчного крестьянина дворцового села Тонинского Кондратья Фроловича с синодичным списком. Май 1708 г. Документировано 09.11.2018 г., код документирования OG1018, код надписи CIR0801. Операторы документирования: Виталий Васнев, Екатерина Романенко, Антон Клейменов, Людмила Желтышева, Евгений Юшин. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева

Вместе с тем, в XVIII в. существенным образом меняются размещение и содержание «каменных» синодиков. Особенно активно идёт включение поминальных записей в эпиграфические памятники других типов. Один из примеров дает надгробная плита, найденная на приходском некрополе московской церкви Николая Чудотворца в Хамовниках. На ее торце вырезана церковнославянским шрифтом традиционная по формуляру эпитафия жене оброчного крестьянина села Тонинского Кондратья Фроловича Анне, умершей в 1708 г., на боковой грани – также церковнославянским шрифтом – синодик с именами родственников обоих супругов (CIR0801) (**Ил. 4**). Очевидно, для заказчика надгробия, не являвшегося ни ктитором храма, ни его прихожанином, был важен процесс поминовения не только «родной жены», как говорится в надписи, но и ближайших родственников, очевидно захороненных на иных некрополях.

Традиция размещения родовых синодиков на намогильных памятниках сохранялась и в начале XX в. Так, на боковой грани надгробия Андрея Семёновича Логинова († 28 декабря 1908 г.) вырезаны имена почивших родственников, предварённые формулой «О упокоеніи рабовъ Божіихъ» (**Ил. 5**) [1].

Возведение Троицкой церкви в Кашинском Клобуковом монастыре в 1734–1736 гг. не отмечено строительной надписью, однако в стену ал-

[1] Выражаем искреннюю признательность С. Ю. Шокареву за сведения о данном памятнике и предоставленную его фотографию.

Ил. 5. Москва. Ваганьковское кладбище. Надгробие Андрея Семёновича Логинова († 28 декабря 1908 г.) с синодиком почивших родственников. Фото С. Ю. Шокарева. Изд.: Авдеев А. Г., Оксенюк А. А. «Каменные синодики» и их эволюция в XVIII – начале XIX в. // ВЭ. Вып. XI. М., 2023. С. 252. Ил. 3

таря было вмонтировано два «каменных» синодика с именами кашинских дворян Сикеотовых и князей Барятинских (CIR04051, CIR4052), установленные храмоздателями – супругами Сикеотовыми – генерал-майором Сергеем Васильевичем и его женой Агриппиной Федоровной, урожденной Барятинской [1]. Во время археологических раскопок 2013 г. в монастыре в районе алтаря Троицкой церкви, разрушенного в советское время, была найдена сильно фрагментированная плита-вставка, озаглавленная как «|[1] **тѣлица ѥ҃ѵ҃ѧнкѡ**» (CIR0693) (**Ил. 6**), что позволяет выделить тип надписей, неизвестных в эпоху Московской Руси [2]. Палеографически надпись, выполненная церковнославянским шрифтом, может быть датирована началом второй четверти XVIII в. и, скорее всего, синхронна «каменным» синодикам. В сохранившемся фрагменте этого эпиграфического памятника в порядке иерархии чинов

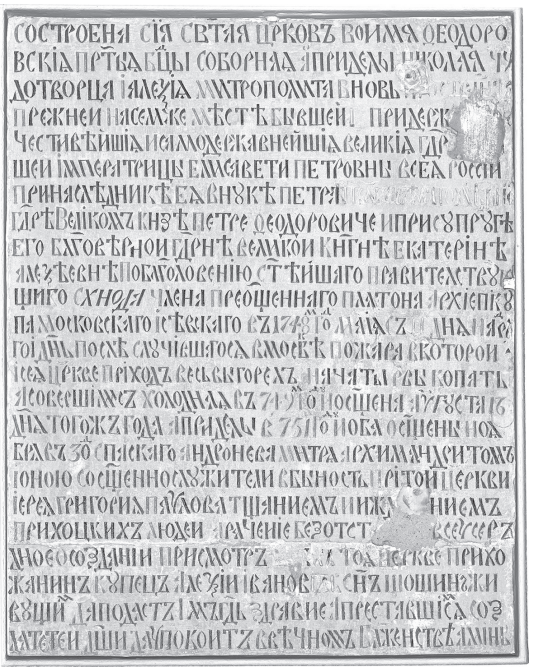
[1] О времени строительства храма см.: Яганов А. В. О хронологии каменного строительства в Кашинском Клобуковом монастыре во второй половине XVII – первой трети XVIII века // Вестник сектора Древнерусского искусства Государственного института языкознания. 2020. № 2. С. 93–94. О «каменных синодиках» храма подробнее см.: Авдеев А. Г. «Каменные синодики» … С. 16–25.

[2] Публикацию и подробный анализ надписи см.: Авдеев А. Г. «Каменные синодики» … С. 25–28.

Ил. 6. CIR0693. Кашин. Николаевский Клобуков монастырь. Таблица вкладчиков Начало второй четверти XVIII в. Современное состояние. Документировано 29.04.2018 г., код документирования OG0857, код надписи CIR0693. Операторы документирования: Сергей Пешков, Антон Клейменов, Александр Пешков, Александр Сидоров, Дарья Анисимова. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева

перечислены имена монашествующих. Список вкладчиков-мирян, очевидно, находился ниже, в утраченных строках. По сути дела, «таблица вкладчиков» открыла новую страницу в истории поминальной культуры, приравняв к храмоздателям людей, сделавших пожертвования на строительство храма, право на вечное поминовение которых закрепляла отдельная надпись, соседствовавшая с «каменными» синодиками на стене алтаря.

Еще один пример дает надпись о строительстве церкви во имя Феодоровской иконы Божией Матери в Рогожской слободе (CIR0763). Наряду с историей возведения в 1748–1751 гг. нового храма данный эпиграфический памятник сообщает, что тот строился «|19 **тщаниемъ и ижд**[иве]**ниемъ** |20 **прихоцкихъ людеи а раченіе безотст**[упное] **всеусеръ**|21 **дное о созданіи присмотръ** <..**бхѣ**> **тоѫ** <**ц**>**еркве прихо** 22 **жанинъ купецъ алеѯіи іванов** <**гък**> **сн҃ъ** <**ш**>**ошинъ**». Для формуляра строительной надписи данный формуляр традиционен. Однако новым элементом, не встречающимся в эпиграфических памятниках более раннего времени, является поминальная молитва, завершающая надпись: «|22 **жи** |23 **вꙋщи҃м да подастъ і҆мъ гд҃ь здравие а преставшісѧ҃м соз** |24 **дателеи дш҃и да упокоитъ въ вѣчномъ Бл҃женствѣ амінь**» (**Ил. 7**). Хотя не все храмоздатели названы поименно, общая молитве за них в какой-то мере сближает строительную надпись с синодичной. Однако расположена она в доступном для обозрения месте – у западных дверей церкви – и рассчитана на молитву входящих за живых и почивших благодетелей.



Ил. 7. CIR0763. Москва. Церковь Алексия митрополита Московского в Алексеевской слободе. 1751 г. Надпись о строительстве храма. Документировано 25.11.2018 г., код документирования OG1019, код надписи CIR0763. Операторы документирования: Антон Клейменов, Екатерина Романенко, Евгений Юшин, Людмила Желтышева, Виталий Васнев. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева

В последней четверти XVIII в. синодичные записи стали включаться в летописи, сообщавшие о времени росписи храма. В XVI–XVII вв. это был отдельный тип эпиграфических памятников, нередко дополнявшийся именами иконописцев, осуществивших фресковую роспись. В этом отношении показательны две сделанные краской надписи о росписи Богоявленской (Никольской) церкви г. Нерехты в 1767 г., выполненные церковнославянским шрифтом [1] Надпись на правом откосе окна (**Ил. 8а**) открывается именами людей, причастных к обновлению храма: «|1 Трꙋдами и Присмот|2ромъ сїѧ церкви Свѧ|3щенка Макарїѧ Алек|4сїева тщан|5їемъ строителей Григорїѧ Миха|6йлова сына мещани=|7на ивана Имельѧнова |8 Гащина и Ивана Васи|9льева Самохвалова |10 Степаниа Дмитрева |11и тоѧ церкви въклад |12чиковъ ихъже имѧ|13на въ книгахъ живо|14[т]ныхъ сꙋть на небе҃х |15 [в]е҃х приходскихъ |16

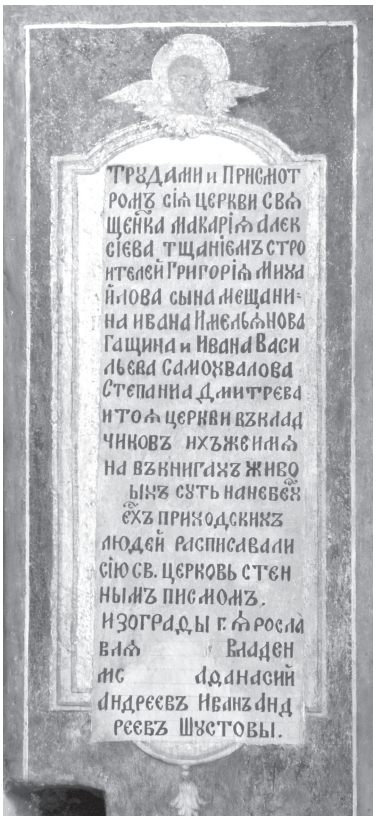
[1] О росписи храма см.: Никитина Т. Л. Роспись Богоявленской (Никольской) церкви в Нерехте и поздняя ярославская стенописная традиция // АН. 2017. Вып. 67. С. 114–121.

людей», после чего следуют имена иконописцев, расписывавших храм: «|16 расписывали |17 сїю св. церковь стен|18нымъ письмомъ. |19 изограды г. Ѧросла̀|20 влѧ [--6--] Владе|21мс [--6--] Аѳанасий |22 Андреевъ Иванъ Анд|23реевъ Шꙋстовы». Список имен иконописцев продолжается в надписи на левом откосе окна (**Ил. 8б**): «|1 Стеѳанъ Андрѣевъ |2 Столѧровъ Анд=|3 рѣй Денисовъ Хол |4 щевниковъ. Ꙋстинъ |5 Никиѳоровъ Крꙋж=|6евниковъ Ѳедоръ |7 Петровъ Баса=|8лаевъ Андрѣй Осипо|9въ Сапожниковъ |10 Ѳедоръ Андрѣвъ |11 Мѧсниковъ Никола |12 Аѳанасьевъ Гребе|13 ныцковъ Михайло |14 Демидовъ Поповъ |15 Петръ Алексѣевъ Звонарёвъ», после чего следует список «подмощиков» – судя по статусу, людей, оказавших финансовую помощь: «|16 подмо|17 щики Нерехтскїѧ |18 Кꙋпцы Данило |19 Єгоровъ Ниминъ |20 Михайловъ |21 Самсонъ.». Содержание надписей свидетельствует о смешении в них информативных единиц, ранее принадлежавших разным типам эпиграфических памятников: храмовой летописи, дополненной именами иконописцев, и «таблицы вкладчиков», в которую, подобно аналогичной надписи в Троицком соборе Клобукова монастыря, включены имена инициатора росписи – приходского священника, «строителей», «вкладчиков» и «подмощников», чьим «тщанием» осуществлялась роспись, с характерной для «бумажных» синодиков формулой: «|12 ихъже имѧ|13на въ книгахъ живо|14[т]ныхъ сꙋть на небе҃х». При этом важно, что данный эпиграфический памятник в отличие от предшествующей традиции размещён на доступных для обозрения откосах юго-западного окна внутри четверика.

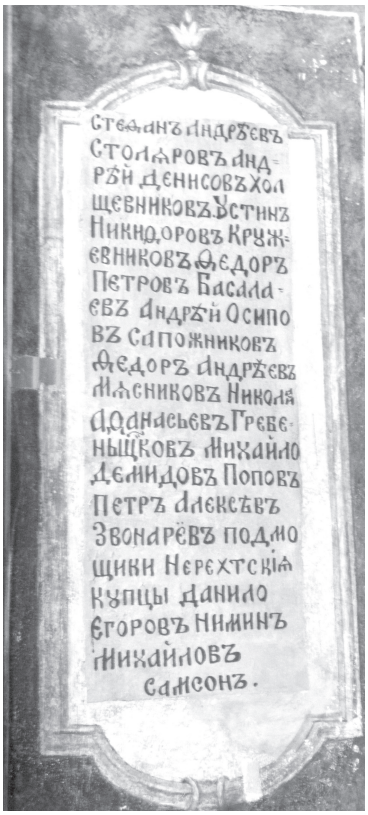
Хочется подчеркнуть известную новизну нерехтских эпиграфических памятников, поскольку надписи в храмах, расписанных артелью братьев Шустовых во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XVIII в. следуют традиционным формулам храмовых летописей [1].

И, наконец, на полное смешение информативных единиц, соответствовавших в Московской Руси определённым типам эпиграфических памятников, указывает надпись на мраморной доске из Покровской церкви на Вытегорском погосте села Анхимово (Вытегорская волость

[1] См.: Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Ред.-сост. И. А. Кочетков. М., 2009. С. 769–770.



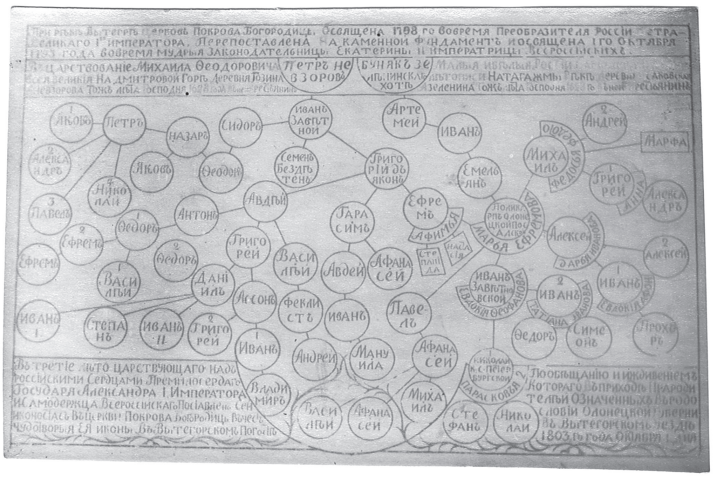
Ил. 8а



Ил. 8б

Ил. 8. Нерехта. Никольский собор. Надписи на откосе юго-западного окна. Ил. 8а. Надпись на левом откосе окна. Ил. 8б. Надпись на правом откосе окна.
Фото А. Г. Авдеева. 2013 г. Изд.: Авдеев А. Г., Оксенюк А. А. «Каменные синодики» … С. 255. Ил. 6

Вытегорского уезда Олонецкой губернии, ныне деревня Анхимово Вытегорского р-на Вологодской обл.), датируемая 1803 г. Надпись была сфотографирована в сентябре 1943 г. при осмотре храма уполномоченными комиссии по учету и охране памятников искусства при комитете по делам искусств при СНК СССР А. С. Тройниным и А. В. Виннер при участии военного коменданта г. Вытегра Н. М. Шалито и директора Вытегорского районного краеведческого музея С. А. Варламова. Покровская церковь сгорела в 1963 г., и вместе с нею погиб данный эпиграфический памятник. Сохранилась только его фотография в отделе



Ил. 9. Церковь Покрова Божией Матери на Вытегорском погосте села Анхимово (Вытегорская волость Вытегорского уезда Олонецкой губернии. Храмовая летопись.1803 г.
Фото 1943 г. из архива ГНИМА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 11. Л. 97 об. № КП 1192/446. Изд.: Ав-деев А. Г., Оксенюк А. А. «Каменные синодики» … С. 257. Ил. 7

хранения архитектурного архива ГНИМА им. А. В. Щусева (**Ил. 9**) [1].

По сути надпись представляет собой выполненную гражданским шрифтом летопись важнейших перестроек храма. Верхний и нижний её сегменты сообщают об освящении церкви в 1708 г., «во время Преобразователя России Петра Великого Іго Императора» и «перепоставлении» церкви на каменный фундамент в 1793 г. «во время мудрыя Законодательницы Екатерины II императрицы». Летопись продолжается в нижней части надписи в двух картушах, украшенных растительным орнаментом. Здесь сообщается о создании нового иконостаса в храме «в третие лето царствующаго над Российскими Сердцами Премилосердаго Государя Александра I Императора и Самодержца Всероссийскаго».

Наибольший интерес представляет средняя часть надписи. В отдельной рамке, под верхним сегментом летописи помещена выпись (названная в надписи летописью) из писцовой книги Заонежских погостов Обонежской пятины письма Никиты Панина и подьячего Семена Ко-

[1] ГНИМА. Отдел хранения архитектурного архива. Ф. 32. Оп. 1. Д. 11. Л. 97 об. № КП 1192/446. Фотография любезно предоставлена А. А. Оксенюком.

пылова 1628–1631 гг. [1], что само по себе представляется уникальным явлением для русской эпиграфики.

В выписи упомянуты две деревни – «на Дмитровой горе деревня Гозина» и «на Тагажме реке деревня Саковская, а Зеленина тож». К названию первой в полукружии подведено имя крестьянина Петра Невзорова, к названию второй – также в полукружии – имя крестьянина Буняка Зеленинского Хоте[...]. С них начинается родословное древо «прародителей, означенных в родословии», заканчивающееся имена устроителей иконостаса Василия и Афанасия Афанасьевичей. Каждое имя заключено в круг, а родственные связи между ними обозначены отходящими прямыми линиями. Генеалогическое древо завершается именами Василия и Афанасия, отделёнными от остальных родственников перекрещивающимися ветвями растительного орнамента.

Сам факт создания генеалогического древа, которое включает семь поколений крестьян, живших между 1628 и 1803 гг., и учитывает боковые ветви рода, не находит аналогий в русской эпиграфике. Безусловно, речь идёт не только, как было принято говорить в советские времена, о ярком проявлении «классового самосознания» крестьян, знавших свою родословную в прямом смысле до седьмого колена. Для примера отметим, что родовая память Сикеотовых в упоминавшемся выше «каменном» синодике доходила до прадеда, а князей Барятинских – до прапрадеда. Безусловно, сохранению большого объема родовой памяти в крестьянской среде могли сыграть не только поминальные традиции, но и семейные архивы, что для Русского Севера неудивительно [2]. Но отметим главное. Хотя представленное в надписи генеалогическое древо генетически связано с синодичной записью, создатель надписи рассматривает его как родословие прародителей, тогда как поминальная функция чётко не выражена.

Подведем итог. Проанализированные здесь эпиграфические памятники указывают на основные тенденции постепенного размывания типологических признаков и места размещения «каменных» синодиков имперского времени. Составными частями этого процесса в хронологической последовательности являются:

---

1 РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. № 308.

2 Напр.: Маркелов Г. В. Крестьянские архивы в Древлехранилище Пушкинского Дома // ТОДРЛ. 1993. Т. XLVI. С. 495–502.

– размытие связи между строительной надписью и «каменным» синодиком;

– включение в «каменный» синодик лиц, сыгравших важную роль в карьере храмоздателя;

– включение в «каменный» синодик имён живых на момент создания надписи родственников;

– переход «каменных» синодиков из сакрального в открытое пространство храма или некрополя, что придавало публичность поминанию названных в них лиц;

– размещение «каменных» синодиков в комплексе с эпитафией на намогильных плитах лиц, не являющихся ктиторами или донаторами храма;

– появление в алтарной части храма «таблиц вкладчиков» — нового типа надписей, генетически связанных с «каменными» синодиками, но включающая имена ктиторов, не связанных родством;

– появление в строительных надписях поминальных молитв синодичного типа;

– слияние в храмовых летописях, размещённых вне алтарного пространства, сообщений о росписи храма со списками имён художников и ктиторов и фактическое превращение их в синодичные записи;

– включение в надписи по истории храмового строительства генеалогического древа ктиторов, фактически утерявшего связь с родовым синодиком.

Наиболее устойчивым элементом является церковнославянский шрифт, который постепенно заменяется гибридным, а к началу XIX в. выходит из употребления.

Список литературы

Рукописные источники

Метрика Троицкой церкви в селе Алферьеве / Сост. свящ. Петр Ключарёв. 1887 г. // Научный архив ИИМК РАН. Ф. Р–III (Метрики старинных церквей). Д. 523.

Синодик патриарха Иова // ОР РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 156. XVII в.

Статир // РГБ ОР. Ф. 256 (собрание Н. П. Румянцева). № 411. Конец XVII в.

Опубликованные источники

Кириллова книга. М.: Печатный двор, 21.IV.1644. Зернова. 169.
Скрижаль. М.: Печатный двор. X. 1656. Зёрнова. 266.

Исследования

Авдеев А. Г. Строительная надпись конца XVII в. из Тулы // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник статей. Вып. II. М.: Лето, 2005. С. 199–203.

Авдеев А. Г. О надписи на кресте Стефана Бородатого // Прикосновение к вечности. Сборник статей / Научн. ред. Г. Е. Захаров, свящ. А. Постернак. М.: изд-во ПСТГУ, 2017. С. 162–169.

Авдеев А. Г. Архимандрит Троицкого Ипатьевского монастыря Феодосий II // Ипатьевский вестник. Научно-богословский журнал. 2021. № 4 (16). С. 63–76.

Авдеев А. Г. «Каменные синодики»: методы датировки и интерпретации // ВИД. Вып. XL. СПб., 2021. С. 9–39.

Авдеев А. Г., Оксенюк А. А. «Каменные синодики» и их эволюция в XVIII – начале XIX в. // ВЭ. Вып. XI. М., 2023. С. 247–262.

Беркович В. А., Егоров К. А. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М.: ООО «ТМ Продакшн», 2017. – 765 с., ил.

Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. и изд. К. Н. Тихонравов. М.: в Университетской тип., 1857. – 199 с., ил.

Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 524 с.

Дергачёва И. В. Древнерусский Синодик. Исследования и тексты. М.: Кругъ, 2011. – 404 с., ил. (Памятники древнерусской мысли. Исследования и тексты. Вып. VI).

Добронравов В. Г., Березин В. Д. Описание церквей Владимирской епархии. Вып. 2: Переславский и Александровский уезды. Владимир: типо-литогр. В. А. Паркова, 1895. – 520, VI с.

Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М.: тип. ВГБИЛ, 1958. – 152 с.

Иоасаф, иером. (Гапонов В. А.). Церковно-историческое и статистическое описание Владимирской епархии, составленное на основание определения Св. Правительствующего Синода от 19 мая / 6 октября 1850 года / Изд. подг. А. И. Раздорский, А. В. Сиренов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. – 560 с.

Каштанов С. М. Русская дипломатика: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1988. – 230 с. (Библиотека историка).

Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л.: Наука, 1978. – 245 с.

Маркелов Г. В. Крестьянские архивы в Древлехранилище Пушкинского Дома // ТОДРЛ. 1993. Т. XLVI. С. 495–502.

Мартынов А. А. Надгробная летопись Москвы // Русский архив. 1895. Кн. 2. С. 97–109, 219–240, 383–395, 521–528.

Никитина Т. Л. Роспись Богоявленской (Никольской) церкви в Нерехте и поздняя ярославская стенописная традиция // АН. 2017. Вып. 67. С. 114–121.

От избытка сердца говорят уста. Рукопись XVII века «Статир» и её автор / Ред.-сост. С. М. Барков, Т. Б. Соколова. Пермь: Пермь-Раритет, 2011. – 550 с., ил.

Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в. Новосибирск: Наука, 1973. – 230 с.

Путеводитель к древностям и достопамятностям Московским, руководствующий любопытствующаго по четырем частям сея столицы к дее-место-описательному познанию всех заслуживающих примечание мест и сданий, как-то: соборов, монастырей, церквей, государственных и частных заведений, как старых, так и новых, с надписей и из других достоверных источников собранный, и для удобнейшаго оных приискиванию азбучной росписью умноженной. Ч. IV. М.: Университетская тип., 1793. – 296 с.

[Саитов В. Н., Модзалевский Б. Л.] Московский некрополь. Т. II. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1908. – 486 с.

Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – 604 с., ил.

Словарь русских иконописцев XI–XVII вв. / Редактор-составитель И. А. Кочетков. М.: Индрик, 2009. – 1104 с., ил.

Шереметев С. Д. Труды по истории Смутного времени / Сост. М. Д. Ковалева, А. В. Топычканов, С. Ю. Шокарев. М.: ООО «Центр Внедрения Инноваций и Технологий», 2015. – 356 с.

Яганов А. В. О хронологии каменного строительства в Кашинском Клобуковом монастыре во второй половине XVII – первой трети XVIII века // Вестник сектора Древнерусского искусства Государственного института языкознания. 2020. № 2. С. 93–94.

Яхонтов И., прот. Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». СПб., 1883. – III, 205 с.

Список сокращений

АН – Архитектурное наследство.

ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины. СПб.

ВЭ – Вопросы эпиграфики / Отв. ред. А. Г. Авдеев.

ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева.

Зернова – Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958.

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург.

ОР – Отдел рукописей

РАН – Российская академия наук

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Москва.

РГБ – Российская государственная библиотека. Москва.

СНК – Совет народных комиссаров

ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). М.; Л.; СПб.

CIR – Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей// http://cir.rssda.su.

ШАХНОВИЧ
Марк Михайлович

кандидат исторических наук,
Центр гуманитарных проблем
Баренц-региона ФИЦ КНЦ РАН,
Апатиты, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ЦЕРКВИ РОЖДЕСТВА ПРЕЧИСТОЙ БОГОРОДИЦЫ В ГОРОДЕ КАНДАЛАКША

Введение. XXI век отмечен увеличением масштабов археологических работ на исторических усадьбах монастырей Северо-Запада России. В Мурманской области РФ изыскания по церковной археологии начаты в 2010 г. с раскопок «старой» церкви свв. страстотерпцев Бориса и Глеба на реке Паз [1]. В последующие годы проводились исследования храмов Рождества Христова Трифонова Печенгского монастыря и Свято-Никольского села Варзуга [2].

Для изучения вопросов становления православия в Русской Лапландии и для расширения источниковой базы по периоду позднего Средневековья региона обследование усадьбы Кандалакшского мона-

[1] Шахнович М. М. Древний храм святых Бориса и Глеба на реке Паз: опыт историко-археологического исследования //Четвертые Феодоритовские чтения / Север и история. СПб.: Ладан, 2012. С. 181–215.

[2] Шахнович М. М. Работы в Трифоново-Печенгском монастыре (Мурманская обл.) //Новгород и Новгородская земля. История и археология. 2012. Вып. 26. С. 166–177; Шахнович М. М., Широбоков И. Г. Позднесредневековый могильник с. Варзуга: итоги работ 2011–2012 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 2013. Вып. 27. С. 97–114.

стыря, считающегося древнейшим на Кольском Севере, – это качественно важное направление нашей работы.

История археологического изучения реки Нива. Первое известное упоминание об археологических находках из окрестностей села Кандалакша принадлежит С. Н. Дурылину, описавшему распространенное на Русском Севере лечение с помощью «громовых стрел» и знаменитый лабиринт – «вавилон» – на острове в местечке Питкуль [1]. В 1928 году первые археологические изыскания в устье реки Нива осуществлены сотрудниками палеоэтнологической партии антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции МАЭ под руководством А. В. Шмидта [2]. В 1934–1935 гг. геологи Г. И. Горецкий и И. А. Карасев обнаружили на древних террасах, на участке между селами Кандалакша и Пинозеро, восемь стоянок эпохи неолита [3]. В 1946 г. ленинградский археолог Н. Н. Гурина обследовала окрестности Кандалакши, где нашла еще семь новых местонахождений каменного века с кварцевым материалом и асбестовой керамикой [4].

В 1970–1974 гг. археологи КФ АН СССР Ю. В. Титов, П. Э. Песонен и А. В. Анпилогов обследовали левый берег реки Нива от Пинозеро до Кандалакшской губы и открыли более 30 древних поселений (мезолит – неолит) [5]. В 1971 г. на Монастырском Наволоке, на территории поморского кладбища ими сделаны сборы гончарной керамики и зафиксировано средневековое поселение [6]. В 2006 г. валунные

---

[1] «Одним из местных крестьян были найдены неподалеку от села два кремневых топорика, несомненно, принадлежавших к каменному веку. Эти топорики стали, как ни странно, в Кандалакше врачебным средством: их обладатель лечит ими от всех болезней, прикладывая топорик к пояснице больного или давая ему пить воду, скаченную с топорика. Продать топорик мужик не соглашался». См.: Дурылин С. Кандалакшский «вавилон» (К изучению северных лабиринтов). М.: А. Снегирева, 1914. С. 3.

[2] Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе //Кольский сборник. Л.: АН СССР, 1930. С. 120.

[3] Горецкий Г. И. Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка //Труды Советской секции INQUA. 1937. Вып. III. М.–Л.: АН СССР, С. 107–118.

[4] Гурина Н. Н. Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова //Советская археология. 1950. XII. С. 106.

[5] Титов Ю. В., Анпилогов А. В., Лобанова И. Ю. Кольская археологическая экспедиция //Археологические открытия – 1974. М.: Наука, 1975. С. 41.

[6] Титов Ю. В., Песонен П. Э. Новые памятники на Кольском полуострове // Археологические открытия – 1971. М.: Наука, 1972. С. 10.

сложения и энеолитические стоянки около лабиринта обследовал А. М. Жульников [1].

Общие сведения. Время основания многих монастырей Севера – одна из дискуссионных тем церковной истории. Письменные сведения, как правило, полностью отсутствуют или незначительны. Известная информация о начальном этапе продолжительной истории Кандалакшского монастыря также скудна. В первой половине XVI века село Кандалакша упоминается как место, куда ежегодно свозились сборы из саамских погостов всей Русской Лапландии. Большинство региональных историков XIX–XXI вв. относят основание обители к 1526 году [2]. В историографии высказывается и другая гипотеза о том, что Пречистенский Рождественский монастырь возник в 1554 или в 1548 году [3].

Уже во второй половине XVI века обитель имела два храма: Рождества Пречистой Богородицы и свт. Николая Чудотворца. На правой «мирской» стороне реки Нива стояла приходская церковь св. Иоанна Предтечи. Храмы неоднократно горели при неприятельских нападениях на Кандалакшу. Во время набега на Беломорье отряда «каянских» финнов 26 мая 1589 года были сожжены обе монастырских церкви, и после этого храм свт. Николая Чудотворца не восстанавливался [4].

[1] Жульников А. М. Отчет о работах Беломорской археологической экспедиции КГКМ в 2006 году // НА НМРК. Д. 5632. С. 31.

[2] Запись в Ростовской летописи содержит просьбу кандалакшских лопарей и поморов к Василию III освятить построенную ими церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи: «Приехаше в Москве лопляне с моря Окияна, из Кандалакшской губы, усть Нивы реки, из дикой лопи и били челом государю и просили антиминса и священников церковь свящати и просветити их святым крещением, и государь велел архиепископу Макарию послати из Новагорода от соборныя церкви священника и диакона, и они ехавши освящали церковь Рождества Иоанна Предтечи и многих лопян крестиша». См.: Полное собрание русских летописей. СПб. 1853. Т. 6. С. 289.

[3] Митрофан (Баданин). История Кандалакшского монастыря. СПб.: Ладан. 2012. 30 с.

[4] В писцовой книге Алая Михалкова 1608–1611 гг. значится: «На Кандолошской губе на усть реки Нивы над морем против Кандолошские волости за рекою на наволоке монастырь общей. А по Васильевым книгам Агалина да подъячего Степана Соболева написано в том монастыре церковь Николы Чюдотворца да 2 предела Петра и Павла да Зосимы и Саватия Соловетцких чюдотворцев да теплая церковь Рождество Пречистые Богородицы, а в церкве образы и книги да колокол один строение царя и великого князя, а три колокола поставил строитель тогоже монастыря, и в 98 году те обе церквы сожгли свитские немцы, как воевали волость Кандолокшу». Цит. по: Харузин Н. Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. М.: А. Левенсон, 1890. С. 459.

Монастырь пострадал и во время Смуты от двух зимних нападений «воровских шаек»: в 1613 и в 1614–1615 гг. [1] В 1693 г. «Кандалажской монастырь волею Божиею погорел без остатка» [2]. Летом 1855 г. монастырский храм был снова сожжен английским десантом. Несмотря на частые разорения, мужской монастырь в XVII веке оставался значимой северорусской обителью с обширным промысловым хозяйством [3].

Монастырь и поморское селение располагались друг напротив друга на обоих берегах устья реки Нива, и, скорее всего, выбор места не был случаен. На Севере монастырь и кладбище традиционно отделялись водной преградой от мирского поселения. Монастырский Наволок – приустьевый участок левого берега реки в начале XVII века – считался, скорее всего, территорией, при-

---

[1] «… В нынешнем де во 123-м году о Рождестве Христове приходили де к ним в Поморе войною литовские люди и черкасы, и монастырь де их вес до основания разорили и выжгли, и крестьян высекли, и соляные промыслы с солью выжгли, и игумена и старцов и слуг мучили и посекли, и казну монастырскую всю пограбили, и лошади монастырские все поимали, и хлебные запасы конми вытравили». Цит. по: Никонов С. А. Кандалакшский монастырь в XVI–XVIII вв.: исследования и материалы. Ч. 1. Очерки истории. Мурманск: МГГУ, 2011. С. 91.

[2] Цит. по: Ушаков И. Ф. На Усть-Ниве реке //Избранные произведения. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1998. Вып. III. С. 47.

[3] «... В том монастыре церковь с трапезою и келарскою Рождество Пречистые Богородицы древяная верх шатровой < … > и всего 12 келей, а в них игумен да поп черной да старцев да с больничными 28 человек. И обоего 30 ч. да келья, а в ней 3 человека дьячков. Келья хлебная. Келья швалия. Келья дружинная, да пустых две кельи, да в монастыре же трудников 31 человек да по службам наемных соловаров и дровосеков и дрововозов 70 человек. И всего дьячков и трудников и всяких 104 человека. Да на монастыре же поварня да погреб да на погребу анбар да монастырем на монастырском наволоке двор коровнич, в нем коровник Гришка Савин сын: да келья в ней живут трудники, да два анбара, а держат в них запас монастырской. Да за монастырем на другой стороне от моря анбар монастырской да держат в нем гутовую снасть. Да за монастырем же на том же наволоке вверх по Ниве реке дворишка бобыльские тягло тянут в монастырь. < … > И всего два дворишка, а людей в них пять человек. А межа их монастырскому наволоку от великого камени, что под большой варакою под Земцом да около монастыря вверх Нивы реки до порога против мельницы». Цит. по: Харузин Н. Русские лопари… С. 459–460; «В Кандалакшском монастыре церковь с трапезной и келарской, среди келий две больницы, поварня, хлебня, швальня, дружинная, скотный двор, амбары с монастырскими запасами. 31 человек трудников, да по службам наемных соловаров и дровосеков и дрововозов – 70 человек» (1698 г.). Цит по: Богословский М. Северный монастырь в XVII в. // Вестник Европы. 1908. Т. VI. С. 283.

Рис. 1. Кандалакша. Церковь Рождества Богородицы. Фото начала XX века. Вид с юга

надлежавшей исключительно монастырю [1]. В писцовой книге 1608–1611 гг. значится, что соседствовавшим кандалакшским крестьянам предписывалось «*не вступатися, лодьям их не приставати и дворов и мельниц на том берегу не ставити и никоторого насильства монастырю не чинити*» [2].

В 1742 г. захиревшая после петровских церковных преобразований обитель в селе Кандалакша «по скудности» была приписана к Соловецкому монастырю. В 1764 г. ее упразднили по секуляризационной реформе Екатерины II и более не возрождали. Сейчас большая часть бывшей территории Кандалакшского Пречистенского монастыря занята поморским кладбищем XIX–XX вв., огородами и частными домами.

Церковь Рождества Пречистой Богородицы после ее уничтожения англичанами была восстановлена в 1865 г. и разобрана в 1942 г. Она находилась на краю ровной песчаной площадки северного берегового склона скального приустьевого мыса, на высоте 8 м над уровнем моря, в 0,15 км к востоку от окончания левого берега реки Нива, при ее впадении в Белое море. Сохранились подробные описания храма,

---

[1] «Монастырь Рождества Пресвятые Богородицы Кандалошский стоит в Кондалошской губе в наволоке, по одну сторону монастыря река Нива, по другую сторону монастыря губа, а над тем монастырем великая высокая гора каменная вблизости мало восходная, а у того монастыря ограды нет». Цит. по: Шургин И. Н. Исчезающее наследие. Очерки о русских деревянных храмах XV–XVIII веков. М.: Совпадение, 2006. С. 37.

[2] Харузин Н. Русские лопари… С. 460.

сделанные в начале XVIII и в конце XIX вв. [1], а также фотографии, позволяющие воссоздать его внешний облик после пожара 1855 г. [2] (рис. 1).

Археологические работы. В 2013 и 2015 гг. на месте разрушенной церкви Рождества Богородицы на Монастырском Наволоке экспедицией Национального музея Республики Карелия проведены археологические раскопки. Задачи работ: получение сведений о структурной характеристике культурных напластований на месте храма, оценка их состояния, расчистка и диагностика сохранности каменного фундамента, поиск новой информации по истории монастыря, особенно вычленение «домонастырского» слоя ранее середины XVI в.

Первоначально раскопом в 32 кв. м обследовалась алтарная часть храма. В 2015 г. работы были продолжены прирезкой на площади 15 кв. м.

Стратиграфия. Мощность прослеженных культурных отложений была неравномерной: вдоль северной стены церкви – до 1,12 м, а в западной части – 0,8 м. Усредненно стратиграфия в раскопе выглядит следующим образом: коричневый песок (слой огорода) – 0,2–0,45 м;

[1] «На монастыре церьковь древяная о пяти верьхах главы обиты чешуею кресты на ней четвероконечные во Имя Рождества Пересвятыя Богородицы теплая с трапезою и келарскою и с крылцами с восходными покрыто тесом <…> в олтаре два окна колодных с окончинами <…> в церкви два окна красных с окончинами сьлюдными ветхие под железом, столовая доска рубовая зволка медная. Келарская, в ней и на крыльцах, и на в передней семь икон пяднишних <…> Чюлан тесовой два окна красных с слюдными окончинами ветхими. Паперть тесом забрана, в ней две окончины слюдные под железом, двои двери на крюках <…> Под трапезою печь болшая каменная с дымоволоком каменным. Под церковью анбар кладный с дверьми. Под трапезою жира теплая»; «В тое же церкви, и в олтари, и в трапезе, и в келарской, и гостинной, и в паперте колодных окон тринадцать окончин, четыре окончины малых волоковых, окно окончина стеколчатая». Цит. по: Шургин И. Н. Исчезающее наследие… С. 37.

[2] «Ныне существующая приходская церковь – во имя Рождества Пресвятые Богородицы построена в 1865 году на Высочайше пожалованную сумму. Зданием деревянная на каменном фундаменте, одноэтажная, устроена в виде корабля. Высота церкви 6 саж., длина 12 саж. и ширина 4 саж. и 5 четвертей; над кровлею церкви одна глава; кровля церкви крыта листовым железом на 4 ската; трапезы на 2 ската и алтаря на 4 ската. Вся церковь обшита тесом и окрашена охрой, а карнизы и углы белилами, крыша мумией, купол и главы медянкой; кресты на церкви и колокольне железные золоченые. Колокольня находится в одной связи с церковью. Вокруг церкви есть деревянная ограда, окрашенная охрой и уже ветхая. Необходимая утварь, ризница и богослужебные книги есть. Из предметов богослужебной утвари более замечательными в археологическом отношении можно считать два напрестольных Евангелия, относящихся к XVI веку». Цит. по: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1896. Вып. 3. С. 191–194.

темно-желтый песок – 0,1–0,16 м; темно-желтый песок с углями – 0,1–0,2 м; черный углистый слой пожара – 0,2–0,25 м; крупнозернистый темно-желтый песок – 0,2–0,25 м; желтый песок – материк.

Стратиграфическая колонка напластований хорошо иллюстрирует разные периоды строительной деятельности на месте церкви. Остановимся подробнее на основных ее составляющих.

1. Верхняя часть культурных напластований пострадала от деятельности, связанной с функционированием огорода последние сорок лет. При ручном перекапывании грунта вещественные остатки многократно перемещались в почве, также производилась подсыпка песка.

2. После последнего пожара 1855 г. строители не расчистили место гари, а решили «накрыть» сгоревшие остатки предшествовавшей деревянной постройки слоем песка мощностью 0,1–0,2 м, тем самым осуществив их консервацию. Эта подсыпка также выровняла общий естественный наклон поверхности холма в сторону реки и несколько приподняла новое здание храма, подчеркнув его смысловую доминанту. Она производилась сначала темно-желтым с углями песком, взятым рядом с местом пожарища, и затем поверх него отсыпался желтый песок без углей. В нем, кроме кусочков красного кирпича и шлаков, единично встречались разрозненные небольшие фрагменты человеческих костей, поэтому можно предположить, что использовался грунт с расположенных рядом площадок по периметру здания, где находились захоронения. Отметим, что мощность слоя отсыпки в алтаре значительно больше, чем на других участках внутри фундамента церкви.

3. Слой пожарища – насыщенный углем песок черного цвета и расположенный ниже темно-желтый песок с углями, значительный по мощности: 0,25–0,4 м. В верхней части углистого слоя находится большое число раздробленных и перемешанных обугленных крупных кусков древесины. На уровне 0,45–0,53 м от с. д. п., в северной части раскопа зафиксирован хорошо сохранившийся, полностью обугленный настил пола из плотно подогнанных друг к другу небольших плах и бревен шириной 0,12–0,17 м, уложенных с севера на юг и, что важно, точно перпендикулярных длинной оси фундамента 1855 г. Отметим, что доски располагались под небольшим, но ощутимым наклоном в 100 в южную сторону. Под обугленным настилом фиксировалась прослойка (толщиной 1 см) древесного тлена, находившегося уже в слое крупнозернистого темно-желтого с мелкими углями и следами прокала песка.

Рис. 2. Кандалакша. Церковь Рождества Богородицы. Фото начала XX века. Вид с юга

Черный углистый слой можно связать с пожарами 1693 и 1855 гг.

4. Четкий контакт слоев стратиграфической колонки в предматериковой зоне позволяет высказать предположение, что та часть культурного слоя, которая должна включать отложения более раннего времени, чем середина XVII в., была, вероятно, удалена во время предшествующего строительства. Серия радиоуглеродных определений 2015 года, датирующих каменную кладку и основания столбов, расположенных ниже общего уровня материка, периодом конца XV – начало XVI вв., тому подтверждение (табл. 1).

Объекты, прослеженные в границах исследованного участка.

Фундамент. В настоящее время остатки церкви представлены только хорошо выделяющейся на поверхности, руинированной фундаментной кладкой, возведенной при восстановлении храма после пожара 1855 г. Она, к счастью, не разбиралась в советское время и ко времени раскопок сохранилась полностью (рис. 2).

Внешняя сторона фундамента сложена «насухо» из уплощенных, частично отесанных, крупных прямоугольных блоков дикого камня, установленных на зарытые в землю необработанные валуны. Верхнюю плоскость конструкции нивелируют небольшие плоские камни. Северная стена сложена из трех рядов камней, южная и западная – из двух. Внутренняя сторона делалась из необработанных валунов. Центр кладки между внешними и внутренними линиями крупных

блоков и валунов забутован мелкими камнями. Ими же закладывались щели и полости внешней стороны фундамента. Ширина стены молельного помещения – 1,05 м, высота с внешней стороны, обращенной к воде – 0,55–0,8 м. Общая длина фундамента здания подлинной оси – 27,2 м, наибольшая ширина – 10,7 м. Внутренние каменные выкладки между притвором, центральной частью и алтарем, которые обычно делали «вперевязку» с периметральным контуром, отсутствуют. Внутренняя стена сделана только между колокольней и притвором.

Фундамент колокольни имел меньшую ширину – 0,6 м, и был сложен из «диких» небольших камней более «небрежно» и без скрепления раствором.

В границы раскопа 2013 г. вошел фрагмент фундамента алтаря южной стены церкви. Он был раскрыт на участке длиной 4,5 м. Его ширина – 1,05 м, но в месте углового изгиба она увеличивается до 1,4 м. В высоту кладка состоит из трех рядов камней: двух больших и сверху более мелких для выравнивания. Для постройки использовались камни размерами от 0,3 х 0,4 м до 0,6 х 0,8 м и толщиной 0,15–0,3 м. Подошва фундамента с внутренней стороны находилась на глубине 0,3 м от современной дневной поверхности (с. д. п.), а с внешней, где существует естественный наклон – 0,4 м от с. д. п. Специальная траншея для камней в этой части фундамента не прослежена, т. е. они укладывались на выровненную песчаную поверхность.

В раскопе, в 0,5 м к югу от стены здания, прослежен и фрагмент основания церковной ограды, сложенной из небольших камней (размерами 0,25–0,35 м). На фотографии начала XX в. видно, что по внешнему периметру церкви располагался декоративный деревянный забор с двустворчатыми воротами с южной стороны, а за его пределами – могилы с крестами и деревянными «домиками мертвых».

Алтарная преграда. В северной части исследованного участка, на уровне 0,6 м от с. д. п. находилась продолжающаяся в северную бровку цепочка вертикально установленных, плотно составленных, одинакового диаметра (0,24 м) окоренных тринадцати столбов, точнее, их оснований (высотой 0,26 м). Они прослежены в пределах раскопа на протяжении 3,2 м по условной линии север – юг, перпендикулярно длинной оси здания. В верхней части они полностью обуглены, но структура древесины хорошо сохранилась (рис. 3). Их нижние окончания округлой формы не подверглись сильному термическому

Рис. 3. Монастырский Наволок-2013. Фундамент церкви. Вид с севера. Фото М. Шахновича

воздействию и представляют собой древесный тлен. Канавка (шириной 0,42 м), в которую были установлены бревна, заглублена в материковый песок на 0,32 м. С обоих ее сторон, на одном уровне с верхним краем «стенки» прослежены остатки сгоревшего пола. Сооружение можно интерпретировать как легкую стену в подклети, отделяющую пространство под алтарем. Радиоуглеродный возраст образцов из нижней и верхней частей одного из бревен – 248±25 л. н. (SPb-1127) и 252±30 л. н. (SPb-1128), что соответствует середине XVII в. [1]

Кладки. В границах алтарного пространства подклети церкви обнаружены две разновидовые каменные кладки.

Кладка 1 (1,8х1,05 м) проступила одним уровнем на глубине 0,56–0,58 м от с. д. п. в центре церкви, под Царскими вратами. Она выложена в один слой из уплощенных камней размерами 0,2–0,6х0,15–0,3 м. Под кладкой прослежены фрагменты истлевшей древесины толщиной до 3 см. Находки при разборке кладки: оконница слюдяная (1), скоба железная (1), гвозди кованые (4), кусочки слюды серебристого цвета (3), фрагменты бересты. Кладка и остатки алтарной преграды находятся на одной линии и, скорее всего, взаимосвязаны как части одной конструкции.

[1] Радиоуглеродные определения на памятнике произведены д. г.-м. н. М. А. Кульковой (изотопная лаборатория РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург).

Кладка 2 сложена в «поздней» яме в условном центре подалтарного пространства. Яма размерами 1,6х1,3 м, в плане округлой формы, с ровным дном и отвесными краями. Ее дно находилось на уровне 0,87 м от с. д. п. Она была сделана именно для размещения в ней кладки 2. Сложение (1х0,9х0,2 м) выложено из камней размерами 0,2–0,4х0,15–0,25 м, аккуратно уложенными в два ряда. Заполнение между камнями – темно-желтый песок, с крошкой кирпича и известкового раствора. Слой под камнями – желтый песок мощностью 0,06 м и ниже – материковый светло-желтый песок. Выскажем предположение, что это «закладной камень» – место под престолом, созданное при восстановлении церкви после пожара 1855 г. Специально выложенные каменные основания престолов и примыкающие к ним особые опоры для запрестольных крестов известны по результатам раскопок московских храмов XVI–XVIII вв. [1]

В раскопе 2015 г. прослежены еще две каменных кладки.

Кладка 3 находится в центральной части церкви. В плане она овальной формы, размерами – 0,7х0,48 м, сложена из мелких, расколотых огнем осколков каменных плит (max 0,1х0,15 м), лежащих на уровне 0,62–0,73 м от с. д. п., в углистом слое пожара. Слой в центре сооружения – также насыщенный углистый песок, который продолжался ниже уровня камней на глубину еще 4 см. В кладке, поверх камней найден фрагмент лобной кости человеческого черепа с участком глазницы, которая, вероятно, не связана с ее функционированием. Другие находки внутри кладки отсутствовали. В центре сооружения взяты крупные образцы угля на радиоуглеродный анализ, которые дали две даты, приходящиеся на период середины XV – начала XVI в.: 370±25 BP и 365±30 BP / 1450–1524 и 1449–1529 calAD (SPb-1839, 2026). Данное сооружение можно определить как очажную кладку.

Кладка 4 – это три плоские плиты гранита, в плане подквадратной формы, без обработки, размерами max 0,45х0,6 м, толщиной до 0,07 м, проступившие одним уровнем на глубине 0,45–0,47 м от с. д. п. Она начинается в 0,9 м к западу от очажной кладки 3 и продолжается в юго-западный угол раскопа, совпадая с направлением длинной оси церкви. Длина прослеженного в раскопе

[1] Беляев Л. А., Тихова О. А. Опорные камни престолов и запрестольных крестов в храмах Москвы 16–18 вв. // Российская археология. 2012. № 2. С. 168–172.

участка кладки – 1,75 м. Грунт между камнями и под ними на глубину 0,18 м – углистый песок. При разборке слоя под камнями найден один кусочек слюды серебристого цвета, рядом с ними – шесть кованых гвоздей и фрагмент слюдяной оконницы.

В 0,25 м к северу от камней находилась обугленная плаха (1,х0,3х0,04 м), лежащая параллельно кладке, вероятно, остатки пола. Дата древесного тлена нижней части доски – 364±25 BP/1451–1527 calAD (SPb-1838), что совпадает с датой, полученной из кладки 3.

По нашему мнению, все четыре каменных сложения по характеру их залегания в культурном слое относятся к одному комплексу объектов, созданных в подклети церкви в XVII в.

Погребения. В южной части подалтарного пространства, на уровне 0,86 м от с. д. п. выявлены хорошей сохранности не потревоженные два костяка, лежащие друг на друге в одной могильной яме. Какие-то надмогильные сооружения, отмечающие погребение на поверхности (камни, остатки столба или «гробнички» и т. п.), не зафиксированы.

Могильная яма стала «читаться» на уровне 0,45 м от с. д. п. как пятно насыщенного черного углистого песка, в плане подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами 1,8х0,7 м. Она прорезала вышележащий угольный слой и была заглублена в материковый крупнозернистый светло-желтый песок на 0,12 м. Ориентировка захоронения совпадает с продольной осью церкви, т. е. головой на западный сектор горизонта (рис. 4).

Погребальное деревянное сооружение, предназначенное для укладки тел умерших, практически не сохранилось. Единственно, у верхнего погребенного наблюдаются вдоль стенок могильной ямы тонкие полоски древесного тлена темно-коричневого цвета (толщиной до 0,7–1 см) от боковых досок. В то же время при расчистке верхнего захоронения, в юго-западном углу, «из головной» части могилы обнаружен лежавший горизонтально гвоздь. Он типично для «гробовых» гвоздей небольшой – длиной 5,6 см, с квадратной шляпкой, вокруг которой сохранились остатки древесины.

Погребенные – мужчины, 45–50 лет – верхний и 35–45 лет – нижний. Они лежат в вытянутом положении на спине, в анатомическом порядке, головой на запад, слой песка между ними минимален: 2 см. Руки согнуты в локтях и положены друг на друга на животе (верхний) и в области тазовых костей (нижний). Следов «подстилки» под костя-

Рис. 4. Монастырский Наволок-2013. Погребение. Уровень 0,8 м. Вид с юго-востока. Фото М. Шахновича

ками, берестяного покрытия, погребальной обуви и сопутствующих находок не обнаружено.

Погребение ориентировано точно по продольной оси здания церкви, что позволяет исключить предположение, что оно существовало до строительства храма, и нахождение его в алтаре – это случайность. Могила располагалась под полом алтаря, в высокой подклети церкви, что является нередкой ситуацией в храмах Русского Севера, которые, как и большинство жилых строений, традиционно приподнимались над землей. Это давало возможность постоянного доступа к ней через отдельный боковой вход. Археологический контекст «почетного» места захоронения в объеме алтаря указывает на статусность обоих пока безвестных погребенных. Однако расположение тел друг на друге – неординарная ситуация для этого региона. Анализ планиграфии могилы и костяков, а также характер засыпки ямы позволяют считать, что оба тела были захоронены вместе или через небольшой временной промежуток.

Радиоуглеродный возраст фрагмента кости верхнего погребенного – 246±25 BP (SPb-1067). Калиброванный календарный возраст приходится на два интервала: 1632–1673 гг. (63,4%), 1644–1665 гг. (54,7%).

В раскопе 2015 г. на уровне 0,75 м от с. д. п. найдено ориентированное по линии север – юг захоронение младенца. Кости скелета в анатомическом порядке лежали на куске бересты в неглубокой деревянной «колоде» (0,48х0,13 м, толщиной около 1 см). Тело было уло-

Рис. 5. Монастырский Наволок-2015. Столбы. Уровень 0,85 м. Вид с юга. Фото М. Шахновича

жено на спину, со скрещенными на животе ручками и накрыто куском бересты. В районе груди находился медный нательный крест. Погребение имеет следы сильного термического воздействия, поэтому можно заключить, что оно было произведено раньше пожара.

Валуны. Необходимо отдельно остановиться на двух крупных валунах, обнаруженных внутри периметра фундамента. Они сходны по шаровидной форме, размерам (0,76х0,65х0,48 м, 0,7х0,6х0,5 м) и контексту нахождения в слое. Камни выступают над общим уровнем с. д. п. на 0,12 м и лежат на углистом песке толщиной 0,25 м, т. е. они были преднамеренно доставлены на данный участок уже после пожара (рис. 5). Их назначение не ясно. Найденный при раскопках церкви Благовещенья Пресвятой Богородицы в Ионо-Яшезерском монастыре подобный валун выполнял функцию закладного камня в алтаре. Но насколько можно рассматривать их в данном качестве в ситуации многократно горевшей церкви на Монастырском Наволоке, пока точно сказать не возможно.

Столбы. В предматериковом слое, на глубине 0,7–0,8 м от с. д. п. единым уровнем проступили нижние части оснований установленных вертикально шести бревен (диаметр 0,17–0,25 м, длина сохранившейся части – 0,05–0,1 м). Следы от ям для их вкапывания отсутствуют. Древесина столбов – это истлевшая древесная труха (сосна) без коры, без следов специального обжига, пропитки или обмазки. Верхняя плоскость «пеньков» ровная, без заломов, что, как и в ситу-

ации с «алтарной преградой», наводит на мысль об аккуратном спиле, нижняя – плоская (рис. 5).

Определенную систему в их расположении наметить трудно, но четыре из них установлены попарно. Вероятно, в подклети они предназначались для укрепления / поддержки расположенного выше пола основного зала храма. Из древесины одного из столбов получено радиоуглеродное определение 262±25 BP / 1626–1670 calAD (SPb-1840), близкое к дате «алтарной стенки» церкви. В то же время отдельно расположенный столб, с вбитым в его нижнюю часть кованым гвоздем, имеющий наибольшие размеры (диаметр – 0,24 м, длина – 0,3 м), дал более древнюю дату – 531±35 BP / 1388–1443 calAD (SPb-1842), относящуюся к концу XIV – 1 половине XV в.

Находки. Коллекция вещевого материала из раскопа относительно большая – 1000 экз., но число датирующих вещей в ней незначительно. Существенная мощность культурного пласта, не потревоженного поздними перекопами, позволяет использовать стратиграфические наблюдения для установления времени попадания разных предметов в слой. Находки в основном встречались на уровне 0,2–0,7 м от с. д. п., но позднесредневековый блок вещей соотносится с нижним уровнем – 0,5–0,8 м от с. д. п.

Удалось выявить и определенную планиграфическую приуроченность местонахождений отдельных предметов в алтаре церкви. Комплексы находок 2013 и 2015 гг., несмотря на то, что участки примыкают друг к другу, качественно разнятся. В 2015 г. найдено значительно меньше индивидуальных вещей и массового строительного материала – гвоздей и скобок. Возможно, это объясняется тем, что, например, последние использовались для отделочных работ только в алтаре.

Как обычно, самые массовые находки при раскопках церквей – это строительно-крепежные и мебельные **гвозди** – 521 шт. В первую очередь, они разделены на фрагментированные (248) и целые экземпляры (273). В количественном отношении преобладают четырехгранные гвозди, изготовленные вручную и машинным способом – 260 экз. Они несут следы деформации и термического воздействия, имеют квадратную или прямоугольную форму в поперечном разрезе стержня (0,4–0,6х0,4–0,7 см), плоскую расплющенную шляпку в плане прямоугольной формы и плавное сужение к острию по всей длине (рис. 6:10; 7:6). Наиболее распространенная длина стержней кованых

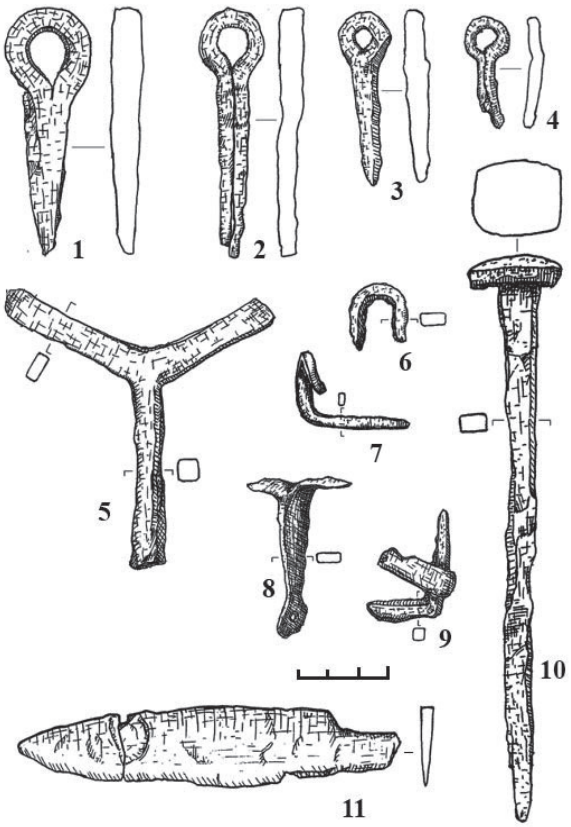


Рис. 6. Монастырский Наволок-2013. Находки железные. 1–4 – пробои; 5 – отвертка ружейная; 6 – фрагмент крепления; 7 – петля; 8 – пробой; 9 – обломок пряжки ремня; 10 – гвоздь; 11 – нож

«гвоздей прибойных» варьирует в пределах от 7 до 11 см (преимущественно – 8,5 и 10,5 см). Такая же ситуация наблюдалась и на материалах раскопок церкви свв. Бориса и Глеба на р. Паз в Печенгском р-не Мурманской области [1].

Мелкие гвозди (38 шт.) могли крепить к деревянной основе металлические накладки, ткань или бересту. Они имеют округлую шляпку диаметром до 1,1 см, толщину прямоугольного сечения стержня 0,3–0,4 см и длину от 2,2 до 5,6 см. К типу «обойных» гвоздей относятся экземпляры длиной 2,5–3 см [2].

Как отдельную группу строительно-крепежного инвентаря можно

---

[1] Шахнович М. М. Древний храм святых Бориса и Глеба… С. 192.

[2] Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. М.–Л.: Академия наук СССР, 1959. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 65). С. 112.

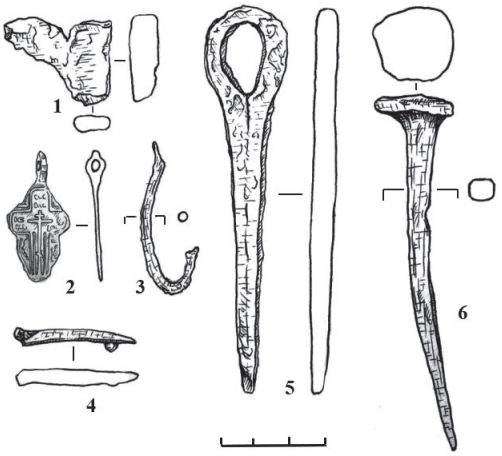


Рис. 7. Монастырский Наволок-2015. Находки. 1 – фрагмент неопределенного предмета; 2 – крест нательный, медь; 3 – рыболовный крючок, железо; 4 – фрагмент застежки, медь; 5 – пробой, железо; 6 – гвоздь, железо

рассматривать железные **скобы** – 74 экз. Они единообразны – «циркулеобразной» формы, согнутые под острым углом (около 40о) тонкие железные пластины с заостренными концами и с расширенной центральной частью. Одна «ножка» скобки часто немного короче другой на 1–1,5 см. Средние размеры: толщина – 0,3–0,4 см, ширина в месте сгиба – 0,8–1,1 см, расстояние между концами – 2,5–3,6 см, максимальная длина – 7 см, а минимальная – 2,5 см.

На более южных позднесредневековых памятниках Русского Севера скобы в комплексе с гвоздями – это самый многочисленный блок находок в археологических коллекциях. Но в Русской Лапландии при раскопках церквей в Печенге, Варзуге, Борисоглебске они встречаются единично. Немного их и в раскопе на Монастырском Наволоке, но они уже составляют около 7 % от общего количества всех находок.

Отметим среди кованого строительного инвентаря незначительное число пробоев – 7 экз. Они небольшие по величине (max 11х2,3 см), изготавливались из тонкого железного стержня (рис. 6:1–4; 7:5).

В целом коллекцию трудно назвать насыщенной выразительными предметами, и только единицы из них следует описать подробнее.

Слюда. Фрагментов оконниц-«шитух» найдено немного – 12 экз. Встречались единичные небольшие отслоившиеся слюдяные «чешуйки» мусковита (5 штук). Они соотносятся с нижними слоями стратиграфической колонки: 0,4–0,8 м от с. д. п. Среди частей слюдяных оконниц нет ни одного целого экземпляра (максимальные размеры 8х5 см), и по наличию характерных заломов можно утверждать,

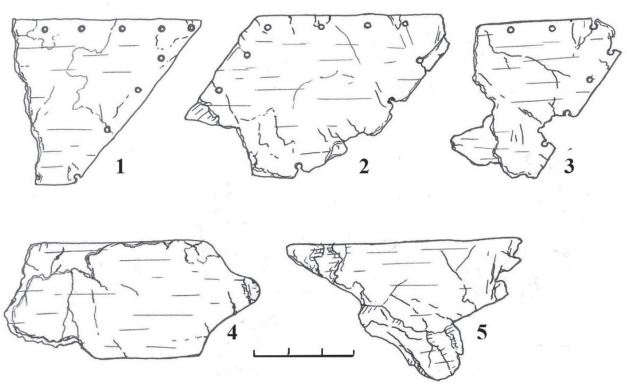


Рис. 8. Монастырский Наволок-2013. Оконницы слюдяные

что все они были сломаны. По форме это разносторонние трапеции. Только в четырех случаях присутствуют характерные сквозные отверстия от проколов иглой, сделанные по краю через равные промежутки приблизительно в 1–1,5 см. При толщине в 1 мм пластинки обладают хорошей для использования жесткостью и прозрачностью (рис. 8).

В алтаре присутствовало большое количество «нестандартной» по виду непрозрачной слюды мусковита, неподходящей для создания оконниц (168 экз. – 577 г). По цвету ее можно разделить на три группы: неизмененная серебристо-серая, серебристая и золотистая. Ближайшие к Кандалакше выходы мусковита находятся в п. Риколатва и п. Ена в Ковдорском районе Мурманской области или п. Чупа в Лоухском районе Республики Карелия. В конце XVII в. кандалакшские иноки «с крестьянами вобче» добывали слюду также в горе Орловке, в 40 км к югу от монастыря. По результатам химического анализа слюда с Монастырского Наволока наиболее близка к образцам из месторождения около п. Ена, имеющего выходы на поверхность [1].

В южной части алтаря, на глубине 0,56 м от с. д. п. найдена **ружейная отвертка** конца XVIII века (рис. 6:5). Ее общая длина 9,3 см. К сужающейся к верху втулке прямоугольного сечения (1х1,1 см), длиной 6 см, с четырехугольным отверстием для насаживания на металлический стержень, приварено V-образное навершие (расстояние между его концами – 7,8 см).

[1] Шахнович М. М., Скамницкая Л. С. Локализация мест добычи слюды в позднем Средневековье на Кольском полуострове и в Северной Карелии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 9. С. 141–152.

К ременной фурнитуре относится разломанная пополам железная пряжка. Прямоугольная рамка имеет квадратное сечение (0,5 см), сохранился широкий пластинчатый язычок (рис. 6:9). Подобные простые формы бытовали с XIII по XVIII в. [1]

Черенковый нож сильно коррозирован. Его общая длина – 13 см, длина клинка – 10,6 см, ширина лезвия – 2,7 см, длина обломанного насада – 2,2 см. Режущая кромка прямая, с сужением к острию. Основание клиновидного лезвия плавно переходит в рукоять, а линия спинки полотна образует уступ при соединении с черенком. Лезвие имеет следы сработанности. Нож можно отнести к типу универсальных, хозяйственно-кухонных (рис. 6:11).

На уровне 0,38 м от с. д. п. найден целый рыболовный крючок. Он небольшой по размерам – 4,2х1,5х0,3 см, одинарный, с прямым ушком, круглым поддевом и прямым с бородкой жалом, на конце сохранилась лопаточка для привязывания лески (рис. 7:3). Характерный поддев у крючка позволяет отнести его к многокрючковой снасти типа яруса для ловли с насадкой морской рыбы. Точная датировка крючка затруднена.

Игла – часть застежки для одежды, небольшого размера (3,5х0,4х0,1 см), сделана из медного сплава, имеет небольшой изгиб, один конец приострен, другой – со следом от слома (рис. 7:4).

В младенческом погребении на уровне 0,74 м от с. д. п. найден медный четырехконечный нательный крестик листовидной формы, размерами – 3,7х1,8х0,2 см (рис. 7:2). На лицевой стороне в центре – рельефное изображение восьмиконечного креста на Голгофе, рядом – Орудия Страстей Христовых: трость и копие, расположенные вертикально, и орнаментальные завитки. На концах видны неразборчивые, традиционные аббревиатурные канонические надписи. Ушко кольцевидное с двухчастной «пирамидкой» сверху. Надпись на обороте скрыта под органическими наслоениями. Крест по величине можно отнести к типу «детских» или «мелких женских» [2]. Предположительная датировка широкая: конец XVII – 1 половина XIX в.

К предметам, связанным с убранством церкви, можно отнести

---

[1] Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло… С. 117.

[2] Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. М.: Наука, 1999. С. 340–341.

только два небольших оплавленных кусочка из меди и из серебра с большим содержанием меди – вероятно, деформированные фрагменты окладов (рис. 7:1).

Керамика. Маловыразительный набор керамики представлен единичными фрагментами небольшого размера (max 5,7х5,5х0,4 см) – 36 штук, от четырех – пяти гончарных сосудов, по форме относимых к горшкам [1]. Основную часть керамической коллекции составляют неорнаментированные черепки из красножгущейся глины, фрагментов лощеной посуды только четыре.

Присутствуют по одному мелкому фрагменту керамической крышки и ручки (2,2х2,6х1,2 см) и шесть обломков венчиков. Цвет керамики варьирует от темно-оранжевого до темно-коричневого и черного, что связано не только с технологией изготовления сосудов, но и сильным воздействием огня. От пребывания в пожаре три фрагмента сильно ошлакованы. Керамическую коллекцию из раскопок церкви следует датировать периодом – вторая половина XVI–XVIII в.

Датирование. В этом вопросе можно опереться на стратиграфические наблюдения и данные радиоуглеродного анализа. Блок полученных дат по С-14 (9 штук) распадается на две значительно разнящиеся группы. Первая (5 штук), единообразно маркирующая период середины XVII в. (1630–1670 годы), происходит из конструкций, находящихся на уровне 0,6–0,7 м от с. д. п., фиксирующих единый горизонт пожара. Вторая группа (4 шт.) отмечает ряд объектов в центральной части церкви (кладка 3, столб, древесина под полом) и относится ко времени второй половины XV – начала XVI в. Предложим два варианта объяснения этой ситуации. В границах раскопа находятся два разновременных комплекса, из которых самый ранний маркирует «доцерковный период» освоения этой площадки, а второй – функционирование храма в XVII в. При этом нельзя исключить, что удревнение некоторых дат связано с факторами, влияющими на точность определения. Например, образцы были взяты из центральной части бревен.

Выводы. Анализ материалов первых раскопок церкви Рождества Пречистой Богородицы Кандалакшского монастыря на Монастырском Наволоке дает интересную информацию, дополняющую уже известные

[1] Консультация Т. П. Амелиной и зав. отделом славянской археологии ИА РАН к. и. н. В. Ю. Коваля.

данные по истории этой православной обители. Главными результатами археологических работ стали выявление хорошей сохранности непотревоженного позднесредневекового культурного слоя и подтверждение перспективности дальнейших изысканий на приустьевом участке левого берега реки Нива. Важным представляется обнаружение в южной части алтарного пространства церкви «оригинального» двойного захоронения середины XVII в, которое можно интерпретировать как монашеское и «статусное».

В контексте существующей дискуссии о времени возникновения поморского поселения в устье реки Нива особенное значение имеют найденные объекты конца XV в., пока неясной культурной принадлежности, которые предварительно можно связать с «домонастырским» этапом освоения этого района.

БАРЫШЕВ
Илья Борисович

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия (Институт Наследия), старший научный сотрудник Отдела «Морская арктическая комплексная экспедиция и морское наследие России» (г. Москва)

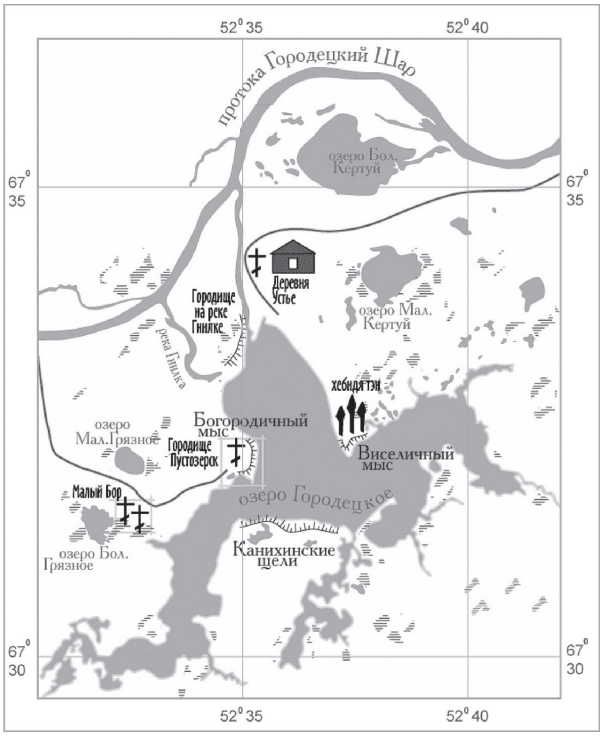
ВАДАТУРСКИЙ
Дмитрий Александрович

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия (Институт Наследия), младший научный сотрудник Отдела «Морская арктическая комплексная экспедиция и морское наследие России» (г. Москва)

ЦЕРКОВЬ «ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТЫЕ БОГОРОДИЦЫ» НА ПУСТОЗЕРСКОМ ГОРОДИЩЕ

Памятник находится в Ненецком АО Архангельской области, в 50 км к юго-западу от Нарьян-Мара, на территории Тельвисочной сельской администрации (д. Тельвиска) Заполярного района (Ил. 1). Непосредственно территория памятника находится на западном берегу озера Городецкого, на территории Пустозерского городища, на возвышенной части мыса, выдающегося в озеро (Ил. 2, 3).

Территория мыса имеет наибольшее возвышение на береговом срезе и постепенно понижается к западу. Площадка городища довольно ровная, сильно задернованная в центре памятника. К пе-

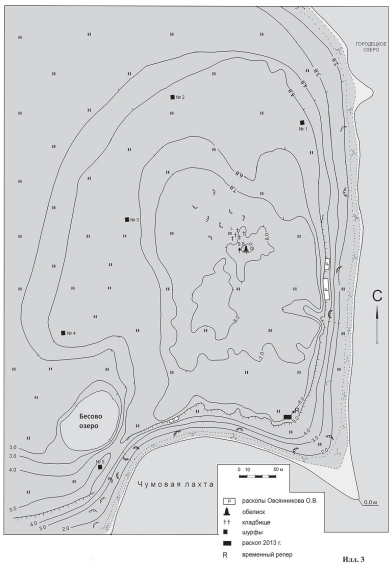


Ил. 1. Место расположения городища Пустозерск и Богородичного мыса

риферии памятника растительность скудеет и местами переходит в песчаные выдувы. Напольная от городища сторона покрыта редкими злаковыми, мхами и лишайниками с кустарничковой растительностью. С западной стороны к территории памятника подступают заросли карликовой ивы, переходящие в парковый лес, состоящий из берез и лиственниц.

Первые поселения в районе Городецкого озера появились в мезолитическое время, продолжали свое существование в неолите (примерно с V тыс. до н. э.), в эпоху раннего металла (I тыс. до н. э. – 1-й пол. I тыс. н. э.), в средневековое время и до этнографической современности. До нашего времени дошло лишь одно поселение на берегах озера – д. Устье, возникшая в XVI в. Часть деревни входит в состав экспозиции Пустозерского музея.

Долгое время Пустозерск оставался административным, экономическим и культурным центром огромной территории, через который шли сухопутные, речные и морские пути в Сибирь. С открытием новых,



▲ **Ил. 3. Богородичный мыс. Вид с юго-запада.** Фото И. Б. Барышева. 2013 г.

◄ **Ил. 2. Топографический план Пустозерского городища. В юго-восточном углу – Богородичный мыс**

более удобных путей в Сибирь городок постепенно пришел в упадок. Последний дом из Пустозерска в соседнюю д. Устье был перевезен в 1962 г. [1]

Основанием Пустозерского городка считается 1499 г., когда по указу великого князя московского Ивана III государство организует первый военный поход за Урал под руководством воевод «*князя Семена Федоровича Курбьского да князя Петра Федоровича Ушатого, да Василия Ивановича Бражника* [Заболоцкого]» [2]. Все войско насчитывало 4024 человека. Осенью войска «*пришли в Печеру реку… Да тут остановились и город зарубили*» [3]. Переждав осень в новом острожке, войско по зиме двинулось на лыжах дальше [4]. Новый городок, срубленный на Пустом озере, видимо, стал базой для отправившегося

---

[1] Окладников Н. А. Острог на Печоре: О государевой крепости, протопопе Аввакуме и его соузниках. Архангельск: Сев.-Зап. Кн. изд-во, 1999. С. 230.

[2] Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. Издательство АН СССР. М.-Л.: АН СССР, 1959. С. 291.

[3] Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена. Книга первая. СПб.: Императорская АН, 1750. С. 64; Беляев Д. 1852. О географических сведениях в Древней Руси //ЗИРГО. СПб.: 1852. Кн. 4. С. 247, 248.

[4] Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга. М.: Универ. тип., 1909. С. 25.

в дальний поход войска. Возможно здесь были оставлены какие-то припасы и небольшой гарнизон для охраны.

В 1502 г. была уже образована Пустозерская волость [1]. Пустозерск стал крепостью на крайних восточных рубежах России, которая обеспечивала контроль над обширным районом Малоземельской и Большеземельской тундр, морским, пешим и речным путями в Западную Сибирь. Пустозерск на протяжении почти двух сотен лет являлся единственным крупным перевалочным пунктом на пути в Сибирь. Кроме этого, Пустозерск стал базой для многих поморских промышленников, действовавших в Новоземельско-Печерском промысловом районе.

Вскоре после основания Пустозерска начались первые попытки христианизации самоедов, о чем упоминает в своем труде Н. Витсен, указывая дату – 1518 год. О. В. Овсянников допускает возможность начала обращения самоедов в христианскую веру, сопоставив дату, указанную Н. Витсеном, «*с началом церковно-приходской и посадской жизни Пустозерска*» [2].

К 1545 г. в Пустозерске находилось три церкви – Преображенская, Введенская и Никольская, которые упоминаются в жалованной грамоте Ивана IV представителям канинских и тиманским самоедов, по которой им разрешено пользоваться теми же угодьями и звериными промыслами на реках и на море, которыми владели их предки [3].

В 1578 г. Введенская церковь упоминается в связи с тем, что владыкой Вологодским и Великопермским Данилой Васильевичем Брянковым храму было подарено напрестольное Евангелие, напечатанное в Вильно в 1575 г. сподвижником И. Федорова Петром Тимофеевичем Мстиславцем [4].

В 1597 г., когда стольника князя Василия Ухтомского назначили воеводой Пустозерска, ему было велено, «*будучи… в Пустозерском*

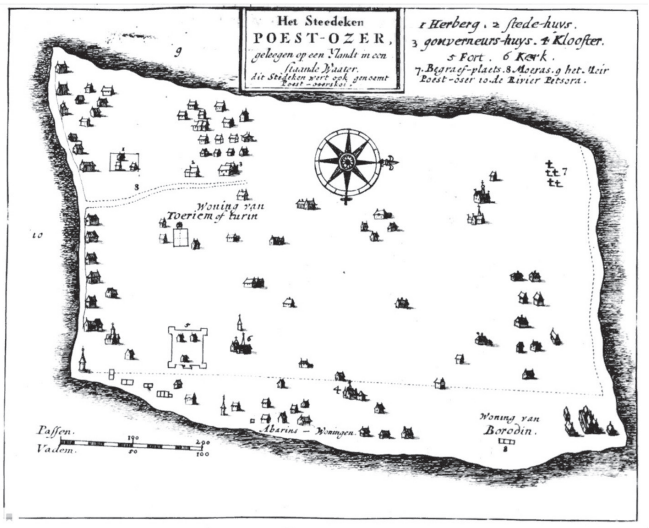
---

1 Доронин П. Из Вологодско-Вымской летописи: Документы по истории Коми // Науч.-филол. сб. АН СССР. Коми-филиал. Сыктывкар: 1958, № 4. С. 264.

2 Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2003. С. 126.

3 ГААО, Ф. 6. Оп. 17. Д. 99. Л. 4 об., 5.

4 Окладников Н. А. Острог на Печоре… 1999. С. 172.



Ил. 4. План Пустозерска из книги Н. Витсена 1692 г. Церковь Введения в левом углу рисунка

остроге, … призывать самоядов и иных вер иноземцев в православную христианскую веру» [1].

В 1684 г. в Пустозерске насчитывалось уже пять церквей [2].

В 1692 г. в Голландии было напечатано первое издание книги Н. Витсена, в котором был представлен план Пустозерска (Ил. 4). На плане отмечено 91 жилое здание, 6 церквей и небольшой острог с пятью башнями, на северо-восточной окраине показано кладбище [3].

В 1701 г. на кладбище городка была построена деревянная шатровая двуглавая Георгиевская церковь с трапезной, наверху которой был устроен придельный храм во имя Соловецких чудотворцев преподобных Зосимы и Савватия [4].

В 1755 г. в Пустозерском остроге был постоялый двор, съезжая изба, подворье Красногорского монастыря, воеводская изба, четыре церкви, острог, кладбище и особая тюрьма для политических заключенных с караульным помещением и тремя домиками для стражников [5].

---

1 цит. по: Ясински, Овсянников, 2003. С. 127.

2 Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского Севера: Люди. События. Даты. Архангельск: Сев.-Зап. Кн. изд-во, 1992. С. 264.

3 Vitsen N. Noordenoost Tartaryen.Tweededeel. Amsterdam: 1785. P. 948.

4 Окладников Н. А. Острог на Печоре… 1999. С. 213.

5 Евсюгин А. Д. Ненцы Архангельских тундр. Архангельск: Сев.-Зап. книжн. изд-во, 1979. С. 120.

В 1762 г. на территории городка располагались четыре деревянных храма – соборный храм во имя Преображения Господня (пятиглавый) с придельной шатровой церковью во имя святителей Александрийских Афанасия и Кирилла; церковь Введения во храм Пресвятые Богородицы (шатровая, крестообразная в плане, с трапезной); Никольская церковь (шатровая, одноглавая); кладбищенская церковь во имя Георгия Победоносца (шатровая, с трапезною) с приделом во имя чудотворцев Зосимы и Савватия (с колокольней) [1].

В 1768 г. был составлен план Пустозерска, к которому было приложено краткое описание городка, составленное канцеляристом Петром Ключкаревым. На этом плане отмечены более сотни построек: жилые, хозяйственные, административные. Упомянуты четыре Пустозерских храма – Георгия Победоносца, Николая Чудотворца, Введения во храм Пречистой Богородицы и Преображения Господня [2].

По первой описи пустозерских церквей в городке на 1776 г. стояло три храма: соборная Преображенская церковь, Никольская и Георгиевская церкви (Окладников, 1999, с. 209). Таким образом, Введенская церковь исчезает из списка. Видимо, к этому времени она была уже заброшена.

В 1780 г. взамен старой Никольской церкви была возведена новая деревянная шатровая одноглавая церковь [3].

Согласно алтарной книге 1802 г., прихожанами Преображенской и Никольской церквей, кроме жителей Пустозерска, были жители из близлежащих деревень: Устье, Великовисочное, Лабожское, Пылемская, Оксино, Тельвиска, Екуша, Никитцы, Куя, Пойловская, Андег, Нарыга, Сопочная и Макарово [4].

В марте 1821 г. в Пустозерскую слободку прибыл штурман 12 класса Иванов. По его сообщению, в слободке проживает «государственных крестьян 49 душ, домов 29». Иванов, «*нанявши в оной слободке 20 человек крестьян, приступил к описи. Пеленги: Церковь Святого Георгия, Церковь Святого Николая, Церковь Спаса Преображения с церковью Введения во храм*» [5].

---

1 Архангельские Епархиальные Ведомости, 1891. № 3–4. С. 34, 35.

2 Овсянников О. В. Средневековые города… 1992. С. 265.

3 Окладников Н. А., Острог на Печоре… 1999. С. 212.

4 Там же, С. 214.

5 Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск… 2003. С. 292.

Ил. 5. Преображенский храм Пустозерска. Работа А. А. Борисова, 1897 г.

На 1-ю треть XIX в. приходилась активная деятельность по христианизации самоедов. В 1822 г. епископ Неофит Докучаев-Платонов сообщал архангельскому генерал-губернатору, что в его епархии с 1783 по 1817 гг. крестилось в христианскую веру 55 человек. При этом он отмечал усердие и инициативу священников Пустозерских храмов [1].

В августе 1824 г. Александр I утвердил правила «для руководства к обращению самоедов в христианскую веру». Главнейшим параграфом этих правил предписывалось начать христианизацию с зажиточных ненцев и старшин. Наиболее удобным для проповедников назывался Пустозерский уезд. В 1825 г. Пустозерск стал опорной базой для православной миссии под руководством архимандрита Вениамина, которая действовала в ненецких тундрах до 1830 года [2].

В сентябре 1837 г. в Пустозерске побывал А. И. Шренк. «Не менее четырех церквей теснятся здесь на одном месте; из них две уже так ветхи и гнилы, что ежедневно угрожают своим разрушением, почему предложено было сломать их и построить на том же месте новую… церковь, постройка которой уже нынешнее лето должна бы быть окончена» [3].

В 1837 г. была поновлена Преображенская церковь [4] – единственная из пустозерских церквей (Ил. 5), дошедшая до нашего времени и нахо-

---

1 Вениамин, архимандрит. О обращении в христианство мезенских самоедов в 1825–1830 гг. СПб: 1851. IV; С. 112; Овсянников О. В. Средневековые города … 1992. С. 268.

2 Евсюгин А. Д. Ненцы … 1979. С. 91–92, 104–105.

3 Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам, предпринятое по Высочайшему повелению в 1837 г. Александром Шренком. СПб.: Типография Григория Трусова, 1855. С. 538.

4 Гунн Г. П. По Нижней Печоре. М.: «Искусство», 1979. С. 150.

Ил. 6. Трапезная Преображенского храма Пустозерска. Часть музейной экспозиции в д. Устье. Фото И. Б. Барышева. 2008 г.

дящаяся ныне в д. Устье (Ил. 6). Ее построили из лиственничного леса на каменном фундаменте, с пятью куполами. Внутри церковь была разделена на два храма: холодный – во имя Преображения Господня и теплый, который имел два придела: с южной – в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы и с северной – во имя Афанасия и Кирилла, патриархов Александрийских [1].

В 1840 и 1843 гг. путешествие на Печору совершил Латкин Василий Николаевич, исследователь Печорского края. В своем дневнике он отмечал, что «*к северу от поселений – четыре деревянные церкви, а пятая по ветхости недавно сломана*».

В. Н. Латкин упомянул старую Преображенскую церковь, построенную в 1685 г., в которой уже не служат. Он описал новую Преображенскую церковь как обширную и хорошо украшенную, с иконами в серебряных с позолотой окладах, со множеством серебряных сосудов и других вещей. Невдалеке развалины церкви Введения, «*построенной в 1734 году. Были церкви и прежде Преображенской, ибо в грамоте Царя Иоанна IV, данной Самоедам в 1545 году, упоминается о церкви пустозерской с двумя приделами*». Описывая Никольскую церковь, построенную в 1780 г., он отмечал, что «*...она много осела на нетвердом грунте; видно, этот храм уже сооружен для небольшого количества прихожан*». Описывает он и внутреннее устройство церкви: «*В трапезе огромная печь, кругом лавки, а в переднем углу большой стол; несколько мелких окон с южной стороны освещают ее; но ни одного окна нет на север. Служба зимой совершается здесь потому, что церковь очень тепла*». О Георгиевской церкви В. Н. Латкин пишет: «*Несколько в стороне к северо-за-*

[1] Окладников Н. А. Острог на Печоре... 1999. С. 209.

паду от селения, среди песчаных бугров и могильных крестов, одиноко стоит кладбищенская церковь во имя Великомученика Георгия, построенная в 1706 году, и до-сих-пор хорошо сохранившаяся. <…> Этот небольшой храм полузанесен песками, а старики еще помнят, что здесь песку не было. Нынешней весной церковь была затоплена необыкновенным разливом воды; крыльцо, выходы и пол большею частью разломаны, и потому вся утварь вынесена в новую церковь; три маленькие окна, прорубленные на разной высоте стен, освещают ее внутренность с полуденной стороны. Трапезы нет; но два большия крылоса поставлены почти в середине церкви. Сильные северные бури разрывают могилы и нередко обнажают гробы. Ходя по кладбищу, я видел много обломков гробов, много костей человеческих; а в нынешнее лето уже два раза собирали и хоронили их… » [1]. По преданию она построена «из лиственничного леса, вырубленного в соседних борах». Ко времени его посещения Пустозерска этот храм был полузанесен песком. Весенним половодьем 1843 г. церковь была частично разрушена: были разломаны крыльцо, выходы и пол. В связи с этим церковь была заново перестроена [2].

Преследуя старообрядцев, местный священник Иннокентий Попов в 1846 г. написал письмо архангельскому губернатору. Было заведено дело «О почитании крестьянами Пустозерского прихода аввакумовских страдальцев за святых угодников». Губернатор Викентий Францевич Фиберс отдал указание становому приставу Маркову перенести Аввакумов крест «по ветхости» в притвор пустозерской Преображенской церкви, а холмик, на котором стоял крест, и ограду сровнять с землей. Жителям Пустозерска было запрещено почитание места казни Аввакума и его сподвижников, а нарушителям грозило строгое наказание [3].

В 1847 г. Георгиевская церковь была разобрана и перевезена в с. Куя, где был создан самостоятельный приход [4].

В 1855 г. заново была перестроена Никольская церковь [5].

---

[1] Латкин В. Н. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах //Записки ИРГО. Кн. VII. СПб., 1853. С. 23–30.

[2] Латкин В. Н. Дневник… 1853. С. 23–30, 85; Окладников, 1999. С. 193, 210, 212, 213.

[3] Малышев В. И. Замечательный город Русского Севера //Летопись Севера. Т. IV. М.: Мысль, 1964. С. 237; Окладников Н. А. Острог на Печоре… 1999. С. 344.

[4] Окладников Н. А. Острог на Печоре… 1999. С. 214.

[5] Там же. С. 213.

В 1856–1857 гг. по Русскому Северу путешествовал писатель С. В. Максимов – он был участником так называемой «литературной экспедиции», организованной Морским министерством под руководством Ф. П. Врангеля. Конечной точкой его странствий стал Пустозерск, а результатом – книга «Год на Севере», вышедшая в 1859 г. С. В. Максимов описывает Пустозерск как «*маленький, уединенный, пустынный*», «*с серыми избами и одинокой деревянной церковью с колокольней. <…> От церкви на озеро вид очень красив, но селение одолели пески, которые до половины занесли кладбищенскую Георгиевскую церковь. Бури разрывают могилы и обнажают гробы.*

Деревянная церковь подновлена и поправлена, недалеко от нее рубится сруб для новой».

В 1882 г. произошел пожар в Преображенской церкви, после которого ее отремонтировали. В 1885 г. такая же участь постигла и Никольскую церковь, однако ее после пожара не стали восстанавливать [1].

В конце XIX в. в Пустозерске оставалась только одна «церковь Преображения Спасова с трапезою», остальные три были упразднены за ненадобностью [2].

В 1894 г. Преображенская церковь была капитально отремонтирована: в холодном храме во имя Преображения Господня стены были обшиты тесом и побелены, а в двух приделах теплого храма стены и потолок были оштукатурены и покрашены белилами. Кровля была покрыта жестью и покрашена, при входе построено высокое крыльцо с перилами. На колокольне находилось одиннадцать колоколов. Церковь была обнесена оградой с южной стороны, в которой были ворота [3].

В конце зимы – весной 1897 г., проездом на о. Вайгач, Пустозерск посетил художник А. А. Борисов. Пустозерск произвел на него «тяжелое впечатление» – из десятка домов «*только четыре… новы и порядочны, все же остальное пришло в крайнюю ветхость*». В городке стояла «*церковь довольно большая, но новая. В былое время было их много: часть их погнила, другая сгорела*». Художник написал здесь несколько этюдов – с деревянной Преображенской церковью на переднем плане

---

1 Там же. С. 209, 213.

2 Истомин Ф. М. Предварительный отчет о поездке в Печорский край летом 1890 года // ИРГО. Т. 26. СПб., 1890. С. 451.

3 Окладников Н. А. Острог на Печоре… 1999. С. 209–210.

(Ил. 5), с деревянной избой, характерной для деревянного зодчества Русского Севера [1].

В 1899 г. в Пустозерске побывал священник Иван Зуев, который отметил, что в ограде церкви находится большой деревянный восьмиконечный крест размером 1,5 сажени (чуть более 3-х м), который ранее находился на месте казни протопопа Аввакума [2].

В 1905 г. в Городке насчитывалось 38 домов и одна церковь [3].

В 1930-е гг. в СССР проходила борьба с религиозными верованиями народов России под лозунгом «Сметем религиозную заразу с наших социалистических полей». В Пустозерске разрушили колокольню Преображенской церкви и скинули с нее все пять куполов. Храм был закрыт, а в его помещение было переоборудовано под начальную школу. В 50-е годы сруб бывшей Преображенской церкви разобрали и перевезли в д. Устье, где приспособили под склад, а позднее – под конюшню [4].

В 1964 г. на месте бывшего городка по инициативе директора Древлехранилища Пушкинского Дома В. И. Малышева был установлен четырехгранный четырехметровый обелиск – памятник Пустозерску. Автор этого памятника В. М. Кибирев [5]. Сооружал его ленинградский мастер С. Т. Устинов при участии студентов Нарьян-Марского стройучилища. Памятник сложен из белого камня фундамента пустозерской Преображенской церкви (Ил. 7).

Летом 1966 г. на месте бывшего Пустозерска побывали В. И. Малышев, А. Тунгусов, А. М. Спирихин. На фундаменте Преображенской церкви они обнаружили на одной из известковых плит цоколя надпись: *«1836 июль начата и построена 1837»* [6].

16 сентября 1989 г. на предполагаемом месте сожжения Аввакума торжественно открыт памятный знак. Фундаментом

---

1 Борисов А. А. У Самоедов. От Пинеги до Карского моря. С.Пб.: изд. А. Ф. Девриена, 1907. С. 14–16.

2 Окладников Н. А. Острог на Печоре… 1999. С. 210.

3 Тунгусов А. Поездка в прошлое. Записки краеведа // Костер и светильник. Тула: Пересвет, 1993. С. 181.

4 Окладников Н. А. Острог на Печоре… 1999. С. 102, 103, 212.

5 Овсянников О. В. Первый русский заполярный город // Памятники Архангельского Севера. Архангельск: Сев.-Зап. Кн. изд-во, 1991. С. 46.

6 Тунгусов А. Поездка в прошлое… 1993. С. 140.

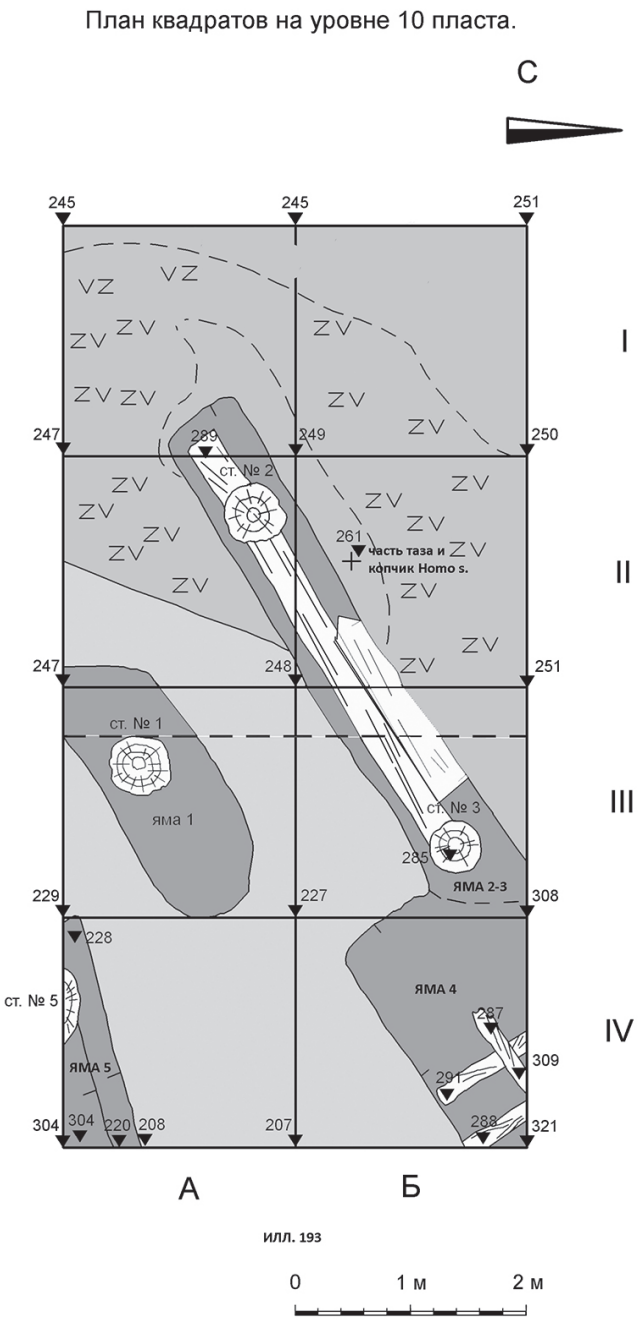
Ил. 7. Пустозерское городище. Старое кладбище и памятник Пустозерску. Вид с северо-северо-запада. Фото И. Б. Барышева. 2006 г.

Ил. 8. Раскоп 2013 г. в основании Богородичного мыса. Вид с вертолета. Фото М. М. Чупрова. 2013 г.

для памятного знака служат белокаменные блоки от фундамента Преображенской церкви.

В августе 2013 г. Пустозерский отряд Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) Института Наследия (г. Москва) проводил комплексные археологические исследования городища Пустозерск. Раскоп размером 32 м кв. был расположен в юго-восточной части городища (илл. 8), на высоком берегу, недалеко от мыса Богородицкий.

В результате раскопок выявлен культурный слой мощностью до 220 см (в ямах до 300 см), схваченный в нижней части многолетней мерзлотой. Найдены части жилых и хозяйственных построек в виде нижних венцов срубов изб, полов, а также часть фундамента церкви Введения во храм Пресвятые Богородицы, которому сопутствовали 5 погребений. Найдены археологические предметы – массовые и индивидуальные.



Ил. 10. Планиграфия 10 пласта раскопа 2013 г.

Ил. 11. Ямы от фундамента церкви в материке. Фото И. Б. Барышева. 2013 г.

Ил. 12. Пример сочленения стула и лежни. Фото И. Б. Барышева. 2013 г.

Важным открытием является обнаружение части фундамента крупного общественного сооружения (сооружения № 3) (Ил. 10–15). Мощность деревянного бруса, а также надежные клиновые соединения между элементами конструкции и значительное заглубление всего фундамента подтверждают предположения о том, что найденное сооружение было достаточно масштабным, явно имело общественный характер и являлось фундаментом церкви Введения во храм Пре-

Ил. 13. Лежня. Хорошо видны следы пропитки дегтем. Фото И. Б. Барышева. 2013 г.

святые Богородицы [1], которая впервые упоминается в жалованной грамоте Ивана IV представителям канинских и тиманских самоедов в 1545 г. [2] Выявленная часть сооружения ориентирована по оси северо-восток – юго-запад.

Вскрытая раскопками часть фундамента представлена 5 «стульями» – лиственничными столбами высотой до 150 см и диаметром 40–60 см. Столбы-стулья № 4, 5 связаны лежнями в виде клинового соединения (диаметр лежней до 32 см). Также лежни фрагментарно прослежены в северо-восточном углу раскопа.

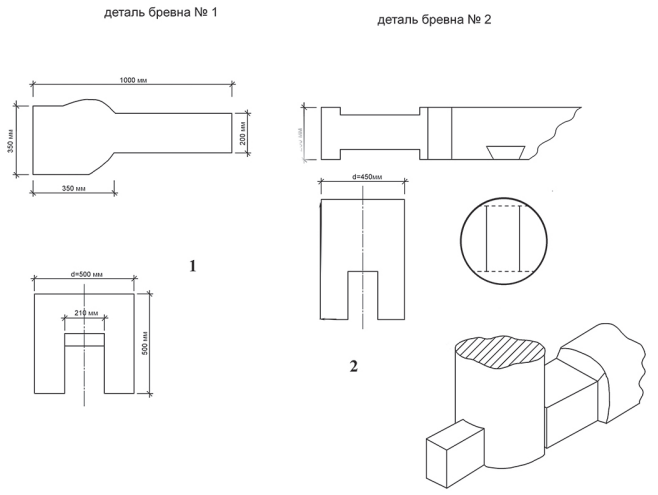
В 2014 г. была вскрыта северо-западная часть храма. Остатки фундамента представлены частью сруба из лиственничных бревен диаметром от 22 до 30 см. Размер выявленной части сооружения – венцы, ориентированные юго-восток на северо-запад – 400 см; венцы, ориентированные юго-запад на северо-восток – 380 см. Бревна сруба рублены в обло, чаша рублена в верхней части бревна, пазы – в нижней. Бревна выявленной части сруба были сильно проморожены, в пазах между ними находился лед. О принадлежности этой части постройки к храму свидетельствует обмазка бревен дегтем, т. е. тот же метод предохранения от гниения, что был выявлен при раскопках фундамента храма в 2013 г.

---

[1] Барышев И. Б., Кулиев А. Н., Умняшев А. Б. Археологические исследования Пустозерского городища в 2013 г. //Культурологический журнал. Электронное периодическое рецензируемое научное издание. 2014/2(16). http://cr-journal.ru/rus/journals/260.html&j_id=19

[2] ГААО, Ф. 6.Оп. 17, Д. 99. Л. 4 об. 5.

Ил. 14. Пример сочленения стула и лежни. Фото И. Б. Барышева. 2013 г.



Ил. 15. Узлы соединений лежней и стульев. Рис. А. С. Попова. 2013 г.

Иллю 199. 1 - узел соединения лаги и стула № 3; 2 - узел соединения лаги и стула № 4 --

К сожалению, из-за небольшой площади раскопа не удалось выявить сооружение более полно. Кроме этого, часть остатков фундамента разрушена береговой абразией [1].

Обычай применения фундаментов такого типа отражен в издании «Полное собрание законов Российской империи с 1649 года»: «*§ 230. В случае, когда до материка углубиться не можно, или окажется во рвах вода, полагаются лежни, как и под каменные строения…*

§ 232. При небольших деревянных постройках… вместо сплошного каменного фундамента, можно назначать строение… на стульях из бревен…

§ 234. … стулья из бревен врывать обожженными комлями или тольстыми концами в землю не менее 1½ аршина, употребляя для сего лес, толщиною от 6 до 8 вершков; разстояние же между стульями полагать от 2 до 3 аршин» [2].

Таким образом, можно заключить, что строители, выполнявшие работы по сооружению фундамента, были знакомы с передовыми технологиями своего времени.

На принадлежность фундамента к церкви косвенно указывают пять погребений, найденные в периметре фундамента. Причем одно из них разрушено ямой, которую копали под стул фундамента. Само название мыса указывает на расположение вблизи него этого храма. Он также отмечен на этом месте на карте Н. Витсена, датируемой концом XVII в. Скорее всего, это не фундамент первоначальной церкви 1545 г., а более поздней, о строительстве которой еще упоминалась еще в XVIII в.: «*… невдалеке развалины церкви Введения, построенной в 1734 году*» [3]. Это подтверждается серебряной копейкой Петра I (1702–1704 гг.) и деньгой 1741 г. времени правления Ивана Антоновича, которые были найдены в раскопе.

Всего в обоих раскопах раскопе найдено 7 погребений, принадлежащих 4 младенцам, подростку и двум взрослым. Все захоронения

---

[1] Барышев И. Б., Кулиев А. Н., Печерский О. Е., Попов А .С. Археологические исследования Пустозерского городища в 2014 г. //Культурологический журнал. Электронное периодическое рецензируемое научное издание. 2014/4 (18). http://cr-journal.ru/rus/journals/302.html&j_id=21

[2] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XL. 1825. С.Пб.: 1830. С. 26.

[3] Латкин В. Н. Дневник… 1853. С. 26.

Ил. 9. Нательный серебряный крест из раскопа 2013 г. XVIII в. Серебро

совершены в деревянных колодах и входят в контуры раскопанного фрагмента фундамента Введенской церкви и датируются XVIII в.

В раскопах найдено 283 индивидуальных находки, среди которых присутствуют изделия из камня, металла, керамики, стекла, дерева и кожи. Массовый материал представлен изделиями из железа, цветных металлов, глины, фаянса, фарфора, кости, дерева, камня, стекла, кожи, ткани, костей животных.

Из находок следует отметить серебряные монеты «чешуйки»: деньга изображение «мечника» предположительно 1535–1538 гг., относящаяся ко времени правления Ивана IV Васильевича. Найдено несколько серебряных копеек конца XVII – начала XVIII вв. Найдены несколько нательных крестов полной формы (Ил. 9), фрагмент серебра в виде небольшого плоского кусочка, который, видимо, является свидетельством производства каких-то работ по изделию или ремонту серебряных изделий и кусок серебряной проволоки длиной 8,3 см и толщиной 0,2 см, 2 небольших фрагмента оклада иконы.

Найден фрагмент рамки косящатой оконницы из деревянных плашек, соединенных в шип. На внутренних торцах рамки сохранились пазы для вставки оконниц. Такая же рамка полной формы была найдена на Мангазейском городище [1].

Важным открытием является обнаружение части северо-западного придела церкви «Введения во Храм Пресвятые Богородицы», которая впервые упоминается в жалованной грамоте Ивана IV представителям канинских и тиманских самоедов в 1545 г. [2]. Косвенным подтверждением этого может быть обнаружение захоронений в контуре сооружения. В честь этой церкви мыс, напротив которого находился раскоп, называется Богородичным. Возможно, церковь была возведена в честь

[1] Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования. Екатеринбург-Нефтеюганск: изд. «Магеллан», 2008. С. 215.

[2] ГААО, Ф. 6., Оп. 17, Д. 99. Л. 4 об. 5.

праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября), когда войска воевод Курбского, Ушатого, и Бражника-Заболоцкого вышли с Городецкого озера далее на Урал [1].

Возможный облик Введенской церкви Пустозерска

Из источников известно, что Введенская церковь была деревянной, имела крестообразную форму, с трапезой, одноглавая, с четвероконечным деревянным крестом, обшита была тесом. Над папертью была устроена колокольня, на которой висело 6 колоколов. Сразу оговоримся, что в то время не было унифицированных терминов для обозначения архитектурных форм, обыватели обращались ими вольно. Так, например, в «Кратком историческом описании церквей и приходов Архангельской епархии» «крещатыми» названы церкви Кегострова, Верхней Золотицы, Ижмы, Вознесенья, Благовещенской Богоявленско-Ухтостровского погоста и др., в действительности являющиеся совершенно другой формы, о чем мы знаем по дошедшем до нас изображениям. Впрочем, крест довольно сложно воспринимаем извне; применительно к церквям, еще сложнее распознать крестообразность плана изнутри, поскольку один из рукавов креста, занятый алтарем, отгорожен иконостасом.

Намного лучше ситуация с идентификацией шатровых церквей, поскольку их форма более распространена, проста и очевидна, но и тут встречаются «проколы», как, например, в составленном по просьбе И. Э. Грабаря списке деревянных церквей Вологодской епархии, шатровой названа Преображенская церковь Малопинежского погоста [2], в действительности завершавшаяся обычной пологой четырехскатной крышей (впрочем, у нее была шатровая колокольня и шатровой была ее предшественница, утраченная всего за 30 лет до составления списка).

Вызывает подозрение и правдивость сообщения о венчающем храм «четвероконечном кресте»: все известные нам памятники завершаются восьмиконечными крестами.

Мы же будем считать, что описание церкви было сделано в совре-

---

[1] Миллер Г. Ф. История Сибири. Том 1. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. С. 199.

[2] Вологодские епархиальные ведомости, 1902 г., № 24. С. 740 (п. 113 списка).

менном понимании. В противном случае никакая реконструкция невозможна, поскольку может оказаться, что под «крещатой шатровой» церковью очевидец мог иметь все что угодно.

Итак, рассмотрев все множество шатровых деревянных церквей, мы выделили пять типов храмов, которые могут быть трактованы как крещатые.

Первый тип составляют храмы, чей план является равноконечным «греческим» крестом. Церквей, удовлетворяющих такому описанию, на Севере совсем немного: церкви Климента Папы Римского (1501 г., перестроена в XVII в.) посада Уна Приморского р-на Архангельской обл.; Успения (1519 г.) Александро-Куштского монастыря из с. Александрово Усть-Кубинского р-на Вологодской обл. (ныне в Спасо-Прилуцком монастыре под Вологдой); Рождества Богородицы (1536 г.) из с. Передки Боровичского р-на Новгородской обл. (ныне в музее Витославицы); Вознесения Господня (1651–1654 гг.) с. Пияла Онежского р-на Архангельской обл.; Успения (1651–1674 гг.) с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл.; Рождества Богородицы (XVII в.) из Верховья на Уфтюге Тарногского р-на Вологодской обл. и Николая Чудотворца (1753 г.) с. Шуя (Шуерецкое) Беломорского р-на Карелии.

Все указанные памятники находятся далее 700 км от Пустозерска, а по дорогам – и того больше, что значительно затрудняет соотнесение Введенской церкви с одной из них. Из памятников первого типа все представляют собой крестообразный основной объем, с восьмериком и шатром. У трех храмов основной объем переходит в восьмерик посредством небольшого четверика, еще у трех – непосредственно и у одного – поставлен на крышу; каждый рукав креста у трех памятников завершаются каскадными бочками, у двух – двускатной кровлей, у одного бочкой и у одного – пологой вальмовой кровлей; наконец, у двух памятников над рукавами креста стоят главки (у одного – гипотетическая реконструкция), у двух – ничего нет, у одного – шатрообразные пинакли, у одного – главка только над алтарем и у последнего – шатрики над боковыми рукавами и главка над алтарем. Как видно, выделить какое-либо господствующее течение в художественном решении объемов невозможно. Усугубляет ситуацию не репрезентативность выборки: 7 памятников на 250 лет, при том, что все они подвергались тем или иным перестройкам, которые почти не документированы, три памятника утрачены, а один не имеет точной датировки.

Ко второму типу можно отнести единственную церковь Вознесения (1752 г.) с. Конецгорье Виноградовского р-на Архангельской обл. Это равноконечный крест с увеличенным центральным квадратом, т. е. рукава которого меньше центрального. Основной объем представляет собой восьмерик на четверике, завершенный шатром и небольшой главкой; рукава креста перекрыты бочками, причем два боковых из них несут такие же небольшие главки.

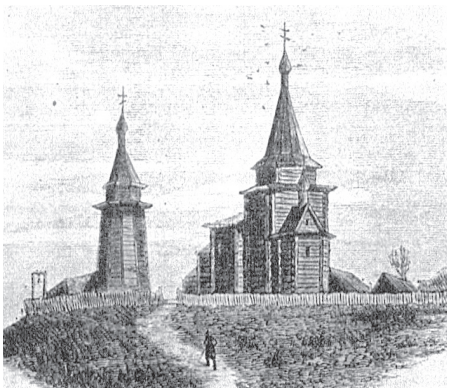
Наконец, третий тип, собственно, крещатого плана представляет собой восьмерик с четырьмя симметричными прирубами (ц. Николая Чудотворца с. Верховья Приморского р-на Архангельской обл.), расположенными по сторонам света: т. е. все тот же равноконечный крест, середина которого закрыта восьмиугольником. Самым известным обладателем такого плана является церковь Спаса Преображения в Кижах, 1714 г. Таковы, например, церкви Введения во Храм (1587 г.) с. Суры Пинежского р-на; Николая Чудотворца (1625 г.) Тарногского городка Тарногского р-на Вологодской обл.; Воскресения Христова (1673 г.) с. Сельцо Холмогорского р-на; Спаса Преображения (1683 г.), Спасский погост Тарногского р-на; Рождества Богородицы (1726 г.) села Заостровье (Яковлевское) Виноградовского р-на; Троицы (1727 г.) посада Ненокса (которая скорее воспринимается как пятишатровая – настолько развиты венчания прирубов) и Никольская (1744 г.) с. Верховье (Мудьюг) Приморского р-на Архангельской обл.; Рождества Пресвятой Богородицы (1763 г.) с. Бестужева Устьянского р-на Архангельской области и др. Можно утверждать, что данный тип – самый распространенный, видимо, из-за его большей вместимости и конструктивной ясности: здесь нет проблемы перехода центрального четверика к восьмерику, поскольку восьмерик начинается «от подошвы», т. е. от основания. Рукава креста завершаются почти исключительно бочками. Иногда над рукавами креста ставили главки, в редких случаях (Сельцо и Ненокса) – шатры.

С некоторой натяжкой за крестчатый план можно принять композицию, при которой к четверику храма примыкают более узкие по сравнению с ним прирубы алтаря и трапезной (или даже крыльца без последней). На плане такую композицию сложно идентифицировать как крест – именно как сруб с прирубами, но с земли, да в стесненных условиях, когда пропорции могут искажаться, такая форма вполне может быть трактована как крестчатая.

Учитывая, что трапезная (паперть) крайне редко у́же храма, церквей, удовлетворяющих такой композиции, чрезвычайно мало: Вознесения (1623 г.), с. Кургомень Виноградовского р-на; Параскевы Пятницы (1632, 1797 гг.), с. Корбала Виноградовского р-на; Воскресения Христова (1643 г.), с. Совполье (Малая Немнюга) Мезенского р-на (что хоть и далеко, но все же ближе всего к Пустозерску, к тому же временами составляло с ним один уезд; наконец, Малая Немнюга – родина почитаемого святого Трифона Вятского, что делает и памятник несколько выше рядового); Флора и Лавра (1755–1761), с. Ростовское Виноградовского р-на (тут надо заметить, что она является переходной от 4-го типа ко 2-му, будучи «младшей родственницей» Конецгорской церкви); Петра и Павла (1700–1702 гг.), с. Шастки (Шастозеро) Виноградовского р-на; Илии Пророка XVIII в. с. Лондуж Тарногского р-на Вологодской обл.

Наконец, крестчатой может быть названа венчающая часть, например, крещатая бочка, весьма распространенная в Пинежском и Мезенском уездах: церкви Введения (1696 г.) с. Бестужева Устьянского р-на, Николая Чудотворца (1698 г.) с. Едомы (Щелье) Пинежского р-на, Воскресения (1712 г.) в Кевроле (Немнюге) Пинежского р-на, Мезенский городской собор (1714 г.), придел церкви Илии Пророка (1729 г.) Юромско-Великодворского Лешуконского района, Троицы (1781 г.) Мезенского р-на Архангельской обл. Частный случай – церковь Димитрия Солунского (1685 г.) с. Челмохта Холмогорского р-на – ее также венчает крещатая бочка, но повернутая по диагонали по отношению к сторонам света. Оригинальной крестчатой надстройкой обладает церковь Константина и Елены (1750 г.) с. Заборье Тарногского р-на Вологодской обл. Как видно, в основном «крещатость» церкви может придавать крещатая бочка, весьма распространенная на Мезени в конце XVII – начале XVIII вв. Согласно реконструкции А. Б. Бодэ, так выглядела и Пустозерская Преображенская церковь (с чем мы не вполне согласны, считая, что возможны иные варианты). Однако надо заметить, что церкви с шатром на крещатой бочке были во всех известных случаях пятиглавыми, а Введенская церковь названа одноглавой.

К сожалению, нам неизвестны лишь два памятника региона до 1750-х гг.: церковь Николая Чудотворца (1751 г., илл. 16) в Усть-Цильме республики Коми и часовня Параскевы Пятницы (1757–

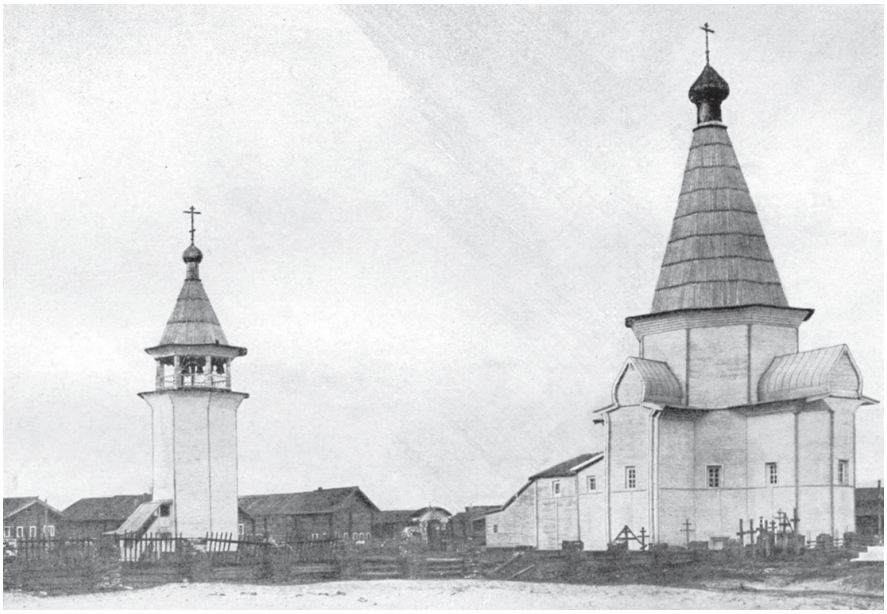


Ил. 16. Церковь Николая Чудотворца (1751 г.) в с. Усть-Цильма республики Коми

Ил. 17. Часовня Параскевы Пятницы (1757-1762 гг.) в с. Кривом республики Коми

1762 гг.; илл. 17) в с. Кривом Удорского р-на республики Коми. Ценность этих двух памятников уже в том, что они показывают, что каких-то ярких особенностей, выделявших Печорье от остального Севера, нет и можно смело «экстраполировать» архитектурные решения, например, Подвинья и на Печорский регион.

Таким образом, вывод о возможном облике Введенской церкви крайне затруднителен. Однако в порядке первого приближения можно кое-что предположить. Первый тип – в рассматриваемом регионе отсутствовал, а в рассматриваемое время фиксируется лишь один памятник, относящийся к Олонецкой губернии. Второй тип – известен в единичном числе, и предположить что-либо о нем невозможно. Третий тип, хоть и неизвестен в Мезенском уезде, тем не менее, вполне мог там быть, будучи вообще очень распространенным на всем Русском Севере. Четвертый, как ложно трактованный, мы принимать не будем (сказав о нем лишь как о возможном). Наконец, пятый тип – может быть что угодно, в частности, распространенный на Мезени прием постановки шатра на крещатую бочку. Несмотря на то, что не далее, как в 1729 г. храм с такого типа завершением был построен в Юромском-Великодворском (Юрома), можно утверждать, что этот тип если не угас, то почти угас. С другой стороны, храмы Печорья рассматриваемого времени нам почти неизвестны, поэтому остается предположить лишь один тип – третий, т. е. восьмерик с прирубленными к нему рукавами. Рукава, скорее всего, завершались бочками без главок над ними.



Ил. 18. Церковь Рождества Богородицы 1726 г. с. Заостровье (Яковлевское) Архангельской обл.

Колокольня над папертью также вероятно поздняя, ни у одной крещатой церкви мы не видели колокольни над папертью, трапезной и т. д., вероятно, первоначальная колокольня при Введенской церкви была отдельная. Соответственно, если колокольня была над папертью изначально, то, скорее всего, церковь не была крещатой.

По времени возведения, относительной географической близости и постановке на местности (открытое место над водным объектом) за примерный облик Введенской церкви 1734–1740 гг. можно взять церковь Рождества Богородицы 1726 г. села Заостровье (Яковлевское) Виноградовского р-на Архангельской обл. (илл. 18).

Пока не будет раскрыт хотя бы сколько-нибудь значительный фрагмент плана Введенского храма, утверждать, какой конфигурации он был, безосновательно.

Источники и литература:

Архангельские Епархиальные Ведомости, 1891. № 3–4.
Барышев И. Б., Кулиев А. Н., Умняшев А. Б. Археологические исследования

Пустозерского городища в 2013 г.//Культурологический журнал. Электронное периодическое рецензируемое научное издание. 2014/2 (16). http://cr-journal.ru/rus/journals/260.html&j_id=19 (дата обращения 12.10.2022).

Барышев И. Б., Кулиев А. Н., Печерский О. Е., Попов А. С. Археологические исследования Пустозерского городища в 2014 г. //Культурологический журнал. Электронное периодическое рецензируемое научное издание. 2014/4 (18). http://cr-journal.ru/rus/journals/302.html&j_id=21 (дата обращения 12.10.2022).

Беляев Д. 1852. О географических сведениях в Древней Руси // ЗИРГО. СПб.: 1852. Кн. 4.

Борисов А. А. У Самоедов. От Пинеги до Карского моря. СПб.: изд. А. Ф. Девриена, 1907.

Вениамин, архимандрит. О обращении в христианство мезенских самоедов в 1825–1830 гг. СПб: 1851. IV.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования. Екатеринбург-Нефтеюганск: изд. «Магеллан», 2008.

Вологодские епархиальные ведомости, 1902 г., № 24. С. 740 (п. 113 списка).

ГААО, Ф. 6. Оп. 17. Д. 99. Л. 4 об. 5.

Гунн Г. П. По Нижней Печоре. М.: «Искусство», 1979.

Доронин П. Из Вологодско-Вымской летописи: Документы по истории Коми //Науч.-филол. сб. АН СССР. Коми-филиал. Сыктывкар: 1958, № 4.

Евсюгин А. Д. Ненцы Архангельских тундр. Архангельск: Сев.-Зап. книжн. изд-во, 1979.

Истомин Ф. М. Предварительный отчет о поездке в Печорский край летом 1890 года //ИРГО. Т. 26. СПб., 1890.

Латкин В. Н. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах //Записки ИРГО. Кн. VII. СПб., 1853.

Малышев В. И. Замечательный город Русского Севера // Летопись Севера. Т. IV. М.: Мысль, 1964.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Том 1. М.: «Восточная литература» РАН, 1999.

Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена. Книга первая. СПб.: Императорская АН, 1750.

Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга. М.: Универ. тип., 1909.

Овсянников О. В. Первый русский заполярный город // Памятники Архангельского Севера. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1991.

Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского Севера: Люди. События. Даты. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1992.

Окладников Н. А. Острог на Печоре: О государевой крепости, протопопе Аввакуме и его соузниках. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1999.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XL. 1825. СПб.: 1830.

Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. Издательство АН СССР. М.-Л.: АН СССР, 1959.

Тунгусов А. Поездка в прошлое. Записки краеведа // Костер и светильник. Тула: Пересвет, 1993.

Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам, предпринятое по Высочайшему повелению в 1837 г. Александром Шренком. СПб.: Типография Григория Трусова, 1855.

Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2003.

Vitsen N. Noordenoost Tartaryen. Tweededeel. Amsterdam: 1785.

ВЕРБИН
Олег Гаврилович

главный хранитель музейных предметов Городского историко-краеведческого музея г. Полярного Мурманской области

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ КОЛЬСКОГО ОЛЕНЕОСТРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

На Севере России известны два древних могильника, расположенных на Больших Оленьих островах. Один (эпохи мезолита и неолита) расположен в Карелии, на Онежском озере, а второй (эпохи бронзы (раннего металла)) – в Мурманской области, в северной части Кольского залива.

Чтобы отличать друг от друга, их иногда именовали Южным Оленеостровским могильником и Северным Оленеостровским могильником, что не всегда избавляло от путаницы. В последние годы для второго утвердилось название Кольский Оленеостровский могильник, что лучше привязывает археологический памятник к местности.

Большой Олений остров находится в северной части Кольского залива, примерно в 2,5 км от Полярного.

Могильник находится на песчаной гряде, расположенной между озером (с севера от нее), скалой (с востока), склоном к морю (с юга) и пологим подъемом (с запада). Гряда вытянута с запада на восток. Ее длина – 190 м, наибольшая ширина – 100 м.

Несколько тысячелетий назад эта территория была частью морского дна. Она ограничена с нескольких сторон выступами кристаллических горных пород, которые препятствовали свободному движению

Большой Олений остров с могильником

волн. Волны, несущие с собой песок ракушечных пород, встречали твердую преграду, песок оседал на дно. Таким образом образовалась пересыпь, содержащая значительное количество извести в виде мелкодробленых раковин морских моллюсков. Именно это в значительной степени способствовало хорошей сохранности костных материалов могильника.

В дальнейшем уровень моря понизился, рассматриваемый участок морского дна превратился в песчаный участок суши. По-видимому, в период захоронений (3200–3500 л. н.) почвенный слой здесь еще не образовался.

Кольский Оленеостровской могильник является уникальным археологическим памятником для Севера Европы. Хорошая сохранность скелетных останков, орудий из кости и рога, остатки деревянных конструкций дают большой материал для изучения погребального обряда древнего населения Кольского полуострова, его антропологических данных.

История изучения

В 1924 г. научные сотрудники Мурманской биологической станции (МБС) Г. Крепс и Н. Спасский обнаружили разрушенное погребение. Летом 1925 г. сотрудники Имандровской экспедиции Г. Рихтер и С. Егоров произвели здесь раскопки, вскрыв два погребения с костяным инвентарем. Этим было подтверждено, что могилы имеют древний характер и представляют значительный интерес для археологов и этнографов.

В 1928 г. сотрудники антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции АН СССР во главе с Алексеем Викторовичем Шмидтом раскопали 11 погребений.

Работы на могильнике были продолжены в 1947–1948 гг. Гуриной Ниной Николаевной, сотрудницей Института истории мате-

Расчистка погребения 14

Расчистка погребения 19

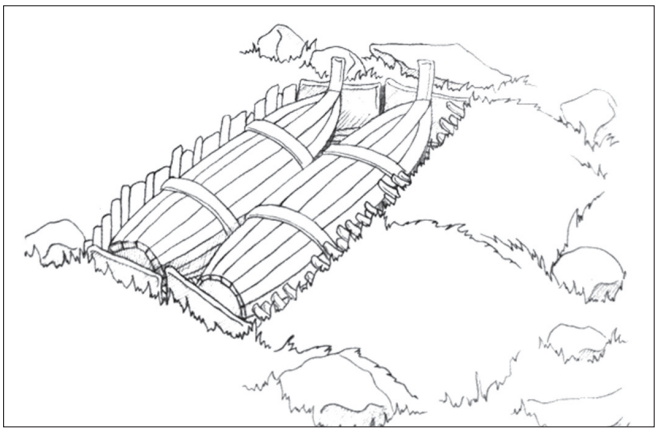
риальной культуры (ИИМК) АН СССР. Она раскрыла 9 погребений.

Следующий этап изучения памятника проходил в 2001–2004 гг. под руководством сотрудника ИИМК Шумкина Владимира Яковлевича. Было раскопано 10 погребений.

Нужно учитывать, что некоторые погребения были коллективными, поэтому общее количество изученных скелетов не совпадает с числом погребений.

Нельзя не отметить, что в изучении элементов погребальных сооружений и особенно погребального обряда много неясного. Поэтому интерпретации этих археологических данных несут с собой много предположений и версий.

Схематическая графическая реконструкция погребений



На Большом Оленьем острове древние жители (в литературе прижилось наименование «древние оленеостровцы») не устраивали никаких жилищ и стоянок. Это был своего рода остров мертвых. Сюда специально доставляли покойников, чтобы захоронить их.

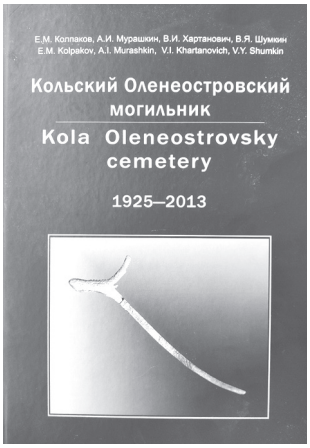
Покойников укладывали в специально сделанные лодки-гробовища (А. В. Шмидт называл их лодки-кережки). Видимо, они не были приспособлены для морского плавания, но делались по технологии изготовления настоящих лодок. Корпуса были изготовлены из тонких деревянных досок (удалось установить, что доски одной из лодок были шириной около 6 см и толщиной около 1.6 см) и просмолены. У одной лодки удалось зафиксировать элементы внутреннего каркаса: шпангоуты и бимсы. Две лодки имели форштевни, выступавшие вверх не менее чем на 18 см. Вероятно, форштевни имели какое-то оформление, во всяком случае, рядом с одним из них были найдены фрагменты из кости.

Затем лодки-кережки с покойником волочили по суше, герметизировали составом на основе смолы и переправляли на буксире через морской пролив на остров к месту погребения.

Возможно, перед буксировкой лодку накрывали сверху деревянной крышкой. Форма крышки в плане соответствовала обводам корпуса лодки, а стык крышки с бортами герметизировался смолой. Вероятнее всего, крышки были выпуклыми.

Глубина могильных ям – 0.2–0.5 от древней дневной поверхности. Могилы прикапывались одна к другой, но не засыпались.

Особое место занимают захоронения 19-3 и 19-4: для них была



устроена общая могильная яма с поперечным настилом на дне и укреплением стенок бревнами и досками, на которые опиралось перекрытие камеры.

Сверху погребения перекрывались досками или жердями на уровне дневной поверхности. Одно коллективное погребение (17-1, 17-2, 17-3) было перекрыто в два наката.

При сооружении могилы использовались камни. Некоторые укладывались внутрь кережки-лодки – за голову, в ноги, некоторые – сверху крышки. Возможно, они служили и для обкладки могил, но трудно сказать, положены ли они туда намеренно или скатились в результате осыпания ямок и разрушения их перекрытий.

В период совершаемых погребений все прежние погребальные сооружения были хорошо видны и их не разрушали, возможно, заботились об их сохранности.

Доклад основан на материалах, опубликованных в книге «Кольский Оленеостровский могильник 1925–2013» коллектива авторов (Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Хартанович В. И., Шумкин В. Я.), изданной в 2019 г. В ней собран весь материал, добытый археологами за всю историю изучения могильника.

Могильник до конца не раскопан. Есть обоснованная уверенность в возможности выявить дополнительную серию древних погребений. Археологи Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН определили наиболее перспективные площади для раскопок. Возможно, в ближайшем будущем работы там будут возобновлены.

Материалы из Кольского Оленеостровского могильника хранятся в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера), Мурманском областном краеведческом музее и в Городском историко-краеведческом музее Полярного. Наиболее полно этот уникальный археологический памятник представлен в экспозиции музея Полярного.

КИРИЧЕНКО
Олег Викторович

доктор исторических наук,
гл. научный сотрудник ИЭА РАН

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО СЕВЕРА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945 – 1990)

Послевоенный период в советской этнографии ознаменовался большими изменениями. Утвердился и окреп тот новый, более гибкий государственный подход к идеологической опеке над научной сферой, что был заявлен в середине 1930-х годов. Партийная методология перестала быть единственным теоретическим инструментом для гуманитарных наук, корректирующим общие цели и задачи научного поиска. Власть в лице Сталина не сформулировала тогда в обычных для себя четких определениях чего она хочет от ученых, поэтому этот процесс перехода к новой реальности был не простым и не быстрым. К середине 1930-х годов все крупные ученые-гуманитарии (значительная часть была выслана в 1922 г. в Европу, часть ранее уехала сама) уже отбыли свои сроки, полученные в конце 1920-х годов, кто-то умер в лагере, поэтому весь сохранившийся контингент морально не был готов к таким переменам, и люди долго не понимали, чего от них хотят. А власть поначалу хотела лишь нового учебника по истории для школ. Но в учебнике должно было присутствовать не только «бравурно» описанное советское, революционное настоящее, но и прошлое в осторожных, но не черных тонах. Вот эту меру описания прошлого и трудно было понять людям, которых еще недавно держали в лагерях за монархические взгляды, т. е. за память о старой России. Сталин лично курировал этот проект, отбирал варианты учебников, сам правил текст, но ничего

не писал по поводу «головокружения от успехов». И власть, и ученые двигались на ощупь. Тем не менее через какое-то время историкам старой школы (а других профессионалов просто не было!) стало ясно, что их позиция должна соответствовать славянофильскому мировоззрению. Славянофилы видели историю России не государственной, а народной, простонародной, и такая история действительно в имперской России так и не была написана. Чем она была удобна Сталину? В этой истории была занижена роль государства, и упор сделан на народной истории. Для несоветского периода России было важно показывать ведущую роль народа при государстве-эксплуататоре. Так славянофильское мировоззрение, при определенной советской корректуре, стало дополнением к советской, марксистско-ленинской (и до поры сталинской) методологии [1]. Но в довоенный период советская научная школа еще не смогла перестроиться на новый лад, тогда были обозначены лишь общие положения нового направления. Опять же повторимся, никаких теоретических трудов на эту тему не выходило, никаких партийных постановлений и решений партийных съездов не было, все делалось хотя и масштабно, но келейно, «без протоколов». В письмах военного времени одного из представителей славянофильского направления этнографа Е. Э. Бломквист есть следующая характеристика этого исторического момента, он назван «переломным», а время 1920-х и начала 1930-х годов обозначено как «ликвидация». В письме к родственнице она пересказывает выслушанный ею доклад археолога, в котором уже представлена новая периодизация древних периодов России, обозначен масштаб развернувшихся исследований в области древней истории и зафиксированы вопросы, которые были поставлены перед учеными «после замечаний Сталина, Жданова и Молотова на учебник истории»: «вопросы этногенеза восточного славянства, проблема формирования и сложения культуры Древней Руси, место и роль русской культуры, ее влияние и воздействие на соседние культуры» [2]. На этой волне открывающихся научных перспектив многие этнографы-славянофилы мечтали

---

[1] Кириченко О. В. Советские этнографы-славянофилы: В. А. Александров, М. М. Громыко, И. В. Власова // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики. Кол. монография. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 366–435.

[2] «… твои письма – документ незабываемого времени…». Из эпистолярного наследия Е. Э. Бломквист. 1942–1945 / подг. текста, комм., предисловие Е. Н. Груздевой. СПб.: Реноме, 2013. (Письмо № 22). С. 157.

о создании крупного русского научного этнографического центра в Москве, и предварительная работа по его созданию тоже велась, но советская власть была не готова к таким «радикальным» переменам, поэтому в Москве после войны появился академический институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая – исследовательский центр более широкого национального профиля, занимающийся вопросами традиционной культуры всех народов Земли.

Послевоенная ситуация в сравнении с довоенной характеризуется уже другими возможностями для науки. За время войны все ученые-гуманитарии прошли школу патриотического воспитания на практике, писали книги, статьи, брошюры. Это был бурный период достаточно свободного возвращения к прошлому русской истории, тон здесь задавал глава советского славянофильства (искренний славянофил), историк, академик Б. Д. Греков. Второй крупнейшей фигурой здесь принято считать академика М. Н. Тихомирова, также историка, палеографа, знатока русской иконы, русских церковных древностей. В Москве формируется серьезная этнографическая школа, и начинается (а точнее продолжается) соперничество «московской» и «ленинградской» этнографических школ. На примере исследования Русского Севера эта разница просматривается. Мы коснемся самых крупных имен этнографов послевоенного времени, изучающих Русский Север (это название региона возвращалось постепенно и тоже в послевоенный период). Речь пойдет о московских этнографах: докторе исторических наук Михаиле Васильевиче Витове, представителе географической кафедры МГУ, Ирине Владимировне Власовой, докторе исторических наук из московского Института этнографии, ученице Витова и Татьяне Александровне Бернштам, научном сотруднике Ленинградского музея этнографии. Все они укладываются в ту общую парадигму «славянофильского направления» исследования.

М. В. Витов (1923–1968)

Михаил Васильевич Витов – ключевая фигура севернорусской послевоенной этнографии по новизне, масштабности сделанного. Он представитель школы МГУ, кафедры этнографии. Кандидатской работой молодого ученого была работа на тему «Поселения Заонежья

в XVI–XVII в.», защищенная в МГУ в 1951 г. Витов сочетал в себе возможности трудиться как этнограф в рамках нескольких дисциплин: этнографии, географии, антропологии, истории и ономастики [1]. Тема «севернорусского поселения» интересовала его не в классическом этнографическом ключе, в статике описания его элементов, но в динамике исторических изменений исследуемых поселений. Его регион изучения – места освоения вокруг Онежского озера, территории, близкой к Кольскому полуострову. В первой своей крупной монографии – «Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений» (Изд. МГУ, 1962) – он реализует главную свою идею: комплексного, с учетом исторической динамики, изучения территории и ее населения. Для него «поселение» являлось основным этнографическим объектом исследования; также отдельной единицей исследования была этнографическая группа из числа русского населения. Дославянское население региона хотя и исследовалось, но в рамках той территории, которая была отобрана автором. Главным источником стали писцовые и переписные книги, достаточно хорошо представленные в архивах. Изучая всю совокупность собранных фактов: как изменялась в течение двух веков хозяйственная и «классовая» (т.е. сословная, имущественная) структура в рамках одних и тех же поселений, Витов привлекает и другие, сопутствующие сюжеты: история заселений края, особенности складывания землевладения, и в целом все это дает объемную картину этнографической жизни местного населения. Освоение Заонежского края затрагивало и территорию Кольского полуострова: «со второй половины XIII в. (с 1265 г.) в договорных грамотах с князьями в качестве одной из волостей новгородских начинает упоминаться Терский берег на Кольском п-ве, а затем и Кола» [2]. Недавние исследования, содержащие редчайшие, неизвестные ранее источники по русской истории XIII в., показывают, что территория Кольской

[1] Биографические сведения о М. В. Витове можно почерпнуть в следующих статьях о нем: В. В. Витов (1923–1968)//Советская этнография. 1969. № 2. С. 156–157; Власова И. В. М. В. Витов – этнограф и антрополог (1923–1968)//Этнографическое обозрение. 2003. № 4. 107–118; Туторский А. В. Идеи М. В. Витова о связи путей сообщения и истории заселения Русского Севера//Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий. СПб, 2017. С. 142–158.

[2] Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. Изд. МГУ, 1962. С. 48.

земли, крайней границы соприкосновения Руси с западными державами, была предметом не только интереса новгородских торговых людей и переселенцев, но и государственной власти. Князь Александр Невский заключил с норвежским королем мирный договор о разделе земель, т. е. об установлении твердой государственной границы на севернорусском рубеже [1]. Таким образом, упоминаемые Витовым летописные сведения о князьях, интересующихся территорией Колы, не были случайными, князья имели здесь свой домен, и это была не частная территория, а именно часть общерусской государственной территории. Этот фактор княжеского присутствия в столь отдаленной части севернорусского региона нельзя не учитывать при изучении этнографии Севера.

Итак, подчеркнем основные новаторские исследовательские приемы, на которые опирался Витов, и которые позволили ему совершить несколько важных, прорывных открытий, а также использовались другими исследователями Севера для крупных проектов. 1. Витов практиковал сплошное территориальное обследование. 2. В этом ему помогал «разработанный им метод обработки статистических материалов и составление на их основе карто-схем» (по мнению его ученицы И. В. Власовой). 3. Ученый проводил комплексное исследование: этнографическое, историческое, антропологическое, диалектологическое, с привлечением данных по ономастике и др. дисциплинам. 4. Для этнографических объектов выделялись этноемкие материальные объекты, служащие маркером этнической идентичности. Допустим, в качестве таковых рассматривалась изба, точнее ее внутренняя картина. 5. Кроме фундаментальной проработки письменных источников, Витов опирался на обширный круг полевого материала. С 1953 по 1958 г. под его руководством работала комплексная этнографическая экспедиция, охватывающая обширный регион «от финляндской границы и Чудского озера до Прикамья и бассейна Печоры» (по свидетельству И. В. Власовой) [2].

В 1964 г. выходит монография Витова «Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации в XII–XVII в.», где исследователь демонстрирует весь спектр своих ориги-

---

[1] Епископ Митрофан (Баданин). Св. благ. кн. Александр Невский и Кольский Север. Неизвестные страницы жития. СПб – Мурманск, 2017. С. 48.

[2] Власова И. В. М. В. Витов – этнограф и антрополог (1923–1968) // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. 107–118.

нальных подходов, главной целью которых было выделение отдельных, отличающихся друга от друга этнических групп внутри русского народа. Было выделено 84 локальные группы, включающие и нерусские народы региона, обследовано 7,5 тысяч старинных построек, которые также дали свой структурный результат – 125 локальных групп. Народные жилища, сельскохозяйственные орудия и фольклор рассматривались как материал для этноидентификации. Для написания данной монографии были использованы не только архивные источники (переписные книги, ревизии, материалы генерального межевания), но и данные фольклора, житийные тексты и другая литература. Данные антропологии позволили также открыть существование 3-х типов русского населения: 1) ильменско-беломорского; 2) верхневолжского и 3) онежского. Сводя воедино данные структурных выделений, опираясь на выводы разных наук, Витов смог увидеть две большие территориальные зоны: 1) западную (Заонежье и Поморье) и 2) восточную (бассейн реки верхней Двины с ее притоками). В этой же монографии он показал истоки и время заселения каждой зоны: западную зону осваивали новгородцы в XI–XVI вв., восточную – ростовчане и выходцы из «низовых земель», с середины XII в. и далее.

В 1974 г. Витов совместно со своей ученицей, аспиранткой И. В. Власовой выпускает очень важный труд: «География сельского расселения Западного Поморья в XVI – XVIII веках», практически весь состоящий из таблиц и цифр, с небольшими комментариями и выводами. В книге демонстрировались чудеса картографии, исследования исторической динамики расселения русских в Западном Поморье. Кроме того, что авторы давали уникальную картину «движения» народной массы за три века в отдельном регионе, они продемонстрировали работу витовской методики картографирования. Авторы книги приходят к выводу, что главными факторами, толкающим людей на переселения в эти века, были экономический и социальный.

Прежде чем мы перейдем к обзору основных трудов ученицы М. В. Витова И. В. Власовой, отметим, что научная деятельность этого талантливого исследователя, представителя этнографической кафедры МГУ нашла многих продолжателей и последователей: в ИЭА РАН, опираясь на труды Витова, смогли в начале 1990 г. выпустить фундаментальный коллективный труд – энциклопедию «Русские», в котором сочетались два новаторских подхода: а) исторический (автор В. А. Алек-

сандров) и б) этногеографический (автор М. В. Витов), реализованные учениками того и другого исследователей.

Опираясь на идеи М. В. Витова, в Ленинграде, в рамках подобного же подхода «сплошного» изучения этнографической территории с учетом динамического фактора, проводилось в 1970-е годы масштабное исследование аграрной истории обширного региона Северо-Запада России. Следствием чего было четырехтомное издание, описывающие земли бывших Новгородских владений как территории с особой хозяйственной спецификой развития. Руководил проектом известный ленинградский историк А. Л. Шапиро. Монография в целом называлась «Аграрная история Северо-Запада России». Первый том имел название «Аграрная история Северо-Запада России. Вторая пол. XV – начало XVI века» (Л.: Наука, 1971); Т. 2. – «Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины (Л.: Наука, 1974); Т. 3. – «Аграрная история Северо-Запада России, Север, Псков. Общие итоги развития Северо-Запада» (Л.: Наука, 1978); Т. 4. – «Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение и землепользование)» (Л.: Наука, 1989). Это исторический труд, поэтому мы лишь упомянем его, подчеркнем его фундаментальный характер, и, конечно, тот факт, что родился этот труд как продолжение новаторской деятельности М. В. Витова на Русском Севере. И хотя Витов также касался исторических сюжетов в своих трудах, но все же основой их была этнография, а не аграрная история как здесь.

И. В. Власова (1935–2014)

Научное наследие Ирины Владимировны Власовой можно разделить на три группы, если исходить из методологических основ написания этих трудов. Часть работ написана в рамках методологии, предложенной ее научными учителями. Так, опираясь на методы М. В. Витова, писалась первая (совместная с Витовым) работа «География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII в.» (М.: Наука, 1974). В рамках методологии В. А. Александрова, другого ее учителя в области истории, была подготовлена монография (на основе докторской диссертации) «Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв.» (М.: Наука, 1984).

Другая часть работ специфична тем, что автор взялась за разработку собственной методологии, опираясь на труды своих учителей и умело комбинируя их методы в одном исследовании. Но и здесь следует разделить всю совокупность «самостоятельных» трудов на две части: одна часть работ была написана с опорой на почвенную (территориальную) славянофильскую идею, другая – на их народническую идею. На основе первой позиции были написаны части в коллективных монографиях «На путях из Земли Пермской в Сибирь» (1989 г.), «Русские» (Народы и культуры) (1992), «Русский Север» (2001 г.). На основе второй – раздел в коллективной монографии «Мировоззрение и культура севернорусского населения» (2006), очерк в коллективном труде «Очерки русской народной культуры» (2009). Таким образом, большая доля работ, наиболее фундаментальных и проработанных, была создана в рамках территориальной славянофильской идейности при разработке собственной методологии.

Институт этнографии им Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, к слову сказать, также в 1950-е годы разделял идеи комплексного подхода как и учитель И. В. Власовой М. В. Витов. Эту идейность из МГУ принес в Институт этнографии в послевоенные годы его директор С. П. Толстов. Как отметил В. А. Александров, суть этого подхода заключалась в следующем: «Директор института Сергей Павлович Толстов, фактически его создавший, свою научную работу подчинил, прежде всего, историко-этнографическому аспекту при комплексном привлечении всего многообразия разнотипных источников. Он стремился органично сочетать данные археологии, этнографии, лингвистики, истории, фольклора и антропологии, и этот принцип научного подхода им был положен в основу структуры института» [1]. Но Власова столкнулась с таким подходом еще раньше, учась в университете и работая в этнографических экспедициях под руководством Витова. Работая на Вологодчине уже в рамках большого проекта, посвященного истории заселения Русского Севера, И. В. Власова тесно общалась с вологодским историком П. А. Колесниковым и внимательно ознакомилась с его трудами [2]. Его подход состоял в том, чтобы при изучении истории заселения Севера учитывать «своеобразие хозяйственных комплексов се-

[1] Александров В. А. Путь в историю… С. 56.

[2] Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976.

верных деревень и особенности крестьянского землепользования» [1].

Первая собственная монография И. В. Власовой – «Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII – первой четверти XX вв.» (М., 1976) – была подготовлена на основе защищенной кандидатской диссертации. Выделение отдельных локальных групп с этноспецификой внутри большой территории становится ее собственным методом исследования на долгие годы. На эту тему позже ею будет написана отдельная теоретическая статья [2].

Докторская диссертация писалась автором несколько в другом методическом ключе, под идейным руководством В. А. Александрова, руководителя неструктурной Сибирской группы, куда входили кроме Власовой еще несколько человек. В докторской фундаментально прорабатывалась важная идея, над которой работал на сибирском материале Александров, – о заселении Западной Сибири русскими крестьянами из Поморья. В диссертации Власовой, а потом и выпущенной монографии «Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв.» (М.: Наука, 1984), на основе «сравнительно-исторического анализа» сибирского и поморского земледелия была показана их генетическая связь, и проблема происхождения первых сибирских переселенцев была окончательно закрыта. Работа не претендовала на какие-то теоретические обобщения и была в общем-то далека от «комплексных» интересов Ирины Владимировны, имевшей вкус и способности к теоретической деятельности, но она решала тоже важную задачу: знакомила с совершенно новым видом источников и новой сферой исследования. Тем не менее именно здесь она получила возможность интерпретировать материал в контексте общерусских процессов, что в значительной мере позже помогло ей в написании «Русского Севера» – капитального труда по истории этнографии региона.

В коллективной монографии «На путях из Земли Пермской в Сибирь» (М.: Наука, 1989) И. В. Власова уже выступает как вполне самостоятельный исследователь, сознательно выбравший свою собственную

---

[1] Власова И. В. Занятия населения и хозяйственные традиции//Русский Север: Этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2001. С. 161.

[2] Власова И. В. К изучению этнографических групп русских//Полевые исследования Института этнографии АН СССР 1981 г. М., 1984. С. 3–4.

методику работы с источниками с учетом всего предыдущего опыта. В этой работе она впервые соединяет теоретические подходы Александрова (миграционные процессы) с географическим подходом Витова. Работа решала вполне конкретную задачу этнокультурного описания переселения пермского русского населения в Сибирь на серединном отрезке их пути в северном Приуралье. Обширная полевая работа сочеталась с архивной и библиотечной. Основной упор сделан на четком выделении этнического пространства русских и местных народов. Среди русских выделяются не локальные группы, а конфессиональные. Богатейший этнографический материал, собранный участниками экспедиций, стал важной источниковедческой базой для характеристики пермского русского населения в его динамике исторического развития.

Главный труд Власовой – коллективная монография «Русский Север. Этническая история и народная культура. XII–XX века» (М.: Наука, 2001. 848 с.). На ее долю – ответственного редактора и составителя – пришлось более 500 страниц текста. В монографии впервые было дано системное описание всей севернорусской традиции, как одной из трех частей единой общерусской традиции. Описывались не вообще «русские» (что мы наблюдаем, например, в замечательном труде Д. К. Зеленина) в их типологических чертах, а русские отдельного самобытного севернорусского региона, с его уникальной историей, судьбой, культурой, церковной жизнью. Благодаря типологическому описанию севернорусской традиции, стало в будущем возможно (надеемся) осуществить создание соответствующих севернорусскому трудов по южнорусской и центральнорусской традиции, а затем и полномасштабное сравнение всех трех типов. И таким образом исследование русского народа в его региональных и локальных особенностях будет завершено. Север интересовал Власову (вологжанку) своей мощной древней историей, своей индивидуальностью, своей способностью стать материнским лоном для всей Сибири (отсюда были первые поселенцы в Сибирь в XVI–XVII вв.), и важно было отразить в центральном, объединяющем очерке все эти характеристики. Власова отталкивается от четырех видов источников: археологических, топонимических, письменных и этнографических. «Это предпринималось для того, чтобы выявить этнокультурное районирование изучаемой территории и сопоставить разные ареалы на ней – археологические, антропологические, диалектологические

с этнографическими, и таким образом исследовать как местную этническую историю и народную культуру, так и развитие севернорусской культуры и ее общерусских черт» [1]. Разные источники работают на выявление и описание системных структурных элементов: локальных групп с этнической спецификой, антропологических типов, выделяемых внутри крупных, известных антропологических групп и этнокультурных зон, и общей зоны. Данные антропологии коррелируются с диалектологическими материалами, привязываются к археологическим культурам, соотносятся с этнографическим материалом, и таким образом вырисовываются те самые локальные этнокультурные зоны, территориальные единицы, которые имеют многослойную характеристику. Три антропологических типа, выделенных М. В. Витовым, соотносятся ею с четырьмя диалектологическими группами, также современными трем группам говоров. Сведя воедино всю информацию, автор приходит к выводу, что русское население Севера сформировало два потока: новгородцы и ростово-суздальцы. Вывод Витова подтверждается на более обширном материале. На раннем этапе велика была роль финно-угорских племен, живших здесь до славян. Формирование севернорусского населения завершилось к началу XVIII в. Автор приходит к выводу не эволюционного пути развития русских, а импульсивного, взрывного: от этапа к этапу. «Севернорусское население не является этнотерриториальной общностью, сохранившей архаические особенности, восходящие к племенным различиям древнерусского периода. Это относительно поздно сформировавшаяся общность, когда в едином этнокультурном развитии уже намечались тенденции к постепенному снятию локальных различий» [2]. Иными словами, этот вывод говорит о том, что индивидуальность Русского Севера не является следствием непрерывного эволюционного развития русских этнических групп, поселившихся здесь в древности, а зависит от других процессов, о которых сложно говорить. Если индивидуальность Севера сохранилась, то, следовательно, ее сохраняли, поддерживали и те, кто приходил на смену древнему населению. Благодаря этой эстафете

---

[1] Власова И. В. Введение//Русский Север… С. 10.

[2] Власова И. В. Этническая история и формирование населения Русского Севера// Русский Север: Этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2001. С. 22.

разных групп (по происхождению), культура древнего Русского Севера сохранилась. Во всяком случае, та богатейшая этнографическая культура, которая присутствует в фундаментальном описании авторов этой монографии, ясно свидетельствует об этом, об особом лице Севера, о древности этой традиции и уникальности ее.

Благодаря теоретическому очерку об историческом расселении русских в этом регионе, весь остальной этнографический материал укладывался уже не просто в статику «иллюстрации», но в динамичное повествование, посвященное развитию материальной культуры. Поэтому книга рассказывает не только о севернорусском регионе, но и о «создании русской этнической территории» и доле Русского Севера в этом процессе. Вот план описания в ней этнического пространства Русского Севера: 1) этническая история; 2) сельские поселения; 3) население Вологодчины; 4) занятия населения; 5) крестьянская усадьба; 6) севернорусский костюм; 7) пища и утварь; 8) брак и семья; 9) свадьба; 10) рождение и воспитание детей; 11) похоронно-поминальные обряды; 12) религиозная культура; 13) народное искусство. Автор останавливается на этнографических группах в рамках существования и взаимодействия трех больших этнических зон (севернорусская, карельская и коми). Этническое районирование, проведенное сначала на уровне этнической истории, оказывается объективным каркасом, который можно заполнять уже более частным материалом (поселения, занятия и т. д.), но при этом частный уровень, попадая в прокрустово ложе общего каркаса (строжайше выверенного технически измеряемыми инструментами: возможностями археологии, лингвистики, диалектологии, антропологии, ономастики и т. д.), тоже становится в какой-то мере общим явлением. В рамках общерусского контекста отдельный такой этнографический элемент (дом, вид одежды и т. д.) – это уже важный типологический признак общего характера. В книге «Русский Север» процесс обобщения частных элементов общим контекстом доведен лично И. В. Власовой до уровня: поселение, население, занятия, усадьба, костюм, брак и семья. Поскольку работа была посвящена одному региону – Северу, в ней нельзя было проводить межрегиональные сравнительные исследования, но Ирина Владимировна вышла из положения, взяв за основу другой принцип сравнения двух частных явлений. Им стал временной подход – рассмотрение исследуемых ею комплексов в историческом развитии.

Так, например, в отношении крестьянского жилища она делает такой общий вывод: «локальные и этнические черты крестьянского жилища все более стираются (во времени. – О. К.), а вместе с ними исчезает и граница региональных усадебных комплексов» [1]. По этому же принципу построены главы, посвященные пищи и утвари (Т. А. Воронина), и отчасти раздел «Похоронно-поминальные обычаи» (И. А. Кремлева). Другие «частные этнические комплексы» рассмотрены в книге статично, в рамках одного временного контекста. Если же говорить в целом, то И. В. Власова справедливо считала поставленную задачу пространственного описания Русского Севера современными средствами выполненной. Данная монография, конечно, решала проблему гораздо бóльшую, чем просто описание региона «Русский Север», но взывала всем материалом, всей постановкой проблемы комплексного исследования к тому, чтобы подобное исследование было продолжено на материалах других регионов. Но, к сожалению, этого не произошло, и мы до сих пор не имеем ни «Русского юга», ни «Русского центра», ни «Русского запада».

Т. А. Бернштам (1935–2008)

Ленинградская этнографическая школа представлена на Севере таким крупным исследователем как Т. А. Бернштам, сотрудником Кунсткамеры, начавшей работать над темой «поморов» (поездки в экспедиции), как сама она пишет, с 1959 г. [2], то есть почти одновременно с М. В. Витовым. Татьяна Александровна Бернштам была классическим этнографом, «статиком», описывающим этнографический объект в его статическом положении. Ее первой крупной работой по Северу стала монография «Поморы: формирование группы и система хозяйства» (Л.: Наука, 1978). Кстати, музей этнографии в эти годы входил в систему ИЭА РАН, поэтому книга вышла под грифом Московского института. Объектом исследования ученого стали поморы,

[1] Там же. С. 280.

[2] Экспедиции, со слов автора, проводились с 1959 по 1961 гг., с 1963 по 1965 гг., с 1969 по 1970 г. и в 1972 г.

до того не изучавшиеся монографически [1], всесторонне, с историй формирования, формами хозяйствования, связями с другими северными группами русского населения. Монографии предшествовали несколько тематических статей по истории рыболовства и промыслов, по фольклору, обрядовой культуре, праздничному календарю, семейной, общинной жизни, вопросам заселения региона. Использовались, соответственно, разные виды источников, кроме этнографических – археологические, письменные, и др.

В монографии автором уже комплексно ставилась задача: опираясь на разные виды источников, на обширный этнографический материал, дать четкое определение принадлежности группы поморов, – субэтнос, локальная (региональная) группа русских или же профессиональная группа, привязанная только к хозяйственному образу жизни. Учитывая, что это была первая монографическая работа по поморам, автору пришлось особо сосредоточиться на теме истории формирования группы, времени и обстоятельствах заселения территории Поморья. За девять лет сбора этнографического материала в регионе Бернштам побывала на семи морских берегах, обследовала 40 населенных пунктов (из 69 существовавших), вела переписку с корреспондентами, которых ей удалось опросить на месте. Ею не была охвачена лишь территория между Кемью и Керетью, а в целом был получен материал, ограниченный пунктами от Мезени до Варзуги. Работа с полевыми и письменными источниками позволяла воссоздать понимание происходивших здесь процессов (этнических, хозяйственных, культурных), начиная с середины XIX в. по 1970-е годы. Конечно, ранняя история реконструировалась за счет письменных и археологических артефактов. Большое внимание было уделено автором истории промысловой деятельности, и здесь она опиралась на отчеты научных и промысловых экспедиций в регион, имевших место в конце XIX–XX вв.

Автор считает, что формирование севернорусской этнозоны происходило в XII–XVII вв. силами главным образом восточно-славянского, русского населения. Этногенез, по мысли автора, выглядит следующим образом: до эпохи бронза на этих территориях жили ав-

[1] В р-нах Поморья и Кольского п-ва в послевоенные годы работали этнографические экспедиции из Москвы, Ленинграда, Казани (ИЯЛИ КФАН СССР). То есть этнографический материал собирался несколькими научными центрами, и между ними шел обмен накопленной информацией.

тохтонные племена прафинно-угров и протосаамов, потом – в середине II тыс. до Р. Х. – сюда пришла еще одна генерация народов; и лишь на третьем этапе – с IV в. – можно говорить о появлении славянского населения. Проникновение славян на Север не было равномерным во времени: с VIII по X в. по определенным причинам оно остановилось, потом возобновилось. В формировании группы поморов автор отводит особую роль не Новгороду, а двум группам: 1) Ладоге и примыкающей к ней области Белого моря; 2) Вторая группа, состоящая из русских людей и иноязычных, пришла из Верхневолжского бассейна. Они продвигались в Поморье в течение XII–XIV в. В своих выводах Бернштам опирается на изыскания М. В. Витова, но дает свою периодизацию этногенеза «северных великороссов», начиная с IV и заканчивая XV в. Она говорит о трех периодах, каждый из которых разделен на несколько этапов. В эти века и сложилась локальная группа русского населения – поморы, в нее вошли, кроме славянского, финно-угорские группы и самодийские народы. «Объективный подход» советского исследователя подразумевал равное участие народов в хозяйственно-культурном процессе, и в данном случае автор говорит о равенстве вклада в поморскую культуру всех трех групп. Основой их жизни и деятельности стала промысловая деятельность: рыбный и морской зверовой промысел. Подробнейшим образом автор рассматривает процесс взаимодействия разных этнических групп в Новое время, но главным образом русских и карелов. Сам термин «поморы», по мнению автора, имеет позднее происхождение (начало XVI в.), но широко распространился в более позднее время. Он был связан с тресковым промыслом, поморы – это «поморы-мурманщики». От них термин перешел на всю севернорусскую приморскую группу промысловиков.

Вторая часть монографии посвящена научному описанию промысловой деятельности поморов, рыбной ловле и добыче морского зверя. Описываются технологии добычи, орудия производства, различные сети и другие приспособления для промысловой ловли рыбы, технические характеристики лодок, кораблей. К подсобным видам хозяйства относились здесь земледелие и огородничество. Автор книги также обращается к особенностям социальной организации поморского общества, их общинному строю, семейным отношениям, значению коллективистских форм труда (в артелях и т. п.). Как и в центральной России, об-

щинный строй здесь являлся формой сохранения традиционного быта, а не только регулятором хозяйственной деятельности.

В следующей своей монографии («Народная культура Поморья в XIX–XX в. Этнографические очерки» (Л.: Наука, 1983)), которая продолжала поморскую тему, автор обращается уже к тем вопросам, которые не удалось осветить в предыдущей монографии: к описанию поморских поселений, жилища, одежды промысловиков; более подробно разбирает тему общинной и семейной жизни (уже вне зависимости от влияния этого фактора на промысловую культуру); также останавливается на функционировании аграрного календаря и «верованиях». В этой монографии Бернштам уже подводит читателя к образу помора во всех глубинных чертах: говорит об особенностях характера, устойчивых психологических чертах, особенностях религиозной жизни, особой роли севернорусского народного календаря. В книге подводится итог всему исследованию, говорится об общем с русскими этническом происхождении, русском самосознании, отнесению этой группы к русскому субэтносу внутри северных групп населения, но все же особенной группе, первенствующей среди других. Несомненно, что обе монографии Татьяны Александровны Бернштам заложили фундаментальную основу не только помороведения, но явились своего рода эталонными для исследователей края, как и труды М. В. Витова. В целом же можно сказать, что этнографическое исследование северо-западного сегмента Русского Севера в послевоенные годы было поставлено на серьезную научную основу, главным образом системностью и комплексным характером подхода. Это позволило провести сплошные исследования больших участков заселенной территории, увидеть динамику этногенеза, специфику хозяйственного освоения региона во времени, понять из каких компонентов и каким образом складывалось уникальное лицо севернорусского региона. И хотя исследования здесь проводились и до революции, но именно в 1945–1990 гг. был заложен фундамент научного исторического и этнографического изучения края.

СЕВЕР В ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

СТАРИЦЫН
Александр Николаевич

кандидат исторических наук,
Институт научной информации
по общественным наукам
(ИНИОН) РАН

ОБРАЗОВАНИЕ ХОЛМОГОРСКОЙ И ВАЖСКОЙ АРХИЕПИСКОПИИ КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ СО СТАРОВЕРИЕМ

В целях более эффективного управления обширными территориями и для закрепления произведенных церковных изменений на Соборе 1681–1682 гг. по предложению царя было принято решение об открытии 11 дополнительных епархий [1]. Но в действительности было открыто только 4 епархии. В научной литературе отмечалось, что необходимость открытия новых епархий была напрямую вызвана неэффективной борьбой со старообрядчеством в регионах [2]. В числе новообразованных епархий была выделенная из Новгородской митрополии архиепископия Холмогорская и Важская. В ее состав вошли Архангельск, Кевроль, Мезень, Вага (Важского присуда четверти: Шен-

---

[1] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. II Отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1842. Т. 5.: 1676–1700. № 75. С. 110. (Далее – АИ).

[2] Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола. М.: Знак, 2010. С. 591; Michels, G. The Patriarch's Rivals: Local Strongmen and the Limits of Church Reform during the Seventeenth Century//Modernizing Muscovy: Reform and social change in seventeenth-century Russia. London; NewYork, 2004. P. 340.

курская, Верховажская, Подвинская, Кокшеньгская с Устьянскими волостями), Кола и Соловецкий монастырь со своими землями [1].

Посвящение нового архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия состоялось 19 марта 1682 г., а прибыл он в свою епархию только через полгода 18 октября 1682 г. [2] Поиск церковных противников начался с первых пастырских шагов нового архиепископа и не прекращался до его смерти в 1702 г. Еще до приезда архиепископа Афанасия в Холмогоры двинский воевода князь Н. С. Урусов в сентябре 1682 г. получил царскую грамоту с предписанием помогать ему в борьбе с инакомыслием: «и ты б, боярин наш и воевода, и дьяк велели ему архиепископу для ослушников приставов и пушкарей, и стрелцов давать, сколько человек понадобится, безо всякого мотчанья» [3]. Архиепископ Афанасий в декабре 1682 г., посылая судью своего архиерейского Судного приказа монаха Тихона на Вагу для сбора церковной дани, наказывал ему смотреть в храмах и, где найдет, отбирать печати с восьмиконечным крестом и старопечатные Служебники и отправлять их в Казенный приказ. Священники, у которых старые печати и Служебники были найдены, подвергались штрафу в размере 10 рублей. В отдельной статье наказа говорилось о выявлении староверов среди местных жителей и розыске пришлых чернецов, которые живут в мирских домах или в тайных лесных убежищах [4]. Подобные наказы вместе с архиерейскими чиновниками отправлялись в разные уголки епархии.

В декабре 1687 г. на Вагу поехал сборщик церковной дани ключарь холмогорского собора Алексей Венедиктов. Руководствуясь наказной памятью архиепископа, он поручил местным священникам доносить десятским попам или заказчику о появлении в их приходах староверов. В Золотицкой волости эту обязанность должны были исполнять кре-

---

1 Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской церкви в конце XVII века: Церковно-ист. очерк. Санкт-Петербург: Тип. И. В. Леонтьева, 1908. С. 56–58.

2 Там же. С. 31, 46.

3 АИ. СПб., 1842. Т. 5. № 93. С. 146.

4 Акты и материалы, собранные в Холмогорском Спасо-Преображенском соборе/Собрал Ф. Харевич//Труды Архангельского статистического комитета за 1865 год. Архангельск, 1866. Т. 1. С. 22.

стьяне Антониево-Сийского монастыря, как указывалось в грамотах от 20 октября 1690 г. и 12 января 1691 г. [1]

В октябре 1688 г. на Мезень в Окладникову слободу архиепископ Афанасий послал из своего архиерейского Судного приказа сына боярского Ивана Окулова для ареста староверов братьев Иньковых. Окулов в сопровождении десятского троицкого священника Василия Кирилова и понятых пришел в дом Семена Инькова и произвел обыск. Однако, пользуясь удаленностью от начальства и труднодоступным местоположением слободы, Иньковы избили понятых, пытавшихся их захватить, и никуда не поехали [2]. В апреле 1689 г. в Окладникову слободу приехал сын боярский Иван Кончаков с подьячим А. С. Сийским для розыска тех же староверов Иньковых, но и на этот раз они отказались ехать в Холмогоры. Тогда архиепископ Афанасий приказал местным священникам не пускать братьев Иньковых и членов их семей в церковь [3]. Отлучение от церкви подействовало на Иньковых, они принесли повиновение и были прощены архиепископом Афанасием [4].

В июне 1691 г. для производства следствия и розыска староверов в Пустозерский острог был отправлен сын боярский Иван Никитин, который по указу архиепископа запросил помощи у пустозерского воеводы стольника И. М. Леонтьева. Но воевода в помощи ему отказал и следствие производить не дал. Сыну боярскому пришлось писать в Холмогоры, чтобы архиепископ обратился к патриарху Адриану. Тот в свою очередь отписал в Новгородский приказ. Из приказа в Пустозерск к воеводе пришел царский указ, чтобы воевода «тем присланным в сыску и в поимке тех церковных раскольников чинил всякое вспоможение и поимку раскольников» [5].

---

[1] Верюжский В. Указ. соч. С. 86–88.

[2] Государственный архив Архангельской области (Далее – ГААО). Ф. 1025 (Канцелярия епископа Архангельского и Холмогорского). Оп. 1. Д. 208. Л. 2; Д. 214. Л. 1–2; Д. 228. Л. 1–3.

[3] ГААО. Ф. 1025 (Канцелярия епископа Архангельского и Холмогорского). Оп. 1. Д. 265. Л. 2.

[4] Шульгин Н. В. Негромкая слава Иньковых//Генеалогия на Русском Севере: История и современность: Сб. статей. Архангельск, 2003. С. 151.

[5] Российский государственный архив древних актов (Далее – РГАДА). Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3. Д. 4113. Л. 1–5.

30 июня 1692 г. архиепископ Афанасий послал на Вагу для розыска появившихся там во множестве «богопротивных еретиков и развратников церковных» сына боярского Ивана Кончакова, предписав ему обратиться за помощью к важскому воеводе стольнику П. И. Взимкову. Воевода обязан был предоставить нужное число понятых из местных крестьян [1].

В августе 1692 г. «по указу преосвященного архиепископа дому его архиерейского дьяк Карп Андреев да сын боярской Михайло Александров, да подьячей Илья Рогуев посыланы были к морю на Терскую сторону для сыску церковных раскольников» [2].

В письме патриарху Адриану, отосланном 14 июня 1695 г., архиепископ Афанасий коснулся темы розыска староверов и припомнил, что с самого начала своего управления епархией рассылал детей боярских «ради пребеззаконных и презелных богоотступников и поругателей святыя Христовы церкве на взыскание около всего Помория» [3]. В данном контексте под «Поморием» следует понимать побережье Баренцева и Белого морей в районах, входящих в Холмогорскую и Важскую архиепископию, в том числе и на Кольском полуострове.

Процесс распространения в Холмогорской архиепископии церковной реформы, явившейся следствием политических решений, растянулся на десятилетия, вызывая неприятие во многих городских и сельских приходах. В 1680-е гг. на передний план выходит задача не укоренения изменений в церковной жизни, а борьбы с противниками нововведений, с проявлениями нелояльности к церковной, а значит и к государственной власти. Именно в этот период как реакция на активные действия властей в староверческом движении возникла особая форма протеста – уход в труднодоступные места и создание тайных поселений. Попытаемся локализовать поселения староверов, возникшие в рассматриваемое время в Кольском уезде и прилегающих к нему территориях, входящих в Холмогорскую и Важскую архиепископию.

---

1 Акты и материалы, собранные в Холмогорском Спасо-Преображенском соборе. С. 77.

2 Верюжский В. Указ. соч. С. 89.

3 Грамоты патриарха Адриана и архиепископа Холмогорского Афанасия о Соловецком монастыре // Памятники древней письменности. СПб., 1879. Вып. 3. С. 18.

В Ковдской волости, как следует из «Истории о отцех и страдальцех соловецких» С. Денисова, на необитаемом о. Великом в Кандалакшском заливе поселились оставившие Соловецкий монастырь черный священник Павел, черный дьякон Серапион и слуга Логин. Пустынь просуществовала 30 лет, т. к. по сообщению С. Денисова столько пустынники прожили на острове. К моменту открытия их убежища рыбаками в живых оставался один только о. Павел [1]. Из «Истории» не ясно, когда они вышли из монастыря и когда были обнаружены рыбаками. В «Материалах» Н. И. Субботина есть свидетельство о высылке из монастыря священника Павла в 1674 г. [2] Но для отождествления его с пустынником нет достаточных оснований.

Остров Великий – самый крупный из островов Кандалакшского залива Белого моря (22 км в длину и 6,5 км в ширину). Данных С. Денисова, изложенных в «Истории о отцех и страдальцех соловецких», недостаточно, чтобы установить точное место обитания на нем соловецких беглецов, однако можно высказать следующее предположение. С. В. Максимов, посетивший о. Великий в 1856 г., видел в центральной части острова остатки скита, в котором, по рассказам местных жителей, жили старушки-староверки, выселенные незадолго до приезда С. В. Максимова [3]. В настоящее время о. Великий входит в состав Кандалакшского государственного природного заповедника, в научном архиве которого сохранились воспоминания старожилов и сотрудников заповедника о существовании скита вблизи Малого Кумяжьего озера, расположенного в центральной части острова. Вот выписка из Летописи природы: «Интересно отметить на острове Великом прежние скитские строения. Местные жители, тот же Вакулин В. В. и другие, помнят, как еще в детстве ходили на озеро Кумежье Малое к старцу Андрею на поклонение, келья которого находилась на красивом высоком берегу озера. Здесь служили молебны приезжие из Мурмана

---

[1] [Денисов Семен]. Повесть об осаде Соловецкого монастыря//Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 167.

[2] Материалы для истории раскола за первое время его существования/Под ред. Н. И. Субботина. М., 1878. Т. 3. С. 350–352.

[3] Максимов С. В. Год на Севере/вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. Плеханова. Архангельск, 1984. С. 160.

и Архангельска попы, освящая воду озера» [1]. Запись в Летописи природы сделана в 40-х годах XX в., отсюда можно приблизительно вычислить, что время почитания могилы старца Андрея падает на конец XIX в. Трудно судить, кого информатор В. В. Вакулин назвал попами. Возможно, это были староверы, т. к. о почитании этого места в официальной церкви нет известий. Небольшое не очень внятное упоминание о некоем отшельнике (возможно, о том же самом) есть в воспоминаниях биолога М. Е. Виноградова, впервые попавшего на о. Великий в 1948 г. Воспоминания были записаны и обработаны сотрудницей заповедника Н. А. Горяшко (псевдоним – Александра Горяшко): «А раньше на Великом отшельники жили. Была там келья отшельника. Внутри гроб с камнями, и он спал в гробу на камнях. А потом, когда там сделали концлагерь, то он как-то растворился… в контингенте» [2].

Возникает предположение, что староверы, а позднее, возможно, и православные отшельники поселились на месте описанного С. Денисовым первоначального поселения соловецких выходцев, которое предположительно локализуется в районе Малого Кумяжьего озера. Для проверки данной гипотезы автором при поддержке Культурно-паломнического центра имени протопопа Аввакума была организована экспедиция на о. Великий в августе 2018 г. Экспедицией были выявлены удобные для поселения места со следами хозяйственной деятельности человека, которые находились на берегу Белой губы и в 300 м от впадения в губу ручья, вытекающего из Малого Кумяжьего озера. По результатам визуального осмотра нельзя однозначно утверждать, что первоначальное поселение староверов было связано с кельей отшельника Андрея на Малом Кумяжьем озере. Более того, в альманахе «Поморский летописец» в 2008 г. было опубликовано «Описание раскольничьего скита Белая губа в Кемской даче 4-го Кемского лесничества Архангельской губернии», составленное лесничим Осиповым 8 июня 1894 г., и хранящееся в Государственном архиве Архангель-

---

[1] Научный архив Кандалакшского государственного природного заповедника. Летопись природы Кандалакшского государственного заповедника. Кн. 1. 1939–1947 гг. С. 11.

[2] Виноградов М. Е. Воспоминания/запись и литературная обработка А. Горяшко [Электронный ресурс] http://www.littorina.info/kindo/bbs_mgu/ochevidci/vinogradov.html (дата обращения: 20.02.2017).

ской области (ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 356. Л. 32–32 об.) [1]. Осипов утверждал, что скит находился в северной части Большого [2] острова в губе Белой Бабьего моря [3]. Из построек сохранились 4 целых кельи и несколько развалившихся, а также молельня. Скит опустел несколько лет назад, а его строения использовались местными жителями как времянки. В 2–3 км от скита находилась могила «одного из бывших раскольничьих подвижников, расположенная около небольшого ручейка» [4]. Это прямое указание на почитаемую могилу отшельника Андрея, находящуюся у истока ручья, вытекающего из Малого Кумяжьего озера. Следовательно, скит находился севернее Малого Кумяжьего озера на берегу Белой губы Бабьего моря.

По свидетельству «Истории Выговской пустыни» И. Филиппова, на морском побережье в Кандалакшской волости Кольского уезда обосновался священноинок Пафнутий Соловецкий (кинешемец), который покинул Соловецкий монастырь накануне восстания [5]. Неизвестно, сразу он осел в Кандалакшской волости или странствовал в других местах. Можно лишь осторожно предположить, что с Соловецких островов он сначала отправился в Каргополь по указанию своего духовного сына старца Ефрема, который организовывал побеги недовольных монахов из монастыря. В Каргополе Пафнутий мог скрываться до 1677 г., когда убежище соловецких монахов в Спасо-Преображенском монастыре прекратило существование [6]. В основанной на Беломорском побережье пустыни он пребывал до 1695 г. Потом 7 лет провел в Выговском общежительстве и снова ушел к морю. Много путешествовал по побережью, доходя до Зимнего берега (Золотицкая во-

---

[1] Осипов. Описание раскольничьего скита Белая губа в Кемской даче 4-го Кемского лесничества Архангельской губернии. 1894 г.//Поморский летописец: альманах. Архангельск, 2008. Вып. III. С. 274–275.

[2] Имеется в виду остров Великий.

[3] Бабьим морем называется одноименная губа.

[4] Осипов. Описание раскольничьего скита Белая губа в Кемской даче 4-го Кемского лесничества Архангельской губернии. 1894 г. С. 274–275.

[5] Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1862. С. 313.

[6] Старицын А. Н. Между Соловками и Выгом//Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2007. Т. 1. С. 102–104.

лость Двинского уезда) [1], и вернулся на прежнее место в Беломорскую пустынь [2].

В 1702 г. к Пафнутию Соловецкому в Кандалакшскую волость пришел казначей Александро-Свирского монастыря Давид. В поисках истинного благочестия Давид посетил Соловецкий монастырь и Анзерскую пустынь, где ему, вероятно, посоветовали поискать Пафнутия на Беломорском побережье. Пафнутий поучил его в старой вере, перестриг по старому обряду и возложил на него схиму, дав ему имя Давыд. Пожив некоторое время с Пафнутием, Давыд попросился отпустить его жить отдельно. Так в Кандалакшской волости у моря возникла еще одна пустынь, которая просуществовала по сведениям И. Филиппова около 20 лет [3].

Точные места на берегу Белого моря в Кандалакшской волости Кольского уезда, где обитали Пафнутий и Давыд неизвестны. В материалах I ревизии сохранились показания староверов о существовании в начале XVIII в. многих «Поморских пустыней в лесу у Топозера» [4]. Однако к настоящему моменту нет достаточных данных, чтобы отождествить сведения о пустыни Пафнутия в Кандалакшской волости с Топозерскими пустынями.

В неизвестной волости в пустыни у моря жили выходцы из Соловецкого монастыря черный дьякон Пимин, старец Григорий и дьячек Иван Захарьев. Их арестовали в 1670 г. по извету «варзуженина» Павлика Титова [5]. Может быть, и пустынь находилась близ устья реки Варзуги на Терском берегу? На это косвенно указывает тот факт, что спустя три года после разорения пустынного убежища соловецких отшельников в село Варзугу продолжали приезжать соловецкие мятежники для рыбного промысла и находили сочувствие, как у местного населения, так и у соловецких приказных старцев – представителей офи-

---

1 Пафнутий посвящал в монашество обитателей зимнесторонских пустыней. См.: ГААО. Ф. 1025 (Канцелярия епископа Архангельского и Холмогорского). Оп. 5. Д. 330. Л. 4 об.

2 Филиппов И. Указ. соч. С. 87, 113, 313.

3 Филиппов И. Указ. соч. С. 311–314.

4 РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2367. Л. 278 об. – 279.

5 Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 30.

циальной администрации, сотрудничавшей с осаждавшими монастырь воеводами [1]. О существовании староверческих пустыней на Терском берегу свидетельствуют показания староверов, сделанные во время I ревизии [2]. Арестованных пустынников препроводили в Сумский острог к воеводе Игнатию Волохову. Судьба их известна: Иван Захарьев был казнен, а Пимин и его ученик Григорий после годичного заключения отпущены [3].

Получив свободу, дьякон Пимин обосновался в Лопских погостах, имевших давние экономические, административные и духовные связи с Соловецким монастырем [4]. Здесь он пребывал около 16 лет, проповедуя старую веру в округе. Его пустынь, благодаря его активной проповеднической деятельности, со временем пополнилась новыми людьми – крестьянами из соседних деревень. Он погиб в огне во время разорения стрелецкой командой его пустыни 9 августа 1687 г. Убежище Пимина находилось на Березовом острове Березового озера, соединяющегося с Тунгудским озером, вблизи от деревни Березов Наволок Шуезерского погоста [5]. Нельзя утверждать, что Пимин на протяжении всех 16 лет, которые он провел в Лопских погостах, имел постоянное пристанище на Березовом острове. Вполне допустимо думать, что он менял места для проживания, а Березов остров стал местом его последней пустыни. К моменту разорения Березовской пустыни в 1687 г. она из одиночного монашеского поселения преврати-

---

[1] Во время Соловецкого восстания мятежные монахи, засевшие в монастыре, потеряли контроль над многочисленными монастырскими усольями и промыслами, расположенными на Беломорском побережье. Непризнанный восставшими и изгнанный из монастыря архимандрит Иосиф обосновался в Сумском остроге, где сформировал альтернативную администрацию Соловецкого монастыря из монахов, принявших церковные нововведения. Приказные старцы посылались на места из Сумского острога. См.: Акты, относящиеся к истории Соловецкого бунта // ЧОИДР. 1883 год. М., 1883. Кн. 4, разд. 5. Смесь. С. 16–18.

[2] РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2367. Л. 1279.

[3] [Денисов Семен] Повесть об осаде Соловецкого монастыря. С. 164–165.

[4] Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 53, 101–103.

[5] Карелия в XVII в. Сб. док. / Сост. Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948. С. 308–309; Филиппов И. Указ. соч. С. 30–34; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Далее – ОР РГБ). Ф. 178 (Музейное собрание). Д. 698. Л. 185. Березов Наволок на современной карте локализуется в районе д. Березово на Березовом озере (см.: Общегеографический региональный атлас. Республика Карелия. М., 2002. С. 52. Е).

лась в прибежище людей, осознававших себя находящимися в условиях «последних времен».

В августе 1687 г. в Новгородском приказе была получена отписка Олонецкого воеводы князя Василия Долгорукова о существовании в Шуезерском лопском погосте в окрестностях деревни Березовый Наволок староверческого поселения. Воеводе об этом устно донес крестьянин Олонецкого погоста Константин Гяжин, который был послан в июне 1687 г. олонецким протопопом Львом Ивановым в Лопские погосты к священникам со списками с ектений о победе над турками и с грамот о посте и молебном пении. В Паданском погосте и в Масельгской выставке он слышал, что за 150 верст отсюда в результате проповеди олончанина Федора Пуллуева (Пуллоева) крестьяне ушли со своих мест и поселились в Шуезерском погосте в особом «пристанище» вдали от людей [1]. В переписи Олонецкого уезда Шуйской половины, составленной в 1707 г. переписчиком А. Ф. Головиным, содержится уточнение, что поселение находилось на Березовом острове на озере Березовое [2]. Учителем у крестьян назван вышеупомянутый соловецкий монах Пимин. Воевода, следуя инструкции о розыске и уничтожении староверческих селений, послал в названную местность стрелецкого голову Григория Теглева и подьячего олонецкой приказной избы Якова Носа 26 июля 1687 г. [3]

Следствием стрелецкой посылки явилась гарь 9 августа 1687 г., унесшая жизни всех жителей поселения. И. Филиппов предполагает число погибших около двух тысяч [4]. Синодик Выгорецкий называет только имена 27 мужчин, включая Пимина, и 9 женщин [5]. При сравнении синодичного перечня имен с именами жителей деревни Березов Наволок, зафиксированных в переписной книге Лопских погостов 1678 г., становится очевидным, что в поселении участвовали в первую

---

1 Карелия в XVII веке. Сб. док. С. 308.

2 РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 8579. Л. 516 об. Подтверждением версии о том, что поселение староверов находилось на острове, служит предание, записанное народным учителем М. И. Бубновским в 1914 г. По данным М. И. Бубновского, на Лукине (Березовом) острове была построена часовня на месте, где погиб в огне монах Пимин (см.: Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии. Архангельск, 1914. С. 20).

3 Карелия в XVII веке. Сб. док. С. 309.

4 Филиппов И. Указ. соч. С. 31.

5 ОР РГБ. Ф. 178. (Музейное собрание). Д. 698. Л. 185–185 об.

очередь выходцы из этой деревни (58 человек). Имена обитателей первого двора Никиты, Ивана, Андрея, Фотия Тимофеевых-Лукиных и их детей следуют почти в той же последовательности, что и в синодике. Встречающиеся в переписи фамилии некоторых крестьян – Леркуевы, Енкуев, указывают на их карельское происхождение [1]. Переписная книга 1707 г. добавляет имена крестьян из соседней деревни Тунгуда, которые уходили в поселение на Березовом острове в 1687 г. целыми семьями со всем своим имуществом [2].

Из источников неизвестно, как была организована жизнь поселенцев. Можно высказать предположение, что крестьяне, решившие оставить мир и уйти в пустыню, руководствовались содержащимися в эсхатологических текстах указаниями, в соответствии с которыми в пустыне следовало молиться, поститься и соблюдать целомудрие, ожидая второго пришествия Христова. Так как руководителем и духовным наставником поселенцев был иеродьякон Пимин, который перекрестил всех пришедших к нему из мира крестьян (что означало их отречение от мира), можно квалифицировать поселение на Березовом острове как пустынь.

Деревня с названием Березово (на западном берегу озера Березовое) недавно опустела, а деревня Тунгуда (на правом берегу одноименной реки недалеко от озера Косьмосозеро) до сих пор существует. Остров, где по нашему мнению было поселение староверов, находится напротив бывшей деревни Березово.

Таким образом, на территории Ковдской и Кандалакшской волостей Кольского уезда, Варзужской волости Двинского уезда и Шуезерского погоста Олонецкого уезда нами зафиксировано 5 монашеских пустыней, две из которых удалось локализовать. Все пустыни, кроме Березовской, располагались на землях Холмогорской и Важской архиепископии.

---

1 РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 8573. Л. 54 об.–56.

2 РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 8579. Л. 516 об.–520 об.

КАЗАКОВА
Ксения Сергеевна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем
Баренц-региона Кольского
научного центра РАН

ОСОБЕННОСТИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИХОДОВ ПЕРВОГО КОЛЬСКОГО БЛАГОЧИНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Просвещение и миссионерство всегда являлись одними из главных задач, стоящими перед Русской Православной Церковью на Кольском Севере еще со времен деятельности православных подвижников. На северных окраинных территориях одной из форм миссионерской работы, на которую Русская Православная Церковь возлагала большие надежды, была система церковно-приходских школ. Развитие начального церковного образования в последней трети XIX века было сопряжено с целью укрепления национального и религиозного единства страны. Если в центральных губерниях, Сибири и даже соседней с Кольским уездом Олонецкой губернии церковно-приходские школы конкурировали с земскими, министерскими и ведомственными учебными заведениями, то в Кольском уезде Архангельской губернии исключительная роль в развитии народного образования принадлежала Церкви. Миссионерская работа на северных окраинных территориях осложнялась большими расстояниями, отсутствием транспортной инфраструктуры,

малочисленностью и бедностью некоторых приходов, кроме того приходилось учитывать особенности этнического состава проживающего здесь населения. В представленной статье рассмотрены некоторые особенности просветительской деятельности церковно-приходских школ, расположенных в северных приходах Первого Кольского благочиния Архангельской епархии.

Документы по истории церковно-приходских школ на Кольском Севере не составляют единого документального фонда и представлены в нескольких крупных архивохранилищах: Государственном архиве Архангельской области (ГААО), Государственном архиве Мурманской области (ГАМО), Национальном архиве Республики Карелия (НА РК). В статье использованы документы Архангельского епархиального училищного совета (ГААО Ф. 28), Первого Кольского благочиния Архангельской епархии (ГАМО Ф. И-17), Кольского уездного отделения Архангельского епархиального училищного совета (ГАМО Ф. И-133), Кемско-Кольского уездного училищного отделения (НА РК Ф. 419), архивные материалы по Ловозерской миссионерской церковно-приходской школе (ГАМО Ф. И-121), Трифоно-Печенгскому монастырю (ГАМО Ф. И-87) и ряд других. Достаточно информативными для обозначенной темы являются очерки «Архангельских епархиальных ведомостей» о церковно-приходских школах Кольского уезда Архангельской губернии.

Основным типом школы на Кольском Севере стала одноклассная церковно-приходская школа. Саамские, или, как их называли в XIX веке, «лопарские», школы располагались, в основном, на территории Первого Кольского благочиния, тогда как церковно-приходские школы Терского берега находились в ведении Второго Кольского благочиния. В 1891 г. к Первому благочинию относились Кольский, Пазрецкий, Нотозерский, Ловозерский, Териберский и Печенгский приходы, а также Сонгельский и Кильдинский погосты; ко Второму благочинию – Петропавловский и Успенский в селе Варзуга, Кандалакшский, Ковдский, Керетский, Понойский, Тетринский, Кузоменьский и Умбский приходы [1]. Школ в колониях Мурманского побережья практически не было, за исключением Гавриловской школы грамоты и школы грамоты в с. Те-

[1] Национальный архив Республики Карелия (Далее – НА РК). Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6.

риберка, активную просветительскую деятельность вел возрожденный в 1886 году Трифоно-Печенгский монастырь. Уже к концу XIX века в Кольском уезде было создано 15 школ церковного ведомства.

Из пятнадцати школ в четырех (Пазрецкой, Кильдинской, Сонгельской, Нотозерской) состав учеников полностью состоял из «инородцев», как тогда было принято называть представителей коренных народов. Смешанным состав учеников был в Ловозерской школе (русские, коми-зыряне, саамы, ненцы). Толчком к открытию школ в северных погостах Кольского Севера сыграло постановление Архангельского епархиального съезда духовенства от 23 января 1887 г. «об открытии школ грамоты среди лопарей, зырян и самоедов». Епархиальное начальство, рассылая предписание в «инородческие» приходы, подчеркивало, что «только посредством школы возможно возрождение и просвещение инородцев в духе православной церкви и отклонение от остатка языческих верований, обрядов и разных суеверий» [1]. В том же году на запрос Епархии о возможности открытия школ благочинный Первого Кольского благочиния священник Печенгского прихода о. Георгий Терентьев сообщал епископу Архангельскому и Холмогорскому Нафанаилу о первоочередных задачах в области просвещения: «Чтобы поднять уровень религиозно-нравственного просвещения лопарей, первее и необходимее всего следует научить детей их кратким молитвам и правильному выговору русской речи, так как родители их более интересуются молитвами и сами учатся у них, чем грамотностью, впоследствии затем можно будет приступить и к самой грамотности» [2].

Первой школой, открытой в саамском погосте в 1888 году, стала Пазрецкая церковно-приходская школа (рис. 1). Эта школа, получившая название «передвижной» за особый учебный цикл, разработанный К. П. Щеколдиным, привлекала особое внимание современников [3]. Во многом успех миссионерской деятельности определялся огромным влиянием и авторитетом Константина Щеколдина, руководившего при-

---

1 Государственный архив Архангельской области (Далее – ГААО). Ф. 28. Оп. 2. Д. 5. Л. 6 об.–7.

2 ГААО. Ф. 28. Оп. 2. Д. 6. Л. 2–4.

3 См. например: Козмин Н. По школам Лапландии (Дневник наблюдателя). СПб., 1912. 31 с.; Львов Е. Л. По студеному морю: поездка на Север. Москва, 1895. 251 с.

ходом с момента его учреждения в 1874 году [1]. В проекте создания Пазрецкой школы, поданной на рассмотрение в Архангельский училищный совет, был подробно расписан весь учебный цикл «подвижной лопарской церковно-приходской 1-классной школы», который был разработан о. Константином «сообразуясь с образом жизни лопарей и принимая во внимание их периодические перекочевки» [2]. Основная задача церковно-приходской школы, по мнению о. Константина, заключалась в том, чтобы «не гоняться за многим, но научить детей грамоте и письму и воспитать их в страхе Божием, так чтобы полученные ими знания в школе принесли им пользу, когда они будут взрослыми» [3]. В зимнем Пазрецком погосте школа, соединенная с часовней, служила храмом Божиим, благодаря чему взрослые жители погоста чаще посещали богослужения и участвовали в «церковных собеседованиях», на которых повторяли молитвы, слушали чтения Жития святых и толкование Евангелия.

Опуская особенности организации передвижной школы, необходимо отметить, что существенное влияние на жизнь в Пазрецком погосте оказывала близость к норвежской границе. Школе в приграничном районе отводилась особая «политическая» роль в обучении саамов русскому языку и приобщении их к православной вере. Высказывалась точка зрения, согласно которой, без школы лопари, окруженные финляндцами, шведами и норвежцами, «не выдержали бы натиска этих народностей и подпали бы под их влияние» [4]. Учитывая важность миссионерской работы в приграничном с Норвегией погосте, финансовые расходы по содержанию Пазрецкой школы, которая по выражению современников находилась «на виду у Европы», взял на себя

---

1 О К. П. Щеколдине см. подробнее: Ермолаев Д. Н. Пазрека – сердце приграничья. Очерки истории Борисоглебского выступа на границе России и Норвегии, церкви Бориса и Глеба на берегу реки Паз и Пазрецкого саамского погоста. Мурманск, 2022, 164 с.; Бардилева Ю. П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века. Мурманск, 2015, С. 45–46; Пискунов Т. В. О путешествии по Северу с великим князем Алексеем Александровичем и встрече с Пазрецким священником Константином Щеколдиным // «Романовы на Мурмане». Материалы историко-краеведческой конференции. Одиннадцатые Феодоритовские чтения: под ред. митрополита Митрофана (Баданина). Мурманск: Издательство Мурманской епархии, 2019. С. 215–219.

2 ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 8. Л. 13–15.

3 Там же.

4 Архангельские епархиальные ведомости (Далее – АЕВ). 1903. № 13. С. 448.

Рис. 1. Священник К. Щеколдин с саамскими детьми на фоне первой церковно-приходской школы для саамов (основана в 1888 г.). Архангельская губерния, Александровский уезд, погост Пазрека. 1903 г. Саамы, русские. (Из фондов Российского этнографического музея)

Святейший Синод и попечители, в числе которых были обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и бывший русский консул в Финмаркене Д. Н. Островский. Среди благотворителей были и другие известные люди, жертвовавшие средства для школы. Например, в 1888 году пожертвований в пользу школы поступило 130 рублей, из которых 30 рублей от Н. Н. Харузина [1] и 100 рублей из Санкт-Петербурга от Ольги Васильевны Сидоровой, жены умершего известного защитника северного края М. К. Сидорова [2]. Отец Константин старался распределить эти средства наилучшим образом. На деньги Н. Н. Харузина предполагалось купить шкафы для книг, а из денег О. В. Сидоровой 10 рублей

[1] Харузин Николай Николаевич (1865–1900) – российский этнограф, исследователь традиционной культуры саамов. Автор монографии «Русские лопари (очерки прошлого и современного быта)». М., 1890.

[2] Сидоров Михаил Константинович (1823–1887) – общественный деятель, исследователь Севера, почетный член Вольного экономического общества, член комиссии Императорского Русского Географического общества по разработке плана изучения северных морей, меценат.

предназначались на покупку чая, сахара и калачей детям по праздникам и около 50 рублей детям на одежду, остальные средства «употреблены там, где более будет ощущаться недостаток» [1]. Таким образом, школа в Пазрецком приходе выполняла не только образовательные, но и благотворительные задачи, столь необходимые «по бедности лопарей».

Таких школ, финансируемых за счет благотворителей, в составе Первого Кольского благочиния было немного. На попечении Трифоно-Печенгского монастыря находилась Баркинская церковно-приходская школа, а затем и Печенгская монастырская школа, а также Ловозерская церковно-приходская школа, существовавшая благодаря помощи Архангельского Комитета Православного миссионерского общества [2].

В 1889 году церковно-приходская школа была открыта в Нотозерском погосте. В советской историографии Нотозерская школа представлена как яркий пример применения «насильственных мер» и «попыток духовенства завербовать детей местного населения» [Базанов, Казанский, 1939, 35]. Поводом для таких спорных утверждений советских историков послужили сведения о том, что «первоначально лопари не отдавали своих детей учиться, так как были твердо уверены, что детей, поучившихся в школе, скорее заберут в солдаты, чем не учившихся» [3]. Однако архивные документы свидетельствуют, что настоятели «лопарских приходов» высказывались о недопустимости любых насильственных мер в миссионерской работе среди коренного населения. Так, еще в 1887 году о. Георгий Терентьев писал: «Здесь требуется мудрая постепенность в обхождении с ними. Во избежание отдачи своих детей в школу они начнут кочевать по тундрам и совершенно прекратят свое жительство в зимних погостах. <…> На первых порах следует дать присмотреться к Пазрецкому училищу самим лопарям, разузнать в нем порядки и то, чему учат там, доброму ли делу, от которого они никогда не отказываются, даже сами сознают высшую пользу в грамотности…» [4]. Согласно документам Кольского уездного училищного отделения, первоначальное недоверие жителей Нотозерского

---

1 Государственный архив Мурманской области (Далее – ГАМО). Ф. 133. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

2 НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

3 АЕВ. 1905. № 20. С. 777.

4 ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 8. Л. 19–19 об.

погоста к открытию школы исчезло после разъяснительных бесед настоятеля, и на протяжении последующих нескольких лет в школе училось достаточное количество детей (от 15 до 20 человек), а школа помещалась в собственном доме, который отапливался и освещался за счет средств местных жителей. Таким образом, саамы Нотозерского погоста не только были готовы учить детей в церковной школе, но и финансово ее поддерживали.

Что касается связи обучения в церковно-приходской школе и военной службы, то она определялась утвержденным Святейшим Синодом в 1886 году «Правилом для выдачи свидетельств о знании курса начальных училищ воспитанникам церковно-приходских школ, желающих при отбывании воинской повинности воспользоваться льготою». Суть закона заключалась в том, что ученики, успешно сдавшие экзамены в присутствии специальной комиссии, в случае определения в военную службу получили право на льготу IV разряда, а именно: сокращение сроков службы до четырех лет в сухопутных войсках и шести лет на флоте. Так как коренное население, также как и колонисты, пользовалось своими льготами, то получение «льготных» свидетельств было для них не так актуально, как, например, для жителей поморских сел. Тем не менее, страх «солдатчины» был настолько силен, что некоторые ученики, на всякий случай, не являлись к выпускному экзамену, а когда с 1909 года в церковных школах начали вводить преподавание гимнастики и военного строя, в школах Кольского уезда решено было этого не делать «чтобы не отвратить от школы коренное население».

В январе 1890 года была открыта школа в Сонгельском погосте, располагавшемся ближе к границе с Финляндией и отстоящем от Нотозерского на расстояние 65 верст. Причем уже при открытии школы, под которую была выделена саамская тупа, был составлен приговор крестьян о согласии на постройку школьного дома [1]. В Сонгело некоторое время преподавал Михаил Георгиевич Терентьев [2]. В 1892 году в Кольское училищное отделение было направлено письмо крестьян Сонгельского погоста, в котором они свидетельствовали, что учитель Сонгельской школы, «живя в нашем месте, вел себя благонравно,

---

[1] АЕВ. 1905. № 21. С. 838.

[2] Михаил Георгиевич Терентиев (Терентьев) – сын священника протоиерея Георгия Кирилловича Терентиева.

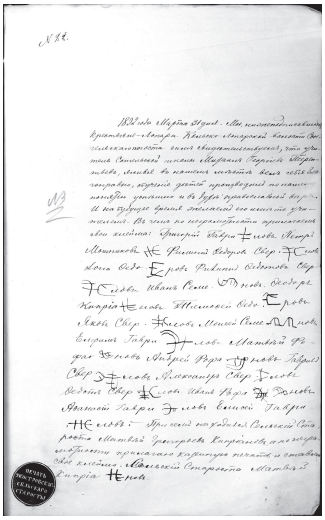


Рис. 2. Письмо-приговор крестьян-лопарей Кольско-Лопарской волости Сонгельского погоста от 31 марта 1892 г. (Из фондов Государственного архива Мурманской области)

обучение детей производит по нашему понятию успешно и в духе православной веры. И на будущее время желаем его иметь учителем, в чем по неграмотности прилагаем свои клейма» [1] (рис. 2). Таким приговором крестьяне ежегодно подтверждали свои обязательства о выделении определенной суммы на содержание школы и жалование учителя. На содержание Сонгельской школы от сельского общества в 1895/6 гг. поступило 85 рублей и 65 рублей на постройку церкви-школы [2]. В 1897 году в церковно-приходской школе в Сонгельском погосте был устроен алтарь для церкви, а 8 февраля 1901 года она была освящена во имя преподобного Трифона Печенгского.

По свидетельству наблюдателя церковно-приходских школ Николая Козмина, приехавшего в 1912 году из Архангельска с визитацией церковных школ Кольского уезда, взрослое население Сонгельского погоста в будние дни постоянно посещало утренние молитвы в церкви-школе [3]. В подтверждение успехов миссионерской деятельности этой саамской школы в публикациях «Архангельских епархиальных ведомостей» уже в начале XX века приводилось свидетельство учителя Сонгельской школы о том, что он слышит от родителей признание удовлетворения, что дети поют и читают в церкви [4]. Кроме того, указывалось и на практическую пользу обучения, которая заключалась в том, что учащиеся могли во время длительных кочевий крестить младенцев и читать в семейном кругу православную литературу для тех, кто не владел грамотой. Таким образом, именно школа становилась центром церковно-приходской жизни погоста.

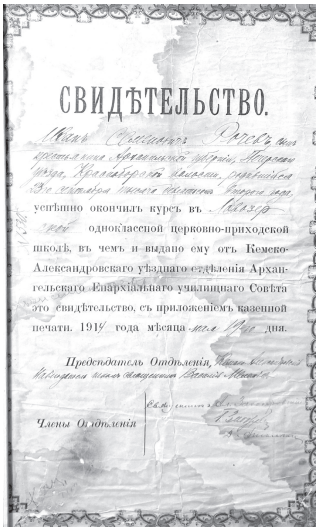
---

1 ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.

2 НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 138 об.

3 Козмин Н. Указ. соч. С. 13.

4 АЕВ. 1905. № 21. С. 845.



СВИДѢТЕЛЬСТВО.

успѣшно окончилъ курсъ въ одноклассной церковно-приходской школѣ, въ чемъ и выдано ему отъ Кемско-Александровскаго уѣзднаго отдѣленія Архангельскаго Епархіальнаго училищнаго Совѣта это свидѣтельство, съ приложеніемъ казенной печати. 191 года мѣсяца дня.

Председатель Отдѣленія,

Члены Отдѣленія

Рис. 3. Свидетельство об окончании Ловозерской одноклассной церковно-приходской школы. 1914 г. (Из фондов Мурманского областного краеведческого музея. Территориальный отдел – Музей истории, культуры и быта кольских саамов с. Ловозеро)

Приобщение детей к православной культуре было определяющим фактором заинтересованности в развитии начального образования и в Ловозерском приходе. Первая школа в Ловозеро открылась в октябре 1890 года по инициативе приходского священника Михаила Почезерского [1], однако в 1892 году занятия прекратились. В 1893 году Ловозерская школа открылась при поддержке Архангельского миссионерского комитета. Согласно данным училищного отделения, школа пользовалась поддержкой местного населения, так как большинство учеников читали книги, знали все первоначальные молитвы и при богослужениях пели «довольно порядочно» [2]. Несмотря на то, что большинство Ловозерского прихода составляли саамы, среди учеников самой многочисленной группой были дети коми-ижемцев (рис. 3). Архивные данные свидетельствуют о том, что такая тенденция, при которой большинство учащихся были коми, сохранялась вплоть до 1917 года [3].

«Главным образом церковные школы влияли на посещающих их детей, воспитании их в послушании Церкви православной, что и составляет величайшую миссию церковных школ, находящихся в приходах с раскольническим и инородческим населением» [4], – декларировалось в отчетных документах Кемско-Кольского училищного отделения. В целом, в приходах Первого Кольского Благочиния, при которых были открыты школы, можно проследить спец-

1 С 1884 года – священник в Ловозерском лопарском приходе Кольского уезда Архангельской епархии. Умер в 1892 году.

2 ГАМО. Ф. И-121. Оп. 1. Д. 2. Л. 122.

3 Ермолаева А. Миссионерская деятельность церковно-приходских школ Кольского Севера среди лопарей в конце XIX – начале XX века // Сборник студенческих научных работ. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. 2007. № 1. С. 65–73.

4 НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 18. Л. 5 об. Л. 6.

ифику постановки учебного дела, обусловленную как численностью и этническим составом населения, так и личностью учителя [1].

Во всех школах Кольского уезда законодательно закрепленные сроки обучения и учебные программы приходилось подстраивать под местные условия. Курс одноклассной церковно-приходской школы предусматривал двухлетнее обучение, при этом в северных районах, чаще в школах Первого Кольского благочиния, прием детей происходил каждый год. Уже в 1897 году Кольским уездным училищным отделением высказывалось предложение узаконить практику, согласно которой курс обучения в церковно-приходских школах Кольского Севера составлял бы три года. На практике, особенно в школах на саамских приходах, обучение могло длится четыре или даже пять лет.

Программа учебных предметов для церковно-приходских школ была утверждена Святейшим Синодом в 1886 г. Затем в течение нескольких лет она обновлялась. Однако специального курса для детей из числа коренных народов в рассматриваемый период разработано не было. В программу церковно-приходской школы входило семь основных предметов. В каждой школе обязательно проводилось обучение Закону Божьему, Священной истории, церковному пению. Преподавались церковнославянская грамота, русский язык, в программу изучения которого входило обучение чтению и правописанию. Программа по арифметике по объему знаний могла варьироваться в зависимости от успеваемости учеников и опытности учителя.

Закон Божий был одним из основных учебных предметов во всех учебных заведениях Российской империи. С конца XVIII века программа преподавания трансформировалась в соответствии с государственными задачами в области просвещения. «Несомненно, Закон Божий есть душа воспитательного дела во всякой школе», – говорилось в статье Московских церковных ведомостей [2]. Обучение Закону Божьему строилось в соответствии с возрастом учащихся. По отчетным сведениям Ловозерской церковно-приходской школы за 1906/7 учебный год, по Закону Божьему со старшим отделением

[1] Подробнее о школах Первого Кольского благочиния см.: Казакова К. С. Взаимодействие Русской Православной Церкви и коренного населения северо-западных арктических территорий в деле народного просвещения в конце XIX – начале XX веков // Религиоведение. 2023. № 1. С. 5–14.

[2] АЕВ. 1898. № 18. С. 471.

была пройдена Священная история, Ветхий и Новый Завет, Краткий Катехизис и Учение православного богослужения. В среднем отделении повторены молитвы, Символ Веры, Заповеди Божии. С младшими изучены все обычные молитвы по программе, заповеди Закона Божьего [1]. В отчете за 1889 г. священник Пазрецкого прихода о. Константин Щеколдин отмечал, что дети «читают элементарный курс Закона Божия свящ. Крылова, Евангелия на русском языке и часослов. Кроме сего по субботам читают по учебному октоиху воскресные стихиры и после с помощию моею поют на глас» [2]. Идеологов организации церковно-приходских школ особенно волновал вопрос «живого и успешного» преподавания Закона Божьего, которое не ограничивалось бы одной теоретической стороной. Чтобы «снять с уроков Закона Божьего характер скучной отвлеченности» рекомендовалось привлекать для обучения жития святых, которые могли бы читаться учителем или старшими учениками после утренней молитвы [3].

Учащиеся церковно-приходских школ активно участвовали в жизни своего прихода. В отчете за 1897/98 учебный год Ловозерской миссионерской школы сообщалось: «Храм Божий посещают все учащиеся. У исповеди и Святого Причастия были все. Утренние молитвы исполнялись, а вечерние нет, так как многие мальчики после занятий уходили в леса для перевязки своих оленей. Местное население относится к школе сочувственно, так как дети их, обучающиеся в школе, читают книжки, знают все первоначальные молитвы и при богослужениях, стоя на клиросе и возле него, поют довольно порядочно» [4]. В церковно-приходских школах церковное пение было отдельным предметом. Так как обучать детей пению по нотам было сложно, то рекомендовалось обучать их пению на слух. Именно такой способ обучения через приобщение учеников к клиросному пению практиковался в церковно-приходских школах Кольского уезда.

Особые трудности в школах саамских погостов возникали с преподаванием русского языка. Ученики приходили в школу, не зная русского языка. Первое время младшее отделение училось понимать

---

1 ГАМО. Ф. И-121. Оп. 1. Д. 2. Л. 82.

2 ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 1. Л. 20 об.

3 АЕВ. 1898. № 18. С. 471–475.

4 ГАМО. Ф. И-121. Оп. 1. Д. 2. Л. 122.

русскую речь и более или менее правильно говорить по-русски, только в старшем отделении ученики из числа коренного населения могли читать русскую книгу и писать без ошибок. Особую сложность для учителя представляло своеобразие саамского языка. Вот что сообщал о. Константин Щеколдин в Кольское училищное отделение: «Большое затруднение при обучении лопарских детей было то, что из них никто не знает по-русски ни слова, поэтому приходилось им переводить каждое слово и даже объяснять, когда не было равносильного лопарского. Таких слов очень и очень много. В настоящее время они стали уже понимать большую часть, а сами, однако, говорят еще не много и короткие фразы» [1].

В целом, обучение в церковно-приходских школах Первого Кольского благочиния проводилось в рамках общей программы церковно-приходских школ Архангельской губернии, но имело особый характер организации учебного цикла [2].

На Мурманском берегу активную миссионерскую деятельность, в том числе среди коренного населения, вел возрожденный в 1886 году Трифоно-Печенгский монастырь. Возобновление обители было связано как с решением внешнеполитических, экономических, так и социальных, культурных задач на северных окраинных территориях [3]. Увеличение числа колонистов-лютеран (норвежцев, финнов и фильманов (саамов-лютеран)) на Западном Мурмане, а позже и появление Лютеранского прихода обусловили появление новых православных приходов в колониях, так как «значительное преобладание числа лютеран над православными на Западном Мурмане не могло не беспокоить русские власти» [4]. Именно просветительская деятельность среди колонистов Мурманского берега настоятеля Трифоно-Печенгского монастыря о. Ионафана была высоко оценена Святейшим Синодом. В хо-

---

1 ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 1. Л. 20 об.

2 См. подробнее: Казакова К. С. «В видах пользы обучения детей… »: особенности организации церковно-приходских школ на северных окраинах Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2023. Вып. 111. С. 84–101.

3 Бардилева Ю. П. Указ. соч. С. 47.

4 Орехова Е. А. К вопросу о колонизации Мурманского берега во второй половине XIX – нач. XX вв. Обзор религиозной ситуации в колониях Мурманского берега // IV Ушаковские чтения. Мурманск, 2007. С. 45.

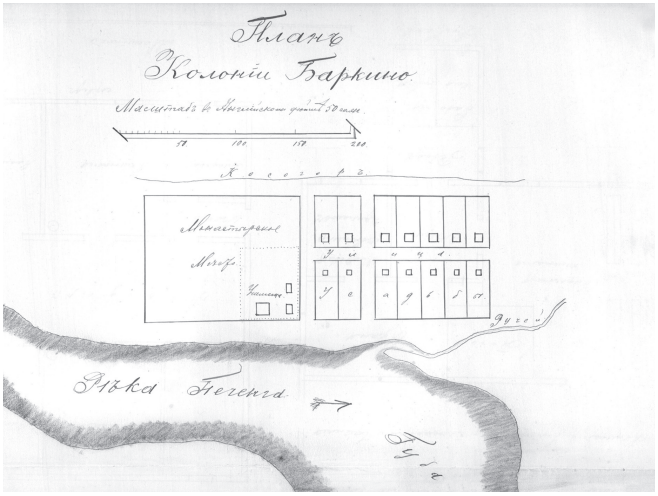


Рис. 4. План колонии Баркино. 1895 г. (Из фондов Государственного архива Мурманской области)

датайстве настоятеля Соловецкого монастыря игумена Иоанникия о присвоении о. Ионафану сана игумена в качестве главного аргумента говорилось о его трудах по содержанию школы и о заслугах для народного образования [1].

На средства Трифоно-Печенгского монастыря на Мурманском берегу содержалось несколько школ. 30 ноября 1893 г. в колонии Баркино была открыта церковно-приходская школа, где, согласно статистическим сведениям, обучалось около 20 мальчиков, двое из которых – лютеране (рис. 4). Следует внести некоторые уточнения в утверждение о том, что первое время в школу принимали только мальчиков, потом открыли двери для девочек [2]. Как свидетельствуют архивные документы, Баркинская школа изначально создавалась как смешанная, однако первоначально родители не хотели отдавать девочек учиться, что согласуется с гендерным соотношением учащихся во всех церковно-приходских школах уезда того времени. Из числа учеников тринадцать были «кареляки, говорящие на русском наречии», и семь мальчиков – из русских поморов. Все они проживали в небольших

---

1 ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 7. Л. 58–58 об.

2 Коржова Н. Б. Образовательная миссия Трифонова Печенгского монастыря в конце XIX – начале XX века // «История просвещения Европейского Севера»: Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции «Восьмые Феодоритовские чтения» под ред. епископа Митрофана (Баданина). Североморск – Санкт-Петербург, 2016. С. 219.

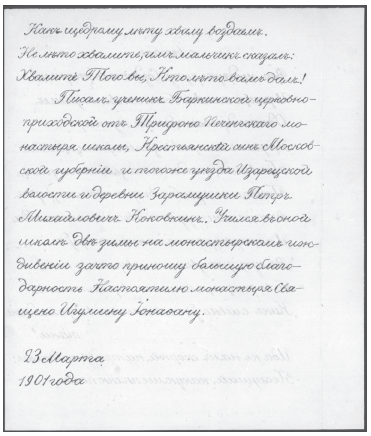


Рис. 5. Фрагмент экзаменационной работы ученика Баркинской школы П. М. Коковкина с благодарностью настоятелю монастыря игумену Ионафану за содержание на «монастырском иждивении». 1901 г. (Из фондов Государственного архива Мурманской области)

колониях, расположенных рядом с монастырем: Печенгско-Монастырской, Баркино, Княжухе, Оленьей Горе, Трифоновом Ручье.

Настоятелю Печенгской обители о. Ионафану не раз приходилось убеждать колонистов в необходимости обучения детей. Например, после молебна, отслуженного в честь завершения учебного 1895 года, им была сказана проповедь родителям учеников, которые не хотели отдавать своих сыновей учиться на будущий год [1], и он «своим пастырским словом заставил [родителей. – К. К.] эту думу отбросить» [2]. Игумен принимал активное участие в судьбе учащихся. Например, в 1897 году он «выхлопотал установленное свидетельство, дающее право на льготу отбывания воинской повинности» для незаконнорожденного сына девицы Кестенгской волости Кемского уезда Тимофея Григорьевича Кондратьева, а также обеспечивал монастырским содержанием «недостаточных» в материальном отношении учеников (рис. 5).

В целом, задачи Баркинской церковно-приходской школы, по мысли ее устроителей, заключались в следующем: «Благоустроенная школа постепенно развеет недоверие к ней колонистов, победит их предубеждение и смягчит их грубость и невежество через грамотность и воспитание детей, обучающихся в школе христианской нравственности, вере и благочестию, и прошедши церковно-приходскую школу молодое поколение будет уже более своих родителей полезными членами своего общества, верными слугами Царю и Отечеству и добрыми чадами и по-

[1] Ученики отучились положенные три года, однако предлагалось оставить их и на 4-й год обучения для подготовки к итоговому экзамену.

[2] ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 9. Л. 40 об.

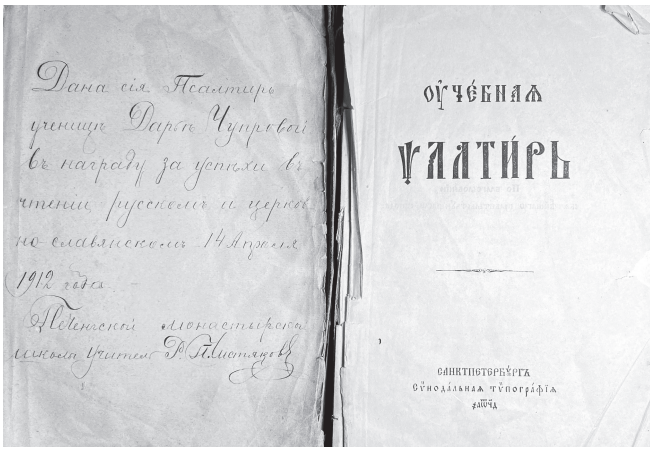


Рис. 6. Псалтырь Д. Ф. Чупровой с дарственной надписью. (Из фондов Мурманского областного краеведческого музея. Территориальный отдел – Музей истории, культуры и быта кольских саамов с. Ловозеро)

слушными матери своей Церкви Божией, в чем и состоит вся радостная надежда школы и трудящихся в ней на лучшее будущее» [1].

По инициативе архимандрита Ионафана в январе 1903 г. при монастыре была открыта Печенгская церковно-приходская школа. В этнографических сочинениях она представлена образцом современного для своего времени материального оснащения: большим помещением с электрическим освещением, огромной библиотекой, использованием технических средств демонстрации [2]. Это была «вневедомственная» школа, которая не относилась к школам Министерства народного просвещения и не состояла в ведении Училищного отделения Архангельской епархии. В школе обучались все желающие, среди которых были как саамы Печенгского погоста, так и колонисты Мурманского берега. Все ученики жили при монастыре в организованном для них общежитии, и учебный график этой школы был полностью согласован с монастырской жизнью. Школа, не будучи стеснена никакой официальной программой, имела собственную трехгодичную, составленную под руководством о. архимандрита Ионафана. Обучение преследовало цель «научить обучающихся в ней всему тому, что непосредственно требуется в жизни и тесно соприкасается с ней» [3]. В награду за хорошую учебу

1 ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 9. Л. 66 об.

2 Блинов В. На Мурмане (из личных воспоминаний автора, дополненных новейшими данными). Пг., 1918. С. 18.

3 ГАМО. И-87. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.

и по окончании Печенгской монастырской школы ученики получали в подарок книги (рис. 6). Помимо обучения детей школа выполняла и миссионерскую функцию. Для взрослых при школе были организованы народные чтения и беседы.

Таким образом, миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на северных окраинах Российской империи, которая осуществлялась через церковно-приходские школы, оказывала свое влияние на этнокультурные процессы в регионе и способствовала приобщению коренного населения Кольского Севера к православной вере, активному участию в церковно-приходской жизни. Особенности курса обучения в церковно-приходских школах северных приходов были обусловлены полиэтничностью состава населения и особенностями хозяйственного уклада жизни на Севере.

ПЕТРОВ
Иван Васильевич

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории СПбГУ

ИОАНН ЛЕЛЮХИН – САМЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ СЕВЕРНОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЭМИГРАЦИИ: НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ИЗ БИОГРАФИИ [1]

В № 28 московского «Церковно-исторического вестника» за 2021 г. опубликованы довольно любопытные материалы: почти двадцатилетняя переписка последнего российского посла в Великобритании Е. В. Саблина с митрополитом Евлогием (Георгиевским), возглавлявшим в эмиграции Западноевропейский экзархат русских приходов (публикацию подготовил профессор Антуан Нивьер). Дело в том, что Саблин в эмиграции оставался своеобразным представителем русских интересов, главой местной русской колонии вплоть до своей кончины в 1949 г. Среди множества крупных и мелких событий, волновавших его и митрополита Евлогия в эмиграции, автора этих строк в наибольшей степени заинтересовал сюжет, связанный с личностью протоиерея Иоанна Лелюхина, человека редкой судьбы, покинувшего в годы Гражданской войны Север России.

В своем письме от 8 февраля 1923 г. владыке Евлогию Саблин следу-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

ющим образом аттестует выходца с Севера России: «Достойное выше всяких похвал поведение отца Иоанна Лелюхина привлекло к нему все сердца. Если Вы припомните, на последнем нашем заседании полковник Беляев выразился, что у него "душа не лежит к о. Иоанну". Ныне он взял свои слова обратно и всенародно покаялся. Все присутствовавшие на сегодняшнем заседании не только подписали прилагаемую резолюцию, но и выразили желание, чтобы отец Иоанн был немедленно назначен настоятелем» [1]. Далее из текста письма следует, что отец Иоанн пользовался громадным авторитетом среди большинства местной православной публики, в том числе у великой княгини Ксении Александровны, которая и видела в нем настоятеля Лондонского православного храма.

Но с течением времени в глазах Саблина личность священника, покинувшего Север России, менялась. 20 апреля 1926 г. Саблин сообщал о деятельности группы «лелюхинцев», которые недовольны назначением настоятелем в Лондон бывшего епископа Финляндского, а ныне архиепископа Серафима (Лукьянова). В приходе в то время была настоящая «война» между сторонниками отца Иоанна Лелюхина и отца Василия Тимофеева, в период Российской империи певчего и псаломщика при русской посольской церкви в британской столице. В поддержку отца Иоанна его сторонники, в частности графиня Наталья Шереметьевская, собрали 300 фунтов [2]. Через три дня Саблин сообщал владыке, что «лелюхинцы» продолжили свои интриги и сообщили владыке Серафиму о невероятной бедности прихода [3]. Впоследствии мы узнаем, что отец Иоанн и его сторонники битву за приход проиграют, однако группа «лелюхинцев-северян» (беженцев с Севера России) будет сильна и позже [4].

Так кем же был этот таинственный возмутитель спокойствия, пришедший с Севера России?

Обратимся к биографическим данным, которые мы можем обна-

---

1 Письмо Е. В. Саблина к митрополиту Евлогию от 8-го февраля 1923 г. // Переписка Е. В. Саблина с митрополитом Евлогием (Георгиевским). Пуб. А. Нивьера // Церковно-исторический вестник. 2021. № 28. С. 13.

2 Там же. С. 21.

3 Там же. С. 22–23.

4 Там же. С. 28–29.

ружить в справочнике Антуана Нивьера. Как в нем говорится, Иван Захарьевич Лелюхин родился 30 января 1883 г. в Смоленской губернии и происходил из семьи православного священника. В 1900 г. он окончил духовную семинарию в Смоленске. Через 11 лет стал выпускником столичной духовной академии со степенью кандидата богословия. В период с 1900 по 1907 гг. Лелюхин являлся директором народных училищ Смоленской епархии. В 1911 г. произошло рукоположение Иоанна Лелюхина в сан иерея. В 1915 г. произошла хиротесия пастыря в сан протоиерея. В годы Гражданской войны священник становится настоятелем кафедрального собора в Архангельске. По добытым Нивьером данным, 18 июля 1918 г. отец Иоанн Лелюхин назначен членом Архангельского епархиального совета. Время, когда отец Иоанн был настоятелем собора в Лондоне, Антуан Нивьер определяет периодом с 21 мая 1920 г. по 24 марта 1923 г. Кроме того, отец Иоанн участвовал во Всезарубежном соборе в Сремски-Карловцах. С 1923 г. отца Иоанна перевели в Успенскую церковь британской столицы. В начале 1926 г. произошел перевод пастыря во Флоренцию, где он стал настоятелем Рождественской церкви (до начала октября 1936 г.). Вместе с управлением этими приходами в задачу отца Иоанна входило обслуживание домового храма в Мерано и храма Христа Спасителя в Сан-Ремо. С 1935 г. священник вышел за штат по болезни, однако с 1936 г. являлся настоятелем церкви Иверской иконы Божией Матери в Плэсси-Робэнсон (предместье французской столицы). 6 ноября 1939 г., в годы Второй мировой войны, протоиерей Иоанн Лелюхин возглавил Свято-Серафимовский приход в Париже. В декабре 1942 г. он оставил служение в этом приходе по болезни и был причислен к Успенской кладбищенской церкви в Сент-Женевьев-де-Буа [1].

Отмечена личность отца Иоанна Лелюхина и в воспоминаниях митрополита Евлогия (Георгиевского). Не сложно догадаться, что в центре внимания оказался в данном случае период его пребывания на приходе в Лондоне: «После смерти протоиерея Смирнова первым настоятелем из эмиграции был протоиерей И. Лелюхин. Под влиянием тяжкой семейной драмы (жена и дочери, оставшиеся в России, уклони-

[1] Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник. М. – Париж: Русский путь – YMCA-PRESS, 2007. С. 290.

лись в коммунизм), раздавленный этим горем, он с трудом справлялся со своим служением. Тогда ему в помощь я посвятил в священники местного псаломщика В. Тимофеева; он окончил Петербургскую Духовную Академию, 15 лет прожил в Англии и помог бы связью с англичанами. Выдвинул я и диакона Феокритова, человека очень хорошего, обладающего прекрасным голосом и свободно владеющего английским языком: я сделал его протодиаконом. О. Тимофеев назначением вторым священником доволен не был. Я намекнул о. Лелюхину, чтобы он подал прошение о переводе в другой приход, его друзья ополчились против меня. В конце концов о. Лелюхина все же удалось перевести во Флоренцию» [1].

Итак, благодаря воспоминаниям владыки Евлогия, мы узнаем о трех примечательных моментах из биографии нашего героя. Первый: вокруг него действительно образовался круг сторонников, не желавших его назначения на какой-либо другой приход или в другую страну (не сложно догадаться, что среди них было много «северян», то есть прибывших с Севера России новых эмигрантов). Второе: перевод отца Иоанна в Италию был достаточно тяжелым и был сопряжен с конфликтной ситуацией на лондонском приходе. Наконец, третье, на наш взгляд самое интересное: его супруга и дочери остались в РСФСР и «приняли» новый строй. Почему же он уехал, оставив их? И какими были его личные взаимоотношения с советской властью?

Конечно, для ответа на этот вопрос нужно углубиться в биографию пастыря, с помощью чего мы попытаемся найти свидетельства об его отношении к социализму, коммунизму и большевизму.

Так, еще в 1908 г., будучи диаконом, Иоанн Лелюхин выпускает довольно резкую статью под заглавием «Социализм как религия человекообожания». Уже тогда, после событий 1905–1907 гг., пастырь писал, что «религия Бога небесного и религия земли постоянно ведут между собой ожесточенную борьбу». Иоанн Лелюхин уже тогда относил социализм к «силам ада» и называл его «самым опасным противником религии неба». Согласно воззрениям молодого диакона, в социализме соединились все возможные нападки на веру в Бога из прошлого: «Со-

[1] Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий; Издательский отдел ВПМД, 1994. С. 390.

циализм впитал в себя все нападки прошлых веков против Бога, всю злобу против неба, против мира духовного и, прикрывшись красивым флагом освободителя человечества, объявил жестокую борьбу религиям Бога небесного и, в частности, христианству. Эта борьба ведется социалистами искусно, по всем правилам новейшей стратегии, чем и объясняется то странное на первый взгляд явление, что многие считают христианство и социализм близкими друг другу, многие думают даже, что Господь И. Христос был социалистом» [1]. Чтобы не слыть голословным, Лелюхин решил изучить программу социалистов и определить основные изъяны их учения. Так, он приводит тезис из Эрфуртской программы социалистов (социал-демократов), где представлено еще вполне лояльное отношение к христианству, при этом отмечает, что другие параграфы в той же программе прямо противоречат заявленной терпимости и говорят о том, что для социалистов религиозная терпимость есть «сплошное недоразумение». Еще более отчетливо, по мысли пастыря, против религии выступал Карл Маркс (он привел тезис основателя марксизма о создании религии человеком) [2].

Приведя столь наглядные примеры, Иоанн Лелюхин пришел к неутешительному выводу: «По-видимому, социалисты совершенно безрелигиозны. Но это неправда. Религия у социалистов есть. Есть и у них божок, требующий себе смиренного и безусловного повиновения и поклонения. “Если религия сводится к упованию на богов и духов, то в таком случае демократы вовсе не имеют религии, – культурное общество – вот высшее существо, в которое мы веруем”» [3].

Далее, как патологоанатом, Лелюхин вскрывает то «идеальное общество», которое мыслят построить социалисты. Свободное от «религиозных утопий» общество, которое, по мнению Лелюхина, обожествляют социалисты, родится через борьбу. Переходя к «нравственной физиономии» социалистов, Лелюхин говорит об их «блаженствах». С его точки зрения, если верить социалистической теории, то «блаженны»: все недовольные своим нищенством; храбрые и стойкие

---

1 Лелюхин И., диак. Социализм как религия человекообожания // Православная Церковь и социализм. Вторая половина XIX–XX в. / под ред. А. А. Иванова. СПб.: Владимир Даль, 2023. С. 292–293.

2 Там же. С. 293.

3 Там же. С. 294.

борцы; непокорные, ибо они завоюют землю; безжалостные к палачам; восставшие против сильных; избавившиеся от бесплодных мечтаний; истребляющие сытых насильников; не выносящие гонений, хотя бы справедливых [1].

Лелюхин раз из раза говорит о том, что именно свою доктрину социалисты именуют как «единственную совершенную религию». Также он утверждал, что для социализма важнее всего сделать ожидание смерти приятным, а также заботиться о хлебе насущном. Также религия пролетариата должна стать в итоге общечеловеческой религией. Он повторяет тезис о том, что отдельная личность не имеет для социалистов решительно никакого значения, а также то, что социализм не находит ничего ценного ни в прошлом, ни в настоящем. Говорит он и о том, что для социалиста не существует загробной жизни, утверждая, что все достижения в своей жизни социалист пытается получить при жизни, то есть «люди-боги будут жить на земле, как в раю». Картину будущего, с точки зрения социалистов, православный диакон Лелюхин видел следующим образом: «Социалисты выведут на свежую воду виновников всех жизненных невзгод, громко скажут, что религия Бога небесного имеет своею целью лишь эксплуатацию темного, невежественного народа, и просвещенные люди познают чрез посредство политической экономии и исторического материализма истину жизни и, заменив капиталистический способ производства социалистическим, сосредоточат в руках пролетариата политическую власть и социальную силу. На земле будет дано все то, чего теперь гибнущие в невежестве и задавленные нуждою люди ищут на небе» [2].

Затем Лелюхин переходит в исторические рассуждения о том, какой виделась власть в прошлом, начиная с анализа древнеримского опыта и образа кесаря, обожествленного человечеством. В отличие от древних, он отметил, что социалисты не стремятся к тому, чтобы обожествить собственных предков, а также героев, положивших головы в борьбе (к тому времени предсказать развитие большевистского «культа» было довольно сложно). Упоминая труды разных социалистических авторитетов, таких как Маркс или Адлер, Иоанн Лелюхин перешел к видимому результату деятельности социалистов. К нему он отнес «оправдание,

1 Там же. С. 295.

2 Там же. С. 297.

развитие, торжество и апофеоз тела» [1]. Человека социализм, по Лелюхину, уважает исключительно в качестве «скотоподобного счастья», отрицая человеческую личность как таковую. Свобода же, которую так часто обещали социалисты, по мнению представителя православной церкви, является чем-то призрачным, а ее формы «туманны и расплывчаты». Себе в союзники для подтверждения собственной концепции Лелюхин берет С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева.

Выводя собственную концепцию, диакон заявляет о подлинной свободе христианства и ложной «свободе» социализма: «Социалисты называют христианство "религией рабов" (например, Дицген), но эта религия рабов есть непрерывная борьба свободы, смысла, высшей природы человека и вечной жизни с закрепощением, с тьмой и всякими рамками, стесняющими свободное развитие человеческого духа. Социализм же освобождает людей только от Бога, освобождает от высоких и светлых идеалов, освобождает от всего того, что составляет существо истинной свободы» [2]. Продолжая рассуждать о социалистической доктрине, Лелюхин все чаще говорит о том, что социалисты привыкли называть свет тьмой, подменять добро и зло. Тут же появляется в его размышлениях мысль о грядущем антихристе, тоже в связи с социалистической доктриной упомянутым. Он прямо говорит о том, что «золотой век» социалистического общества все больше напоминает ему «пророчески изображенную св. апостолом эпоху антихриста» [3].

Будущее социалистов Лелюхину кажется довольно призрачным. Он утверждает, что их разговоры о том, что их обессмертит «потомство», не выдерживают критики. Заканчивает же пастырь цитатой из слов о социализме Владимира Соловьева, а также собственным довольно примечательным заключением: «Правы социалисты в своем протесте против экономического закрепощения человеческой личности, но жестоко заблуждаются, когда желают устроить мир помимо Бога и против Бога. С настойчивостью, достойной лучшей участи, проводят социалисты принцип: Carthago delenda est, но для трезвомыслящих их учение не более как красивая по внешности, но гнилая внутри и ядовитая

1 Там же. С. 298.

2 Там же. С. 299.

3 Там же. С. 300.

мечта. Вредна эта мечта только для неопытных, для детей и слепых и, возможно, что только духовные слепцы на время под властью антихриста осуществят эту мечту, чтобы вскоре же погибнуть вместе с нею "от дыхания уст Христа"» [1].

В результате подробного анализа вышеприведенной статьи видно, что отец Иоанн Лелюхин еще в дореволюционный период был глубоким и стойким критиком социализма. В печати он не просто бичевал социалистов и его сторонников, но давал довольно подробный анализ их действий, социалистической доктрины, и главное, предостерегал от ее последствий. Естественно, что после 1917 г. он не мог не оказаться в стане критиков радикальных социалистов – большевиков.

Пиком антибольшевистской деятельности Лелюхина стал период, последовавший за свержением большевистской власти в середине 1918 г. в Архангельске. Свержение большевиков в городе произошло быстро и без особого сопротивления. Как пишет крупный современный исследователь В. Ж. Цветков: «Выступление в Архангельске прошло быстро и без серьезного сопротивления со стороны большевиков. Одновременно с союзным десантом в ночь на 2 августа в городе выступили члены офицерской организации Чаплина и заранее подготовленного Беломорского конного отряда б. ротмистра Берса» [2].

На тот момент наш герой являлся настоятелем кафедрального собора города. Из протокола заседания Архангельской духовной консистории от 24 августа 1918 г. мы узнаем, что на нем Лелюхин заявил о совершении торжественного молебствования на Соборной площади 18 августа в воскресенье по желанию, выраженному членами Архангельской городской управы и Временного правительства Северной области, «по поводу избавления Церкви, веры и служителей ея от притеснений и в благодарность Богу за дарование на Западном фронте победы Союзникам нашим, с молитвою о даровании победы нашей молодой Армии над немцами» [3].

С приходом антибольшевистской власти и установлением режима

---

1 Там же. С. 301.

2 Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1917–1919 гг. М.: Яуза-Каталог, 2019. С. 363.

3 Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 9. Д. 312. Л. 609 – об.

так называемой «демократической контрреволюции» (главную роль в котором играл «дедушка русской революции», давний деятель русского революционного подполья и политической эмиграции Николай Васильевич Чайковский) Союз духовенства и мирян Архангельской области, воссозданный протоиереем Иоанном Лелюхиным в августе 1918 г., тут же призвал духовенство, причты и иные церковные организации оказать широкую поддержку выпускаемому областным управлением «Займу доверия» для скорейшего восстановления денежного хозяйства области. Личный вклад можно было внести жертвованием золотых и серебряных вещей, а также денежным приобретением билетов этого займа [1].

В период антибольшевистского присутствия отец Иоанн входил в состав учрежденного в период Гражданской войны Архангельского епархиального совета в качестве штатного члена [2]. Также в этот период отец Иоанн возглавил епархиальный благотворительный комитет [3].

Участвовал Лелюхин и в печатной пропаганде. В данном случае он продолжил свою обличительную по отношению к социализму деятельность, как и в дореволюционный период. Так, в одном из номеров «Архангельских епархиальных ведомостей» духовную поддержку новой власти продолжал озвучивать наш герой. В своей опубликованной проповеди «О долге перед Родиной» он не только упомянул о прошедшем собрании духовенства, но и подчеркнул, что для православного христианина отечество является святыней, а служение ему великой добродетелью. Отец Иоанн утверждал, что Иисус Христос любил город Иерусалим и его жителей, тем самым проводя незримую параллель с защитой России. Священник призывал плакать перед печалями и страданиями России, как плакал Спаситель перед городом Иерусалимом. Протоиерей Иоанн Лелюхин говорил в проповеди и о необходимости жертвования, в том числе финансовых средств на нужды спасения отечества. В завершении своей проникновенной речи он отмечал: «Только враги России, злые предатели ее, только люди чуждые духа Христова могут в таком случае уклоняться

---

1 Бардилева Ю. П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века. Мурманск: МГГУ, 2015. С. 78.

2 Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 9. Д. 312. Л. 745.

3 Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 9. Д. 313. Л. 123.

от своего долга священного, прикрывая мерзость сердца хитрыми рассуждениями и сонным равнодушием. Православные! Родина гибнет!!! На алтарь спасения отчизны несите вашу любовь, труд, деньги и самую жизнь. Так велел поступать Христос!» [1].

Современная исследовательница Ю. П. Бардилева довольно высоко оценивает проповедническую антибольшевистскую деятельность нашего героя: «Повсеместно устраивались торжественные богослужения и молебны о даровании победы "христолюбивому воинству". 12 января 1919 г. во многих церквях Архангельска был отслужен молебен по случаю победы русских сибирских войск над большевиками. Перед молебном протоиерей Иоанн Лелюхин произнес блестящую проповедь, отметив, что это первая победа, "ведущая к торжеству правды и жизни над преступлением и смертью", чем вызвал у многих молящихся рыдания» [2].

Как гром среди ясного неба в жизни православных на Севере России стала поездка протоиерея Иоанна Лелюхина, довольно известного своей непримиримой политической позицией, в Лондон. Именно он добился того, чтобы собор Соловецкого монастыря обратился 11 августа 1919 г. к правительству Великобритании с просьбой остаться в Архангельске и продолжать защиту местного православного населения. В том же 1919 г. сам Иоанн Лелюхин поедет в столицу Туманного Альбиона для вручения специальной телеграммы от православного духовенства Севера России архиепископу Кентерберийскому. Последний решит устроить в декабре 1919 г. молебен за всех христиан, страдающих на Востоке [3]. К сожалению, добиться большего архиепископу не удалось. Любопытно, что сюжет с поездкой протоиерея Иоанна Лелюхина стал настолько известным, что даже попал в роман советского писателя В. С. Пикуля «Честь имею».

Примечательно, что в планах представителей православного духовенства Севера России был созыв епархиального собрания в 1920 г., причем подготовительной работой к этому мероприятию должен был

---

[1] Лелюхин И., прот. О долге перед Родиной // Архангельские епархиальные вести. 1918. № 16. С. 1.

[2] Бардилева Ю. П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века. Мурманск: МГГУ, 2015. С. 89.

[3] Там же. С. 91.

заниматься отец Иоанн Лелюхин как представитель от духовной семинарии [1]. Созыв епархиального собрания планировался на 15 июня 1920 г. Судьбе, правда, было угодно распорядиться иначе.

Возвращаясь к началу нашего повествования, вновь напомним о конфликтной ситуации среди лондонского православного прихода. Протоиерей Иоанн Лелюхин не только по итогам Гражданской войны сумел избежать советских репрессий, но и стал, пожалуй, самым известным представителем русской церковной эмиграции, кто в сущем сане покинул пределы Севера России. Здесь он проявил себя как очень активный представитель антикоммунистически настроенной эмиграции и стал играть особую роль как среди «старой» части лондонского рассеяния, так и среди так называемых «северян», в число которых можно отнести и его самого. Упоминание об отце Иоанне на страницах воспоминаний митрополита Евлогия тоже не случайно, оно хорошо показывает значимость этой церковной фигуры для жизни православных в Великобритании, Италии и Франции. Платой же за отъезд из России было расставание с семьей, которое очень сильно сказалось на здоровье священника. Между тем, обращение и дальнейшие изыскания, как в раннем, так и в позднем периоде его жизненного пути, помогут больше раскрыть незаурядную личность этого пастыря, критика социализма и общественного деятеля, как в дореволюционный период, так и во время Гражданской войны и в эмиграции.

Библиография

1. Бардилева Ю. П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века. Мурманск: МГГУ, 2015. 254 с.

2. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий; Издательский отдел ВПМД, 1994. 621 с.

3. Лелюхин И., диак. Социализм как религия человекообожания//Православная Церковь и социализм. Вторая половина XIX–XX в./ под ред. А. А. Иванова. СПб.: Владимир Даль, 2023. С. 292–301.

[1] Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 2263. Л. 32.

4. Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник. М. – Париж: Русский путь – YMCA-PRESS, 2007. 576 с.

5. Переписка Е. В. Саблина с митрополитом Евлогием (Георгиевским). Пуб. А. Нивьера//Церковно-исторический вестник. 2021. № 28. С. 5–104.

6. Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1917–1919 гг. М.: Яуза-Каталог, 2019. 1056 с.

ОРЕХОВА
Екатерина Александровна

кандидат исторических наук,
специалист по экспозиционно-
выставочной деятельности
Мурманского областного
краеведческого музея

ДЕЛО О ПОСТРОЙКЕ ЧАСОВНИ В ГОЛИЦИНСКОМ ВЫСЕЛКЕ

По окончании навигации 1892 года заведующий врачебной помощью Красного Креста на Мурманском берегу врач В. Р. Гулевич обратился к губернскому начальству с предложением о строительстве в Голицынском выселке «хотя бы небольшой часовни для поддержания в поселенцах религиозного чувства и в предупреждение проникновения туда раскола, вообще сильно распространенного между поморами». Помощь со стороны была необходима, так как «сами обыватели упомянутого выселка пока не в силах еще оказать какую-бы то ни было посильную помощь в устройстве часовни» [1]. Строительство и обустройство часовни, преобразованной позже в церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, длилось 10 лет и завершилось только в августе 1908 года. Эта история примечательна сочетанием обстоятельств, обычных и необычных для Мурманского берега. Обычным было то, что местные жители – колонисты хотели построить часовню, но не имели для этого возможности. Средства для строительства поступали, главным образом, от людей, постоянно на Мурмане не проживавших. Необычным было

[1] Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 1–2 об.

то, что инициатива о строительстве часовни исходила от врача-католика, а противодействовал ей настоятель православной церкви. Но обо всем по порядку.

Колония Голицыно на Восточном Мурмане, на левом берегу реки Вороньей, образовалась как выселок колонии Гаврилово в 1888, а в 1890 году получила статус колонии. Свое название она получила в честь архангельского губернатора Николая Дмитриевича Голицына. Священник Териберского прихода о. А. Шилов в своем рапорте благочинному 1-го Кольского благочиния протоиерею о. А. Попову от 31 января 1893 года сообщал: «Голицинский выселок образовался два года назад из переселившихся туда колонистов колонии Гаврилово, от коей он отстоит на расстоянии 15 верст, при р. Вороньей, в материке. Сообщение – зимой на оленях, а летом верст с 10–12 по р. Вороньей, а далее можно по суше через горы и болота, или же если нет волнения на море, то по морю. Поселившиеся в Голицыне все колонисты – 7 семейств и 7 домов и 8 вежа лопаря-колониста. Мужское население выселка с открытием промысла переселяется с Благовещения (25 марта) в колонию Гаврилово и там живет до Покрова. Потом, если время дозволяет приезжают косить сено. Предполагаемая часовня в Голицынском выселке необходимо нужна, так как жители его, как сказано выше, находятся вдали от своей церкви (на 15 верст, при неудобных путях сообщения) и только немногие, и то взрослые, могут посещать церковь в Гаврилове. А малолетние и около 5-6 человек школьного возраста не могут посещать церковь. В виду этого, я летом и зимой во время моих посещений Голицинского выселка говорил им о необходимости иметь часовню, где можно было со временем и учить мальчиков, и жители того выселка соглашались с моим предложением, только говорили, что со своей стороны они материально помочь ничем не могут, так как и по сие время не обстроились сами. Между прочим, говорили, что командированный на Мурманский берег врач Гулевич обещался помочь им до 100 руб. на покупку лесного материала». Также отмечалось, что денег на строительство нет ни у консистории, ни у Общества Красного Креста, ни у териберского причта, ни в гавриловской церкви. Впрочем, саму постройку часовни колонисты были готовы исполнить «общими своими силами» [1].

[1] ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 3–3 об.

Это была типичная для мурманских колоний ситуация. В большинстве случаев колонисты могли вложиться в строительство только своим трудом. За редкими исключениями и церкви, и часовни здесь строили за счет пришлых рыбопромышленников или благотворителей из других регионов. Отметим также, что это было характерно как для православных, так и для лютеран [1]. Еще одной типичной для Мурмана проблемой был вопрос транспортной доступности. Так, 20 мая 1893 года териберский священник доложил благочинному, что 2 мая выехал в Голицыно «для приискания места под часовню, но доехать не смог, из-за распутицы и так как все занесено снегом». В связи с этим выбор места решили отложить до июня. Нередко сложно было застать прихожан на месте в промысловый период. В том же рапорте священник сообщил, что «в бытность мою ныне 20 мая в Гаврилове я ни одного человека из Голицынского выселка не застал, т. к. все из колонии и становища ушли на весенний промысел в отъезд на западный берег» [2].

Любое строительство на Мурмане было делом весьма сложным и затратным. Особенно это касалось его восточной части, где не было строевого леса, сплав по рекам был невозможен, и все строительство велось из дорогих привозных материалов, топляка или оставшегося от кораблекрушений лома (ломовки) [3]. Поэтому остро стоял вопрос поиска не только денег, но и материалов, а также их сбора и доставки на место.

Архангельский епископ предложил «устроить подвижные кружки» на крейсирующих по Мурману пароходах Архангельско-Мурманского срочного пароходства [4]. 25 февраля 1893 года благочинный рекомен-

---

[1] Орехова Е. А. К вопросу о колонизации Мурманского берега в конце XIX – начале XX вв. Обзор религиозной ситуации в колониях Мурманского берега // IV Ушаковские чтения: Сборник научных статей / Отв. ред. П. В. Федоров. Мурманск: МГПУ, 2007. С. 41–48; Орехова Е. А. Евангелическо-лютеранский приход Мурманского берега // «Христианство на Крайнем Севере». Материалы историко-краеведческой конференции. Двенадцатые Феодоритовские чтения: под ред. Митрополита Митрофана (Баданина). Мурманск: Издательство Мурманской епархии, 2020. С. 214–227.

[2] ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. Л. 6–6 об.; 7 об.

[3] Романов Н. В. О мерах развития промыслов и колонизации Мурмана. Санитарные условия жизни и труда колонистов и пришлых промышленников на Мурманском берегу. С. 5.

[4] ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 2 об.

довал териберскому священнику прибегнуть к более распространенному способу сбора пожертвований: «Возможно, деньги на постройку можно получить, если колонисты владеют каким-либо угодьем по реке, или могут откладывать 10 или 20 часть улова или пуда по 3 с рыбопромышленников в летние промыслы. Предлагаю избрать поверенного из числа жителей колонии для сбора пожертвований» [1]. Речь шла о традиции так называемых «рыбных денег», которые получали от продажи пожертвованной промышленниками части улова. Их использовали для украшения и ремонта церквей, часовен, причтовых домов, оплату труда просфорниц, нужды церковно-приходских школ. Кроме того, на Мурмане существовала практика передачи сельскими обществами приходам промысловых рыбных и звериных тонь. Такие угодья были у церквей в Печенге, Териберке и Рынде, получавших доход от их сдачи в аренду [2]. Традиционным было и указание Архангельской духовной консистории благочинному о. А. Попову от 12 марта 1893 года предложить священнику Териберского прихода и колонистам «озаботиться изысканием местных средств на постройку часовни» самостоятельно [3].

Указание на опасность влияния раскольников довольно часто встречается в официальной переписке этого времени. Впрочем, ни полицейскими, ни духовными властями на Мурмане не было зафиксировано ни раскольнических скитов (келий), ни молелен, ни библиотек. Более того, как сообщалось в рапорте архангельскому епископу о состоянии 1-го Александровского благочиния за 1899 год: «Хотя на промыслы и приезжает много раскольников из Кемского уезда, но как мною замечено, они не оказывают своих верований, и нередко тех из них, кои дома под влиянием своих жен не посещают храма, можно видеть и молящимися вместе с православными и жертвующими сообща на церковь рыбою» [4]. Среди постоянного населения колоний число представителей раскольнических толков было мизерным. Во второй половине 1890-х годов среди жителей Печенгских колоний упоминаются две-три

---

1 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 4 об.

2 ГАМО. Ф. И-80. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–3 об.; Ф. И-80. Оп. 1. Д. 3. Л. 29; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 103. Л. 13.

3 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 5–5 об.

4 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 188. Л. 10 об.

женщины, принадлежавшие к «ароновской секте» [1]. В колонии Гаврилово, также в 1890-х годах, проживали «один старик новожен и три старухи федосеевки», однако представители этих толков радикально расходились по взглядам на брак [2]. В целом, присутствие представителей старообрядческих согласий в населенных пунктах Мурмана было практически незаметно. Их сторонники были малочисленны и влияния на местное колонистское население не оказывали [3].

Необычной была личность инициатора строительства – католика по вероисповеданию.

Владислав Ромуальдович Гулевич происходил из дворян Ковенской губернии. В 1874 году окончил Казанский университет и в том же году стал врачом земской больницы города Макарьева Костромской губернии. Приговором Московской судебной палаты от 18 февраля 1877 года Макарьевский земский врач Владислав Ромуальдов Гулевич, 29 лет, был признан присяжными заседателями «виновным, но заслуживающим снисхождения, в том, что в бытность свою в 1874 году членом Макарьевского уездного по воинской повинности Присутствия он, по соглашению с другими членами сего присутствия принял в дар деньги за освобождение некоторых крестьян от призыва к исполнению воинской повинности, присужден был к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в Архангельскую губернию» [4].

Находясь в ссылке, В. Р. Гулевич демонстрировал «деятельное раскаяние». Он принял активное участие в инициативах архангельского губернатора Н. Д. Голицына по улучшению медицинского обеспечения мурманских промышленников, работал в составе санитарного отряда Архангельского отделения Общества Красного Креста на Мурмане и в Киберге (Норвегия). В 1885 году по ходатайству Н. Д. Голицына В. Р. Гулевич получил полное монаршее помилование и продолжил ра-

---

[1] ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 150. Л. 14 об.; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 103. Л. 101 об., Ф. И-17. Оп. 1. Д. 124. Л. 15 об.,; Ф. И-73. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 об.; Ф. И-73. Оп. 1. Д. 7. Л. 130 об.

[2] ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 124. Л. 91 об.

[3] Орехова Е. А. К вопросу о религиозных сектах в колониях Мурманского берега во второй пол. XIX – начале XX вв.//VII Ушаковские чтения: сборник научных статей / научн. ред. Ю. П. Бардилева, Е. Л. Крикун, С. А. Никонов. Мурманск: МГГУ, 2011. С. 88–92.

[4] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 51. Оп. 18. Т. 1. Д. 651. Л. 2 об.–3.

боту на Севере. Он стал инициатором создания метеорологической станции в Териберке (1889), автором нескольких работ, посвященных условиям труда и быта мурманских промышленников [1]. В 1893 году Н. Д. Голицын был переведен на должность калужского губернатора, за ним последовал и В. Р. Гулевич, получивший должность заведующего больницей в городе Сухиничи Калужской губернии. Вскоре он переехал к брату в Литву, где и скончался [2].

Вероисповедание В. Р. Гулевича вызвало сомнения у териберского священника. Он писал благочинному: «На днях я имел разговор с доктором Гулевичем насчет изыскания средств на постройку часовни. Гулевич согласен взять на себя труд по сбору пожертвований. Только мне кажется, удобно ли по этому делу привлекать иноверца? Если же вы считаете возможным и нужным, то и напишите Его Преосвященству о том, чтобы на имя Гулевича дали сборную книжку» [3]. 27 мая 1893 года благочинный о. А. Попов обратился в консисторию с просьбой выдать сборную книжку «врачу Гулевичу, хотя он и католик, но (поскольку) самим же Гулевичем подана мысль об устройстве часовни, то различие вероисповедания, по моему мнению, не относится к делу» [4].

25 июня 1893 года епархиальный миссионер, командированный на Мурманский берег, священник о. П. Ильинский сообщил благочинному о. А. Попову, что вместе с полицейским надзирателем выбрал место под часовню. Кроме того, он добавил: «к сему имею присовокупить, что у колонистов Голицына нет собственных средств для устроения часовни, нет и каких-либо доходных статей. Но можно ожидать с их стороны пожертвований рыбой на небольшую сумму ежегодно. Для сбора этих пожертвований может быть выбран колонист Петр Иванов Редькин. На сбор на Мурманских пароходах рассчитывать трудно, т. к. некому поручить этого дела. Врач Гулевич, принимающий участие в настоящем деле, намерен в Архангельске, с разрешения Его Преосвященства, открыть подписку на устройство часовни. Средств

---

1 Гулевич В. Р. Мурманский берег в промысловом и санитарном отношениях: записки врача Вл. Гулевича. Архангельск, 1883; Русская Лапландия и ее промыслы / сост. врач Вл. Гулевич. Архангельск, 1891.

2 Čilvinaitė Marijona. Iš Jadvygos Juškytės atsiminimų ir jos rankraščių // Mūsų Senovė. Medžiaga Lietuvių Tautinio Atgimimo Istorijai. № 4 (9). T. II. Kaunas. 1939. C. 606–607.

3 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 8.

4 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 8 об.

потребуется до 200 руб. В дополнение этих средств может послужить сбор пожертвований рыбой, и заимствование из Териберской церкви, на что было указано териберским священником о. Шиловым. Т. к. в Голицыно всего 7 домов, то и часовня потребна небольших размеров: 3 саж. в длину с притвором, 1,5 саж. в ширину и 2 саж. высотой от земли до крыши, в часовне печка, 2 окна и на передней стене иконы. По мнению колонистов вырубка леса в какой-либо из дач и доставка его на место очень дорого будет стоить, почему они полагают для часовни купить в Гавриловском становище сруб (руб. 100), на оленях своих зимой сюда доставить его. Подобным же образом, кажется была и в Лице устроена часовня. Поручить дело постройки, по изыскании средств, можно тому же Петру Редькину. Со своей стороны я полагаю ныне просить Гавриловское общество колонистов уполномочить, как доверенное лицо, Петра Редькина производить сбор пожертвований рыбой на устройство часовни» [1].

Сельский староста Петр Иванович Редькин принадлежал к большой семье, переселившейся в колонию Гаврилово одной из первых в 1871 году. В 1888 году Петр и Иван Редькины обратились с просьбой о переселении по р. Вороньей. Первоначально им было отказано, поскольку переселение могло стеснить лопарей, ловивших там семгу. Разрешение было получено только после того, как колонисты дали подписку не ловить семгу в лопарских тонях [2]. Еще один член семьи Редькиных – Яков – известен как «первый мурманский поэт» [3].

П. И. Редькин предложил собирать пожертвования «летом рыбой, для которой устроить амбар, а зимой оленями, которые будут продаваться». 16 декабря 1893 года териберский священник о. А. Шилов сообщил благочинному о. А. Попову, что сельский староста П. Редькин «письменно обратился к кр. Игнатьеву с предложением о покупке у него или у кого он найдет сруба. Так что если будет дан благоприятный ответ и будет подходящая цена, то колонисты Голицина озаботятся перевезти купленный стан весной» [4]. Схожим образом были

---

1 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 10-11 об.

2 ГАМО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 40. Л. 62–63.

3 Ушаков И. Ф. Избранные произведения: В 3-х тт.: Историко-краеведческие исследования. Мурманск, 1998. Т. 2: Кольский Север. С. 169–172.

4 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 13 об., 21–21 об.

изготовлены церковь св. Алексия Митрополита Московского в Еретиках (перестроена из амбара) и часовня Успения Пресвятой Богородицы в Восточной Лице (из сруба), которые были куплены с рук и доставлены в колонии морем или на оленях [1].

Однако ситуация стала осложняться. 9 августа 1893 года епархиальный миссионер священник Павел Ильинский сообщил благочинному о. А. Попову: «Врач Гулевич, предполагавший собрать в Архангельске деньги на постройку часовни при отъезде бывшего начальника губернии кн. Голицына, получил разрешение на сбор пожертвований уже по отъезде губернатора и в Архангельске не собрал денег. Ныне в Териберке надеется собрать только до 25 руб.» [2].

Летом следующего года у строительства часовни появился неожиданный противник. 12 августа 1894 года настоятель гавриловской церкви св. Николая Чудотворца о. Иоанн Зуев в своем рапорте благочинному заявил: «… считаю со своей стороны чрез посредство Ваше, отец благочинный, поставить в известность и Епархиальное начальство, что выселившиеся из здешней колонии в Голицинский выселок, прожигатели ссуд из казны денег, колонисты здешние (кореляки), с куса на кус перебиваясь в средствах к своему существованию; не только они построить часовню в выселке своем не имеют ни средства, ни усердия, но если даже сторожа к церкви поставить от себя они не могут, о чем и сообщено было мною своевременно Консистории; то до часовни ли им, когда даже Церковь с грехом пополам посещают они раза два или три в год; – вот другое дело бы, если бы последовал прилив к ним пожертвований со стороны, они с готовностью тогда приняли жертвы от благотворителей, но, разумеется, не на устройство часовни, в которой и не предвидится для них в числе трех-четырех жителей какой-либо нужды, а на разные прихоти свои и особенно – пьянство, и потому возбужденное ими дело, относительно постройки часовни, должно подлежать окончательному прекращению, как обман – таким образом предпринятый этими специалистами в своем роде» [3].

Священник Иоанн Алексеевич Зуев родился в 1831 году, окончил Архангельскую Духовную семинарию в 1857 году по первому разряду,

---

1 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 103. Л. 89; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 11 об.

2 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 13–13 об.

3 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 22–22 об.

со званием студента. Сначала служба его шла вполне успешно. Он имел благодарности за проповеднические труды, был награжден набедренником и скуфьей. Однако с 1886 года он неоднократно получал выговоры от начальства, отрешался от места, запрещался в богослужении, посылался для исправления в монастыри, и в 1890 году был направлен священником в Кольский Благовещенский собор [1]. В клировой ведомости за 1891 год благочинный описывает его как «поведения очень хорошего, трезвого, скромного, приличного священническому сану» [2]. Впрочем, в ведомости 1893 года отмечено, что священник «неспокойного характера, склонен к сутяжничеству» [3]. В конце того же 1893 года он был направлен в Гаврилово в связи с открытием там самостоятельного прихода. Отношения с прихожанами у него, по всей видимости, не сложились с самого начала. В приходе числилось всего 12 домохозяйств – «колонистов, с грехом пополам влачащих свою жизнь скорбную среди вопиющей нужды, разумеется, от безалаберной жизни своей; ибо кто эти колонисты, – излишним считаю ретироваться о них; – это хорошо известно, кто имеет несчастье жить вместе с ними; ведь это подонки общественные, выселившиеся на Мурманский берег из Поморья и Карелии, лет 30 тому назад, единственно в видах получения субсидий денежных и разных льгот от правительства». Особенное недовольство настоятеля вызывали жители Голицыно, которые «даже и не считают, по-видимому, себя прихожанами; ибо и в храмовый здесь праздник 6 декабря, никто из них не бывает в Церкви, и священника к себе не приглашают ни о Рождестве Христовом, ни о Пасхе, и живут не лучше нехристей, постов не знают, а в разврате поголовно весь Мурманский берег утопает» [4].

Впрочем, голицынские колонисты решили отстоять часовню. 22 декабря 1894 года в присутствии благочинного А. Попова они составили акт, в котором заявили: «Дело о постройке часовни остановилось, потому что священник гавриловского прихода о. И. Зуев доносил благочинному, что дело о постройке часовни подлежит окончательному прекращению. Не знаем в чем состоит обман по этому делу. Судя

1 ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 176. Л. 88 об.

2 ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 150. Л. 4 об.–5.

3 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 79. Л. 92 об.

4 ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 9. Л. 38 об., 78.

по записям в сборный лист, выданный П. Редькину, собрано по настоящее время 2 руб. 85 коп. Но это зависело от того, что прошел слух, что часовни не будет, почему и сбор был прекращен, как нецелесообразный. Между тем, благочинный получил сведения от Териберского священника и читал письма врача Гулевича, в которых он пишет, что по сборной книжке собрано до 300 руб. при нем или после его отъезда, и что врач Гулевич, уезжая из Архангельской губернии, передал сборную книжку местному управлению Красного Креста для продолжения дела. Если того и другого сбора недостаточно, то можно его ожидать на будущее время. В виду этого, мы, голицынские колонисты не желаем прекращения дела, начатого с благой целью, и желаем, чтобы сбор по листу был продолжен П. Редькиным» [1].

Архангельская Духовная Консистория предписала благочинному изъять сборный лист и прислать его на ревизию, а колонистам объявить, что врачом Гулевичем по сборной книжке было собрано 30 руб. 83 коп. Если они желали продолжать сбор, то должны через благочинного обратиться с просьбой о выдаче нового листа [2].

Благочинный о. А. Попов встал на сторону жителей Голицино. 24 мая 1895 года он предписал гавриловскому священнику: «объявить Редькину, чтобы он не покидал дела о постройке часовни в Голицыне, как бы ни была незначительна сумма, собранная на часовню. Для того, прошу Вас выдать ему мою книжку, по коей он может производить сбор на часовню» [3].

Общими усилиями часовня Введения во храм Пресвятой Богородицы была построена в 1902 году из соснового и елового леса, но до 1906 года оставалась «неустроенной». А 17 мая 1906 года Архангельская Духовная Консистория сообщила гавриловскому священнику о. А. Ивановскому о разрешении обратить ее в церковь. Для этого в 1906 году на средства церковно-приходского попечительства Гавриловского прихода и благотворителей был проведен ремонт, приобретены иконостас за 370 руб. и ризница, заготовлен лес для пристройки алтаря. Летом 1907 года к часовне был пристроен алтарь, установлен иконостас, на крыше устроен купол с крестом. 1 сентября 1907 года

---

1 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 24–24 об.

2 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 25–25 об.

3 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 26.

гавриловский священник о. А. Ивановский доложил благочинному о. А. Шилову: «Вообще часовня вполне приспособлена для церкви, остается одна только ризница, которая уже заказана и будет на первом пароходе летом 1908 г.» [1]. 3 сентября 1907 года строящаяся церковь получила дар от купеческой жены из Вологды Марии Яковлевны Вахрамеевой. Она прислала полные одежды на престол и жертвенник, полные священнические облачения и воздухи – все из золоченой парчи, шелковый занавес к царским вратам и пелена на аналой стоимостью в 180 руб. [2]

Работы были завершены к лету 1908 года. 20 августа 1908 года церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы была освящена [3].

Церковь и саму колонию Голицыно постигла судьба, общая для всего региона. В 1930 году в колонии был образован колхоз «Красный рыбак» [4]. В 1930-х годах церкви и часовни Мурманского берега изымались «под культурные нужды», как правило, там размещались колхозные клубы. 14 июля 1971 года населенный пункт Голицыно был упразднен, здание церкви до нашего времени не сохранилось.

1 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 33–35, 38–39.

2 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 36.

3 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 128. Л. 43.

4 ГАМО. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 5.

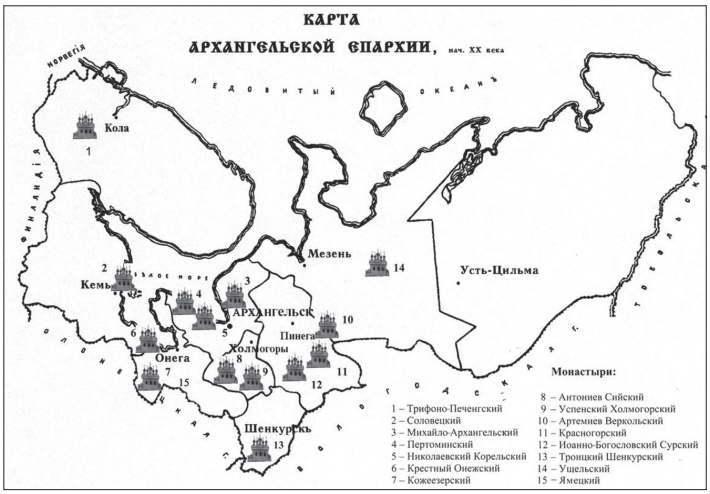
ИЕРЕЙ АНАТОЛИЙ
Коряковский

клирик Мурманской и Мончегорской митрополии, штатный священник храма св. вмч. и целителя Пантелеимона, магистр богословия

БЛАГОЧИННИЧЕСКИЕ ОКРУГА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРИХОДСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ И ЧАСОВЕН НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В XIX веке Русская православная церковь представляла собой хорошо развитый социальный институт с разветвленной системой управления, множеством всевозможных комиссий, комитетов и контор по различным направлениям церковной жизни: миссионерской, учебной, благотворительной, хозяйственной, статистической, церковно-археологической, причем как на уровне центрального управления, так и в епархиях. Основой церковно-административного деления России в XIX веке были церковные округа: епархии, границы которых были приведены в соответствие с губернскими. Епархии подразделялись на духовные правления, которые в свою очередь на благочиния, в непосредственном ведении которых находилось до 30 церковных приходов. Глава епархии назначался императором из трех кандидатур, предложенных Святейшим Синодом. При епархии находилась консистория, которая ведала назначением и смещением священно-

Карта Архангельской епархии, начало XX века



и церковнослужителей, а также привлечением их к церковному суду за правонарушения по должности.

В течение XIX – начале XX вв. Русская православная церковь на Кольском Севере подчинялась Святейшему Синоду, управляемому обер-уполномоченным, а также юридически входила в состав Архангельской и Холмогорской епархии [1]. В первой половине XIX века приходские храмы, располагавшиеся на территории Кольского уезда Архангельской губернии, составляли одно благочиние, входящее в состав Архангельской и Холмогорской епархии. Данное благочиние возглавлялось протоиереем, поставленным самим Преосвященным правящим архиереем. Благочинному два раза в год было необходимо посещать приходы, канонически входящие в состав благочиния и располагавшиеся на территории Кольского полуострова.

Императорским указом от 14 февраля 1833 года из состава единого Кольского благочиния было выделено Второе благочиние [2]. Согласно исследованию кандидата исторических наук, заведующей историческим отделом Спасо-Кижского Патриаршего Подворья в г. Петрозаводске Ю. Н. Кожевниковой к середине XIX века проис-

[1] С 1985 по 1995 гг. – епископы носили титул «Архангельские и Мурманские», а с 27 декабря 1995 года из Архангельской и Мурманской епархии была выделена самостоятельная епархия – Мурманская и Мончегорская. Первым архиереем стал Преосвященнейший епископ Симон (Гетя).

[2] ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 7. Л. 59.

ходит деление всех приходов Кольского уезда на два округа [1], которые стали называться благочиниями. В ведение Первого благочиния [2] вошли православные приходы, расположенные в центральной и северной части Кольского уезда, в ведение Второго благочиния [3] вошли православные приходы, расположенные в южной части Кольского уезда, оба благочиния находились в непосредственном подчинении Кемскому духовному правлению [4]. Указом Сената от 24 декабря 1858 года с 01 марта 1859 года Кольский уезд был упразднен, территория Кольского уезда причислена к Кемскому уезду с центром управления в городе Кемь [5]. В связи с этим православные приходы, входящие в состав Первого благочиния бывшего Кольского уезда, составили Пятое благочиние, а приходы, входящие в состав Второго благочиния Кольского уезда, – Четвертое благочиние Кемского уезда [6].

Необходимо отметить, что Кемское духовное правление ведало православными приходами на Кольском Севере с 20 августа 1780 года по 25 октября 1867 года. В 1867 году Кемское духовное правление было упразднено, а подчиненные ему благочиния и приходы перешли в непосредственное ведение Архангельской Духовной консистории [7], подчиняющейся напрямую правящему архиерею Архангельской и Холмогорской епархии [8]. Императорским указом от 08 февраля 1883 года, постановлением Губернского правления от 11 марта 1883 года на тер-

---

[1] НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 26/279. Л. 1–2 об., 17–19. (Цит. по: Кожевникова Ю.Н. Второе Кольское благочиние Архангельской епархии в 1887 году: приходы, храмы, причт//Варзуга – первое русское поселение на Кольском Севере. Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции. Вторые Феодоритовские чтения. Издательство Мурманской и Мончегорской епархии, издательство «Ладан». Мурманск, СПб., 2010. 304 с. С. 183).

[2] См.: Приложение № Карта I Благочиния Кольского уезда.

[3] См.: Приложение № Карта II Благочиния Кольского уезда.

[4] ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 7. Л. 59.

[5] В связи с разрушением города Колы в 1854 году англичанами. (Справочник административно-территориального деления Архангельской губернии XVIII–XX вв. Архангельск, 1994. С. 11).

[6] ГАМО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 34. Лл. 4, 5 об.

[7] См.: Административно-территориальное деление Мурманской области (1920–1993): Справочник. Мурманск, 1995; Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: Справочник, Архангельск, 1997.

[8] ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 28. Л. 69 (Указ Архангельского духовного правления от 25 октября 1867 года № 164).

ритории Кольского полуострова вновь был образован Кольский уезд. Он был создан путем переименования Четвертого и Пятого станов Кемского уезда в Первый и Второй станы Кольского уезда (подчеркнем, что Пятый стан Кемского уезда был преобразован в Первый стан Кольского уезда, а Четвертый стан Кемского уезда – во Второй стан Кольского уезда) [1]. Согласно вышеназванному указу приходы Пятого благочиния Кемского уезда были переименованы, как и назывались изначально, в приходы Первого благочиния Кольского уезда, а приходы Четвертого благочиния Кемского уезда вновь стали именоваться приходами Второго благочиния Кольского уезда [2]. Впоследствии императорским указом от 07 июня 1899 года центр Кольского уезда был перенесен во вновь построенный город Александровск (ныне – ЗАТО город Полярный), а уезд получил название Александровский [3]. В данной научной статье на основе архивных данных представлена обзорная таблица – «Динамика интеграции и развития Кольского благочиния в составе Архангельской епархии в конце XVIII – начале XX вв.».

Далее укажем, какие приходы составляли Первое и Второе благочиния, а затем в нашем докладе прозвучит повествование об одном православном приходе из I благочиния и одном приходе из II благочиния. В свою очередь более подробное рассмотрение истории приходских храмов и часовен, располагавшихся на территории Кольского полуострова, входящих в Первое и Второе благочиния в XIX – начале XX вв. будет представлено в печатной версии моего научного доклада.

В ведение Первого благочиния входили приходы согласно хронологии их образования:

Кольский Соборный (был образован в 1532 году задолго до создания Кольского благочиния [4]),

---

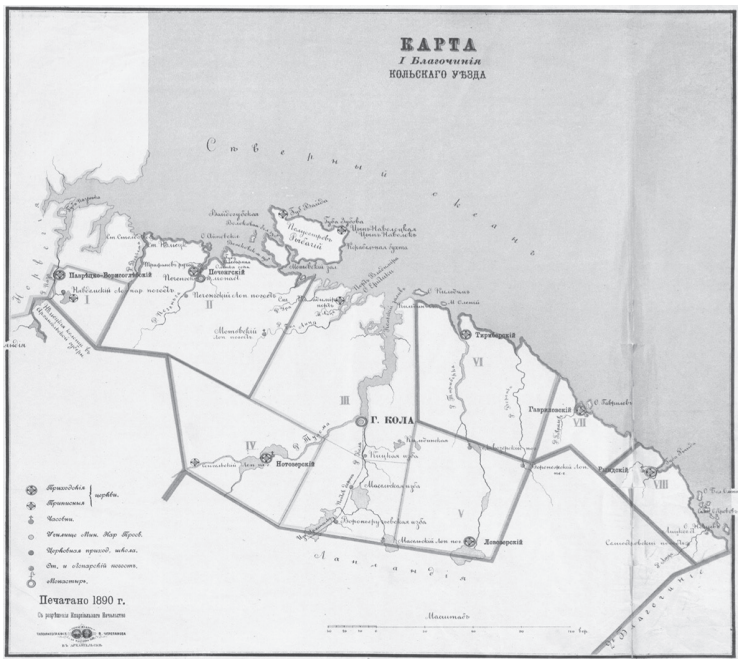
1 ГАМО. И-17. Оп. 1. Д. 95. Лл. 88–89.

2 ГАМО. И-17. Оп. 1. Д. 95. Лл. 88–89; Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3: Уезды Онежский, Кемский и Кольский. Издание Архангельского епархиального церковно-археологического комитета. Архангельск: Типо-литогр. Наследн. Д. Горяйнова, 1896. 267 с. С. 111.

3 Справочник административно-территориального деления Архангельской губернии XVIII–XX вв. Архангельск, 1994. С. 11.

4 ГАМО. Ф. И.-17. Оп. 1. Д. 124. Л. 1.

Карта I благочиния Кольского уезда



Печенгский (образован в 1855 году [1]),
Нотозерский (образован в 1862 году [2]),
Ловозерский (образован также в 1862 году [3]),
Пазрецкий (образован в 1874 году [4]),
Териберкский (образован в 1884 году [5]),
Гавриловский (образован в 1893 году [6]),
Кильдинский (образован также в 1894 году [7]),

---

1 ГАМО. Ф. И.-17. Оп. 1. Д. 124. Л. 8. Согласно Архангельским епархиальным ведомостям Печенгский приход был выделен из состава Кольского Соборного прихода 11 ноября 1857 г. См.: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии//Приложение к Архангельским епархиальным ведомостям. 1896. № 15. С. 226.

2 ГАМО. Ф. И.-17. Оп. 1. Д. 124. Л. 39а.

3 ГАМО. Ф. И.-17. Оп. 1. Д. 124. Л. 21.

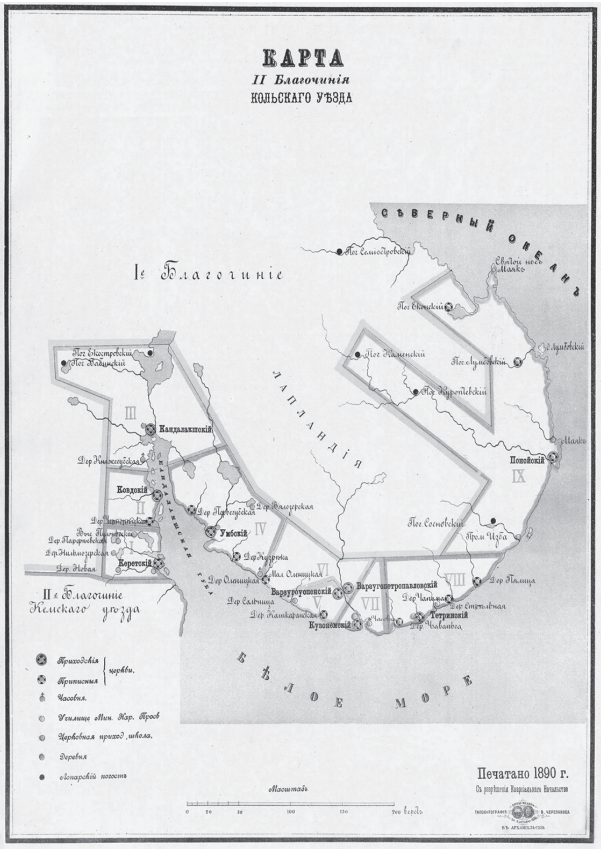
4 ГАМО. Ф. И.-17. Оп. 1. Д. 124. Л. 32.

5 ГАМО. Ф. И.-17. Оп. 1. Д. 124. Л. 26а.

6 ГАМО. Ф. И.-17. Оп. 1. Д. 124. Л. 90.

7 ГАМО. Ф. И.-17. Оп. 1. Д. 124. Л. 54.

Карта II благочиния Кольского уезда



Александровский (образован в 1899 году [1]),
Рындский (Рынденский) (образован в 1902 году [2]),
Китовский (образован также в 1902 году [3]),
Мурманский (образован с 1916 года [4]).
В ведение Второго благочиния входили приходы [5]:
Керетский, Ковдский (Ковдинский), Кандалакшский, Умбский,

1 ГАМО. Ф. И.-17. Оп. 1. Д. 304. Л. 17.

2 ГАМО. Ф. И.-17. Оп. 1. Д. 304. Л. 122.

3 ГАМО. Ф. И.-17. Оп. 1. Д. 304. Л. 136.

4 ГАМО. Ф. И.-17. Оп. 1. Д. 355. Л. 1.

5 См.: Атлас Архангельской епархии, состоящий из 30-ти карт: издан по распоряжению Архангельского Епархиального начальства в 1890 г. Архангельск: [б. и.], 1890 (карта № 2).

Пазрецкий храм святых благоверных князей Бориса и Глеба; таблица – разграничение двоеданных саамских погостов между Россией и Норвегией в 1826 году

Кузоменский, Варзугоуспенский, Варзугопетропавловский, Тетринский, Понойский, Чапомский, Чаваньгский, Оленицкий, Кашкаранский, Княжегубский.

Далее рассмотрим «лопарский» Пазрецкий православный приход, относящийся к Первому благочинническому округу. В Пазрецкий приход с середины XVI века до 1764 г. входили 2 лопарских погоста – Пазрецкий и Нявдемский [1]. С 1764 по 1856 гг. Пазрецкий и Нявдемский лопарские погосты духовно окормлялись причтом Кольского соборного прихода, с 1856 по 1874 гг. вышеназванные лопарские погосты числились в ведении Печенгского православного прихода, однако в 1874 году произошло выделение Пазрецкого православного прихода из Печенгского лопарского прихода [2].

Важно отметить, что с 1826 года по реке Паз [3] проходила государственная граница между Россией и Норвегией [4]. До XIX века российские владения доходили на западе до губы Верес (Бугфьорд), захватывали Нявдемский погост (в настоящее время г. Нейден в Норвегии). Бассейн реки Паз можно назвать «райским уголком Мурманского края», благо-

---

1 ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 46. Л. 11–15.

2 Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1896. С. 218–225.

3 В переводе с лопарского – «святая река», названия варьируются – Паз, Паз-река, Пазрека, Па́свик, Па́звик, Патсйо́ки, Па́тсойо́ки (См.: Мацак В. А. Печенга: Опыт краеведческой энциклопедии. Мурманск, 2005. С. 454).

4 Административно-территориальное деление Мурманской области (1920–1993 гг.). Справочник/Архивный отдел Администрации Мурманской области, Государственный архив Мурманской области. Мурманск: «Север», 1995. 276 с. С. 22.

даря благоприятному географическому расположению бассейн реки Паз обладает умеренным климатом, «воздух прекрасный, дышится легко, тепло, прекрасная охота и рыбная ловля, а для любителей природы и большой запас новых красот» [1]. В устье реки Пазвик располагалось подворье Трифонов Печенгского мужского монастыря [2].

Согласно данным Писцовой книги Кольского уезда 1608–1611 гг. на устье реки Паз располагалась церковь страстотерпцев Бориса и Глеба [3]. Борисоглебский храм был освящен по благословению архиепископа Великоновгородского и Псковского Пимена (Черного [4]),

---

[1] Цит. по: Корольков Н. Ф. Трифоно-Печенгский монастырь. СПб., 1908. С. 149–151.

[2] См.: Елисеев А. В. По белу свету: Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света. [В 4 тт.]. [Т. 2] / Предисл. авт.; Худож. В. П. Овсяников, С. К. Пиотрович, Е. П. Самокиш-Судковская, Э. К. Соколовский, А. А. Чикин. СПб.: Изд. П. П. Сойкина, 1895. 359 с. [Прил. к журн. «Природа и люди» за 1893 г.]. С. 57–65.

[3] Писцовая книга Кольского острога и уезда. Писец А. И. Михалков, дьяк В. П. Мартемьянов (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 208. Лл. 115 об. – 116); Харузин Н. Н. Русские лопари. (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. С. 440.

[4] Архиепископ Великоновгородский и Псковский с 20 ноября 1552 года по 14 февраля 1571 года, святитель, канонизированный святой Русской Православной церкви. Память святителя Пимена совершается на Соборе Новгородских и Тульских святых (О нем см.: Православный собеседник. Казань, 1860, май. С. 64; июнь. С. 180. 1867, март. С. 186; Журнал Московской Патриархии. М., 1945, № 9. С. 77; Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 тт.//Изд. П. П. Сойкина. СПб., б. г. Т. 2. С. 1808; Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л. , 1934. С. 29–30; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 41 тт. СПб., 1890–1907. Т. 23а. С. 609; Курбский А. М. История о великом князе Московском: Отрывки//Подг. текста и примеч. Я. С. Лурье//Изборник. М., 1972; Буланин Д. М. Пимен//Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л. , 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 185–188; Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: в 9 тт. М., 1994–1997. Т. 4. Ч. 1. С. 172; Ковалевский И., свящ. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. 3-е изд. М., 1902. С. 197; Толстой М. В. Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862. С. 25; Протопопов Д. И. Жития святых, чтимых православною Российской Церковью...: в 12 тт. М., 1884–1885, июль. С. 499; Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем: в 3 тт. СПб., 1890–1897. Т. 1. С. 196, № 334; Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. Киев, 1913. С. 1406; Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне действующих в 75 губерниях и областях России. М., 1908. С. 611; Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. С. 457; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 528; Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. 2-е изд. М., 1903. С. 157, 343; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. С. 36; Н. Н. Дурново. Девятисотлетие русской иерархии 988–1888. Епархии и архиереи. М., 1888. С. 18; Леонид (Кавелин), архим. Святая Русь. СПб., 1891. № 769).

возможно, во второй половине 50-х или 60-х годов XVI века [1]. Важно подчеркнуть, что данный храм был воздвигнут преподобным Трифоном Печенгским в 1565 году исключительно для лопарского (саамского) населения, т. к. до второй половины XIX века на этих территориях другого населения не было [2].

Сохранилось предание, что в середине XVI века после Евангельской проповеди преподобных Трифона Печенгского и Феодорита Кольского в водах реки Паз состоялось крещение 2000 лопарей [3], данное событие напомнило преподобному Трифону о крещении Руси в Днепре святым великим князем Владимиром и навело на мысль о строительстве в устье реки Паз для новокрещенных лопарей церкви во имя сыновей князя Владимира – святых Бориса и Глеба [4].

Данный Борисоглебский храм назывался древней церковью по причине того, что в 1870 году на Русском Севере побывал великий князь Алексей Александрович Романов, который был поражен ветхим и убогим состоянием храма [5] и распорядился начать строительство нового одноименного храма. В нескольких метрах от древнего Борисоглебского храма к 1874 году был возведен одноименный храм благодаря

---

[1] См.: Доезд Кольского соборного священника Алексея Симонова с отчетом о миссионерской проповеди в саамских погостах в 1681–1682 гг. (РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 114. Л. 13 об.).

[2] См.: Ушаков И. Ф. Храмы Кольского Севера. II. Церкви. 7. Пазрека//Мурманский вестник. 1995. 16 ноября.

[3] Русская Историческая Библиотека. Т. 31. Сочинения князя А. М. Курбского. СПб., 1914. Сс. 332–333. Современный исследователь профессор, доктор филологических наук В. В. Калугин весьма скептически относился к этой цифре (2000 лопарей), расценивает ее как «агиографическое преувеличение». (См.: Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. 1998. С. 196). Подробнее о демографической ситуации на Кольском Севере см.: Кучинский М. Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII веках: Модель социальной структуры. Каутокейно: Sami University College, 2008. 261 с. Подробнее об этнографической группе саамов и их интеграции в жизнь Кольского Севера в XVI–XVII вв. см.: Жуков А. Ю. Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментарий)//Антропологический форум. № 1. СПб., 2004. Сс. 298–322.

[4] Речь, прочитанная в зале Обер-Прокурора Св. Синода 14 марта 1888 года Д. Н. Островским. Цит. по: Корольков Н. Ф. Трифоно-Печенгский монастырь. СПб., 1908. С. 14–16.

[5] Отметим, что в 1858 году Борисоглебский храм посещал Кольский лесничий К. А. Соловцов и оставил отзыв о бедной обстановке, в которой пребывает православный храм, внешне церковь была похожа на «старинную деревянную часовню с бедной старинной утварью». (См.: Соловцов К. А. Очерки Архангельской губернии. Печенга//Архангельские губернские ведомости. 1861, № 5; 1862, № 9).

добровольным пожертвованиям великого князя Алексея Александровича, сопровождавшим его Высочество русским морским офицерам, позднее Св. Синод на постройку данного храма выделил 31 067 рублей 49 копеек. Подрядчиком строительства храма стал архангельский купец Е. А. Плотников, при непосредственном контроле губернатора Н. П. Игнатьева. Здание церкви было срублено в г. Архангельске и переправлено на судах в разобранном виде в Пазреку в течение 3-х лет. Фундамент установлен из дикого природного камня, на фундамент укладывались массивные толстые бревна. Общая длина храма вместе с алтарем составила 28,8 метров, крыша покрыта жестью. Торжественное освящение храма состоялось в воскресенье 25 августа 1874 года [1].

Великим князем Алексеем Александровичем Романовым Борисоглебскому храму были пожертвованы иконы и четыре комплекта священнических облачений: из парчи – для торжественных праздничных богослужений, из шелка – для повседневных служб, из бархата – для погребения усопших и панихидных траурных богослужений [2]. Рядом с храмом святых Бориса и Глеба также был построен дом для причта и 12 отдельных комнат как гостиница для приезжих богомольцев-паломников. Пазрецкому Борисоглебскому приходскому храму принадлежало 28 десятин сенокосной земли. Среди прихожан

---

[1] ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 46. Л. 11–15; ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 150. Лл. 23–28; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 46. Лл. 11–15; там же. Д. 47. Л. 2; там же. Д. 56. Лл. 1–5; там же. Д. 63. Лл. 1–6; там же. Д. 72. Лл. 7–11; та же. Д. 78. Лл. 1–4; там же. Д. 86. Лл. 5–7; там же. Д. 103. Лл. 17–22, 75–80, 114–120; там же. Д. 112. Лл. 18–20; там же. Д. 122. Лл. 29–36; там же. Д. 124. Лл. 32–38; там же. Д. 149. Лл. 18–26; ГАМО. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 1. Лл. 18–22; там же. Д. 4. Лл. 67–71; там же. Д. 7. Лл. 83–91; ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 176. Лл. 53–64; ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 125. Лл. 87–98; там же. Д. 172. Лл.68–80; там же. Д. 203. Лл. 76–90; там же. Д. 231. Лл. 85–98; там же. Д. 252а. Лл. 89–102; там же. Д. 282. Лл. 83–96; там же. Д. 285. Лл. 76 – 87 а; там же. Д. 306. Лл. 83–98; там же. Д. 310а. Лл. 83–98; там же. Д. 311а. Лл. 87–102; там же. Д. 313. Лл. 45–52; там же. Д. 315. Лл. 47–54; там же. Д. 316. Лл. 49–56; там же. Д. 318. Лл. 49–56; там же. Д. 320. Лл. 49–55; там же. Д. 325. Лл. 49–55; там же. Д. 340. Лл. 34–38; АЕВ. 1893. № 10. Часть официальная. С. 230; АЕВ. 1901. № 15. Часть официальная. С. 188; АЕВ. 1902. № 12–13. Часть неофициальная. С. 392–393; Рейнеке М. Ф. Описание города Колы, в Российской Лапландии: (из записок флота лейтенанта Рейнеке) / М. Рейнеке. СПб.: Типография Н. Греча, 1830. 58 с. С. 21; Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1896. Вып. 3. Уезды: Онежский, Кемский и Кольский. С. 218–225; Мацак В. А. Печенга: Опыт краеведческой энциклопедии. Мурманск, 2005. С. 493–500; Ушаков И. Ф. Храмы Кольского Севера. II. Церкви. 7. Пазрека//Мурманский вестник. 1995. 16 ноября.

[2] Ушаков И. Ф. Храмы Кольского Севера. II. Церкви. 7. Пазрека//Мурманский вестник. 1995. 16 ноября.

храма было 38 лопарских семей (148 человек) из Пазрецкого и Нявдемского погостов [1].

Нявдемский погост являлся самой западной частью русских владений на Кольском полуострове. Река Нявдема принадлежала России до Петербургской конвенции 14 мая 1826 года, затем отошла Норвегии. Важно отметить, что Нявдемские или Нейденские (норв.) лопари, находясь на норвежской территории, продолжали духовно окормляться в Борисоглебской церкви. В свою очередь из Пазрецкого прихода в Нейден регулярно приезжал священник для духовного окормления Нявдемских лопарей [2]. Сохранилось упоминание о «старинной русской часовне» около которой жили лопари, исповедующие православную веру. По преданию, данная часовня была построена самим преподобным Трифоном Печенгским в 1565 году и освящена во имя святого Георгия Победоносца [3]. Профессор, доктор филологических наук В. В. Калугин придерживается мнения, что Свято-Георгиевская часовня была поставлена не ранее 80-х гг. XVI века и не позднее 1764 года [4].

Отметим, что в 1895 году на средства частных благотворителей часовня была подновлена: ее покрыли новым тесом. В 1900 году настоя-

---

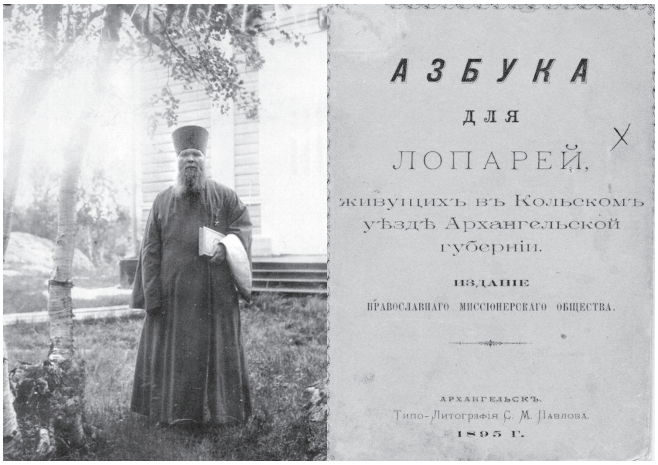
[1] Мацак В. А. Печенга: Опыт краеведческой энциклопедии. Мурманск, 2005. С. 499.

[2] См.: Сорокина М. А. Саамские погосты Западного Мурмана. Муниципальное бюджетное культурно-просветительское учреждение «Печенгское межпоселенческое библиотечное объединение». Мурманск, 2018. 24 с. С. 6.

[3] См.: ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 46. Л. 11–15; там же. Д. 103. Л. 114–120; там же. Д. 204. Л. 83 об. – 87; АЕВ. 1901. № 2. Часть официальная. С. 14; Морозов Н. В. Лоция Мурманского берега Северного Ледовитого океана от островов Вардэ до Белого моря/ составил Корпуса флотских штурманов штабс-капитан Н. Морозов. СПб.: Типография Морского министерства, 1901. 712 с. С. 214; Львов Е. (Кочетов Е. Л.). По студеному морю. Поездка на Север. Ярославль, Вологда, Архангельск, Мурман, Норд-Кап, Трондгейм, Стокгольм, Петербург. М., 1895. С. 192; Островский Д. Н. Путеводитель по Северу России. (Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая земля. Печора). 2-е изд. СПб., 1899. С. 113; Ушаков И. Ф. Малые храмы на Кольской земле//Наука и бизнес на Мурмане. 1999. № 3. С. 5–12; Климент (Хухтамяки), иером., Серк-Хансен К. Религиозные и межцерковные связи наших дней//Россия – Норвегия. Сквозь века и границы. М., 2004. С. 278, 279; см. также: Wessel A. B. Optegnelser fra Sør-Varanger. Kirkenes 1938/1977. P. 100; Paulaharju S. Finmarkens folk. Uddevalla 1973. P. 135. (Svensk oversettelse av Ruijan Suomalaisia. Helsinki 1928); Гортер В. Т. Часовня святого Георгия и история Русской Православной Церкви в округе Нейден//Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар, 1991. С. 122–132. (Gorter Grønvik W. T. St. Georgs kapell og den russisk-ortodokse kirkens historie i Neidenområdet, i Nordisk østforum 1988).

[4] См.: Калугин В. В. Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии. М.: Древлехранилище, 2009. С. 577.

Фотография протоиерея К. П. Щеколдина и «Азбука для лопарей», которую составили прот. К. П. Щеколдин и его супруга Мария Кузминична Щеколдина



тель Соловецкого монастыря архимандрит Иоанникий (Юсов), а также настоятель Трифонов Печенгского монастыря игумен Ионафан (Баранов) установили внутри Георгиевской часовни новый иконостас. Нейденскую часовню много лет духовно окормлял настоятель Пазрецкого Борисоглебского храма протоиерей Константин Щеколдин, таинство Крещения зимой совершалось в часовне, а летом в реке Нявдема перед часовней, рядом с часовней располагалось лопарское православное кладбище [1].

В середине XX века 05 сентября 1965 года отмечался 400-летний юбилей часовни в Нейдене. Большинство саамов колттов (сколтов) по-прежнему придерживаются православной веры. Ежегодно в селении Нейден (норв. Neiden, коммуна Сер-Варангер), бывшей территории саамов погоста Нявдема, в последнее воскресенье августа совершались богослужения в часовне святого Георгия Победоносца, на которых присутствовали общины российской, норвежской и финской православных церквей. Данная часовня в настоящее время находится в юрисдикции Финской православной церкви [2].

Важно отметить, что с 10 августа 1874 г. по 05 октября 1915 г. в те-

---

[1] Сорокина М. А. Саамские погосты Западного Мурмана. Муниципальное бюджетное культурно-просветительское учреждение «Печенгское межпоселенческое библиотечное объединение». Мурманск, 2018. 24 с. С. 6.

[2] Сорокина М. А. Саамские погосты Западного Мурмана. Муниципальное бюджетное культурно-просветительское учреждение «Печенгское межпоселенческое библиотечное объединение». Мурманск, 2018. 24 с. С. 4, 7.

чение 41 года настоятелем Борисоглебского храма являлся протоиерей Константин Прокопьевич Щеколдин [1]. Отец Константин изучал быт и лопарский язык, знал норвежский язык. Благодаря активному участию прот. Константина и при участии российского консула в Норвегии (Варде) Д. Н. Островского в Пазрецком лопарском погосте 28 февраля 1888 года была построена церковно-приходская лопарская школа. Это была первая школа на Западном Мурмане, ее главная особенность заключалась в сезонном характере обучения воспитанников. Данная система была разработана протоиереем К. П. Щеколдиным и соответствовала хозяйственному календарю лопарей [2].

Протоиерей Константин Щеколдин осуществил перевод на лопарский язык православных молитв, святого Евангелия от Матфея, составил словарь лопарских слов. В 1895 году протоиерей Константин со своей супругой Марией Кузьминичной Щеколдиной создали азбуку для лопарских детей, книга была отредактирована Архангельским епархиальным миссионерским комитетом и активно использовалась в педагогических целях. При Пазрецкой церковно-приходской школе отцом Константином была собрана обширная библиотека, в которую входили книги на русском и норвежском языках. Протоиерея Констан-

[1] О нем см.: ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 46. Л. 11–15; там же. Д. 311а. Л. 87–102; ГАМО. Ф. И-136. Оп. 1. Д. 76. Лл. 109 об. – 110; АЕВ. 1892. № 14. Часть официальная. С. 303; АЕИ. 1885. № 7. С. 1–2; АЕВ. 1895. № 10. Часть официальная. С. 180–181; АЕВ. 1903. № 10. Часть официальная. С. 293; АЕВ. 1910. № 10. Часть официальная. С. 117–118; АЕВ. 1914. № 11. Часть официальная. С. 150; АЕВ. 1915. № 21. Часть официальная. С. 309; Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии, Архангельск, 1896. С. 225; Бардилева Ю. П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века. Мурманск, 2015. С. 199–200; Федоров П. В. Православный словарь Кольского Севера. СПб., 2016. С. 228–229; Ермолаев Д. А. Русский священник: просветитель, полицейский и медик: [арх. 28 февраля 2018]//Мурманский вестник: газета. Мурманск, 2009. 13 октября; Протоиерей Константин Прокопиевич Щеколдин: Некролог// Архангельские епархиальные ведомости: газета. Архангельск, 1916. № 9. С. 224–226. Нумерация страниц сквозная от номера к номеру в течение года; Протоиерей Константин Прокопиевич Щеколдин: Некролог (продолжение)//Архангельские епархиальные ведомости: газета. Архангельск, 1916. № 16. С. 348–350. Нумерация страниц сквозная от номера к номеру в течение года; Протоиерей Константин Прокопиевич Щеколдин: Некролог (продолжение)//Архангельские епархиальные ведомости: газета. Архангельск, 1916. № 20. С. 422–424. Нумерация страниц сквозная от номера к номеру в течение года; Протоиерей Константин Прокопиевич Щеколдин: Некролог (окончание)//Архангельские епархиальные ведомости: газета. Архангельск, 1916. № 21. С. 434–439. Нумерация страниц сквозная от номера к номеру в течение года. Автор статьи подписался сокращением «Я.».

[2] Казакова К. С. Полярная «Одиссея» инспектора училищ Николая Козмина в 1911 г.//Парадигма: философско-культурологический альманах. 2018. № 28. С. 26.

тина связывали дружеские отношения с норвежским протестантским епископом Бекманом и другими пасторами из города Киркенеса. Благодаря отцу Константину значительно было упрощено оформление документов для пересечения российской и норвежской границы, соседи сопредельных государств чаще могли бывать друг у друга в гостях.

В течение своего служения в Пазрецком Борисоглебском храме протоиерей Константин проявлял постоянную заботу о сохранении историко-архитектурного памятника – древнего храма во имя святых Бориса и Глеба, построенного в середине XVI века преподобным Трифоном Печенгским [1]. Важно отметить, что духовное окормление прихожан Пазрецкого и особенно Нявдемского погостов усложнялось зимним бездорожьем, летними необъятными просторами лапландской тундры. В некрологе, посвященном протоиерею Константину Щеколдину, сохранилось повествование о том, как он однажды остался один на один в заснеженной мрачной тундре, ожидая заблудившегося лопаря, коченел от холода, находился на грани гибели [2].

Протоиерей Константин Прокопьевич Щеколдин преставился в возрасте 70 лет и был погребен возле алтаря древней Пазрецкой Борисоглебской церкви. К сожалению, место захоронения протоиерея Константина затерялось. Благодаря помощи родного внука батюшки С. В. Ивановского было определено место погребения отца Константина, а в 1991 году трудами В. А. Мацак-Сокуровой (директора Печенгского историко-краеведческого музея пос. Никель) был заказан надмогильный крест [3].

---

[1] ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 306. Л. 90 об; там же. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 283. Л. 93 об; РГИА. Ф. 799. Оп. 31.

Д. 74. Л. 4 об.; ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 283. Л. 29 об.; ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 283. Л. 92 об; Российский государственный исторический архив г. СПб (РГИА). Ф. 799. Оп. 31. Д. 74. Л. 1; Бардилева Ю. П. Роль Русской Православной Церкви в духовной жизни Кольского Севера и сохранении религиозной идентичности северян в первой трети XX века// СЕВЕР РОССИИ – ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ЕЕ РАЗВИТИЯ И ЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ. Материалы региональной научно-практической конференции в рамках общественного форума «Всемирный Русский Народный Собор» 28–29 ноября 2014 года, г. Кировск Мурманской области. Мурманск: Издательство Мурманского государственного гуманитарного университета, 2015. С. 24–28. С. 26.

[2] Мацак В. А. Некролог. К. П. Щеколдин и церковь Бориса и Глеба // Советская Печенга. 1994. 27, 30 августа.

[3] См.: Мацак В. А. Печенга: Опыт краеведческой энциклопедии. Мурманск, 2005. С. 504.

С 1920 по 1944 гг. Борисоглебские храмы оказались на финской территории области Петсамо [1], находясь при этом в юрисдикции Финской автономной церкви Константинопольского патриархата. В ходе боевых действий во время Второй мировой войны в октябре 1944 года сгорела древняя Борисоглебская церковь, построенная преподобным Трифоном Печенгским, в это же время была разрушена новая деревянная одноименная церковь [2]. Однако в 1960-е гг. усилиями российских и норвежских верующих храм был восстановлен, в настоящее время церковь святых Бориса и Глеба принадлежит Русской православной церкви, данный храм входит в состав образованной в 2013 году Североморской и Умбской епархии, Мурманской и Мончегорской митрополии. Борисоглебский храм находится под окормлением Печенгского монастыря, усилиями братии которого в Пазреке организован монашеский скит [3].

В 64 верстах от Керетской приходской церкви на западном берегу Кандалакшской губы располагался Ковдский (Ковдинский) православный приход, который состоял из поселения Ковда и деревни Чернорецкой. Ковдинский приход был образован в 1845 году и находился в ведении II Кольского благочиния Архангельской и Холмогорской епархии [4]. Согласно «Краткому историческому описанию…» село

---

[1] Административно-территориальное деление Мурманской области (1920–1993): Справочник. Мурманск, 1995. С. 27.

[2] См.: Ермолаев Д. А. На краю земли Русской. История Борисоглебского храма и Пазрецкого погоста // Мурманский вестник. 2020. № 64, 30 апреля; там же. № 65, 07 мая; там же. № 68, 14 мая; там же. № 72, 21 мая; там же. № 76, 21 мая; там же. № 76, 28 мая; там же. № 80, 04 июня; там же. № 84, 11 июня; там же. № 87, 11 июня; там же. № 91, 25 июня; там же. № 95, 02 июля; там же. № 99, 09 июля; там же. №103, 16 июля; там же. № 107, 23 июля; там же. № 111, 30 июля; там же. № 119, 13 августа; там же. № 123, 20 августа; там же. № 131, 03 сентября; там же. № 135, 10 сентября; там же. № 139, 17 сентября; там же. № 143, 24 сентября; там же. № 147, 01 октября; см. также: Храм во имя святых Бориса и Глеба. Двойной юбилей. Трифонов-Печенгский монастырь. М.: Издательство «Отчий дом», 1999. 48 с. С. 41.

[3] См.: Ермолаев Д. А. На краю земли Русской. История Борисоглебского храма и Пазрецкого погоста // Мурманский вестник. 2020. № 147, 01 октября.

[4] См.: ГАМО. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 2. Л. 8; Там же. Д. 3. Лл. 35–36; Там же. Д. 6. Лл. 21, 75; Там же. Д. 7. Л. 53; Там же. Д. 8. Лл. 9–11; Там же. Д. 9. Лл. 98–100; Там же. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 1; Там же. Д. 29. Л. 1 об. – 2; Там же. Д. 33. Лл. 1–2; Там же. Д. 35. Л. 1 об.; Там же. Д. 40. Л. 1 об. – 2; Там же. Д. 43. Л. 1 об.; Там же. Д. 44. Лл. 1 об. – 2; Там же. Д. 53. Л. 1 об.; Там же. Д. 70. Л. 1 об.; Там же. Д. 77. Л. 1; Там же. Д. 80. Лл. 1 – 1 об.; Там же. Д. 85. Л. 1; Там же. Д. 87. Лл. 1–2; Там же. Д. 89. Лл. 1–2; Там же. Д. 92. Л. 1; Там же. Д. 95. Л. 1; Там же. Д. 99. Л. 1; Там же. Д. 105. Л. 1; Там же. Д. 112. Л. 1 об. – 2; Там же. Д. 113. Л. 1 об. – 2; Там же. Д. 120. Л. 1 об. – 2; Д. 124. Л. 1 об. – 2; Д. 127. Л. 1 об. – 2; Д. 131. Л. 1 об. – 2; Д. 135. Л. 2 об.; Д. 136. Л. 2.

Ковдинский Свято-Никольский храм
(конец XIX века)

Ковда и деревня Чернорецкая изначально церковно-юридически относились к Кемскому соборному приходу, затем в 1845 году вышеобозначенные селения вошли в состав Кандалакшского прихода и в том же году были обращены в самостоятельный приход [1].

Отметим, что Ковдинскому приходу в середине XIX века принадлежали поселения: Ковда, погост Ругозерский, деревня Соколозерская, деревня Кундозерская, деревня Зашейковская, Губа Никольская, деревня Софьянская, деревня Лайдосиломская, деревня Оланская (Олангская), деревня Варталамбская, деревня Боровская, деревня Тумчезерская, деревня Чернорецкая [2]. Важно подчеркнуть, что с 1850 года кроме вышеперечисленных населенных пунктов к Ковдинскому приходу стало относиться поселение Таванское [3], однако к 1881 году большая часть поселений Ковдинского прихода перешла в ведение Олангского прихода и стала находиться в ведении Кемского уезда Архангельской и Холмо-

---

1 См.: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3: Уезды Онежский, Кемский и Кольский. Издание Архангельского епархиального церковно-археологического комитета. Архангельск: Типо-литогр. Наследн. Д. Горяйнова, 1896. 267 с. С. 189.

2 ГАМО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1. Лл. 2–18, 26–41, 49, 81; Там же. Д. 16. Л. 4 об.

3 См.: ГАМО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1. Лл. 106 об., 147–174, 184–214, 220; Там же. Д. 21. Л. 3 об.; Там же. Д. 29. Л. 3 об.; Там же. Д. 33. Лл. 4 об. – 5; Там же. Д. 35. Л. 4 об.; Там же. Д. 40. Л. 3 об.; Там же. Д. 43. Л. 3 об.; Там же. Д. 44. Л. 3 об.; Там же. Д. 53. Л. 4 об.; Там же. Д. 56. Л. 4 об.

Ковдинский Свято-Никольский храм в наше время

горской епархии [1]. К концу XIX века в Ковдинский приход входили поселение Ковда и деревня Чернорецкая [2].

Приходская Ковдинская церковь была построена в 1705 году и освящена во имя святителя Николая Чудотворца [3]. В современной научной литературе встречается мнение, что Свято-Никольский храм

---

[1] Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3: Уезды Онежский, Кемский и Кольский. Издание Архангельского епархиального церковно-археологического комитета. Архангельск: Типо-литогр. Наследн. Д. Горяйнова, 1896. 267 с. С. 189.

[2] См.: ГАМО. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 4. Л. 12 об.; Там же. Д. 5. Л. 52 об.; Там же. Д. 6. Л. 28 об.; Там же. Д. 7. Л. 58 об.; Там же. Д. 8. Л. 17 об.; Там же. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.; Там же. Д. 70. Л. 4; Там же. Д. 92. Л. 4; Там же. Д. 95. Л. 4 об.; Там же. Д. 105. Л. 3 об.; Там же. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 87. Л. 4 об.; Там же. Д. 99. Л. 2; Там же. Д. 113. Л. 6; Там же. Д. 117. Л. 6 об.; Там же. Д. 120. Л. 7 об.; Там же. Д. 124. Л. 7 об.; Там же. Д. 127. Л. 7 об.; Там же. Д. 131. Л. 8 об.; Там же. Д. 135. Л. 20; Там же. Д. 136. Л. 10 об.; Там же. Д. 140. Л. 9 об.; Там же. Д. 143. Л. 14 об.; Там же. Д. 153. Л. 23 об.; Там же. Д. 160. Л. 22 об.; Там же. Д. 164. Л. 22 об.; Там же. Д. 167. Л. 22 об.; Там же. Д. 172. Л. 24 об.; Там же. Д. 177. Л. 7; Там же. Д. 180. Л. 7; Там же. Д. 183. Л. 5; Там же. Д. 184. Л. 35.

[3] См.: Клировые ведомости по Ковдскому приходу. (ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 6. Лл. 3–5, 57; Там же. Д. 12. Лл. 30–32; Там же. Д. 13. Лл. 15–16, 43, 43а; Там же. Д. 14. Лл. 31–33, 74–77; Там же. Д. 15. Лл. 22–25, 43–46, 77–80; Там же. Д. 204. Лл. 129–143; Там же. Д. 232. Лл. 128–147; Там же. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 33. Лл. 1–5; Там же. Д. 35. Лл. 1–3; Там же. Д. 40. Лл. 1–3; Там же. Д. 43. Лл. 1–7; Там же. Д. 44. Лл. 1–3; Там же. Д. 53. Лл. 1–5; Там же. Д. 56. Лл. 1–5; Там же. Д. 5. Лл. 1–4; Там же. Д. 77. Лл. 1–4; Там же. Д. 80. Лл. 1–4; Там же. Д. 85. Лл. 1–3; Там же. Д. 87. Лл. 1–4; Там же. Д. 92. Лл. 1–3; Там же. Д. 95. Лл. 1–4; Там же. Д. 99. Лл. 1–3; Там же. Д. 105. Лл. 1–3; Там же. Д. 112. Лл. 1–2; Там же. Д. 113. Лл. 1–6; Там же. Д. 117. Лл. 1–6; Там же. Д. 120. Лл. 1–7; Там же. Д. 124. Лл. 1–7; Там же. Д. 127. Лл. 1–6; Там же. Д. 130. Лл. 1–7; Там же. Д. 131. Лл. 1–8; Там же. Д. 135. Лл. 1–20; Там же. Д. 140. Лл. 1–9; Там же. Д. 143. Лл. 1–15; Там же. Д. 153. Лл. 1–20; Там же. Д. 156. Лл. 1–23; Там же. Д. 160. Лл. 1–22; Там же. Д. 164. Лл. 1–23; Там же. Д. 167. Лл. 1–22; Там же. Д. 172. Лл. 1–24; Там же. Д. 177. Лл. 1–8; Там же. Д. 180. Лл. 1–8; Там же. Д. 190. Лл. 1–6; Там же. Д. 199. Лл. 1–2; Там же. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 9. Лл. 98–99 об.).

в Ковде был возведен в 1597 году [1], почти сразу после шведского уничтожения в 1589 году. Впоследствии аспирантом, старшим лаборантом кафедры этнологии и североведения Центра гуманитарных проблем Баренц-региона, Кольского научного центра РАН (Апатиты, Российская Федерация) Яковом Валерьевичем Обуховым в научной статье, посвященной проблеме изучения памятников деревянного зодчества Русского Севера, в том числе на основании архивных материалов по истории села Ковда и Свято-Никольской церкви, собранных краеведом-любителем, жительницей г. Кандалакши В. И. Коневой, было высказано предположение, что действительно годом постройки Свято-Никольской шатровой церкви является 1597 год [2]. В Государственном архиве Архангельской области сохранилась информация, что Никольская церковь в Ковде существовала с «7105 года» [3] (от сотворения мира. – А. К.), в то время как в клировой ведомости за 1904 год документами утверждается дата постройки «1705 год» [4] (от Рождества Христова. – А. К.). В фондах Мурманского краеведческого музея сохранилась клировая ведомость Кандалакшского прихода за 1829 год, в которой датой основания Никольской церкви является также «7105 год», тщанием кого был построен храм неизвестно [5].

Далее перейдем к более подробному описанию Свято-Никольского Ковдинского храма. Зданием церковь деревянная, одноэтажная, верх шатровый, в виде избы с двухъярусной крышей на два ската, на куполе крест, высота храма – 14,3 м. С внешней стороны церковь обшита тесом и окрашена белилами, а купол обит железом. Крыша тоже деревянная и покрашена красной краской. Внутри Никольского храма три теплых отделения: алтарь (трехчастный: с правой

---

[1] См.: Шургин И. Н. Исчезающее наследие: Очерки о русских деревянных храмах XV–XVIII веков. М.: Совпадение, 2006. С. 18–27. 120 с.

[2] См.: Обухов Я. В. Никольская церковь села Ковда: к проблеме белых пятен в истории памятников деревянного зодчества Русского Севера // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Исторические науки и археология. Петрозаводск, 2016. № 3 (156). С. 59–62.

[3] См.: Архангельская духовная консистория 1744–1923 гг. (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Д. 1388. Л. 8).

[4] Клировая ведомость о Никольской церкви Архангельской епархии Кольского уезда Ковдского прихода за 1904 год. (ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 392. Л. 131).

[5] Клировые ведомости Кандалакшского прихода за 1829 год. (Фонд Мурманского областного краеведческого музея НВ 2029/25 ПИД. Л. 7–12).

стороны пристроена ризница, с левой – пономарка, в центре – Престол [1]), церковь (центральная часть храма) и трапеза с одной печкой. В 1898 году, согласно клировой ведомости, сохранившейся в государственном архиве Мурманской области, вблизи церкви стояла отдельная колокольня, оба здания находились в удовлетворительном состоянии, церковь была обнесена оградой [2]. Престол в церкви один – во имя святителя и чудотворца Николая, антиминс на престоле освящен 12 февраля 1884 года Преосвященным Серапионом (Маевским), епископом Архангельском и Холмогорским; утварью, священническими облачениями и богослужебными книгами церковь не богата, «необходимое же все имеется» [3].

За время своего существования Свято-Никольский храм неоднократно ремонтировался и поновлялся, потому что «от древности своей церковь весьма обветшала и в зимнее время для служения довольно холодна» [4]. В 1815 году с внешней стороны церковь была обшита тесом и обнесена оградой, в 1841 году был отремонтирован алтарь Никольского храма: исправлены потолок и пол, к алтарю были пристроены пономарка и ризница. В 1852 году была обновлена крыша и в самом храме отремонтирован потолок. Крыша храма вновь была отремонтирована в 1886 году, а в 1889 году весь храм был обшит новым тесом

[1] См.: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3: Уезды Онежский, Кемский и Кольский. Издание Архангельского епархиального церковно-археологического комитета. Архангельск: Типо-литогр. Наследн. Д. Горяйнова, 1896. 267 с. С. 189.

[2] ГАМО. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 9. Л. 98.

[3] См.: ГАМО. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 2. Лл. 8, 8 об.; Там же. Д. 3. Лл. 35–36; Там же. Д. 5. Лл. 46–47; Там же. Д. 6. Лл. 75–76; Там же. Д. 7. Л. 51; Там же. Д. 8. Л. 9; Там же. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 1; Там же. Д. 21. Л. 1; Там же. Д. 29. Л. 1; Там же. Д. 33. Л. 1; Там же. Д. 35. Л. 1; Там же. Д. 40. Л. 1; Там же. Д. 44. Л. 1; Там же. Д. 43. Л. 1; Там же. Д. 50. Л. 1; Там же. Д. 70. Л. 1; Там же. Д. 77. Л. 1.; Там же. Д. 87. Л. 1; Там же. Д. 99. Л. 1; Там же. Д. 117. Л. 1; Там же. Д. 92. Л. 1; Там же. Д. 95. Л. 1; Там же. Д. 105. Л. 1; Там же. Д. 113. Л. 1; Там же. Д. 120. Л. 1; Там же. Д. 124. Л. 1; Там же. Д. 127. Л. 1; Там же. Д. 131. Л. 1; Там же. Д. 135. Л. 1; Там же. Д. 136. Л. 1; Там же. Д. 140. Л. 1; Там же. Д. 143. Л. 1; Там же. Д. 153. Л. 1; Там же. Д. 160. Л. 1; Там же. Д. 164. Л. 1; Там же. Д. 167. Л. 1; Там же. Д. 177. Л. 1; Там же. Д. 180. Л. 1; Там же. Д. 183. Л. 1; Там же. Д. 184. Л. 1; Там же. Д. 186. Л. 1; Там же. Д. 190. Л. 1.

[4] НА РК. Ф. 662. Оп. 1. Д. 2/6. Л. 86. (Цит. по: Кожевникова Ю. Н. Второе Кольское благочиние Архангельской епархии в 1887 году: приходы, храмы, причт//Варзуга – первое русское поселение на Кольском Севере. Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции. Вторые Феодоритовские чтения. Издательство Мурманской и Мончегорской епархии, издательство «Ладан». Мурманск, СПб., 2010. 304 с. С. 184).

и покрашен белилами, окна были расширены, а купол обит белым железом. В 1891 году была отреставрирована колокольня: обшита тесом и покрашена белилами, купол колокольни также был обит белым железом. В 1892 году в Никольском храме были заменены старые полы на новые, и надстроена солея перед алтарной частью. Важно отметить, что работы по ремонту и благоукрашению Свято-Никольского храма выполнялись благочестивыми прихожанами данной церкви.

В Ковдинском Свято-Никольском приходе 01 октября 1888 года настоятелем – священником Евлогием Шангиным – была открыта приходская школа грамоты, которая размещалась в одной из комнат волостного правления. Со второй половины 1904 года Ковдинская церковно-приходская школа не работала: закрылась по причине отсутствия помещений [1], а в 1905 году школу разместили в собственном доме, построенном на добровольные пожертвования прихожан и пособие от Кемско-Александровского училищного отделения. Сохранились архивные материалы, отражающие информацию, какие учителя преподавали в Ковдинской церковно-приходской школе [2].

В свою очередь в 4 верстах от села Ковда на острове Березовский в октябре 1900 года при приписном храме во имя святителя Николая Чудотворца, благодаря пожертвованиям тружеников местного лесопильного завода им. А. Бергена, была открыта школа грамотности, которая располагалась в отдельно стоящем доме. Преподавательницей данной школы грамоты являлась священническая дочь Августа Ерастовна Костылева, которая окончила курс Архангельского Епархиального училища [3]. С 1918 года в государственном архиве Мурманской области документов о приходской школе грамоты при Свято-Никольском храме

[1] ГАМО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 156. Л. 4.

[2] ГАМО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 112. Л. 2; Там же. Д. 113. Л. 2 об.; Там же. Д. 117. Л. 2 об.; Там же. Д. 120. Л. 2 об.; Там же. Д. 124. Л. 2 об.; Там же. Д. 127. Л. 2 об.; Там же. Д. 131. Л. 2 об.; Там же. Д. 135. Л. 4; Там же. Д. 136. Л. 2 об.; Там же. Д. 140. Л. 2 об.; Там же. Д. 143. Л. 4; Там же. Д. 153. Л. 4; Там же. Д. 156. Л. 4; Там же. Д. 160. Л. 4; Там же. Д. 164. Л. 4 об.; Там же. Д. 167. Лл. 4–4 об.; Там же. Д. 172. Л. 4; Там же. Д. 177. Л. 2 об.; Там же. Д. 180. Л. 2 об.; Там же. Д. 183. Л. 3 об.; Там же. Д. 184. Л. 23 об.; Там же. Д. 186. Л. 2 об.; Там же. Д. 190. Л. 1 об.; Там же. Д. 199. Л. 2 об.; Там же. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 5. Л. 47 об.; Там же. Д. 6. Л. 22 об., 76 об.; Там же. Д. 7. Л. 52 об.; Там же. Д. 8. Лл. 9–11; Там же. Д. 9. Лл. 98–100.

[3] ГАМО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 135. Лл. 78 об.; Там же. Д. 153. Лл. 9–12; Там же. Д. 156. Лл. 9–12; Там же. Д. 160. Лл. 9–12; Там же. Д. 164. Лл. 9–12; Там же. Д. 167. Лл. 9–12; Там же. Д. 172. Лл. 9–13; Там же. Д. 177. Л. 2; Там же. Д. 180. Л. 2; Там же. Д. 183. Л. 2; Там же. Д. 184. Л. 28; Там же. Д. 186. Л. 2.

уже нет, сохранились сведения о том, что на острове Березовский учебной деятельностью занимались Высшее начальное и одноклассное Министерское училища [1].

Необходимо отметить, что в 1901 году в деревне Чернорецкой на средства Святейшего правительствующего синода, а также пожертвования частных благотворителей из числа местных жителей деревни была построена приписная к Ковдинскому Свято-Никольскому приходу церковь во имя преподобного Трифона Печенгского чудотворца. Приписной Трифоновский храм был освящен 31 августа 1901 года и располагался в 21 версте от Ковдинского прихода. Свято-Трифоновский храм – деревянный, однопрестольный, в виде креста, одноэтажный с деревянной колокольней, располагающейся рядом со зданием храма. На престоле находился антиминс, освященный и подписанный 03 августа 1900 года Преосвященнейшим Иоанникием I (Надеждиным, 1896–1901 годы управления епархией), епископом Архангельским и Холмогорским. Земельных угодий Трифоновскому храму не принадлежало [2]. Важно заметить, что после 1918 года в церковных клировых ведомостях данная Трифоновская церковь в деревне Чернорецкая не упоминается [3].

Другим приписным храмом можно считать Свято-Никольскую церковь в 4 верстах от Ковдинского прихода на острове Березовский, построенную в 1901 году на добровольные пожертвования фирмы «Н. Руссинов-сын», а также благодаря частным жертвователям из местных жителей. Освящение храма состоялось 02 сентября 1901 года. Свято-Никольский храм был деревянным, одноэтажным, на каменном фундаменте, с одним куполом, однопрестольным. На престоле располагался святой антиминс, освященный 03 августа 1900 года и подписанный Преосвященнейшим Иоанникием I (Надеждиным), епископом Архангельским и Холмогорским. Церковной утварью для совершения всех богослужений и церковных Таинств Никольский храм был снабжен достаточно. В одной связи с церковью располагалась дере-

---

1 См.: ГАМО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 2 об.

2 См.: ГАМО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 135. Л. 5, 5 об.; Там же. Д. 153. Лл. 5–8; Там же. Д. 156. Лл. 5–8; Там же. Д. 160. Лл. 5–8; Там же. Д. 164. Лл. 5–8; Там же. Д. 167. Лл. 5–8; Там же. Д. 172. Лл. 5–8; Там же. Д. 177. Л. 2; Там же. Д. 180. Л. 2; Там же. Д. 183. Л. 2; Там же. Д. 184. Л. 28; Там же. Д. 186. Л. 2.

3 См.: ГАМО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 1–2.

вянная колокольня [1]. После 1918 года о Свято-Никольском храме церковных документов не встречается [2].

Сохранилась информация о существовавшей православной часовне в деревне Чернорецкая, в 21 версте от Ковдинского храма, которая являлась приписной к данному приходу. Время построения часовни во имя Воскресения Христова не известно, также не известно, кем она была воздвигнута. Часовня была деревянной, клировые ведомости за 1898 год отражают информацию, что к концу XIX века часовня уже была ветхой и холодной [3]. Рядом с Воскресенской часовней располагалась деревянная колокольня [4]. На колокольне три колокола, в часовне около 20 икон, больше никакого имущества не имелось. Богослужения проводились на третий день праздников – Рождества Христова и Воскресения Христова, а также на второй неделе Великого поста [5]. Отметим, что после 1918 года о данной православной часовне в клировых ведомостях нет упоминания [6].

Необходимо отметить, что в государственном архиве Мурманской области была обнаружена информация еще об одной древней православной часовне, приписанной к Ковдинскому приходу. Свято-Никольская часовня находилась в Никольской губе в 200 верстах от приходской церкви. Неизвестно кем и когда построена. В клировых ведомостях за 1864, 1865 и 1868 гг. сохранилась информация,

---

1 ГАМО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 135. Лл. 7, 8 об.; Там же. Д. 153. Лл. 9–12; Там же. Д. 156. Лл. 9–12; Там же. Д. 160. Лл. 9–12; Там же. Д. 164. Лл. 9–12; Там же. Д. 167. Лл. 9–12; Там же. Д. 172. Лл. 9–13; Там же. Д. 177. Л. 2; Там же. Д. 180. Л. 2; Там же. Д. 183. Л. 28; Там же. Д. 186. Л. 2.

2 См.: ГАМО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 1–2.

3 См.: ГАМО. Ф. И-73. Оп. Д. 9. Л. 100.

4 ГАМО. Ф. И.73. Оп. 1. Д. 2. Лл. 8, 8 об.; Там же. Д. 3. Лл. 35–36; Там же. Д. 5. Лл. 46–47; Там же. Д. 6. Лл. 75–76; Там же. Д. 7. Л. 53; Там же. Д. 8. Л. 11; Там же. Д. 3. Лл. 35–36; Там же. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 2; Там же. Д. 21. Л. 2; Там же. Д. 29. Л. 2; Там же. Д. 33. Л. 2 об.; Там же. Д. 35. Л. 2; Там же. Д. 40. Л. 2; Там же. Д. 43. Л. 2; Там же. Д. 44. Л. 2; Там же. Д. 50. Л. 2 об.; Там же. Д. 53. Л. 2; Там же. Д. 70. Л. 2; Там же. Д. 77. Л. 2; Там же. Д. 87. Л. 2; Там же. Д. 92. Л. 2; Там же. Д. 95. Л. 2; Там же. Д. 99. Л. 1 об.; Там же. Д. 105. Л. 2; Там же. Д. 120. Л. 3; Там же. Д. 124. Л. 3; Там же. Д. 127. Л. 3; Там же. Д. 131. Л. 3; Там же. Д. 136. Л. 3; Там же. Д. 140. Л. 3; Там же. Д. 143. Л. 10; Там же. Д. 145. Л. 3; Там же. Д. 153. Л. 13; Там же. Д. 156. Л. 13; Там же. Д. 160. Лл. 13–14; Там же. Д. 164. Лл. 13–14; Там же. Д. 167. Л. 13–14; Там же. Д. 172. Л. 14; Там же. Д. 177. Л. 2; Там же. Д. 180. Л. 2; Там же. Д. 183. Л. 2; Там же. Д. 184. Л. 28; Там же. Д. 186. Л. 2; Там же. Д. 190. Л. 3.

5 См.: ГАМО. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 9. Л. 100.

6 См.: ГАМО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 1–2.

Ковдинский Свято-Никольский храм в наше время

что Никольская часовня была очень ветхой, деревянной, вокруг обнесена оградой. Вместо колокольни при данной часовне имелся один колокол, над которым был выстроен навес от непогоды [1]. Подчеркнем, что за более ранние или более поздние годы существования Свято-Никольский часовни сведения в государственном архиве Мурманской области не встречаются.

Подводя промежуточные итоги, можно сказать, что на основании архивных документов ни в самом Ковдинском Свято-Никольском храме, ни в приписных к данному приходу церквах и часовнях не было раскольнических скитов и молельней [2]. Согласно церковной клировой ведомости в начале XX века в Никольском Ковдинском приходе насчитывалось 209 мужчин и 225 женщин, всего 434 человека [3].

В настоящее время Ковдинский храм не является собственностью

---

[1] См.: ГАМО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 50. Л. 2 об.; Там же. Д. 53. Л. 2 об.; Там же. Д. 59. Л. 2; Там же. Д. 70. Л. 2.

[2] ГАМО. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 2 Лл. 8, 8 об.; Там же. Д. 3. Лл. 35–36; Там же. Д. 5. Лл. 46–47; Там же. Д. 6. Лл. 75–76; Там же. Д. 7. Л. 51; Там же. Д. 8. Л. 9; Там же. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 1; Там же. Д. 21. Л. 1; Там же. Д. 29. Л. 1; Там же. Д. 33. Л. 1; Там же. Д. 35. Л. 1; Там же. Д. 40. Л. 1; Там же. Д. 43. Л. 1; Там же. Д. 44. Л. 1; Там же. Д. 50. Л. 1; Там же. Д. 70. Л. 1; Там же. Д. 77. Л. 1; Там же. Д. 87. Л. 1; Там же. Д. 92. Л. 1; Там же. Д. 95. Л. 1; Там же. Д. 99. Л. 1; Там же. Д. 105. Л. 1; Там же. Д. 113. Л. 1; Там же. Д. 117. Л. 1; Там же. Д. 120. Л. 1; Там же. Д. 124. Л. 1; Там же. Д. 127. Л. 1; Там же. Д. 131. Л. 1; Там же. Д. 135. Л. 1; Там же. Д. 136. Л. 1; Там же. Д. 140. Л. 1; Там же. Д. 143. Л. 1; Там же. Д. 153. Л. 1; Там же. Д. 160. Л. 1; Там же. Д. 164. Л. 1; Там же. Д. 167. Л. 1; Там же. Д. 177. Л. 1; Там же. Д. 180. Л. 1; Там же. Д. 183. Л. 1; Там же. Д. 184. Л. 29; Там же. Д. 186. Л. 1; Там же. Д. 190. Л. 1.

[3] См.: ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 392. Л. 153.

Русской православной церкви, а стоит на балансе Министерства культуры Мурманской области, однако финансовой дотации на своевременное обслуживание приходского храма не получает (в настоящее время в храме протекает крыша, никто не занимается ее ремонтом). В селе Ковда зимой проживает максимум до 10 человек и для Мурманской и Мончегорской митрополии стоит вопрос о возможности содержания Ковдинского храма при условиях возвращения его в ведение Русской православной церкви.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что в строительстве церквей в Российской империи, в общем, и на Кольском Севере, в частности, отражается довольно сложный процесс нахождения компромиссов между российским законодательством и церковной традицией, а также нахождение баланса между желанием благочестивых верующих и их материальными возможностями не только в единовременном возведении храма, но и дальнейшем обеспечении клира приходского храма. Необходимо отметить, что, по мнению историка Дмитрия Сергеевича Булдакова, православная традиция на Русском Крайнем Севере имеет свою специфическую черту, которая характеризуется природной и культурной средой региона [1].

В заключение отметим, что Русская православная церковь на протяжении различных этапов российской государственности играла ведущую роль в ее формировании, становлении и развитии. Таким образом, осмысление исторического опыта русского православия актуально для духовно-нравственного возрождения России в наше время благодаря изучению истоков внутриприходской жизни во всех ее проявлениях, сложностях и многообразии. Строительство храмов, создание православных приходов важно исследовать в свете становления приходской системы в епархиях, также необходимо уделять внимание теме специфических особенностей жизнеспособности и взаимоотношений причта и прихожан внутри приходов на их канонической территории.

---

[1] Булдаков Д. С. Региональный фактор в становлении православной традиции на Крайнем Севере европейской России: диссертация кандидата культорологических наук. СПб., 2006, 169 с. С. 86; см. также: Булдаков Д. С. Некоторые онтологические основания однообразия религиозной культуры Кольского полуострова // Поморские чтения по семиотике культуры: Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов европейского Севера России: Сб. науч. статей. Архангельск: Поморский университет, 2006. Сс. 104–109.

Таблица «Динамика интеграции и развития Кольского благочиния в составе Архангельской епархии в конце XVIII – начале XX вв.» [1]

№ п/п	Название епархии	Наименование благочиния	Географическое место расположения благочиния	Время существования
1.	Архангельская и Холмогорская епархия	Кольское благочиние	г. Кола, Кольский уезд	20 января 1779 г. – 25 января 1780 г.
2.	Архангельская и Холмогорская епархия	Кольское благочиние	г. Кола, Кольский уезд	25 января 1780 г. – 20 августа 1780 г.
3.	Кемское духовное правление Архангельской и Холмогорской епархии	Кольское благочиние	г. Кола, Кольский уезд	20 августа 1780 г. – 15 марта 1787 г.
4.	Кемское духовное правление Архангельской и Олонецкой епархии	Кольское благочиние	г. Кола, Кольский уезд	15 марта 1787 г. – 21 октября 1798 г.
5.	Кемское духовное правление Архангельской и Холмогорской епархии	Кольское благочиние	г. Кола, Кольский уезд	21 октября 1798 г. – 14 февраля 1833 г.
6.	Кемское духовное правление Архангельской и Холмогорской епархии	Первое благочиние; Второе благочиние	г. Кола, Кольский уезд; с. Варзуга	14 февраля 1833 г. – 01 марта 1859 г.
7.	Кемское духовное правление Архангельской и Холмогорской епархии	Пятое благочиние; Четвертое благочиние	г. Кемь, Кемский уезд с. Кузомень (или с. Варзуга)	01 марта 1859 г. – 25 октября 1867 г.
8.	Архангельская и Холмогорская епархия	Пятое благочиние; Четвертое благочиние	г. Кемь, Кемский уезд с. Кузомень (с 1877 по 1879 гг. – село Тетрино)	25 октября 1867 г. – 11 марта (08 февраля) 1883 г.
9.	Архангельская и Холмогорская епархия	Первое благочиние; Второе благочиние	г. Кола, Кольский уезд; с. Кереть (с 1887 г. – село Кузомень[89])	11 марта (08 февраля) 1883 г. – 07 июня 1899 г.
10.	Архангельская и Холмогорская епархия	Первое благочиние; Второе благочиние	г. Александровск, Александровский уезд Варзуга, Кашкаранцы, Варзуга (с 1902 по 1916 гг. – Чапома, Кузомень); (с 1916 по 1918 гг. – Варзуга, Кузомень).	07 июня 1899 г. – 13 июня 1921 г.

[1] Данные собраны на основании работы в Государственном архиве Мурманской области. См.: ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 7. Л. 59 (Первое благочиние Мурманского округа Архангельской и Холмогорской епархии [1779–1928 гг.]); Ф. И-9. Оп. 1. Д. 45. Л. 15 (Указ Архангельской духовной консистории от 8 апреля 1883 г. о преобразовании 5-го благочиния Кемского уезда в 1-е благочиние Кольского уезда и 4-го благочиния Кемского уезда во 2-е благочиние Кольского уезда. Копия); Ф. И-9. Оп. 1. Д. 34. Лл. 4, 5 об. (Приход церкви во имя Воскресения Христова, Знамения Богоматери и Святых Апостолов Петра и Павла Архангельской и Холмогорской епархии в селе Умба); Ф. И-17. Оп. 1. Д. 28. Л. 69; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 95. Лл. 88–89 (Указы округов, находящихся в непосредственном подчинении Кемского духовного правления).

КОЖЕВНИКОВА
Юлия Николаевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» (г. Апатиты, Российская Федерация)

ЕПИСКОП НИКАНОР (КАМЕНСКИЙ) НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ: ПОСЕЩЕНИЕ ПРИХОДОВ МУРМАНСКОГО И ТЕРСКОГО БЕРЕГОВ [1]

В синодальный период в обязанности епископов входили регулярные посещения приходов и монастырей, располагавшихся в границах подведомственных им епархий. Об этом сообщалось в «Духовном регламенте», содержавшем указания об организации таких инспекторских поездок: «подобает епископу в год, или в два года единожды объити и посетить епархию свою. <…> Время летнее кажется быть угоднейшее к посещению, нежели зимнее. Се же того ради, что не так много летом, как зимою, и сам епископ, и церкви посещаемые на корм и иные нужды его издержать. Не надобе сена, а дров мало треба. Хлеб, рыба, корм конской дешевле. И может епископ не далече от города на поле в па-

[1] Статья подготовлена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН № FMEZ-2022-0028.

латке время перестоять, чтобы не трудить священства или граждан квартирою, наипаче где город убогий» [1]. Во время объездов епархиальной территории епископы должны были проводить литургии и совершать молебны о здравии правящего монарха, а после богослужений сказать «слово к священству и народу учительное о покаянии истинном» [2]. Синодальный указ от 14 апреля 1828 года напоминал архиереям об этой важной части их пастырской деятельности: «Синод нашел необходимо нужным вновь поставить Епархиальным Архиереям в непременную обязанность, чтобы надзор благочинных за исправностью и благоповедением причтов не редко проверяли своим личным усмотрением, и для того каждый год, хотя некоторую часть епархии, попеременно посещали» [3].

Епископ Никанор (Каменский) (1847–1910) возглавлял Архангельскую епархию в течение трех лет, с 8 июня 1893 года по 5 марта 1896 года [4]. Владыка получил хорошее образование в Казанской духовной академии, где на него большое влияние оказали лекции Николая Ивановича Ильминского – известного российского библеиста и педагога-миссионера, считавшего просвещение «инородцев» в Российской империи делом своей жизни. Первым местом архипастырского служения владыки стала Чебоксарская викарная епархия, которой он управлял с 1891 года до перевода в Архангельск [5]. На новом месте, помня апостольские заветы своего учителя Н. И. Ильминского, епископ Никанор посещал самые отдаленные приходы огромной Архангельской епархии, побывав

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: 1649 по 12 декабря 1825. СПб., 1830. Т. 6. № 3718.

[2] Там же.

[3] Там же. Собрание второе: с 12 декабря 1825 по 28 февраля 1888 года. СПб., 1830. Т. 3. № 1952. При этом предусматривалась выдача епископам прогонных денег из местных казенных палат (митрополитам – на 15 лошадей, архиепископам и епископам – на 12 лошадей).

[4] Архиепископ Никанор родился в семье диакона в селе Солодников Черноярского уезда Астраханской епархии. В 1868 году после окончания Казанской духовной семинарии женился и был рукоположен во священника к церкви сельского Бережновского прихода. После смерти супруги, в 1870 году будущий владыка уехал в Казань и поступил в духовную академию. Завершил обучение со степенью кандидата и в 1879 году защитил диссертацию. В 1889 году пострижен в монашество. В 1791–1891 годах был ректором Казанской духовной семинарии. См.: Дмитриевский А. А. Незабвенной памяти архиепископа Казанского Никанора (Каменского) // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1911. Т. 22. Вып. 1. С. 126–139.

[5] Там же.

«во имя света веры и науки» на Мурманском и Терском берегах Кольского полуострова, в поморских городах, «пробирался даже к границам Норвегии». Биограф архиерея писал о его стремлении неустанно просвещать «разноплеменную паству»: «Со словом проповеди владыка шел к корелам и лопарям, к самоедам и зырянам, и своим личным примером и горячим убеждением располагал к тому же и подведомых ему пастырей» [1]. Именно при епископе Никаноре, в 1893 году, был учрежден епархиальный Комитет Православного миссионерского общества, при котором работала переводческая комиссия, составлявшая по благословению владыки азбуки для коренных северных народов и переводившая для них книги Нового Завета [2].

За недолгий срок пребывания на архангельской кафедре епископ Никанор в 1893 и 1894 годах посетил часть наиболее труднодоступных приходских церквей, располагавшихся в Русской Лапландии и Беломорской Карелии. Этим его поездкам были посвящены три статьи, опубликованные в «Архангельских епархиальных ведомостях» [3].

Летом 1893 года, спустя месяц после прибытия в Архангельск [4], епископ Никанор с небольшой свитой, состоявшей из двух иподиаконов и нескольких певчих во главе с регентом Александром Оболенским, отправился в свою первую инспекторскую поездку на Кольский

---

1 Там же.

2 Первым трудом переводческой комиссии стало изданное в 1894 году на «лопарском» языке Евангелие от Матфея в переводе священника Константина Щеколдина. См.: Ал. Ш-в. Первое издание в Архангельске Св. Евангелия на лопарском языке // Архангельские епархиальные ведомости. 1894. № 17. С. 459–461.

3 Ильинский П., священник. Посещение Преосвященным Никанором, епископом Архангельским и Холмогорским становищ восточной стороны Мурманского берега//Архангельские епархиальные ведомости. 1893. № 15. С. 319–324; Посещение Преосвященнейшим Никанором, Епископом Архангельским и Холмогорским, Мурманского берега Ледовитого океана в 1893 году//Архангельские епархиальные ведомости. 1893. № 15. С. 331–333; О путешествии Преосвященного Никанора, епископа Архангельского и Холмогорского по Белому морю//Архангельские епархиальные ведомости. 1894. № 14. С. 363–365. Кроме того, епископ Никанор в 1895 году совершил поездку по приходам Мезенского и Печорского уездов, а также побывал в Беломорской Карелии (его беспокоило появление здесь секты «ушковайзет»). См.: Путешествие Преосвященного Никанора по Корелии // Архангельские епархиальные ведомости. 1895. № 15. С. 347–365.

4 См.: Прибытие Его Преосвященства, Преосвященнейшего Никанора, Епископа Архангельского и Холмогорского в город Архангельск и встреча его архангелогородцами // Архангельские епархиальные ведомости. 1893. № 12. С. 251–262.

Север. Его сопровождали епархиальный миссионер Павел Ильинский [1] и соборный диакон из Архангельска Михаил Спиров. Морское путешествие на пароходе «Ломоносов» [2], принадлежавшем Товариществу Архангельско-Мурманского срочного пароходства [3], продолжалось 12 дней, с 8 по 19 июля 1893 года. Маршрут включал промысловые становища и колонии в Гавриловке, Рынде и Териберке, уездный город Колу и Свято-Троицкий Печенгский монастырь.

До этого архангельские архипастыри не бывали в Русской Лапландии в течение 35 лет: последний архиерейский визит в Колу состоялся зимой 1858 года, когда приезжал епископ Александр (Павлович), который, однако, не совершал богослужений в городском Воскресенском соборе: «служить не мог по неимению певчих» [4]. Восточный Мурман с его старинными часовнями в промысловых становищах и возведенными во второй половине XIX века церквами [5] в колониях вовсе оставался без внимания правящих архиереев вплоть до визита епископа Никанора в 1893 году [6].

Во время путешествий на Мурманский и Терский берега епископ Никанор совершал в приходских церквах богослужения: в Гавриловке, Териберке, уездном центре Кола и Печенгском монастыре – Божественную литургию (в последних двух пунктах вместе со всенощной), а в Рынде и колонии Печенга – молебны [7]. Над могилою 116 иноков, убитых шве-

---

[1] Павел Ильинский был рукоположен во священника в 1887 году и определен в штат Архангельского кафедрального собора. Член Епархиального миссионерского комитета по делам раскола Архангельской епархии до 1895 года.

[2] На этом же пароходе «Ломоносов» совершил в 1894 году морскую поездку на Новую Землю губернатор А. П. Энгельгардт. См.: Краткий очерк путешествий архангельского губернатора А. П. Энгельградта в 1894 году на Мурман, Новую землю и в Печорский край. Архангельск, 1894.

[3] Товарищество было создано в 1875 году.

[4] Посещение Преосвященнейшим Никанором… С. 332.

[5] Церкви, возведенные здесь в 1870–80-е годы на средства рыбопромышленников и благотворителей, входили в состав 1-го Кольского благочиния Архангельской епархии.

[6] До начала «официальной» колонизации Мурманского берега на нем отсутствовало постоянное население. С конца 1860-х годов в местах старых становищ возникали колонии, которые весной и летом превращались в многолюдные поселения благодаря пришлым рыбакам. См. подробнее: Орехова Е. А. Колонизация Мурманского берега во второй половине XIX – первой трети XX в.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2009.

[7] Еще две всенощные были совершены на пароходе «Ломоносов», в пароходном зале 1-го класса. См.: Посещение Преосвященнейшим Никанором… С. 332.

дами в Печенгском монастыре в 1590 году, он отслужил панихиду с поименным поминовением всех страдальцев. Прибытие правящего архиерея становилось важным событием местной жизни [1], и в приходских храмах собиралось множество молящихся, «бывали и лопари» [2]. Владыка произносил вдохновенные проповеди, а после церковной службы знакомился с бытовыми условиями жизни священников и причетников.

Далее остановимся подробнее на визитах архипастыря в Гавриловку, Рынду и Териберку – первые русские колонии, созданные на Мурманском берегу во второй половине XIX века.

В Гавриловке насчитывалось 12 домов колонистов, и в сезон собиралось до 900 промысловиков, приходивших преимущественно из Сумского и Сороцкого приходов Кемского уезда [3]. Епископ Никанор совершал богослужение в приходской церкви во имя святителя Николая Чудотворца, построенной при колонии в 1888 году на средства благотворителя Федора Николаевича Паского. Ее скромный иконостас имел один ярус с шестью иконами – Спасителя, Божией Матери, храмовой святителя Николая Чудотворца, благоверного князя Александра Невского, архидиакона Стефана и преподобного Трифона Печенгского. Небольшие колокола, висевшие над церковным крыльцом, перенесли из стоявшей на каменистом берегу при въезде в становище и более богато украшенной Успенской часовни (в ней, например, пребывали иконы, обложенные серебряными и позолоченными ризами [4]). В начале 1893 года при гавриловском храме был учрежден самостоятельный причт, для которого возвели добротный дом [5]. До открытия

---

1 «Пребывая в то или другое рыбацкое становище, Преосвященный посылал сначала свою свиту, а потом являлся сам, сопровождаемый местными властями и некоторыми почтенными своими спутниками. В местном храме служилась, смотря по времени, вечерня, или утреня, или литургия». См.: Ильинский П., священник. Посещение Преосвященным Никанором… С. 319–324.

2 В Гавриловке один «лопарь» пожертвовал в приходскую церковь оленя.

3 П. И-ий. Из дневника миссионера. Наблюдения и заметки во время поездки на Мурманский берег летом 1889 года // Архангельские епархиальные ведомости. 1890. № 11. С. 185.

4 При этом епархиальный миссионер отмечал, что «ризы на иконах от действия морского воздуха чернеют, их необходимо часто чистить». См.: П. И-ий. Из дневника миссионера… С. 183.

5 За его возведением наблюдал церковный староста Иван Григорьевич Демидов, чей сын – Василий Иванович – в церкви исполнял обязанности псаломщика. См.: Ильинский П., священник. Посещение Преосвященным Никанором… С. 319.

прихода, как сообщал Павел Ильинский, «промышленники по праздничным дням сами собирались в церковь и читали утреню и часы» [1]. На Светлой седмице в Гавриловку приезжали служить клирики из ближайшего Териберского прихода [2].

По штатному расписанию причт Гавриловского прихода включал двоих человек: настоятеля и псаломщика. Священническое место, однако, было праздным [3], а обязанности псаломщика «безмездно» исполнял мещанин Сумского прихода Василий Демидов, получивший за свои труды от епископа Никанора благословение «с выдачей грамоты» [4].

Всенощное бдение накануне архиерейской службы в приходском храме совершал епархиальный миссионер Павел Ильинский, находившийся в свите епископа Никанора: из-за плохой погоды и отлива (с парохода нужно было идти пешком, «пробираясь между судов по мокрому дну залива») владыка «пожелал слушать всенощную на пароходе», за которой присутствовали все служащие парохода, его пассажиры и пожелавшие присоединиться к молитве местные промысловики.

В Рынде, куда далее направился епископ Никанор, стоял храм в честь Преображения Господня, освященный в 1879 году и приписанный к Ловозерскому приходу. Небольшая церковь, как отмечал епархиальный миссионер, нуждалась в средствах (не хватало икон и крыша уже требовала ремонт): «Как колонисты, так и промышленники придерживаются раскола и церковь посещают мало, чаще посещают часовню, куда жертвуют деревянное масло и рыбу» [5]. В Рынде архиепископ Никанор отслужил в Преображенской церкви молебен и посетил квартиру молодого священника Иоанна Костылева, командированного из «лопарского» Нотозерского прихода и временно жившего в доме одного из колонистов [6].

---

1 П. И-ий. Из дневника миссионера… С. 183.

2 «Входящие» священники и епархиальные миссионеры останавливались в местной больнице Красного Креста.

3 В конце 1893 года в штат будет определен священник Иоанн Алексеевич Зуев. См.: Епархиальные известия//Архангельские епархиальные ведомости. 1894. № 1. С. 20.

4 Епархиальные известия//Архангельские епархиальные ведомости. 1893. № 22. С. 472.

5 П. И-ий. Из дневника миссионера… С. 180.

6 Ильинский П., священник. Посещение Преосвященным Никанором… С. 320. В Рынде самостоятельный приход будет открыт в 1917 году.

В многолюдной Териберке – следующем пункте архиерейского маршрута – постоянно проживало до 22 семей колонистов, а промысловиков в сезон насчитывалось до 800 человек (приходили, в основном, из Колежемского прихода Кемского уезда). «Маленьким приморским городком» назвал Териберку Николай Козмин, преподаватель Архангельского духовного училища, побывавший здесь в 1901 году [1]. Териберский приход, образованный в 1885 году, имел два храма [2]. Зимой богослужения совершались в небольшой «малопоместительной» церкви, освященной в 1875 году в честь пророка Илии, а летом – в храме Грузинской иконы Божией Матери, возведенном в 1886 году трудами торгующего крестьянина Колежемского прихода Кемского уезда Ивана Васильевича Кочина, который до открытия прихода «в течение 15 лет руководил на правах церковного старосты религиозной жизнью в становище» [3].

Богородичная церковь была «снаружи и внутри благолепно украшена на средства местных колонистов и рыбопромышленников» [4]. В ней установили красивый двухъярусный иконостас с резными царскими вратами, «с вызолоченными колоннами и карнизами». Храмовая икона Пресвятой Богородицы, написанная на железном листе в 1754 году в мастерской Соловецкого монастыря при архимандрите Геннадии, почиталась чудотворной («ее носят в дома для служения молебнов»). Первоначально чтимый образ «хорошего письма (живописный), под серебряной ризою» пребывал в монастырской часовне на острове Кильдин. В предании о чуде, явленном этой иконой, рассказывалось об иноземце, наказанном за святотатство: «Шведы или норвежцы после отъезда рыбопромышленников из того становища (на острове Кильдине) приехали, разрушили и сожгли часовню, а один из них, в насмешку над русским образом, взял топор (по другой версии – меч) и хотел перерубить икону, но не успел

---

1 Козмин Н. Обозрение преосвященным Иоанникием, епископом Архангельским и Холмогорским, церквей, расположенных по Мурманскому берегу, и посещение Трифоно-Печенгского монастыря (13–24 июля 1901 года) // Архангельские епархиальные ведомости. 1901. № 16. С. 420.

2 Ильинский П., священник. Посещение Преосвященным Никанором… С. 321.

3 А. Т. Из с. Колежмы, Кемского уезда (некролог) // Архангельские епархиальные ведомости. 1910. № 16. С. 552.

4 Б. С. Ш. Освящение престолов в Богородицкой-Грузинской и Ильинской церквах Териберского прихода // Архангельские епархиальные ведомости. 1903. № 15. С. 545.

в этом, хотя покушался не один раз (на образе в разрезе видны следы этого), мог только прорубить железный лист четверти на полторы и то мимо ликов Богоматери и Богомладенца, и за такое кощунственное дело ослеп. Отвалившаяся часть впоследствии была грубо приделана к иконе куском дверной петли. Как получен образ сей в Териберку, – неизвестно. Многие жители из окрестных селений, преимущественно из г. Колы, дают обеты служить молебны пред образом, почитая его чудотворным» [1].

Териберский приход возглавлял молодой иерей Алексий Владимирович Шилов, уроженец Мезенского уезда, рукоположенный во священника в 1888 году, сразу после успешного окончания полного курса Архангельской духовной семинарии [2]. С этого момента он также исполнял обязанности благочинного 1-го Кольского округа.

Епископа Никанора, прибывшего на берег в шлюпке, торжественно встречали колокольным звоном. Многие из собравшихся впервые слушали «невиданную еще здесь» архиерейскую службу [3]. «При полном освящении церкви, стройном пении хотя и небольшого хора» владыке сослужили священники Павел Ильинский и Алексий Шилов. Им помогали два воспитанника Архангельской духовной семинарии, гостившие на каникулах у териберского настоятеля. После богослужения архиерей «запросто беседовал со священником и его супругою о житье-бытье на Мурмане» за чашкой чая в их доме [4]. Затем он внимательно осмотрел Ильинскую церковь, проверил приходские документы и вернулся на пароход.

В 1894 году, во время второго путешествия на Кольский Север, состоявшегося 6–17 июля на пароходе «Чижов», епископ Никанор продолжил свое знакомство с удаленными приходами северного края. На этот раз после краткого визита в Соловецкий монастырь он сна-

[1] Б. С. Ш. Освящение престолов в Богородицкой-Грузинской и Ильинской церквах Териберского прихода // Архангельские епархиальные ведомости. 1903. № 15. С. 545.

[2] НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 3–4.

[3] Ильинский П., священник. Посещение Преосвященным Никанором… С. 322.

[4] Современники владыки отмечали его «редкую доброту, замечательное трудолюбие, доступность для лиц всякого звания и общественного положения, всегдашнюю готовность оказать нуждающемуся посильную помощь». См.: Прощание Преосвященнейшего Никанора, бывшего епископа Архангельского и Холмогорского, ныне Смоленского и Дорогобужского, с архангельскою паствою // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. № 5. С. 127.

чала побывал в селении Сорока Кемского уезда [1], где при участии соловецкого архимандрита Варлаама 10 июля 1894 года освятил новую церковь в честь Живоначальной Троицы и провел «пространную беседу о крайностях заблуждений и мнений раскольников», а затем посетил уездный город Кемь [2]. Далее архиерейский маршрут включал поморские села Кереть, Ковда, Княжая губа, Кандалакша, Умба, Кашкаранцы и Кузомень. Сельские приходы, расположенные на Терском берегу, архангельские архипастыри не осматривали в течение последних сорока лет.

В Керетском приходе епископ Никанор «составил подписку на открытие школьного дома» [3] (прежняя церковно-приходская школа, созданная в 1887 году, была закрыта в 1891 году из-за финансовых трудностей [4]) и указал место для его постройки рядом с церковью. Кроме того, назначил вспомогательное пособие (100 рублей) от Архангельского епархиального совета. В Ковде владыку встречал священник Евлогий Шангин, служивший здесь с 1886 года (его перевели из Верхоледского прихода Шенкурского уезда). Настоятель был хорошо образован – он окончил Архангельскую духовную семинарию с аттестатом 1-го разряда – и любил произносить в храме проповеди собственного сочинения [5]. В Княжей губе, относившейся к Кандалакшскому приходу, епископ Никанор заложил деревянную церковь по ходатайству жителей этой деревни [6]. Часовня, построенная здесь в 1859 году во имя великомученика Георгия, находилась в 30 верстах от приходского храма. Крестьяне жаловались,

---

[1] С. У. Освящение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Никанором, епископом Архангельским и Холмогорским храма в Сорокском приходе, Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1894. № 16. С. 409–411.

[2] После литургии в квартире управляющего заводом Н. П. Беляева – строителя храма – был устроен «весьма приличный обед». См.: О путешествии Преосвященного Никанора… С. 363.

[3] По подписному листу было собрано 232 рубля 60 копеек, включая 10 рублей, пожертвованных владыкой. См.: N. Керетская церковно-приходская школа Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 9. С. 294.

[4] НАРК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 8 об. – 9; Керетский приход Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1909. № 23–24. С. 766.

[5] НАРК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 93 об. – 94.

[6] По данным за 1884 год, в деревне проживали 67 мужчин и 62 женщины. См.: НАРК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 2.

что «весною и осенью не бывает сообщений по месяцу и по два за распутою» [1].

Особенно запомнился приезд епископа Никанора в Кузоменском приходе, где 16 июля 1894 года он совершил утреню и литургию «как на Пасху»: архиерейское богослужение продолжалось с часу ночи до четырех часов утра [2]. Прихожане «встретили Преосвященного за 2–3 версты и также проводили его с церковным пением и даже коленопреклонным молением» [3]. Кузомень украшали два храма: великомученика Димитрия Солунского с приделами Всемилостивого Спаса и благоверного князя Александра Невского, построенный в 1887 году в память мученической кончины Александра II, и Сретения Господня (1863 год). Рядом с ними стояла упраздненная из-за ветхости старинная церковь в честь великомученика Димитрия Солунского. Настоятелем Кузоменского прихода был Алексий Синцов, переведенный из Кандалакши в 1880 году [4]. Он «весьма часто говорил поучения» для прихожан и преподавал Закон Божий в Кузоменском училище Министерства народного просвещения [5].

Путешествия на Кольский Север оставили у владыки много ярких впечатлений. В его прощальной речи, сказанной для архангельской паствы перед отъездом в Смоленскую епархию, звучали проникновенные слова: «Никогда не забыть мне некоторых моментов, бывших на пути моего трехлетнего странствования по здешним окраинам. Вот, например, мы быстро совершаем путь по широкому и глубокому лону вод Ледовитого океана. Киты великие и малые плещутся в просторе безграничных вод. Сверху лазурный свод равномерно покрывает все. И в средоточии сего небесного и водного круга на нашем корабле совершается всенощное пение. Невольно слезы умиления льются из очей многих мореплавателей, никогда еще не видавших

---

1 НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 4 об.

2 Владыке сослужили благочинный и священники И. Окулов, А. Синцов, Н. Дьячков и А. Богословский. См.: Епархиальная хроника // Архангельские епархиальные ведомости. 1894. № 14. С. 369.

3 О путешествии Преосвященного Никанора… С. 364.

4 НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 39 об. – 40.

5 НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 8 об. – 9.

и не слыхавших такой чудной хвалебной гармонии Творцу небес и бездн морских, со всеми обитателями их» [1].

Таким образом, епископ Никанор в свое непродолжительное управление Архангельской епархией успел побывать в труднодоступных приходах Кольского Севера. Как выразился его современник, «заглянул в самые дальние уголки заливов Белого моря и вместе с тем проехал по всему морю от востока до запада и от севера до юга, претерпев не одну морскую качку» [2]. Поездки владыки в Русскую Лапландию и Беломорскую Карелию имели большое значение для их населения: прихожане сельских церквей на Мурманском и Терском берегах получили возможность впервые побывать на торжественном архиерейском богослужении, послушать проповеди своего архипастыря и получить его благословение. Преемники епископа Никанора продолжили установившуюся при нем традицию посещать Кольский Север, включая приходы на Восточном Мурмане.

Литература

А. Т. Из с. Колежмы, Кемского уезда (некролог)//Архангельские епархиальные ведомости. 1910. № 16. С 550–553.

Ал. Ш-в. Первое издание в Архангельске Св. Евангелия на лопарском языке//Архангельские епархиальные ведомости. 1894. № 17. С. 459–461.

Б. С. Ш. Освящение престолов в Богородицкой-Грузинской и Ильинской церквах Териберского прихода//Архангельские епархиальные ведомости. 1903. № 15. С. 544–547.

Дмитриевский А. А. Незабвенной памяти архиепископа Казанского Никанора (Каменского)//Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1911. Т. 22. Вып. 1. С. 126–139.

Ильинский П., священник. Посещение Преосвященным Никанором, епископом Архангельским и Холмогорским становищ восточной стороны Мурманского берега//Архангельские епархиальные ведомости. 1893. № 15. С. 319–324.

Керетский приход Кемского уезда//Архангельские епархиальные ведомости. 1909. № 23–24. С. 763–772.

Козмин Н. Обозрение преосвященным Иоанникием, епископом Архангельским и Холмогорским, церквей, расположенных по Мурманскому

[1] Прощание Преосвященнейшего Никанора… С. 143.

[2] О путешествии Преосвященного Никанора… С. 364–365.

берегу, и посещение Трифоно-Печенгского монастыря (13–24 июля 1901 года)//Архангельские епархиальные ведомости. 1901. № 16. С. 412 –425.

Краткий очерк путешествий архангельского губернатора А. П. Энгельгрядта в 1894 году на Мурман, Новую землю и в Печорский край. Архангельск, 1894.

О путешествии Преосвященного Никанора, епископа Архангельского и Холмогорского по Белому морю//Архангельские епархиальные ведомости. 1894. № 14. С. 363–365.

Орехова Е. А. Колонизация Мурманского берега во второй половине XIX – первой трети XX в.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2009.

П. И-ий. Из дневника миссионера. Наблюдения и заметки во время поездки на Мурманский берег летом 1889 года//Архангельские епархиальные ведомости. 1890. № 11. С. 178–193.

Посещение Преосвященнейшим Никанором, Епископом Архангельским и Холмогорским, Мурманского берега Ледовитого океана в 1893 году//Архангельские епархиальные ведомости. 1893. № 15. С. 331–333.

Прощание Преосвященнейшего Никанора, бывшего епископа Архангельского и Холмогорского, ныне Смоленского и Дорогобужского, с архангельскою паствою//Архангельские епархиальные ведомости. 1896. № 5. С. 127–159.

С. У. Освящение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Никанором, епископом Архангельским и Холмогорским храма в Сорокском приходе, Кемского уезда//Архангельские епархиальные ведомости. 1894. № 16. С. 409–411.

N. Керетская церковно-приходская школа Кемского уезда//Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 9. С. 290–296.

БАРДИЛЕВА
Юлия Петровна

кандидат исторических наук,
доцент, заведующий кафедрой
истории и права ФГАОУ
«Мурманский арктический
университет»

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В 1923 – 1942 гг.: ЦЕНТР И РЕГИОН

Расцвет (или разгул?) антирелигиозной пропаганды в нашей стране пришелся на период 1920-х – 1930-х гг., когда данная деятельность стала приобретать организационные формы в рамках Союза Воинствующих Безбожников (СВБ). Планируемая безбожная пятилетка, завершение которой намечалось на 1938 г., должна была привести к полному искоренению религии в советском обществе. Для достижения этой цели и центральные, и местные структуры СВБ активно приступили к разработке методических рекомендаций, программ мероприятий по активизации безбожных ячеек в деле антирелигиозной пропаганды и атеистического воспитания.

Союз безбожников был образован в 1925 г. на I съезде Общества друзей газеты «Безбожник». Газета издавалась с 1923 г. и создала сеть ячеек друзей газеты «Безбожник». Целью газеты и созданного общества являлось проведение антирелигиозной пропаганды среди широких слоев населения. На II съезде в 1929 г. Союз безбожников стал именоваться «Союзом воинствующих безбожников СССР». Высшим органом Союза являлся Всесоюзный съезд, между съездами – пленумы

Центрального совета, избиравшие Исполнительное бюро. Во главе Исполнительного бюро стоял рабочий президиум. В аппарате Исполнительного бюро находились отделы: организационный, агитационно-методический, а также издательства.

Во всех республиках СССР создавались республиканские секции, которые возглавляли работу губернских, областных, окружных, уездных, районных советов Союза. На промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, учреждениях создавались первичные организации – ячейки. В 1940 г. было создано 96 тыс. ячеек, объединявших 3 млн. человек.

При участии Союза происходило массовое движение за закрытие церквей, выход из религиозных общин, организовывались антирелигиозные лекции, доклады, диспуты. В целях антирелигиозной пропаганды использовались кино, театры, радио. Были созданы антирелигиозные музеи, самым значительным являлся Центральный антирелигиозный музей в Москве.

В 1941 г., в начале Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., Союз воинствующих безбожников СССР прекратил существование [1].

На Кольском Севере большинство партийных и комсомольских организаций хотя и достаточно быстро откликнулись на инициативу центра по проведению антирелигиозных кампаний, но особой активности на первых порах не проявляли. В 1921 г. лишь несколько заметок антирелигиозного толка появились на страницах местной печати Кольского Севера. В них содержалась критика деятельности Церкви и верующих, осуждение прихожан за материальную поддержку своих священников, призыв провести праздник 1 мая под антирелигиозными лозунгами для духовного раскрепощения трудящихся (он совпал с Пасхой). Местный агитатор Д. Яворский утверждал, что религия «… доживает свои последние дни и только тогда мир вздохнет облегченно, когда он совершенно отделается от темноты и религиозных верований» [2].

В 1922 г. были сформулированы основные задачи мурманских пар-

---

[1] Центральный Совет Союза воинствующих безбожников СССР. 1925–1941 // Путеводитель. Т. 3. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории СССР. М., 1997. С. 607 // Путеводитель по фондам ГА РФ / Государственный архив Российской Федерации. Официальный сайт // URL: https://statearchive.ru/748 (дата обращения: 17.10.2022).

[2] Полярная правда. 1921. 9 апреля. С. 2; 1 мая. С. 2; 25 июня. С. 2.

тийных организаций в деле антирелигиозной пропаганды. В них отмечалось, что «… в настоящее время, в особенности у нас на Мурмане, члены партии обнаруживают полное равнодушие, а в худшем случае и некоторое послабление по отношению к религии и религиозным организациям». В то же время подчеркивалось, что все население побережья поголовно религиозно, а авторитет Церкви и священников стоит весьма высоко, так, что они буквально руководят населением. В результате были приняты следующие решения: «… как можно скорее приступайте к деятельной антирелигиозной пропаганде…, если духовенство или община верующих начинает уклоняться… в сторону контрреволюции, немедленно возбуждайте против них законное преследование» [1].

В марте 1923 г. был создан антирелигиозный кружок при агитотделе Мурманского губкома. Каждое воскресенье он проводил занятия в Доме Просвещения. Первые лекции были посвящены разоблачениям религиозных праздников, вопросам происхождения религии, здесь же подготавливались карикатуры антирелигиозного толка [2].

Исходным пунктом для систематической антирелигиозной пропаганды должна была послужить «комсомольская пасха». В отчете об осуществлении данного мероприятия в мае 1923 г. сообщалось, что данная акция успешно прошла в Коле и Мурманске, а в Александровске – нет, так как, по мнению антирелигиозников, «обывательское и лицемерное» население своей психологией подорвало данную кампанию. В том же Александровске не удалось «как следует» провести на следующий год и кампанию «комсомольского рождества». И дело здесь, наверное, не только в нехватке антирелигиозной литературы, но и в сохранении традиций и веры не только среди русского православного населения, но и среди финнов-лютеран. Так, в Тюва-Губе финны запирали дома детей, чтобы те не шли на антирелигиозные собрания [3].

В целом планы антирелигиозного кружка Мурманска поражают своей детализацией и подробностью. Мероприятия расписаны буквально по дням. Так, в апреле 1923 г. предполагалось провести работу по изучению баптистов, поместить в газете антирелигиозные статьи,

---

1 Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф.П-3. Оп. 1. Д. 74. Лл. 42, 42 в.

2 ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 121. Лл. 82 а, 83, 88, 89.

3 ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Лл. 2 а–2 д, 12, 51; ГАМО. Ф. П-466. Оп. 1. Д. 121. Л. 29.

подготовить работу волостных антирелигиозных конференций. В мае предусматривались лекции и фильмы, разоблачающие религию, подбор литературы для атеистической библиотеки, в июне и июле – устройство диспута между православными священниками и баптистским духовенством. Причем диспут предполагалось вызвать газетной кампанией, но, в крайнем случае, допускалось и прямое давление на священнослужителей. Интересно, что в то же время, предполагалось проведение политсуда над комсомольцами, осквернившими христианские праздники. Из дополнительных кампаний на местах предложили провести «комсомольское вознесение» и «комсомольскую троицу». Правда, газеты в 1922–1923 гг. не очень активно включились в работу по распространению антирелигиозных взглядов. Буквально несколько статей было посвящено агитации за обновленческую Церковь, борьбе с голодом, соотнесению дат юлианского и григорианского стилей при определении выходных дней с учетом праздников верующих и подготовке к комсомольскому рождеству в начале 1924 г. [1]

Секретарь Мурманского губкома РЛКСМ Финкельштейн и заведующий агитотделом Мурманского губкома РЛКСМ Зильберман подчеркивали, что «Комсомольская пасха в отличие от предыдущих празднований должна охватить максимум взрослого населения рыбаков и оленеводов». Однако, как ни ратовали за проведение антирелигиозных кампаний, население далеко не охотно на них откликалось. В Тетринском волисполкоме комсомольская ячейка отмечала, что «комсомольское рождество» здесь не проводилось, так как «… у рыбацкого населения засел глубокий корень религии, который необходимо вырвать… не насмешками, а научными доказательствами…» [2].

В отчете Мурманской губернской организации РКСМ «О Комсомольском рождестве на Мурмане» (6 февраля 1924 г.) отмечалось, что в первых числах декабря 1923 г. на заседании агитколлегии губкома РКП(б) был поставлен вопрос о подготовке к рождеству. При этом отмечалось, что была создана специальная комиссия по проведению «комсомольских святок», хотя сама идея этого мероприятия была

---

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 615. Лл. 3–5, 24; Полярная правда. 1922. 20 июля. С. 2; 5 октября. С. 6; Полярная правда. 1923. 4 августа. С. 4; 11 августа. С. 1–2; 15 декабря. С. 3.

[2] ГАМО. Ф. П-466. Оп. 1. Д. 239. Лл. 1, 2.

почти никому неизвестна: «Комиссия думала ограничиться проведением лекции антирелигиозного содержания и устройством семейного вечера, … надеясь все уладить в последнюю неделю». Ситуация для местных антирелигиозников улучшилась лишь после приезда командированного Северо-Западным Бюро ЦК РКП (б) тов. Степанова, который провел в Мурманске в конце декабря 1923 г. четыре антирелигиозные лекции. В Мурманске окончательные приготовления к проведению «комсомольского рождества» закончились лишь в десять часов вечера 5 января 1924 г. При этом мурманская организация РКСМ не усвоила советов БЮРО ЦК РКСМ: 6 января в театре провели лекции и спектакли по антирелигиозной тематике, а вот потом: «… с шумом вылетает на улицу толпа комсомольцев с факелами. Впереди человек одетый в белое. За ним на санках тащат истукана. С истуканом картины и карикатуры «Селянская Богородица» бросается в глаза. <…> Истукан намалеван наподобие Бога. Немного сзади окруженный тесным кольцом комсомольцев идет человек в красном. Впереди поют «Рождество Твое, Христе Боже наш». Сзади тихо напевают революционные песни… Революционные песни поются все явственнее и громче… Сжигают Бога. Задорный смех несется со всех сторон. Облитый керосином «Бог» горит ярко. <…> Слова Красного: “Наше Рождество – это день научного понимания мифологии. День разрыва вековых традиций… Сжигая Бога, мы рвем религиозные вериги…” <…> Карнавал создал эффект. Если мало было точного-научного, то это не значит, что было шаблонным и похабным» [1]. Забыли о запрете на карнавалы и шествия с факелами и при проведении антирождественских мероприятий в Кандалакше: после спектакля и лекций устроили «факельцук» (шествие с факелами и «хоругвями» – портреты Ленина и Либкнехта, карикатурами царя, попа, кулака, с пением песен на церковные мотивы и трезвоном сковород). В Александровске провели детскую елку, шесть маскарадов. Эти мероприятия ошеломили жителей Кольского Севера – по Мурманску в отчете указывалось, что после сжигания «Бога» публика «… точно ошарашенная стоит не шелохнется» [2].

---

[1] Центральный государственный архив историко-политических документов, г. Санкт-Петербург (ЦГАИПД СПб). Ф. К-599. Оп. 1. Д. 108. Л. 3.

[2] ЦГАИПД СПб. Ф. К-599. Оп. 1. Д. 108. Л. 3.

В 1924 гг. в местной печати появляются призывы читать и покупать атеистическую литературу, посещать антирелигиозные лекции. В периодической печати появляются разоблачительные статьи против священников. В частности сообщалось, что священник из Умбы занимается вымогательством продуктов у своих прихожан, а священник Попов и дьяк из Варзуги заставляют односельчан работать на себя, что в Ловозеро священник долго маскировался под «пролетария» в местном кооперативе, но был разоблачен и изгнан из него и так далее [1].

В отчете о работе Мурманского губкома РКСМ с 1 декабря 1923 г. по 1 марта 1924 г. сообщалось, что влияние Церкви как в городе, так и в деревне на молодежь в регионе не распространяется. Позднее, отчитываясь о проведении антипасхальных мероприятий 7–9 апреля, представители Мурманского губкома РКСМ отмечали успех лекций и театральных постановок на антирелигиозные темы. Однако, судя по отчету, мероприятия успешно прошли лишь в Кандалакше, Мурманске и Александровске. Причем в Александровске вновь не смогли удержаться от карикатур на религию – провели «заутреннюю» с помещением «богов» в гроб [2].

Лишь к 1925 г. ситуация в деле антирелигиозной пропаганды в Мурманской губернии стала меняться. В статье В. Серебряного «Как проводить пасхальную антирелигиозную кампанию в нынешнем году» отмечалось, что бессодержательные «… насмешки над религией, резкие выпады, крикливая анти-поповщина – все это нужно оставить» [3].

Приветствовался переход к новому советскому быту. В газетах 1924–1925 гг. отмечали проведение «красных свадеб», «красных октябрин», ратуя за отказ от церковного венчания и таинства крещения, срыв проведения религиозных праздников и т. п. [4]

Однако темпы и результаты антирелигиозной работы в Мурманской губернии не очень-то радовали ее руководителей. В протоколе

---

[1] Религия и коммунизм, или поп в кооперативе//Полярная правда. 1924. 7 мая. С. 2; Поповские трудники // Полярная правда. 1924. 25 июня. С. 2; Поп – вымогатель// Полярная правда. 1924. 23 апреля. С. 4.

[2] ЦГАИПД СПб. Ф. К-599. Оп. 1. Д. 108. Лл. 7, 14–15.

[3] Полярная правда. 1925. 9 апреля. С. 1.

[4] Напр.: Попов К. Новый быт//Полярная правда. 1924. 2 сентября. С. 2; Военкор Чидсон. Красные Октябрины//Полярная правда. 1924. 9 октября. С. 4; Хороший почин (красные свадьбы)//Полярная правда. 1925. 2 апреля. С. 3.

№ 8 заседания агитколлегии Мурманского губкома РКП (б) отмечалось, что работу надо признать находящейся в зачаточном состоянии. Предлагалось стремиться к углублению содержания работы в уже существующих ячейках, а ввиду отсутствия пропагандистских сил сосредоточить внимание на проведении массовых антирелигиозных кампаний [1].

14 октября 1925 г. союз друзей газеты «Безбожник», существовавший с 1923 г. в Мурманской губернии, был переименован в «Союз Безбожников» [2].

30 ноября 1925 г. открылась первая Мурманская городская конференция членов Союза Безбожников СССР (СБ). В статье Глазова отмечалось, что главная задача этой конференции – «… наметить правильные пути к объединению всех безбожных сил Мурманской губернии и дать правильную линию ведения антирелигиозной пропаганды в городе и деревне». Конференция должна была рассеять сомнения в том, что в Мурманске и так все безбожники, что нет здесь почвы для антирелигиозной работы. Подчеркивалось, что методы насмешек над религией отжили свое время, что пора переходить к «… серьезной деловой пропаганде… на естественно научной базе...» [3].

В рамках данной конференции было решено установить тесные взаимоотношения с партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями и Центральным и Областными Советами «Союза Безбожников СССР, укрепить ячейки на местах, выделив в них специальные секции (художественно-пропагандистскую, научно-методическую, рабкоровскую), наладить плановость в работе, организовать новые ячейки и антирелигиозные кружки в волостях и становищах, устраивать платные постановки и вечера антирелигиозной направленности (для укрепления материальной базы местного «Союза Безбожников»), привлекать к антирелигиозной работе передовую часть рабочих, молодежи, партийные, комсомольские и пионерские организации и т. п. В состав нового губернского совета Союза безбожников вошли: Пикин, Глазов (Совпартшкола), Гудков (клуб железной до-

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2477. Л. 7.

2 Там же. Л. 51.

3 Глазов. Безбожники, организуйтесь! // Полярная правда. 1925. 1 декабря. С. 2.

роги), Емельянов, Гашев (Местран), Степанова, Петровский (железная дорога). Кандидатами на вступление в его ряды были Бахирев (таможня) и Шабанов (тяга) [1].

11 декабря 1925 г. в Мурманск прибыл известный ленинградский лектор-антирелигиозник (упомянуто только его имя – Анатолий), который с 12 по 16 декабря должен был провести в клубе им. Володарского пять лекций [2].

Вообще, появление новой антирелигиозной структуры в регионе планомерно готовилось: на протяжении всего 1925 г. газеты активно публиковали критические заметки, направленные против религии и Церкви – письма священников, снявших сан, призывы отправить старых богов на гильотину, не очень хорошего качества – и по содержанию, и по форме – антицерковные стихи (другие пропагандисты позднее подвергли их разгрому) [3].

По территориям Кольского Севера, принадлежавшим в административно-территориальном отношении к КАССР в 1920-е гг., известна лишь незначительная информация о развертывании антирелигиозной деятельности. Так, например, в газете «Красная Карелия» сообщалось, что в октябре 1929 г. местком Кандалакша командировал в Княжую губу кондукторов Кандалакшского резерва Сенякина и Егорова для проведения докладов о третьем займе индустриализации и дне коллективизации, параллельно с этими выступлениями предполагая провести и антирелигиозные мероприятия. Сенякин, как председатель ячейки Союза Безбожников (по-видимому, в Кандалакше), провел антирелигиозную беседу, после которой часть княжегубцев высказалась за создание безбожной организации в своем селе и о закрытии местной церкви. Верующих тут же попросили успокоиться: «… Кандалакшские транспортники рабочие приехали не закрывать церковь… Они приехали разъяснить, что религия есть дурман, яд для народа, и когда это поймет большинство княжегубцев, то они сами убедятся, что им церковь не нужна и закроют

---

[1] Что решила конференция «Безбожников» // Полярная правда. 1925. 8 декабря.

[2] Полярная правда. 1925. 12 декабря. С. 4.

[3] Полярная правда. 1925. 8, 10, 13, 17, 29 января, 3, 5, 10, 18 февраля, 14 июля, 24 ноября, 15, 29 декабря.

ее сами». В будущую княжегубскую ячейку безбожников записалось 30 человек, которые решили в ближайшие религиозные праздники провести диспут с местным священником [1].

Хотя и была развернута широкая антирелигиозная пропаганда на Кольском Севере во второй половине 1920-х гг., сами безбожники края не были довольны ее качеством. Созданный в 1925 г. Союз безбожников в г. Мурманске курировал деятельность всех безбожников губернии, а затем и Мурманского округа. Однако даже на окружную конференцию, проходившую в 1929 г., из 500 городских и 300 деревенских безбожников прибыло лишь 25 человек. Уже в мае 1929 г. появилась статья «На антирелигиозном фронте», в которой подробнейшим образом обговаривались недочеты безбожников края: «Работники бюро ячеек союза безбожников совершенно не чувствуют себя ответственными за порученную им работу, кое-как проводя антирелигиозную пропаганду исключительно от случая к случаю – от пасхи до рождества. Существуют уголки безбожников, но никакой действенной работы в них не ведется… Клубы также не ведут систематической работы в этой отрасли…» [2]. Активизация этой деятельности придется лишь на вторую половину тридцатых годов и будет напрямую связана с кампаниями по окончательной ликвидации храмов и с арестами священнослужителей в Мурманской области.

На Кольском Севере антирелигиозные кампании достаточно отчетливо стали проявлять себя именно в тридцатые годы. В региональной печати достаточно отчетливо прослеживаются три основных направления этой деятельности: пропагандистское, связанное с публикацией статей об истории религии, происхождении религиозных праздников, проблемам взаимоотношений науки и религии; поиск новых методов и форм проведения антирелигиозных кампаний, борьба с недостатками в деятельности местных ячеек СВБ; резкая критика местного духовенства, обличительные статьи в его адрес, заметки, направленные на борьбу за закрытие храмов.

В публикациях 1930 г. акцент по-прежнему делался на антирождественские и антипасхальные кампании, в рамках которых предлагалось

---

[1] Княжегубцы – безбожники//Красная Карелия. 1929. 15 октября. С. 2.

[2] Конференция союза безбожников//Полярная правда. 1929. 8 января. С. 4; Полярная правда. 1929. 14 мая. С. 4.

вести борьбу с прогулами, пьянством, бороться за коллективизацию рыбацких и оленеводческих хозяйств, преодолевать влияние священников на массы населения, не допускать срыва пятилетнего плана под влиянием «ласковых попов». В то же время критике подвергались и те, кто недооценивает значения проведения антирелигиозных кампаний – это «… правый уклон на практике, прямое пособничество интервентам и вредителям» [1].

Выявить и преодолеть недостатки в антирелигиозной работе было решено в рамках проведения штурмового безбожного месячника [2]. Результаты «налета» на клубы и библиотеки в ходе этого месячника показали, что ни один клуб не имел четких планов антирелигиозной работы, что вся атеистическая литература старого издания, что никто вообще не слышал об объявлении безбожного месячника. Лишь организация Союзкино оказалась на «высоте» – в кинотеатре «Маяк» Мурманска провели кино-лекцию «Контрреволюция под флагом религии» и антирелигиозную выставку, показали кинофильм «Сектанты» [3].

Активизация работы принесла свои плоды безбожникам – они собрали 5 тысяч рублей на подводную лодку «Воинствующий безбожник», стала работать ежедекадная радиогазета «Мурманский безбожник», появилось 60 новых безбожных ячеек, провели антирелигиозный семинар, начал действовать рабочий антирелигиозный радиоуниверситет и т. п. [4]

Однако успехи были недолгими. Уже в антирождественской кампании 1932 г. отмечалось, что к проведению мероприятий многие коллективы отнеслись формально: например, в Коле не велось никакой работы. Единственный клуб в Мурманске, который развернул антире-

---

[1] Никитин Н. Культуру – против религии//Полярная правда. 1930. 17 апреля. С. 2; Ни одного прогула в «пасхальные» дни!//Полярная правда. 1930. 19 апреля. С. 4; Религия – тормоз и враг социалистического строительства//Полярная правда. 1930. 30 декабря. С. 3.

[2] Безбожники отстают от общих темпов//Полярная правда. 1931. 9 января. С. 4; Познарев И., бригадир ЦСС СВБ. Антирелигиозный фронт – фронт классовой борьбы//Полярная правда. 1931. 20 октября. С. 3.

[3] Превратить клубы в опорные пункты массового безбожного движения//Полярная правда. 1931. 4 ноября. С. 3.

[4] Познарев И. Закрепить достижения штурмового месячника//Полярная правда. 1931. 3 декабря. С. 4.

лигиозную подготовку – клуб пищевиков (писали лозунги, организовывали агитбригаду) [1].

Более инициативными в 1930-е гг. были безбожники Кандалакшского района. Организатором ячейки здесь в июле 1929 г. был главный кондуктор пассажирских поездов, выше упоминавшийся С. М. Сенякин. В 1930 г. он прошел областные антирелигиозные курсы, провел несколько октябрин, антирелигиозных вечеров, организовал работу трех агитбригад на лесозаготовках, одну ударную поездную кондукторскую безбожную бригаду службы движения. Им было организовано 15 ячеек СВБ (600 человек), закрыта церковь в деревне Федосеевке. Но и здесь отмечались недостатки, такие, например, как: слабое руководство низовыми ячейками, слабая связь антирелигиозной работы с хозяйственными и политическими кампаниями.

В августе 1932 г. антирелигиозник Карельского СВБ Иванов посетил «далекий Мурман», выехав в становище Гавриловка, где находилось около 2 тысяч рыбаков Сорокского, Кемского и Кандалакшского районов. По дороге туда он остановился в Мурманске, где прочел две лекции – для войск ОГПУ и городского населения на темы «Тайны Соловецкого монастыря» и «Вскрытие мощей Елисея Сумского чудотворца».

В становище Гавриловка Иванов прочел пять лекций прямо под открытым небом, на улице. Примечательно, что одна из них проходила с 9 ч. вечера до 5 ч. утра. Главный безбожник Карелии В. Клишко, характеризуя деятельность Иванова, отмечал, что его лекции достигли успеха – рыбаки проголосовали за закрытие местной церкви и предложение священнику стать в трехдневный срок рабочим либо покинуть становище. Священник был вынужден уехать. Позднее Мурманский окружной исполком принял решение устроить в здании церкви больницу для рыбаков [2].

Однако даже в центральных печатных органах СВБ в начале 1930-х гг. отмечалось, что антирелигиозная пропаганда и работа на Мурмане практически не ведется, а там, где и осуществляются каки-

---

[1] Во всеоружии встретим поповско-кулацкое «рождество» // Полярная правда. 1931. 3 января. С. 3.

[2] Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-718. Оп. 1. Д. 10/139. Лл. 12, 14; Клишко В. Карельские «чудотворцы». Петрозаводск, 1932. С. 22–23.

е-либо мероприятия, имеются «перегибы» в деятельности. Например, Р. Липец указывала, что в Териберке на глазах у населения при ликвидации колокольни разгромили ее помещение, сбили колокол с церкви, переданной под клуб, а на закрытии двух церквей настаивали наперекор собранию граждан, угрожая закидать их камнями. Автор статьи предлагала отказаться от таких хулиганских методов работы и сосредоточиться на изучении природы религиозности у рыбаков и выявлении процесса ее отмирания в условиях нового быта, изучении социальных корней религии [1].

По периоду 1933 – начала 1937 гг. практически не встречается никаких упоминаний о деятельности безбожников на Кольском полуострове. Если обратиться к статье В. Николаева, напечатанной в «Полярной правде» в марте 1937 г., становится понятным, почему резко исчезли материалы о данной работе. Окружной Совет СВБ прекратил свое существование из-за отсутствия средств, а вслед за развалом руководящих структур организации стали распадаться и низовые ячейки безбожников. Автор сетует, что после 1935 г. фактически перестали проводиться антирелигиозные лекции, профсоюзные и комсомольские организации отошли в сторону от проведения антирелигиозной работы, что привело к активизации деятельности «церковников» в регионе. Он призывает в срочном порядке рассмотреть вопрос о восстановлении деятельности СВБ на Кольском полуострове и активизации его работы [2].

Буквально через месяц после появления данной статьи на Кольский Север для организации городского совета СВБ в Мурманск из Ленинграда приехал лектор Н. Бронницкий. Он прочел ряд лекций в Доме культуры, на предприятиях города, провел антирелигиозный семинар для педагогов. Выдержки из одной лекций, посвященной происхождению Пасхи, были опубликованы в газете. В статье «За воинствующее безбожие» автор отмечал, что в Мурманске не существует окружной организации СВБ, что в предыдущем году в период рождественских праздников все городские и партийные структуры забыли о проведении антирелигиозных мероприятий, и даже в 1937 г. ничего

---

[1] Липец Р. Промысловый культ рыбного Мурмана (материалы экспедиции ГАИС) // Антирелигиозник. 1931. № 12. С. 34.

[2] Николаев Вл. В Мурманске нет Союза Воинствующих Безбожников // Полярная правда. 1937. 17 марта. С. 4.

не делается для проведения антипасхальных мероприятий, а те лекции, которые и намечались, зачастую оказывались неподготовленными ни по содержанию, ни по организации привлечения населения к их посещению. Следом появилась статья Крупской Н., в которой отмечалось, что ведя антирелигиозную пропаганду, «… надо иметь в виду, конечно, не только православную религию, но и другие религии…», что лишний раз доказывает, что основные усилия антирелигиозников в стране по-прежнему были сосредоточены на борьбе с Русской Православной Церковью [1].

Статьи Н. Бронницкого, П. Заковского, Б. Мойжеса и других антирелигиозников активно публикуют в «Полярной правде» на протяжении всего 1937 г. Заголовки их всегда звучат либо как лозунги, либо как уничижительная оценка противника: «За антирелигиозное воспитание детей», «Выше качество антирелигиозной работы», «Бдительность на фронте борьбы с религией», «Мракобесы», «Церковники распоясались», «Шпионов, диверсантов и вредителей уничтожим до конца!» и т. п. [2]

Судя по использованию термина «фронт», бороться с религией в конце 1930-х гг. решили не на жизнь, а на смерть.

Для активизации работы безбожников края с 15 по 18 июня 1937 г. в Мурманске проводился организованный по инициативе Ленинградского областного СВБ антирелигиозный семинар, в рамках которого прошли обучение 30 человек. В Ленинградском областном совете СВБ, проведя выборочный анализ переписи населения 1937 г., пришли к выводу, что в г. Мурманск верующие составляют около 24 процентов от численности жителей окружного центра – это на 5 процентов выше показателей по Ленинграду [3]. И это при отсутствии в городе в течение тринадцати лет действующего храма!

В 1938 г. на редакцию «Полярной правды» фактически возложили проведение просветительской антирелигиозной работы с населением

---

[1] Антирелигиозный семинар для педагогов//Полярная правда. 1937. 9 апреля. С. 4; Бронницкий Н. За воинствующее безбожие//Полярная правда. 1937. 21 апреля. С. 3; Бронницкий Н. О церковных праздниках//Полярная правда. 1937. 27 апреля. С. 2; Крупская Н. Поднять антирелигиозную пропаганду// Полярная правда. 1937. 27 апреля. С. 2.

[2] Полярная правда. 1937. 8 мая. С. 3; 12 мая. С. 2; 17 мая. С. 3; 22 мая. С. 4; 27 сентября. С. 2–3; 22 ноября. С. 4.

[3] ЦГАИПД СПб. Ф.24. Оп. 8. Д. 437. Лл. 45–46, 76.

края. Здесь регулярно размещались статьи известных пропагандистов страны – А. Юрина, Ф. Олещука, Б. Кандидова, Л. Черкашиной [1].

Однако это слабо помогало проведению антирелигиозной работы на местах. Заведующий отделом агитации и пропаганды Окружного комитета ВКП(б) В. Сойфер объяснял отсутствие антирелигиозной работы в Полярном, Териберском и Саамском районах успокоенностью представителей власти тем фактом, что в регионе не так уж и много верующих, а, следовательно, проводить активную антирелигиозную агитацию не особенно и нужно. В Коле эта деятельность «… находится в загоне, с верующими по сути дела никто не работает» [2]. Инструктор Центрального Совета СВБ А. Дьяконов в очередной раз призывал местные силы безбожников активизировать работу при помощи профсоюзов, комсомольских организаций. Он сетовал, что окружная конференция безбожников, намеченная еще на ноябрь 1937 г., так и не состоялась, что городской совет СВБ по-прежнему бездействует. А. Дьяконов 5 августа 1938 г. в докладной записке секретарю Оргбюро ЦК ВКП(б) по Мурманской области тов. Петрову отмечал, что «… Мурманский горком, Полярный, Териберский и Саамский райкомы партии ни разу не обсуждали вопросов антирелигиозной пропаганды… В Полярном, Териберском и Саамском районах районные конференции СВБ не проводились. Существующие райсоветы СВБ в Кольском, Ловозерском, Терском и Кировском районах, не получая должного руководства и помощи со стороны окружного бюро СВБ, не могли как следует организовать систематической повседневной антирелигиозной работы среди верующих трудящихся. Все эти факты говорят за то, что антирелигиозная пропаганда в Мурманской области является запущенным участком». Единственный район, где достаточно активно работали ячейки безбожников – Терский. Особенно отличилась ячейка с. Умба (75 человек). Такая же картина представлена А. Дьяконовым и в 1939 г. [3]

---

[1] См., напр.: Полярная правда. 1938. 6 января. С. 4; 15 февраля. С. 4; 9 октября. С. 2; 12 октября. С. 2; 30 декабря. С. 2.

[2] Сойфер В. Задачи антирелигиозной пропаганды//Полярная правда. 1938. 22 апреля. С. 3.

[3] Дьяконов А. Ликвидировать запущенность в антирелигиозной пропаганде//Полярная правда. 1938. 14 августа. С. 3; ГАМО. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; Дьяконов А. Ликвидировать беспечность в антирелигиозной пропаганде//Полярная правда. 1939. 29 мая. С. 4.

На докладную записку А. Дьяконова мурманские власти отреагировали оперативно. Уже 9 августа 1938 г. В. Сойфер на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) по Мурманской области доложил о мероприятиях по развертыванию антирелигиозной пропаганды в регионе. Предлагалось создать Оргбюро СВБ по Мурманской области, на которое возлагалось решение следующих задач: «… обеспечить организацию ячеек СВБ на предприятиях, учреждениях, школах, колхозах, развертывание антирелигиозной работы среди верующих трудящихся, широкое вовлечение в антирелигиозную работу советской интеллигенции – учителей, врачей, агрономов, инженеров, партийный актив, пропагандистов и агитаторов, работающих на избирательных участках, организация лекций, докладов, бесед на антирелигиозные темы» [1]. Планировалось проведение в сентябре 1938 г. конференций СВБ в Полярном, Териберском и Саамском районах. Причем, секретарям РК ВКП(б) указанных районов рекомендовалось выступить на конференциях с докладами по развертыванию антирелигиозной пропаганды. Городские и районные комитеты партии обязали укрепить райсоветы и низовые ячейки СВБ проверенными и работоспособными активистами-безбожниками. На октябрь 1938 г. запланировали проведение месячных антирелигиозных курсов на 30 человек [2].

Но, несмотря на грандиозность планов, антирелигиозная работа в ряде районов области продолжала оставаться слабой. Так, Кольский райком ВКП(б) в августе 1939 г. отмечал, что состояние антирелигиозной работы в районе неудовлетворительное, что существуют религиозные предрассудки в среде интеллигенции, что райсовет СВБ фактически бездействует [3].

В декабре 1939 г. состоялась Мурманская городская конференция членов СВБ, признавшая работу городского совета СВБ неудовлетворительной. Никаких изменений в его работе не произошло и в 1940 г. Горсовет СВБ продолжал работать без плана, не вел систематически лекций, не занимался всерьез подготовкой кадров лекторов, не привлекал к работе агитаторов, прослушавших антирелигиозные курсы. К маю 1940 г. в Мурманской области насчитывалась 221 ячейка СВБ,

1 ГАМО. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

2 Там же. Л. 4.

3 Там же. Л. 16.

объединивших в своих рядах 5398 человек. Значительных успехов среди них добились лишь некоторые организации Колы, Кировска. В большинстве своем массовой работы ячейки не проводили, существуя лишь на бумаге [1].

10 января 1940 г. Бюро Мурманского горкома ВКП(б) приняло решение «Об организации Райсоветов Союза Воинствующих Безбожников в районах города Мурманска». Что оно предполагало: до 20 января 1940 г. райкомам ВКП(б) вменили в обязанность создать в районах Оргбюро СВБ (3–5 человек), на которые требовалось возложить работу по подготовке и проведению районных конференций СВБ не позднее 15 февраля 1940 г.; усилить антирелигиозную пропаганду среди населения, активизировав работу по созданию ячеек СВБ. По Микояновскому району Мурманска 13 февраля 1940 г. утвердили следующий состав Оргбюро СВБ – председатель Г. П. Калинин (судоверфь), члены оргбюро – Соколовский (нефтебаза), А. Н. Воронов (школа № 19), П. А. Светлов (школа № 19), В. В. Сазонова (городская больница № 1) [2].

Реорганизация областных структур способствовала активизации безбожников в регионе. Так, в период с 1 января 1940 г. по 1 января 1941 г. было проведено 14 семинаров в городе и 1 в деревне (275 и 12 человек занимавшихся соответственно). Присутствовало на лекциях и докладах 28123 человека в городе, 5355 человек в деревне. Читок и бесед провели 735/106 (присутствовало на них 8975 и 982 человека соответственно в городе и деревне). Взносов собрали 1149 р. 90 коп. В приложении к статистическому отчету Мурманского Облсовета СВБ сообщалось, что в 1940 г. в нем работало 7 лекторов, которые прочли 42 лекции в Мурманске и 32 в районах области. Существовало еще 7 лекторских групп в районах – в них работали 32 человека. За 1940 г. было напечатано в областных газетах 23 статьи на антирелигиозные темы, проведено 18 радиовыступлений. Однако отмечалось, что ни разу за год лекторы Облсовета СВБ не посетили Ловозерский, Терский и Саамский районы [3].

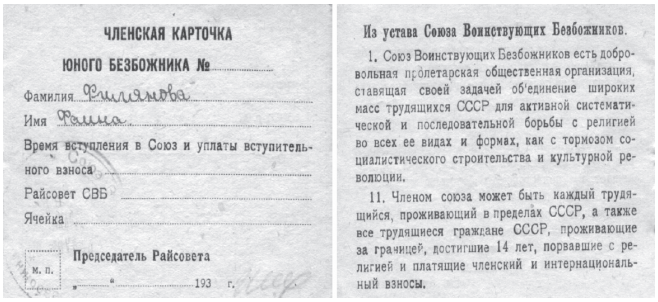
---

1 ГАМО. Ф. П-79. Оп. 1. Д. 510. Лл. 1, 4, 7, 9; Бронницкий Н. За дальнейший подъем антирелигиозной работы//Полярная правда. 1940. 22 мая. С. 2; Вяткин А. Ликвидировать самотек в антирелигиозной пропаганде//Полярная правда. 1940. 3 сентября. С. 2.

2 ГАМО. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 2. Л. 19,20.

3 ГАМО. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 17. Л. 4, 5.

Фотографии из фондов Мурманского областного краеведческого музея. «Комсомольская заутренняя». 1923 г. Кола



ЧЛЕНСКАЯ КАРТОЧКА

ЮНОГО БЕЗБОЖНИКА №

Фамилия Филиппова

Имя Фима

Время вступления в Союз и уплаты вступительного взноса

Райсовет СВБ

Ячейка

м. п. Председатель Райсовета

„ „ 193 г.

Из устава Союза Воинствующих Безбожников.

1. Союз Воинствующих Безбожников есть добровольная пролетарская общественная организация, ставящая своей задачей об'единение широких масс трудящихся СССР для активной систематической и последовательной борьбы с религией во всех ее видах и формах, как с тормозом социалистического строительства и культурной революции.

11. Членом союза может быть каждый трудящийся, проживающий в пределах СССР, а также все трудящиеся граждане СССР, проживающие за границей, достигшие 14 лет, порвавшие с религией и платящие членский и интернациональный взносы.

В годы Великой Отечественной войны ситуация в регионе отличалась от ситуации в центре. В то время, как Центральный СВБ фактически свернул свою работу, в Мурманской области безбожники продолжали свою деятельность, как минимум до начала 1942 г. В ЦС СВБ СССР был отправлен отчет Совета СВБ Мурманской области за период с 1 января по 30 июля 1941 г. Всего в области в этот период было зарегистрировано 202 ячейки СВБ (в городе – 167, в деревне – 35). Число членов СВБ составляло 5718 человек, из которых рабочих – 2345, колхозников – 567, служащих – 1538, учащихся – 1193, домашних хозяек – 75, членов и кандидатов в члены ВКП(б) – 735, членов ВЛКСМ – 1540, мужчин – 3720, женщин – 1998, возраста от 14 до 25 лет – 1675, от 26 до 40 лет – 3289, свыше 40 лет – 754. В ячейках СВБ было 2 пропагандиста, 17 лекторов, 24 активиста, привлеченных к работе в комиссиях при советах СВБ. В городах действовали 2 антирелигиозных кружка, в деревнях – 1 (в них занималось 35 и 15 человек соответственно). Была учтена массовая работа СВБ в об-

ласти (город и деревня – цифры соответственно): читок и бесед 89/38 (присутствовало – 1489/904 человек), лекций и докладов – 74/15 (присутствовало – 7774/1569 человек), другие мероприятия (экскурсии, постановки) – 1 в городе, присутствовало 146 человек. Взносов собрано 765 р. 38 коп. Проведено 10 заседаний Облсовета СВБ и 12 заседаний рай- и горсоветов СВБ. Базировался Областной совет СВБ в Мурманске на ул. Ленинградской, д. 24 [1].

Председатель Областного Совета СВБ И. Ф. Истомин был командирован в Москву для выступления в Центральном Совете СВБ СССР с докладом о работе областного совета безбожников. Срок командировки – с 22 июня по 1 июля 1941 г. С 1 июля 1941 г. по 12 сентября 1941 г. И. Ф. Истомин должен был уйти в отпуск на 2,5 месяца. Остается лишь гадать, был ли он в командировке и отпуске, учитывая, что началась война? Неясен и вопрос с командировками ответственного секретаря Облсовета СВБ И. И. Жданова в Кандалакшский район для помощи райоргбюро и горбюро СВБ в подготовке созыва конференции и организации пятидневного антирелигиозного семинара. Срок командировки – 13–22 июня 1941 г. [2]

В 1942 г. деятельность Облсовета СВБ еще продолжалась. Судя по выданным удостоверениям и просьбам пропусков на ряд территорий Кольского полуострова, председатель Мурманского Облсовета СВБ И. Ф. Истомин в период с 20 декабря 1941 г. по 20 января 1942 г. посетил Кандалакшский и Терский райсоветы СВБ для проверки у них оргматериалов, с 01 декабря 1941 г. по 01 января 1942 г. – Ловозерский и Терский райсоветы. В Ловозерский район он командировался и в период с 25 октября по 07 ноября 1941 г., в г. Кировск для проверки оргматериалов Кировского райсовета СВБ – с 20 сентября 1941 г. (Л. 8–9, 11–13). Все удостоверения и обращения в бюро пропусков Управления РКМ г. Мурманска подписаны заместителем председателя Облсовета СВБ тов. Ереминым [3].

Война диктовала новые темы в деятельности безбожников. Так, 12 января 1942 г. на заседании оргбюро СВБ по Терскому району был заслушан инструктивный доклад председателя Мурманского Облсо-

---

1 ГАМО. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 17. Л. 3; ГАМО. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–4, 14.

2 ГАМО. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 3. Л. 19–21.

3 ГАМО. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–9, 11–13.

вета СВБ тов. Истомина «О задачах СВБ в дни отечественной войны с Германским Фашизмом». Прослушав его, постановили: «В дни отечественной войны с Германским Фашизмом всю работу СВБ подчинить фронту. Развернуть антирелигиозную пропаганду, не ограничиваясь в узких рамках а/р пропаганды. Необходимо ставить научно-популярные лекции, доклады, беседы и т. д. для населения района» [1].

Однако очередные призывы активизировать работу, наметить ее план оказались впоследствии не очень-то востребованы – чем дольше шла Великая Отечественная война, тем больше атеистическая пропаганда теряла свою актуальность…

[1] ГАМО. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–2 об.

ПРОТОИЕРЕЙ
ВАСИЛИЙ
Вольский

настоятель храма
Святой Живоначальной Троицы
г. Полярные Зори

ПРОТОИЕРЕЙ-ИСПОВЕДНИК ИЛИЯ КУТУЗОВ (1903–1968)

Возложат на вас руки и будут гнать,
предавая в темницы, и поведут
пред царей и правителей за имя Мое;
будет же это вам для свидетельства
(Лк. 21:12–13)

Наш рассказ об одном из героев духа – протоиерее Илии Васильевиче Кутузове (1903–1968), не прославленном пока Церковью, но оставшемся в памяти уже немногих помнящих его жителей Мурманска, Кировска и Ковды.

Родился Илия Васильевич Кутузов 2 августа 1903 г. вблизи Полтавы. Вскоре семья переехала в с. Ивановское Рыльского уезда Курской губернии. Родители отца Илии были простые верующие люди. Мать, Александра, была хорошей портнихой, шила не только одежду, но и священнические облачения. Отец, Василий, – простой ремесленник, погиб в 1905 г. в Русско-японскую войну. Илия был единственным сыном в семье. После гибели отца мальчик воспитывался мамой и бабушкой Ольгой. Будучи еще маленьким, Илюша любил наблюдать, как мать шила облачения, часто одевался в изготовленные мамой ризы, ходил по комнате, изображая из себя батюшку, кадил иконы мнимым кадилом и как бы совершал службу.

С малых лет Илия вместе с мамой и бабушкой посещал храм, с детства хорошо знал порядок службы и молитвы и в отроческом возрасте уже прислуживал в сельском храме в алтаре, твердо решив, что станет священником.

По окончании школьного образования Илия поступил в Курскую Духовную семинарию, но успел закончить только 1 класс – шальные годы Гражданской войны помешали осуществить детские мечты.

Во время Гражданской войны при наступлении Красной Армии на Украину в селе Ивановском остановился отряд красноармейцев, и в доме Кутузовых расквартировался красный командир – статный молодец с усами и в кожанке. Здесь и началось испытание для юной христианской души Ильи. Часто этот командир проводил «политинформации» и агитировал мальчика оставить «мракобесие»: бросить семинарию и поступить в школу красных командиров (мол, семинарии и так скоро закроют, а школа командиров рядом, в Рыльске, и он готов помочь с поступлением).

Илья уже было согласился на такое предложение, но вскоре заболел тяжелой формой брюшного тифа, был уже на грани жизни и смерти, но милостью Божией выжил. Восприняв это как Промысл Божий, после выздоровления уже и не помышлял о школе красных командиров.

Семинарию действительно вскоре закрыли, а тех семинаристов, кто отказался менять свои убеждения, осудили по распространенной тогда политической статье 58-10, 11. Так и Илья Кутузов со многими своими товарищами попал под эту статью и был приговорен к работе в советском концлагере. Многих его товарищей сослали в Казахстан, он же попал в Карелию. И тут произошло еще одно вмешательство Промысла Божия, который уберег жизнь молодого семинариста. Весь этот этап под Ладогой выстроили и отобрали через одного, т. е. разделили на два этапа. Одних отправили на Беломорканал («стройку века»), а других – на лесоповал в Архангельскую область. Илья Кутузов попал во второй, а из первого этапа почти никто не выжил.

На лесоповале бок о бок работали епископы, священники, монахи, семинаристы. Работа была очень тяжелая, а пайку давали очень скудную.

Духовенство было распределено среди уголовников, которые отказывались выходить на работы, а пайку всегда отнимали у «политических». В таких суровых условиях закалялась и крепла вера будущего пастыря.

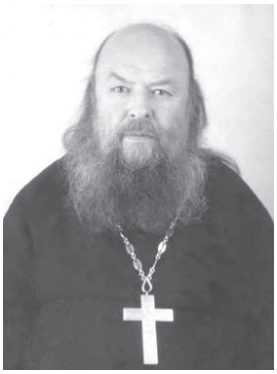
Через некоторое время политзаключенных перевели на вольное поселение. Так как многие были хорошо образованы, их поставили на административные должности. Илию Васильевича поставили сначала бригадиром, потом браковщиком. Как вспоминал впоследствии отец Илия, на лесозаводе у них бухгалтером был епископ, а кассиром – иеромонах.

В 1937 г. в возрасте 34-х лет Илья Васильевич Кутузов женился на ссыльной – Логиновой Юлии Яковлевне. Она – дочь известного до революции в Архангельске купца Якова Логинова, у которого было 10 детей (Юлия – младшая). Он занимался рыбным промыслом и поставлял рыбу в Петербург. Логиновы имели большой дом в Архангельске, все дети с малолетства были приучены к труду, но при Советской власти семью раскулачили, всех разбросали по разным сторонам, дом отобрали под городскую больницу.

17 октября 1939 г. в семье Ильи и Юлии Кутузовых в Архангельске родилась дочь Валентина (сейчас она живет в г. Очаков Николаевской области на Украине). 1941 год – война. И. В. Кутузов работает в это время на лесозаводе рубщиком-браковщиком и, т. к. считался высококлассным специалистом, попадает под категорию «брони». Но жизнь в военном Архангельске была очень тяжелая: голод, а пайка «политическим» была меньше, чем остальным рабочим. Зимой 1942 г. от голода умирает жена Ильи Васильевича Юлия, и он остается один с трехлетней дочкой на руках. Во время всеобщей эвакуации детей в тыл была возможность отправить маленькую Валю на пароходе, но Илья Васильевич наотрез отказался это делать. Как оказалось позже, белый пароход с большими красными крестами с эвакуированными детьми на борту был атакован фашистскими бомбардировщиками, и все дети погибли в Белом море.

Илье Васильевичу приходилось брать маленькую дочь с собой на работу, а в ночные вахты оставлять одну дома. Питались очень скудно: Вале – что получше, а сам ел варево из прокисшей ботвы и гнилую картошку. При любой возможности Илья Кутузов ходил в храм и даже был псаломщиком в Ильинском соборе г. Архангельска.

В 1946 г. полностью сгорел лесозавод, где работал Илья Васильевич, и много людей осталось без работы. Именно в это время епископ Архангельский и Холмогорский Леонтий (Смирнов) предложил Илье Васильевичу рукоположение в сан диакона, а через год, в 1947-м, ру-



Протоиерей Илия Кутузов

коположил его во пресвитера и назначил настоятелем Свято-Никольской церкви с. Ковда Кандалакшского района. Этот старинный храм в течение 14 лет – после ареста в 1933 г. священника Александра Красильникова – стоял без службы.

Взяв две буханки ржаного хлеба и узелок с детскими вещами, отец Илия с дочкой Валей переезжает на новое место службы. В Ковде люди, истосковавшиеся за столько лет без службы и без Таинств Исповеди и Причащения, приняли батюшку очень хорошо, были очень приветливы, вера в них не угасла. Никольский храм – единственный в это время на всю округу; территория, которую окормлял отец Илия, огромная: Кандалакша, Княжая, Зеленоборский, Лесозаводский, Кереть, Белое Море и др. Отец Илия ездил крестить, исповедовать, причащать, отпевать по разным населенным пунктам района. Если учесть, что железная дорога проходит в 12 км от Ковды, идти надо лесом, то можно представить, какой это труд. Проникал отец Илия даже на закрытые секретные объекты (тогда шло везде по рекам строительство ГЭС), чтобы по просьбам верующих окрестить детей. И однажды его один партийный босс чуть не посадил в тюрьму.

До сих пор в воспоминаниях жителей Ковды сохранилась память о том, как в большие праздники в 40-е – 50-е годы отец Илия организовывал крестные ходы по селу: заходили в дома к верующим, совершали краткий молебен, кропили святой водой. Колхозники жили бедно и всегда приходили к батюшке занимать деньги. А когда их заставляли покупать облигации государственного займа, то отец Илия на церковные деньги все скупал, чтобы из людей никто не пострадал. При закрытии церкви у прихода было изъято много таких билетов.

В 1958 году государство усилило атеистическую пропаганду, стали вновь закрываться храмы. Не осталась в стороне и Никольская церковь. В эти годы молодежь уезжает из села от колхозного рабства, остаются в основном пенсионеры. Многие люди разъехались по большим городам. Как вспоминает дочь отца Илии, были службы, когда в церкви они были только вдвоем с отцом: он правил службу и сам же пел за хор. Жителей обработали поодиночке, запугали, но собрать под-

писи от ковдян не смогли. Тогда собрали подписи жителей пос. Лесозаводский (там жило пришлое население) и в 1959 г. церковь в Ковде закрыли. Какое-то время отец Илия еще оставался в селе, а потом его перевели в Казанскую церковь г. Кировска, где его тоже очень полюбили за его богобоязненность и сильную веру.

Примерно в 1965 году отца Илию перевели в Мурманск и назначили благочинным Мурманского округа Архангельской епархии. Он очень сильно переживал за нерадивых священников: увещевал, умолял, а порой и грозил. Бывало, вечером напишет рапорт владыке, а утром порвет. Эти переживания сильно сказались на его и так подорванном в советском концлагере здоровье. Отец Илия заболел атеросклерозом, стали отказывать ноги, но служил он до конца (последний год жизни служил в буквальном смысле сидя).

За все 22 года служения в священном сане протоиерей Илия ни одного раза не был в отпуске, служил он беспрерывно. «Как же я не буду служить? – говорил он, когда ему предлагали отдохнуть. – Если хоть неделю не послужу – умру, не могу я не служить». Так и произошло: когда у отца Илии случился сердечный приступ и его забрали в больницу, больше недели он и не прожил.

Отошел отец Илия Кутузов ко Господу 23 октября 1968 г. в возрасте 65 лет, а еще 17 октября, в день рождения дочери Валентины, служил Литургию и молебен о ее здравии, после чего написал дочери письмо. В день, когда отец Илия преставился, он явился дочери во сне, прошел как бы сквозь стену и прощался с ней, был он в подряснике и как-то весь светился. В тот же день Валентина получила телеграмму о его смерти.

Похоронен отец Илия в Кировске в одной оградке с супругой митрофорного протоиерея Иоанна Шастова – матушкой Агафией. Верующие из Кировска рассказывали мне, что некоторые из них на могиле его получали исцеления. Знаю, что при отце Михаиле Сыплывом каждый год 2 августа, в Ильин день, на могиле его совершалась панихида. Хотелось бы, чтобы эта традиция продолжалась и дальше.

Собирая воспоминания о протоиерее Илии Кутузове, я как-то спросил митрофорного протоиерея Георгия Мельника (1931–2005), не знал ли тот его. Отец Георгий многозначительно посмотрел и сказал: «О! Отец Илия очень верующий был батюшка».

Вера, верность, доверие – понятия одного порядка, то, что позво-

лило выстоять отцу Илии и не сломаться в условиях атеистического советского режима. Такие люди, как протоиерей Илия Кутузов, – единственное бесспорное богатство России, люди, которые на практике в жизни осуществили нравственные идеалы христианства. И чем больше вокруг себя мы видим оскудение веры, падение нравственности и умножение греха, тем ярче светит их жизнь нашим обмирщенным душам.

P. S. При подготовке статьи использованы воспоминания дочери протоиерея Илии Кутузова Валентины Ильиничны Шевченко, его внука Сергия, а также жителей с. Ковды и г. Кировска.

ОВЧАРЕНКО
Кирилл
Алексеевич

студент Мурманского
арктического университета

«МИССИОНЕРСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ГАЗЕТА»

В настоящее время митрополит Мурманский и Мончегорский Митрофан (Баданин) ставит перед приходами задачу изучения их собственной локальной истории. Сбор и анализ исторических материалов, необходимый для такой работы, возможен на основе устных источников, так и на основе письменных. Однако информация, получаемая в устной форме, часто может являться неверной или ошибочной. Поэтому при изучении приходской истории необходима опора на письменные источники, одним из которых является «Миссионерская православная газета».

История печатных епархиальных изданий в 1996–1997 гг. Вестник Мурманской епархии

1990-е – начало 2000-х годов являются сложным периодом в истории России, это время радикальных государственных, экономических и социальных преобразований, сопровождающихся тяжелыми последствиями для страны и общества. В то же время для Русской православной церкви это период духовного возрождения и подъема, время, когда она фактически получает право действовать открыто и легально. В эти годы создаются новые приходы, возрождаются монастыри, открываются храмы, вслед за этим начинают возникать и новые епархии.

Одной из них стала образованная 27 декабря 1995 года Мурманская епархия – первая самостоятельная епархия на территории Кольского Севера, правящим архиереем которой был назначен епископ Тихвинский Симон (Гетя). Ближайшие годы для епархии стали знаковыми и одновременно сложными, в это время происходит упорядочивание церковно-приходской жизни, начинают создаваться общины, строиться храмы, начинается работа по поиску материалов о подвижниках Кольской земли, о репрессированном в советские годы духовенстве, и, наконец, создается список Кольских святых. В определенной мере страницы жизни и деятельности епархии этих лет отражены на страницах ее печатного органа – «Миссионерской православной газеты».

Создание епархиального печатного органа стало одной из первостепенных задач, так как периодика в 1990-е была единственным широкодоступным средством информирования населения, без газеты доносить в общественную жизнь новости и сообщения молодой епархии было бы крайне затруднительно. Кроме того, православная печать – это один из способов миссионерства, донесения до населения основ православной жизни, что было особенно актуально в условиях деятельности сектантских общин и организаций: согласно докладу секретаря епархии архимандрита Никодима (Каленчука), в 1996 году в Мурманске действовало 97 сект, как зарегистрированных официально, так и нелегальных [1]. В-третьих, через печатные издания к пастве может обращаться архиерей, как с праздничными посланиями (обычно к Рождеству и к Пасхе), так и с объяснениями некоторых событий, происшествий, которые требуют безотлагательного комментария (к примеру, обращение по поводу реконструкции зала гражданских панихид на городском кладбище) [2].

Поэтому уже к Пасхе 1996 года в храмах епархии появляется пробный первый выпуск журнала «Вестник Мурманской епархии» («Православная жизнь на Русском Севере»), выпущенный под редакцией епископа Симона.

Выпуск получился маленьким по объему, всего на 8 страниц, но по-настоящему пасхальным. В нем размещено архипастырское пас-

---

[1] Архим. Никодим (Каленчук). О жизни епархии в 1996 году//Православная жизнь Русского Севера. 1997 г. Стр. 16–31.

[2] Миссионерская православная газета. 1999 г. № 6.

хальное послание, расписание архиерейских богослужений на вторую половину Страстной седмицы и Пасху Христову, пасхальные песнопения «для всенародного пения в храмах», статья о значении Светлого праздника, стихи прихожан.

Для истории епархиальной периодики здесь особо важна статья архимандрита Никодима (Каленчука) «Возрождается». В ней уделяется внимание цели издания журнала: отражать духовную жизнь христиан российского Севера, даются планы по дальнейшему выпуску и о содержании журнала. Предполагалось издавать его от четырех раз в год и чаще, уделять внимание восстановлению русских церковных традициий, воспоминанию духовной истории Кольской земли, полезным советам пастырской практики, официальной хронике епархии. Однако в дальнейшем – по разным причинам – реализовать из всего перечисленного удалось немногое.

Предположительно, второй выпуск вестника епархии, уже под редакцией М. Скляровой, был издан в 1997 году. На титульном листе стоит номер – 2, внизу – год издания. Может показаться, что это второй выпуск 1997 года, однако анализ его содержания позволяет заключить, что все-таки это второй выпуск «Вестника» в целом. Во-первых, здесь помещен Указ Священного Синода об образовании Мурманской епархии. Во-вторых, напечатано обращение епископа Симона по его прибытии на Кольскую Землю. В-третьих, размещен список храмов и полный список священнослужителей на 1996 год. В-четвертых, опубликована заметка настоятеля Пантелеимонского храма священника Владимира Семенова, посвященная 80-летию Мурманска. По логике данные материалы должны были быть помещены в первом номере журнала 1997 года. Но так как они размещены здесь, значит этот номер является вторым изданием «Вестника епархии» в целом.

По сравнению с первым выпуском этот номер достаточно большой, объем вырос в 12 раз, до 96 страниц. Отпечатан журнал на глянцевой бумаге, снабжен фотографиями. Ценным историческим материалом здесь является уже упомянутый доклад архимандрита Никодима о жизни епархии в 1996 году. В нем впервые поднимается вопрос о необходимости строительства в городе Мурманске кафедрального собора, помимо этого дана общая информация о первом епархиальном собрании Мурманской епархии, на котором были созданы епархиальные отделы, а приходы области поделены на два благочиния. Содержатся

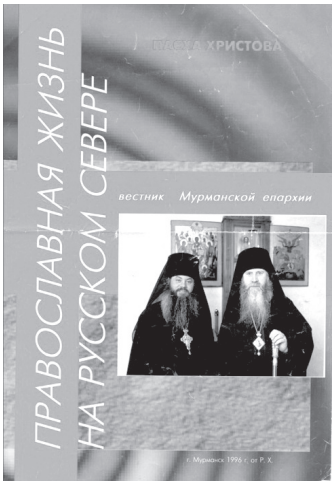


Рис. 1. Первый выпуск «Вестника Мурманской епархии». 1996 г.

Рис. 2. Второй выпуск «Вестника Мурманской епархии». 1997 г.

данные об открытых в 1996 году церквях, воскресных школах, опубликованы решения собрания. Уделено внимание и миссионерскому церковному служению.

Весьма интересно, что название журнала было не постоянным: первый выпуск именовался «Православная жизнь на Русском Севере», второй – «Православная жизнь Русского Севера», в конце второго номера указаны реквизиты издательства, где журнал уже назван «Православная жизнь Северного Края».

К сожалению, журнал не имеет полноценных выходных данных, поэтому оценить объем его тиража невозможно. По ряду причин его издание на этом номере прекратилось, и других номеров не печаталось. Тем не менее, «Вестник Мурманской епархии» является значимой страницей в истории православного печатного дела на Мурмане.

Еще одним предшественником «Православной газеты» стал изданный летом 1997 года «Миссионерский листок». Он полностью посвящен визиту Святейшего Патриарха Алексия II. Здесь размещена программа его пребывания, ответы Патриарха на различные вопросы о Церкви и обществе в 1990-е годы, а также стихи, посвященные высокому гостю. Помимо этого, так как к первосвятительскому визиту было приурочено освящение Свято-Вознесенского кафедрального собора в Мончегорске, то в «Листке» было размещено обращение руководителя комбината «Североникель» В. М. Худякова с благодарностью к тем, кто оказал помощь по возве-

дению храма. Здесь же Худяков говорит о том, как к нему пришла идея о строительстве собора в Мончегорске.

«Миссионерский листок» имеет сходные черты, как с епархиальным вестником, так и с «Миссионерской газетой». С одной стороны, он отпечатан на такой же глянцевой бумаге, как и предыдущие издания, редакция, издательство и типография здесь такие же, как и во втором номере «Вестника». Помимо этого, выпуск «Листка» обозначен как третий, что дает право считать его продолжением епархиального «Вестника». С другой стороны, это первое епархиальное издание в газетном формате А3, состоящее, как и последующие номера «Газеты», из четырех страниц. Впервые на титульной странице «Листка» епархия названа Мурманской и Мончегорской [1], предпринята попытка создать орнаментный дизайн выпуска. Все эти черты проявляются в изданиях «Миссионерской газеты», что позволяет охарактеризовать «Листок» как переходное издание, в равной мере сочетающий в себе не только особенности предшествующих журналов, но и особенности будущей газеты.

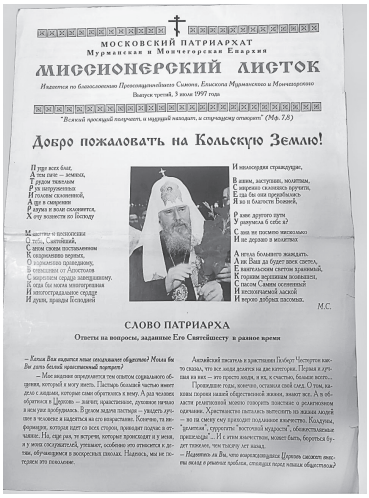
Таким образом, предшественниками «Миссионерской газеты» как официального издания Мурманской епархии можно считать епархиальный «Вестник» 1996–1997 года и «Миссионерский листок» 1997 года.

Миссионерская православная газета: общая характеристика издания

Разобравшись с историей печатных органов Мурманской епархии, можно переходить к характеристике самой «Миссионерской православной газеты» – самого крупного печатного православного СМИ на Кольской земле.

«Миссионерская православная газета», основанная в конце 1990-х годов, выпускалась без перерыва практически двадцать лет. В данной работе были рассмотрены выпуски с момента начала издания газеты до декабря 2003 года. Эта дата была выбрана в связи

[1] Возможно, переход на использование названия «Мурманская и Мончегорская епархия» вместо юридически верного «Мурманская епархия» является следствием «привычки» к структуре именования Архангельской епархии, которая на протяжении более трех веков (с 1682 по 2011 год) содержала в себе названия двух кафедральных городов.



МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
Мурманская и Мончегорская Епархия
МИССИОНЕРСКИЙ ЛИСТОК
Издается по благословению Преосвященнейшего Симона, Епископа Мурманского и Мончегорского
Выпуск третий, 3 июля 1997 года
"Всякий приходящий получает, и идущий находит, и стучащему отворят" (Мф. 7,8)

Добро пожаловать на Кольскую Землю!

СЛОВО ПАТРИАРХА
Ответы на вопросы, заданные Его Святейшеству в разное время

Рис. 3. «Миссионерский листок». 1997 г.

Миссионерская Православная газета
Икона «Троица»
ОТ ТРОИЦЫ К ПЕТРОВУ ПОСТУ

Рис. 4. «Миссионерская православная газета» ранних выпусков. 1999 г., №6

со значимым событием в жизни епархии: установлением празднования Собора Кольских святых в ноябре этого года. Оно может считаться своеобразным итогом первых лет существования епархии, венцом тяжелейших трудов этого времени. Поэтому остановить исследование именно на конце 2003 года показалось наиболее логичным.

Если говорить о дате выхода первого номера, то выяснить это не так просто. На номерах 2010-х годов на виньете [1] газеты имеется надпись о том, что она издается с 1998 года. Тем не менее эта дата может считаться довольно условной. Во-первых, указанной надписи нет в выпусках рассматриваемого периода, то есть до 2003 года включительно. Во-вторых, при работе с газетами, хранящимися в издательском отделе Мурманской епархии, самый ранний номер датируется мартом 1999 года. Более ранних работ обнаружено не было, нет их также и в электронном каталоге в областной научной библиотеке. В-третьих, свидетельство о регистрации газеты было выдано в декабре 1998 года. Таким образом, наиболее вероятным годом начала издательства можно считать 1999 год, а не 1998-й. По этой причине хронологические рамки исследования составляют 1999–2003 гг.

«Миссионерская православная газета» этого периода представляет собой

[1] Виньета – верхняя часть первой полосы газеты (не более 1/4), в которой помещается название издания, номер, дата, девиз, логотип.

два различных по объему и оформлению издания. Ранние выпуски газеты, начиная с апрельского номера 1999 года и заканчивая выпуском № 4 2000 года, это четырехстраничные номера (кроме апрельского номера 1999 года, состоящего из 8 страниц), на которых виньета оформлена в виде орнамента, написанное крупными буквами заглавие звучит как «Миссионерская православная газета», сведения об издателе и об архиерейском благословении вынесены под него. Помимо этого, здесь помещен логотип, рядом с котором размещена цитата преподобного Серафима Саровского. Начиная с выпуска № 7 2000 года [1], это уже восьмистраничное издание, в котором заглавие крупными буквами звучит как «Православная газета», а строка «Миссионерская православная газета» используется как подзаглавие. Сведения об издателе перенесены на верх виньеты, логотип заменен изображением комплекса Свято-Никольского кафедрального собора города Мурманска. В таком виде (с незначительными временными изменениями) православная газета существовала до конца рассматриваемого периода.

Редакторы газеты за эти неполные пять лет также менялись. С марта 1999 года до апреля 2000 года редактором газеты был А. В. Баданин (ныне – митрополит Мурманский и Мончегорский Митрофан). С июля 2000 его заменил иерей Петр Завацкий, который находился на этом посту до конца года. С начала 2001 его сменил иерей Василий Вольский, который занимался изданием газеты до конца рассматриваемого периода.

Газета была зарегистрирована в Северо-Западном Комитете Российской Федерации по печати 17 декабря 1998 года, регистрационное свидетельство №П 3448. Отпечатана на газетной простой бумаге черно-белым цветом, номера, приуроченные к Рождеству и к Пасхе – «праздничные номера» – часто оформлялись в цветном варианте, в синем и красном соответственно. Тираж газеты преимущественно стабильный, в 1999 году – 4000 экземпляров (не считая первого выпуска за март, тиражом 2500 экз.), в 2000 году он составляет 5000, с сентября 2000 г. и далее – 7000 единиц.

«Миссионерская православная газета» освещает широкий круг вопросов и проблем, в ней содержится большое количество рубрик. Газета регулярно рассказывала о сути и смыслах церковных праздников,

[1] Выпуски № 4 и № 5 при работе не были обнаружены.

ИЗДАНИЕ МУРМАНСКОЙ И МОНЧЕГОРСКОЙ ЕПАРХИИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

ПРАВОСЛАВНАЯ ГАЗЕТА

МИССИОНЕРСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ГАЗЕТА

ЕПИСКОП МУРМАНСКИЙ И МОНЧЕГОРСКИЙ СИМОН

АРХИПАСТЫРСКОЕ РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Рис. 5. «Миссионерская православная газета» поздних выпусков.
2002 г., №12

житиях святых. Периодически публиковались ответы епископа Симона на различные вопросы паствы. В «праздничных номерах» обязательно публиковались архиерейские послания, поздравляющие людей с праздником. В ранних номерах публиковался календарь церковной жизни, со значимыми праздниками ближайшего месяца и поздравительные адреса от епископа тем священнослужителям, которые отмечали в ближайшее время День Ангела. В поздних выпусках этого уже нет, но появляется на регулярной основе детская страничка, периодически публикуются стихи прихожан и их рассказы о паломничествах, впечатлениях от богослужений или просто о жизни, как светской, так и духовной. В газете практически не печаталось расписание грядущих архиерейских богослужений (единственный номер – № 7 2000 года), официальная хроника жизни епархии (указы, доклады, распоряжения), за исключением особых случаев.

Но основной интерес, как для специалистов-историков, так и для людей, интересующихся историей религиозной жизни области, епархии или конкретного прихода, в «Миссионерской православной газете» представляет исторический материал.

Исторический материал на страницах газеты

Исторического материала в газете довольно много. В 41 проанализированном номере газеты было выявлено около ста пятидесяти материалов, которые могут представлять интерес для исследователей истории. Обработанный перечень таких статей представлен в прилагаемом аннотированном указателе. Весь исторический материал можно условно поделить на пять групп.

Первая группа – это события общеепархиальной жизни. Сюда относятся те события, которые значимы для епархии, которые проходят на всей ее территории, или те события приходской жизни, которые нельзя отнести к конкретному приходу. Сюда относятся, например,

новости о межъепархиальных и международных контактах, о проведении епархиальных собраний или собраний отделов, здесь же помещены статьи о деятельности по составлению списка Кольских святых, статьи в которых рассказывается о новых страницах их служения и деятельности.

Во второй группе помещены события приходской жизни. Здесь представлены статьи, относящиеся к конкретным приходам и освещающие их жизнь. Относительно много статей посвящено жизни Свято-Никольского кафедрального собора и Спасо-Преображенской общины морского кафедрального собора (храм Спаса на водах), однако есть новости, относящиеся и к другим приходам. Здесь же размещены новости о деятельности приходских воскресных школ.

К третьей группе относятся материалы, посвященные жизни и восстановлению Трифонов Печенгского монастыря. В целом, содержание этой группы не отличается от второй, за исключением того, что вся группа посвящена отдельно взятому монастырю. Это сделано в связи с тем, что монастырь приходом не является и публиковать материалы по нему вместе с информацией по остальным приходским храмам было бы неправильно. В этой группе размещены в том числе и интервью с игуменом монастыря Аристархом (Лохановым).

В четвертой группе помещены материалы по церковной истории XX века: статьи о служившем духовенстве, храмах, молельных домах этого периода. Необходимость уделения внимания данной группе в том, что исследования, размещенные в газете, часто неизвестны широкой публике. В то же время они могут представлять интерес для создания работ по истории приходов: здесь содержится материал, посвященный и советскому периоду, и даже дореволюционным временам.

Пятая группа содержит те статьи, которые посвящены социальному служению епархии: взаимодействию с обществом, образовательными организациями, помощь больным и зависимым людям. Статьи этой группы позволяют создать целостность картины о деятельности приходов и епархиальных отделов в этом направлении.

Практическим результатом исследования стало создание аннотированного указателя, содержащего статьи, представляющие интерес по истории Мурманской епархии. Он направлен на помощь людям, занимающимся сбором материала по истории отдельных приходов и епархии в целом. В аннотированном указателе статьи распределены

по обозначенным выше группам и расположены в хронологическом порядке. В аннотации (либо в названии статьи) обозначено, к какому приходу относится та или иная информация.

Аннотированный указатель статей, представляющих интерес для истории Мурманской епархии

В аннотированном указателе представлен перечень статей, представляющих интерес по истории Мурманской епархии, опубликованных в выпусках с марта 1999 по декабрь 2003 года. Статьи отсортированы по пяти группам, внутри каждой из групп статьи расположены в хронологическом порядке. Первые два столбца содержат год издания и номер выпуска, в котором содержится конкретная статья. В третьем столбце размещена информация об авторе и название статьи. В некоторых статьях указано только имя автора, в таком случае перед его именем стоит обозначение Р. Б. – раб Божий (раба Божья), так как в большинстве своем относительно анонимные статьи подписывались именно таким образом. В четвертой графе представлена краткая аннотация, содержащая информацию о том, какой конкретно материал представлен в данной статье.

В таблице используются следующие сокращения:

Святые: вмч. – великомученик, прп. – преподобный, равноап. – равноапостольный, св. – святой, свт. – святитель.

Священнослужители: архим. – архимандрит, диак. – диакон, игум. – игумен, иерод. – иеродиакон, иер. – иерей, иером. – иеромонах, мон. – монахиня, прот. – протоиерей.

В таблице отсутствуют следующие номера газет: №№ 5, 11 1999 года, №№ 6, 9, 12 2000 года, №№ 1, 6, 9, 10 2001 года, № 7 2002 года, №№ 2, 3, 4, 6, 7 2003 года. Номера 4 и 5 2000 года отсутствовали как в архиве газеты, так и в каталоге областной научной библиотеки.

Год издания	№ выпуска	Автор, название статьи	Краткая аннотация
1. События общеепархиальной жизни			
1999	6	Обращение правящего архиерея по поводу прошедшей встречи с мэром города Мурманска О. П. Найденовым	В обращении поднимается вопрос о том, что проект реконструкции зала гражданских панихид на городском кладбище не соответствует церковным канонам.
1999	9	Первая православная конференция	Статья о проведении 5–8 августа 1999 года конференции «Православное наследие Кольской земли». Тезисное содержание основных докладов: о храме в Борисоглебском и часовне в Нейдене (доклад игумена Аристарха (Лоханова)), о прп. Варлааме Керетском (доклад А. В. Баданина), о роли кольских подвижников в Российской истории (доклад В. С. Маслова). Сообщение о поручении епископа Симона положить материалы конференции в основу дальнейших поисков и работы по прославлению в лике святых северных угодников Божьих. Краткий анонс конференции размещен в № 8 газеты.
1999	12	Поздравительная телеграмма Святейшего Патриарха Московского в связи с 50-летием главы Мурманской епархии епископа Симона	Теплое первосвятительское поздравление. Информация о награждении епископа орденом князя Даниила II степени.
1999	7–9	Наши зарубежные контакты. Мурман – Аляска	Рассказ о визите делегации Мурманской епархии на Аляску для изучения опыта по организации социального служения в Пресвитерианской церкви США и налаживанию дружеских контактов. В ходе визита были даны концерты певчих архиерейского епархиального хора, как официальные, так и неофициальные. В материале даны фотографии, в частности концерта на теплоходе и архим. Никодима (Каленчука) с иподьяконами-эскимосами.
2000	7	**А. Батюшкин.** Паломничество на велосипедах	Статья-интервью с иером. Митрофаном (Баданиным) и председателем Североморского велосипедного клуба «Пилигримы» А. М. Липиным о прошедшем велопаломничестве и об отношении Церкви к спорту.
2001	2	**Р. Б. Андрей.** Возвращение к духовным корням	Статья об открытии 23 января 2001 года выставки «Православие и Кольский Север» в краеведческом музее, где были представлены исторические артефакты православной жизни на Кольском Севере в XVII–XX в. Материал сопровожден фотографиями.
2001	5	**Г. Сиротинская.** Собрание руководителей и сотрудников отделов епархии	Заметка о проведении 30 апреля 2001 года собрания епархиальных отделов. Необходимость оказания помощи людям, страдающим алкоголизмом и наркоманией. Планирование проведения семинаров для священнослужителей епархии. Пожелание открыть осенью курсы подготовки пономарей и псаломщиков. Возможность создания православной гимназии.
2001	11	**Г. Сиротинская.** Великий Устюг празднует день своего небесного покровителя	Рассказ Ольги Токмаковой о паломнической поездке в Великий Устюг на праздник прп. Прокопия. Говорится о выступлении мурманского ансамбля «Не ждали» на концерте и за богослужением.

2002	1	**Д. Ермолаев.** Приложился к народу своему…	Некролог В. С. Маслову. Основные вехи его работы. Виталий Маслов как православный человек.
2002	2	**Р. Б. Андрей.** Победа юных дарований	Об итогах конкурса мурманских художников «Храмы Кольского Севера», в котором активное участие приняли дети и подростки.
2002	3	**А. Конюшанец.** И песчинки превратятся в монолит…	Статья о награждении победителей конкурса для СМИ «Духовное наследие Кольской земли». Цель и значение конкурса. Победители номинаций. Материал сопровожден фотографией.
2002	4	**А. Конюшанец.** За мужество и жертвенность	Статья о награждении моряков-подводников Северного Флота орденом святого благоверного князя Даниила Московского за мужество при выполнении спасательных работ на АПРК «Курск» и о награждении медалью «За верность отечеству и флоту» игумена Аристарха (Лоханова).
2002	4	**Иеродиакон Иоанн (Суходолов).** Сретенская конференция	Заметка о проведении в Москве Сретенской конференции о молодежном служении Церкви, в которой от епархии участвовали иерей Александр Козачук и иеродиакон Иоанн (Суходолов).
2002	6	**Г. Сиротинская.** Величаем вас, святые равноапостольные Кирилле и Мефодие…	Статья о проведении 24 мая 2002 фестиваля церковных хоров Мурманской и Мончегорской епархии. Возмущение действиями администрации при подготовке молебна у памятника святым. Список выступавших хоров, пересказ программы выступлений. Впечатление от выступления хоров. В начале и в конце статьи – короткие выдержки из слов епископа Симона.
2002	9	**Г. Сиротинская.** Преподобный Феодорит Кольский – ходатай за нас пред Господом (прославление нового северного святого)	Статья о торжестве по случаю прославления прп. Феодорита Кольского, совершенном в Благовещенском храме г. Колы. Напечатаны полные проповеди игумена Митрофана (Баданина) и епископа Симона, произнесенные за богослужением. К торжествам игуменом Митрофаном было издано житие преподобного (аннотация к нему есть в этом же номере).
2002	10	Собрания епархиальных отделов	Статья о проведении в сентябре 2002 собраний епархиальных отделов: миссионерского, молодежного и отдела по религиозному образованию и катехизации. Доклад руководителя молодежного отдела иерея Александра Козачука.
2002	10	**Иером. Митрофан (Баданин).** Белый крест преподобного Трифона	Статья о поездке на поиски наскального белого креста прп. Трифона в Нявдемской губе.
2002	11	**Г. Сиротинская.** Чтобы воспрянуть, надо сперва проснуться. Некролог к годовщине со дня кончины В. С. Маслова	Деятельность В. С. Маслова в области. Организация конкурса «Храмы России». Паломничества для школьников.
2002	12	**Неизвестный корреспондент.** Отец Митрофан (Баданин): «Став монахом, я понял, что могу говорить о преподобном Феодорите и слышать его голос…»	Статья о выступлении иером. Митрофана (Баданина) на Масловских чтениях 10 декабря 2002 года, в основном посвященном его книге о преподобном Феодорите Кольском. Начало работы над житием преподобного. О своем служении на Терском берегу. О необходимости реставрации варзужского Успенского храма. О работе над книгой. О том, как преподобный Феодорит отказался от духовной власти, предложенной царем. Приложена фотография о. Митрофана с выступления.

2002	12	**Неизвестный корреспондент.** Новые храмы – знамение милости Божией	Статья об освящении храма Веры, Надежды и Любови в Североморске и храма Святой Троицы в Полярных Зорях. О почитании в Полярных Зорях иконы Божией Матери «Всецарица». Немного о первых храмах Североморска и Полярных Зорь. Благодарности людям, внесшим вклад в сооружение храмов.
2003	1	**Неизвестный корреспондент.** Событием года названа книга иеромонаха Митрофана (Баданина) «Блаженный Феодорит Кольский»	Статья о проведении конкурса «Духовное наследие Кольской земли». Список «ярких и значимых работ с точки зрения православной духовности».
2003	5	Для российских моряков будут созданы православные приходы в портах Северной Европы	Заметка о проведении Совета Христианских церквей Баренц-региона. Обсуждение вопроса о православных приходах в Северной Европе.
2003	8	**Г. Сиротинская.** Детский хор праведного Феодора Ушакова приехал в гости к военным морякам	Статья о посещении города Мурманска, Североморска и Свято-Никольского кафедрального собора г. Мурманска детским хором им. Феодора Ушакова из г. Красногорска Московской области. Рассказ протоиерея Константина Островского, окормляющего хор, о поездке в целом.
2003	8	**Неизвестный корреспондент.** Новая икона преподобного Феодорита Кольского	Заметка о написании иконы преподобного Феодорита Кольского с житийными клеймами.
2003	9	**Неизвестный корреспондент.** Служитель Небесного Царя	Статья о праздновании дня памяти преподобного Феодорита Кольского 30 августа 2002 года. Освящение иконы преподобного Феодорита. Выдержка из проповеди епископа Симона о необходимости строительства Спасо-Преображенского кафедрального собора. Выдержка из проповеди иеромонаха Митрофана (Баданина) о наследии преподобного Феодорита и об его иконе.
2003	9	Новые святые Кольского края	Биография иеромонаха Моисея (Кожина) и послушника Феодора Абросимова. К статье приложена копия письма митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых о прославлении этих святых и включении в Собор новомучеников и исповедников Российских.
2003	9	**Мон. Васса.** Литургический саамский семинар в Мончегорске	Статья посвящена проведению литургического семинара 3–5 сентября 2003 г. Совершение литургии в Свято-Вознесенском кафедральном соборе митрополитом Пантелеимоном (епархия Оулу Финляндской православной церкви) и епископом Симоном. Краткое содержание выступлений архиереев. Программа и краткое содержание докладов участников: игумена Диодора (Балабова), Вейо Койвалы (о литургическом движении Восточной и Западной Европы конца XX века), Эркки Лумисалми (о переводе богослужебной литературы на восточносаамский язык), Геннадия Буздугана (об эволюции стилей богослужебного пения Русской Православной Церкви).
2003	10	**Мон. Васса.** Десять лет крестного архиерейского пути	Статья, посвященная десятилетию архиерейства епископа Мурманского и Мончегорского Симона. Прилагается заметка об его архиерейской хиротонии 3 октября 1993 года с выдержкой из Слова Святейшего Патриарха Алексия II при вручении архиерейского жезла. Материал сопровожден фотографиями.

2003	10	**Г. Сиротинская.** Крест – хранитель всея вселенныя	Статья об установлении 4 октября 2003 г. Поклонного креста на месте строительства часовни святителя Николая Чудотворца (возле ДК Кирова). Проповедь протоиерея Андрея Амелина и поздравление епископа Симона по случаю Дня города. Материал сопровожден фотографиями.
2003	11	Наш долг – приводить людей ко Христу (заметки с епархиального собрания)	Большая статья о проведении 28 октября 2003 года епархиального собрания. Слова епископа о распаде лопарской общины. О пастырском окормлении и деятельности сектантов. Пересказ выступлений иер. Леонида Сулоева (о деятельности ловозерского и ревдинского приходов), прот. Андрея Амелина (о работе церковного суда епархии и работе с военными), прот. Валерия Комарова (о миссионерской деятельности и способах смирения сектантов), Г. Будзугана (о работе по организации церковного пения), иером. Митрофана (Баданина) (о жизни приходов Терского берега и деятельности комиссии по канонизации), прот. Сергия Платунова (о духовном окормлении в Кандалакшском благочинии). Решения епархиального собрания. Материал сопровожден фотографиями.
2003	11	Святые заступники земли Кольской.	Благословение Святейшего Патриарха об установлении местночтимого почитания Кольских святых.
2003	12	**Р. Б. Галина.** Все святые, в земле Кольской просиявшие, молите Бога о нас!	Статья об утвержденном в 2003 году Соборе Кольских святых.
2003	12	Многая лета мурманским литераторам	Статья о вечере, посвященном 25-летию Мурманского отделения Союза писателей России. Примеры сотрудничества отделения с епархией. Список ярких участников вечера, выдержки из стихов. Поздравление епископа Симона по случаю юбилея. Материал сопровожден фотографиями.
2. Новости и события приходской жизни			
1999	4	К 10-летию гибели АПЛ «Комсомолец»	Краткая история трагедии. Объявление о заупокойной литии в Никольской церкви г. Заозерска. На приложенной фотографии изображена церковь города в 1999 году (до строительства современного храма).
1999	4	Святыни древней Варзуги	Статья об архипастырском визите епископа Симона в Варзугу 19–20 марта 1999 года. Проблема реставрации варзужских икон XVI–XVIII вв. Фотография епископа Симона с детьми местной воскресной школы.
1999	4	Пасхальная радость обретения	Анонс чина обретения вновь написанной иконы преподобного Серафима Саровского с частицей мощей в североморской церкви.
1999	6	Летний Никола	Небольшая заметка о крестном ходе на престольный праздник Свято-Никольского кафедрального собора, на котором была обнесена икона с миром от мощей святителя.
1999	8	Юбилей Александровска-Полярного	Сожаление о том, что не удалось к юбилею достроить городской храм. Награждение орденом Святого Даниила Московского мэра города и командующего Кольской флотилии.

1999	9	Чтобы память была вечной…	Информация о траурном митинге на месте захоронения останков героев-подводников подводной лодки «К-3» в Заозерске. Закладка храма свт. Николая Чудотворца.
1999	10	Иверская – Монреальская – Мироточивая	История создания и передачи в Североморский храм точной копии Иверской – Монреальской иконы Божьей Матери. Краски, которыми она писана, были смешаны с миром от оригинальной иконы.
2000	1	В году уходящем…	Заметка о практическом завершении строительства Никольского храма в г. Полярный. Перечисление значимых событий церковного строительства в 1999 году (Мончегорск, Заозерск, Ловозеро, р-н Роста).
2000	3	Ответ на вопрос о строительстве нового собора в г. Мурманске	Сообщение об истории закладки Свято-Никольского морского кафедрального собора в 1916 году. Помещено фото этого проекта. Говорится о поднятии вопроса о строительстве в Мурманске Морского кафедрального собора, обосновывается его значение.
2000	3	**Иерей Андрей Амелин.** Храм начинается с молитвы	Сообщение о состоявшемся 6 февраля 2000 года приходском собрании по созданию общины Спасо-Преображенского морского кафедрального собора.
2000	7	**О. Тимофеева.** Обретение храма	Статья о Свято-Вознесенском соборе в Мончегорске и его значении.
2000	7	**Иерей Василий Вольский.** Староста	Большая статья о М. М. Великановой – старосте Свято-Никольского храма в Мурманске с 1975 года. В статье имеются ее воспоминания, через призму которых повествуется об истории кафедрального собора.
2000	7	Да исправится молитва моя!	Заметка прихожан пос. Енский Ковдорского района о первой архиерейской службе в этом поселке, совершенной 28 июня 2000 года.
2000	8	**Епископ Симон.** Божественная Литургия святого Иоанна Златоуста под открытым небом	Статья правящего архиерея Мурманской епархии о совершенной 8 июля 2000 года Литургии на улице Старостина (община «Всех святых») и освящении близлежащего родника.
2000	8	**Иерей Василий Вольский.** На отдыхе в Швеции	Статья о поездке группы учащихся воскресной школы в Мунквикен (Швеция).
2000	8	Что бы это значило? О старом строении на территории кафедрального собора	На странице дается два сообщения – А. Конева и архим. Никодима (Каленчука), посвященных вопросу старого дома на территории собора. Приложена копия епархиального документа по этому вопросу.
2000	8	Вопрос к архиерею от православной христианки Зинаиды	Вопрос содержит жалобу о том, что в районе от ул. Беринга до ул. Крупской нет даже маленькой церкви.
2000	10	**Р. Б. Галина.** Первая литургия на месте строительства Спасо-Преображенского морского собора	В статье рассказывается о совершении 16 сентября 2000 года первой литургии на месте строительства Спасо-Преображенского собора, совершенной под открытым небом. Описывается впечатление автора от службы. Дается краткое содержание проповеди архиерея.
2000	10	**Иерей Андрей Разинков.** Новая икона преподобного Варлаама Керетского	Заметка о строительстве храма прп. Варлаама в Коле. Несколько слов о поклонном кресте 1635 года и о почитании преподобного мореплавателями. Сообщение о написании иконы прп. Варлаама для нового храма.
2000	10	**А. С. Суходолов.** Скауты в православном мире	Рассказывается о православном скаутском движении в городе Мурманске (Православная дружина им. Государя Николая II), его деятельности, необходимости и отличиях от воскресной школы.

2000	11	**А. Рыжов.** Оленегорский приход: семь лет спустя	Статья о жизни общины прп. Димитрия Прилуцкого и трудах по созданию оленегорского храма.
2000	11	**Иерей Сергий Шерфетдинов.** Без названия	Заметка о пожертвовании в Видяево неравнодушными костромчанами часовни во имя Георгия Победоносца.
2001	2	**Р. Б. Галина.** «Дому Твоему подобает святыня, Господи…»	Статья о жизни Преображенского прихода. Рассказывается о проведении епархиального собрания. Размышление о строительстве кафедрального собора в Мурманске. Жизнь прихода и общины.
2001	3	**Р. Б. Евгения.** «Болящия исцеляйте…»	Статья об окормлении священниками, в частности духовенством Свято-Никольского кафедрального собора, пациентов в больницах.
2001	3	**Р. Б. Любовь.** Паломничество к блаженной Ксении	Статья о паломничестве прихожан Преображенской общины в часовню святой блаженной Ксении Петербургской на Туломе.
2001	3	**Г. Сиротинская.** Святая Елена	Под заметкой расположено объявление о строительстве в Туломе храма святой равноап. царицы Елены.
2001	4	**Иерей Василий Вольский.** Вечная память	Заметка об иконах в память подводников АПЛ «Курск», которые в августе 2001 года переданы в Видяево.
2001	5	Рубрика «Письма наших читателей»	В рубрике помещена благодарность «братьям и сестрам Спасо-Преображенской общины морского кафедрального собора» за помощь семье одной прихожанки.
2001	7	Началось строительство храмового комплекса Спасо-Преображенского морского кафедрального собора	Заметка о начале строительства храма Спаса на Водах. Совершение литургии на месте постройки храма. В материале есть небольшая фотография с места совершения службы.
2001	7	**Г. Сиротинская.** Храм во имя всемилостивого целителя	Статья, посвященная истории прихода и храма св. вмч. Пантелеимона в Мурманске в 1995–2000 гг. Краткое житие великомученика. История и причт храма. Окормление городских больничных часовен.
2001	8	**Г. Буздуган.** Православная община в Киркенесе	Статья о визите епископа Симона в Киркенес. Говорится о совершении в российском консульстве Божественной Литургии, концерте архиерейского хора, поездке на лодке по трифоновским местам.
2001	8	**Г. Буздуган.** «Души их во благих водворятся, и память их в род и род». Годовщина гибели подлодки «Курск»	Статья об архиерейской поездке в Видяево 12 августа 2001 года. Совершение богослужения. Возложение венков и траурный митинг. Выдержки из речей епископа Симона. Передача видяевскому приходу в дар от гостей икон. Материал сопровожден фотографиями.
2001	12	В Киркенесе будет построен православный храм во имя преподобного Трифона Печенгского	Заметка о рабочей встрече по вопросу строительства в Киркенесе православного храма 29 ноября 2001 года.
2002	1	Письма наших читателей	Письмо ковдорских прихожан к епископу Симону с просьбой о благословении заведующего хирургическим отделением Ковдорской районной больницы Каравайцева И. П. и ответ архиерея на него.
2002	2	**Г. Сиротинская.** Пострадавшие за веру Христову	Статья о праздновании престольного праздника Казанского храма в Кировске. Размышления о новомучениках, подвизавшихся на работах в Кировске. Слова протоиерея Михаила (Сыплывого) о намерениях строить храм в честь Спаса Нерукотворного.
2002	2	**Иерей Василий Вольский.** Рождество в воскресной школе	Заметка о проведении в воскресной школе Свято-Никольского каф. собора рождественского праздника.

2002	2	**Л. Панова.** Православные беседы в клубе «Родничок»	Заметка об умбском клубе православно-краеведческого направления «Родничок». Особенности деятельности. Краткие сообщения о занятиях в декабре 2001 и январе 2002 г.
2002	3	**Г. Чудневич.** «В темнице бех, и приидосте ко мне» (Мф. 25, 36)	Статья-письмо о жизни православной общины ОЮ-241/23 в исправительной колонии пос. Ревда и о начале строительства тюремного храма.
2002	3	**Иеромонах Митрофан (Баданин).** Колокола над Варзугой	Статья о поднятии колоколов на Успенскую звонницу в Варзуге в августе 2001 года. Страницы истории села: первый храм на Варзуге и варзужские приходы. Строительство и колокола Никольской колокольни в XIX–XX веках. Исчезновение колоколов в 1939 году. Уникальность современной колокольни Варзуги. Впечатления от подъема колоколов. Ветреное чудо.
2002	3	**О. Шевченко.** Весть из прошлого	Беседа с профессором кафедры литературы МГПИ Голотиной Г. А. о рукописном сборнике воскресных и праздничных служб конца XVIII – нач. XIX века, переданном в дар кольскому храму прп. Варлаама Керетского, возможно, единственной сохранившейся вещи из церкви в селе Кереть. История обретения книги.
2002	3	**Л. Панова.** Печальник земли нашей	Заметка о поэте Владимире Ладике, несколько лет жившем в Умбе. К заметке прилагаются его стихи.
2002	6	**Р. Б. Галина.** Освящение крестов на куполах храма Спаса на Водах	Статья об освящении крестов на куполах храма Спаса на Водах 3 июня 2002 года. Выдержка из проповеди священника. Скрытые смыслы даты освящения. Материал сопровожден фотографиями.
2002	6	**А. Ляпинская.** Дети приходят ко Спасителю	Заметка о детях воскресного класса кировского Казанского храма и об их первом опыте духовной жизни.
2002	8	**Г. Сиротинская.** Пойте Богу нашему, пойте… Беседа с регентом архиерейского хора Геннадием Буздуганом	Создание и становление архиерейского хора. Биография Г. Буздугана. Общие особенности состава хора. Материал сопровожден фотографией Г. Буздугана.
2002	8	**Г. Сиротинская.** Мученики Борис и Глеб – заступники северных границ России	Большая статья о праздновании престольного праздника Борисоглебского храма 6 августа 2000 г. Слово епископа Симона о значении благоверных князей в истории России. Впечатления от концерта церковного хора. Проведение литургического семинара в Мурманске 7 августа 2002 г. (на странице помещена выдержка из доклада игум. Диодора (Балабова) об евхаристическом пресуществлении хлеба и вина).
2002	8	**Г. Сиротинская.** Сеется в тлении, восстает в нетлении (1 Кор. 15, 42)	Заметка о богослужении и траурных мероприятиях в Видяево по случаю годовщины гибели АПЛ «Курск». Слова настоятеля Никольского храма иерея Сергия Шерфетдинова о смерти моряков «Курска».
2002	9	**Т. Переверзева.** Мурманские ребята посетили святые места Петербурга	Заметка о поездке учащихся воскресных школ Свято-Никольского кафедрального собора и Свято-Троицкого храма г. Заполярный в Царское Село.
2002	9	**Иерей Василий Вольский.** Памяти протоиерея Георгия Данильца	Некролог, посвященный протоиерею Свято-Никольского кафедрального собора Георгию Данильцу. Биография священника. Воспоминания прихожанки. Воспоминания о. Георгия Данильца (записаны **Г. Сиротинской**) о своем служении на Кольском Севере: воспоминания о духовенстве Свято-Никольского кафедрального собора, об его строительстве, о церковной жизни в первой половине 1980-х годов.

2002	10	**Р. Б. Галина.** Спас-на-Водах – морской храм	Большая статья об освящении храма Спаса на Водах 3 октября 2002. Примерный список священников, принявших участие в освящении храма. Впечатления от богослужения. Проповедь архиерея. Награждения строителей и благотворителей храма. Списки награжденных. Выдержка из проповеди иерея Андрея Амелина после молебна на освящение колоколов. Краткая биография настоятеля. Материал сопровожден фотографиями.
2002	10	**Иером. Митрофан (Баданин).** Святыня древнего села	Статья о водружении креста в честь прпп. Астерия, Авксентия и Тарасия Кашкаранских в одноименном селе.
2002	11	**В. Недзельский.** Вхождение в церковный мир	Заметка-рассказ председателя приходского совета Свято-Никольского кафедрального собора, руководителя православного молодежного центра о летней работе с трудными подростками.
2002	12	**Р. Б. Галина.** Дорогами Кольских новомучеников и исповедников	Статья о поездке участников православного военно-патриотического клуба «Дружина», учеников воскресной школы Свято-Пантелеимоновского храма, а также паломников в Мончегорск, Апатиты и Кировск. Современные чудеса в Кировске. Жизнь раскулаченных в спецпоселках. Часовня преподобного Сергия в Полярно-альпийском ботаническом саду. Слова протоиерея Михаила Сыплывого о чудесном обновлении икон в Кировском храме и о необходимости знать о жизни священников и мирян в советское время. Впечатления участников о поездке. Материал сопровожден фотографиями.
2003	1	**Иерей Василий Вольский.** И свет Твой, Господи, знаменася на нас…	Заметка, посвященная празднику Крещения Господня, сопровождена фотографиями великого водоосвящения, совершенного в Свято-Никольском кафедральном соборе.
2003	1	**Неизвестный корреспондент.** Праздник воскресной школы	Заметка о праздничном рождественском представлении, организованном учащимися воскресной школы Свято-Никольского кафедрального собора и состоявшемся в актовом зале МГПИ.
2003	1	**Неизвестный корреспондент.** Святки на приходах: Полярный	Заметка о поездке учащихся воскресной школы Свято-Никольского кафедрального собора со славлением в Полярный.
2003	1	**Р. Б. Ольга.** Святки на приходах: Североморск	Заметка о праздновании Рождества Христова на приходе св. мчч. Веры, Надежды, Любови и матери их Софии г. Североморска, в частности учащихся воскресной школы храма, художественной и музыкальной школ города.
2003	1	Стихотворное поздравление ко Дню Ангела настоятеля Свято-Вознесенского собора г. Мончегорска протоиерея Иоанна Баюра от певчих собора	
2003	5	**Иерей Василий Вольский.** Пасхальные новости: праздник Пасхи в воскресной школе	Заметка о Пасхальном празднике воскресной школы Свято-Никольского кафедрального собора. Приглашенные гости. Поставленные сценки. Выступление учащихся в Полярном на следующий день.
2003	8	**Иеромонах Митрофан (Баданин).** Часовня Безымянного инока	Статья об освящении часовни Безымянного Инока Терского на Терском берегу. История инока, его почитания и дореволюционной часовни.

2003	8	**Неизвестный корреспондент.** Летний лагерь православных скаутов	Статья об отдыхе в летнем лагере под Санкт-Петербургом подросткового отряда православных разведчиков имени св. равноап. князя Владимира при воскресной школе Свято-Никольского кафедрального собора. Программа поездки. Жизнь в лагере. Впечатления участницы от поездки.
2003	8	**Неизвестный корреспондент.** Храм Нерукотворного Образа Спасителя в местах страданий новомучеников	Заметка о строительстве храма в Кировске. Об установке Креста и закладке храма.
2003	8	**Иеромонах Митрофан (Баданин).** «На поклонение православным христианам…». Поморская традиция поклонных крестов	Статья об установке поклонных крестов на Терском берегу. Смысл поклонных и обетных крестов. Возрождение традиции в 2003 году. Роль старосты С. М. Калюжина в установке крестов. Материал сопровожден фотографиями.
2003	8	**С. Муренец.** Единство – первое существенное свойство Церкви	Материал общецерковного характера об угрозах сектантского духа во внутрицерковных группах сопровожден фотографией с празднования дня памяти св. князей Бориса и Глеба в августе 2003 года.
2003	10	**Мон. Васса.** Мурманская святыня	Статья об иконе Божьей Матери «Спорительница хлебов» (Мурманская), о посвященной ей часовне на территории Свято-Никольского кафедрального собора и о различных чудесах.
2003	10	**Р. Б. Геннадий.** Уважаемый Владыка Симон	Письмо от православных заключенных ИК-23 (община ОЮ-241/23) с просьбой к архиерею о совершении в колонии первой Божественной Литургии.
2003	11	**Иером. Митрофан (Баданин).** Завершено восстановление древнего храма	Заметка об освящении придела Зосимы, Савватия и Германа Соловецких в Афанасьевской церкви села Варзуга.
2003	11	Места страданий и трудов Новомучеников в Кировске будут освящены храмом	Заметка о строительстве в Кировске храма Спаса Нерукотворного, его значении.
2003	12	**А. Соколов.** Путешествие к Терскому берегу	Статья об архиерейской поездке в Умбу, Варзугу и Кузомень в ноябре 2003 г. Посещение Умбы. Освящение придела прпп. Зосимы, Савватия и Германа Соловецких Афанасьевской церкви в Варзуге 19.11.2003. Посещение Кузомени и прихода св. Димитрия Солунского.
3. Жизнь Трифонов Печенгского монастыря			
1999	6–8	Рассказ игумена Аристарха (Лоханова) о возрождении монастыря	Рассказчик повествует о своем приходе к вере, о суровой жизни северного монастыря, о взаимодействии монастыря и военных, миссионерской деятельности монастыря. Публикация сделана на основе беседы на радиостанции «Атлантика».
1999	8	Только полным погружением	Заметка о возрождении в монастыре традиции Крещения полным погружением в водах реки Печенги.
1999	10	Событие	В рубрике «Событие» дается краткая заметка об установлении креста и совершении первого молебна на могиле преподобного Трифона Печенгского.
1999	12	Возрождение монастырских традиций	В рубрике «Календарь православной жизни» рассказывается о существовании традиции Трифонов Печенгского монастыря устраивать ежегодную ярмарку. Дается анонс о проведении 26 декабря 1999 года Первой большой зимней Трифоновской ярмарки.

2000	4	Ответ на вопрос по организации паломничества в монастырь	Настоятель церкви г. Североморска иерей Георгий (Запорожан) делится опытом организации и краткой программой паломничества.
2000	10	**Т. Лазарева.** Ищите и обрящете	Статья о жизни подворья Трифонов Печенгского монастыря в Мурманске.
2000	10	**Т. Лазарева.** Подростковый лагерь становится клубом. Интервью с игуменом Аристархом	В интервью и введении к нему рассказывается о деятельности военно-спортивного патриотического подросткового лагеря «Русский стиль», организованного при монастыре.
2001	5	Обитель Святой Троицы на Печенге	Интервью с игуменом Аристархом (Лохановым) о возрождении монастыря. Об его деятельности на севере, о трудившихся в монастыре в 1995–1999 гг. О работе монастыря с военными подразделениями. О тяжелых испытаниях монастырской жизни. Ближайшие планы развития монастыря, в частности проведения Трифоновской ярмарки.
2001	8	**Р. Б. Галина.** Паломничество в церковь святых Бориса и Глеба	Статья-рассказ о паломнической поездке в Борисоглебский храм на реке Паз 6 августа 2001 года. Страницы истории храма. Впечатления от храма и от богослужения. Посещение паломниками Трифонов Печенгского монастыря, впечатления от них. Описание монастырского храма Рождества Христова.
2001	12	**Г. Быстрова.** Возсия во мраце Севера…	Статья о поездке воскресной школы Свято-Троицкого храма г. Заполярного в Трифонов Печенгский монастырь. Несколько слов о монастыре в конце XIX века. Сотрудничество монастыря и Полярно-альпийского ботанического сада. Мнение ученика о личности преподобного Трифона.
2001	12	**Л. Побережная.** Зачем мечтать о дальних монастырях?	Статья-рассказ паломницы Людмилы о поездке в Трифонов Печенгский монастырь. Рассказ передает чувства православного человека, впервые посетившего монастырь, вместе с тем в ней даны небольшие заметки о нескольких монахах, в это время подвизавшихся в монастыре.
2001	12	**А. Ляпинская.** Дети молились Печенгским преподобномученикам	Статья-рассказ о поездке в Трифонов Печенгский монастырь группы учащихся воскресной школы г. Кировска. Описывается посещение подворья монастыря в г. Мурманске и самого монастыря. Рассказывается о впечатлении детей. Несколько слов о монастырском быте и экскурсии по монастырю и окрестностям.
2002	1	**Р. Б. Андрей.** Не ослабевайте упованием на Бога	Заметка о помощи преподобного Трифона.
2002	10	**А. Конюшанец.** Жизнь по вере	Интервью с наместником Трифонов Печенгского монастыря игуменом Аристархом. Особенность священнического служения на Кольском Севере. Солдаты, укрывающиеся в монастыре от неуставных отношений. Отношения с интеллигенцией.
2002	11	**Неизвестная паломница.** На Печенгу, к преподобному Трифону	Статья-рассказ о паломнической поездке учащихся воскресной школы Свято-Пантелеимоновского храма в монастырь. В этом же номере на детской странице помещены два рассказа-впечатления детей-паломников 9-ти и 13-ти лет, в которых описан быт монастыря.

2003	12	**Г. Быстрова.** Семинар учителей	Заметка о проведении в Никеле учительского семинара, посвященного 70-летию монастыря и 420-летию со дня кончины преподобного Трифона.
4. История церковной жизни на Кольском Севере в XX веке			
1999	4	История Благовещенской церкви	Статья, посвященная престольному празднику Кольского храма. История строительства церкви. Краткая история церкви в XIX – XX веках.
2000	4	**Иерей Андрей Разинков.** Тополя у храма (о настоятеле Кольского храма протоиерее В. Обнорском)	Биография протоиерея Владимира Обнорского, настоятеля Благовещенского храма в Коле в 1947–1958 гг., написанная, в том числе, и на основе воспоминаний современников.
2001	7	**А. Ляпинская, М. Сизов.** Протоиерей Иаков Начис: жизнь во Господе	Статья об о. Иакове Начисе, священнике Казанского храма г. Кировска в 1958–1960 гг. Моменты биографии. Трудная жизнь в Кировске. Образ священника в воспоминаниях прихожан.
2001	7	**А. Ляпинская.** Под покровом Пречистой Девы	Статья об истории Казанского храма г. Кировска. Зарождение церковной жизни в городе, история строительства первого храма. Жизнь храма в советское время. Строительство второго храма. Храмовый причт. Воспоминания прихожан. Материал сопровожден фотографиями.
2001	7	**Иерей Василий Вольский.** Пастырь добрый	Статья о жизни и трудах протоиерея Владимира Жохова. Рассказывается о строительстве им первого молитвенного дома в Мурманске. Материал сопровожден фотографиями, в том числе фотографией первого молитвенного дома.
2001	12	**А. Конюшанец.** Живите с Богом	Воспоминания Лидии Ивановны Нерадовской о протоиерее Владимире Жохове, в годы его служения в с. Красноборске Архангельской обл. в 1947–1951 гг.
2001	12	**Иерей Василий Вольский.** Трифонов ручей	Заметка о ручье, расположенном недалеко от Свято-Никольского кафедрального собора, и его роли в жизни общины.
2002	4–5	**Иерей Василий Вольский**. Протоиерей-исповедник Владимир Обнорский	Биография настоятеля Благовещенского храма в Коле протоиерея Владимира Обнорского (1947–1958). Материал сопровожден фотографией из семейного архива Обнорских.
2002	1	**Иерей Василий Вольский, Г. Сиротинская, О. Миколюк.** Радуйся, подвижников веры и благочестия наставниче	Биография Феодора Абросимова. О памяти новомучеников и исповедников российских.
2002	2	Трифонов Печенгский монастырь в начале XX века	Воспоминания крестьянина А. М. Черепанова о жизни монастыря в 1900–1901 гг. Имеются фотографии монастыря того периода.
2002	6	Первый настоятель Никольской церкви г. Мурманска	Статья о протоиерее Павле Воронове – первом штатном настоятеле Никольского храма (1918–1919 гг.).
2002	11	**Иерей Василий Вольский.** Крест	Воспоминания дочери священника Василия Лебедева (1888–1940) о своем отце. Отец Василий служил в Вологодской епархии, был раскулачен и сослан на лесозаготовки в Кицу, а затем переведен в Колу, где и скончался. На момент публикации место его захоронения на кольском кладбище неизвестно[1].

[1] В статье содержится ошибка, связанная с датами. В словах дочери говорится, что о. Василия парализовало в 1943 году. Однако, судя по общему содержанию статьи, верной датой должен быть 1939 год.

2003	1	**Сост. иеромонах Митрофан (Баданин).** Терские новомученики и исповедники	Краткие биографии семи новомучеников и исповедников Терского берега, живших в Умбе, Оленице, Варзуге. Материал сопровожден фотографией конца 1940-х годов, на которой изображен один из исповедников, староста Предтеченского прихода Петр Евгеньевич Кожин.
2003	1	Возобновитель Трифонов Печенгского монастыря. «Исторический» отец Ионафан (1849–1915)	Жизнь и деятельность архимандрита Ионафана (Баранова), 25 лет бывшего настоятелем монастыря. Дается перечень его наград за благоустройство обители. Материал предоставлен Трифонов Печенгским монастырем, сопровожден фотографией о. Ионафана.
2003	5	**А. Ляпинская.** Игумен Дорофей	Статья об игумене Дорофее, служившем в Кировске в 1960–1970-х гг. Краткая биография. Арест, следствие и суд в 1970-х. В тюрьме и после освобождения.
2003	10	**Иерей Василий Вольский**. Протоиерей Владимир Кульчинский (1910–1980)	Воспоминания современников о протоиерее Владимире Кульчинском, служившем в Мурманске и в Кировске. Материал сопровожден фотографиями.
2003	12	**Д. Ермолаев.** Пастырь добрый	Статья о кандалакшском священнике Павле Васильеве. Имеется отрывок из очерка А. Ренникова «Навстречу Северному сиянию», в котором рассказывается о бессребреничестве священника.
		5. Социальное служение епархии	
1999	10	**И. А. Поливцева**. «Для инока – это время плача…»	Отзыв о посещении игуменом Аристархом (Лохановым) Североморского центра социального обслуживания.
2000	3	**Иеромонах Харитон.** «Пустите детей приходить ко Мне»	Статья посвящена проблеме приведения детей ко Христу «сквозь толпу сектантов». Говорится о нехватке священников в епархии, звучит призыв к педагогам и градоначальникам о сотрудничестве с Церковью. Приводится положительный опыт миссионерской поездки в детский дом учащихся воскресной школы Свято-Никольского собора.
2000	4	**Г. Сиротинская.** Основы православной культуры	Статья о преподавании предмета «Основы православной культуры» в школе № 18 г. Мурманска.
2001	3	**Р. Б. Евгения.** «Болящия исцеляйте…»	Статья об окормлении священниками, в частности духовенством Свято-Никольского кафедрального собора, пациентов в больницах.
2001	4	«Славим имя Христа»	Заметка о проведении в Центре социального обслуживания г. Североморска тематической смены православной направленности для пожилых людей.
2001	11	**Р. Б. Андрей.** Рубить надо корни, а не листья	Интервью с иереем Андреем Амелиным о борьбе с алкоголизмом и наркоманией. Создание в Мурманске реабилитационной клиники «Панацея».
2002	1	**Р. Б. Андрей.** Болезнь духа, страсть души	Встреча епископа Симона с коллективом реабилитационного наркологического центра «Панацея». Интервью с епископом о наркомании и ее влиянии на общество.
2002	1	**Р. Б. Андрей.** Приобщаясь к духовному	Заметка о поездке сотрудников и пациентов реабилитационного центра «Панацея» в Трифонов Печенгский монастырь.
2002	3	**С. Суровцев.** Духовная беседа в пресс-клубе	Статья о встрече журналистского клуба МГТУ со священником Свято-Никольского кафедрального собора о. Василием Вольским. Православная Церковь как духовный лидер общества. Деятельность протестантских сект. Разговор об истории церкви на Кольском п-ве.

2002	5	**Г. Сиротинская.** Уроки православной культуры и будущее России	Статья о проведении 29 марта 2002 года православной педагогической конференции «Преподавание основ православной культуры в общеобразовательных школах» в Благовещенском приходе города Колы. Цель и значение преподавания ОПК.
2002	6	**А. Конюшанец.** Мальчишки, ставшие мужами	Статья посвящена сбору молодежно-патриотического объединения «Дружина» при братстве прп. Варлаама Керетского Трифонов Печенгского монастыря. Подростки-участники сборов отправились в поход в Хибины. Задача сборов. Программа сборов. Впечатления участников.
2002	11	**Г. Сиротинская.** Кто не оставил Бога, тот оставил наркотики	Беседа с настоятелем храма свт. Луки Крымского при лечебнице для зависимых «Панацея» иеромонахом Антонием (Хржановским) о вреде наркомании. Деятельность клиники. Планы о строительстве церкви в районе ул. Копытова. Материал сопровожден фотографиями.
2003	11	Цель духовного образования – спасение души	Статья о проведении собрания епархиального отдела по религиозному образованию и катехизации. Цели духовного образования. Успехи и проблемы воскресной школы Свято-Вознесенского кафедрального собора в Мончегорске. Опасения по поводу деятельности католических миссионеров в школе № 23.
2003	11	**Г. Сиротинская.** Надо ли обучать наших детей православной культуре?	Статья-опрос родителей учеников школы № 23 о необходимости преподавания православной культуры в школах.
2003	11	**Р. Б. Елизавета.** От памяти не отрекаются	Статья-рассказ о поисковой работе в Мурманской области. Рассказы и впечатления о ветеранах и поисковиках – М. Я. Юрьевой, Н. И. Красновой, А. И. Бакине, Д. П. Топчинском.

МАКАРОВА
Ольга Акиндиновна
Печенгская общественная
организация экологического
просвещения «ЭкоЦентр»

ГОНТАРЬ
Оксана Борисовна
НИЦ Медико-биологических проблем
адаптации человека в Арктике
Кольского научного центра РАН

ШИПИЛИНА
Лилия Юрьевна
ФИЦ Всероссийский институт
генетических ресурсов растений
им. Н. И. Вавилова

ЗЕЛЕНЫЕ НАСАЖДЕНИЯ ВОКРУГ ХРАМОВ – ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ПРИРОДЫ

Каждый храм севера – это маленький островок аскетичного сада. Хотелось бы, чтобы эти сады стали центрами для изучения растений не только прихожанами и воспитанниками воскресных школ, но и школьниками, студентами и специалистами. Видовой состав растений для территорий около церкви, с учетом микроклимата, разработают специалисты – биологи различных исследовательских учреждений Мурманской области, заповедников. В дальнейшем возможно проведение фенологических наблюдений, размножение редких растений, популяционные исследования.

Обычно вокруг каждой православной церкви появляются зеленые насаждения. Как правило, этот зеленый пояс появляется почти стихийно. Если это небольшой участок, то сохранить его в порядке не так сложно внутри ограды. Если же церковь располагает достаточно большим земельным участком, то нередко люди начинают сокращать свои переходы, вследствие чего появляется немало троп, участок захламляется, вытаптывается, даже используется для выгула собак. Различные проволочные заграждения, какие-то заборчики не спасают. Более правильно создавать специальный проект для озеленения каждой церкви. Но это слишком затратно.

По нашему мнению, чтобы каждая церковь была окружена «зеленым ожерельем», следует привлечь школы. Сделать это сложно, но можно и даже необходимо.

Думается, что нужно осуществить проект под руководством православной церкви, которая включила бы для его выполнения научные силы. Мурманская епархия могла бы начать это большое и важное дело, тем более что для этого на Кольском Севере есть возможности. Это Кольский научный центр РАН, Полярно-альпийский ботанический сад-институт (ПАБСИ), 3 заповедника (Кандалакшский, Лапландский и «Пасвик») и Министерство образования. Разумеется, вполне уместно приглашать для такой работы сторонние организации, которые уже работают в Мурманской области, например, ВИР им. Н. И. Вавилова. Благодаря этому флора Мурманской области достаточно изучена, созданы хорошие гербарии на заповедных территориях, которые постоянно изучаются, находят не только редкие виды растений, но и дикие сородичи культурных растений, которые ранее использовались. Добавим, что имеются серьезные работы по зеленому строительству в городах Мурманской области (Гонтарь и др., 2010).

Начать работу необходимо с подготовки справочника, где будет список церквей с их локализацией, возможно с координатами и указанием площади и конфигурации земельных участков. Затем следует продумать вопрос: как провести первичную инвентаризацию зеленых насаждений на этих площадках. Но это уже специальная работа. Необходимо находить дополнительные возможности для осуществления намеченного. Нужно приглашать специалистов, которые не только составят список растений, произрастающих на этом участке, но также укажут их состояние, оценят почву, дадут рекомендации по ее улуч-

шению, предложат набор новых видов, наиболее пригодных для данной местности и одновременно красивых в разное время года.

К этой работе стоит привлекать не только постоянных прихожан, но, как уже говорилось, прежде всего школьников вместе с учителем, начиная с младших классов. Сначала в качестве прогулки и знакомства с архитектурой, памятниками, а также с растениями. Практически сразу можно вести фенологические наблюдения, для чего выбрать постоянные объекты для сбора сведений именно на участке около церкви, т.к. это постоянная площадка. Для этого можно использовать методическое пособие, подготовленное сотрудниками заповедника «Пасвик»: Фенологический атлас растений (Поликарпова, Макарова, 2016).

Так, для привлечения школьников к зеленому убранству города МПР Мурманской области субсидировало выпуск двух красочных буклетов, где были перечислены все виды, произрастающие на двух участках в центре – это скверы напротив железнодорожного вокзала и площади «Пять углов» (Дудакова, Макарова, 2015; 2016). Здесь же была приведена таблица для ведения различных наблюдений. Такой буклет помогает учителю биологии знакомить учеников с природой, школьникам, и вообще всем любителям природы – самостоятельно заниматься фенологическими наблюдениями. К сожалению, тираж буклетов был очень мал, а запросов много. Вероятно, надо готовить электронные версии в ПДФ-формате.

Кстати, такие постоянные площадки привлекают внимание научных сотрудников, которые могут проследить судьбу некоторых видов, вести наблюдения за новыми растениями, проводить регулярные инвентаризации через определенные временные дистанции неопределенно долгий период.

Собранные сведения школьники могут внести на специальный школьный сайт, создать свой школьный календарь и др. Заповедники «Пасвик» и Кандалакшский более 10 лет занимались этой работой вместе со школьниками нескольких мурманских и норвежских школ по проекту «Фенология северного Калотта» и свои наблюдения они сами передавали на специальный сайт в Норвегии (Макарова, Поликарпова, Кротова, 2010). Эту программу можно использовать для работы и создать такой же сайт в Мурманской области.

Безусловно, на земельных участках можно использовать не только стандартный набор видов для озеленения, но также испытывать лекар-

Памятный крест у места захоронения советских военнопленных (бывший поселок Янискоски Печенгского р-на).

Часовня на окраине деревни Колвица Кандалакшского р-на. Фото О. А. Макаровой

ственные растения, новые виды. Такая постоянная площадка должна использоваться как в учебном и научном процессах, а также для бесед со священником. Здесь большое поле деятельности для изучения природы. Конечно, очень хорошо готовить буклеты о таком уголке, привлекая и школьников к этой теме. Буклеты могут быть самыми разными: с фото, с рисунками, с описаниями, главное, чтобы они всегда были в разнообразии.

Наблюдения за природой на определенном участке можно проводить в любое время года, в том числе за метеорологическими явлениями, как они влияют на растения, за птицами, для чего установить дуплянки, фотоловушки, организовывать фотоконкурсы. Весьма целесообразно установить около церкви простейшие метеорологические приборы, например, термометры. Это будет привлекать внимание. Все это мероприятия нужно проводить постоянно вблизи церкви и при участии священнослужителей. Думается, что, привлекая молодежь к разным работам, проводя беседы, выполняя разные задания, мы сможем привить интерес к изучению природы и, конечно, к церкви. Важно привлечь внимание к растениям, наиболее чтимым в церковных обрядах, например, к таким как ива (верба).

К сожалению, должны отметить, что родную природу дети, да и взрослые, знают плохо, в том числе и учителя биологии. Не случайно они крайне неохотно водят экскурсии, выходят совместно с детьми на прогулки. На биологических факультетах ВУЗов студенты не имеют серьезной полевой практики, обычно это какие-то «набеги», однодневные экскурсии. Все сокращено до минимума. Откуда же взяться знатокам природы, как ее полюбить? Поэтому природу посещают в основном на пикниках, и то обязательно слышатся стоны: «А тут у вас

комары!». Такое знакомство с природой не приведет к ее сбережению. Необходимы совместные усилия школы, церкви, всего общества.

Разумеется, что создание такого документа для каждой церкви желательно, но трудно осуществимо. На первых порах можно сделать модельный проект, м. б. правильнее сказать – типовой. Выбрать 1–2 церкви, которые смогли бы стать первыми. Мурманская епархия могла бы начать это большое и важное дело, тем более что совместно с ВИР им. Н. И. Вавилова уже началась огромная работа по возрождению монастырских садов (Шипилина и др., 2011). Наличие трех заповедников в области может побудить вести постоянные фенологические наблюдения в школах, расположенных вблизи заповедников. Так, в пос. Раякоски, пгт. Никель, где есть структурные подразделения заповедника «Пасвик», школьники участвовали в разных проектах, а том числе в проекте «Фенология Северного Калотта» (Макарова и др., 2010). Здесь и можно попытаться создать типовой проект зеленого пояса вокруг церкви.

В некоторых случаях по инициативе местных жителей создаются часовни, небольшие церкви, устанавливаются памятные кресты на краю населенного пункта, и тогда окружающая природа является естественным зеленым убранством, как у деревни Колвица Кандалакшского района или в бывшем поселке Янискоски Печенгского района. Остается только внимательно следить за состоянием природы вокруг такого места.

Литература:

Гонтарь О. Б., Жиров В. К., Казаков Л. А., Святковская Е. А., Тростенюк Н. Н. Зеленое строительство в городах Мурманской области. Апатиты, 2010. 292 с.

Дудакова Е. Ф., Макарова О. А. Первый сквер в городе Мурманске. Мурманск: ООО «Тореал», 2015. 38 с.

Дудакова Е. Ф., Макарова О. А. Площадь Пять Углов в Мурманске (природно-исторический маршрут)/Министерство природных ресурсов и экологии Мурманской области. Мурманск, 2016. С. 38

Поликарпова Н. В., Макарова О. А. Фенологический атлас растений / Под ред. к. б. н. А. В. Кравченко. На рус. и англ яз. Рязань: НП «Голос губернии», 2016. 236 с.

Макарова О. А., Поликарпова Н. В., Кротова О. В. Международный

школьный проект «Фенология Северного Калотта // Современное состояние фенологии и перспективы ее развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося советского фенолога В. А. Батманова. 15–16 декабря 2010 г., Екатеринбург/ГОУ ВПО Урал; гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. С. 64–72.

Шипилина Л. Ю., Смекалова Т. Н., Чухина И. Г., Макарова О. А., Дмитренко Г. А. Дикие родичи культурных растений на территории заповедника «Пасвик»/Ботанические сады и устойчивое развитие северных регионов: Материалы докладов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летнему юбилею ПАБСИ КНЦ РАН, Апатиты – Кировск, 25–28 августа 2011 г./Сост. О. Б. Гонтарь. Апатиты: «K&M», 2011. С. 220–222.

СЕВЕР В КУЛЬТУРЕ
И ИСКУССТВЕ

АКУЛОВА
Татьяна Валентиновна

главный специалист отдела НСА
РГАВМФ (г. Санкт-Петербург)

РУКОПИСНЫЙ ЖУРНАЛ «МУРМА́НСКИЯ МИДИИ»

… В тебе, как в зеркале, все наши отраженья
В причудливый сплелися хоровод.
Печали, радости, тревоги и волненья –
Все наше «Я» в тебе теперь живет…

О журнале – в журнале «Мурманския мидии» [1]

В РГАВМФ на постоянное хранение передан рукописный журнал (альбом) «Мурманския мидии» (лето 1920 г. – зима 1921 г.) [2].

Важным приобретением мы обязаны Ирине Сергиевской, сохранившей журнал, детище своего отца – морского офицера Александра Ивановича Сергиевского. «*Внимательно вглядываясь в его страницы,* – пишет Ирина Александровна в комментариях к журналу (2014 г.) [3], – *можно немало узнать о той странной эпохе, погрузиться в своеобразный быт нескольких человек, столь весело, иронично отраженный в текстах и иллюстрациях. Не только подивиться тому, как нелепо одеты были в двадцатом году военморы молодой республики Советов, недавно отбившие Русский Север от англичан, но и почувствовать отчаянное стремление этих людей сохранить свое достоинство в грозных катаклизмах отечественной истории*».

---

1 РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп.1. Д. 9. Л. 6.

2 Там же. Оп. 9. Лл. 1–72.

3 Там же. Д. 10. Л. 41.

Рукописный журнал (альбом) «Мурманския мидии» придумали военморы Штаба морской обороны Мурманского района (побережья). Штаб с 6 мая 1920 г. по 20 июня 1921 г. находился в подчинении начальника Морских сил Северного моря. В ведении начальника Морской обороны находились: Мурманский военный порт, дивизионы сторожевых судов и катеров-истребителей, полудивизион плавучих батарей и посыльные суда («Руслан», «Трифон»). Стоит отметить, что лишь к середине марта 1920 г. на Севере была повсеместно восстановлена Советская власть, а мурманские военморы приступали, по сути, к созданию регулярного военного флота для обороны северных морских границ советской Республики.

10 мая 1920 г. начальник морской обороны Мурманского района обратился в редакцию газеты «Мурманские известия» [1] с просьбой разместить информацию о месте расположения Штаба в Мурманске – «на Базе дома № 2» [2].

И военные моряки Штаба, с женами и детьми, обосновались рядом: База Мурманска, дом № 48.

Свой дом (барак) они прозвали Ящиком, и зажили в нем коммуной – общим столом, не спасавшим, впрочем, от настойчивого желания наесться вдоволь, хотя бы любимого лакомства – горчицы (Ил. 1).

Быт моряков был обустроен плохо: в хмуром и холодном Мурманске, разоренном интервентами, нормальная жизнь только начинала зарождаться, впереди было и создание Северной военной флотилии (в 1937 г. преобразована в Северный флот).

В Ящике коммуной жили: начальник Штаба морской обороны Мурманского побережья (Наобмур) *Б. В. Биллевич*, начальник оперативной части Штаба *А. И. Сергиевский*, начальник распорядительной части Штаба *Н. Ф. Вальдман*, флагманский механик Штаба *А. В. Яковлев*, флагманский артиллерист Штаба *Н. М. Коринтели* и другие [3]. Они-то, их близкие – члены семей, друзья – и становились авторами журнала, героями заметок своих товарищей.

---

[1] С 23 февраля по 28 сентября 1920 г. газета называлась «Известия Мурманского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», затем – «Северная правда», с февраля 1921 г. – «Полярная правда».

[2] РГАВМФ. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 21. Л. 17.

[3] РГАВМФ. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 12. Л. 62.

Инициатива рукописного журнала «Мурманския мидии» принадлежала Александру Ивановичу Сергиевскому. Его слова – и как редактора – предваряли общее детище коммунаров: «*… жизнь за кругом Полярным не дает тебе много радости, и ты желаешь скрасить свое прозябание. <…> Ты недоедаешь, недосыпаешь. Но в глубине души твоей теплится искра желания хоть одну минуту пожить чистой, духовной жизнью, хоть на одну минуту отогреть свою зачерствелую душу красотой и изяществом…* » (Ил. 2) [1].

А. И. Сергиевским были прописаны и «Правила жизни» в Ящике, жизнь в котором и освещалась в журнале: недопустимость «*скулежа вслух и деревенских слов*», «*карточных развлечений*», «*шептунов*», «*харчевания в своей берлоге*», и главное: «*Гость каждого – гость всех*» [2].

Рукописный журнал (лето 1920 г. – зима 1921 г.) дарил каждому члену коммуны «*веселый смех над жизнью близ Океана, полного льда*» [3], содержал авторские тексты (заметки, юморески, шутки, реплики «в прозе и в стихах», ноты), рисунки и шаржи, как правило, с иронией и юмором иллюстрирующие быт моряков и членов их семей, личные и общественные события из жизни военморов: от строевых учений до лыжных прогулок, музицирования и т. п.

И за каждым таким товарищеским высказыванием в журнале – личная интонация, живые подробности, иногда не лишенные подтекста. Военморы – влюбленные, уставшие или позволившие себя лень, допустившие ошибки по службе или в поведении с товарищами, восторженные и благодарные за дружескую поддержку – они навсегда остались на страницах журнала «Мурманския мидии».

Устарели шутки военморов, неизвестными для нас остаются некоторые упоминаемые в журнале лица, но все же журнал навсегда запечатлел атмосферу жизни этих людей, объединенных службой, дружбой и условиями проживания в послевоенном Мурманске (Ил. 3).

А. И. Сергиевский гордился тем, что к дружескому общению в Ящике привлек не только друзей-военморов, но и молодого художника Владимира Голицына, знаменитого архитектора и акварелиста Альберта Николаевича Бенуа.

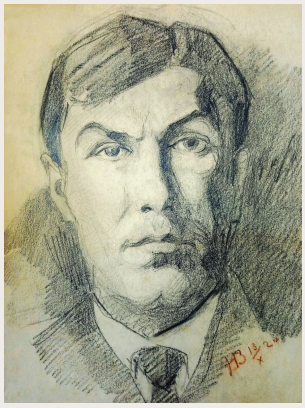
---

1 Там же. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

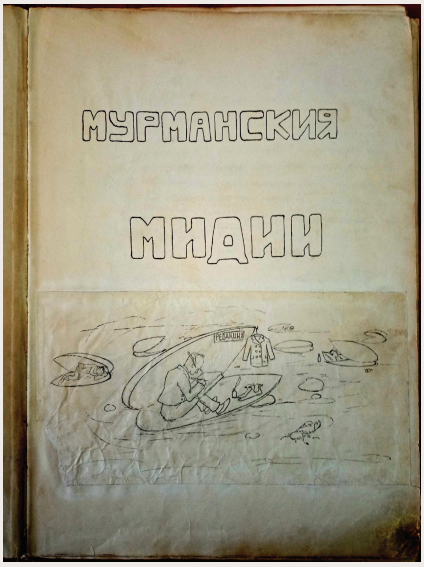
2 Там же. Л. 9 об.

3 Там же. Л. 4.

Ил. 1. «В Ящике».
РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 9. Л. 8 об.



Ил. 2. Александр Сергиевский.
Рис. Н. Вальдмана.
3 октября 1920 г.
РГАВМФ. Ф. Р-2254.
Оп. 1. Д. 10. Л. 1.



Ил. 3. Первая страница журнала.
РГАВМФ. Ф. Р-2254.
Оп. 1. Д. 9. Л. 1а.

Ил. 4. «… Безукоризненный костюм,
тщательный английский пробор,
красиво изогнутая тростиночка!
Вот что значит бог Гиминея!..»
(А. Сергиевский). Рис. В. Голицына.
РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 9. Л. 13 об.

Ил. 9. Образ жены Н. Ф. Вальдмана, дочери управляющего известной швейцарской фирмы «Гала-Петер» (Нестле) Елизаветы Альбертовны Кюнцли (1895–1958), не раз возникает на страницах журнала. РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 9. Л. 17 об.

Ил. 10. Работа Н. Вальдмана из собрания семьи Вальдман-Комаровых (С.-Петербург)

Ил. 11. Работа Н. Вальдмана из собрания семьи Вальдман-Комаровых (С.-Петербург)

Ил. 12. «Старпер» («старая перечница») – А. Н. Бенуа. Рис. В. Голицына. РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 9. Л. 30 об.

Ил. 13. Александр Владимирович Яковлев, несмотря на свою полноту в те годы, замечательно танцевал (до революции на офицерских балах часто завоевывал за это призы). РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 9. Л. 41

Ил. 16. «Строевые учения сводной роты команд “морведов”». Рис. В. Голицына.
РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 9. Л. 43

Ил. 17. «Маленький». Автошарж В. Голицына.
РГАВМФ. Ф. Р-2254.
Оп. 1. Д. 9. Л. 27об.

Ил. 19. Рис. В. Голицына с подписью:
Читатель! Ты заинтригован,
Какой предмет здесь нарисован:
Воздушный шар иль цеппелин,
Иль почерневший апельсин?
Ошибся ты! На самом деле
Залез в пальто здесь Коринтели.
РГАВМФ. Ф. Р-2254.
Оп.. Д. 9. Л. 22 об.

Ил. 20. *«Топают в должность!..*
Впереди начальство, дабы дать хороший пример – самым полным ходом.
Мамина Вова за под руку с военмором для по – ручений…
Что-то артиллерийское – сразу заметно по солидности, серьезности и… пальто!
Дяса – выйдя развивает ход – как бы попасть первым – оперативныя соображения!»
«Впереди начальство» – Б. В. Биллевич.
«Мамина Вова» – Е. А. Кюнцли и ее муж Н. Ф. Вальдман.
«Что-то артиллерийское» – Н. М. Коринтели.
Дяса – А. И. Сергиевский.
Подпись А. Сергиевского к рис. В. Голицына.
РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 9. Л. 14 об.

У некоторых из его друзей были шутливые прозвища. Так, сам Сергиевский подписывал тексты «Дяса» (т. е. дядя Саша), В. Голицына прозвали Маленьким (за высокий рост), а А. Н. Бенуа – Старпером (т. е. «старой перечницей»), Биллевич именовался Бобом.

Наш рассказ об этих достойных людях, отличавшихся высокой культурой, образованностью и уважительным отношением друг к другу. Увы, не всем из них, разделившим свою жизнь с морской службой, выпала долгая и справедливая жизнь.

Александр Иванович Сергиевский (24 августа 1890 – 28 ноября 1954) родился в Казанской губернии. Окончив Казанское реальное училище, обучался в Петербургском Политехническом институте. 23 сентября 1913 г. был зачислен юнкером флота по морской части во 2-й Балтийский флотский экипаж; в составе роты юнкеров флота в 1913–1914 гг. участвовал в учебном плавании в Средиземном море на крейсере Гвардейского экипажа «Олег» [1].

После создания в июне 1914 г. Отдельных гардемаринских классов (ОГК) в числе других юнкеров он был зачислен в их состав. Службу затем проходил на кораблях Балтийского флота, в т. ч. на миноносце «Рьяный» в составе дивизии траления.

В марте 1917 г. командой корабля он был единогласно избран командиром [2], а затем утвержден в должности временно командующего «Рьяным» (приказ от 15 апреля 1917 г.); к марту 1918 г. – старший офицер того же корабля.

В Гражданскую войну Сергиевский воевал в красной Онежской флотилии, командовал канонерской лодкой № 3. После ранения, полученного во время атаки английских самолетов и лечения, Александр Иванович получил новое назначение – в Штаб начальника морской обороны Мурманского района [3].

Назначение совпало с его влюбленностью в Марию Янишевскую, которая стала его женой, правда, ненадолго [4]. При Штабе Мария занимала должность писаря [5] (Ил. 4).

---

1 РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 2. Лл. 35–36 об.

2 Там же. Д. 3. Л. 13, 15, 16.

3 Там же. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 12. Л. 62.

4 Там же. Л. 77 об.

5 Там же. Л. 3.

Ил. 5. Военморы и их жены на крыльце «Ящика». 1921 г.
РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 10. Л. 20

К 10-летию РККА, как участник боев на Онежском озере, А. И. Сергиевский был награжден орденом Красного Знамени [1, 2].

Потом была работа помощником капитана на пароходах Управления внутренних водных путей Волжского бассейна, служба на Черном море в Морской пограничной охране ОГПУ и Морской школе, преподавание в Военно-морском пограничном училище в Ленинграде, в т. ч. во время его блокады, служба в Управлении военизированной флотилии Наркомата рыбной промышленности СССР на Каспийском море, участие в боевых действиях на Волге [3].

Капитан II ранга А. И. Сергиевский скончался от тяжелой болезни в возрасте 64-х лет. Всю жизнь помнил он своих товарищей, обретенных на Севере, сохранил их общий журнал «Мурманския мидии» – уникальный человеческий документ (Ил. 5).

Одним из близких друзей А. И. Сергиевского на Севере был ***Борис Владимирович Биллевич*** (4 ноября 1892–1938), флагманский штурман Штаба Онежской флотилии и начальник Штаба морской обороны Мурманского района (1918–1921).

О своем происхождении Борис Биллевич рассказывал в «Ав-

---

1 Там же. Ф. Р-1483. Оп. 5. Д. 5. Л. 73 об.

2 Там же. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 7. Лл. 5–12.

3 Там же. Лл. 31–32 об.

тобиографии» (1933 г.) [1] так: «Происхожу из литовского дворянского рода. Прадед мой по отцу за участие в последнем польском восстании был сослан в Сибирь, где и погиб. Дед, в то время 16-летний мальчик, был лишен дворянства и имущества и выслан в центральную Россию, где прожил всю жизнь, занимаясь сельским трудом по найму. Был женат на крестьянке Курской губернии Анастасии Волковой. <…>

Мой отец Владимир Викентьевич, существуя уроками и перепиской, окончил гимназию и университет, и всю жизнь работал педагогом, занимая последовательно должности от преподавателя до директора гимназии. <…>

Мать – Мария Николаевна, дочь механика маслобойного завода, родилась в г. Смоленске, окончила учительскую семинарию и до замужества работала сельской учительницей.

С 1905 г. мы жили в г. Гельсингфорсе, куда отец был назначен директором гимназии».

Борис Биллевич окончил Александровскую гимназию в Гельсингфорсе (1910), Морской корпус (1913) и Штурманский класс (1916) в Петербурге.

В 1913 г. Биллевич был выпущен в Балтийский флот вахтенным начальником и ротным командиром миноносца «Рьяный», а затем, по окончании Штурманского класса, младшим штурманом крейсера «Россия». На этих двух кораблях Б. Биллевич служил всю Первую мировую войну [2].

После Февральской революции Б. Биллевич был назначен старшим штурманом на крейсер «Россия» [3]. И в конце декабря 1917 г. по приказанию Центробалта провел его во льдах из Гельсингфорса в Кронштадт.

В январе 1918 г. Биллевич был назначен командиром миноносца «Рьяный», где до него командовал Сергиевский. После захвата «Рьяного» белофиннами в апреле 1918-го приказом старшего морского начальника Финляндских вод Биллевич назначается старшим штурманом на корабль «Память Азова» с прикомандированием к его штабу пере-

---

1 Там же. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 104. Лл. 41–42 об.

2 РГАВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 104. Лл. 1–10.

3 Там же. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 104. Л. 8 об.

Ил. 6. Б. В. Биллевич (справа) с женой Еленой Борисовной (в центре – сын Олег). 1920-е гг. РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 10. Л. 21

водчиком [1]. Б. В. Биллевич прекрасно знал немецкий, шведский, норвежский, французский и английский языки.

Вернувшись на «Памяти Азова» в Россию, Б. В. Биллевич добровольно поступил в Онежскую флотилию [2], в составе которой провел всю Гражданскую войну, командуя дивизионом канонерок, «участвуя почти во всех боевых столкновениях флотилии с противником». После ликвидации Северного фронта в 1920 г. Б. В. Биллевич был назначен начальником Морской обороны Мурманского района (Ил. 6).

На Красном флоте Борис Владимирович дослужился до капитана III ранга (1937). В 1922 г., после расформирования Морской обороны Мурманского района, Биллевича перевели в ВММУ им. М. В. Фрунзе начальником курса [3]. В 1926–1928 гг. он был командиром ЭМ «Сладков» [4] и помощником командира ЛК «Октябрьская революция», после чего списан по болезни на берег; служил помощником начальника распределительно-строевого отдела Штаба МСБМ и начальника строевого отдела Управления комплектования ГВП МСБМ.

14 ноября 1930 г. пришла беда: арест [5]. Биллевич писал в «Автобиографии»: «... был арестован ОО ПП ОГПУ МСБМ и осужден

1 Там же. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 104. Л. 42.

2 Там же. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 104. Л. 42.

3 Там же. Р-322. Оп. 8. Д. 13А. Л. 154.

4 Там же. Р-92. Оп. 22. Д. 250. Л. 13.

5 Там же. Р-1483. Оп. 1С. Д. 76. Л. 203.

на 10 лет в концлагере. Будучи там, работал начальником изыскательского отряда по постройке Балтийско-Беломорского канала».

9 января 1932 г. Б. В. Биллевич был освобожден из заключения, возвращен в ряды РККФ и назначен преподавателем Учебного отряда подводного плавания, одновременно исполнял обязанности помощника начальника Штаба.

Б. В. Биллевич стал затем преподавателем Военно-Морской академии им. К. Е. Ворошилова, как специалист в области подводного флота, и автором труда «Военно-морское дело», выдержавшего к 1937 г. четыре издания, также и одним из авторов сборника очерков о подводном флоте «… Через все преграды» (1934). В книге Жюля Верна «20 000 лье под водой» (1935) опубликовано послесловие Б. В. Биллевича и гидролога Н. И. Тарасова «Фантастика Жюля Верна и современная действительность».

В ноябре 1937 г. был вновь поставлен вопрос об аресте Биллевича. К тому времени уволенный из рядов ВМФ капитан III ранга Биллевич находился в Красноярске [1].

Уже в начале 1938 г. Борис Викторович был арестован в Москве (вероятно, искал там защиту), обвинен в том, что «будучи на военно-морской службе, входил в контрреволюционную офицерскую монархическую организацию РОВС, существующую на Балфлоте и по ее заданию приводил подрывную работу против Сов[етской] власти» и «осуществлял связь с представителем РОВСа в Финляндии» [2] (Ил. 7).

Погиб Б. В. Биллевич [3] в ГУЛАГе. Вероятно, в лагере сгинула и его жена Елена Борисовна, дочь графа Б. Г. Толстого (1854 – ?). Ее арестовали 4 июня 1938 г. и приговорили к пяти годам исправительно-трудовых работ.

Сын Биллевичей Олег в 1934 г. выдержал экзамены в ВВМУ им. М. В. Фрунзе, но не был принят «по состоянию здоровья». В июле 1941 г. он ушел в Ленинградскую армию народного ополчения и пропал без вести, предположительно в декабре 1941-го.

---

1 РГАВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7С. Д. 680. Лл. 1–4.

2 Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 111. Л. 582.

3 Мильбах В. С., Саберов Ф. К. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Краснознаменный Балтийский флот. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2016. С. 254, 334.

Ил. 7. Б. В. Биллевич (слева) на курсах командного состава флота в Петрограде. 1920-е гг.
РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 10. Л. 22

Меняет вид земная оболочка.
Известно это всем уже давно, –
Где был овраг – там вырастает кочка,
Где горы высились – морское станет дно.

А с ними Ящик наш в пучину погрузится
Куда ничей не проникает взор.
В нем будут мидии во множестве гнездиться
И ждать добычу жадный пинагор…

Стихи Бориса Биллевича в журнале «Мурманския мидии» от 6 декабря 1920 г.
РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 9. Л. 7

Николая Фридриховича Вальдмана (27 сентября 1893 – 13 марта 1949) Сергиевский знал со времени совместной службы во 2-м Балтийском флотском экипаже и учебы на ОГК. В составе роты юнкеров флота в 1913–1914 гг. они оба участвовали в учебном плавании в Средиземном море на крейсере «Олег» [1]. А. Сергиевский сделал в том плавании множество фотоснимков, и Вальдман вел дневники [2].

В феврале 1916 г. мичман Вальдман был назначен 2-м минным офицером на заградитель «Амур», исполнял обязанности вахтенного начальника и ротного командира, уже в июле «за усиленные труды в обстоятельствах военного времени» приказом командующего флотом Балтийского моря за № 508 награжден орденом св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом. В феврале 1917 г. мичман Вальдман, участник Моондзунской операции, постановки заграждений в Ирбенском проливе на тральщике «Шквал», приказом за № 134 «за усиленные труды в обстоятельствах военного времени» награжден орденом св. Анны 4 ст. «За храбрость» [3].

После Октябрьской революции Н. Ф. Вальдман служил в Красном флоте на заградителях «Амур» и «Урал», на ЭМ «Сторожевой»

1 РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 10-1. Д. 4В.

2 Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1979. Лл. 1–70.

3 Там же. Ф. 873 Оп. 3 Д. 15, 16.

Ил. 8. Елизавета и Николай Вальдманы. Петрозаводск. 1919 г. РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 10. Л. 11

Онежской военной флотилии [1], стал флагманским артиллеристом дивизиона канонерских лодок, а затем получил назначение в штаб Наобмура [2] (Ил. 8, 9).

Начальник распорядительной (строевой) части Штаба Н. Ф. Вальдман находил время и для рисования. В его семье хранятся удивительные работы того периода службы Николая Фридриховича – акварельные зарисовки Мурманска, природы мурманского Заполярья. Они датированы 1921 г., но не имеют названий, хотя знатоки Мурмана, вероятно, могут, приглядевшись, узнать знакомые им места (Ил. 10, 11).

В 1923 г., будучи помощником начальника курса ВВМУ им. М. В. Фрунзе, Вальдман демобилизовался. Он резко меняет свою жизнь: поступает в Академию Художеств в мастерскую профессора В. В. Лишева (1877–1960). Некоторые работы Николая Фридриховича сохранились и находятся сегодня в ЦВММ им. императора Петра Великого, в т. ч. скульптурная композиция «Моряки в гражданской войне».

В 1930-е годы семья Вальдманов была отправлена в ссылку в Саратов. Но им удалось вернуться в Ленинград в 1936-м, этому предшествовали письменные обращения Николая Фридриховича на имя наркома обороны К. Е. Ворошилова.

В июне 1941 г. Н. Ф. Вальдман был призван на флот. Командиром канлодки «Амгунь» он одним из последних уходил из Таллина под сильным огнем противника. Штабисты стрелковой дивизии, до-

[1] Там же. Ф. Р-92. Оп. 22. Д. 59. Л. 201; Ф. Р-402. Оп. 2 Д. 201 Лл. 46–48.

[2] Там же. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

ставленные им в Ленинград без потерь, ходатайствовали о присвоении Николаю Вальдману звания Героя Советского Союза (не получил). Канлодка «Аргунь» под командованием Николая Фридриховича в октябре 1942 г. отличилась и при высадке нашего десанта под Стрельной.

«Во время блокады Ленинграда, в те редкие дни, когда дед шел в увольнительную домой, – рассказывает внучка Н. Ф. Вальдмана Наталья Кирилловна Комарова, – он набивал карманы шинели кусочками сушеного хлеба, которые готовили по этому случаю его матросы и он сам. А потом… прежде всего обходил квартиры соседей, раздавал хлеб умирающим, спасал их».

После войны капитан III ранга Н. Ф. Вальдман преподавал в ВВМУ им. М. В. Фрунзе.

Николай Фридрихович погиб, торопясь на службу, в 1949 г., – случайно попал под поезд в Ломоносове. «Когда Николай Фридрихович трагически погиб, его хоронил весь Ленинград, процессия шла через весь город… Мой отец рассказывал, что один из юношей шел много километров за гробом пешком на костылях… Это был паренек, которого спас Николай Фридрихович во время блокады. Когда юноше предложили сесть в машину, он сказал: "За этим ЧЕЛОВЕКОМ я пойду только пешком"» [1].

Среди наград Н. Ф. Вальдмана медали «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орден Красной Звезды.

Предполагаем, что именно благодаря Н. Ф. Вальдману гостем военморов в Ящике бывал и ***Альберт Николаевич Бенуа*** (14 [26] марта 1852 – 16 мая 1936). Родная сестра Николая Фридриховича, Ольга, была замужем за Елисеем Бенуа (1890–1914), студентом технологического факультета Петербургского университета, происходившим из известной в России семьи художников и архитекторов Бенуа, жалованных дворян.

В 1918 г. А. Н. Бенуа заведовал Музеем прикладного искусства Комиссариата торговли и промышленности. А в 1920 г. – находился в северной экспедиции петроградского Геологического института.

Из воспоминаний дочери профессора Геологического института П. В. Виттенбурга (1884–1968) Евгении Павловны Виттенбург (1922–

[1] Из беседы с Н. К. Комаровой, живущей в Санкт-Петербурге.

2015) [1]: «В 1920 году Академия наук при финансовой поддержке Северной научно-промысловой экспедиции организовала геологические изыскания на севере Кольского полуострова с целью исследования залежей железной руды. Павел Владимирович пригласил Альберта Николаевича принять участие в этой экспедиции. Несмотря на свои 68 лет, Альберт Николаевич с удовольствием собрался в путь… (Ил. 12) <…>

Экспедиция выехала из Петрограда 8 августа, через две недели достигла Мурманска, а там пересела в моторную лодку, взяв на буксир шлюпку с экспедиционным снаряжением. Путь лежал вверх по течению реки Туломы. Ночевали на берегу в палатках. Вернувшись в Мурманск, экспедиция приступила к обследованию северного побережья Кольского полуострова с помощью военного траулера, осмотрела полуостров Рыбачий и прилежащие острова, а затем, уже на другом пароходе, направилась в Норвегию для знакомства с залежами железа в Киркинесе. 28 октября экспедиция вернулась в Петроград».

Геологический отряд для исследований побережья Северного Ледовитого океана на Кольском и Канином полуостровах получил тогда помощь Штаба морской обороны Мурманского района в виде траулера, необходимого для передвижения экспедиции и ее работ [2].

В 1921 г. акварели А. Н. Бенуа, написанные во время экспедиции, выставлялись в Петрограде в Доме искусств.

В 1924 г. Альберт Николаевич Бенуа эмигрировал в Париж и окончил свои дни во Франции. На долгие годы его имя – любимого художника Александра III, а впоследствии хранителя Русского музея Александра III (Государственный Русский музей), одного из создателей коронационного альбома Николая II, – было предано забвению.

Военинженер I ранга ***Александр Владимирович Яковлев*** (30 августа 1891 – 12 октября 1943), как и Биллевич, и Сергиевский, был беспартийным.

А. В. Яковлев – уроженец г. Пскова. Его отец воспитывался как сирота в воспитательном доме, трудился столяром, участвовал в Рус-

---

[1] Виттенбург Е. П. Альберт Бенуа и Павел Виттенбург на Мурмане // Живая Арктика. 1999. № 3–4. Так же см.: Виттенбург Е. П. Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГа. Санкт-Петербург: «Нестор-История», 2003. С. 52, 57, 61.

[2] РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3-1. Д. 656. Лл. 83, 84.

ско-турецкой войне и дослужился до ефрейтора, потом испробовал многие рабочие профессии. Мать – из крестьян [1].

Александр Яковлев окончил Начальное городское училище (1900) и первое реальное училище (1908) в Петербурге, стал вольнослушателем в Санкт-Петербургском университете, затем и студентом-статистом Лесного института (1910). Мечты стать моряком, как видим, у Александра не было, но он «в 1910 г. вследствие материальных затруднений, учиться в институте не смог и поступил в Морское инженерное училище» в Кронштадте (1914) [2]. Гардемарином находился на БК «Россия» (1912), ЭМ «Новик» и «Всадник» (1914). В 1915 г. – на канлодке «Вьюга» в должности старшего инженер-механика, затем – на ПП «Таймыр» в должности старшего инженера механика и на судах 3-го отряда тральщиков дивизии траления Северного Ледовитого океана в должности инженер-механика отряда. В 1919 г. – на Онежской флотилии; до января 1920 г. – инженер-механик дивизиона канонерских лодок Онежской военной флотилии, а с января – флагманский инженер-механик флотилии.

После ликвидации Северного фронта А. В. Яковлев был назначен флагманским механиком Штаба уполномоченного морского комиссариата на Мурмане, а затем – флагмехом Морской обороны Мурманского района [3] (Ил. 13).

С 1921 г. по 1924 г. А. В. Яковлев служил механиком спасательного судна «Волхов» и ПЛ «Леопард» Морских сил Балтийского моря, механиком ПЛ «Товарищ». С 1924 г. по январь 1928 г. – флагманский инженер-механик бригады заграждений и траления Балтийского моря.

С января 1928 г. он был переведен на береговую службу и назначен главным механиком Главного военного порта Балтийского моря; с 1 декабря 1930 г. – там же заведующим контрольно-испытательным бюро, а с 7 мая 1932 г. – заведующим производственно-плановым бюро.

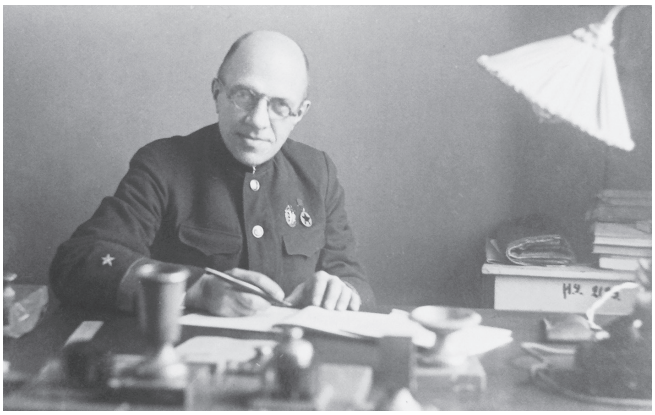
С 1937 г. А. В. Яковлев в качестве доцента читал курс «Двигатели внутреннего сгорания» в ВМА РКВМФ им. К. Е. Ворошилова, с 1940 г. и по 1943 г. – старший преподаватель ВВМУ им. Ф. Э. Дзер-

---

1 Там же. Ф. Р-1530. Оп. 11. Д. 198. Л. 21.

2 Там же. Л. 21 об.

3 Там же. Оп. 12. Лл. 2-3; Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.



Ил. 14. А. В. Яковлев. 1942 г. РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 10. Л. 8

жинского, автор научных трудов [1]. Награжден орденом «Знак Почета» (1939 г.) [2] (Ил. 14).

Инженер-капитан I ранга Александр Владимирович Яковлев скончался во время Великой Отечественной войны в результате болезни.

В Ящике военморов часто навещал ***Владимир Михайлович Голицын*** (30 декабря 1901 [12 января 1902] – 6 февраля 1943), ставший главным художником «Мурманских мидий».

За плечами 19-летнего князя-лишенца, сына бывшего губернатора и бывшего московского городского главы, было всего восемь классов гимназии (школы), но совершенное знание французского языка, истории мирового искусства и бесспорный художественный талант (Ил. 15).

Обстоятельства появления Владимира в Мурманске находим в книге воспоминаний его брата Сергея Голицына «Записки уцелевшего»: «Подошло время брату Владимиру призываться в Красную армию, куда ему идти совсем не хотелось. В Богородицке (семья Голицыных переехала туда из Москвы, опасаясь арестов. – Т. А.) жили наши знакомые – мать и две дочери Задульских. К ним приехал из Москвы их родственник, молодой биолог Зенкевич, который впоследствии стал академиком, известным на весь мир ученым-океанологом. А тогда, в 1920 году, он формировал экспедицию и набирал кадры для биологической станции, только что организованной на берегу Кольского

[1] РГАВМФ. Ф. Р-1530. Оп. 12. Д. 12. Л. 8.

[2] Там же. Л. 7.

Ил. 15. Владимир Голицын

залива близ города Александровска. Ему требовался художник.

Какими путями мой брат Владимир получил метрику, что он родился не в Бучалках, а в Богородицке, – не знаю, так же, как не знаю, откуда он раздобыл справку, что является матросом крейсера «Аскольд» и направляется в распоряжение Зенкевича как художник высокой квалификации… <…>

Как бы там ни было, а мы проводили Владимира за тридевять земель – в Заполярье, где только еще собирались основывать город Мурманск, и откуда совсем недавно убрались интервенты – английские войска. Там по заданию биологов Владимир делал зарисовки всевозможных морских существ, вместе со всеми исполнял самые различные физические работы и одновременно для себя рисовал в альбомах, которые сохранились. А рисовал он карандашом и акварелью мурманские пейзажи, разные жанровые сценки и карикатуры на своих сослуживцев. В этих столь разнообразных рисунках, особенно, в пейзажах красками, впервые угадывается большой и яркий талант настоящего художника (Ил. 16, 17).

Менее чем через год экспедиция вернулась с Кольского полуострова в Москву. Началась подготовка к следующей экспедиции, которая должна была базироваться в Архангельске. <…>

Во время второй полярной экспедиции – 1920–1921 годов – он плавал из Архангельска к Новой Земле, участвовал в строительстве ставшего впоследствии легендарным корабля “Персей”» [1].

В 1920 г. Владимир Голицын находился в Александровске (г. Полярный) на биостанции, где работал под руководством профессора Германа Августовича Клюге (1871–1956) художником. Предполагаем, что 19-летний Владимир, отбывавший в то время воинскую повинность, имел возможность появляться в Штабе морской обороны, где и нашел новых друзей. В журнале «Мурманския мидии» о нем

[1] Голицын С. М. Записки уцелевшего. Москва: Орбита, Моск. филиал, 1990. С. 89–92.

читаем: «В один прекрасный полярный вечер появился у нас милый беби в изящных ботинках водолазного образца, в моряцкой непромокаемой блюзе и в очень славненькой матросской шапочке» [1]…

Упоминание о «Персее» в рассказе брата В. Голицына не случайно. 10 марта 1921 г. декретом Совета народных комиссаров РСФСР, подписанным В. И. Лениным, был создан Плавучий морской научный институт (Плавморнин) для изучения проблем промышленного освоения северных морей, и «Персей» стал первенцем советского научно-исследовательского флота.

Владимир Голицын, вернувшись в Москву, пытался учиться у художника П. П. Кончаловского на вечерних курсах ВХУТЕМАСа, но его выгнали оттуда за происхождение (не помогло и ходатайство А. М. Васнецова). Пришлось Голицыну ради заработка рисовать нэпманам для их кондитерских образцы конфетных коробок. Одно время Владимир Голицын трудился в Кустарном музее. А в 1925 г. он получил Золотую медаль Всемирной выставки в Париже за роспись деревянных изделий (шкатулок), наряду с Кустодиевым и Фаворским.

Владимир Михайлович стал отличным художником-иллюстратором. В 1925–1941 гг. он проиллюстрировал около сорока книг, в т. ч. издательства «Земля и фабрика», сотрудничал в журналах «Всемирный следопыт», «Пионер» и других. Его талант высоко ценили Борис Шергин, Борис Житков, А.С. Новиков-Прибой.

Друзья семьи Голицыных – писатель Леонид Леонов и художник Павел Корин – не раз спасали Владимира от арестов. Но в ноябре 1941 г. он был арестован в г. Дмитрове, где скрывался, за то, что якобы ждал немцев… На него донесла соседка.

В. М. Голицын скончался от истощения в исправительно-трудовой колонии № 5 г. Свияжска (Татарстан). Место захоронения Голицына неизвестно. В 1980-х гг. на стене Свияжского Успенского монастыря, где располагалась ИТК-5, установлена мемориальная доска в память художника и моряка Владимира Михайловича Голицына.

Встречаем в журнале «Мурманския мидии» и имя ***Николая Михайловича Коринтели*** (1 июля 1900 – 3 декабря 1937) – сына потомственного дворянина, уроженца Тифлисской губернии.

---

[1] РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 9. Л. 28.

Ил. 18. Н. Коринтели

В 1914 г. по просьбе матери он был переведен из Первого кадетского корпуса в Морской корпус [1]. Окончил общеобразовательные классы, и 1 июня 1917 г. приказом по Морскому училищу от 10 мая произведен в гардемарины. С 10 мая по 10 августа 1917 г. плавал в действующем Балтийском флоте на эскадренном миноносце «Финн». С сентября 1917-го – в Отдельных гардемаринских классах. 20 октября 1918 г. 3-я рота ОГК, где находился Коринтели, отправилась из Петрограда во Владивосток на крейсере I ранга «Орел» под командованием известного подводника капитана первого ранга М. А. Китицына (1885–1960), затем гарды ушли в учебное плавание по южным морям, которое завершилось зимой 1918 г. (Ил. 18).

К середине декабря во Владивостоке по инициативе М. А. Китицына, поддержанной Верховным правителем России адмиралом А. В. Колчаком и верховным уполномоченным по морской части и командующим Морскими силами на Дальнем Востоке контр-адмиралом С. Н. Тимиревым, было создано Морское училище, главной задачей которого было сохранение непрерывности традиций морского образования. Но Николай Коринтели был отчислен из училища по собственному желанию (приказ по МУ от 17 декабря 1918 г. № 51).

С 17 декабря 1918 г. по 28 апреля 1919 г. Николай Коринтели состоял в первом броневом поезде Сибирской флотилии [2], приказом от 16 мая 1919 г. прикомандирован к Штабу командующего речной боевой (Камской) флотилии и служил в разведывательном отделении Штаба флотилии в Перми, исполняя должность обер-офицера при шифровальном отделении.

14 сентября 1919 г. подпоручик по Адмиралтейству (от 5 сентября 1919 г.) Коринтели был отправлен в г. Тару (находился под властью правительства А. В. Колчака) в распоряжение начальника 1-го дивизиона вооруженных судов Обь-Иртышской речной боевой флотилии,

---

1 Там же. Ф. 432. Оп. 7. Д. 1789. Л. 1.

2 РГАВМФ. Ф. Р-2024. Оп. 1. Д. 56. Л. 16 об.

флаг-офицер по распорядительной части штаба Волжско-Камской флотилии [1]. А в ноябре 1919 г. Коринтели был назначен помощником командира роты морского учебного полка в Омске [2].

С 24 июля 1920 г. Коринтели служил на Красном флоте. В августе – сентябре 1920 г. он, в качестве флаг-секретаря, состоял в распоряжении начальника обороны Мурмана, затем последовательно исполнял должности флагманского артиллериста обороны Мурмана и начальника артиллерии Кольского залива.

Из документов известно: в Приказе № 158 начальника Морской обороны Мурманского района от 13 ноября 1920 г. ВрИД флагманскому артиллеристу военному моряку Коринтели и его товарищам выражена благодарность за работу «по обороне Мурманска – единственного открытого Порта Республики» [3]; в ноябре 1920 г. он направлялся в командировку «для приемки арт. имущества» [4]; на 24 апреля 1921 г. Коринтели – флагманский артиллерист Штаба морской обороны Мурманского района [5] (Ил. 19).

С августа 1921 г. в течение 11 месяцев Н. М. Коринтели служил минным специалистом на подводной лодке «Гепард». В феврале 1922 г. он поступил в подводный класс при Военно-морской академии РККФ (учеба продолжалась полтора года). В августе 1922 г. его назначили старшим помощником командира подводной лодки «Ягуар» («Краснофлотец») [6]. В июле 1923 г. Николай Михайлович возглавлял распорядительный отдел Штаба службы связи Балтийского моря, а с октября 1923 г. исполнял должность вахтенного начальника на плавмастерской «Серп и молот».

17 января 1924 г. Коринтели уволили в бессрочный отпуск (фактически это произошло 20 февраля).

На 1 января 1926 г. Коринтели числился бухгалтером москательской торговли А. С. Безлина [7]. В 1927–1930 гг. бывший моряк

---

1 Там же. Ф. Р-2192. Оп. 3. Д. 1485. Л. 9.

2 Там же. Ф. Р-1722. Оп. 4. Д. 199.

3 Там же. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 3. Л. 47.

4 Там же. Л. 54.

5 Там же. Оп. 1. Д. 27. Лл. 740, 741.

6 Там же. Там же. Ф. Р-2192. Оп. 3. Д. 1485. Л. 16.

7 РГАВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 3. Д. 1485. Лл. 1 об., 5, 9 об., 15 об.

организовал свое небольшое предприятие по торговле хлебом, а затем – механическую мастерскую.

В 1930 г. Коринтели был осужден «тройкой» ОГПУ Ленинградского военного округа на 3 года лишения свободы по статье 58, пункт II. Освобожден в 1932 г.

27 июня 1937 г. Коринтели был вновь арестован по доносу. С начала октября 1935 г. и до момента ареста он работал заместителем начальника финансового отдела Волгостроя, а затем начальником финансового отдела Волголага НКВД (до этого – начальник финансово-планового отделения водного района Дмитлага).

28 октября 1937 г. «тройка» Управления НКВД по Ярославской области приговорила Николая Михайловича Коринтели к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 3 декабря 1937 г. (реабилитирован) (Ил. 20).

«Судьба свела нас за полярным кругом / В веселую и дружную семью…», – сказано в журнале «Мурманския мидии» [1] неизвестным нам автором (возможно А. И. Сергиевским), и тем сохранена память о дружбе советских военморов навсегда.

[1] РГАВМФ. Ф. Р-2254. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

КОРЖОВА
Наталья Брониславовна
краевед, г. Мурманск

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА НИКОЛАЯ ВЛАДИМИРОВИЧА КОЛЫЧЕВА КАК СОТВОРИТЕЛЯ ИСТОРИИ ТРИФОНОВА ПЕЧЕНГСКОГО МОНАСТЫРЯ

Две крупные фигуры в истории монастыря на Печенге связаны нераздельно. Это игумен монастыря отец Аристарх и поэт Николай Колычев. Их соединила большая творческая и человеческая дружба. И духовный союз. Они друг друга наполняли и дополняли.

Я попытаюсь, как смогу, написать об этом. Не в хронологическом порядке буду повествовать. А попробую начать и закончить главными характеристиками, которые дадут друг другу эти два человека. Емкие и точные.

Сначала – отец Аристарх о Колычеве. Это будет как бы...

Предисловие. Выступление игумена Аристарха на 45-летнем юбилее Николая Колычева (фрагмент)

Я не собирался выступать. Но тут так хвалили – великого и славного Колычева, что мне просто необходимо поставить его в некий ряд. Вернуть его к реальности.

Для истинного духовного человека, думающего не только о себе, но и о других, весь мир Божий представляется как некая гармония, симфония смыслов.

Но есть люди, которые могут этот смысл обнаружить.

Вот у нас – в Российской действительности – был такой великий святой праведный Иоанн Кронштадтский. Он тоже слышал эти глаголы. Более того, он знал, что такое благое молчание. Как важно для поэта знать, что такое благое молчание.

Вот поэты тоже... Они живут как и все обычные люди. Нам Верочка может сказать: «Коля, ну что тебе стоит. Напиши же мне стихотворение!» А на самом деле все не так просто. Надо пойти туда... За горизонт. Надо обрести молчание. Вслушаться в молчание. И оттуда принести слово. Да принести еще и так, чтобы ты был понят.

Я вижу духовный путь Николая как постоянную борьбу. Начал с самоопределения, с познания того, кто он на самом деле, увидев в себе бездну греха. А любой человек видит в себе бездну греха. И, увидев эту бездну, Николай стал искать Божественный смысл в своей жизни. Я не могу сказать, что прямо совсем успешно. Не всегда... Даже меня иногда призывали к ответственности. Как это я окормляю Колычева? Что-то мало успехов в окормлении Колычева. На самом деле это очень сложно. Пройдет много времени. Много десятилетий. Когда литературоведы начнут писать историю поэта. Когда уже будет проведена заветная черта. Тогда будет понятно, что это действительно был очень сложный пусть. И как личности – самого Николая. И как человека своего времени.

Вот эти мотивы, которые звучат у него... Печали, скорби, некоторой растерянности... Это ведь мы на самом деле. Но мы не можем выразить этого. А Николай пошел туда – за горизонт – и принес это слово. И мы видим нашу Россию в словах Колычева. Поэтому нам так близка его поэзия.

* * *

А теперь – последовательно – о самом поэте и его месте в жизни Трифонов Печенгского монастыря. И его месте в жизни автора этих строк. Но как бы тоже в контексте истории монастыря преподобного Трифона.

Основная часть:
Колычев и преподобный Трифон...

«Будет на сию обитель тяжкое искушение. Многие примут мучения от острия меча. Но не ослабевайте, братия, упованием на Бога.

Не оставит Он жезла грешных на жребии своем, ибо силен и паки обновить Свою обитель».

Такие страшные слова изрек преподобный Трифон Печенгский на смертном одре братии своего родного монастыря. Было это в 1583 году. Как его духовные чада жили после этого с грузом такого пророчества, мы не знаем. Как-то жили. Готовились. Ждали его свершения. И дождались. Через шесть лет все приняли мученическую смерть по завету своего учителя.

А такими прекрасными словами описал это событие поэт Николай Владимирович Колычев. В поэме «Сказание о ста шестнадцати мучениках».

... Пророчество сбылось. Пришли враги
И вторглись в храм, нарушив мир молитвы.
Ни возгласом, ни манием руки
Никто не положил начала битвы...

Величье Духа не объять уму.
Все сразу меркнет – доводы, слова ли.
Но гложет червь сомненья: почему
Себя спокойно смерти отдавали?..

Я вдруг – прозрел. И мысль меня прожгла:
Быть жертвой – подвиг духа в высшей мере.
Пусть хоть убьют – будь добрым среди зла!
Пусть растерзают – верь среди безверья!

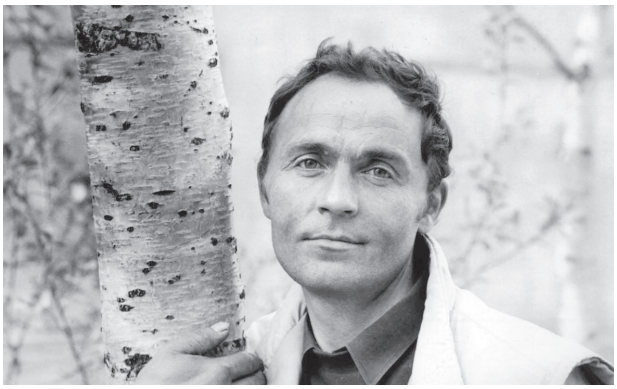
Мощно! Согласитесь... Высокая поэзия...

Вот о Трифонов Печенгском монастыре и Николае Колычеве я и попробую вам поведать.

2 октября 2022 года исполнилось двадцать пять лет со дня начала третьего этапа в истории Трифонов Печенгского монастыря. А еще через пять дней – 7 октября – на аллее поэтов в Мурманске открыли мемориальный бюст Николаю Колычеву.

Уже шесть лет нет с нами Николая Владимировича. Удивительно и очень символично, что ушел он туда, где (по его же строкам) «в белых небесах легкий пух снегов», туда, где «Богородица выткала Покров», в Пушкинский день. 6 июня 2017 года. Даже датой смерти

Николай Колычев



подтвердив свое высокое предназначение на Земле – быть поэтом.

И вот воздвигли памятник... Рукотворный. Нерукотворный – Николай Владимирович Колычев воздвигал всю свою творческую жизнь.

На церемонии открытия очень интересно сказал скульптор, автор памятника. Он сказал, что долго не получался у него образ поэта. Пока ему не подсказали, что лучше почувствовать и понять суть поэта можно через его стихи. Скульптор стал читать стихи Колычева как лекарство, и образ стал вырисовываться. И вылепляться. Буквально и образно.

И это естественно... Потому что все, что связано с любым поэтом – от стихов «начало быть, что начало быть».

Стихи – это не просто рифмованные тексты. Истинная поэзия – это нечто другое. Более высокое и более тонкое... И словами невыразимое. Как рождаются стихи? Это тайна... Вопрос без ответа. Хотя ответ и пытаются сформулировать. Те же самые поэты...

Вот уже ставшая классикой строка Андрея Вознесенского:

Стихи не пишутся – случаются,
Как чувства или как закат.
Душа – слепая соучастница.
Не написал – случилось так.

А вот Евгений Евтушенко:

Поэт в России – больше, чем поэт,
В ней суждено поэтами рождаться
Лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства,
Кому уюта нет, покоя нет.

А сам Николай Владимирович как-то раз удивительно мудро написал: «Стихи писать – много ума не надо. Если дар есть – само запишется. Было бы что сказать… »

Колычеву всегда было что сказать. Потому что он был – поэт огромного масштаба.

Вот какую поэтическую характеристику дала Ольга Фокина Николаю Колычеву. Слова точны до абсолюта:

Стыло, темно и скользко:
Север. России край.
На полуострове Кольском –
Колычев Николай

Зрячий. Живой. Горячий.
Пишет стихи. Поэт.
И под крыло не прячет
Голову в смуте лет.

Родину чтит, как маму.
Мать бережет как сын:
Нежен. Надежен. Самый
Чуткий – в часы грозы.

[…]
Будет нужда погреться –
Милости просим быть
Поблизку с этим сердцем,
Могущим лед топить.

Но, как мне кажется, ему не повезло со временем рождения. Родиться бы ему лет на пяток-десяток раньше... Помню, когда я еще училась в школе, в начале семидесятых к нам в Мурманск приезжали те же, упомянутые выше, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко и другие. Выступали они в научной библиотеке. Попасть на эту встречу было невозможно. Я не смогла. Хотя очень старалась. Другие старались, наверное, лучше. Ведь поэзия – это скорая помощь души по меткому выражению одного поэта. Видно, души людей нуждались тогда в этой скорой помощи. Вот и спешили люди за исцелением душ. Тогда, в семидесятые...

Владыка Мурманский и Мончегорский Симон, игумен Аристарх и Николай Колычев

Потом наступили другие времена. Восьмидесятые, девяностые... Лихие, грозовые... Сместился вектор интереса человека. С поэзии на прозу. Ладно бы на прозу как на жанр литературы. Нет, на прозу жизни. Началась перестройка. Не только экономики, но и души.

Вот в эти годы и творил Николай Колычев. Выжить литературой в те времена, особенно поэзией, в России было невозможно.

Поиски духовного пути поэта николая колычева

Для того, чтобы найти человека, который приведет тебя к Богу, нужно захотеть искать самого Бога. Это и пытался делать поэт. Об этом и писал в своих стихах. Пока еще не о монастыре. Пока еще просто о своих духовных поисках.

Тут очень важно сделать такой акцент... Поиск был и человеческий. Личности. Поиск был и поэтический. Поэта. Хотя, наверное, эти два критерия трудно разделить... Но все же...

Тут надо сказать и о личности поэта. О его пути человеческом. В монастырь. И о его стихах. О монастыре. И о его труде в монастыре. Ведь Николай Владимирович не только писал о монастыре. Он и жил в монастыре. Он и трудился в монастыре. И он сам, и жена его. И даже маленькие дочки были при монастыре. Он и молился... Учился молиться в монастыре. И обо всем этом писал. Писал прекрасные тончайшие с надрывом строки...

Я очень люблю Трифонов Печенгский монастырь. И сколько же в его истории прекрасных светлых людей подвизалось. И во времена

Трифона. И во времена отца Ионафана. И в наше время. Вот Николай Владимирович – один из них.

Колычев писал о многом... О поисках веры... И как трудно оторваться от земли. И устремиться на Небо. Душою. Сколько тянет всего к земле – грузом тянет.

Как хочется верить, что где-то над нами есть Он,
Великий и Мудрый, Всевидящий, Добрый и Сильный.
Как хочется верить в святую защиту икон,
Как хочется верить в великую сущность России.

Как хочется верить, что смертью не кончится жизнь,
Как хочется верить, что всем по заслугам воздастся,
Что даже всемирным богатством, нажитым во лжи,
Не купишь и крошечной дольки Небесного Царства.

Как хочется верить!.. О, Боже, услышь, помоги!
При мысли о смерти во мне все болит и трясется.
Зачем нам решетки, железные двери, замки,
Когда от Господнего гнева никто не спасется?

Как хочется верить… Судить о других не берусь,
Но как я сумею довериться Господу, если
И горя, и боли телесной, и смерти боюсь
Гораздо сильней неизбежности Кары Небесной?

Как хочется жить! Как безудержно хочется жить! –
Постыдно просительный визг на пронзительной ноте…
О, дай же мне сил, чтобы смерть во спасенье души
Мне стала желанней, чем жизнь в ублажение плоти.

Очень интересно прочитать мысли о поэте его друзей и соратников.

Дмитрий Коржов о Николае Колычеве

Он, как настоящий поэт, был человеком чутким и в творчестве, и в каких-то мелочах, житейских проявлениях он, кажется, до самого конца оставался ребенком. Беспечным, неожиданным, парадоксальным,

подчас капризным и при этом не перестающим радоваться жизни, каждому ее дню, ее будням и праздникам.

Его очень любил Виталий Маслов. Он относился к Коле так, как только очень родные люди друг к другу относятся. Как отец. Почему? Наверное, от того, что Николай больше всех в этом нуждался. Из-за неустроенности его всегдашней. Но больше – от любви. Виталий Семенович очень Колю любил, больше, чем кого-либо из нас.

С 1998 года Колычев жил в Мурманске. Нигде не работал, жил исключительно литературным трудом. На короткий срок даже стал кочегаром одной из жилищных компаний. Доставало вечное писательское безденежье – что делать, если серьезной литературой в современной России не проживешь, особенно стихами. Помню, как на Рубцовских чтениях в Апатитах Колычев говорил о своем кочегарстве. С горечью говорил – о том, что если судить по его нынешней зарплате, то он Мурманску больше нужен как кочегар, а не как поэт. Та же тема возникла на каком-то большом поэтическом вечере, когда я спросил, как обстоят дела с его прозой – романом о Феодорите Кольском, работу над которым Колычев так и не завершил – написанное умерло в сгоревшем твердом диске компьютера.

– Я его дописал… – ответил Николай.

И добавил:

– В том смысле, что писать дальше не буду.

– То есть?

А Колычев в ответ:

– А зачем я вообще это делаю всю жизнь – пишу? Разве нужно это кому-нибудь?

Вроде бы и не совсем всерьез говорил, почти в шутку, но задуматься заставил… Бросился я было убеждать его:

– Зачем? Понятно, что не ради денег… Но вот, к примеру, станет мне плохо, Коля, и я ведь не какого-нибудь Дмитрия Пригова захочу прочесть, а – Колычева. Прочтешь «Знаешь, отчего светлеют дали…» – и легче станет, и о печалях забудешь. Разве тебе этого мало?

Поэт в ответ только головой – тяжелой, неуемной – покачал и улыбнулся печально.

Но Колычева – любили! На Севере – повсеместно, везде. В России его все-таки знали поскольку-постольку. В профессиональных, литературных кругах – да, безусловно, но читатели, широкий круг – скорее

нет, чем да. На гастроли вне области он выбирался не часто, по телевизору не показывали, книга в Москве вышла только одна – откуда ж возьмется признание?

Поэт он был природный, стихи ему давались легко – лились из него, словно реченька вольная. По просьбе друга – известного баритона мурманчанина Геннадия Ру – поэт перевел несколько суперхитов Джо Дассена. Играючи! Перевод – не буквальный, авторский. И получилось здорово, лучше оригинала, там текст скучнейший, а здесь – по-колычевски пронзительный, ранящий.

Маленькому пространству – «от моря Баренца до моря Белого» – он посвятил немало замечательных вещей. Север с его полярной ночью, суровым климатом, столь осложняющими обычную, каждодневную жизнь человека, живет в них естественно и нестесненно – по любви. Очень любит – нежно, с восторгом, и не стесняется в этой любви признаться:

... Как хочется стать мне
Огромным объятьем.
От Колы – до Росты,
От Росты – до Колы!

Души моей хватит.
О, нет, я не спятил.
Я просто…
Я просто люблю этот город!

...Край земли, край моря, край света...
Вот таким тебя и люблю.
Неспроста родился я в этом
Городе на самом краю.

... Мурманск – это взморье и взгорье,
Берег – негде спрятаться лжи.
Скалы обрываются в море
Резко и внезапно, как жизнь.
И другие соратники писали о нем...

... В духовных стихах Николая Колычева открывается духовный путь человека нашего времени, с обретениями и потерями, с горечью и радостью. Впрочем, в любые времена такой путь человек проделывал один на один с Богом и со своей душой…

...Читая стихи Николая Колычева, думаешь о том, что поэт остался до конца честным и искренним в вопросах веры и безверия. Потрясающая честность. Вера и безверие – это очень личное, но поэт открывает свою душу, зная, что для нас, читателей, это очень важно.

...Удел настоящих поэтов – личное превращать в наше, читательское, никуда от этого не денешься. Иначе настоящей литературы просто не будет.

Видны любовь и большое уважение коллег к личности и творчеству Николая Владимировича Колычева.

Но одно дело – поэт Колычев в жизни других поэтов. Они делают одно дело. Лечат души. И совсем другое – поэт Колычев в жизни одного из читателей.

Николай Колычев в моей жизни...

Поэт Николай Владимирович Колычев стал частью моей жизни. И через стихи. И через личность. И через монастырь. И через общих знакомых. Если бы это было не так, у меня никогда бы не возникло желания написать хоть что-то о нем... А желание возникло.

Удивительно! Ни одной встречи личной у нас не было. Ни одного живого слова сказано не было. Все мое восприятие этого человека было лишь со стороны. Хотя мы неоднократно оказывались рядом.

Впрочем, не совсем так. В последние месяцы Господь оказал мне великую милость: послал общение с поэтом. Не реальное, виртуальное. В сети «В Контакте». Но так неожиданно душевно пошло это общение, что я дерзнула возмечтать о личной встрече.

Личной встречи не случилось, потому что «случилось» 6 июня.

Не успела встретиться. Но хочу успеть написать о нем. Хоть что-то.

Есть ли мне что рассказать о нем? Конечно, да. Так уж случилось…

«Здравствуй, церковь! Примешь? Впустишь?» Это первые строки стихотворения Николая Колычева… Значит, это и его личный поиск… Это и мой личный поиск. И я робко стояла в начале 2010 года перед дверьми монастырского храма, а сердце выстукивало как

морзянку: «Здравствуй, церковь! Примешь? Впустишь?..»

Так случилось, что первые попытки как-то найти Бога практически совпали в моей жизни со встречей с Николаем Колычевым…

Хотя имя поэта я слышала. И услышала я его из уст младенца. А что глаголют уста младенца – все знают. Правда, младенец тот был лет двенадцати от роду, но – чистое дитя.

Вот такая история была...

У моей подруги есть дочь – Мария. Сейчас она «большой человек» – кандидат философских наук и все, что с этим связано. А чуть более 20 лет она была еще не Мария, а просто Машка. Училась в физико-математической гимназии. Папа, мама – технари до мозга костей – жаждали в единственной доченьке продолжения династии. Машка династию пыталась достойно продолжить. Старательно решала сложнейшие уравнения и задачи. Но сердце ее отдано было другой музе. Музе литературы. И повезло Машке, и всей гимназии математической. Была удивительная учительница литературы в этом заведении. И сама любила поэзию и ученикам своим старалась эту любовь передать. Тех, кому передала, было мало... Школа-то, повторюсь, математическая. Но были... Любимейшей ученицей была наша «просто Машка». Николай Владимирович тогда не жил еще в Мурманске. Но частенько приезжал с выступлениями. И вот на одном каком-то из них состоялась их встреча. Не личная, конечно, слишком разные были весовые категории – у девчонки маленькой еще и маститого поэта, но то, что по одну сторону баррикады они оба находились – поэт и его поклонница – это точно. Машка услышала и увидела ПОЭТА. И все... Вспомнилась история любви юной Лизы Пиленко (будущая святая – мать Мария) к Александру Блоку. Была ли у нашей героини любовь к поэту – не знаю, но не исключаю. Но вот любовь к поэзии Колычева однозначно случилась у нашей Машеньки. Все возможные книги были куплены (тогда с книгами было сложно), стихи прочитаны. Многие выучены наизусть. Но на этом Маша не остановилась. Она пошла дальше по пути почтения... Написала «научную» (в 12 лет!!!) работу о личности и творчестве поэта. И классно написала. Потому что буквально сразу ее наградили. Отправили Машу в какой-то крутой пионерский лагерь, то ли в «Орленок», то ли в «Артек». Смена была непростая. Творческих детей... Машка достойно представила «горячий Север» на «холодном юге» (дело было весной). Получила там каку-

ю-то премию. И вернулась домой. А через 20 лет стала философом…

Вот таким было мое первое знакомство с именем Николай Колычев. Пассивное. Через ребенка. И очень-очень давно.

Активно же и сознательно личность и поэзия Николая Колычева вошла в мою жизнь практически одновременно с монастырем преподобного Трифона Печенгского.

Вспоминаю… В далеком 2009 году совершила я паломничество на Святую Землю. Руководителем нашей группы был игумен Трифонов Печенгского монастыря. И где-то вдалеке для меня забрезжил Свет Истины Божией. Этот Свет, безусловно, исходил из Святой (Светлой) Земли. Но и наш холодный голодный северный монастырь испускал такой же Свет. Как по эстафете в Пасхальную ночь Благодатный огонь со Святой Земли передается в каждый храм и монастырь, так и мой личный Благодатный огонь, зажженный игуменом Печенгского монастыря на Святой Земле, звал меня в этот монастырь.

Вернувшись в Мурманск, решила – еду. Сразу же! Подумаешь, какие-то 120 километров. Но… преодолела я их лишь через 3 месяца. Не пускал меня Господь туда. Не готова, видно, была. Надо было ждать.

Ждала. И, чтобы время даром не тратить, решила активно историю вожделенного монастыря изучить.

О, вот тут-то меня ждал Николай Колычев. Ну, не буквально за углом стоял и ждал. Нет, конечно. Но кто серьезно любит и знает обитель, не может обойтись без этого имени. Поэтический голос монастыря. Господь поцеловал поэта в макушку, дал дар говорить людям о монастыре. О его прошлом. Настоящем. И даже – о будущем…

Я читала стихи Колычева. Поэт открывал мне дверь в монастырь.

Сразу поставила на нем штамп: «гений»!

Но гений ли, не гений ли, лишь время покажет. Дело не в термине.

Я смотрела на монастырь глазами поэта Николая Колычева, говорила и думала даже порой словами поэта Николая Колычева…

… Вечер. Негромкоречивая реченька Печенга…
Трепетно древнего сруба коснусь монастырского…

… А за речкою – кресты монастырские
– Царства Божьего земная околица.

… Мне полюбилось Печенгой дышать,
Сплетая речь свою с речною речью.
Здесь тянется к бессмертию душа,
Средь суеты забывшая о вечном...

… Радуйся, Трифоне!.. Здесь тебя помнят и чествуют.
Радуйся, Трифоне!.. Пенье мужское раскатисто.
Слава святому! Хвала Чудотворцу Печенгскому!
Радуйся, Трифоне! – я подпеваю акафисту…

... Святое место Мурманской земли!
Прости нас, грешных, за твою убогость.
За скупость человеческой любви,
За скудость веры в Родину и в Бога!..

Конечно, «умные» книги по истории монастыря я тоже читала. Но без стихов Колычева они как-то уж слишком умно отражали историю обители. Колычевский голос был как живая вода, был как мостик от наших дней в XVI век, от моей безбожной жизни – к жизни святых земли Кольской…

Среди множества духовных стихов Николая Владимировича, и не только о монастыре, я как-то сразу выделила это понятное и конкретное: «Здравствуй, церковь! Примешь? Впустишь?».

Хотелось и самой воскликнуть: «Здравствуй, церковь!» Но примет ли? Впустит ли? Вот в чем вопрос…

И вот – дождалась. Еду в монастырь. С паломниками. Ура!

Начало 2010 года. То ли январь, то ли февраль. Не помню уже. Холодное и темное зимнее утро. Скорее – поздняя ночь. Ехать далеко. А успеть надо к ранней монастырской службе. Паломнический автобус подъехал к моей остановке. Я вошла. По мосту перебрались на другую сторону залива. И – вперед, в таинственную неизвестность под названием «Трифонов Печенгский мужской монастырь».

Я как заклинание про себя твердила... «Примешь? Впустишь?» Приветливая, милая сестричка, наш проводник в «царства Божия земную околицу» начала рассказывать о монастыре.

И тут началась череда чудес…

Первые слова, которые она произнесла, были именно те, что я твердила про себя как заклинание. Словно прочитав мои мысли, практи-

чески в унисон со мной, только громко, она произнесла: «Здравствуй, церковь! Примешь? Впустишь?»

Второе. Оказывается, эта «милая сестричка» была никем иным, как Верой Леонидовной Колычевой – женой (и музой, по совместительству, что естественно в таких семейных союзах) поэта Николая Колычева.

Но было еще и третье чудо (хотя и двух было достаточно, чтобы привести меня в трепет).

В рядах паломников прошелестело: «И сам Колычев в монастыре!»

Тут надо сказать, что в лицо я поэта вообще никогда не видела. Были, конечно, фото на титульных листах книг. Но какие-то старые, точнее «молодые». Опасалась – вдруг не узнаю. А спросить не решалась…

Но боялась зря – узнала. Каким-то неведомым чутьем…

Приехали в монастырский храм. (Что представлял собой этот «храм», нужно говорить отдельно). И я практически сразу увидела его. Открывается дверь в храм, и в клубах морозного воздуха вваливается человек в тулупе и огромных валенках.

Вот почему-то эти валенки я запомнила больше всего. И еще запомнила долгую исповедь у отца игумена монастыря. И серьезное и доверительное общение духовного отца со своим чадом. И простое обращение всех к «гению». Просто – «Коля».

Вспомнилось – «там, где просто, там ангелов со ста!» Это и о Николае Владимировиче. Я много наблюдала за Колычевым со стороны. В нем никогда не было этого внешнего «Я». Иной «поэт» еще и в комнату не вошел, а впереди уже «Я» шествует. Вот он «Я» – встречайте! И прическа! И одежда! И манеры! Поэт! А в Николае Владимировиче Колычеве было именно то, что можно обозначить тем словосочетанием, каким он озаглавил свой сборник стихов: «Гармония противоречий».

Впрочем, я отвлеклась на лирическое отступление. Вернусь к повествованию…

Проведя весь день в монастыре, поехали обратно. Колычев – с нами. Николай Владимирович возвращался из монастыря домой. Он прожил там тогда месяц. Постился. Молился. В автобусе сидел передо мной буквально. Я на него смотрела и думала: «Лицо, как у обычного человека, и руки и ноги. А – гений. Неужели у обычных гениев все внешне, как у обычного человека?»

И еще подумала о том, что кто-то так же когда-то смотрел и на Александра Сергеевича, который еще не был Пушкиным, и на Александра Александровича, который еще не был Блоком.

Кстати, о Блоке. Из жизни поэта знаю, что некоторые свои произведения он читать «не умел». Читала жена, Любовь Дмитриевна Менделеева, его Прекрасная Дама. Кто-то из паломников попросил Колычева почитать свои стихи. Он «ломаться» не стал, и почти весь обратный путь читал, читал, читал… Мне, честно говоря, не очень понравилась его манера читать. У Веры Леонидовны, на мой взгляд, это душевнее и тоньше получалось. О чем я и не преминула ему поведать. Но, чтоб не сильно обижать, приплела «в тему» и Блока, проведя некую параллель. Николай Владимирович не обиделся. Улыбнулся. И рад, наверное, за жену был. А Вера Леонидовна тоже как-то просто сказала: «Вот столько лет уже читаю стихи своим ученикам! Пора и научиться…»

Таким было единственное, хоть какое-то личное знакомство с поэтом.

Этот день я запомнила навсегда. Колычевы: Николай Владимирович и Вера Леонидовна, сами того не предполагая, подтолкнули меня к монастырю. И я там осталась. Надолго.

Я пришла трудиться в паломнический центр «Под сенью Трифона» и с трепетом, страхом и радостью возила группы паломников в обитель преподобного Трифона на Печенгу. И всегда читала стихи Николая Колычева. Реакция людей была удивительная. Как когда-то для меня, для большинства людей стихи поэта стали сердечным мостиком. От поэта – к человеку – и к обители Божией. Образ преподобного Трифона оживал и становился близким и понятным. Групп было много: и из Мурманска, и из области, и из Москвы.

Да... Групп было много. Всем нравились стихи Николая Колычева. Но была еще одна группа. Особая. О ней я расскажу отдельно.

Это было прекрасное время. Но оно закончилось. Неожиданно для меня.

В августе 2015 года я уехала из Мурманска… В Москву. Не стремясь, как чеховские сестры туда, но с большим успехом реализовав их мечту.

Сказать, что много думала о Колычеве – нет, не скажу.

Точнее, совсем не думала. Знала, что он есть. Живет и слава Богу.

Стихи поэта всегда были со мной. Но они существовали отдельно

от автора. Что нормально. И естественно. И единственно нужно поэту. Опять-таки, процитирую любимого моего Блока. Он в одном письме пишет своим молодым поклонницам: «Самое главное, что вы в моих стихах читаете радость. Это и есть большее, что я могу дать!»

Радость от поэзии Колычева всегда была, есть и будет со мной…

Но, повторюсь, вот как-то случайно начался новый этап в наших, если можно сказать, «отношениях». Не реальных. Виртуальных.

Удивительно и промыслительно – начало общения. Я бы никогда не дерзнула напроситься к поэту в «друзья». Но – «напросилась», как оказалось... Дело было так...

Подруга в марте 2017 года мне прислала какое-то стихотворение Николая Владимировича. Я открыла – рядом стоял крестик. Я на него нажала. Думала, стихотворение сохраню. Оказалось – нет. Как раз в друзья прошусь. И Николай Владимирович великодушно принял. Так и завязалось знакомство.

Естественно, первым делом я написала ему ту историю про «просто Машку» и ее любовь к поэту... и его поэзии... Колычев очень живо отреагировал: «Спасибо! Очень приятно знать, что стихи, тобой написанные, принесли кому-то практическую пользу. Не просто посмешили или заставили заплакать, или утешили… Спасибо и Вам, и дочке Вашей подруги».

Как интересно было с ним общаться!

О чем мы только не переписывались. И о собаках, и о детстве... И про Украину, и про Евтушенко, и про крест… И про стихи, в первую очередь.

Помню, Николай Владимирович с гордостью делился с «друзьями» успехами своего внука – и спортивными, и музыкальными. Я не удержалась и съязвила: «Наверное, и стишки пописывает!» Колычев удивительно мудро ответил: «Стихи писать – много ума не надо. Если дар есть – само запишется. Было бы что сказать».

И сколько новых для меня стихов я тогда на его странице впервые открыла. Для детей и взрослых. Добрых – про ежей. Ироничных – про «окно». Дерзких – про флирт.

Целый новый мир. Вселенная по имени Николай Колычев.

Вознадеялась я и на личную встречу. Но личной встречи не случилось. Случилась смерть.

Хотя он не собирался умирать, очевидно. Хотел жить. Планы строил. Но у Господа на раба своего Николая были иные планы.

Иначе к чему это вдруг стихотворение и этот комментарий:

Нашел старое стихотворение.
Попало под настроение.
На дачу хочу. Не могу я...
Опубликую.

Трудней – заканчивать

Что есть стихи? Стихия иль судьба?
Что есть судьба?.. Хожу вокруг да около.
В раздумьях огород перекопал:
Поди найди хоть пядь земли невскопанной…

Эх, сжечь бы все что было – как тетрадь,
Былое все перелопатить – начисто...
Как трудно было начинать писать,
А оказалось, что трудней – заканчивать.

Уже после смерти поэта на его страничке «ВКонтакте» нашла пронзительное стихотворение Геннадия Шпаликова «Людей теряют только раз»:

Людей теряют только раз,
И след, теряя, не находят.
Давай вернем его сейчас,
Пока он площадь переходит.

Немедленно его вернем,
Поговорим и стол накроем.
Весь дом вверх дном перевернем
И праздник для него устроим…

Как жаль! Мы не часто устраиваем праздники для близких людей. И даже не говорим им добрые слова.

Как же мне хочется собрать для Вас все добрые слова, Николай Владимирович! От себя. И от всех русских людей! И низко поклониться! За скорую помощь для наших душ! Ведь именно поэзия – скорая помощь души. А коль кочегар в нашем мире важнее, чем поэт, то понятно, что душам нашим помощи ждать неоткуда. Не от кочегаров

Трифонов Печенгский монастырь времен отца Аристарха

же... Вот они у нас и умирают... Как игрушка тамагочи. Попищат-попищат... Попросят кушать... А кушать-то нечего. Нет поэтических пластырей на раны души. Все поэты переквалифицировались в кочегары. Уголь в топку бросают. Телеса наши согревают, а не души. Души – помирают.

Но пока остаются стихи таких поэтов как Николай Колычев, у душ есть шанс. Жить...

* * *

Вернемся опять в Печенгский монастырь. Каким он был в жизни и творчестве Колычева

Стихи Николая Колычева, написанные или навеянные пребыванием в монастыре

О том, как, когда и почему оказался Николай Владимирович в Трифонов Печенгском монастыре он написал сам в своем очерке «Аристарх». (Текст очерка полностью я поместила в самом конце своей статьи). Благодаря игумену Аристарху, поэт «прилепился», как говорится, к монастырю. Жил там. Трудился. Молился. Ходил. Смотрел. Творил.

Много стихов у Николая Владимировича о Трифонов Печенгском монастыре. Или иных духовных, навеянных жизнью в обители.

Вот, пожалуй, самое популярное. Потому что на него написана прекрасная песня. Музыку к нему написал и сам Колычев, и другие музыканты.

Белый-белый дым костра над палатками,
Тихо сумерки ложатся на плечи нам.
В небе облако плывет горько-сладкое,
Уплывает, чтоб растаять над Печенгой.

А за речкою – кресты монастырские –
Царства Божьего земная околица.
С колоколенки слышны звоны чистые:
Хорошо, когда о нас кто-то молится.

Все, что прожито, – становится вечностью,
Все, что дорого, – становится памятью…
Ты друзьями мне запомнишься, Печенга,
Настоящими, надежными самыми.

Не сгорит закат, за сопку стекающий,
Поутру зарею новой расстелется.
Если мы нужны друг другу пока еще,
Значит, есть еще на что нам надеяться.

Скоро листьев и ветвей оборвется связь,
Дождь рассыплет по земле капли дробные…
Я, наверно, лишь сейчас понял в первый раз:
До чего прекрасно жить, люди добрые.

Или вот это... Стихотворение – быль, стихотворение – жизнь:
Вечер. Негромкоречивая реченька Печенга.
Трепетно древнего сруба коснусь монастырского.
И – существом ощущаю касание вечности,
И – начинаю в душе своей Бога отыскивать.

Мерные звоны прольет из часовенки колокол,
Всех напоить обещая молитвенной благостью.
Храм не богат монастырский. Здесь тесно и холодно.
Только душе в нем – тепло и просторно, и радостно.

Радуйся, Трифоне!.. Здесь тебя помнят и чествуют.
Радуйся, Трифоне!.. Пенье мужское раскатисто.
Слава святому! Хвала Чудотворцу Печенгскому!
Радуйся, Трифоне! – я подпеваю акафисту.

Бездна неверия… Тяжкие волны сомнения…
Горькое море пытался я вычерпать чарками.
Грешен я! Каюсь! Дай, Господи благословение
Доброй игуменской дланью отца Аристарха мне.

Да одарит нас Господь покаянием, милуя.
Да не оставит нас, грешных, кто в мир возвращается,
Где без стыда наживаются ложью и силою,
Где без вина не умеют ни плакать, ни каяться.

А вот несколько стихотворений... вроде бы и не о монастыре. Но совершенно точно монастырской жизнью вдохновленные.

– Что мне делать?
– Молиться надо!
– Пол поклонами пробивать?
Отче! Ты меня учишь падать!
– Вовсе нет. Я учу вставать.

Или это – знаковое. О нем я уже упоминала.

Здравствуй, церковь! Примешь? Впустишь?
Каюсь, грешен, жил безбожно.
Я пришел, поскольку – русский.
Я пришел, поскольку – тошно.

В мире – умопомраченье,
Больше некуда укрыться.
Добрый батюшка-священник,
Научи меня молиться.

[…]
Крест кладу я неумело.
Непривычен... Не приучен...

Но душа – переболела.
И на сердце – светлый лучик!

А вот это – написано в престольный праздник храма монастырского – Рождества Христова. Есть красивое фото Крестного хода в этот день...

Встречайте Рождество Христово!
Господь, даруй спасенье душ нам.
Приход монастыря мужского
Встает на всенощную службу.

Тиха река. Свое отпела.
А над замерзшею водою
Березы – черные на белом.
Монашескою бородою.

Любви Божественная сила
Нисходит к покаянным людям,
Прощая все, что прежде было,
Даруя все, что завтра будет.

Ночь, лунным светом заливая,
Кресты очерчивая четко.
Лишь подо льдом вода живая
Камней перебирает четки.

А вот следующее стихотворение – оно совсем особое. С высоты нынешнего дня. Это не просто стихотворение. Вспомним, поэт в России больше, чем поэт. Он порой и пророк. И стихотворение – пророческое. Перспективное. Господь свой глас выражает через поэта.

Стихотворение «Непостроенный храм» было написано в 2001 году. Тогда еще и старый храм существовал – хоть и тесный, и холодный. Но существовал. Никто не знал, что через несколько лет случится пожар. Никто не знал, что придется строить новый прекрасный монастырский храм. До пожара еще было долгих семь лет. А до нового прекрасного храма – целых двенадцать. Но тема нового храма уже прозвучала у поэта...

Стихи поэта – это как молитва. Господь услышал мольбу поэта.

И исполнил его прошение. У поэтов своя молитва. Свой призыв ко Господу. Вот, например, такой...

Сопка простерлась двуглавым орлом над дорогою,
Древние камни внимают протяжным ветрам.
В речку со склона взглянула церквушка убогая
И несказанно прекрасный увидела храм.

Храм отразился в реке небывалою небылью,
Светлой мечтой о великой счастливой стране.
Словно сквозь грезы привиделось то, чего не было,
Словно сквозь слезы пригрезилось то, чего нет.

Люди, придите, взгляните, родные, хорошие!
Видите, там, среди серых бесстрастных камней –
То ли разбившийся храм безвозвратного прошлого,
То ли несбывшийся храм наших нынешних дней.

Люди, придите, нельзя не жалеть об утраченном!
Люди, взгляните, задумайтесь – что впереди!..
Дух преподобного Трифона ангелом плачущим,
Нас осеняя, над грешной землею летит.

Единосущная и Нераздельная Троица,
Нашу страну и народы ее пожалей.

Господи, силы нам дай, чтоб молиться и строиться!
Храм, отраженный в реке, сотвори на земле!

Стихи у Николая Владимировича прекрасные. Но все же главным произведением поэтическим о монастыре преподобного Трифона, о подвиге его монахов являются не стихи, а, конечно, поэма – «Сказание о ста шестнадцати мучениках».

О ней и поговорим дальше...

Главное произведение Николая Колычева о Печенгском монастыре

Стихи были как бы прологом к этому главному произведению поэта – поэме «Сказание о ста шестнадцати мучениках». Писал стихи, а в голове поэта уже рождались образы поэмы.

Удивительная поэма. Удивительное слово. Мощное и сильное. Яркое и образное. И простое. И понятное. Как сказал один священник: «К Богу могут привести не только богословские беседы и лекции. Они даже в меньшей степени могут открыть сердце человека для веры, чем простые способы».

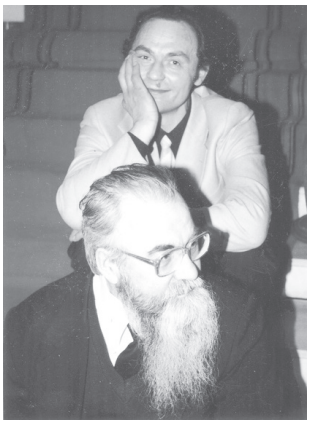
И иконы Богородицы. И храм на Нерли. И Троица Рублевская. И поэзия Николая Колычева.

Поэма «Сказание о ста шестнадцати мучениках» – это особое творение. Это наша история. История нашего края. И будь я министром просвещения, я бы непременно включила эту поэму в школьную программу по литературе. Уж нашего края – непременно. Дети Кольского Севера должны знать свою историю. Тем более что этот факт истории Трифонов Печенгского монастыря такой красивый. Это как сказка. Но при этом – это было... Так было... Но как это красиво.

Смотрите, какая красота...

Мне полюбилось Печенгой дышать,
Сплетая речь свою с речною речью...
Здесь тянется к бессмертию душа,
Средь суеты забывшая о вечном.

Печенгский монастырь... Смотрю с тоской:
Какая дряхлость, обветшалость, хилость...



Виталий Маслов и Николай Колычев

Игумен Аристарх

Восставший из немилости людской,
Ты сам собой являешь Божью милость.

Святое место Мурманской земли!
Прости нас, грешных, за твою убогость,
За скупость человеческой любви,
За скудость веры в Родину и в Бога!

В поэме – рассказ о жизни монастыря. Красивой жизни. Еще при жизни преподобного Трифона... Надо вспомнить исторический факт: тогда, в шестнадцатом веке, русский северный монастырь был не только обителью Божией, но и оплотом Православия в этих суровых приграничных землях. Русский монастырь символизировал Российскую державу.

Был свят порыв и помысли чисты,
Царя, народ и государство славя,
Взрастал и креп Печенгский монастырь –
Рубеж страны. Твердыня Православья.

И слава простиралась – велика,
Ведь сильному не надо и сражаться...
В ту пору к монастырским берегам
Боялись иноземцы приближаться.

Но так было при жизни Трифона. Когда преподобный умер, враги осмелели... И решились напасть на монастырь в Рождество Христово... Ха-ха... Ну и напали бы... Так ведь и ученики Трифона были не лыком шиты. Они вполне могли бы и посопротивляться. И вполне могли бы и победить в том страшном поединке. Могли бы... Могли бы... Если бы... Если бы их учитель – преподобный Трифон – не предсказал им... Со слезами на глазах. Он перед самой своей смертью увидел нечто... И предсказал. Придут враги. Вы все погибнете. Но монастырь не погибнет. Ведь монастырь не в бревнах, а в ребрах. На вашу смену придут другие. А вам, чада мои, придется принять смерть... Святую мученице-

скую смерть... Ученики запомнили завет своего учителя и в точности его исполнили... Они пошли на вольную смерть. Как и Сам Иисус Христос. Повторили Его подвиг.

Об этом и писал Николай Владимирович Колычев в своей поэме...

... Пророчество сбылось. Пришли враги
И вторглись в храм, нарушив мир молитвы.
Ни возгласом, ни манием руки
Никто не положил начала битвы.

Одних страдальцев разрубали вдоль.
Другим крошили с хрустом руки, ноги...
И возопил монах сквозь кровь и боль:
«Не в силе русский Бог, но сила – в Боге!

Коли меня! Терзай! Руби меня!
Но покорить Россию – невозможно!
Сокровищ веры силой не отнять!
Мечом не завоюешь Царства Божья!»

Последний стон... Средь жуткой тишины
Вдруг замерли враги, зрачки расширив.
Те, кто живыми были им страшны,
Еще сильней посмертно их страшили.

И так, оторопев, утратив речь,
Они стояли долго без движенья.
Пока не прохрипел их конунг: «Сжечь!
И русский храм, и русское селенье!»

Смешался пепел храма с пеплом тел.
Все стало тленом, чтоб взойти из тлена.
Предали – с Богом – те, кто уцелел
Земле сырой останки убиенных.

Крылато по земле скользнула тень.
И люди, глядя в небо, увидали,

Как сто шестнадцать белых лебедей
Над сопкою двуглавою взлетали.

.... Дрожит роса, как слезы на траве.
Печальный монастырь на горьком прахе...
Их было сто шестнадцать человек:
Работники, послушники, монахи...

Деревья. Травы. Облака в воде.
Все станет тленом. Все взойдет из тлена!
Я слышу кличи белых лебедей!
Я знаю – это души убиенных.

А за рекой – двуглавая скала
Простерлась широко и величаво,
Подобием российского орла,
Хранителя величия державы.

Горит закат, стекая свысока
В теченье вод, чтоб стать теченьем века.
Над сопкою двуглавой – облака...
И облако одно – белее снега.

Не облако! Но – стая лебедей!
Не лебеди, но – души убиенных...
Все отгорит, но в памяти людей
Нетленное останется нетленным.

Прекрасный поэтический шедевр поэта Николая Колычева.

Удивительно, но кроме культурного общения, Колычев еще и миротворец – именно своим словом. Вот случай, который был в моей паломнической жизни. И который подтверждает факт объединения народов через поэзию. Миротворец был Трифон Печенгский.

Летом 2015 года мне посчастливилось рассказывать о монастыре группе финских паломников. Их было человек двадцать – немолодых уже финских граждан во главе со стареньким пастырем. Самое занятное, что никто из них не знал ни слова по-русски. Кроме пере-

водчицы. Это была бывшая русская, но уже много лет не бывавшая на родной земле.

Непростая была ситуация. Мне нужно было рассказывать. А ей было сложнее. Два дела предстояло делать. Слушать и переводить. Я говорила. Она переводила. Все одобрительно кивали. Гармония без противоречий. В самый кульминационный момент я стала читать фрагменты из поэмы Колычева «Сказание о 116 мучениках», как 116 монахов были растерзаны в XVI веке. Тела их погибли, а души поднялись к Богу, как 116 белых лебедей.

Так вот, читаю я поэму и чувствую – что-то не так. Гармония нарушилась. Подняла на мою переводчицу глаза. Батюшки! Она, оказывается, уже делает не два, а три дела одновременно. Слушает, переводит и... плачет. Точнее, плачет постоянно. А вместе с ней и почтенная публика тоже зарыдала. Я читала великие слова великого русского поэта:

Одних страдальцев разрубали вдоль.
Другим крошили с хрустом руки, ноги...
И возопил монах сквозь кровь и боль:
«Не в силе русский Бог, но сила – в Боге!

Коли меня! Терзай! Руби меня!
Но покорить Россию – невозможно!
Сокровищ веры силой не отнять!
Мечом не завоюешь Царства Божья!»

Успокоились только тогда, когда я прочитала:
Крылато по земле скользнула тень.
И люди, глядя в небо, увидали,
Как сто шестнадцать белых лебедей
Над сопкою двуглавою взлетали...

Когда я закончила, мне аплодировали. Но я прекрасно понимала, что это – не мне. Это – преподобному Трифону и Николаю Колычеву.

Вот такая была удивительная миротворческая акция. Когда музы говорят, пушки молчат! Вообще-то здесь – о другом. Но и об этом тоже.

Колычев в монастыре без отца Аристарха

Долгие годы имел Николай Владимирович отношения с монастырем. Конечно, самые важные и крепкие связи соединяли их в период игуменства отца Аристарха. Он очень высоко ценил его. Но и после этого связи сохранились. Колычев всегда оставался «под сенью Трифона». Оставался и гласом, и светом обители.

О «свете» скажу отдельно. Это не мои слова. В октябре 2009 года у Николая Колычева «случился» юбилей. 50 лет. И отец игумен Трифонов Печенгского монастыря на торжествах, посвященных этой дате, подарил поэту большой и красивый светильник со словами. «Не только Вы нам светите, но и мы Вам тоже».

Снимали фильм – «По православным местам Кольского Севера», Николай Владимирович участвовал. Вместе со своей женой Верой Леонидовной. Это было в 2007 году. Как раз отмечали десятилетие первое существования монастыря. И далее...

В православном паломническом центре, так и названном – «Под сенью Трифона», Колычев участвовал во всех мероприятиях творческих. Даже пытался создать курсы поэтические при центре. Был совершенно безотказен. И совершенно необходим...

Вспоминается удивительный первый фестиваль православной песни «Под сенью Трифона». «Первый!» – повторю. И проводить первый всегда гораздо сложнее, чем все последующие. Имени у него еще нет. И репутации. С белого листа начинали организаторы. Паломнический центр «Под сенью Трифона». И Николай Колычев сам, будучи всегда под сенью Трифона, под эту сень собрал большую когорту замечательных музыкантов из разных уголков России. Они приехали по первому зову Николая Колычева. Какое место в жизни каждого из них занимает наш ПОЭТ, можно понять из такой ситуации. Отец Сергий Поливцев – руководитель паломнического центра – пожелал гостям увидеть северное сияние. На что музыканты отреагировали мгновенно: «А у нас всегда есть северное сияние! Николай Колычев!» Все засмеялись. Прекрасный образ. Действительно, Николай Владимирович Колычев был для друзей как северное сияние – зимой, и незаходящее солнце – летом.

Николай Владимирович был членом жюри. Рядом были друзья. И песни на стихи самого Колычева звучали со сцены неоднократно.

И он был счастлив. Это было видно. И это было так хорошо.
Но и этот период закончился.

Конец человека «Коли Колычева»...

Когда Николай Владимирович умер – это было реальное горе. Неожиданное и страшное. Для очень многих людей. Прощались с поэтом в Мурманске в храме Спаса на Водах… Отпевал Николая Владимировича сам владыка Симон. Честь поэту! Всю ночь в храме читали «псалтирь по Колычеву»… Простые почитатели творчества поэта считали за честь приехать в храм и хоть одну славу прочесть у гроба любимого поэта. И просто – человека. Его ж и любили по-простому. Как нашего «Колю Колычева».

Вот услышала фразу, которую сказал Маяковский после смерти Сергея Есенина: «Нет больше Сережи Есенина. Есть теперь поэт Сергей Есенин». Так и в этом случае – нет больше Коли Колычева, остался поэт Николай Колычев.

Звонили колокола погребальные… Вспомнилось очередное пророчество поэта...

Кололась ночь, как черная скала,
Я зря к ушам прикладывал ладони,
Колокола зашлись, колокола,
По Николаю Колычеву в стоне!

* * *

Вообще счастье, что поэт Николай Владимирович Колычев был в жизни монастыря. И в жизни отца Аристарха. И сам Николай, и отец Аристарх покинули этот бренный мир. Но монастырь стоял и стоит. Вот уже полтысячелетия скоро. Падал и вновь поднимался. И в третий раз поднимается. С нуля. Но это поднятие третье освещено светом поэзии. Да и какой. Вот еще раз вспоминаю, как в семидесятые годы приезжали к нам в Мурманск поэты. Евтушенко, Рождественский, Ахмадулина... Попасть на их выступление было невозможно. Вот бывают святые – местночтимые. Не потому, что они менее святые. Нет. Просто их знают только на местах. Поэты тоже. Николай Колычев – не местночтимый поэт. Он – величина. И такой поэт осветил своей поэзией

маленький монастырь. Поэзия эта останется в истории монастыря. Много чего останется. Авторы ушли. Мы уйдем. Все люди уйдут. Люди смертны и ограничены временем. А стихи – они навсегда. Если хорошие стихи. А у Колычева – очень хорошие стихи. Пронзающие душу. И свою, и читателя.

Недавно услышала такие красивые слова – «Россию надо заслужить». Так вот, перефразирую: Колычева надо заслужить. И наш монастырь заслужил.

Начала я свое повествование словами отца Аристарха о Николае Колычеве. А закончить хочу словами Николая Колычева об отце Аристархе. Значит и о своем пути в монастырь преподобного Трифона. И о своем пути к Богу.

Очерк «Аристарх» Николай Владимирович успел написать буквально перед своей смертью. За один день до кончины поэта он увидел свет... Успел. Слава Богу!

Итак... Вот текст полный очерка.

Послесловие
«Аристарх» (Николай Колычев)

Мы тянемся к людям, с которыми приятно и интересно общаться, беседы с которыми обогащают нас, советы которых помогают нам разрешить трудные жизненные ситуации. Встретить в жизни такого человека – большое счастье. Еще более ценны люди, рядом с которыми можно просто молчать, ничего не говоря, и понимать, о чем мы молчим, рядом с которыми даже молчание спасает, помогает, направляет на правильный путь…

Но есть такие люди, само существование которых становится мощной опорой в твоей жизни. Даже если живете вы далеко друг от друга и общаетесь крайне редко.

В последнее время с отцом Аристархом разговаривали мы крайне редко, пару раз в год, по телефону. На звонки он почти никогда не отвечал. Звонил сам. Чаще – по просьбе моей жены, когда она чувствовала, что мне необходима его поддержка.

12 сентября [прим. – 2016 года] я был у себя на даче. Один.

Одиночество располагает к размышлениям, самокопаниям, самопознанию… А как известно, «многия знания – многия печали». По-

пытки излечиться от печалей «традиционным русским способом», как всегда, лишь усугубляли мое отчаянное состояние. Мне было невыносимо плохо.

Я взял телефон. Нашел номер отца Аристарха. Долго сомневался, стоит ли звонить. В конце концов нажал на вызов, почти не надеясь на ответ. К моему удивлению он ответил моментально.

– Знаешь, – голос его был слаб и глух, – я вот держу трубку в руках, нашел твой номер и думаю: звонить или нет.

Я торопливо и сумбурно начал излагать ему все беды, печали и сомнения, но он прервал меня:

– Подумай и скажи самое главное, самое важное.

Я смутился, замолчал. Некоторое время мы просто дышали друг другу в трубку:

– Самое главное? Ну, я подумаю и потом перезвоню.

– Не дозвонишься. Я сейчас умирать буду.

Я не поверил, хотя знал, что он давно и безнадежно болен. Несколько лет назад я был у него в Арзамасе. Жил несколько дней. Провожал через день на диализ. Встречал ослабленного после этой продолжительной и, как говорят, мучительной процедуры…

Он уже тогда был прикован к месту и не мог никуда надолго уехать, поскольку пропуск очередной очистки почек повлек бы за собой неминуемую смерть.

Но он не унывал. Смеялся, шутил, устроил мне выступление в университете… Сам постоянно работал над чем-то на компьютере…

Несколько раз случалось, что я звонил ему, а он то ли шутя, то ли сердито отвечал: «Некогда мне, занят. Умираю. Дай хоть помереть спокойно!»

Один раз вовсе прошептал: «Все! Меня помазывать пришли».

Я уже как-то привык к таким его «шуткам». Вот и в этот раз не поверил, что умирает.

Даже не помню, о чем мы говорили.

В муках творчества, когда хотелось сказать что-то очень хорошее, нужное людям, я неоднократно пытался представить, а что бы я сказал миру в последнюю минуту жизни, на эшафоте или под прицелом расстрельной команды… И понимал, что заорал бы какую-нибудь ерунду. В лучшем случае стоял бы и молча молился, уповая на милость Божью.

Я почти не помню, что я говорил ему, что он говорил мне 12 сентября.

13 сентября его не стало.

Я не был у о. Аристарха на похоронах. Не проводил его в последний путь. Не смог. Ехать далеко. Ни времени, ни средств. Понимаю, что все это самооправдания. Надо было все бросить – и ехать.

Когда 12 июня 2015 года не стало Виктора Леонтьевича Тимофеева, я тоже был на даче, с двумя внуками. Жена уехала на Соловки, снимать фильм о кольском святом Феодорите. Я отзвонился в Мурманск, извинился перед всеми, выразил соболезнования, объяснил ситуацию. И успокоился.

Но тут позвонил отец Аристарх: «Николай, на похоронах Тимофеева передай мои соболезнования вдове и родственникам, скажи от меня доброе слово».

– А как же внуки?

– Езжай, ничего с ними не случится.

Я стал собираться. И действительно – ситуация разрешилась сама собой.

Я с ужасом понимаю, что в такой ситуации больше никто не даст мне «пинка», не заставит поступить правильно. Не возьмет часть ответственности за мое решение на себя. Теперь мне все решать самому.

* * *

С отцом Аристархом я познакомился в последний год прошлого века. Очень тяжкое время было. И для страны, и для меня лично.

Я развелся с женой, уехал в Мурманск. Жил один. Очень скучал по детям. По ночам в подъезде на лестничной площадке, прямо на цементном полу, подложив под себя коробки, спали то ли пьяные, то ли обнаркоманенные подростки. По утрам бомжи, собрав на помойке опорожненные банки из-под сгущенки, которые выкидывали с кухни кафе, тщательно их вылизывали, не обращая внимания на проходящих жильцов. Приезжающие из области знакомые неизменно заходили ко мне. Квартира была над кафе «Юность», неподалеку от вокзала. В ресторане гостиницы «Арктика» работали знакомые музыканты, которые после работы (под утро) неизменно заглядывали ко мне, постоянно пополняя мой кухонный арсенал посудой с фирменными штам-

пиками «Арктика», в которой они приносили закуску…

Я понимал, что разрушаюсь, но не видел никакого выхода.

У людей в таком состоянии воображение болезненное, неадекватное, перемежающееся галлюцинациями. Мне тяжело их вспоминать и поэтому описывать их не буду.

Но однажды утром некое видение побудило меня встать и отправиться в Союз писателей. На дверях я обнаружил записку: «Уехали в Трифонов Печенгский монастырь». Меня в эту поездку не приглашали. А может и приглашали, да забыл…

Надо сказать, что в монастыре мы бывали и прежде. Еще когда сверхглубокая скважина работала, ездили туда, и с руководством скважины заезжали отобедать в монастырь. Наместником тогда был о. Филипп. Но та поездка на меня какого-то особого впечатления не произвела, и потому я не особо переживал, что не поехал.

Но все новые известия о монастыре, о новом игумене Аристархе настойчиво преследовали меня. Наконец, видя мое плачевное состояние, Елена Деревякина (спасибо ей!) просто купила билет и посадила меня на автобус до Печенги. Так я оказался в монастыре.

Игумена в монастыре не было. Сутки я ждал его. Беседовал с насельниками и не понимал, зачем я сюда приехал.

Наконец появился о. Аристарх. Спросил кто я, зачем приехал. Я, как мог, что-то путанно объяснил. Он позвал монаха – о. Стефана, и тот определил мне спальное место.

Несколько дней меня никто не трогал. Словно не замечали. Я подолгу сидел у реки, бродил вокруг монастыря, питался в трапезной. Заходил на службу, но ни разу не выстаивал до конца.

Все ждал, когда о. Аристарх позовет меня, скажет что-нибудь. Но он словно забыл обо мне. Тогда я выбрал момент и обратился к нему сам. Спросил, что мне делать. «Делай пока что хочешь. Желательно на службы ходить». Дал тоненький молитвослов на современном языке, но по-церковнославянски (сейчас много таких печатают). Показал молитвы, которые надо выучить в первую очередь.

Три дня я учил молитвы. Я вообще-то тексты хорошо запоминаю, но тут почему-то ничего в памяти не задерживалось.

На четвертый день я молча собрал вещи и побрел на автобус, решив, что монастырь, религия – это не мое… Отойдя немного от монастыря, обернулся. Почему-то захотелось посмотреть, попрощаться, перекре-

... Останусь строчками, останусь песнями

ститься. Стал вспоминать молитвы и понял, что их знаю. Перекрестился – и пошел обратно.

Интересная внутренняя атмосфера была тогда в монастыре. Практически все насельники были неофитами. Повсеместно возникали какие-то религиозные дебаты, откровенно безграмотные и наивные. Публика была разношерстная – отчаявшиеся безработные, беженцы, освободившиеся зеки, дезертиры. Лишь немногие – идейные искатели истины, но тоже по разным причинам вывалившиеся на обочину жизни.

Быт в монастыре был не устроен. Было холодно, голодно и тесно. Но вместе с тем было хорошо. Спокойно. Был внутренний дух и осознание того, что мы все вместе делаем какое-то очень важное и нужное дело. Братия была невелика, и за столом в трапезной помещались все. Немаловажно и то, что игумен питался вместе с нами, и вся его жизнь была на наших глазах. Это давало ощущение всеобщего равенства и братства.

Мы восстанавливали монастырь. Может это и кощунственно, но мне кажется, что чувствовали мы себя примерно как комсомольцы-корчагинцы на стройках народного хозяйства, совершая трудовой подвиг «во имя светлого будущего». Собственно по-настоящему религиозного духа тогда было мало. Но была тяга к нему. Желание постичь какую-то новую, «правильную» истину.

По-видимому, всякое место на земле, на котором проживает какое-то время человек, которому искренне отдает что-то свое – мысли, чувства, труд, – в награду за это обогащает его. Привносит в его жизнь то, что накопилось, надумалось, намолилось в этой земле.

Я прикасался к каменной плите, на которой, по преданию, скандинавские разбойники казнили наших православных монахов,

и, казалось, становился очевидцем давней трагедии. Проводил ладонью по срубу – и представлял, как этот монастырь строили. Спускался к реке – и смотрел на это вечное течение вод глазами средневекового насельника монастыря.

Я, конечно, ждал каких-то душеспасительных бесед с о. Аристархом. Но их почти не было. Чем больше я находился в монастыре, тем больше появлялось у меня вопросов. Я ждал от игумена мудрых ответов, советов, как мне дальше жить. Но напрасно. Разговаривали мы мало и в основном – по существу: что надо сделать, чего не надо делать. А мне о душе поговорить надо было, о молитве.

Сижу верхом на бревне сруба, тюкаю топором. Отец Аристарх, снизу:

– Николай, завтра в Ловозеро поедем, к саамам. Там сказать надо чего-нибудь, коротенько, минут на пять, и стихи почитаешь.

– Так мне подготовиться надо!

– Не надо. Ты работай. Завтра и так выступишь.

– Так мне хоть подумать, набросать надо, что говорить.

– А ты помолись и все получится.

– Когда молиться-то, я все работаю и в церкви почти не бываю.

– А ты работай и молись, работай и молись.

– А как?

– А как можешь, так и молись.

Теперь думаю, что о. Аристарх был прав. Невозможно что-то посоветовать человеку, пока он сам не успокоится, не задумается, не определится, чего он хочет.

Я все-таки добился своего. Разговор у нас состоялся. Недолгий, но серьезный. Я показал ему несколько стихотворений, написанных в монастыре. Сказал, что заинтересовался историей монастыря, вообще историей кольских святых. Все, что было в монастырской библиотеке по этому вопросу, я уже изучил к тому времени. Да немного и было тогда литературы, непосредственно связанной с монастырем.

Это о. Аристарха заинтересовало. Возникли планы по изданию сборника духовной поэзии местных авторов, сборника стихов о Мурманске.

Осенью я уехал домой. Надо было дочек в садик и школу собирать. Потом началась зима. Я занимался составлением поэтического сборника для только что организованного монастырского издательства «Доброхот» и на подворье монастыря наведывался не часто. Однажды

зашел и встретил уже отъезжающего о. Аристарха. Он был простужен и разговаривал шепотом.

– Садись! – прохрипел он, приоткрыв дверцу машины.

Я плюхнулся на заднее сиденье.

– В монастырь поедем, поможешь.

Я не знал, в чем будет заключаться моя помощь, но по его встревоженному виду понял, что там что-то случилось. По дороге мы не разговаривали, он лишь подгонял водителя…

У крыльца храма стоял народ. Не много. Человек двадцать, может чуть больше. Выйдя из машины, о. Аристарх, не заходя в жилую часть монастыря, решительно направился ко входу в храм, где висел замок, открыл дверь, и мы вошли в холодный нетопленый храм. Следом повалили люди. Мы с водителем бросились поправлять и возжигать лампадки, еще что-то делали (плохо помню). Отец Аристарх начал служить, но голос у него сорвался, он захрипел, закашлялся, схватил меня за рукав и притянул к себе, за клирос:

– Читай!

– Я не умею! – испуганно отшатнулся я, но он цепко сжимал мой локоть.

– Читай со мной, помогай, видишь, голоса совсем нет!

Он действительно говорил надтреснутым, едва слышным шепотом.

Когда умерла бабушка, деревенские старушки читали Псалтирь над гробом. Я сидел рядом. Одна из них спросила:

– А ты читать умеешь?

Мне было 20 лет. Я еще был не крещеный. И толком не понял, о чем она спрашивала.

– Конечно, умею! – ответил я.

– Ну, почитай, а то глаза устали, не вижу ничего, буквы плывут, – и она ткнула пальцем в Псалтирь.

Я несколько минут недоуменно смотрел на церковнославянские буквы, пытался что-то прочесть, но получалось лишь какое-то невразумительное мычание.

– Да ну тебя! – старушка забрала Псалтирь, – а говорил, что умеешь.

Вот и теперь я смотрел на непривычные буквы и что-то не в лад договаривал и подвывал вслед за о. Аристархом. Было стыдно и страшно. Мне казалось, что все прихожане едва сдерживаются, чтобы не выгнать меня из храма. От волнения вдруг пересохло во рту и стало жарко, так,

что даже ладони вспотели. После службы пили в трапезной чай и молчали. Хотелось что-то сказать, но говорить было нечего. Потом отец Аристарх встал, принес молитвослов на церковнославянском и протянул мне: «Учись читать!». Бегло читать я так и не научился. Разве что знакомые, часто употребимые молитвы. Но не торопясь читать теперь могу. Со временем пришло понимание того, что молитва, написанная современными буквами и по-церковнославянски, при прочтении дает разное восприятие. Видимо, и эффект от ее произнесения разный. Не знаю. Молитвенник я никудышный.

Я привязался к о. Аристарху.

Редкостный был человек. Все в нем располагало к доверительному общению. И улыбка с хитрецой, и заразительный смех, и своеобразный иронический взгляд на жизнь и ее превратности, и подспудно ощутимый могучий интеллектуальный багаж.

Я неплохо знал русскую литературу, но так получилось, что почти не интересовался зарубежной. Он же мог свободно рассуждать о творчестве Виньона, Рембо или Верлена, которых читал в подлиннике и нередко цитировал по-французски. Но он явно плохо был знаком с творчеством Рубцова. Видимо так сложилось, что это его не очень интересовало. Но явно звучащие мотивы этих французских поэтов в стихах Рубцова как раз и положили начало нашим разговорам о литературе. В результате в скором времени он знал Рубцова лучше, чем я, а я получил какое-то понятие о французской поэзии.

Но меня больше интересовали тогда вопросы духовной жизни. Литература была лишь поводом для разговора о том, как мне быть. Я жил с ощущением, что нахожусь в какой-то яме, из которой никак не могу выкарабкаться. Нужна была помощь, чья-то рука, чтобы ухватиться и опереться.

– Батюшка, научи меня молиться! – обратился я к отцу Аристарху.

– Я же дал тебе молитвослов, – ответил он.

– Я не об этом. Как у Бога попросить так, чтобы то, о чем просишь, сбылось?

– Надо верить.

– В то, что сбудется?

– В Бога верить надо. Ты определись, чего ты хочешь. Что для тебя важнее всего. И проси. Проси постоянно.

– И тогда даст?

– Надо верить, что даст.

– А если не даст?

– Надо думать, почему не дал. Значит это тебе неполезно.

Я просил. Бог дал. Через год две дочки жили со мной. Вроде бы само собой все получилось.

Но я-то знаю, что не само собой.

Мы редко беседовали о Вере, о Боге, о чем-то возвышенном. Чаще – по делу: как срубить сруб, залить фундамент, зарезать свинью, заготовить сена для коров, выступить где-то, издать книжку…

Когда ко мне приехали дочки, а чуть позже появилась жена – Вера, мы каждое лето проводили в монастыре. Старшая занималась в военно-спортивном лагере, о младшей заботился весь монастырь, жена выполняла разные хозяйственные работы, в основном стирала. Материально я находился в сложнейшей ситуации и без помощи монастыря вряд ли бы выкарабкался из нее. И вместе с тем это была очень светлая полоса в моей жизни.

Очень жалею, что не вел дневниковых записей. Само бытописание времени, прожитого в монастыре, могло бы составить объемное и довольно увлекательное повествование, как для человека глубоко верующего, воцерковленного, так и для светского обывателя. Но главное, конечно, было не в быте. Сам дух монастыря, ощущение своей нужности и значимости, наивная неофитская вера в обязательную действенность молитвы и непрестанные размышления о Боге, Вселенной, Мироздании – вот что главное, незабываемое и неповторимое. И мысли мои тогда, и чувства были какими-то большими, значительными, емкими.

Отец Аристарх возлагал на меня большие надежды. Ему очень хотелось, чтобы я написал роман о Кольских святых. Я был обеспечен самой лучшей, самой редкой литературой по этому периоду. Два года практически занимался только изучением. Но роман не написался. Отец Аристарх сказал бы, что все потому, что я плохо молился. Многие из моих книг появились на свет не только благодаря его содействию как издателя. Я бы и жил, и думал, и писал бы по-иному, не сведи судьба меня с ним. Перевод с финского Мартти Хюнненена вообще на 80% его заслуга. Я столько раз бросал эту работу, а он убеждал меня к ней вернуться, находил нужные слова.

Трудно уместить в журнальную статью все, что я мог и хотел бы

сказать о нем. О больших людях надо писать большие книги. А он был большой Человек. И непростой. О нем теперь говорят всякое. Я видел, как в трудную минуту многие отвернулись от него. Отвернулись те, кто заискивал и искал с ним встречи; те, кто гордился знакомством с ним и искал его расположения, рассыпался в благодарности и уверял в вечной преданности.

Мы очень мало с ним разговаривали. Но мне этого было достаточно. Я чувствовал его поддержку. Я жил его молитвами. Я чувствовал себя виноватым и наказанным, когда он вразумлял меня по телефону. Я до сих пор до конца не смирился с тем, что его больше нет.

Жду, что позвонит, отчитает за то, что неправильно делаю и наставит на верный путь.

«Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария».

Я давно не езжу в Трифонов-Печенгский монастырь. Жутко. Когда-то я там писал «Поэму о 116 мучениках». Радовался, что в восстановлении монастыря есть частичка моего труда. Теперь там следы пожарища да камень, на котором казнили монахов. Словно после разорения. И никого из тех, кого я помню, нет. Мистика какая-то. Ничего и никого не хочу охаять. Хорошо, что выстроен новый монастырь на другом месте. Хорошо, что он такой большой и красивый. Туда теперь и мэр, и губернатор ездят. Но это – другой монастырь. А мне по ночам снится тот, сгоревший. Где ветер в щели дует, вода перемерзает, свет отключается… В трапезной за столом дезертиры, алкоголики, чокнутые искатели истины, разные несчастные придурки, типа меня. На столе в плошках – перловка, заправленная подсолнечным маслом. И во главе стола – о. Аристарх, в застиранном выцветшем подряснике.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ И ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ ИГУМЕНУ АРИСТАРХУ И РАБУ БОЖИЮ НИКОЛАЮ. АМИНЬ.

БАКУЛА
Виктория Борисовна

доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры
филологии и медиакоммуникаций
Мурманского арктического
университета

ПЕРЕВОДЫ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЯЗЫКИ КОЛЬСКИХ САМОВ [1]

Для изучения истории языка, реконструкции языка и устной речи определенного исторического периода большое значение имеют исследования памятников письменности. Особенно важен их анализ для языков, которые находятся на грани исчезновения. Именно таким является язык кольских саамов [2], письменность к которым окончательно пришла только в 1982 г. Из всех четырех диалектов [3], некогда функционировавших на Кольском полуострове, жизнеспособным оказался один – кильдинский, причем и он может исчезнуть, если не принять определенных мер по его сохранению и ревитализации.

На сегодняшний день известно три памятника письменности на диалектах российских саамов – это тексты религиозного содержания:

---

[1] Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР №122061400030-3. The reported study was conducted within the independent research and development project No122061400030-3.

[2] Термин саамский язык используется нами как собирательный для обозначения всех саамских языков.

[3] В советском языкознании традиционно говорили о саамском языке и диалектах, на которые он разделяется. В современном языкознании вместо диалектов принято говорить о языках кольских саамов. Оба термина имеют право на существование.

1) Евангелие от Матфея в переводе финского ученого, лингвиста А. Генетца на кильдинский и бабинский диалекты саамского языка на кириллице (1878), им же сделанный перевод на латинице (1879);

2) Евангелие от Матфея, переведенное священником К. П. Щеколдиным на нотозерский диалект (1884);

3) им же написанная Азбука для лопарей Кольского уезда, в которую включены тексты религиозного содержания и молитвы на саамском языке (1895).

Переводы молитв и священных книг на язык российских саамов тесно связаны с христианизацией коренного народа Севера, которая происходила постепенно, в течение нескольких веков.

Первым крестителем саамов по праву считается Лазарь Муромский, который в XIV в. крестил лопарей, живших по берегам Онежского озера, и основал Муромский монастырь в 70 верстах от Вытегры. Возможно, к тому времени относится проникновение первых слов христианского содержания в саамский язык, но неизвестно, на каком диалекте говорили саамы, проживавшие по берегам Онежского озера.

Окончательное распространение христианства среди лопарей было совершено Трифоном Печенгским и Феодоритом Кольским в XVI в. Для евангельской проповеди возникла необходимость переводов на местные языки Священного Писания. Это было связано с рядом трудностей: изучением данной территории и ее населения, адаптирования переводчиком Священного Писания системы характерных для Православной Церкви терминов и понятий, отсутствовавших в языке саамов, новообращенных в христианство. При этом необходимо было учитывать и особенности восприятия этими племенами перевода Библии на их родной язык, сделанного носителем иной, до поры до времени чужой для них национальной и религиозной традиции.

Феодорит, изучивший в какой-то мере саамский язык в Соловецком монастыре, построил монастырь в устье реки Колы, где и обучал новопостриженных монахов русской грамоте и христианскому вероучению. На этом поприще Феодорит трудился 20 лет и окрестил 2000 лопарей. Для этого он «перевел некоторыя славянския молитвы на язык Лопарей и обучил их истинам веры… » [1]. Для такого перевода необходимо

[1] Соловецкий патерик. М. : Синод. б-ка Моск. патриархата, 1991. С. 42.

было создать особый алфавит, основанный на кириллице, способный передать специфические звуки саамской речи. По предположению историка Карамзина, Феодорит изобрел первую лопарскую азбуку (Н. Козмин. Распространение христианства среди русских лопарей. Архангельск, 1910, с. 16)» [1]. Определить, какой диалект был положен в основу этих переводов и азбуки, не представляется возможным, поскольку ни один из этих текстов не сохранился до нашего времени.

В конце XIX в. началось интенсивное изучение языка Кольских саамов. В это время продолжаются попытки перевода на саамский язык некоторых книг, преимущественно духовного содержания, однако деятельность эта осуществлялась в основном путешественниками и священниками-миссионерами.

В 1884 г. в г. Архангельске появился перевод на саамский язык Евангелия от Матфея, сделанный русским священником Константином Прокопьевичем Щеколдиным, настоятелем находившегося на самой границе с Норвегией Пазрецкого Борисоглебского храма [2].

Константин Прокопьевич Щеколдин родился 20 января 1845 г. в Холмогорском уезде Архангельской губернии в семье священника. В 1867 г. окончил Архангельскую духовную семинарию и в начале 1868 г. был назначен в Печенгский Сретенский лопарский приход. С того времени до конца жизни он почти безвыездно прожил на Кольском полуострове. При разделении Печенгского прихода на два прихода – Печенгский и Пазрецкий – по прошению был перемещен на Паз-реку. С 10 августа 1874 служил в Борисоглебской церкви на р. Паз вместе с зятем-псаломщиком В. М. Ивановским. Изучил лопарский язык. В зимнем саамском погосте на р. Колосйоки в 1888 г. открыл первую на Кольском полуострове церковно-приходскую школу для саамов на 24 места (построена она была на средства, пожертвованные обер-прокурором Святейшего синода К. П. Победоносцевым и русским консулом в Норвегии Д. Н. Островским). Учил детей коренных жителей тундры на русском и на их родном языке, для чего составил и издал «Азбуку для лопарей, живущих в Кольском уезде

---

[1] Черняков З. Е. Очерки этнографии саамов. Рованиеми: Университет Лапландии, 1998. С. 67.

[2] Господа мій Јисуса Христа Пась Евангеліе Матвеесть. Саме киле. Архангельск, 1884. 97 с.

Архангельской губернии» и перевел на саамский язык Евангелие от Матфея (1884), в чем ему помогала жена Мария Козьмовна, в совершенстве владевшая лопарским языком.

Тираж переведенного Евангелия от Матфея на нотозерском диалекте, на котором разговаривали жители Пазреки, превысил число грамотных саамов и получил распространение по всему Кольскому краю.

В 1895 г. он составляет «Азбуку для лопарей» на нотозерском диалекте [1] – первый саамский учебник.

«Азбука» К. Щеколдина, как и грамматика Феодорита Кольского в свое время, выполняла не только образовательную, но и воспитательно-миссионерскую задачу: саамов знакомили с религиозной лексикой: *Іисусъ (Го-сподь Альгь), Пе-стій (Спа-си-тель), А-по-сто-лы, церковь, Пась Трифон;* названиями православных праздников: *Пасха – Іи – пейв; Благовѣщение Пресвятыя Богородицы – Лазинъ пейвъ*.

В конце «Азбуки» дается Молитва Господня и Десять заповедей Божьих на русском и саамском языках.

В 1891–1900 гг. открываются церковноприходские школы в Кашкаранцах, Умбе, Чапоме, Чаваньге, Пялице, монастырская школа в Баркине (Печенга), в Нотозерском, Сонгельском, Кильдинском и Пазрецком погостах. Для них издавались пособия, содержавшие тексты на лопарском языке (молитва «Отче наш», десять заповедей Божьих) [2].

В то же время работа по переводу книг религиозного содержания на саамские диалекты не получила дальнейшего развития, возможно, до нас не дошли сведения о переводах других духовных книг на саамские диалекты.

С 20-х гг. XX в. работа по переводу книг духовного содержания на диалекты российских саамов не могла существовать в силу известных причин, касающихся как истории России, так и состояния письменности саамского языка, работа над которой началась в Советском Союзе только в 1926–1927 гг. в рамках создания и развития письменности народов Севера и организации северного факультета

---

[1] Азбука для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии. Архангельск, 1895. 22 с.

[2] Ушаков И. Ф. Избранные произведения: В 3-х тт.: Историко-краеведческие исследования. Мурманск: Кн. изд-во, 1998. Т. 2: Кольский Север. С. 276.

при Ленинградском восточном институте им. А. С. Енукидзе в составе Ленинградского университета [1].

Главной целью перевода книг духовного содержания на саамские диалекты было распространение христианства и обучение на русском языке, а не создание системы обучения на родном. В то же время первые памятники письменности религиозного содержания представляют собой ценный материал для изучения истории развития саамского языка, его реконструкции в определенный исторический период.

Первым дошедшим до нас памятником, письменно зафиксировавшим язык кольских саамов, является Евангелие от Матфея Арвида Генетца, которое было издано в Хельсинки Обществом распространения Библии в Великобритании и других странах в 1878 г. Данными о более ранних фиксациях языка на кольских саамских диалектах мы не располагаем. Для записи саамской речи ученый использовал буквы русского алфавита: текст Евангелия записан на кириллице. В 1879 г. А. Генетц в одном из венгерских журналов [2] опубликовал это Евангелие на латинице. В предисловии к изданию 1879 г. «Евангелие от Матфея и оригинальные тексты» ученый подробно рассказал о своих исследованиях на Кольском полуострове, дал классификацию кольских саамских диалектов, их сравнительную характеристику, а также пояснил использованную им в тексте на латинице транскрипцию.

Арвид Оскар Густав Генетц (1848–1915) – финский языковед, профессор финского языка Хельсинского университета с 1889 г., одно время занимал должность в Сенате Финляндии, которая по сегодняшним понятиям соответствует должности министра просвещения, известный поэт-патриот [3].

---

[1] Попытки создания письменности российских саамов предпринимались неоднократно. В 1933 г. создается письменность на латинице с добавлением диакритических знаков твердости и мягкости (Букварь З. Чернякова); в 1937 г. саамская письменность переводится на русский алфавит (Букварь А. Эндюковского); в 1937 г. преподавание на саамском языке прекратилось; в 1979 г. создан саамский алфавит на кириллице (Букварь А. Антоновой), в 1985 г. выходит в свет «Саамско-русский словарь» под ред. Р. Д. Куруч, где в алфавит 1979 г. вставлены латинские буквы h и j. С 1985 г. у российских саамов существует двойная орфография.

[2] Genetz A. Orosz-lapp nyelvtudomanyok. Mate evangelioma es eredeti textusok. Nyelvtudomanyi kozlemenyek, 1, 15, 1879. 97 s.

[3] Лаллукка С. Финские исследователи народов коми в XIX в. и их деятельность в финском национальном движении // Коми-язьвинцы и историко-культурное наследие Прикамья. Материалы международной научно-практической конференции. Пермь, 2002. С. 54–58.

Экспедиция по Кольскому полуострову была совершена Генетцем во второй половине 1876 г. при полученной от Хельсинского университета поддержке. Цель эспедиции – исследовать русско-лопарский язык и этнографию коренного народа Севера, что было актуально для финского финно-угроведения того времени [1].

Из Архангельска Генетц прибыл в Колу в конце июля 1876 г. и оставался там приблизительно в течение пяти недель, занимаясь изучением двух разных диалектов, географически недалеко расположенных друг от друга – кильдинским и нотозерским. В первой половине сентября того же года финский ученый приехал в Поной, где в течение двух месяцев продолжил изучение теперь уже восточного саамского диалекта, или т. н. языка терских лопарей (йоканьгского). В середине ноября санным путем он отправился по центру полуострова в направлении северо-запада и запада. По пути Генетц посетил лопарские поселения, через которые пролегал санный путь, вплоть до большого озера Имандра, а затем добрался до поселения Кандалакша. Здесь в течение нескольких дней он занимался изучением четвертого русско-лопарского диалекта – диалекта аккала (бабинского). Таким образом, за время своей поездки Генетц познакомился со всеми четырьмя диалектами российских саамов.

Кильдинский и тер-лопарский (йоканьгский) диалекты саамского языка к тому времени были наиболее распространенными, поэтому Генетц изучил их достаточно основательно и большую часть своих исследований посвятил именно им. Так, первые 22 главы Евангелия от Матфея Генетц перевел в Коле на кильдинский диалект при помощи одного саама, в то время кольского старшины, главы городской управы, районного судьи Парфентия Александровича Пьянова. Последние главы Евангелия (23–28) Арвид Генетц переводил в Кандалакше при помощи проживающего там русского человека Артамона Корниловича, который одинаково хорошо владел саамским и русским языками. В предисловии к Евангелию от Матфея 1879 г. Генетц пишет: «Этот перевод мой единственный образец аккальского, или южно-лопарского диалекта, на котором говорят в погостах Аккала (саам. Ā¡hkel sijt) и Йокостровский

[1] Загребин А. Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в.: Монография. Ижевск, 1999. С. 40.

(саам. Čuįk-sūl′)» (перевод наш) [1]. Таким образом, Евангелие от Матфея в переводе Генетца фиксирует состояние двух диалектов кольско-саамского языка конца XIX в.: кильдинского и бабинского. Письменности на этих диалектах в то время не существовало, поэтому Евангелие от Матфея отражает устное состояние диалектов.

Современный кильдинский диалект сегодня самый распространенный диалект среди саамов Кольского полуострова, им в разной степени владеют около 700 носителей, именно он положен в основу письменности, на нем написаны литературные произведения, книги духовного содержания, это самый исследованный диалект российских саамов.

Переводить Евангелие (1–22 главы) А. Генетцу (1879) помогал носитель саамского языка, человек, без сомнения, грамотный, исходя из того, что занимал достаточно высокий пост, читал и переводил Евангелие. Однако нам неизвестно, на каком говоре говорил Пьянов, в какой степени он владел саамским для перевода Еангелия на кильдинский диалект, а это важно, так как от этого зависит произношение тех или иных саамских слов, а значит и транскрипция этих слов, представленная в памятнике.

По мнению исследователей, текст Евангелия от Матфея 1878 г. в переводе А. Генетца передается «очень несовершенной транскрипцией»: не отмечена долгота гласных, не обозначены долгие согласные в сочетании с краткими; допущен ряд неточностей в обозначении качества согласных [2]. Возможно, причиной этого является несовершенство кириллицы для передачи звуков саамского языка, что позже – в XX в. – заметила носитель кильдинского диалекта, переводчик, учитель саамского языка и составитель первой саамской азбуки, создатель саамского алфавита Александра Андреевна Антонова. Это заставило ее ввести в кириллический алфавит специальные знаки для обозначения специфических саамских звуков.

Александра Андреевна – носитель териберского говора кильдинского диалекта саамского языка, учитель саамского языка, корректор, автор букваря, учебных материалов, книг для чтения на родном саам-

[1] Genetz A. Orosz-lapp nyelvtudományok. Máté evangelioma és eredeti textusok. Nyelvtudományi közlemények, 1, 15. Budapest, 1879. C. 4.

[2] Керт Г. М. Саамский язык (кильдинский диалект): Монография. Л.: Изд-во «Наука» Ленинградское отделение, 1971. С. 20; Костина Г. В. Саамский язык в полилингвистической и поликультурной среде Кольского полуострова. Апатиты, 2007. С. 31.

ском языке, ученый, поэтесса. Она заложила основы создания официально-делового, публицистического и научного стилей речи, явилась родоначальником детской литературы на саамском языке, единственным переводчиком духовной литературы на язык кольских саамов. Ее перу принадлежат переводы Евангелия от Матфея, детской Библии, христианских молитв, жития Трифона Печенгского. Она заложила основы переводам на саамский язык произведений финно-угорских и зарубежных писателей. Значителен ее вклад в саамскую лексикографию: благодаря ее знаниям появились «Саамско-русский словарь» (1985), «Словарь саамско-русский и русско-саамский словарь» (1986), «Саамско-русский словарь (2014), «Словарь лексики духовной культуры кольских саамов» (2013). Значение трудов Александры Андреевны Антоновой для становления и сохранения языка кольских саамов, появления саамской литературы на родном языке трудно переоценить.

В 1990 г. А. Антонова познакомилась с переводом на саамский язык Евангелия от Матфея (Пассь Евангели), выполненным финном Пеккой Сильвеннойненом. На презентации книги в с. Ловозеро никто из присутствующих саамов не признался автору перевода, что далеко не все понятно в тексте. Книга заинтересовала А. Антонову. Ознакомившись с ней, она обнаружила в переводе слова разных диалектов и несовершенную транскрипцию.

В октябре 2008 г. А. Антонова приступила к переводу Евангелия от Матфея и частично окончила работу к началу 2009 г. Подспорьем было Евангелие, переведенное Пеккой Сильвеннойненом, из которого она брала лексический материал и старославянский язык, благодаря которому смогла перевести религиозные понятия на кильдинский диалект. Позже Александра Андреевна полностью закончила перевод «Пась Евангели» (главы от Матфея) и составила к нему словарь основных понятий.

В 2015 году Федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом языкознания Российской академии наук был получен грант на исследование первых памятников письменности на уральских и алтайских языках [1].

[1] Грант РГНФ 15-04-00361. Тип проекта: «а» «Первые памятники письменности на уральских и алтайских языках». 2015–2017. Руководитель проекта – д. филол. н. Норманская Ю. В.

Более 90% уральских и алтайских языков являются младописьменными или даже бесписьменными, поэтому информация об их первых фиксациях, в настоящее время фактически не изученная, чрезвычайно важна. В процессе работы над грантом для 15 языков, куда вошел и саамский язык, были подготовлены электронные конкордансы в программе ЛингвоДок, в них к каждому слову памятника выписаны параллели из современного литературного языка.

Все вышеперечисленные словари и духовные тексты в настоящее время размещены он-лайн на сайте lingvodoc.ispras.ru. Столь значительное количество конкордансов (список всех употреблений заданного языкового выражения) по первым кириллическим книгам и их сравнение с данными современных литературных языков и диалектов позволили получить результаты, весьма важные для истории уральских и алтайских языков.

Целью исследования памятника письменности на саамском языке был анализ основных отличий кильдинского диалекта, зафиксированного в Евангелии от Матфея 1878 г., от современного литературного кильдинского диалекта, на который сделала перевод Евангелия от Матфея А. А. Антонова.

Материалы, представленные в статье по итогам сравнения двух памятников письменности [1], явились демонстрацией отдельных отличий диалекта конца XIX века от современного кильдинского диалекта, которые можно сгруппировать следующим образом: фонетические, грамматические, морфологические, лексические.

К основным **фонетическим** отличиям диалекта памятника от современного диалекта относятся следующие:

1) не обозначена долгота гласных и согласных;

2) сочетание звуков [оа] в современном диалекте в памятнике передается разными звуками;

1) не обозначена мягкость и полумягкость согласных;

2) не отмечено сочетание согласных звуков, характерное для саамского языка;

3) не обозначены специфические саамские звуки.

---

[1] Бакула В. Б. Вокализм первого слога в кильдинском диалекте саамского языка по данным Евангелия от Матфея (1878) / В. Б. Бакула // Урало-алтайские исследования. Научный журнал. М.: Институт языкознания РАН. 2016. № 3 (22). С. 13–33.

К **грамматическим** отличиям мы отнесли следующие:

1) правописание суффиксов причастий;

2) правописание глагольных суффиксов;

3) правописание окончаний существительных.

Были выявлены следующие **лексические** особенности:

1) появление в современном диалекте новых слов на базе известных в саамском языке словообразовательных моделей: диал. *пророк* [глава 2, стих 17] ~ лит. *ялэввтэсуййнэй* 'пророк' (из *ялламуж эвтэс уйнэй* 'жизнь вперед видящий'); диал. *альм-царство* [глава 5, стих 20] ~ лит. *Аллъм Цоаррвуд*т 'царствие небесное';

2) в памятнике и литературном диалекте некоторые заимствованные слова остались без изменений: диал. *ладан* [глава 2, стих 11] ~ лит. *ладан* 'ладан'; диал. *смирна* [глава 2, стих 11] ~ лит. *смирна* 'смирна'; диал. *верблюд* [глава 3, стих 4] ~ лит. *верблюд* 'верблюд'; диал. *фарисей* [глава 3, стих 7] ~ лит. *фарисей* 'фарисей'.

Значительные отличия имеет **алфавит**, использованный в Евангелии от Матфея А. Генетца, от алфавита современного саамского языка.

Сравнительное исследование текстов Евангелия от Матфея, разделенных столетием, позволило прийти к следующим выводам:

– совпадение языка памятника и современного диалекта оказалось почти полным, а различия, если они присутствуют, носят системный характер, который свидетельствует не об ошибках создателей памятников, а об изменениях, произошедших в саамском языке за последние 150 лет;

– первое Евангелие на саамском языке значительно ближе к прасаамскому состоянию, чем современный литературный кильдинский язык;

– инновационные изменения литературного кильдинского вокализма произошли буквально в последние 150 лет;

– при сборе полевых данных по воронинскому говору кильдинского диалекта (с. Воронино) выяснилось, что он очень близок к первому Евангелию на саамском языке и значительно отличается от современного литературного диалекта.

Проанализированный материал показал, что в основу современного литературного кильдинского языка лег весьма инновационный говор. Словарь этого говора, как и словарь Евангелия, находится на сайте limgvodoc.ispras.ru.

Таким образом, особого значения для истории создания письмен-

ности на саамском языке переводы молитв и Евангелия от Матфея не имели, появление их было значимым сдвигом только в принятии саамами новой веры. Кроме того, работа над переводами богослужебной литературы для кольских саамов велась эпизодически, в результате чего сегодня мы располагаем только тремя памятниками письменности религиозного содержания на диалектах кольских саамов. Тем не менее, перевод Библии на национальный язык является важным фактом общекультурной значимости для любого народа, особенно это касается языков, находящихся на грани исчезновения [1], так как в этом случае «перевод Библии снижает угрозу некоторых факторов, способствующих упадку языков», помогает решению вопросов стандартизации орфографии в тех языках, где правила орфографии не являются устоявшимися, «соединяет носителей этого языка с мировым обществом всех других народов», «укрепляет национальное самосознание» [2]. Перевод Библии «благоприятно сказывается на продолжающемся процессе становления и нормализации лексико-семантической системы родного языка, раскрытии его потаенных ресурсов, накоплении и обогащении опыта национального гуманитарного мышления» [3], «импульсом для национального, культурного и духовного возрождения народа – носителя этого языка» [4]. Все это становится особенно актуальным в случае с саамским языком, поэтому значение перевода Библии в повышении престижа саамского языка, который относят к вымирающим, нельзя переоценить.

---

[1] Ломова-Оппокова М. Ю. Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков //Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ /Институт перевода Библии, Институт языкознания РАН; [редколлегия: К. Т. Гадилия (отв. ред.) и др.]. Москва: Институт перевода Библии, 2010. С. 70.

[2] Беерле-Моор М. Перевод Библии и проблема сохранения языков // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения / Институт перевода Библии, Институт языкознания РАН; ответственный редактор К. Т. Гадилия. Москва: Институт перевода Библии, 2010. С. 34–35.

[3] Гамзатов Г. Г. В духе взаимопознания, взаимопонимания и согласия в обществе // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ / Институт перевода Библии, Институт языкознания РАН; [редколлегия: К. Т. Гадилия (ответственный редактор) и др.]. Москва: Институт перевода Библии, 2010. С. 53.

[4] Алексеев М. Е. Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов России // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ /под ред. М. А. Алексеева, М. Беерле-Моор, К. Т. Гадилия [и др.]. Москва: Институт перевода Библии, 2010. С. 58.

ГУЦКАЛОВА
Татьяна Николаевна

заведующий отделом развития муниципального учреждения культуры «Межпоселенческая библиотека Кольского района», Кольский район Мурманской области

«АЗБУКА КОЛЯНИНА»: ЛЮДИ, НАЗВАНИЯ, ПАМЯТНИКИ

Кола является старейшим городом Мурманской области и имеет яркую уникальную судьбу. Историю любого города создают люди, которые вкладывали и вкладывают свой труд, творчество, идеи, средства в его развитие, определяя тем самым неповторимый облик; люди, которые защищали город и сохраняли его реликвии и исторические объекты.

Источников о городе Кола немного. Это, прежде всего, труды известных краеведов, таких как Иван Ушаков, Павел Федоров, Владимир Сорокажердьев. Однако они тоже не отражают всей информации в силу хронологических причин и значительного исторического периода развития города. Часть информации очень разрознена и представлена в разных источниках, что затрудняет ее быстрый поиск и выполнение запроса, подбор необходимого материала.

Появилась необходимость аккумулировать информацию в одном источнике и систематизировать ее. Таким документом стало справочное пособие «Азбука колянина».

Первоначально отсутствовало название, так как создавать справочник не планировалось. Но поскольку записи было решено вести в алфавитном порядке, то логически возникла ассоциация с азбукой. Информация собиралась о Коле и колянах, то появилось и название – «Азбука колянина».

Долгое время «Азбука колянина» использовалась исключительно для внутренней работы сотрудников при выполнении запросов. Систематизация по алфавитному признаку позволяла достаточно оперативно находить нужную информацию. Со временем записи дополнялись, появлялись новые.

В процессе работы стало очевидно, что перечень рубрик необходимо расширять, поскольку запросы усложнились, появились новые источники информации и новые объекты в городе. Значительно увеличился перечень персоналий, в которые вошли не только коляне, но и видные исторические деятели, в той или иной мере упоминающие Колу в своих описаниях, либо посещавших ее.

Было решено включить и изобразительный материал: фотографии, рисунки, схемы, иллюстрации, поскольку многие термины сложно понять без соответствующей визуализации. Например, сложно объяснить, что такое шняка (особенно детям) без соответствующего рисунка. И представить, как выглядел тот или иной исторический деятель или объект тоже невозможно без изобразительного материала.

Последняя редакция справочного пособия «Азбука колянина: люди, названия, памятники» включает информацию (текст, иллюстрации, фотографии) о достопримечательностях, памятниках и памятных местах города, названиях, учреждениях, геральдике Колы, кольских династиях.

Значительная часть пособия посвящена персоналиям. Среди них исторические деятели, посещавшие Колу и Кольское побережье, кольские святые, кольские воеводы, ученые, писатели и поэты, краеведы, купцы, защитники города и участники Великой Отечественной войны.

«Азбука колянина» имеет именной указатель, список литературы.

Справочник «Азбука колянина» – это «живое» издание, которое постоянно пополняется новыми записями, редактируется, что позволяет оперативно находить информацию по запросу.

В настоящее время справочник представлен в электронном виде, однако хотелось бы «Азбуку колянина» издать в печатном виде. Возможно, в ближайшей перспективе это станет возможным.

САМОЙЛОВА
Татьяна Евгеньевна

кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник
Государственной
Третьяковской галереи

ПОЧИТАНИЕ ИКОНЫ «БОГОМАТЕРЬ ТИХВИНСКАЯ» В ЭПОХУ ВАСИЛИЯ III

В правление Василия III статус палладиума Русской державы окончательно закрепляется за иконой Богоматери Владимирской. Однако в поле зрения идеологов и книжников этого времени находились и другие иконы, за которыми вставал глубокий пласт истории Византийской империи. Их значение пытались осмыслить и найти им место в русском историческом пространстве. Один из таких образов – «Богоматерь Одигитрия», явившаяся в 1383 году в Обонежской пятине. Этой иконе было суждено стать общерусской святыней.

Первоначально считалось, что продвижение почитания Тихвинской иконы исходило из Новгорода. Однако В. М. Кириллин, автор монографии, посвященной литературной истории «Сказания о Тихвинской иконе Богоматери Одигитрия», доказал, что даже самые ранние редакции (конца XV – первой половины XVI в.) были лишены проновгородской направленности [1]. Исследование показало, что интерес к этой теме с самого начала проявили не новгородцы, а книжники знаменитой иосифо-волоколамской обители. Исследование В. М. Кириллина, постро-

[1] Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». Литературная история памятника до XVII века. Его содержательная специфика в связи с культурой эпохи. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 20–26, 40–59, 65–69, 94.

енное на конкретном анализе текстов редакций, на сегодняшний день является наиболее глубоким и всесторонним. Автор не только выявил и датировал редакции, но и показал, какими идеями и текстами постепенно дополнялось Сказание. Благодаря работе В. М. Кириллина исследователи получили основание, на котором история образа «Богоматери Тихвинской» в древнерусской живописи XVI в. может быть сопряжена с литературной историей Сказания. Материал, представленный в монографии, позволяет по-иному взглянуть на предпринимавшиеся ранее попытки отождествить образ «Богоматери Тихвинской» с прославленными византийскими иконами Богоматери Лиддской-Римской и интерпретировать его как некий идеологически нагруженный символ [1].

Самый ранний текст Сказания редакции А был создан в конце XV в. и представлял собой образец местной новгородской литературной традиции. Однако внимание к новгородскому сюжету, посвященному прославлению почитаемых на Тихвине образу Богоматери и деревянного Креста, сразу проявили книжники круга архиепископа Геннадия [2], поскольку содержание текста «Сказания» отвечало интересам той части русского церковного общества, которая отстаивала право Церкви обладать землей («Сказание» рассказывает о том, как сама Богоматерь посредством своего образа благословила места, где надлежало построить посвященные Ей храмы – Рождественский «в Вымоченицах», Покровский «на Кожели», Успенский «на Тихвине»). Примечательно, что в этой редакции не говорится, откуда пришла икона в Новгородскую землю [3]. 1510-ми годами датируется редакция Б, в которую вклю-

---

[1] Бусева-Давыдова И. Л. Сказание о явлении чудотворной иконы Богоматери Тихвинской: к семантике архетипа // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография – история – почитание. Тезисы докладов. Научная конференция, Санкт-Петербург – Тихвин. 24–27 октября 2001 года. СПб, 2001. С. 4–7; Шалина И. А. Лиддская-Римская икона Богоматери и иконографический архетип Тихвинской иконы // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография – история – почитание. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2001. С. 31–37. Шалина И. А. Чудотворная икона Богоматери Тихвинской в истории Московского государства конца XV – первой половины XVI века // История и развитие церковно-государственных отношений на примере Тихвинского Успенского монастыря. СПб.: Президентская б-ка им. Б. Н. Ельцина, 2010. С. 19; Иконы Успенского собора Московского Кремля. 2016. С. 172–173. Кат. № 8.

[2] Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». Литературная история памятника до XVII века. Его содержательная специфика в связи с культурой эпохи. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 77.

[3] Там же. С. 80.

чили рассказ о возведении на Тихвине в 1507 году каменного храма по повелению великого князя Василия III и по благословению нового новгородского владыки Серапиона. Эта редакция была создана уже осифлянскими книжниками, для которых было важно, с одной стороны, поднять значение местного предания, а с другой, подчеркнуть роль и инициативу Василия III в деле основания каменного храма на месте, избранном самой иконой. Подчеркнем, что ни в редакции А, ни в редакции Б явившийся в Обонежской пятине образ не отождествляется ни с одной из известных византийских икон. Автор редакции Б лишь позволяет себе дать объяснение термину «Одигитрия» – «сиречь наставница» [1]. Следующий этап литературной истории Сказания – редакция В. Она появилась после 1526 года. Именно в ней впервые четко артикулирован тезис о константинопольском происхождении иконы, подкрепленный таким «доказательством», как рассказ новгородских гостей, побывавших в Царьграде. В соответствии с уже сформулированной к этому моменту книжниками осифлянского круга теории «Москва – Третий Рим», текст редакции поясняет, что икона покинула Царьград в виду греховных нестроений среди греков [2].

Редакция Г датируется не ранее середины XVI в. В нее добавлен сюжет о том, как сам патриарх Константинопольский показывал новгородским гостям пустой киот, где ранее стояла икона Богоматери Одигитрии. Итак, в этой редакции Тихвинская была определена как Одигитрия, пришедшая из Константинополя [3]. В середине – второй половине XVI века сюжет по-прежнему в фокусе внимания. В редакции Е (1560–1589) уточняется, что в Константинополе икона находилась во Влахернах [4]. И вот здесь появляется интересный пассаж, сравнивающий *чудеса и исцеления* (выделено мной – Т. С.) от Тихвинской с чудесами от образа Одигитрии в Лидде и образа Богоматери Римляныни, написанной богоносным Германом [5]. На рубеже XVI–XVII вв. в редакции З (1592–1602) была сформулирована мысль об иконе Тихвинской Богоматери как об общероссийской и мировой святыне, но и здесь от-

1 Там же. С. 49.

2 Там же. С. 148.

3 Там же. С. 185.

4 Там же. С. 189.

5 Там же. С. 185.

сутствует отождествление ее с иконой Богоматери Лиддской-Римской. Мысль о тождестве Тихвинской с Влахернской иконой Богоматери Одигитрии появляется только в редакции Е, но, как пишет В. М. Кириллин, и эта традиция не стала общепринятой [1].

Итак, в начале XVI в. образ «Богоматери Тихвинской» не имел значения общегосударственной святыни. Внимание книжников в это время было сосредоточено на выяснении вопроса, откуда икона пришла на Русь. Он был решен в пользу Константинополя после 1526 года.

Второй вопрос, важный для понимания процесса формирования культа Тихвинской иконы – как складывались отношения прославленного образа и великого князя Василия III. Как мы помним, первый раз самодержец приехал на Тихвин в 1507 году и выступил инициатором закладки здесь каменного храма. Очевидно, что приезд Василия III в 1507 году на Тихвин не был в прямом смысле паломнической поездкой. Участие государя в закладке каменного храма на Тихвине следует, прежде всего, воспринимать как жест ктитора. С этого момента волоцкие книжники серьезно берутся за переработку местного Сказания о Богоматери Тихвинской, но сама икона «Богоматери Тихвинской» пока не рассматривается ни как святыня, почитаемая великокняжеским домом, ни как святыня общерусского значения. Второй раз Василий III приехал на Тихвин в 1526 году [2]. Этот приезд истолковывается исследователями как паломническая поездка в связи с молением о чадородии (в 1526 году Василий Иоаннович женился на Елене Глинской). Однако в редакции В, созданной после 1526 года, ничего не говорится о молении о чадородии как цели паломничества. Сказано только, что «в лето 7035, декабря 25, князь великый Василий Ивановичь, государь всея Русии, был у Пречистыя на Тихвине помолитися и у великого чюдотворца Николы в пустыни. Тогда ж был у великого князя на Тихвине архиепископ Макарей великого Новаграда и Пскова» [3]. Как видим, цель поездки не конкретизируется, о ней говорится обще – «помолитися», причем не только Богоматери, но и иконе святого Николая

---

1 Там же. С. 198–209.

2 ПСРЛ Т. 3. СПб., 1841. С. 148. ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 272.

3 Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». Литературная история памятника до XVII века. Его содержательная специфика в связи с культурой эпохи. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 149.

в пустыни. Тем не менее показательно упоминание Макария, который был поставлен архиепископом Новгорода в московском Успенском соборе в том же 1526 году и вполне мог стать инициатором поездки великого князя, чтобы привлечь его внимание к Тихвинской иконе [1]. А вот уже в редакции 3 (1592–1602) о приезде Василия III в 1526 году сказано совсем иначе: «... самодержец и великий князь Василий от слышания многих чудес... верою влеком... помолитися и самовидец быти иконы святые Богородица... молитвы и моления, и обеты своя воздав и икону любезно целовав паки возвратися на свой царский престол» [2]. То есть, князь, слышавший о чудесах от иконы, захотел сам увидеть ее. Заметим, что и в этом, гораздо более позднем тексте, не говорится о молении о чадородии. Еще более кратко сообщение об этом визите в редакции Е (первая половина XVII в.): великий князь Василий «был у пречистые Богородицы на Тихвине помолитися» [3]. Другая традиция изложения этого события складывается в летописании. В Новгородской II летописи сказано, что 24 декабря 1526 года Василий III приехал «к Пречистей Богородице на Тихвину помолитися, и бысть князь велики на Тихвине три дни и нощи и поехал к Москве...». [4] В Типографской летописи: «великий князь Василий Иванович всея Руси поехал с Москвы к Пречистей на Тихвину молитися... у Пречистыя обедни слушал на Рождество Христово, на Москву приехал на Крещение» [5]. Еще более кратко о приезде великого князя сказано в Воскресенской летописи: «Тое же зимы князь велики был у Пречистые на Тихвине помолитися» [6]. А вот в Софийской II помещен весьма пространный рассказ: «... в навечерие Рождества Христова... приеха государь... к Пре-

---

1 Шалина И. А. Чудотворная икона Богоматери Тихвинской в истории Московского государства конца XV – первой половины XVI века // История и развитие церковно-государственных отношений на примере Тихвинского Успенского монастыря. СПб.: Президентская б-ка им. Б. Н. Ельцина, 2010. С. 24.

2 Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». Литературная история памятника до XVII века. Его содержательная специфика в связи с культурой эпохи. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 196–197.

3 Там же. С. 254.

4 ПСРЛ. Т. 3. С. 148.

5 ПСРЛ.Т. 8. СПб., 1859.

6 ПСРЛ. Т. 24. С. 223. Воскресенская летопись довольно точно датирована, она составлена между 1542–1544 гг. См.: Левина А. С. Летопись Воскресенская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 40.

чистей Богородицы на Тихвину помолитися о здравии и о спасении, и чтоб ему Господь Бог даровал плод чрева; и велением государя великого князя приеха и архиепископ Макарий... и божественную литоргию свершив о государском здравии и всего православного христианства: и государь князь великий... и многу милость к печалным людем показа.., и многи монастыри милостынями удоволив» [1]. Этот же текст слово в слово повторен и в Новгородской IV летописи [2]. Сопоставление летописных текстов наводит на мысль, что пространный вариант родился позднее 1526 года и был призван подчеркнуть роль Новгородского архиепископа. Интересно, что в Новгородской II сообщению о поездке Василия III на Тихвин предшествует известие о поставлении на Москве архиепископа Новгорода Макария, а сразу за ним под 1530 годом идет рассказ о рождении у великого князя сына. Не исключено, что все эти события были увязаны в единую цепочку постфактум и имели целью повысить роль и значение новгородской святыни, в том числе и в жизни великого князя. В любом случае 1526 год отмечает начало нового этапа в истории почитания иконы Богоматери Тихвинской: государь приезжал именно к чудотворной, но о чем именно молился князь, какие приносил обеты Сказание умалчивает.

Было ли известно о Тихвинской иконе в Москве в конце XV века? О святыне Новгородской земли не могли не знать выступающие в то время заодно против ересей архиепископ Новгорода Геннадий и Иосиф Волоцкий [3]. Они оба состояли в тесном общении с великокняжеским двором, и сведения о новгородской иконе могли через них достигнуть и самого князя. Еще один небезынтересный факт: в 1496 году будущий тесть великого князя боярин Сабуров занимался переписью в Обонежской пятине, так что рассказ о прославившейся здесь чудотворной иконе великий князь мог услышать и от своего будущего тестя [4]. В Бла-

---

[1] ПСРЛ. Т. 6. СПб.,1853. С. 283. В Воскресенском списке Софийской II летописи текст с 1518 года продолжен до 1534 года и завершается Повестью о смерти Василия III. См.: Лурье Я. С. Летопись Софийская II // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 61.

[2] ПСРЛ. Т.4. Ч.1. Вып.3 С. 542–543.

[3] Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». Литературная история памятника до XVII века. Его содержательная специфика в связи с культурой эпохи. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 77–84.

[4] Там же. С. 96.

говещенском соборе Московского Кремля, царском домовом храме, среди икон-пядниц, составлявших предметы личного благочестия княжеской семьи, сохранилась икона Богоматери, которая по особенностям иконографии определяется как Тихвинская (Ил. 1), но датируется концом XV века. Согласно общему мнению исследователей, по особенностям извода икона не во всем совпадает с тихвинским образом и вряд ли как-либо с ним соотносилась: иконографический тип, представленный иконой-пядницей, восходит к чтимому образу Одигитрии из монастыря Перивлепта в Константинополе [1]. Таким образом, наличие этой иконы в великокняжеской сокровищнице лишь отражает общий интерес к византийскому наследию и к образам Богоматери типа Одигитрии, которым отмечено и время правления Ивана III, и правление его сына Василия [2]. О живом интересе эпохи к иконам этого типа свидетельствует не только значительное число памятников иконописи, но и такой факт, как строительство в 1510-е годы в Иосифо-Волоколамском монастыре каменной Одигитриевской церкви [3]. По преданию образом Богоматери Одигитрии благословил Иосифа сам Пафнутий Боровский, и этот образ хранился в монастырской

---

[1] Щенникова Л. А. Царьградская святыня «Богоматерь Одигитрия» и ее почитание в Московской Руси // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. К 100-летию Андрея Николаевича Грабара (1896–1990). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 141–142; Иконы Великого Новгорода XI – начала XVI века. М.: Северный Паломник, 2008. С. 395. Кат. № 62. Шедевры русской иконописи XIV–XVI веков из частных собраний. М.: Благотворительный фонд «Частный музей Русской иконы», 2009. С. 450–452. Кат. № 103; Иконы Успенского собора Московского Кремля. Вторая половина XV – XVI век. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»», 2016. С. 171. Кат. № 8.

[2] В Кремле была прославлена Богоматерь Одигитрия из Вознесенского монастыря, которую в 1482 году поновлял Дионисий; в Благовещенском соборе находилась копия в меру и подобие Одигитрии из Смоленска и еще одна икона типа Одигитрии, также пришедшая из Смоленска и оставленная в Благовещенском соборе по просьбе великого князя. См.: Щенникова Л. А. Царьградская святыня «Богоматерь Одигитрия» и ее почитание в Московской Руси // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. К 100-летию Андрея Николаевича Грабара (1896–1990). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 329–347.

[3] Ратомская Ю. В. Столпообразный храм иконы Богородицы Одигитрии Иосифо-Волоцкого монастыря 1510-х годов и памятники архитектуры времени правления Василия III // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Материалы научно-практической конференции, посвященной 530-летию основания Иосифо-Волоцкого монастыря и 20-летию возрождения в нем монашеской жизни. Вып. 2. М.: Иосифо-Волоцкий ставропигиальный мужской монастырь: Ист.-архитектурный и худож. музей «Новый Иерусалим», 2013. С. 117–239.

Ил. 1. Богоматерь Тихвинская. Конец XV в. Музеи Кремля

Ил. 2. Богоматерь Тихвинская с Житием Иоакима и Анны. Около 1500. НГОМЗ

ризнице [1]. В 1525 году по сообщению летописца сам великий князь «повеле... монастырь ставити под Воробьевым, в нем же церковь Одигитрие святей Богородицы» [2].

Замечательным памятником следующего этапа, то есть времени строительства каменного собора на Тихвине 1507–1515 гг., по-видимому, можно считать икону «Богоматерь Тихвинская с житием Иоакима и Анны» из Новгородского музея (происходит из Мало-Кириллова монастыря в Новгороде) (Ил. 2). И. А. Шалина датировала ее временем около 1500 года и высказала предположение, что икона написана по заказу новгородцев московским мастером [3]. Э. К. Гусева предложила датировать икону первой четвертью XVI века, считая ее произведением мастера, чье искусство основано на традициях Дионисия, и высказала гипотезу, что икону написали для каменного храма Тихвинского мо-

[1] Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». Литературная история памятника до XVII века. Его содержательная специфика в связи с культурой эпохи. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 101.

[2] ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 222.

[3] Иконы Великого Новгорода XI – начала XVI века. М.: Северный Паломник, 2008. Кат. № 62. С. 395–399.

настыря [1]. По мнению И. А. Шалиной, новгородская икона повторяет предположительно существовавший образ, созданный для храма 1507–1515 гг., а в Новгороде она появилась после того, как при Иване III на Торговой стороне выстроили двор великого князя. Описывая икону, И. А. Шалина высказала ряд значимых наблюдений: ее средник по сравнению с маленькой великокняжеской иконой конца XV в. гораздо ближе и по своим размерам, и по иконографическим особенностям к чудотворной иконе, но в то же время не является ее точным повторением [2]. Стиль письма иконы из Новгорода, безусловно, обнаруживает ее принадлежность московской традиции. С нашей точки зрения, ее следует датировать первым десятилетием XVI в., что подтверждает такая стилистическая аналогия, как икона Богоматери Владимирской из Покровского Суздальского монастыря, созданная около 1514 года [3]. В обеих присутствует некоторая маньеристичность текучих линий силуэтов, эмалевидная плотность карнации и особая тонкость красочной палитры. Близок по стилю и иконографии иконе из Мало-Кириллова монастыря и средник иконы «Богоматерь Тихвинская, с акафистом» первой половины XVI в. из Троицкого собора Пскова (Ил. 3). Этот образ также мог быть написан в 1510-х годах [4]. И псковская, и новгородская иконы крупные по масштабу и вытянутые по формату (193x146 и 143,5x101), что делает их ближе к прототипу. Однако в отличие от чудотворной Тихвинской средник обеих окружают клейма. В новгородской иконе это клейма Жития Богоматери, а в псковской – Акафиста Богоматери. В поисках путей объяснения столь необычной программы новгородской иконы И. А. Шалина предположила, что икона из Мало-Кириллова мо-

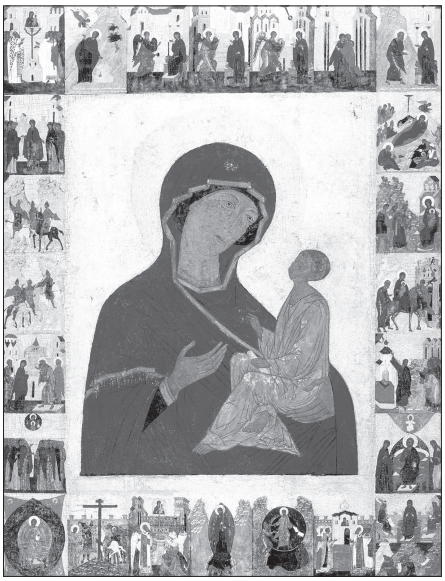
---

1 Гусева Э. К. Об иконе Богоматери Тихвинской с житием первой четверти XVI века из собрания Новгородского музея // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография – история – почитание. Тезисы докладов. Научная конференция, Санкт-Петербург – Тихвин 24–27 октября 2001 года. СПб, 2001. С. 54–58.

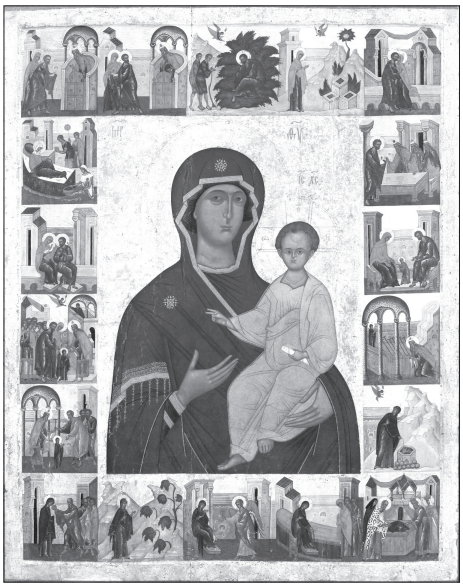
2 Иконы Великого Новгорода XI – начала XVI века. М.: Северный Паломник, 2008. Кат. № 62. С. 395.

3 Щенникова Л. А. Иконы «Богоматери Владимирской» в монастырях города Суздаля // Искусство христианского мира. Вып. VII. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 158–159.

4 Васильева О. А. Иконы Пскова. Т. 1. М.: Северный Паломник, 2012. Кат. № 42. С. 185–193. Васильева О. А. Икона «Богоматерь Тихвинская с 24 клеймами Акафиста» из собрания Псковского музея-заповедника // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография – история – почитание. Тезисы докладов. Научная конференция, Санкт-Петербург – Тихвин 24–27 октября 2001 года. СПб, 2001. С. 58–59.



Ил. 3. Богоматерь Тихвинская с Акафистом. Первая половина XVI в. ПГОИАХМЗ



Ил. 4. Богоматерь Одигитрия с Житием Иокима и Анны. Конец XV в. ГТГ

настыря является древнейшим списком гипотетически существовавшей в тихвинском храме иконы Богоматери Тихвинской со сценами чудес [1], однако данных о существовании такой иконы на Тихвине в первые десятилетия XVI века нет. Древнейшая рама со сценами чудес была написана в середине XVI века для иконы Богоматери Тихвинской из Благовещенского собора в царствование Ивана Грозного, вероятно, после его паломничества на Тихвину [2] (Ил. 6). Анализ литературной истории Сказания об иконе Богоматерь Тихвинская, проделанный В. М. Кириллиным, позволяет сделать вывод, что такого произведения в первой половине XVI в. быть не могло, и рама со сценами чудес и сценой моления молодого царя перед иконой Богоматери Тихвинской из Благовещенского собора – первое произведение в этом ряду. Возвращаясь к псковской и новгородской иконам, отметим, что по своим программам они сопоставимы с произведениями московской иконописи конца XV – начала

[1] Иконы Великого Новгорода XI – начала XVI века. М.: Северный Паломник, 2008. Кат. № 62. С. 399.

[2] Щенникова Л. А. Станковая живопись // Качалова И. А., Маясова Н. А., Щенникова Л. А. Благовещенский собор Московского Кремля. К 500-летию уникального памятника русской культуры. М.: Искусство, 1990. С. 64.

XVI вв. Так, известен целый ряд именно московских икон «Богоматери Одигитрии», где средник окружают клейма со сценами Жития Иоакима и Анны [1] (Ил. 4).

В 1513–1515 годах в Москве приступили к росписи Успенского собора Кремля [2]. В XVII столетии эта роспись была переписана, но, как показывают исследования последних лет, многие ее элементы восходят именно к 1513–1515 гг. [3] В программу росписи главного кафедрального собора Московского княжества, призванную воплотить в себе новые, рожденные эпохой идеи и прежде всего идею покровительства Богоматери Русскому государству, были введены два масштабных цикла, посвященных Богоматери – Житие и Акафист. Наряду с циклом Вселенских соборов они формировали пространство, связующее в единое целое актуальные для государства аспекты прославления Богоматери как покровительницы Московского царства. Обе иконы «Богоматери Тихвинской», и псковская, и новгородская с клеймами «Жития Иоакима и Анны» и Акафиста, ложатся в контекст официального искусства Москвы. Показательно, что псковская икона, и в стиле живописи, и в иконографической программе которой чувствуется московское влияние, происходит из главного храма города Пскова, где она служила своеобразным государственным символом, подобно Богоматери Владимирской в Успенском соборе Москвы. Выбор Тихвинской Одигитрии свидетельствовал в данном случае о внимании к святыне новгородско-псковского княжества. К сожалению, мы не знаем, для какого храма была написана икона Богоматери Тихвинской с клеймами «Жития Иоакима и Анны», но предположение И. А. Шалиной о том, что икона предназначалась для одного из храмов государева двора на Торговой стороне Новгорода, не лишено основания.

К этому же периоду, реперными точками которого являются 1507 и 1526 гг., относится еще одно произведение – небольшая икона-пядница из Петропавловского придела Успенского собора Кремля. Ее создание связывают с поездкой Василия III на Тихвин в 1526 году.

---

[1] Евсеева Л. М. Московские житийные иконы Богоматери // Искусство Древней Руси: Проблемы иконографии. М., 1994. С. 69–80.

[2] ПСРЛ. Т. 43. С. 539.

[3] Захарова О. А. Иконография циклов, посвященных Богоматери, в стенописи Успенского собора // Московский Кремль. Древние святыни и исторические памятники XVII столетия. М.: БуксМарт, 2019. С. 357–384.

Ил. 5. Богоматерь Тихвинская. Первая четверть XVI в. Музеи Кремля

Ил. 6. Богоматерь Тихвинская в раме со Сказанием. 1550–1560 гг. Музеи Кремля

Икона замечательна тем, что имеет развитую, экклезиологического содержания программу, выраженную через изображения на полях [1]. Икона (41,2х33,5) по размеру и формату ближе к пяднице из Благовещенского собора (Ил. 5). По сравнению с чудотворной, в ней гораздо глубже лирическая составляющая образа, а совершенство линий и форм заставляет вспомнить именно пядницу из Благовещенского собора. На верхнем поле иконы изображена «Святая Троица» в том типе, который характерен для произведений иконописи, связанных с Троице-Сергиевым монастырем. По сторонам «Троицы» в медальонах представлены поклоняющиеся ей архангелы Михаил и Гавриил. На боковых полях друг против друга расположены медальоны с образами апостолов Петра и Павла, Иоанна Богослова и святителя Николая. На нижнем поле – три святителя: Иоанн Златоуст, Василий Великий и Григорий Богослов. Т. В. Толстая считает, что выбор изображений

[1] Иконы Успенского собора Московского Кремля. Вторая половина XV – XVI век. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»», 2016. Кат. № 8. С. 168–179.

на полях определен индивидуальным замыслом, согласно которому изображения на полях олицетворяют Церковь [1]. Однако объяснение сопоставления апостолов Петра и Павла через текст «Сказания об иконе Богоматери Римляныни», которая, как пишет Т. В. Толстая, «с середины XVI века в литературных источниках отождествляется с Тихвинской Одигитрией», представляется большой натяжкой, особенно с учетом вывода В. М. Кириллина о том, что Богоматерь Тихвинская с иконой Римской-Лиддской не отождествлялась. Присутствие изображения святого Николая Т. В. Толстая объясняет через связь с Тихвином, где была церковь во имя Николая Чудотворца, а образы трех святителей считает изображениями небесных патронов Ивана III и Василия III – Иоанна Златоуста и Василия Великого. Однако эта интерпретация звучит неубедительно, поскольку не объясняет присутствие святителя Григория. Создается впечатление, что существующая априори идея связи этой иконы с Тихвином, который в 1526 году посетил Василий III, заставляет подтягивать к ней толкование изображений на полях иконы. Нет сомнений и в том, что изначально икона из Успенского собора служила домовым моленным образом и была создана по специальному заказу. Присутствие на иконе XVI века образа Святой Троицы может указывать на связь автора программы с Троицким монастырем. Возможно, что программу иконы составило духовное лицо, имевшее отношение к этому влиятельному монастырю. Предполагаемый автор, по всей вероятности, подобно волоцким книжникам, был увлечен обсуждением проблематики появления византийских святынь на Руси и их вселенского значения, о чем и свидетельствует программа изображений на полях. Медальоны с апостолами и святителями под эгидой Святой Троицы составляют раму, заключающую в себе образ Одигитрии, покинувшей Константинополь и нашедшей убежище на Руси, подобно Жене, облеченной в солнце, символизирующей Церковь, спасающуюся от неверия в пустыне. Именно так трактуется этот образ в произведении знаменитого филофеевского цикла «Об обидах Церкви» [2]. Любопытно, что на иконе из Успенского собора нет надписи, определяющей ее как

[1] Иконы Успенского собора Московского Кремля. Вторая половина XV – XVI век. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»», 2016. Кат. № 8. С. 168–172.

[2] Плюханова М. Б. Культ Божьей Матери Лоретской и его русские параллели и связи // ТОДРЛ. Т. 58. СПб., 2008. С. 696.

Ил. 7. Богоматерь Одигитрия из Успенского собора в Дмитрове. 1520-е гг. ЦМиАР

Тихвинскую. Присутствует только монограмма Богоматери. Это произведение действительно было создано в первой четверти XVI века, но связь программы иконы с поездкой Василия III, как нам представляется, не имеет под собой оснований. Ее замысел гораздо шире и в большей степени является отражением рассуждений на актуальную для эпохи тему о судьбах Церкви и ее святынь.

Косвенным подтверждением тому, что в первые три десятилетия XVI века Тихвинская икона не получила своего русского определения и мыслилась прежде всего как Одигитрия, является замечательный образ Богоматери Одигитрии, датируемый 1520-ми годами из Успенского собора города Дмитрова [1]. Надпись, называвшая эту икону Тихвинской относилась к XVIII–XIX вв. [2] Композиционно икона напоминает Тихвин-

[1] Иконы Москвы XIV–XVI вв. Ред.-сост: Л. М. Евсеева, В. М. Сорокатый. М.: Индрик, 2007. Кат. № 72. С. 155–160.

[2] Л. П. Тарасенко не исключает, что такое название у иконы было и в древности (древний фон в значительной мере спемзован). См.: Иконы Москвы XIV–XVI вв. Ред.-сост: Л. М. Евсеева, В. М. Сорокатый. М.: Индрик, 2007. Кат. № 72. С. 155.

скую, но рисунок ног Младенца не соответствует ее иконографии (ил. 6). Уникален и жест левой руки Богоматери, касающейся колена Младенца [1]. Отличает дмитровскую икону и наличие медальонов с архангелами. Л. П. Тарасенко нашла точные иконографические аналогии этому типу: икона из Ватопедского монастыря первой четверти XIV в. и икона из Византийского музея в Афинах. По мнению исследователя, сходство таково, что может быть объяснено только использованием греческого образца [2].

Из Тихвинской церкви Дмитрова происходит еще одна икона Богоматери Тихвинской (1520–1530-е гг.). По иконографии она близка иконе из дмитровского Успенского собора. Несмотря на надпись, определяющую ее как Тихвинскую, иконографические особенности иконы также не позволяют считать дмитровский образ списком новгородской святыни [3]. По предположению Л. П. Тарасенко, мастер хотел изобразить Тихвинскую, но, не зная точно иконографии, пошел по пути соединения знакомых ему композиционных мотивов [4]. Обе дмитровские иконы относятся к московской традиции. И обе подтверждают, что в 1520-1530-е годы точная иконография Тихвинской не получила распространения даже в кругах, близких великокняжеским (князь Дмитровский Юрий Иванович – брат великого князя Василия III). Точные списки начинают создавать только с середины XVI в., когда окончательно было сформулировано предание о связи рождения Ивана Васильевича и моления у образа Тихвинской его отца.

---

1 Л. П. Тарасенко отмечает, что так называемые протографы Тихвинской – Римская и Лиддская – не объясняют особенностей иконографии дмитровского памятника, так как не были известны русским иконописцам в начале XVI в. Списки Сказания, где упоминаются Римская и Лиддская, начинают распространяться с середины XVI века. См.: Иконы Москвы XIV–XVI вв. Ред.-сост: Л. М. Евсеева, В. М. Сорокатый. М.: Индрик, 2007. Кат. № 72. С. 157.

2 Иконы Москвы XIV–XVI вв. Ред.-сост: Л. М. Евсеева, В. М. Сорокатый. М.: Индрик, 2007. Кат. № 72. С. 157.

3 Там же. Кат. № 78. С. 183–185.

4 Там же. Кат. № 78. С. 184.

ГОРМИНА
Наталья
Владимировна

ВКЛАДНОЙ КОВШ XVII В. ИЗ НОВГОРОДСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА И ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВНОГО БЛАГОЧЕСТИЯ

Коллекции Новгородского музея-заповедника многочисленны и во многом уникальны. Формировались разными путями. Среди самых известных значится собрание ювелирного и декоративно-прикладного искусства, в котором всегда привлекала и привлекает храмовая утварь.

Волей случая предметом изучения стал ковш или корчик, поступивший из Верхнечужбойского прихода Белозерского уезда Новгородской губернии [1]. Исследование позволило уточнить его атрибуцию, расширить представление о его месте. В составе других драгоценностей ковш хранился в Новгородском Епархиальном Церковном древлехранилище (НЕЦД) был включен в его каталог 1916 г. [2] (ил. 1).

Древлехранилище было открыто 03.01.1912 г. по инициативе «просвещенного благопопечительного Архипастыря Высокопреосвященного Владыки, архиепископа Арсения». Древлехранилище существовало при новгородском церковно-археологическом обществе

---

[1] Церковно-исторический атлас Вологодской области. Вологда. Древности Севера. 2007. Т. 1. С. 14, 125.

[2] Каталог Новгородского Епархиального Церковного древлехранилища. Новгород. 1916 г. № 364.

Ил. 1. Епархиальный дом в Новгороде. Начало XX в.

Илл. 2. Арсений (Стадницкий), архиепископ Новгородский и Старорусский

и занимало помещения в западной части архиерейского дома Кремля. Архиепископ Арсений находит время и посвящает свой досуг сохранению и изучению памятников родной старины (ил. 2). В этом церковном собрании были сосредоточены редкие и ценные памятники Новгородской церковной старины, прежде находившиеся в разных местах, часто совершенно заброшенных. Собрание НЕЦД было передано на постоянное хранение в Новгородский Губмузей, и в музейных коллекциях ковш числится с 1920-х гг.

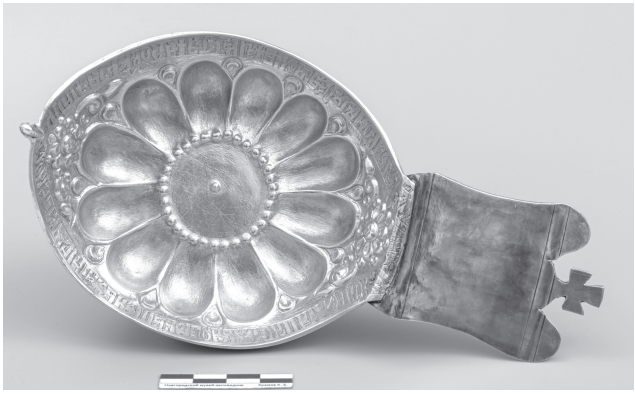
Ковш-корчик серебряный, 8,2х18,3х9,6 см; лигатурный вес 121,38 г 600-ой пробы[1]; овальной формы, на ножке-стояне, с позднее припаянной гладкой пелюстью в виде короны из медного сплава, завершающейся крестом (ил. 3). Поверхность корчика украшена двенадцатью чеканными ложками и бусинами, у носика и ручки – двенадцатилепестковые розетки с растительными завитками. Внутри – круглая, гладкая мишень в обрамлении ряда бусин. Приподнятый носик украшен литой головкой в шлеме.

По венцу корчика, на косо заштрихованном фоне идет резная надпись с именем владельца снаружи и пожеланием пьющему с внутренней стороны. Ножка-стоян – круглая с резным растительным орнаментом. Здесь много ярких деталей, «оживляющих» общую композицию. Искусную работу новгородского мастера демонстрирует надпись (ил. 4).

---

[1] Ковш НГМ КП 1159; инв. ДПМ 12.

Ил. 3. Ковш к. XVII в. из Вехнечужбойского погоста Белозерского уезда Новгородской губернии.
НГМ КП 1159, инв. ДПМ 12



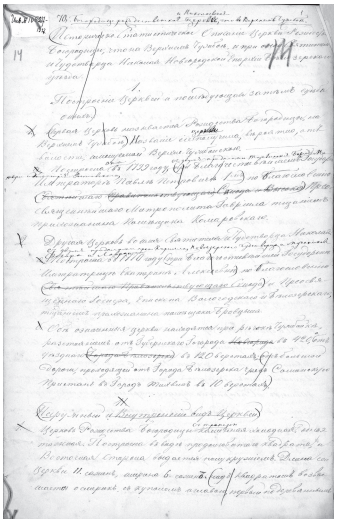
Ил. 4. Внутренняя поверхность ковша с заздравной надписью

Снаружи: КОВШЪ ПАНЬКРАТІЯ ПОТАПОВИЧА КРЕКШИНА АШО

Внутри: НОСИТСѦ ЧАША СИѦ ВЪ ДОБРОДѢТЕЛЬ А ПРИНѦТЬ В РАДОСТЬ А ПИТЬ В СЛАДОСТЬ И В ВЕСЕЛИЕ И ВЛЮБОВЬ ДРУГ КО ДРУГУ

Напомним, что в XIV в. именно в Новгороде появилась эта форма драгоценной посуды с одной рукоятью, именуемая ковш. Новгородцы снабжали ковшами Москву, Псков. Мастера использовали импортное европейское серебро [1]. К середине XVII века вместо ладьевидных с низким бортом появляется новый образ ковша. Теперь это более круглый сосуд на поддоне, с ручкой полкообразной формы, припа-

[1] Месторождение российского серебра впервые открыли еще в допетровское время на острове Медвежий после третьей экспедиции на Белое море. Информация предоставлена К. В. Лобановым, гл. научным сотрудником Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН в ходе XV Феодоритовских чтений в 2022 г.



Ил. 5. Описание храмов Рождества Богородицы и св. Николая XVIII в. Документ ОПИ Новгородского музея-заповедника

янной к верхнему краю под прямым углом, прежняя форма теряет простоту и рациональность [1]. Декоративные детали стали непременным атрибутом ковшей этого времени. Все эти черты мы видим на ковше Панкратия Потаповича Крекшина. Сохранилось значительное количество ковшиков или корчиков, заменивших большие ковши. Уменьшительное название ковша – корчик – закрепилось в научной литературе за небольшими изящными сосудами в виде ковшиков на поддонах. Их ручка (в описях называвшаяся «полка» или «пелюсть») была фигурной, обычно литой, как и поддоны. Примечательно, что в надписях на корчиках их всегда называют ковшами [2].

На заостренном носике помещается литая фигурка. На новгородских образцах зачастую – изображения Афины-Паллады, древнегреческой богини, не только воительницы, но и богини ремесел. В собраниях ГРМ, ГИМ и НГМ сохранились вкладные новгородские храмовые ковшики, с заздравными надписями первой половины – конца XVII в. с образом Афины [3].

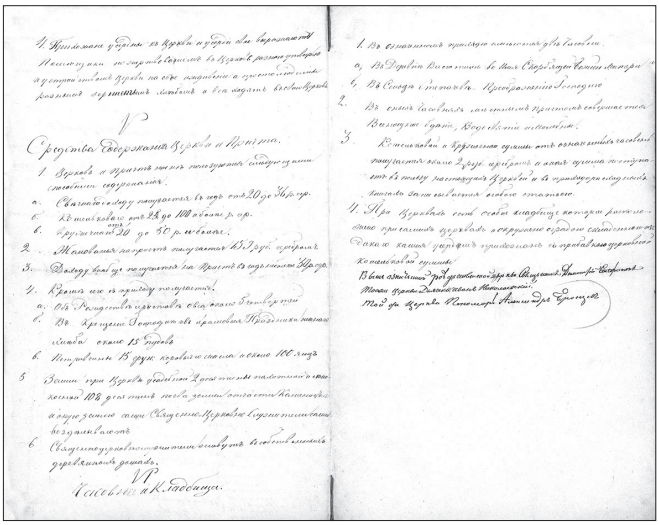
Ковши разнообразны по названиям: питьи, погребные, выносные, разливные, водосвятные, жалованные. Представленный ковшик можно отнести к нескольким категориям. Установить точно отличие тех или иных ковшей трудно. Один и тот же сосуд в различной обстановке мог быть использован в разных функциях. Учитывая происхождение ковша из приходского храма Верхнечужбойского погоста, можно предположить его участие в священнодействии в церкви.

---

[1] Постникова-Лосева М. М. Русские золотые и серебряные ковши. Москва. 1953 г. С. 5.

[2] Стерлигова И. А. Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Каталог. М. 2008. С. 651–652. № 525.

[3] ГРМ БК 2982, ГИМ ОК 935, НГМ ДПМ 22. Стерлигова И. А. Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Каталог. Москва. 2008. С. 650–651, 655. №№ 524, 522, 534.



Ил. 6. Завершение записи.
Документ ОПИ Новгородского музея-заповедника

Верхнечужбойский приход, находящийся в Белозерском уезде Борисовской волости на северной окраине Новгородской губернии, воспроизвел в своем очерке Н. Г. Богословский, священник, основатель Новгородского музея древностей. «Приход основан исстари под названием Верхний Чужбой, замечательных перемен и разорений никаких и ни от кого не терпел. Приход расположен в открытой возвышенной местности при речке Чужбойке, протекающей на 10 верст; река мелкая и не рыбная, берега плоские. Принадлежащей приходу земли у священно-церковнослужителей 110 д.» [1]. Близ прихода протекает сплавная река Суда, впадающая в реку Шексну. Приход расположен при проселочной дороге; с удобным сообщением.

В архивном документе отдела хранения письменных источников Новгородского музея-заповедника (ОПИ НМЗ) хранится «Описание Богородицерождественской и Николаевской церквей, что в Верхнем Чужбое» [2] 1850-х гг. (ил. 5,6). Довольно подробное описание двух храмов прихода содержит много деталей: «Первая церковь называется Рождества Богородицы на Верхнем Чужбое. Название сие цер-

[1] Богословский Н. Г. Верхнечужбойский погост. Новгородский сборник. Новгород. 1865. С. 14.

[2] ОПИ НМЗ КП 25896/107. Ф. 14. Оп. 1. ед. хр. 14. Описание церквей Верхнечужбойского погоста.

Ил. 7. Церкви Рождества Богородицы и св. Николая XVIII в. в Верхнем Чужбое

ковь получила, вероятно, отъ волости, именуемой Верхнечужбойскою. Построена с двумя приделами в 1799 г. по благословению митрополита Гавриила придел Тихвинской иконы Божией матери и Святителя Дмитрия Ростовского… тщанием прихожанина помещика Комаровского, в 120 верстах от дороги на Белозерск. Церковь каменная холодная одноэтажная, с колокольнею. Под куполом восьмерик деревянный. Пол каменный. Иконостас резной, выкрашен голубой краской, 3-х ярусный. Письмо икон наподобие греческого… Церковь украшена благолепно и утварью достаточна» [1].

Другой храм во имя святителя Николая сооружен в 1770 г. повелением преосвященного Иосифа, епископа Вологодского и Белозерского, «тщанием помещика Бровцына», теплый, одноэтажный, с тремя престолами, как указано в документе. Иконостас семиярусный деревянный, столярной работы с резьбой, карнизы окрашены под мрамор. Царские врата «вызолочены на Гульфарбу… Церковь украшена благолепной утварью, достаточна. Прихожане усердие свое выражают молитвами, помещики пожертвованием в церковь разною утварью» [2] (ил. 7).

Вероятно, в Никольской церкви до 1916 г. хранился наш драго-

1 Там же. Л.

2 Там же.

ценный вклад, заказанный и вложенный «на помин души» его владельца Панкратия Потаповича Крекшина. Храм освятили в 1770 г.[1] Крекшин умер раньше: в 1738 г. Где был ковш до 1770 года (освящена церковь Рождества), пока неизвестно. Этот эпизод его истории еще предстоит выяснять. Корчик использовали в церкви для теплоты явно часто, что привело со временем к нарушению целостности сосуда и изготовлению новой рукояти-пелюсти из цветного металла.

Нынешняя плоская ручка обращает на себя внимание формой стилизованной царской короны. Это не случайно. Корона напоминает нам о Святом Духе, к которому священник обращается в молитве о призвании Святого Духа со словами «Царю Небесный». Данная символика связана с тем, что теплота, для которой предназначен ковшик, по словам толкователей Литургии, указывает на благодать Святого Духа. Одной из самых любопытных подробностей византийского чина литургии является вливание «теплоты», т. е. горячей воды.

Теплота вливается в Потир уже после пресуществления Святых Даров. Кипяток вливается в Кровь Христову. Теплота вначале благословляется иереем со словами: «Благословенна теплота святых Твоих всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Далее она вливается крестообразно в Чашу со словами «Теплота веры исполнь Духа Святаго. Аминь», затем следует четырехконечное каждение.

Следует упомянуть и торжественные трапезы, в которых участвовали чаши и ковши. С древнейших времен существовал порядок монастырской торжественной трапезы, так же, как и святительского и великокняжеского «столования». В послании игумена Киево-Печерского монастыря Феодосия XI в. упоминаются чаши после монастырских трапез, когда пили «три чаши»: во славу Бога, в честь Богоматери и за здоровье князя, сопровождая пением тропарей[2].

В XVI–XVII вв. «чин и устав на трапезе за приливом о здравии благочестивейшему царю и великому князю» включается в Треб-

---

[1] Последним священником Верхне-Чужбойской церкви был Григорьев Иван Григорьевич. Арестован в 1937 г. Расстрелян в Ленинграде. В отреставрированной церкви св. Николая в 1996 г. возобновились службы.

[2] Никольский К. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб. 1885. С. 241.

ники [1]. В качестве заздравных или тропарных использовались серебряные чаши различной формы, среди них были ковши и братины. Различались чины светские и чин церковный «за приливок о здравии царя», «в день ангелов государевых» [2]. На одном из ковшиков читаем «ХВАЛЯ БОГА ЧТЯ ГОСУДАРЯ». Их также ставили на гробницы для поминовения усопших, наполняя «сытой» водой (с медом) [3].

Однако вернемся к нашему ковшику, обращая внимание на заздравную надпись, что является очень древним обычаем. Ее можно считать едва ли не лучшим украшением корчика. Сложную вязь обычно вписывали в ленту по венцу, но, если она не умещалась снаружи, ее продолжали внутри. Резьба букв исполнена четко и тонко.

Выведенное голосом мастера, его рукой по штрихованному фону имя Панкратия Потаповича Крекшина, его наличие – это большая удача для исследователя. Всегда очень важно узнать, кто стоит за именем. Как оказалось, Крекшины или Крёкшины – древняя фамилия. Они включены в список опричников Ивана Грозного, представляют известный с XVII в. дворянский род России, имевший владения в Шелонской, Обонежской, Водской и Бежецкой пятинах Новгородской земли. Крекшины получили грамоты великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей на привилегии «за похвальную службу, мужество и храбрость в польскую войну» [4].

Отец заказчика ковша Потап Иванович Крекшин значился стрелецким головой в Олонецком уезде. Недаром на их фамильном гербе в Гербовнике А. Т. Князева 1785 г. изображены боевые топоры [5]. Там же, в Олонецком уезде, родился его сын Панкратий в 1665 г. Эта дата позволяет приблизиться к более точной датировке ковшика: конец XVII – начало XVIII вв.

Архивные документы РГАДА свидетельствуют о владениях нашего

---

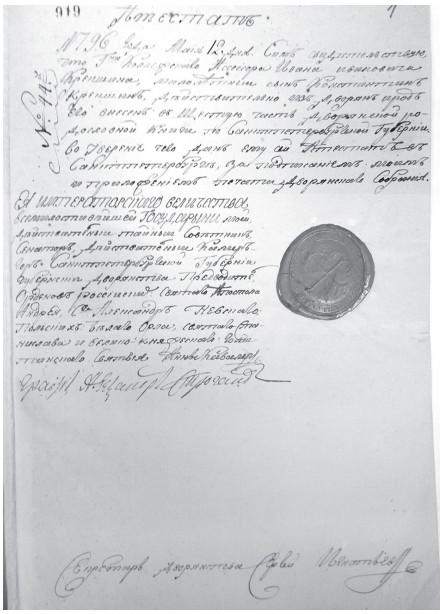
1 Голубцов А. Чиновник Новгородского Софийского собора. ЧОИДР.1899. Кн. 2. С. 1–270.

2 Никольский. С. 239.

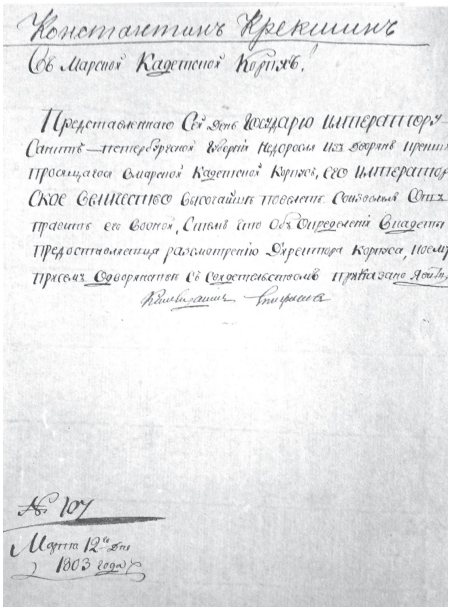
3 Стерлигова И. А. С. 645.

4 Шумков А. А. Крекшины // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т. 3: К-М. М., 2000. 107 с.

5 Князев А. Т. Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года. Издание С. Н. Тройницкий. 1912. Ред., подгот. текста, послесл. О. Н. Наумова. М.: Изд. «Старая Басманная». 2008. Крекшины. С. 10.



Ил. 8. Аттестат К.И. Крекшина 1796 г. Документ



Ил. 9. Резюме о рассмотрении прошения К.И. Крекшина. 1803 г.

вкладчика, весьма небедного человека: «За ним же за Понкратом Потаповым сыном Крекшиным недвижимого имения по даче году, что ему дана здаточного отца ево Потапова поместья Иванова 704 сына Крекшина в Новгородском уезде в Воцкой пятине в трех погостах 45 чет.» [1].

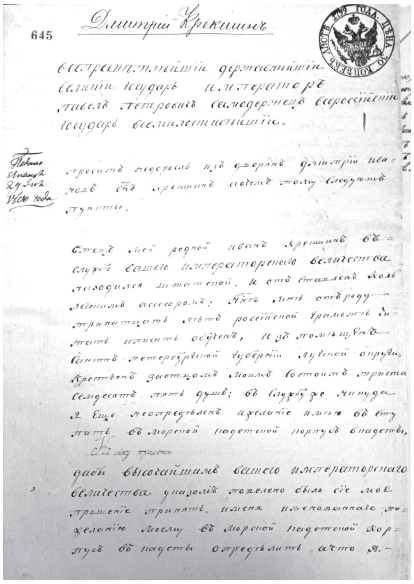
В одной из ветвей потомков семьи Крекшиных документально упомянуты известные мореходы [2] – братья Никита Иванович, Николай Иванович, Константин Иванович и Дмитрий Иванович Крекшины [3]. В Военно-морском архиве Санкт-Петербурга хранятся документы дворян Крекшиных, братьев Дмитрия и Константина: прошения и резолюция о приеме в Морской кадетский корпус, обучение в котором они завершили гардемаринами и мичманами (ил. 8–10). Военная

---

1 РГАДА. Ф. 1709. Оп. 2. Д. 36. Л. 5 об.

2 РГА ВМФ Ф. 432. Оп. 5. Д. 408, 619. Оп. 7. Д. 189, 1892.

3 Выражаю искреннюю признательность Татьяне Валентиновне Акуловой, ген. директору Морского литературно-художественного фонда им. Виктора Конецкого, за содействие в поиске материалов.



Ил. 10. Прошение Д.И. Крекшина о приеме в Морской кадетский корпус. 1805 г.

карьера их складывалась по-разному. Все братья участвовали в военной кампании 1812 г., являются кавалерами нескольких орденов. Один из братьев, младший Николай был предводителем Псковского дворянства. В отставке жил в Псковском имении на реке Сороти. Его знают как соседа А. С. Пушкина, жившего тогда в Михайловском.

Из дворян Крекшиных наиболее известен Петр Никитич Крекшин [1], сын одного из братьев, офицеров русской армии. Прославился как один из первых биографов императора Петра I. Занимался архивными бумагами походов Петра I, Александра Меншикова.

Лишь один православный христианин Новгородской земли из семейства Крекшиных стал широко известен своим благочестивым поступком признания добродетельных истин – Панкратий Потапович Крекшин. Ковш из экспозиции Владычной (Грановитой) палаты Новгородского кремля, представлен как священный сосуд и пример истинного богопочитания.

[1] Кротов П. А. Писатель П. Н. Крекшин – человек Переходной эпохи XVIII века (к вопросу о генезисе интеллигенции) // Русские древности: К 75-летию профессора И. Я. Фроянова / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб. 2011. С. 354–356.

СМИРНОВА
Мария Александровна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Отдела рукописей Российской
национальной библиотеки

РУССКИЙ СЕВЕР В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ Г. Т. ПОЛИЛОВА-СЕВЕРЦЕВА

Понятие «Русский Север» появилось в литературе рубежа XIX и XX столетий. Как отмечает Е. К. Созина, в эпоху Серебряного века в литературе путешествий были «заново открыты» многие регионы Российской империи [1]. Путешественники устремляются в Архангельскую и Вологодскую губернию, на берега Белого и Баренцева морей и записывают свои впечатления от посещения этих мест. Добраться до них можно было по рекам и частично на поезде, благо к началу Первой мировой войны сеть железных дорог охватывала почти все крупные города Европейского Севера. Кольский полуостров был одним из самых труднодосягаемых мест, поскольку движение по Мурманской железнодорожной ветке было открыто только в 1917 г., поэтому немногочисленные описания путешествий по этим местам особенно интересны.

Обширный комплекс травелогов отражен в каталогах воспоминаний и дневников и электронных ресурсах, посвященных Русскому Северу. Прежде всего адресуем читателя к фундаментальному справочнику «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях», в котором перечислено немногим более ста путевых очерков о Русском

[1] Созина Е. К. Север в литературе путешествий начала XX в. // Русский травелог XVIII–XX веков: Маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск, 2016. С. 155.

Севере за период 1895–1917 гг.[1] В каталоге путевых заметок по Кольскому Северу за период XVIII – начала XX вв. перечислено всего лишь двадцать восемь произведений[2]. В оба справочника не вошли путевые записки, жанр которых трудно определить: они являются произведениями художественной литературы с вымышленными персонажами и событиями, но в то же время основаны на путевых впечатлениях автора и могут одновременно быть отнесены к автобиографической литературе. Зачастую авторами подобных произведений были беллетристы второго и третьего круга, и их художественная ценность оспаривалась как современными им критиками, так и исследователями последующих эпох. Напротив, историко-культурная значимость таких сочинений как образцов травелогов остается недооцененной, и в последние годы происходит второе открытие писателей начала XX столетия для современных читателей.

Одним из забытых ныне литераторов, обратившихся к Русскому Северу, и чьи произведения не были включены в каталоги путевых заметок, стал Георгий Тихонович Полилов (1859–1915), символично взявший себе псевдоним «Северцев». Писатель происходил из купеческой семьи и в молодости пробовал себя во многих профессиях: от биржевого агента до оперного певца (ил. 1)[3]. С 1892 г. Полилов окончательно посвятил себя литературному поприщу, работая по преимуществу в жанрах бытовых сценок, исторических романов, детских рассказов. Его литературное наследие значительно по количеству публикаций и сложно поддается подсчету. По оценке Е. Шиховцева, вместе с переизданиями и переводами на иностранные языки Г. Т. Полилову может принадлежать до восьмисот публикаций[4]. Несколько

---

[1] История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях / Под. ред. П. А. Зайончковского. М., 1983. Т. 4, ч. 1. С. 25–38.

[2] История Кольского Севера в описаниях очевидцев: Путевые записки, мемуары, дневники, письма XV–XX вв.: Аннотированный библиографический указатель / Сост. Е. Р. Михайлова. Мурманск, 2011. С. 10–17.

[3] Подробнее о его биографии см.: Бокова В. М. Полилов // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5: П–С. С. 48–50; Смирнова М. А. Фальсификация купеческих дневников в начале XX в.: творческая лаборатория Г. Т. Полилова и публикация документов из семейного архива // Вопросы истории. 2023. № 4–2. С. 48–59.

[4] Библиография публикаций Георгия Тихоновича Полилова (1859–1915). URL: https://mir.k156.ru/polilov/bibliogr-alph.html.

пьес автора были поставлены на столичных и провинциальных сценах [1].

Писатель помещал свои произведения в журналах и газетах: «Нива», «Живописное обозрение», «Исторический вестник», «Север», «Книжки недели», «Жизнь», «Новый мир», «Новое время», «Россия», «Южный край», «Природа и люди», «Паломник», «Родина», «Родная нива», «Звезда», «Слово», «Новости дня» и многих других. Г. Т. Полилов любил подписываться псевдонимами, чаще всего он использовал следующие: Северцев Г. Т., Северцев-Палилов Г. Т., Фантом, Тартарен, Дон-Бурланд, Полилов Н. Такое разнообразие псевдонимов создает проблему выявления и атрибуции всех его литературных произведений.

Не только исследователи, но и современники отмечали чрезвычайную плодовитость Г. Т. Полилова как беллетриста. Редактор журнала «Исторический вестник», близкий друг писателя Борис Борисович Глинский вспоминал: «Я в жизни не встречал такого "живчика", как ныне скончавшийся мой друг, вечно, как я ему говаривал, "шариком" катавшийся по стогнам столицы с портфелем, набитым рукописями и книгами под мышкой. Вставая рано утром, он до двенадцати, до часу стоял, что называется, на работе, диктуя барышне-машинистке свои многочисленные произведения, статьи для газет, еженедельников, ежемесячников, и тут же, во время процесса творчества, постоянно отрываясь от диктанта для бесед по телефону, по большей части совершенно ненужных и праздных» [2].

Вдохновение и материал для своих произведений писатель черпал в путешествиях. Еще в молодости, будучи в поисках своего призвания, Г. Т. Полилов побывал во многих зарубежных странах: изучал коммерцию в Великобритании, слушал лекции в Боннском университете в Германии, где сидел на одной скамье с будущим императором Вильгельмом II, учился оперному пению в Италии у знаменитого профессора Камилло Эверарди, танцевал контрданс в Пуэрто-Рико [3]. В одной из автобиографических заметок Г. Т. Полилов написал о себе в третьем

---

[1] Новое время. 1915. № 13945. 20 янв. С. 7.

[2] Г. Л. [Глинский Б. Б.] Памяти Г. Т. Полилова-Северцева // Исторический вестник. 1915. № 2. С. 592.

[3] Эти сюжеты нашли отражение в сборнике воспоминаний «Среди коронованных особ»: Северцев-Полилов Г. Т. Среди коронованных особ: встречи и воспоминания. СПб., [1913].

Ил. 1. Фотопортрет Г. Т. Полилова.
ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 2. № 359. Л. 108

лице: «Он изъездил на своем веку много стран, был в Северной и Южной Америке, не говоря уже о Западной Европе, в которой он знает каждый уголок. Он прекрасно владеет семью европейскими языками» [1].

Особую любовь писатель питал к северным странам. В начале XX столетия он совершил несколько поездок в Финляндию, «наблюдая за нравами этой еще мало знакомой нам, несмотря на свою близость, окраины» [2]. Результатом путешествий стал опубликованный в 1908 году сборник «Финляндских рассказов» [3]. Эти произведения были переведены на финский и эстонский языки и получили одобрение у критиков как «хорошо воспроизводящие жизнь и нравы Финляндии» [4].

Не меньшее внимание писателя привлекал и Русский Север, по которому он путешествовал в последние годы своей жизни. В автобиографии для «Критико-библиографического словаря» С. А. Венгерова Г. Т. Полилов писал о себе: «В нашем отечестве он бывал повсюду, зорко подмечая характерные черты нравов, обычаев, разных народностей и провинциальных углов. В особенности ему хорошо знаком север и его характерный говор» [5].

Документальные свидетельства совершенных путешествий сохранились в письмах Б. Б. Глинскому, отправленных Г. Т. Полиловым летом 1914 года. 7 июня он писал из Вологды: «Милый друг! Еду и вспоминаю тебя. Здесь теплее и солнышко. Сегодня плыву вечером в Тотьму

---

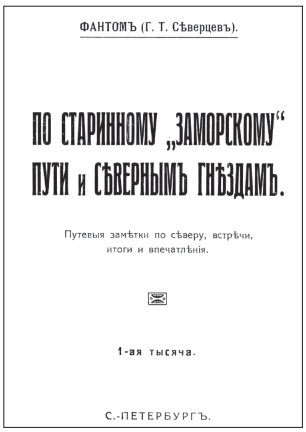
1 Рукописный отдел Института русской литературы РАН (далее – РО ИРЛИ). Ф. 377. Оп. 7. № 2903. Л. 3.

2 РО ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 2. № 126. Л. 1 об.

3 Северцев-Полилов Г. Т. В стране труда. Финляндские рассказы. СПб., [1908]. Подробнее об этом цикле рассказов см.: Смирнова М. А. Финляндия начала XX века в рассказах петербуржца Г. Т. Полилова (Северцева) // Вестник филиала СЗАГС в Выборге (научные труды и материалы). Выборг, 2011. Вып. 2. С. 210–215.

4 РО ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 2. № 126. Л. 1 об.

5 РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2903. Л. 3.


ФАНТОМЪ (Г. Т. Сѣверцевъ).

ПО СТАРИННОМУ „ЗАМОРСКОМУ“ ПУТИ и СѢВЕРНЫМЪ ГНѢЗДАМЪ.

Путевыя замѣтки по сѣверу, встрѣчи, итоги и впечатлѣнія.

1-ая тысяча.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Ил. 2. Титульный лист очерков Г. Т. Полилова. Фантом (Северцев Г. Т.). По старинному «заморскому» пути и северным гнездам: путевые заметки по Северу, встречи, итоги и впечатления. СПб., [1914]

и так далее» [1]. Через две недели пришла весть из Архангельска: «Еду сегодня на пароходе “Николай II”. Здесь до 34° на солнце. Много ездил по бухтам – интересного тьма. Видал пожни монастырские, покрытые дикими гусями, лебедями и журавлями. Совершил поездку на Коневец, на баркасе, пароходе и пешком. Вернусь в П[етро]г[рад] около 10–12 июля» [2].

По итогам северного путешествия Г. Т. Полилов поместил ряд корреспонденций в газете «Новое время», а немногим позже собрал их воедино и выпустил отдельной книгой под заглавием «По старинному «заморскому» пути и северным гнездам. Путевые заметки по Северу, встречи, итоги и впечатления» [3]. Автор на обложке указан как Фантом (Г. Т. Северцев) (ил. 2).

Девятнадцать путевых очерков собраны в порядке маршрута автора, который начинался в Усть-Сысольске. Г. Т. Полилов посетил Тотьму, Великий Устюг, Котлас, Николо-Корельский монастырь, был на Мурмане, Соловках, в Антониево-Сийском монастыре, Сольвычегодске, Яренске и многих других местах. Каждый из очерков посвящен различным сюжетам: описание природы перемежается с бытовыми сценками, рассказ о прошлом – с размышлениями о современном развитии города. Г. Т. Полилов безоговорочно восторгается суровой природой Севера, величественными реками, старинными церквями и монастырями. В то же время его наблюдения о благоустройстве, инфраструктуре и современном развитии северных населенных пунктов носят критический характер. Важно не забывать, что Полилов, родившийся и выросший в столице, посетил много зарубежных стран, где

1 Г. Л. Памяти Г. Т. Полилова-Северцева. С. 594.

2 Там же.

3 Фантом (Северцев Г. Т.). По старинному «заморскому» пути и северным гнездам: путевые заметки по Северу, встречи, итоги и впечатления. СПб., [1914].

был не только путешественником, но и успел в них пожить. Рассмотрим подробнее маршрут автора и его впечатления.

Книгу можно условно разделить на три части. Первая посвящена речному путешествию по Сухоне и Северной Двине до Белого моря. Поэтичны описания природы: «Белая северная ночь незаметно спустила прозрачное покрывало, слабо слила очертания городских зданий, сгрудила их, выровняла берега, навеяла чуткую дрему… ». Ночь в описании Полилова подобна птице, «чутко настороженной, готовой каждую минуту вспорхнуть» [1]. Автору интересны типы, путешествующие с ним: бойкий коммивояжер, купец-толстосум, экскурсанты-гимназисты, матросы.

Главный герой следующего очерка – старинный северный город Тотьма. Путешественника поразил древний образ этого города: «Какая старина охватила меня в этом маленьком городке! Она глядела отовсюду, попадалась на каждом шагу, в каждом белом храме, а их здесь немало… » [2]. Но от сюжетов по истории города Полилов переключается на современность, обсуждая работу местного земства и планы по обустройству города и открытия в нем курорта. Особенно писателя волновала судьба местного кустарного училища, в котором дети местных крестьян познавали производство игрушек. Полилов отметил выдающееся мастерство и художественные способности учеников и сожалел о том, что спрос на их продукцию невелик в сравнении с более грубыми и простоватыми изделиями из Сергиева посада.

Путешествие по Сухоне продолжается, и Полилов делает остановку в Великом Устюге, «когда-то властном повелителе всего Севера» [3]. Впечатления об этом городе составили содержание третьего очерка. Описывая славное прошлое этих мест и связанные с ними легенды, с грустью писатель отмечает, что город хиреет, а жители его сознательно отказываются от благ цивилизации. «Боже мой, каким непробудным сном спят здесь обыватели, их только летом ненадолго будят свистками пароходы, с окончанием навигации у них отсутствует и этот будильник», – резюмирует Г. Т. Полилов [4].

---

1 Там же. С. 5.

2 Там же. С. 11–12.

3 Там же. С. 23.

4 Там же. С. 30.

Котлас, следующий город на Сухоне, повеял на Полилова дыханием еще большей древности: «Разве можно представить себе что-нибудь старее этого северного уголка. Здесь отовсюду глядят на тебя не века, а несколько тысячелетий…» [1]. Не случайно сюжетом очерка стали рассказы про палеонтологические находки в этих местах, сделанные профессором В. П. Амалицким, – «целое кладбище допотопных созданий». Современность, напротив, привычно критикуется Полиловым. В данном случае он решительно осудил работы по углублению русла Северной Двины: «Действия путейских инженеров очень часто просятся для сюжета веселого фарса» [2].

Очерк «Древняя обитель» посвящен посещению автором Николо-Корельского монастыря. Он описывает историю этого сурового северного места, «где тяжелые оковы держали человеческую плоть в неволе, гордый ум не знал для себя уз и заслонов, далеко летел он из-за обительских стен, несся свободно по суровому морю, на дальний простор» [3].

Вторая часть странствия Г. Т. Полилова – «страна полуночного солнца и стожаров» – Кольский Север. Пожалуй, это наиболее любопытная часть книги. Путешествие Г. Т. Полилова продолжилось в водах Белого моря на пароходе «Император Николай II». Писателю посчастливилось познакомиться с капитаном корабля Федором Михайловичем Вальневым. Маршрут парохода проходил от устья Северной Двины вокруг Мурмана. Г. Т. Полилов искренне восторгается сокровищами этого северного края: «Они действительно неисчерпаемы и разнообразны: к сожалению, не все двери к ним еще отперты, не все ключи к этим дверям подобраны! Далеко еще неумело извлекаем эти роскошные дары природы» [4].

Героями путевых очерков Полилова стали многие известные местные жители: капитан парохода «Император Николай II» Федор Михайлович Вальнев, известный арктический мореплаватель, до революции служивший капитаном дальнего плавания, а после посвятивший себя научным экспедициям; «мать лопарей» Татьяна Ивановна Куковерова;

---

1 Там же. С. 32.

2 Там же. С. 35.

3 Там же. С. 49.

4 Там же. С. 57.

рыбопромышленник Карл Юрьевич Спаде; просветитель колтта-саамов отец Константин (Щеколдин); настоятель Трифонова Печенгского монастыря отец Ионафан (Баранов). Посчастливилось ли Г. Т. Полилову встретить всех столь значимых для Севера людей за одну непродолжительную поездку или включение этих лиц в повествование было художественным приемом? Оставим этот вопрос открытым. Учитывая то, что ранее писатель уже публиковал литературные мистификации, элементы вымысла не исключены.

Особый раздел книги Полилов посвятил китобойному и рыболовному промыслам. Он отметил, что во всем цивилизованном мире на китов уже не охотятся, и в России этому зверству несколько лет как положен конец, однако сам лицезрел забитого на берегах Мурмана китенка.

После русских населенных пунктов Полилов посетил норвежский город Киркенес, поразивший его чистотой «после грязи мурманских становищ» [1]. В своих очерках Полилов касается и непростых геополитических вопросов – где должна проходить граница? Чьи исконно эти территории? Несмотря на юридическую принадлежность земли лопарей к Российской империи, автор с горечью отмечает интенсивное ее заселение норвежскими колонистами, а также бесконтрольный вылов ими рыбы в российских водах.

Касается Г. Т. Полилов и женского вопроса. «Кола – бабья воля», – писатель вспоминает услышанную им поговорку, характеризующую вовлеченность женщин в суровые мужские промыслы. «Пришлось мне побывать в этом медвежьем углу, прославившимся издавна своим оригинальным феминизмом, когда еще нынешние английские отчаянные ратоборки за права и свободу женщин вовсе не существовали на белом свете» [2]. Подробно описывает автор военное прошлое Колы и ее оборону в 1854 г.

Больше всего критики и непонимания у Полилова вызвало основание Александровска – «примера ненужного ни к чему города» [3], где все сделано вопреки здравому смыслу. Гавань выбрана неудобная и опасная, второй Порт-Артур в меньшем масштабе, город построен

---

1 Там же. С. 84–85.

2 Там же. С. 113–114.

3 Там же. С. 135.

на торфяном болоте и неудобен для жизни, народный дом совмещен с банями и имеет единый вход. А ведь на постройку города потрачены очень немалые деньги. Полилов озвучивает мнение местных промышленников, капитанов и скупщиков рыбы о том, что более оптимальными для строительства порта будут другие пункты: Вайда-губа, Кильдин или становище Порчиниха. Вообще, вторая часть очерков, посвященная Кольскому Северу, отличается от первой и по жанру более напоминает публицистические заметки, нежели художественные рассказы. По эмоциональным размышлениям автора видно, как его, активного и деятельного человека, сторонника прогресса и бурного экономического развития, волнует и беспокоит судьба северных территорий.

В третьей части книги писатель возвращается с морских берегов. Он побывал на Соловках и описал природу островов, передал свои разговоры с насельниками. Особое внимание Полилов уделил недовольству братии настоятелем монастыря отцом Иоанникием (Юсовым), и сам присоединяется к их мнению: монастырь стремительно терял роль «незыблемого центра Русского Севера» [1].

Далее путь писателя лежал через Антониево-Сийский монастырь в зырянский край. Он побывал в Вычегде, Сольвычегодске, Яренске, Усть-Куломе и некоторых старообрядческих центрах Коми-края. Особое внимание, помимо истории и природы края, Полиловым уделено солеваренной промышленности этих мест.

У данных путевых очерков можно отметить серьезную этнографическую составляющую: автор записывает диалоги и особенности местного говора. К примеру, в прямой речи попутчиков и местных жителей встречаются такие слова как «утор», «белясый», «недохватка», «бусинец», «мирволить», «невры». Как отметил автор рецензии на книгу, «все это красиво зачерчено характерным местным языком» [2].

Путевые заметки Г. Т. Полилова о Русском Севере не ограничились только этой книгой. Посмертно в 1915 г. в журнале «Исторический вестник» была напечатана его повесть из поморского быта «За белой лыбедью» [3]. Сюжет повести строится вокруг любви девушки Дуни и Павла Братникова, ловца лебедей в северных скитах. Редактор

---

1 Там же. С. 185.

2 Исторический вестник. 1914. №. 10. С. 287.

3 Там же. 1915. № 3. С. 719–745; № 4. С. 1–35.

Б. Б. Глинский сравнивает повесть Г. Т. Полилова с произведениями этнографов-беллетристов П. И. Мельникова-Печерского, Д. Н. Мамина-Сибиряка и С. В. Максимова [1]. К северному циклу принадлежат и многие сугубо литературные произведения писателя, написанные им ранее. Пожалуй, наиболее известные из них – повести «Кряж» и «Через падуны», изданные в 1912 г. [2]

Г. Т. Полилов не относился к числу писателей первой величины, его сочинения «были рассчитаны на "среднеинтеллигентного обывателя"» [3]. Он не был ни новатором, ни политическим трибуном, ни провозвестником социальных проблем, ни публицистом, однако нашел свою нишу в русской беллетристике. «Даровитый самородок-писатель», Полилов особенно замечателен своими путевыми очерками. Б. Б. Глинский заметил, что советовал другу выступить автором путеводителя по Северу: «Полилов одно время носился с этой идеей, но так-таки ничего не успел сделать, отвлеченный текущей работой ради насущного прокормления семьи» [4].

Повествование Г. Т. Полилова сложно отнести к определенному литературному жанру. По наблюдению Е. К. Созиной, особенностью северных травелогов начала XX в. было «сохранение ими пограничного характера – между документальной литературой, этнографией и беллетристикой» [5]. Очерки Полилова ярко демонстрируют эту жанровую сложность – в тексте сложно разделить документальную точность и художественный вымысел. Именно это создает неповторимое очарование записок, так популярных среди читателей начала прошлого столетия.

---

1 Г. Л. Памяти Г. Т. Полилова-Северцева. С. 595.

2 Полилов-Северцев Г. Т. Кряж; Через падуны; На послушании; Скопидомы. СПб., 1912.

3 Бокова В. М. Полилов. С. 49.

4 Г. Л. Памяти Г. Т. Полилова-Северцева. С. 603.

5 Созина Е. К. Север в литературе путешествий начала XX в. С. 156.

МИХАЙЛОВА
Елена Андреевна

кандидат искусствоведения,
заведующая сектором русских
фондов XVIII–XXI вв.
Отдела рукописей Российской
национальной библиотеки

ВАЛААМСКАЯ ОБИТЕЛЬ В СУДЬБЕ СЕМЬИ ТЮМЕНЕВЫХ: ПО «МОЕЙ АВТОБИОГРАФИИ» И. Ф. ТЮМЕНЕВА [1]

Религиозность, посещение монастырей и храмовая благотворительность стали важнейшей составляющей менталитета русского купечества в XIX – начале XX в. Денежная состоятельность осознавалась ими как знак «Господнего расположения». Исследователи купечества отмечают, что коммерческий успех многими представителями этого сословия мыслился ценным только в том случае, если его результаты могли быть использованы на благо церкви, и ко второй половине XIX столетия церковная благотворительность стала типичным явлением в купеческой среде [2].

---

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10135 «Возникновение и развитие автобиографической традиции в русской письменной культуре конца XVI – начала XX в. в контексте изучения изменений в сознании человека эпохи Нового времени».

[2] Кузеванова А. Л. Российское купечество во второй половине XIX – начале XX вв.: ценностные принципы бизнес-деятельности на индивидуальном уровне реализации//Альманах современной науки и образования. 2010. № 11 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 40–44.

Таков был и Федор Ильич Тюменев (ок. 1823–1893) [1]. Потомок рыбинских купцов, Тюменев жил в Санкт-Петербурге и занимался хлеботорговлей. Историография о нем крайне скудна, и основной источник информации как о самом Ф. И. Тюменеве, так и о его семье – большой труд «Моя автобиография», составленный сыном купца, Ильей Федоровичем Тюмнеевым [2].

Тюменевы, как это в целом характерно для купеческих семей, были очень благочестивы. Каждое воскресенье и по праздникам все семейство отправлялось в Александро-Невскую Лавру к обедне. В доме находилось много книг религиозного содержания, ежедневно читались Четьи-Минеи Дмитрия Ростовского. Постоянными гостями были монахи, в том числе известные священнослужители: настоятель Николаевской Чуркинской пустыни в Астраханской губернии архимандрит Паисий (Сипченко), игумен Парфений, издавший в 1855 году книгу «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» [3], настоятель Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря архимандрит Леонид (Кавелин) и многие другие.

В «Моей автобиографии» Илья Федорович описывает многочисленные поездки, совершенные отцом с благотворительными целями. Например, летом 1868 года Ф. И. Тюменев с семьей ездил в Пидьму [4] на освящение церквей – всего с приделами было запланировано 5–6 освящений. «Сам Владыка Олонецкий Аркадий за старостью приехать не мог, – вспоминает Илья Федорович. – Святил приятель папаши [т. е. Ф. И. Тюменева. – Е. М.], Свирский архимандрит Павел.

---

[1] Дата рождения Ф. И. Тюменева точно не известна. В Справочной книге о лицах, получивших на 1870 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдии (СПб., 1870), указано, что Ф. И. Тюменеву на этот момент было 46 лет. Следовательно, год его рождения – 1823 или 1824. Надпись на могильной плите Ф. И. Тюменева гласит, что он умер на 71-м году жизни (дата его смерти – 4 ноября 1893 года). Как представляется, наиболее вероятный год его рождения – 1823.

[2] Об И. Ф. Тюменеве и «Моей автобиографии» см.: Михайлова Е. А. «Моя автобиография» И. Ф. Тюменева: культурно-историческое значение памятника//Актуальные проблемы источниковедения: материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2021 г. Витебск, 2021. С. 241–243.

[3] Парфений (Аггеев П.). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле: в 4-х ч./[соч.] постриженника святой горы Афонския инока Парфения. М., 1855. 4 т.

[4] Село в Ленинградской области. В XIX веке оно входило в состав Олонецкой губернии.

В каждую из церквей папаша пожертвовал то иконостас, то колокола, ризы, утварь и проч. За это и встречали нас везде как каких-то великих князей» [1].

Федор Ильич ездил на богомолье не только в российские храмы и монастыри. Был он и на Афоне, в 1872 году совершил путешествие на Синай и в Палестину [2]. Однако особенно дорогим его сердцу и самым посещаемым монастырем оказалась Валаамская обитель – русский «Северный Афон».

Валаамский монастырь в середине XIX века стал местом особого притяжения паломников. Обитель посещали и простые богомольцы, и известные литераторы, художники, видные деятели культуры и искусства. Исследователи объясняют это различными обстоятельствами, среди которых – повышенный интерес к русской истории и, в частности, к монастырской культуре в целом; внутренние процессы, происходившие в монастыре и сделавшие его своего рода «образцовым» [3]; островное положение обители, далекое от мирской суеты, его природная красота [4]. Важнейшую роль сыграло появление регулярного пароходного сообщения Санкт-Петербурга с островом.

Ф. И. Тюменев не просто любил это место. Он был одним из главных благотворителей монастыря. Кроме пожертвований на возведение храмов, иконостасов и приобретения прочей церковной утвари, Тюменев в 1870 году купил и передал монастырю пароход, значительно упростивший связь между далекими Валаамскими островами. Приезжая сюда, Федор Ильич нередко жил здесь неделю, две, а то и больше. У Тюменевых были здесь даже свои кельи, кроме того, в начале 1870-х годов в Авраамиевском скиту Ф. И. Тюменев построил себе дом и много времени проводил в нем [5]. В конце 1870-х годов, уже после смерти су-

[1] ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 98.

[2] Об этой поездке см.: Михайлова Е. А. Путешествие купца Федора Ильича Тюменева на Святую землю в 1872 году // Православный палестинский сборник. № 118. М., 2020. С. 208–224.

[3] Об этом см.: Родченко И. Г. Культура Валаамского монастыря в середине XIX в.: дис. … канд. культурологии. СПб., 2003.

[4] См.: Валаамское слово о Валаамском монастыре: исторический очерк / составил Валаамский иеромонах. СПб., 1871.

[5] См.: ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 8. Л. 100. В церковь преподобного Авраамия Ростовского Тюменев пожертвовал иконостас, иконы, а также часть мощей Иакова Боровицкого.

пруги и прекращения торговых дел, у него даже было намерение «идти на Валаам» [1].

С монастырем оказалась связана и необычная семейная ситуация: в 1862 году старший сын Федора Ильича – Федор, 13-ти лет отроду – отправился на Валаам ради иноческой жизни. Он с детства был склонен к горячей молитве, посвящению себя Богу. Задолго до побега он думал об уходе в монастырь – по примеру Феодосия Печерского, Саввы Сербского и других, «кот[орые] удалялись в монастыри и поселялись в них, несмотря ни на какие препятствия» [2]. В углу под лестницей он даже устроил небольшую моленную [3].

И вот 10 июля 1862 года, в праздник Положения Ризы Господней, Федор отпросился в Александро-Невскую Лавру на утреннюю семичасовую службу, но вместо этого сел на пароход, отправляющийся в 9 утра на Валаам. «На Валаам обыкновенно ездило с кажд[ым] рейсом много богомольцев из купечества, и Федя, боясь встретиться с кем-нибудь из знакомых, наскоро взял палубный билет и укрылся в ожидании отхода за водокачкой. Он вбежал на пароход уже после 3го звонка, когда матросы начали снимать трап» [4].

Из более поздних страниц автобиографии И. Ф. Тюменева становится известно, что Федора на Валааме сначала поселили в гостиницу. Но здесь останавливалось много петербургских купцов, конечно, возникали расспросы. И тогда его перевели в Предтеченский скит, славившийся своей строгостью. «В подражание великому пустыннику и постнику св[ятому] Иоанну Предтече, в сем скиту соблюдается строгий устав постничества. Пища скитян состоит из овощей, и то в понедельник, среду, и пяток без масла, а рыбного или молочного здесь совсем не дозволяется вкушать; пить чай здесь тоже не дозволяется» [5]. В 1870-х годах писатель Н. Лесков, посетивший Валаам, оставил об этом ските такие строки: «Здесь живут пустынники, для которых суровость общей Валаамской жизни кажется недостаточной – они удаляются в Предтеченский скит, где начальство обители бережет их покой

---

1 ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 12. Л. 50.

2 ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 47.

3 Там же. Л. 46 об.

4 Там же. Л. 50.

5 Валаамский монастырь и его подвижники. 2-е изд. СПб., 1889. С. 223.

от всякого нашествия мирского человека. Здесь теплят свои лампады люди, умершие миру, но неустанно молящиеся за мир; здесь вечный пост, молчание и молитва» [1].

На Валааме Федор провел 14 лет, сбежав оттуда в 1876 году [2]. В течение всех этих лет поездки Тюменевых на остров были особенно частыми. Нередко там бывал и Илья Тюменев, отразив свои впечатления в «Моей автобиографии». Но поскольку поездки совершались часто и походили одна на другую, значительный фрагмент текста, названный Тюменевым «Наши поездки на Валаам вообще», он посвящает обобщенному описанию таких путешествий.

Это описание дает очень живое и вполне детальное представление о том, как проходили подобные «круизы» в середине XIX века. Каждую пятницу из Петербурга на Валаам с разных пристаней отправлялись два парохода. Оба отчаливали в 9 утра, к обеду приходили в Шлиссельург, вечером – на остров Коневец, где паломники и ночевали. На следующий день один из пароходов шел сразу на Валаам и приходил туда к часу дня, а второй заходил еще в Кексгольм (ныне Приозерск) и прибывал на остров в 4 часа. На Валааме богомольцы стояли в субботу всенощную и в воскресенье обедню, в 2 часа дня садились на пароходы тем же путем возвращались в Петербург, куда прибывали в понедельник около 6 часов вечера.

Довольно подробно Тюменев рассказывает о кораблях. Один – «Walamo» – принадлежал финской акционерной компании (к слову, у Ф. И. Тюменева было много акций этой компании), второй – «Летучий», старый пароход, бывший когда-то придворным. Рассказывает Тюменев и о капитанах, и о некоторых членах команд.

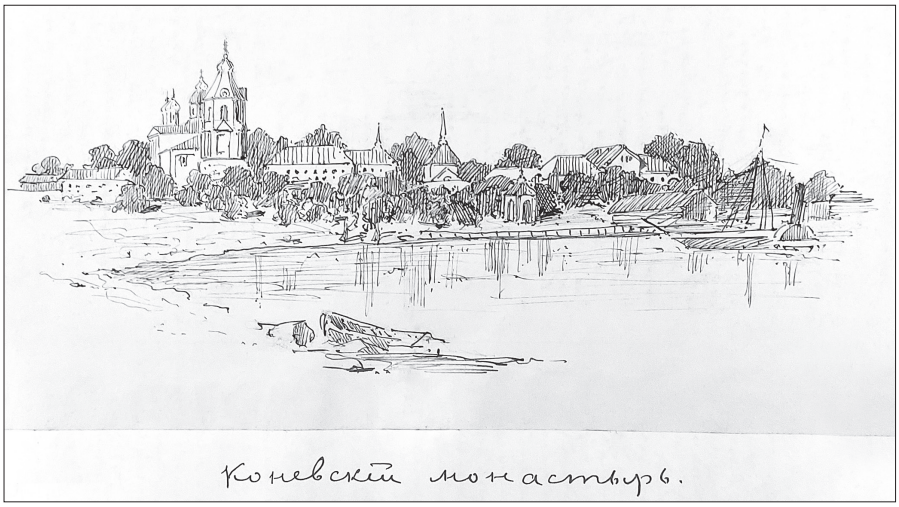
Собственно, в первый раз после побега Феди Илья Тюменев с матерью [3] отправились на Валаам на «Летучем» (Федор же уехал на остров на «Walamo»). Очень красочно в автобиографии даны описания берегов Петербурга, атмосферы на корабле, упоминания легенд, связанных с отдельными местами. Ярко изображен приезд в Шлиссель-

---

[1] Лесков Н. С. Павлин//Н. С. Лесков. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 212.

[2] Федор Тюменев покончил жизнь самоубийством в 1878 году. И. Ф. Тюменев предполагает, что он не нашел удовлетворения ни в монашеской жизни, ни в мирской.

[3] Тюменева (в девичестве Эзелева) Мария Маркеловна.



Ил. 1. «Коневский монастырь». Рисунок И. Ф. Тюменева.
ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 54

бург: «На пристани, с приходом парохода, начинается движение, показываются таможенные солдаты, торговки с печеной рыбой, яйцами и солеными огурцами; другие продают грибы и ягоды. А в часовне, между тем, начался уже молебен о путешествующих, и почти все пассажиры с обоих пароходов спешат в часовню, ставят свечи, прикладываются к образу и, как только окончился молебен, снова спешат на пароходы, на которых уже слышен 1й звонок. После получасовой стоянки мы снова двигаемся в путь. Кто принимается за обед, кто, боясь качки, отобедал еще в Неве и сидит на палубе, любуясь приближающейся ширью озера, от которого уже несется [на]встречу приятная прохлада» [1].

При появлении на горизонте острова Коневец все собираются на носу корабля, как пишет Тюменев, смотрят на остров, и начинаются различные толки. «Когда-то, – рассказывает бывалый странник, – весь этот остров был населен бесами, а посредине его стоял большущий камень – конь-камень. Береговые жители пасли здесь коней и этому камню покланялись, а для того, чтобы он все лето хранил их лошадей, ему приносили в жертву коня: оттого ему такое и прозвище. Впрочем, и сам он на коня как будто смахивает. Вот когда пришел с Афона св[ятой] Ар-

[1] ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 51 об.

сений и принес с собой оттуда икону Божьей Матери, так не понравились ему эти жертвы бесам. Пошел он к коню-камню и молитвой да святой водой выгнал всех бесов не только из коня-камня, а и со всего острова. Уверовали тут люди и приняли христианскую веру, а св[ятой] Арсений выстроил тут монастырь. Завтра, – заключает странник, – увидите и мощи его, и Коневскую Божию Матерь, принесенную им с Афона, и остров по коню-камню до сих пор Коневцем зовется» [1].

Тюменевых на Коневце, конечно, знали так же хорошо, как и на Валааме, поэтому отводили уютные большие номера. После размещения в гостинице иногда они пили чай у отца Израиля [2], ставшего через несколько лет после их первой поездки архимандритом. Илья Федорович запомнил его как очень доброго и гостеприимного человека, большого мастера по мелким резным работам. Но особенно юного Тюменева привлекали картины, висевшие на стене. В основном это были виды монастырей, портреты митрополитов и подобные. Илья Федорович с детства увлекался живописью, поэтому интерес к картинам был вполне понятным.

Образ острова Коневец и Коневецкого монастыря в глазах Тюменева предстает очень романтичным, светлым. Сказывается и поэтика вечерних прогулок, и доброта отца Израиля. Особенно явно это видно на сравнении с описанием Валаама. Вот один из фрагментов автобиографии: «Эта прогулка в сосновом лесу, в тихую, светлую, летнюю ночь была до того приятна, что Коневец с своими сравнительно скромными красотами природы был для меня несравненно симпатичнее Валаама, бесспорно красивого, но более холодного и неприветливого. Уже одно то, что здесь вместо крутых, неприступных скал почва всюду состояла из светлого, мелкого песка, кот[орый] мягким, ровным наклоном спускался к озеру, – сразу подкупало меня в пользу Коневца» [3].

Разное отношение к Коневецкому и Валаамскому монастырям сказывалось не только в сопоставлении особенностей природного облика островов, но и человеческих взаимоотношений. Вот момент, ярко демонстрирующий характер обителей: «Чай мы пили у него [отца Израиля. – Е. М.] с монастырск[ой] булкой, оч[ень] вкусной, и беседа

---

1 Там же. Л. 52–52 об.

2 Отец Израиль (Андреев; 1793–1884) был игуменом Коневецкого монастыря с 1859 по 1884 год. Ученик свт. Игнатия (Брянчанинова).

3 ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 54 об.

продолжалась около часа. Помню, как однажды я опрокинул свой чай со сливками и облил красную салфетку на столе, как мамаша послала меня просить прощения у о[тца] Израиля, кот[орый] на минуту вышел чем-то распорядиться. Увидав его в коридорчике выходящим из столовой, я повалился ему в ноги, как было приказано. Добрый старик страшно сконфузился и только забормотал: "Это уж по-Валаамски, это уж по-Валаамски"» [1].

Для Тюменева Валаам – некая противоположность духу, царившему на Коневце. «Во всем царил какой-то особый тягостный тон, дисциплина, все запрещено, все связано крепкими узами деспотич[еской] предусмотрительности о[тца] Дамаскина; во всем чувствуется его властная, строгая рука, везде неволя, всюду предписание: свобода на Валааме была словом, не имеющим никакого значения» [2]. Тюменев отмечает, что из-за этой строгости многие бегут с острова. Собственно, через несколько лет оттуда убежал и Федя.

Действительно, Валаам в это время славился подвижнической жизнью монашества, и облик монастыря – как внешний, так и внутренний – во многом был заслугой отца Дамаскина [3], бывшего более 40 лет настоятелем Валаамской обители. Он хорошо известен своим аскетизмом, подвижническим образом жизни, строгостью; в свое время жил и в скиту, и в удаленной пустыни. С именем отца Дамаскина связывают период процветания монастыря после смуты, произошедшей в обители в 40-х годах XIX века [4]. Его называют строителем Валаама, поскольку при нем появились многие скиты, часовни, храмы. Строилось это на деньги жертвователей, среди которых была и семья Тюменевых.

Однако строгая атмосфера, царящая в монастыре, не мешала наслаждаться красотой этого места. Не остался равнодушным и И. Ф. Тюменев. Особенно его впечатлил Никольский скит. «Никольский скит – это аванпост обители, это первая Валаамская постройка, кот[орую] видит путешественник, постройка действительно оч[ень]

---

1 Там же. Л. 54.

2 Там же. Л. 57.

3 Отец Дамаскин (Кононов; 1795–1881), настоятель Валаамского монастыря с 1839 по 1881 год.

4 См. Агафангел (Суслов), иеромонах. Возмущение братии Валаамского монастыря в середине XIX века // Христианское чтение. 2014. № 4. С. 62–78.

красивая и сразу подкупающая в пользу монастыря. Церковь построена по проекту известного архитектора Горностаева [1], она делает честь строителю. Помимо изящества линий, церковь интересна и по тонам: вся она сложена из кирпича и горит на солнце ярко-красным тоном, шатровая крыша белой жести, а маковка золоченая. Все это легко и весело поднимается вместе с гранитн[ым] островком из воды, и картина получается оч[ень] интересная» [2].

Со дня побега Феди на Валаам эта обитель еще прочнее, чем раньше, вошла в жизнь Тюменевых. И валаамские монахи в их доме, по словам И. Ф. Тюменева, оказались «главными и привилегированными… гостями» [3].

Не прошло и года после ухода Федора в монастырь, как семью Тюменевых настигло большое горе: в 1863 году от болезни умерли две младшие дочери Федора Ильича и Марии Маркеловны, Оля и Лиза. Вскоре после их смерти чета Тюменевых перебралась в детскую, а их спальня была преобразована в так называемую «Валаамскую комнату», служившую приемной Марии Маркеловны Тюменевой. «Здесь у окна стоял ее рабоч[ий] столик и [у] другого – б[ольшая] аляповатая, глиняная ваза с цветком работы валаамского горшечника о[тца] Дамиана. У стены – диван, стол и кресла, у двери в столовую – комод и ее книжный шкаф. Стены впоследствии были украшены раскрашенн[ыми] видами Валаама, подаренными о[тцом] Дамаскином» [4]. Именно эти картины и дали имя комнате – «Валаамская».

Примерно в это же время столовую в доме Тюменевых украсило большое полотно – хромолитографированный [5] вид Валаама. Появилось

---

[1] Алексей Максимович Горностаев (1808–1862) – архитектор и художник, профессор Императорской Академии художеств, один из основоположников русского архитектурного стиля. Церковь во имя Николая Мирликийского на Валааме была построена по его проекту в 1833, освящена в 1853 году. В 1858 году по плану Горностаева рядом с храмом был построен двухэтажный дом.

[2] ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 58.

[3] Там же. Л. 23 об.

[4] Там же. Л. 61 об. Речь идет об издании: Собрание видов местностей острова Валаама, рисованных с натуры художником П. И. Балашовым, изданное усердием настоятеля игумена Дамаскина с братиею. Издание Валаамского монастыря, 1863. Несколько экземпляров, предназначенных для подарков, были раскрашены художником от руки, один из них и был подарен Тюменевым.

[5] Хромолитография – цветная литография.

оно благодаря Илье Федоровичу. «Я изредка хаживал в гости к эконому Валаамск[ой] часовни [1] о[тцу] Анатолию, и этот вид, бывший у него, привел меня в восторг. Он тут же подарил мне его и прислал на дом. Картину поместили на стене прот[ив] окон, а по бокам ее повесили портреты старца Серафима и Марко-молчальника Саровского с приложенн[ым] к губам пальцем и надписью вверху полукругом: "Положи, господи, хранение устам моим" [2]» [3].

Валаам стал последним пристанищем Федора Ильича и Марии Маркеловны Тюменевых. Это оказалось возможным, поскольку на Валааме, помимо монахов и настоятелей, хоронили также крупных благотворителей, каковыми и были Тюменевы.

19 декабря 1870 года скончалась Мария Маркеловна. Отпевали ее в Александро-Невской лавре (отпевал сам митрополит), но она пожелала быть похороненной на Валааме. Несколько дней гроб находился в Лазаревской церкви, и 24 декабря Ф. И. Тюменев с сыном Ильей и провожатым дворником Алексеем отправились с гробом на Валаам. «Вечером затемно явились мы в Лавру, – пишет Илья Федорович в "Моей автобиографии". – Ящик с гробом поставлен на сани, мы сели в кибитки и с первым ударом колокола ко всенощной на Рождество тронулись в путь. На Валааме мы пробыли до 40 дня по кончине мамаши и вернулись оттуда в начале февраля» [4].

Сам Федор Ильич Тюменев ушел из жизни 4 ноября 1893 года. По его желанию он также был похоронен на острове Валааме, рядом с женой. На этот раз ситуация оказалась сложнее, поскольку это было время межсезонья (между летним пути по воде и зимним по льду). Илья Федорович пишет, что сам он готов был сразу везти тело на Валаам [5], тем более, что такая возможность, судя по всему, существовала.

---

1 Часовня Валаамского монастыря на Синопской набережной в Петербурге.

2 Известная гравюра Марка Молчальника, датируется около 1839 года.

3 ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 63.

4 Там же. Л. 122 об. Надпись на надгробном памятнике проясняет год рождения Марии Маркеловны. Она свидетельствует, что М. М. Тюменева умерла в 41 год. Следовательно, год ее рождения – предположительно 1839 (см.: Русский провинциальный некрополь/сост. В. В. Шереметевский. М., 1914. Т. 1. Губернии: Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгская губернии; монастыри Валаамский и Коневский. С. 883).

5 ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 18. Л. 120 об.

Ил. 2. Никольский скит. Рисунок И. Ф. Тюменева. ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 58

В архиве И. Ф. Тюменева сохранилось письмо игумена Валаамского монастыря Гавриила, адресованное Илье Федоровичу. Письмо датировано 9 ноября 1893 года (т. е. написано оно было через 2 дня после похорон, состоявшихся 7 ноября). В письме игумен сообщает, что до них дошла весть о кончине Федора Ильича, отмечает: «дал знать по всем скитам для поминовения о новопреставленном в течение шести недель при чтении Псалтири, также и при совершении Божественных Литургий» [1]. Игумен Гавриил знал о желании Ф. И. Тюменева похоронить его на Валааме, поэтому сразу же отправил в Петербург одного из монахов, отца Анатолия, с предложением отправить тело сейчас же, поскольку, по его мнению, «теперь сообщение с Валаамом очень благоприятное: до Сердоболя [2] по железной дороге, а здесь будет дожидать наш пароход» [3] – это, по его убеждению, будет гораздо удобнее, чем зимою по льду.

Однако жена Ильи Федоровича и друзья уговорили его подождать до зимнего пути, и на Валаам он отправился лишь 23 февраля следующего, 1894 года. Ехали на поезде до Выборга в специальном вагоне в конце поезда; поезд был вечерний и в Выборге они оказались лишь в 12 ночи. Здесь переночевали и на другом поезде добрались до Сердоболя, где процессию встречали монахи. Оттуда в кибитках, запряженных лошадьми, отправились на Валаам [4].

Но на этом посещение представителей семьи Тюменевых острова Ва-

---

1 ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 2. № 131.

2 Ныне – город Сортавала.

3 ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 2. № 131.

4 Сведения о захоронении Ф. И. Тюменева на Валааме в издании «Русский провинциальный некрополь» отсутствуют.

лаам не заканчивается. Илья Федорович уже со своей семьей и детьми также бывал на Валааме. Сын Ильи Федоровича Александр Ильич, как и его отец, вел дневники, в которых описывал поездки, совершенные уже в начале XX века [1].

Ниже публикуем фрагмент «Моей автобиографии» И. Ф. Тюменева, обозначенный автором «Наши поездки на Валаам вообще» (ОР РНБ. Ф. 796. Оп. 1. № 7. Л. 50–58). Текст приводится в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации. Сокращения раскрываются в квадратных скобках.

Наши поездки на Валаам вообще

Так как после этого [т. е. после побега брата Федора в монастырь. – Е. М.] мы бывали на Валааме ежегодно раза по два в лето, и все эти поездки очень походили одна на другую, то я и постараюсь теперь же описать общий характер этих поездок, продолжавшихся до 1870 года.

На Валаам долгое время ходили два парохода: «Летучий» и «Walamo [2]». Оба они выходили по пятницам в 9 ч[асов] утра, к обеду приходили в Шлиссельбург, ночевали на Коневце. Утром «Walamo» заходил в Кексгольм и шел на Валаам, а «Летучий» направлялся прямо к Валааму, не заходя на берег. Высадив публику на Валааме («Летучий» в час, «Walamo» в 4), оба шли ночевать в Сердоболь (в 30 в[ерстах] от Валаама). На Валааме богомольцы стояли в субботу всенощную и в воскресенье обедню, а часам к 2-м опять являлись за ними пароходы и тем же путем доставляли их в понедельник в Питер часам к 6 вечера (ночевали на Коневце [3]).

«Walamo» принадлежал финской акционерной комп[ании] (у папаши было много акций). «Летучий» составлял собственность Ник[олая] Ив[ановича] Тайвани [4], кот[орый] часто сам на нем ездил.

---

1 ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 4. № 95. Тюменев Александр Ильич. Дневник 21 сентября 1901 – 5 сентября 1903. Л. 95 об.–117 об.

2 Walamo – «Валаам» на швед. яз.

3 В рукописи «в Коневце».

4 Г. Тайвани был главой компании «Легкого Невского пароходства»

«Walamo» в то время был только недавно отстроен [1], «Летучий» был старый пароход [2]. Прежде он был придворным и принадлежал В[еликому] К[нязю] Константину Николаевичу (будто бы); тогда он славился быстротою хода, в мое время он уже порядком поустарел, но все еще порой и на службе Тайвани вспоминал свое прошлое и в озере в тихую погоду легко обгонял «Walamo». На носу у «Летучего» был золотой орел, у «Walamo» – белый воин. «Walamo» был шире, «Летучий» – уже, и потому в ветер его более качало, чем «Walamo».

Капитаном на «Walamo» был Стрельский [3], бывший актер, отец известн[ой] актрисы Стрельской (Стуколкиной) [4] – большой руки картежник, полный, курчавый, бритый старик. На «Летучем» командовал швед: худой, сгорбленный, но отлично знавший свое дело. Неск[олько] лет спустя он, говорили, потерял или проиграл б[ольшую] сумму денег и повесился, чуть ли не в своей же каюте.

Шкипером на «Walamo» был некто Николай – загорелый, молчаливый человек с рябым лицом, окаймленным коротко подстриженной черной с проседью бородой; старшим матросом был славн[ый] старик, рыжебородый Филипп. Когда, подходя к пристани, они с Николаем становились у руля, то напоминали мне апостолов Петра и Павла. Матросы на обоих пароходах были почти все чухны [5], да и Николай с Филиппом, хотя оба православные, говорили по-чухонски лучше, чем по-русски.

Через неск[олько] лет Стрельский умер и его заменил загорелый, краснобородый швед Карл Карлович Лагус, хороший моряк.

Итак, 17 июля [6] мы с мамашей вступили на палубу «Летучего». Тихо покачивался он у своей пристани под Смольным. Веселое, летнее солнышко бойко играло на тихой поверхности Невы, мимо нас шныряли ялики и мал[енькие] пароходы, буксировавшие барки, высокая,

---

1 Пароход «Walamo» построен в 1859 году.

2 Год строительства парохода «Летучий», по разным сведениям, – 1844 или 1845.

3 Василий Иванович Стрельский (наст. фамилия Старов; 1806–1877) – оперный певец, артист.

4 Варвара Васильевна Стрельская (наст. фамилия Старова, в замуж. Стуколкина; 1838–1915) – драматическая актриса. С 1857 до 1915 играла в Александринском театре. В 1905 году В. В. Стрельской присвоено звание заслуженной артистки императорских театров.

5 Чухны, чухонцы – карело-финны, жившие в окрестностях Петербурга.

6 1862 года.

белая стена Смольного монастыря ясно отражалась в воде с нависшими над нею густыми шапками деревьев. На пристани шла погрузка, поскрипывал на пароходе крюк, опускавший в трюм ящики и бочонки. Шум, говор, толкотня, суматоха. На том берегу Невы широко раскрыли свои пасти два огромных дока, за ними видны домики Охты [1]. В Б[ольшой] Охтенской ц[еркви] [2] звонят к обедне. Высокая труба «Летучего» ужасно дымит, застилая иной раз дымом солнце, кот[орое] кажется тогда мал[еньким] красным шариком. Вдали, из-за угла Смольного, показывается массивн[ая] фигура «Walamo» [3], с ее толстой, кривой трубой: он уже тронулся в путь, но недалеко уйдет он от нашего бегуна – в озере [4] мы, наверное, оставим его за собой. Пассажиры Летучего – б[ольшей] частью богомольцы, уже не раз бывавшие на Валааме и отлично знающие силы обоих пароходов, ехидно улыбаются, провожая глазами удаляющегося соперника.

Но вот и на «Летучем» раздается 3-й звонок – пароход отчаливает. Широко развертываются перед нами берега сев[ерной] красавицы; особенно красив лев[ый] берег с раскинувшимися по нему зданиями. Для меня это все знакомые места. Вплоть от Смольного тянется по набережной ряд давно уже известных домов, вот фабрика Штиглица [5] со своими двумя б[ольшими] трубами – серой и красной, вот опять тянутся дома, мимо котор[ых] потом часто приходилось путешествовать в купальню. Вот наша Б[ольшая] Болотная [6]. Приветливо смотрит на нас из-за зелени желтая верхушка нашего каменного дома со своим верхним, полукруглым окном. На набережной – дома Потираловского [7], Ларионова, трактир «Лебедь», хлебные ряды, Валаамская часовня на углу Малоохтинского проспекта. (В последние годы рядом

---

1 Охта – исторический район Санкт-Петербурга, расположенный на правом берегу Невы.

2 Скорее всего, речь о церкви Сошествия Святого Духа на Большой Охте.

3 «Walamo» отправлялся в тот же день, в то же время, что и «Летучий», но от Калашниковской пристани, располагавшейся недалеко от церкви иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость», являющейся подворьем Валаамского монастыря.

4 Т. е. Ладожском озере.

5 Бумагопрядильная фабрика барона Л. Штиглица, основана в 1833 году.

6 Дом Тюменевых до 1870-х годов располагался на Большой Болотной, недалеко от Невы. Ныне это ул. Моисеенко.

7 А. Ф. Потираловский, петербургский купец и почетный гражданин города.

с ней гордо возвышалась строившаяся тогда (по инициативе папаши) Береговая церковь в память 4 апр[еля] 1866 г[ода] [1]). При виде часовни все головы обнажаются: пассажиры усердно молятся св[ятым] Сергию и Герману Валаамским чудотворцам о благополучном плавании.

Снова тянутся знакомые дома по набережной и мелькают столбы с знакомой надписью «Курить воспрещается» (поставленные по настоянию папаши, когда он был членом хлебной конторы). Показывается длинная линия лаврских хлебных амбаров, а за ними и сама высокая, величественная Лавра [2] со своим грандиозн[ым] куполом, под кот[орым] покоятся мощи Невского витязя. Между тем на прав[ом] берегу пронеслась мимо нас хорошенькая ц[ерковь] М[алой] Охты [3], и теперь из-за зеленой рощицы выглядывает киновия со своей острой колоколенкой. А на лев[ом] берегу выступает за Лаврой устье Обводн[ого] канала, белеют стены Духовной академии и начинаются здания и постройки стеклянных заводов. За ними вытягиваются вдоль берега длинные, красивые корпуса с желт[ыми] фронтонами, на кот[орых] ясно видны темные силуэты госуд[арственного] орла: это чугунные; а вот и фарфоровые заводы со своей изящной, точно фарфоровой церковкой. Мимо нас несутся села: Александровское, Рыбацкое – здесь храм двухэтажный белый [4]. По берегу мелькают заводы, трактиры, домики. На берегу всюду копошатся люди – возня, движение. Правый берег давно уже покрылся веселым, зеленым лесом, а на лев[ом] все еще тянется вереница зданий. Вот Ижора – б[ольшое] красивое село, памятное мне по Колпинскому путешествию.

Миновав Ижору, обыкновенно принимаешься, бывало, за книгу, т. к. глаза налюбовались и даже утомились всей этой пестротой и разнообразием пронесшейся мимо панорамы. Пассажиры на палубе также принимаются за свои котомки и начинают закусывать. Общество разбивается на кружки.

Пароход минует хорошенькое местечко: островки, где по летам

---

[1] Очевидно, церковь Бориса и Глеба, построенная на средства берегового купечества. 4 апреля 1866 года произошло покушение на императора Александра II.

[2] Александро-Невская Лавра.

[3] Скорее всего, церковь святой равноапостольной Марии Магдалины на Малой Охте. Разрушена в 1972 году.

[4] Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Построена в 1744 году.

живет много дачников. Здесь, на прав[ом] берегу, можно между зеленью рассмотреть старый дворец, принадлежавший, кажется, Потемкину [1]. Недалеко от островков начинаются Невские пороги. На «Walamo» к рулю становится опытный Филипп; «Летучий» хотя сидит мельче, чем «Walamo», но также принимает свои меры предосторожности.

Миновав пороги, пароход приближается к местности правого берега, известной под названием «Красные сосны». Там, на возвышенной площадке, действит[ельно] стоят неск[олько] красивых сосен. От них спускается к Неве дов[ольно] широкая лестница. Об этих соснах существует предание, что во время осады Шлиссельбурга Петр будто бы наблюдал за действиями войск в подзорную трубу с высоты этих сосен. Шведы это заметили и стали наводить пушки на эти сосны. Тогда один из солдат, узнав об этом, оделся в форму, близко подходившую к костюму Петра, влез раньше его на дерево и был убит шведами. Как ни нелепо это предание (до Шлюшина [2] отсюда не менее 3 верст, да и самый поступок солдата не вызван никакой необходимостью), но тем не менее я ему верил, и красивые сосны были для меня каким-то священным местом, потому что оно было освящено историей.

Но вот показывается красивенькая горка, покрытая ельником и соснами: это Шлюшинское Преображенск[ое] кладбище, а за ним развертывается и сам Шлиссельбург, древний Орешек. На площади, недалеко от пароходной пристани, стоит дов[ольно] красивая церковь [3], а против нее начинается Ладожск[ий] канал. В конце набережной в 60х годах выстроили часовню [4], где и находится чудотворная икона Казанской Б[ожьей] М[атери], бывшая прежде в крепости. Сама крепость находится на островке, при выходе Невы из Ладожск[ого] озера, которое уже синеет широкой полосой на горизонте (от пристани до выхода в озеро всего какая-нибудь верста).

На пристани, с приходом парохода, начинается движение, показываются таможенные солдаты, торговки с печеной рыбой, яйцами и со-

---

[1] Дворец был возведен по проекту зодчего И. Е. Старова. Сильно поврежден во время Великой Отечественной войны.

[2] Шлюшин – просторечное название Шлиссельбурга.

[3] Вероятно, речь идет о церкви Николая Чудотворца. Каменный храм был построен в 1770 году.

[4] Часовню Казанской иконы Божией Матери построили в 1864 году.

леными огурцами; другие продают грибы и ягоды. А в часовне, между тем, начался уже молебен о путешествующих, и почти все пассажиры с обоих пароходов спешат в часовню, ставят свечи, прикладываются к образу и, как только окончился молебен, снова спешат на пароходы, на которых уже слышен 1й звонок. После получасовой стоянки мы снова двигаемся в путь. Кто принимается за обед, кто, боясь качки, отобедал еще в Неве и сидит на палубе, любуясь приближающейся ширью озера, от которого уже несется [на]встречу приятная прохлада.

Берега расширяются. Вот с правой стороны тянутся мимо нас мрачные стены крепости, свидетели сумасбродной попытки Мировича [1]. Как-то уныло смотрят они на путников, точно вспоминая старое, точно погружены в какую-то мрачную думу.

Но вот уже и крепость остается далеко за нами; черной полосой тянется она по горизонту, заслоняя собой маленький городок. Пароход вступил в озеро. Налево вдали показываются прибрежные маяки, наиболее известен между ними Кошкинский. Поравнявшись с ним, пароход обыкновенно убавляет ходу и принимает на борт финляндского таможенного офицера, кот[орый] дов[ольно] строго производит осмотр товара в трюме. Когда мы впоследств[ии] возили на Валаам всякие сласти, фрукты и деликатесы, они обыкнов[енно] запломбировывались, т. е. за них уплачивалась пошлина еще в Петербурге, и дело это исправляли часовенные монахи.

Пройдя маяки, пароход снова прибавлял ходу (у маяков они идут тише, частью из-за таможни, частью же по причине б[ольшого] скопления судов и барок; особенно часто встречается форма судна, назыв[аемая] в этих местах галиотом [2]). По мере углубления пароходов в озеро, берега, мало-помалу, уходят в стороны, и озеро начинает походить на море. По дороге к Коневцу есть одно место, где оба берега перестают быть видными: Ладожский берег исчезает совсем, финляндский же переходит в такую узкую полоску, что почти совсем сливается с горизонтом.

От скуки – кто читает, кто занимается благочестивыми или исто-

[1] Подпоручик Смоленского пехотного пока Василий Яковлевич Мирович в 1764 году пытался освободить сына Анны Иоанновны, Иоанна Антоновича, заключенного в крепости «Орешек». Однако охрана по секретному приказу Екатерины II умертвила узника. Самого Мировича после суда казнили.

[2] Галиот – тип парусного судна.

рическ[ими] разговорами про Петра I, про Коневских бесов и пр., некоторые изредка поглядывают на берега и следят за их постепенным удалением.

С половины дороги пароходы начинают гонку. Обыкновенно, как уже сказано, «Walamo» отстает, и пассажиры его уныло провожают глазами уходящего впереди «Летучего».

В летние месяцы (май, июнь, июль) озеро б[ольшей] частью гладко, как зеркало, и никто, глядя в то время на его поверхность, не подумает, какие бури бывают на нем осенью. А бури бывают такие, что зачастую даже б[ольшие] наши пароходы не рискуют выходить в озеро и остаются ночевать в Шлиссельбурге, выжидая погоды. Во время качки палуба их представляет крайне неприятное зрелище: все охает, стонет и хворает; одни мечутся, другие лежат пластом, без движения, а волны так и хлещут через борта, высоко поднимая пароходы на своих белых, упругих хребтах. Особенно помню я одну качку в половине сентября. Мы ехали тогда на Валаам на самое Воздвиженье [1]. Буквально нельзя было двигаться на ногах, и я, хотя отнюдь не подвластен морской болезни, но в конце концов, глядя на общий пример, и меня даже начало как будто мутить; к счастью, это было перед самым Коневцом.

Но возвратимся к нашему путешествию.

Солнце все ближе и ближе склоняется к горизонту. «Летучий» уже давно опередил «Walamo», кот[орый] виднеется теперь черной точкой на горизонте, и если бы не было тянущейся от него тоненькой полоски дыма, его и совсем нельзя было бы видеть. Мы идем недалеко от левого берега озера, впереди уже с час как показалась темная черточка, которая теперь все больше и больше расширяется – это Коневец. Видны уже леса, густо, почти сплошь покрывающие остров, видны и белые точки монаст[ырских] зданий на темн[ом] фоне зелени. Вся палубная публика собралась на носу: все смотрят на растущий впереди остров, идут различные толки (в бурю на Коневец смотрят еще с бóльш[им] восторгом).

– Когда-то, – рассказывает бывалый странник, – весь этот остров был населен бесами, а посредине его стоял большущий камень – конь-камень. Береговые жители пасли здесь коней и этому камню

[1] Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня. Празднуется 14 (27) сентября.

покланялись, а для того, чтобы он все лето хранил их лошадей, ему приносили в жертву коня: оттого ему такое и прозвище. Впрочем, и сам он на коня как будто смахивает. Вот когда пришел с Афона св[ятой] Арсений и принес с собой оттуда икону Божьей Матери, так не понравились ему эти жертвы бесам. Пошел он к коню-камню и молитвой да святой водой выгнал всех бесов не только из коня-камня, а и со всего острова. Уверовали тут люди и приняли христианскую веру, а св[ятой] Арсений выстроил тут монастырь. Завтра, – заключает странник, – увидите и мощи его, и Коневскую Божию Матерь, принесенную им с Афона, и остров по коню-камню до сих пор Коневцем зовется.

Солнце совсем уже село, «Летучий» подходит к Коневской пристани. Несмотря на поздний час, благодаря белизне наших северных ночей все окружающее видно почти как днем. Монастырь стоит на пригорке; от пристани к нему поднимается красивая аллейка, при начале которой, за неск[олько] десятков сажен от пристани, находится часовня [1]. Сюда по дороге с парохода считает долгом зайти каждый богомолец. Направо от монастыря находится гостиница – большое, серое здание, полуприкрытое группой елей и сосен, растущих перед ним на краю неб[ольшого] оврага, где расположен монастырский огород. Чистый песчаный берег и синеватый мягкий тон леса как нельзя более идут к этой мирной, симпатичной картине. Я не знаю, почему-то всегда оч[ень] любил Коневец, и этот вечер был для меня самым приятным вечером из всей поездки.

Трап с пристани подан, и богомольцы гурьбой повалили на берег, их пестрая, извивающаяся толпа тянется по прибрежной дороге и круто заворачивает к часовне. В воздухе тихо, тихо, – тепло так, а с берега несется здоровый смолистый запах соснового леса.

Выждав, пока схлынет главная масса богомольцев, и мы сходили с парохода. Пройдя шагов 300 по мелкому, белому песку и мы сворачиваем к часовне. Там прикладываемся к большому распятию, ставим свечу и направляемся далее по тенистой аллее, ведущей в гору к святым воротам монастыря, на которых изображены св[ятой] Арсений и (кажется) св[ятой] Евфимий, епископ Новгородский. Помолившись святым хозяевам острова, мы сворачиваем направо к гостинице (каменная новая гостиница левее монастыря начата постройкой гораздо

[1] Часовня Николая Чудотворца. Построена в 1815 году.

позднее и окончена уже после нас). Гостиница стоит почти на самой опушке прекрасного зеленого бора, она с виду некрасива, но имеет в себе какой-то солидный, внушительный характер. В ней два этажа и стены срублены из громадных бревен векового леса, толщина которых, помню, поразила о[тца] Александра Гумилевского [1], когда он однажды ехал в одно время с нами на Валаам.

На Коневце нас знали так же хорошо, как и на Валааме, и отводили обыкновенно б[ольшие] хорошие номера. Вскоре на столе появлялся самоварчик и вкусный монастырский ужин, после кот[орого] мы обыкновенно ходили гулять в скит и к коню-камню, а иногда пили чай тотчас по приезде у о[тца] Израиля [2] (сделанного впоследствии архимандритом [3] и скончавш[егося] в глубокой старости). Это был простой, крайне добрый и приятный человек, ведший сам оч[ень] строгую жизнь и в то же время крайне снисходительный к другим. В его кельях на стенах помещалась целая коллекция различных картин, кот[орые] меня оч[ень] занимали. Над диваном висел портрет государя Александра II, а над другим б[ольшая] картина, – также масляными красками, – изображавшая бегство в Египет. Остальные картины были: виды монастырей, портреты митрополитов и пр.

Чай мы пили у него с монастырск[ой] булкой, оч[ень] вкусной, и беседа продолжалась около часа. Помню, как однажды я опрокинул свой чай со сливками и облил красную салфетку на столе, как мамаша послала меня просить прощения у о[тца] Израиля, кот[орый] на минуту вышел чем-то распорядиться. Увидав его в коридорчике выходящим из столовой, я повалился ему в ноги, как было приказано. Добрый старик страшно сконфузился и только забормотал: «Это уж по-Валаамски, это уж по-Валаамски».

Между коневск[ими] монахами бывали и разного рода искусники по части мелких резных и т. п. работ. Так, наприм[ер], явившись однажды к о[тцу] Израилю, мы увидели у него прекрасную модель ко-

---

[1] Александр Васильевич Гумилевский (1830–1869) – священник русской православной церкви, духовный публицист. Открыл одну из первых воскресных школ в Петербурге. В 1860–1863 годах возглавлял Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия. В 1869 году организовал приходское благотворительное общество.

[2] См. сн. 22.

[3] Отец Израиль был возведен в сан архимандрита в 1868 году.

рабля длиной аршина в полтора [1]. Каюты, трюм, мачты, такелаж и все малейшие детали были исполнены с изумительной точностью и изяществом. Подобная модель смело могла бы занять место в любом музее. Увидев, в какой восторг пришел я от этого корабля, добрый старик, недолго думая, тут же и подарил его мне. Радость моя не знала пределов! С торжеством и на удивление всей публике корабль был перенесен на «Walamo» (дело было уже на обратн[ом] пути в П[етер]б[ург]). По неск[олько] раз в час забегал я в каюту полюбоваться своим кораблем, носил его на палубу – показывать, и опять прятал в каюту. Наконец, мы приехали домой, корабль был установлен в моей детской и весь вечер я не отходил от него, не обращая даже внимания на живших у нас в детской двух черных котят, с кот[орыми] уже давно не видался. Наконец, мы с Раей [2] улеглись спать, оставив корабль на полу против моей постели. Увидев, что мы угомонились на своих постелях, котята решили, что теперь настала их очередь приниматься за новую игрушку. Особенно им понравилась оснастка, и импровизированные матросы вмиг взобрались по веревочн[ым] лестницам на мачты и вверху не преминули тотчас же устроить драку, от кот[орой] совершенно обезумели, и давай выделывать по снастям такие скачки, что шум на корабле заставил нас всех проснуться. Няня Федора прогнала котят в угол, в корзинку, но не успели мы заснуть, как коты уже снова были на корабле. На другое утро весь такелаж представлял самую печальную картину, точно после бури или отчаянного морского сражения. Мы кое-как привели его в порядок и с тех пор каждый раз помещали его на ночь уже на стол, на окно или вообще на какое-нибудь возвышение.

В другой раз папаша и мамаша, ездившие на Валаам без нас, привезли мне от о[тца] Израиля модель главн[ого] коневского двухэтажн[ого] храма [3]. Модель была ок[оло] 2 арш[ин] высотой и хотя была сработана не так изящно, как корабль, но поражала полнотой и правильностью всех своих деталей. Просунутая внутрь церкви, на длинном колышке, восковая свеча освещала в нижн[ем] этаже и чудотворный образ Коневской Божьей Матери, и серебр[яную] раку преп[одобного] Арсения, и оба придела со всеми образами в алтарях и по ико-

---

1 Аршин – 71,12 см.

2 Рая (Ираида) – старшая сестра И. Ф. Тюменева.

3 Собор Рождества Пресвятой Богородицы.

ностасу, перед каждой иконой стояло по подсвечнику со свечой и даже с язычком огня из фольги. Верхний этаж был выполнен не менее старательно. Особенно интересно было глядеть в церковн[ые] окна вечером, тогда внутренность ее, освещенная свечой, еще ярче выступала из темноты. Церковь эта просуществовала у нас еще долее корабля, возбуждая всеобщий восторг и удовольствие.

После чая мы (молодежь), как я уже сказал, ходили гулять по острову. Эта прогулка в сосновом лесу, в тихую, светлую, летнюю ночь была до того приятна, что Коневец с своими сравнительно скромными красотами природы был для меня несравненно симпатичнее Валаама, бесспорно красивого, но более холодного и неприветливого. Уже одно то, что здесь вместо крутых, неприступных скал почва всюду состояла из светлого, мелкого песка, кот[орый] мягким, ровным наклоном спускался к озеру, – сразу подкупало меня в пользу Коневца.

Как плавно катило озеро свои волны на гладкий ровный песок! Какие прекрасные камни отшлифовывались этим прибоем! Ни разу не возвращались мы с Коневца, не привозя с собою по крайней мере одной плетушки, наполненн[ой] этими причудливыми камешками, то в виде блинчиков, то пирожков, то имевшими форму грецких орехов, бисквита, шариков с различн[ыми] разноцветными жилками и т. п. Камни эти собирались на сев[ерном] берегу острова неподалеку от монастыря. Берег острова переходит мало по малу в длинную, узкую косу, кот[орая] тянется по направл[ению] к финск[ому] берегу озера (от Коневца до залива Сортан-Лахта, у русских «Чертова Лахта» [1] – версты 3, не более). Вдоль берега и на косе в двух или трех местах установлены б[ольшие] стойки для вытаскивания невода. Здесь ловится много рыбы.

Помню, как-то в сентябре, уже почти ночью, здесь была устроена для нас тоня [2], на кот[орую] приехал и о[тец] Израиль. С б[ольшим] интересом следил я за бросаньем невода из лодок, нетерпеливо ожидал результата и радовался удачному лову, хотя радость моя неск[олько] умерялась мыслью о предстоящей участи бедных рыбок, из кот[орых] некоторые, потерянные рыбаками, уже прыгали по песку, сверкая при свете фонарей серебр[яной] чешуей.

Собирая камни на берегу, мы изредка, соблазнившись прекрасным

[1] Ныне – бухта Владимирская.

[2] Тоня – место на водоеме, в котором ловят рыбу неводом.

песчаным [1] уклоном, раздевались и бежали купаться в озеро. В старом альбоме, подаренном мне Пав[лом] Ал[ексеевичем] [2], я, к величайшему удовольствию, нашел 2 вида Коневца, кот[орые] помещены в коллекции [3]. Сам же я в то время рисовать еще не умел.

Но обыкновенно прогулки наши сначала направлялись не туда, а в скит и к коню-камню, откуда мы уже б[о́льшей] част[ью] и возвращались вышеописанн[ым] бережком и сквозь лес прямо к монастырю, оставляя песчаную косу слева. Гулять нас обыкновенно отправлялось человека 4–5. Тут был я, Костя [4], Петр Ахапкин [5] и другой раз кто-нибудь из прикащиков, ездивших с нами помолиться.

Выйдя из гостиницы, мы огибали монастырь справа и, миновав тихое монаст[ырское] кладбище, выходили на скитскую дорогу, кот[орая] начинается тотчас за монастырем. В самом начале дороги, примыкая к монастырю, расположен скотный двор. Коровы здесь прекрасные, б[ольшей] ч[астью] комолой породы [6], что и подало повод к сочинению между богомольцами предания, будто бы преп[одобный] Арсений воспретил рогатым коровам жить на острове.

Дорога сразу вступает в свежий, ароматный сосновый лес, мирно дремлющий в летних, прозрачных сумерках. Дорога прямо, как стрела, направляется к скиту, кот[орый] уже виден в конце ее на [7] расстоянии не более полуверсты от монастыря. Охваченные мягким ароматом соснового леса, мы идем бодро и весело. Шутки и смех не прекращаются, у всех на душе как-то весело и отрадно. Направо, у самого края дороги, показался б[ольшой] дерев[янный] крест, обитый жестью, а за ним – могила генерала Манвелова [8], как гласит прибитая к памятнику над-

---

1 «Песчаным» вписано позже.

2 Павел Алексеевич Черкасов (1834–1900), художник, впоследствии близкий друг И. Ф. Тюменева.

3 Первоначально вместо «помещены в коллекции» была написана фраза: «здесь и прилагаю». Затем зачеркнута и исправлена.

4 Костя Гвоздев, приказчик в доме Тюменевых, друг детства И. Ф. Тюменева. Его мать, Прасковья Васильевна Гвоздева, была няней младшей сестры Тюменева Лизы.

5 Петр Ахапкин, приказчик в семье Тюменевых.

6 Комолость – безрогость.

7 В рукописи «в расстоянии».

8 Князь Николай Иванович Манвелов (1780–1856), много лет приезжал на остров Коневец, помогал обители. Умер в Петербурге, но завещал похоронить себя на Коневце.

пись [1]. Кто был этот генерал, мы доподлинно не знали, хотя могила его была нашей привычной станцией по пути в скит. Посидев здесь неск[олько] минут, мы отправлялись далее, и скит с каждым шагом все более и более вырастал перед нами. Наконец лес отступал, мы выходили на поляну, в конце которой высилась белая скитская стена и колокольня над воротами [2].

Здесь мы обыкновенно заходили в церковь. Глубокий полумрак царил в ней, и только две-три лампадки тускло теплились перед иконами. Старый монах читал псалтырь, поминая умерших. С историей одной из местных икон тесно связано воспоминание о кровавом набеге шведов на обитель в 16 или 17 стол[етии]. Таинственный сумрак, тишина, царствующая в храме, дребезжащий, старческ[ий] голос, монотонно читающий псалмы, и легенда о шведск[ом] погроме, дающая среди темноты полный простор фантазии, – все это неотразимо действовало на душу, и мы кажд[ый] раз выходили из церкви с глубоким, поэтическ[им], не передаваемым словами впечатлением.

Из скита мы шли к коню-камню и по дороге заходили в часовню, стоявшую вправо от скитской ограды. Часовня была дов[ольно] ветхая, по стенам в ней висели старинные образа, без киот, а сбоку находилось б[ольшое] дерев[янное] распятие. Не знаю, здесь ли, или на коне-камне (где в часовне также поставлен дерев[янный] крест) мы каждый раз обязательно отрезали по кусочку дерева. Кресту приписывалась лечебная сила от зубной боли, и низ его уже был порядочно изрезан богомольцами. Хотя я не помню, чтобы у нас тогда болели зубы, или чтобы мы лечились этими кусочками, но взять подобный кусочек в П[етер]бург считалось каждый раз священной обязанностью.

Спустившись по длинной лестнице, находящейся неподалеку за скитом, мы вступали в густую чащу леса, усыпанную громадными каменьями. По преданию, это все осколки коня-камня. Когда св[ятой] Арсений с крестным ходом пришел к коню-камню и стал кропить его святой водой, то гнездившиеся в камне бесы, вылетая из него, отрывали

---

[1] Надпись гласит: «Помяни меня, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем. Князь Николай Иванович Манвелов. Родился в 1780 г[оду], а скончался в 1856 году, 3 мая» (см. Успенская часовня (1899) // Коневский Рождество-Богородичный мужской монастырь: сайт монастыря. URL: https://konevets.ru/info/vidy/chasovnya-uspeniya/ (дата обращения: 10.05.2023).

[2] Казанский скит, построенный в 1796 году.

эти массивные глыбы, кот[орые], несясь по воздуху в различн[ых] направлениях, покрыли собой всю соседнюю местность.

Вдали уже мелькает ветхая, мал[енькая] часовенка, стоящая на скале, на высоте неск[ольких] сажен над землей. Скала эта и есть конь-камень. Мы невольно прибавляли шагу и через неск[олько] минут уже поднимались по крутой дерев[янной] лесенке в часовню. Поэтич[еское] чувство, навеянное скитом, еще более охватывало нас здесь, среди этой дикой природы, у подножия этого колосса, окруженного мирно дремлющими елями и соснами. Безмолвная скала, видавшая и языческ[ие] жертвоприношения, и подвиги святого бойца за веру Христову, и шведские полчища, и, быть может, еще много, много такого, особенно в древн[ие] языческие времена, – о чем до нас не дошло ни малейшего сведения, – именно этим своим безмолвием и таинственностью говорила воображению красноречивее всяких слов. Тишина и молчание окружавшей нас природы, как в зеркале, отражались в душе и наполняли ее величавой, торжественной поэзией, так бы, кажется, все и сидел тут, подле этого камня, и мечтал бы, мечтал без конца под обаянием его безмолвной речи и тишины окружающего леса.

В каких-нибудь 10 минутах ходьбы от коня-камня находился и наш любимый песчаный берег со своим мягким, плавным прибоем, со своими причудливыми камешками. Идя этим берегом, мы снова выходили через лес к монастырю и довольные, счастливые, полные самых приятных ощущений ложились спать.

Вот этими-то прогулками и дорог мне Коневец! Я всегда любил и теперь люблю его именно таким, каким являлся он мне в эти тихие, летние ночи. Люблю его окутанным этим таинственным, мягким полумраком, этой мирной, ночной тишиной, в глубине которой роятся такие милые, симпатичные образы. За поэзию ночи полюбил я этот остров, за то, что я на нем перечувствовал и ощутил в самой сокровенной глубине души своей, и мил он мне теперь, со своим отлогим песчаным берегом, со своим сосновым лесом, скитом и конем-камнем. Днем Коневец потерял бы для меня половину своей прелести.

На другой день, поднявшись часу в 7м утра, мы шли прямо к обедне, куда являлись обыкнов[енно] к концу. Папаша кажд[ый] раз давал мне 2–3 р[убля] на свечи. Свечи я, конечно, и ставил, но у свечника имелось и еще кое-что другое: образки, крестики, духовн[ые] книжки

с картинками, четки и пр. Поставив свечи, я не мог противустать [1] искушению и непременно каждый раз, выходя из церкви, уносил с собой на рубль или на полтора этих прекрасн[ых] вещиц, частью для раздачи в П[етер]б[урге] знакомым, частью же для украшения своей моленной и библиотеки.

После обедни о[тец] Израиль служил соборн[ый] водосвятн[ый] молебен с молитвой о путешествующих и кропил всех св[ятой] водой. Длинная вереница богомольцев чинно подходила ко кресту, затем тянулась к чудотв[орной] иконе Богоматери, потом обходила киот и прикладывалась к ее тыльной стороне, на кот[орой] был изображен нерукотв[орный] образ Спасителя, и затем проходила к серебр[яной] раке преп[одобного] Арсения. После службы мы обыкнов[енно] заходили пить чай к о[тцу] Израилю. Через полчаса на пароходе раздавался первый звонок, и мы присоединялись к толпе богомольцев, спешившей на пристань. Через неск[олько] минут мы уже смотрели, как матросы оттягивали на канате пароходную корму от пристани. Слышалась команда капитана, и пароход задним ходом тихо [2] отделялся от берега и лениво скользил по воде, точно не желая расстаться с симпатичн[ым] о[стро]вом, залитым лучами утренн[его] солнца.

Потом, сразу переменив ход, он решительным взмахом трогался вперед и начинал быстро удаляться не север, а мы долго еще следили с кормы, как исчезал вдали Коневец, обращаясь в узенькую темную полоску и наконец совсем скрывался из виду.

Здесь, в сущности, и оканчивалась для меня поэтическая сторона поездки: все, что было впереди, не представляло ничего особенно заманчивого; другое дело мамаша – для нее высшим наслаждением бывало свидание с Федей и беседы с о[тцом] Дамаскином [3], благодаря которым и самый Валаам приобретал в ее глазах особую, чарующую окраску. Для меня же Валаам, где мы живали по неделе, по две, не представлял ничего [ни] теплого, ни симпатичного. Во всем царил какой-то особый тягостный тон, дисциплина, все запрещено, все связано крепкими узами деспотич[еской] предусмотрительности о[тца] Дамаскина; во всем чувствуется его властная, строгая рука, везде неволя, всюду предписание:

---

1 Противустать (устар.) – оказать сопротивление, противостоять.

2 Слово «тихо» вписано позже.

3 См. сн. 26.

свобода на Валааме была словом, не имеющим никакого значения. На Валааме могут жить или фанатики, или люди, не далеко ушедшие от грубого полу-животного состояния, те, кот[орые] не живут, а прозябают, – все остальное здесь задыхается и должно бежать с острова, – да и б[ольшей] частью действит[ельно] и бежит, как убежит потом и Федя, но уже с подорванными силами, с испорченной жизнью.

«Летучий» с Коневца шел прямо на Валаам, «Walamo» же заходил в финский городок Кексгольм, пристань которого находилась близ устья небольшой, но глубокой речки (имени не помню [1]), верстах в 3 от Ладожского озера. Простонародье называет город попросту Кимзоль, а валаамск[ий] наместник, толстый о[тец] Виктор (о кот[ором] о[тец] Дамаскин говаривал: нашему наместнику Бог дал толстоты да и простоты), приноравливаясь к интеллигенции, называл его Кимзольмом.

Самый город наход[ится] от пристани приблизит[ельно] за версту и ждет того благослов[енного] времени, когда акрополь его соединится с Пиреем [2] сплошной застроенной улицей, покуда же размер города мало внушительный и дорога от пристани идет по скучной, ровной и песчаной местности. Пароход останавливается здесь часа на полтора и здешние чухны-извозчики в своих двухколесн[ых] таратайках возят любопытных путников в город, причем по дороге устраивается род состязания в скачках в перегонку. Дело иногда оканчивается тем, что кот[орый]-нибудь из соперников с лошадью, таратайкой и пассажиром летит в канаву. Несчастий, впрочем, больших не бывает. Турист, хватившись о землю затылком, грудью или коленом, выругает возницу, тот улыбнется, снова усадит его в таратайку и снова помчатся. Неделю у него еще поболит ушибленное место, а там – все пройдет и забудется.

В часовне, постр[оенной] у пристани [3], в это время служится молебен. Часовня хорошенькая, чистенькая. Для лиц же, кот[орые] не по-

---

[1] Кексгольм (ныне Приозерск) находится в устье реки Вуоксы.

[2] Возможно, в выражении «акрополь соединится с Пиреем» имеется в виду соединение центра города (каким является Акрополь для Афин) и пристани (Пирей – город, расположенный на берегу Эгейского моря).

[3] С появлением активного паломничества на Валаам рядом с пристанью в 1863 году была выстроена часовня. Туда перенесли икону «Похвала Богородице», созданную валаамскими иконописцами в 1757 году и особо почитаемую жителями Кексгольма. Часовню разобрали в 1936 году.

желают идти в часовню, и не интересуются осмотром [1] города, здесь имеется ресторан или, вернее, постоялый двор, в кот[ором] они могут отвести душу.

Но вот раздаются призывные звонки, и пароход, пройдя между вехами, обозначающими путь по реке, выходит в озеро.

Через час на горизонте появляется новая черная полоска – это Валаам. Полоска мало-помалу вырастает и обращается в группу о[стро]вов, но эти гранитные скалы, поросшие густым лесом, обдают сердце холодом, что-то угрюмое, неприветливое чуется в этих мрачных, косматых гигантах. Путей к самому монастырю два: один идет, как здесь говорят, проливами, и оч[ень] живописен, хотя неск[олько] однообразен. Начинается он у Никоновск[ого] пролива и между о[стро]вами выходит к Никольск[ому] скиту. Когда на пароходе едут щедрые до команды и капитана монаст[ырские] благодетели или высокопоставл[енные] особы, вроде архиереев и пр., то пароходы обыкнов[енно] из любезности идут проливами. Другой же, обыкновенный путь, огибает всю группу слева по озеру и входит с сев[еро]-зап[ада] к тому же Никольскому скиту, откуда уже недалеко до монастыря.

Никольский скит – это аванпост обители, это первая Валаамская постройка, кот[орую] видит путешественник, постройка действительно оч[ень] красивая и сразу подкупающая в пользу монастыря. Церковь построена по проекту известного архитектора Горностаева [2], она делает честь строителю. Помимо изящества линий, церковь интересна и по тонам: вся она сложена из кирпича и горит на солнце ярко-красным тоном, шатровая крыша белой жести, а маковка золоченая. Все это легко и весело поднимается вместе с гранитн[ым] островком из воды, и картина получается оч[ень] интересная.

Пароход вступает в узкий монаст[ырский] пролив; иногда он чуть не касается бортом гранитн[ых] утесов, покрытых лесом. На левой, монастырской, стороне медленно показывается красное, кирпичное здание водопровода, от кот[орого] каменная подземная галерея спускается к воде. В этом здании – не один только водопровод: здесь находятся и механические мастерские, и монаст[ырская] баня. Все это содержится в отличном порядке, – хозяйская рука Дамаскина видна по-

[1] Слово «осмотром» вписано позже.

[2] См. сн. 28.

всюду. Немного далее водопровода на берегу появляется дерев[янная] часовня Покрова Богоматери, и за нею начинается монаст[ырский] сад, над кот[орым], высоко на скале, поднимаются белые стены монастыря. Сделав в конце пролива полный оборот, причем по узкости места маневр совершается оч[ень] медленно и осторожно, пароход подходит к пристани. Здесь уже толпится десятка полтора монахов и душ 40–50 богомольцев. Все улыбаются, все оч[ень] веселы: в скучной валаамской жизни пароход, являющийся по субботам, – целое событие.

МЕРЗЛЯКОВА
Екатерина Борисовна

главный библиограф
Мурманской государственной
областной универсальной
научной библиотеки

ИСТОРИЯ СЕЛА КОВДА ПО МАТЕРИАЛАМ В ФОНДАХ МУРМАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Село Ковда – одно из старейших поморских поселений Беломорья. Оно расположилось на берегу губы Ковда Белого моря, у впадения в нее одноименной реки. Село входит в состав Зеленоборского муниципального округа Кандалакшского района Мурманской области, находится в 92 км от города Кандалакши. В основе топонима Ковда, по мнению языковеда-любителя Александра Алексеевича Минкина (1924–1995), [1] лежит саамское слово куовддо – центр.

Источники по истории Ковды в книжных коллекциях Мурманской государственной областной научной библиотеки разнообразны. Это документы органов власти, статистические материалы, научные и научно-популярные работы, мемуары, записки путешественников, которые выходили отдельными изданиями, были частично опубликованы в газетах и журналах, редких изданиях конца XIX – начала XX веков, исследованы в работах историков, краеведов, преподавателей вузов, мурманских писателей, журналистов.

---

[1] Минкин А. А. Топонимы Мурмана. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1976. С. 184.

Отдельные краеведческие издания из фондов областной научной библиотеки, посвященные истории Беломорья и кандалакшского Поморья, доступны в электронной библиотеке «Кольский Север» [1].

На строго документальной основе прослежена сложная история административно-территориального устройства Кандалакшского района в справочнике «Административно-территориальное деление Мурманской области (1920–1993 гг.)» [2], подготовленном Архивным отделом администрации Мурманской области, Государственным архивом Мурманской области. В очерке истории отражены изменения административного статуса Ковдской волости, в XVI–XIX веках входившей в состав Кольского уезда (с 1582 до 1858 года), затем Кемского уезда Архангельской губернии. С 1920 по 1938 год село Ковда входило в границы Карельской АССР, с 28 мая 1938 года – в составе Мурманской области.

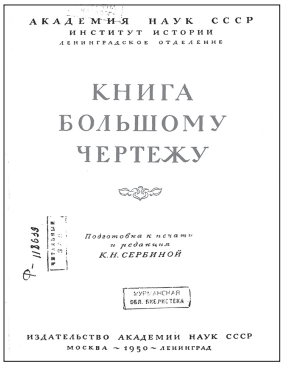
Первые упоминания Ковды в исторических документах связаны с продолжавшимся в XV веке освоением русскими Кольского полуострова и Беломорского побережья, когда здесь возникают новые селения, в их числе Ковда. В конце XV–XVIII веках в Ковдской волости монастыри приобретают соляные варницы, речные, озерные, сенокосные угодья. Множество документов исторического, административного и хозяйственного характера сохранялись в монастырских архивах. Имена жителей Ковдской волости, а также людей, имевших в этом районе хозяйственные угодья, упоминаются в документах, опубликованных в «Актах Соловецкого монастыря» [3]. Один из наиболее ранних юридических памятников – дарственная Соловецкому монастырю Ивана Степанова на угодья в Песьем наволоке (Ковдской волости) 1497/98 года. Основываясь на этих документах, в 1997 году в старинном поморском селе решено было отпраздновать 500-летие первого упоминания Ковды. Более поздние упоминания Ковды как по-

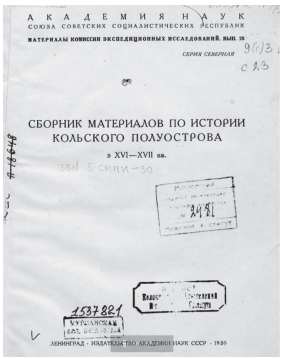
---

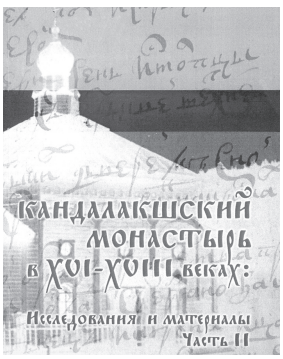
[1] «Кольский Север»: электронная библиотека / Мурм. гос. обл. универс. науч. б-ка. URL: http://kolanord.ru/ (дата обращения: 02.02.2023).

[2] Административно-территориальное деление Мурманской области (1920–1993 гг.) : справочник / Арх. отд. администрации Мурм. обл., Гос. арх. Мурм. обл. [Мурманск : б. и., 1996]. 275 с. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_Murman-kr-rossiyskiy/Admin-ter-delenie-Murmanskoj-oblasti_1996/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

[3] Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря, 1479–1571 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. 274 с.







госта в Соловецкой летописи связаны с «великим трясением земли» в 1542 году. Запись в Соловецкой летописи под 1589 годом свидетельствует о шведском вторжении в Русское Поморье, которое нанесло краю громадный урон: уничтожены монастыри на Печенге, в Кандалакше, нападением отряда «каянских немцев» (финнов) в сентябре 1589 года разорены волости Умба, Кереть, Кемь, Ковда, другие поморские селения.

Важнейший для историков памятник русской исторической географии XVI–XVII столетий «Книга Большому чертежу» [1] сохранил название – погост Ковда. «А от устье реки Нивы до усть реки Ковды морским берегом 70 верст. А на устье Ковды погост Ковда; а протоку Ковды реки 150 верст, течет из озера, вдоль озера 20 верст». В книге Евлампия Кирилловича Огородникова (1816–1884) «Мурманский и Терский берега по книге Большого чертежа» [2] читаем: «В волосте Ковде были промысловые угодья, принадлежавшие Печенгскому и Соловецкому монастырям, как о том упоминается в грамоте царя Федора Иоанновича в 1597 году в Кольский острог». Автор дает сведения о первоначальном населении края, о лопи и карелах, пользуясь описаниями монастырских актов и других исторических источников.

Ценные документы по истории нашего края, хранящиеся в Археографической комиссии Ака-

[1] Книга большому чертежу / подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной; Акад. наук СССР, Ин-т истории, Ленингр. отд-ние. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. 228 с.

[2] Огородников Е. К. Мурманский и Терский берега по Книге большого чертежа. Санкт-Петербург: Типография Майкова, 1869. 97 с. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_Osvoen-KS/OgorodnikovE_Murm-i-Terskiy-berega-po-knige-Boljshogo-chertezha/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

демии Наук и Московском древлехранилище, в том числе из архива Соловецкого монастыря, вошли в «Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв.» [1]. Это несколько копий с документов XVI–XVII веков, касающихся промыслов Соловецкого монастыря в Порьегубской, Ковдской, Керецкой, Варзужской и Умбской волости: списки грамот Кольским воеводам, росписи лопским погостам, переписные росписи Печенгского монастыря XVII века. Среди наиболее ранних документов – «данные» 1507–1514 годов Соловецкому монастырю на земельные участки в Ковдской волости.

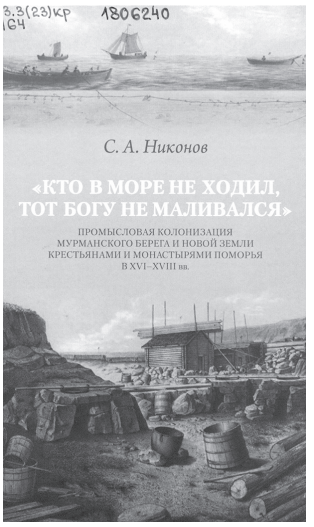
Важные источники по истории Кольского Севера хранятся в Российском государственном архиве древних актов. Это многочисленные статистические, учетные материалы, которые частично публиковались в различных сборниках, анализировались в работах историков. Чрезвычайно содержательными памятниками по истории Ковдской волости являются «Писцовая книга Алая Михалкова 1608–1611 гг.», а также «Книга Кольского острога таможенного десятинного и пошлинного сбору надзирателя холмогорца Якова Жеребцова с товарищи 1719 году», куда вошли записи волостных отделений Кольской таможни, в том числе Ковдского отделения. Обилие фактического материала о хозяйстве края, быте населения содержится в другом ценном источнике – «Описании Архангельской губернии» (закончено в 1786 году).

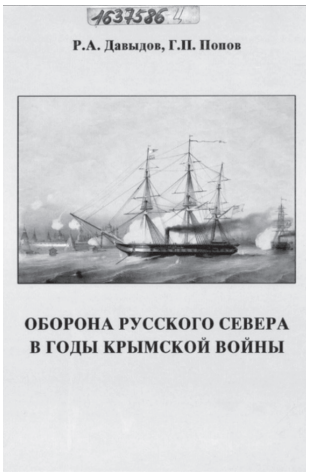
Эти документы рассматривает в своих работах доктор исторических наук, профессор Мурманского государственного педагогического института Иван Федорович Ушаков (1957–2002). Ученый поднял и систематизировал гигантский массив исторических сведений о Кольском крае за несколько веков. Обзору источников по истории Кольского Севера, в том числе Ковды, посвящена отдельная глава третьего тома трехтомника избранных произведений «Источниковедение истории Кольского Севера (конец XV – начало XX века)» [2].

---

[1] Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. / АН СССР. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1930. 191 с. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_Ist-osvoen-Arktiki/Sbornik-materialov-po-istorii-Koljskogo-poluostrova-XVI-XVIIvv_1930/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

[2] Ушаков И. Ф. Избранные произведения. В 3 тт. Т. 3. Кольская старина. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1998. С. 413–459. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/UshakovIF/UshakovIF_Izbrannje-proizvedeniya_1998_tom-3/414/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.





Делопроизводственная практика монастырей Русского Севера XVI–XVII веков оставила нам такой источник, как описи церковного имущества – переписные, а также вкладные книги, фиксировавшие пожертвования населения в монастыри. Сергеем Александровичем Никоновым, доктором исторических наук, доцентом кафедры истории и права Мурманского арктического государственного университета проведено первое целостное исследование и научная публикация переписных и вкладных книг Кандалакшского монастыря, сохранивших для нас имена жителей Ковды позднего средневековья. В работе «Переписные книги Кандалакшского монастыря и церкви Иоанна Предтечи села Кандалакша XVIII века» [1] опубликованы «Описи имущества церкви Иоанна Предтечи села Кандалакша и церкви Николы Чудотворца села Ковда. 1772–1842 гг.», подлинники которых находятся в фондах Мурманского областного краеведческого музея. Во втором томе двухтомника «Кандалакшский монастырь в XVI–XVIII вв.: исследования и материалы» историком опубликована «Вкладная книга Кандалакшского Пречистенского монастыря 1562/63–1687 гг.» [2], содержащая исследо-

[1] Никонов С. А. Переписные книги Кандалакшского монастыря и церкви Иоанна Предтечи села Кандалакша XVIII века / Мурм. аркт. гос. ун-т. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2019. 328 с. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/NikonovSA/Perepisnye-knigi-Prechistenskogo-monostyrya_2019/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

[2] Никонов С. А. Кандалакшский монастырь в XVI–XVII вв.: исследования и материалы. В 2 чч. Ч. 2. Вкладная книга Кандалакшского Пречистенского монастыря 1562/63–1687 гг. Мурманск: МГГУ, 2013. 207 с. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/NikonovSA/NikonovSA_Kandalaksh-monastir-v-XVI-XVIII-ch2/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

вание состава вкладчиков и археографическое описание вкладной книги, в том числе сведения о вкладчиках – ковдянах.

В 1785 – начале 1786 года была проведена масштабная перепись Архангельской губернии. В монографии А. С. Никонова о хозяйстве крестьянского и городского населения Поморья «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался: промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв.» [1] на основе документов XVII–XVIII веков исследована занятость населения поморских волостей Кольского уезда в мурманском промысле. Автором были использованы документы подворной переписи 1785 года по Кольскому уезду и входившей в него Ковдской волости.

Среди жителей Ковды, участвовавших в рыбных промыслах на Мурманском берегу, был организатор своего промысла зажиточный крестьянин Григорий Миронов. Еще в начале XVIII века выходцы из крестьян села Ковда братья Мироновы: Григорий, Ермолай, Федор и Прокопий, их племянники Василий и Лука, сын Прокопия Степан, становятся крупными торговцами и главенствуют в торговле и на промыслах на Мурмане, торгуют от Северной Норвегии и до Москвы. На 1704 год Григорий Миронов был избран земским бурмистром и вступил в борьбу с царским стольником – кольским воеводой Дмитрием Ивановичем Унковским. Своекорыстие и произвол этого воеводы подрывало торгово-промышленную жизнь Мурмана, разоряло рыбаков, торговцев и вызывало недовольство предприимчивых людей, оппозицию которых и возглавил Григорий Миронов [2].

На ковдян в XVI–XVIII веках была возложена подводная повинность: обязанность предоставлять для государевых посыльных людей, направлявшихся по ямскому пути от Кандалакши до Колы, средства передвижения (зимой и ранней весной – оленей, весной и летом – суда с гребцами), с Ковды начинался путь рыбаков на мурманские тре-

[1] Никонов С. А. Кто в море не ходил, тот Богу не маливался: промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020. 496 с. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/NikonovSA/NikonovSA_Kto-v-more-nehodil_2020/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

[2] Ушаков И. Ф. Избранные произведения. В 3 тт. Т. 3. Кольская старина. С. 73–145. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/UshakovIF/UshakovIF_Izbrannje-proizvedeniya_1998_tom-3/76/index.html) (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

сковые промыслы. Краткий экскурс в историю ямской повинности на Кольском Севере по сохранившимся источникам (царские грамоты кольским воеводам, челобитные ковдских крестьян) приводит С. А. Никонов в первом томе двухтомника «Кандалакшский монастырь в XVI–XVIII вв.: исследования и материалы» [1].

С XVIII века главным занятием ковдян становится лов сельди. В конце XIX века из селений Кандалакшско-Ковдского побережья вывозилось на рынок более 100 тысяч бочонков сельди. В Кандалакше сельдяной промысел давал около 85 процентов общего дохода крестьян. Обстоятельное исследование сельдяных промыслов в селениях северо-западного Беломорья «Рыбный промысел в с. Ковда и соседних селениях на берегу Кандалакшской губы» [2] сделал Василий Евгеньевич Розов (1877–1943) – зоолог Юрьевского (Тартуского) университета, участник научно-исследовательских экспедиций в Ковдской губе Белого моря. В 1908 и 1911 годах он работал на Ковдской биологической станции.

Сведения об участии жителей Ковды в рыбных промыслах на Мурманском берегу в конце XIX – начале XX века содержит значительное статистическое исследование мурманских рыбных промыслов, которое было проведено в 1899–1902 годах под руководством экономиста, статистика Николая Васильевича Романова (1864–1916) по заданию Комитета для помощи поморам Русского Севера. Материалы были опубликованы в 4-х томах, они содержат сведения о беломорских промыслах и Ковде [3].

Драматическую страницу в истории Ковды в годы Крымской войны 1853–1856 годов представляют ранее не публиковавшиеся документы

---

[1] Никонов С. А. Кандалакшский монастырь в XVI–XVIII вв.: исследования и материалы. В 2 чч. Ч. 1. Очерки истории. Мурманск: МГГУ, 2011. С. 162–164. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/NikonovSA/NikonovSA_Kandalaksh-monastir-v-XVI-XVIII_ch1/164/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

[2] Материалы к познанию рыболовства в России / ГУЗ и З, Департамент земледелия. Санкт-Петербург: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1913. Т. 2, вып. 1. С. 53–87.

[3] Статистическое исследование Мурмана: в 4 томах / Ком. Для помощи поморам Рус. Севера. Санкт-Петербург: Типография Исидора Гольдберга,1902–1904. 4 т. Электрон. копии печ. изд. URL: http://kolanord.ru/index.php/oswoenie-kolskogo-sewera/kolonizatsiya-murmanskogo-berega?start=54 (дата обращения: 02.02.2023). Доступны на сайте kolanord.ru.

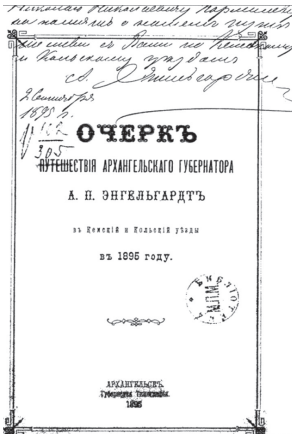
из Государственного архива Архангельской области и Российского государственного архива Военно-морского флота. Они представлены в книге «Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: хроника событий» [1]. Авторы – почетный доктор Поморского государственного университета Геннадий Павлович Попов (1928–2019) и кандидат исторических наук Руслан Александрович Давыдов (1972). В издании помещены официальные письма, рапорты архангельскому гражданскому и военному губернаторам о действиях английских и французских военных судов в Белом море и по всему морскому побережью в течение двух навигаций 1854 и 1855 годов, в том числе о высадке английского десанта в Ковде 22 августа (3 июля) 1854 года, о героическом сопротивлении населения неприятелю.

В конце XIX – начале XX века село Ковда становится центром лесопильной промышленности Кольского края и довольно крупным портом, на рейд которого заходили торговые пароходы со всего Беломорья и из скандинавских стран. На побережье имелся строевой лес, а прибрежье здесь достаточно глубоководно и защищено от ветров. На островах в губе Ковда были организованы несколько лесопильных заводов. Первый, принадлежавший Николаю Ивановичу Русанову, начали строить под руководством инженера Шаврина в 1890 году на острове Березовом, в трех километрах от села Ковда; на островах Еловом и Засеченном – завод К. Нюландера. При построенном на острове Овечьем заводе К. А. Стюарта (с 1906 по 1917 годы принадлежал А. Бергрену) возник поселок Лесозаводский, а сам завод продолжал работу до 90-х годов XX века. Продолжает свою работу и организованная в 1896 году в Ковде в трех верстах от села на острове Березовый гидрометеостанция – на сегодня это самая южная труднодоступная метеостанция в Мурманской области.

Работа Ковдских заводов подробно освещена в книгах профессора И. Ф. Ушакова [2], кандалакшского краеведа, журналиста Ефима Федото-

[1] Давыдов Р. А. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: хроника событий. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 173 с. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/DavydovRA/Davydov_RA_Oborona-russkogo-Severa-v-gody-Krymskoj-vojny_2005/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

[2] Ушаков И. Ф. Кольская земля. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1972. С. 423–426. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/UshakovIF/UshakovIF_Koljskaya-zemlya_1972/426/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.


ОЧЕРКЪ
ПУТЕШЕСТВІЯ АРХАНГЕЛЬСКАГО ГУБЕРНАТОРА
А. П. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ
въ Кемскій и Кольскій уѣзды
въ 1895 году.
АРХАНГЕЛЬСКЪ.
1895

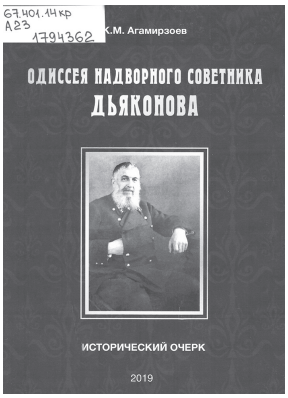
вича Разина (1927–2006) [1], ковдинского краеведа Анатолия Ильича Патракова (ум. 2008) [2]. Архангельский губернатор Александр Платонович Энгельгардт (1845–1903), объезжая побережье Кандалакшского залива Белого моря для ознакомления с условиями строительства Мурманской телеграфной линии, писал о своих впечатлениях в «Очерке путешествия архангельского губернатора А. П. Энгельгардт в Кемский и Кольский уезды в 1895 году»: «На следующее утро мы прибыли в Ковду, к пристани лесопильнаго завода… У берегов стоял целый ряд иностранных судов, разцветившихся флагами по случаю нашего прибытия. Пустынная несколько лет тому назад местность, благодаря выстроенному заводу, оживилась. Завод снабжен всеми новейшими усовершенствованными машинами и освещается, как впрочем и все лесопильные заводы в Архангельской губ., электричеством. В расположении и солидной постройке заводских зданий, помещений для служащих и рабочих, виден общий порядок и особенные заботы владельца об удобствах для служащих и рабочих» [3].

Уже в 1900 году по количеству перевезенных грузов Ковдский порт среди беломорских портов занял второе место после Архангельска. 23 апреля (6 мая по новому стилю) 1893 года постановлением Государственного совета Российской империи на южном берегу Кандалакшской губы Белого моря в селе Ковда была учреждена таможенная застава Архангельской таможни. Первое упоминание о Ковдинской таможне в структуре Кольской таможни относится к 1719 году согласно «Книге Кольского острога таможенного десятинного и пошлинного сбору надзирателя холмогорца Якова Жеребцова с товарищи

[1] Разин Ефим Федотович //Кольский Север: электронная библиотека. URL: http://kolanord.ru/index.php/autors/r/razin-ef (дата обращения: 02.02.2023).

[2] Патраков А. И. История Ковдского лесозавода и поселка Лесозаводский за 100 лет. [Б. м.: б. и.]., 1999. 289 с.

[3] Энгельгардт А. П. Очерк путешествия архангельского губернатора А. П. Энгельгардт в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск: Губернская типография, 1895. 128 с. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_Kola/EngeljgardAP_Kratkij-ocherk-puteshestvij-arhangeljskogo-gube/34/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.



1719 году». Бурный рост лесопильного производства, экспорт древесины, военных грузов с началом Первой мировой войны вызвали необходимость усилить таможенный надзор в Кандалакшском заливе.

Очерк Карена Михайловича Агамирзоева «Одиссея надворного советника Дьяконова» [1] рассказывает о вкладе в развитие таможенной службы в Карельском Поморье и на Мурмане в 1890-х–1920-х годах беломорского таможенника Константина Аверкиевича Дьяконова, об истории села Ковда, а также об участниках экспедиций на первую в Российской империи морскую биологическую станцию в Ковде, организованную Обществом естествоиспытателей при Юрьевском (Тартуском) университете под руководством зоолога, профессора Юрьевского университета Константина Карловича Сент-Илера (1866–1941) [2]. Биологическая станция в Ковде функционировала с 1908 года. В последующем перешла к Воронежскому университету и действовала до 1940 года.

Ковдинская таможня была ликвидирована в 1926 году. В связи со строительством Мурманской железной дороги и увеличением значения Кандалакшского и Мурманского портов Ковда потеряла свое промышленное транзитное значение. Работа таможенной службы в Ковде по контролю вывозимого за границу леса была возложена на Мурманскую таможню и осуществлялась вплоть до девяностых годов XX века.

События революционных лет начала XX века на Кольском Севере отражают документы в сборнике «Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане» [3]. Значительную группу материалов

---

[1] Агамирзоев К. М. Одиссея надворного советника Дьяконова. Костомукша: Костомукша-Медиа, 2019. 99 с.

[2] Сент-Илер К. 26 лет исследования Ковды: электрон. копия ст. // Карело-Мурманский край. 1935. № 8–9. С. 62. URL: http://kolanord.ru/html_public/periodika/Karelo-Murmanskiy_kray/Karelo-Murmanskiy_Kray_1935_N8/62/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

[3] Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: сборник документов и материалов /Партийн. арх. Мурм. обкома КПСС, Архив. отд. УВД Мурм. облисполкома, Гос. арх. Мурм. обл. Мурманское книжное издательство, 1960. XXIII, 492 с. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_Murman-kr-rossiyskiy/Borjba-na-Murmane_1960/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

сборника составляют впервые опубликованные протоколы, обращения, решения команд и экипажей военных судов Центрального комитета Мурманской флотилии, военных частей, рабочих Мурманской железной дороги, а также профсоюзных организаций лесопильных заводов Ковды за период с марта 1917 по май 1920 года.

О работе Ковдского леспромхоза, береговом промысле сельди в Ковде в 1920–1930-е годы, когда село входило в границы Карельской АССР, рассказывает журнал «Карело-Мурманский край: краеведческий, общественно-экономический, иллюстрированный журнал» (1926–1935) [1], который издавал Совнарком КАССР и правление Мурманской железной дороги. Выходил также под названиями «Вестник Мурмана» (1923), «Вестник Карело-Мурманского края» (с 1924 по октябрь 1926 года). В журнале освещались проблемы изучения и использования природных богатств, лесные, рыбные и пушные промыслы, водные силы, экономическое и культурное строительство Карелии и Мурмана, проблемы транспортной колонизации. Село и река Ковда часто упоминаются в нем в связи с развитием гидроэнергетического строительства, лесопроизводства, рыбного промысла.

Ценный пласт источников, содержащих сведения по истории Ковды – это записки о путешествиях на Кольский Север, в Беломорье, мемуары, сочинения иностранцев, личные фонды, изобразительные источники, публикации в периодике.

«Сообщение о земле Лопии» побывавшего в Поморье в 1567 году голландского купца Симона ван Салингена как один из наиболее ранних исторических источников рассмотрен в работах профессора И. Ф. Ушакова [2]. В своих записках, изданных в Германии в 1773 году и впервые опубликованных в России в 1901 году [3], Салинген приводит

---

[1] Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/index.php/periodika/zhurnaly/574-karelo-murmanskij-kraj (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

[2] Ушаков И. Ф. Голоса истории // Мурманский вестник. 1994. 19 февр.

[3] Русские в Лапландии в XVI веке: донесение Симона-ван-Салингена 1591 года / пер. с нем. и снабдил примеч. действ. чл. Рус. геогр. о-ва А. М. Филиппов // Литературный вестник. 1901. Т. 1, кн. 3. С. 295–311.

рассказ местных старожилов о том, что в давние времена (в 1496 году) в Белое море явилось около 300 шведских судов, чтобы установить господство над Карелией. Навстречу им двинулась русская флотилия. «Шведы, – сообщает Салинген, – дали большое сражение... в заливе между Ковдой и Кандалакшей» и были разбиты русскими князьями. Этот источник сведений о Ковде также подробно проанализирован в книге Е. Ф. Разина «Кандалакша: азбука истории» [1].

Описания села, гидрографическое описание залива и реки Ковды было составлено в результате гидрографических экспедиций 1826–1832 годов под руководством исследователя Белого и Баренцева морей Михаила Францевича Рейнеке (1801–1859) [2]. Характеристику села оставил в дневниковых записях 1836–1837 годов путешествовавший по Кольскому полуострову Элиас Леннрот (1802–1884), финский фольклорист и лингвист, собиратель рун карело-финского эпоса «Калевала» [3]. Книга русского этнографа-беллетриста Сергея Васильевича Максимова (1831–1901) «Год на Севере» о поездке в 1856 году в Колу, на Терский и Кандалакшский берег Белого моря, на Соловецкие острова описывает их природные особенности, экономическую жизнь, быт поморского населения [4]. Глава «Корельский берег» содержит его впечатления от посещения Ковды.

Воспоминания о Ковде старожилов села конца XIX – начала XX веков Лидии Михайловны Климентьевой, Клавдии Демьяновны Чал-

---

[1] Разин Е. Ф. Кандалакша: азбука истории. Апатиты: Полиграф, 2001. С. 109–114. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/RazinEF/RazinEF_Kandalaksha-Azbuka-istorii_2001/110/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

[2] Рейнеке М. Ф. Гидрографическое описание северного берега России. В 2 чч. Ч. 1. Белое море / сост. кап.-лейт. М. Рейнеке в 1833 году. Санкт-Петербург: Типография Морского ведомства, 1883. С. 319–324. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_Issled/ReynekeMF_Gidrograf-opisan-sev-berega-Rossii_Ch1_1883/404/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

[3] Леннрот Э. Седьмое путешествие. 1836–1837 гг. // Путешествия Элиаса Леннрота: путевые заметки, дневники, письма, 1828–1842. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 251–272.

[4] Максимов С. В. Год на Севере С. Максимова. В 2 тт. Т. 1. Белое море и его прибрежья. Санкт-Петербург: Издание книгопродавца Д. Е. Кожанчикова, 1859. С. 250–303. Электрон. копия печ. изд. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_Kol-saamy/MaksimovS_God-na-Severe_1859/250/index.html (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

К статье С.А.Романовой
Иконы Свято-Никольской церкви села Ковда

Иконы "Богоматерь Казанская" и "Св. Николай Чудотворец" до и после реставрации

Спас Благое Молчание

Праздники

Собор Архангела Михаила. Деталь Царских врат

Преподобные Варлаам Керетский и Трифон Печенгский

ковой, Матвея Ефремовича Ильина опубликованы в выпуске «Соловецкий сборник: материалы и исследования» [1] Николаем Ивановичем Шиловым, в 1969–1979 годах – старшим научным сотрудником Соловецкого музея-заповедника.

Личный архив жительницы Кандалакши Валентины Ивановны Коневой, в котором содержатся документы 1829–2015 годов по истории села Ковда и Никольской церкви, проанализирован в статье Якова Валерьевича Обухова, аспиранта Кольского научного центра РАН [2]. Многие документы архива ранее не были рассмотрены исследователями. В составе архива копии документов 1829–1992 годов из Мурманского и Архангельского государственных архивов, материалы СМИ, содержащие упоминания о церкви в Ковде начиная с 1940 года, о Ковдском приходе в 1920-х годах, воспоминания жителей села, записанные самой В. И. Коневой, а также фотоматериалы, среди которых копии и оригиналы редких кадров, относящихся к середине и началу XX века.

В 1950–1960-х годах на реке Ковде был построен каскад Ковдинских ГЭС. Нивский и Ковдинский каскады ГЭС обладают максимальными

---

[1] Шилов Н. И. Дневник экспедиции СГИАПМЗ в Карельскую АССР и Мурманскую область в июле-августе 1975 года // Соловецкий сборник: материалы и исследования / Соловец. гос. ист.-архитектур. и природ. музей-заповедник. 2011. Вып. 7. С. 104–149.

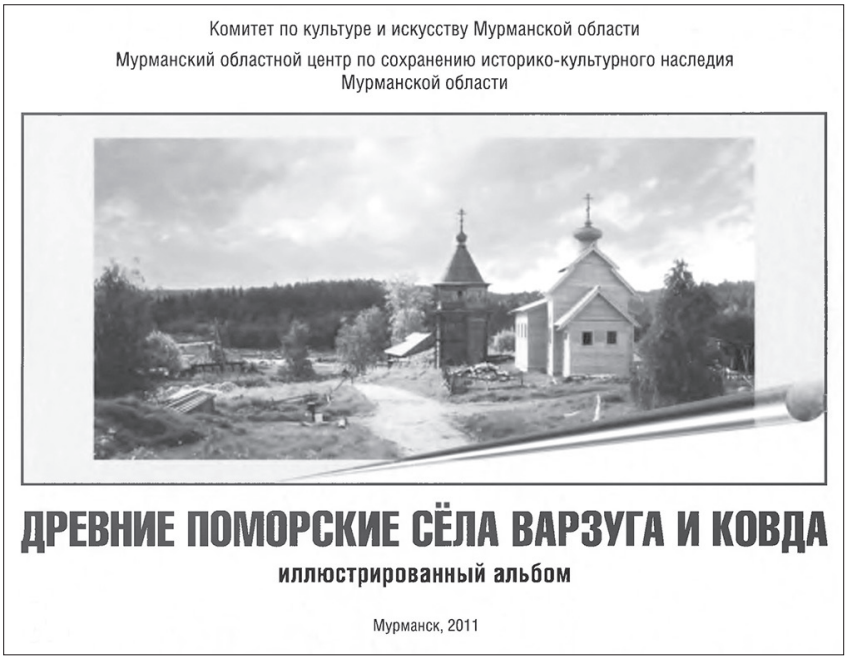
[2] Обухов Я. В. Личный архив как важнейший источник исторических данных. История Никольской церкви с. Ковда по данным личного архива В. И. Коневой: электрон. копия ст. // Труды Кольского научного центра. Серия «Гуманитарные исследования». 2015. 7 (33), вып. 8. С. 183–189. URL: http://kolanord.ru/html_public/periodika/Trudy-KNC/2015/Trudy_KNC_Vyp33_2015_%E2%84%967_Gum-issled_vyp8/184/index.html (дата обращения: 02.02.2023).

аккумулирующими возможностями по объему воды, станции каскада производят более трети всей электроэнергии, используемой в Мурманской области. В то же время строительство ГЭС сделало невозможным проход семги в реку Ковду на нерест. Резкое сокращение лесопроизводства, рыбного промысла вызвало массовый отъезд местных жителей из Ковды.

В селе сохранилась деревянная Никольская церковь – памятник русского деревянного зодчества. Церкви в честь святого Николая Мирликийского, покровителя мореходов и рыбаков, строились в Поморье повсеместно. В ансамбль храмового комплекса входит шатровая колокольня и ограда. Упоминания о древней одноименной церкви, на месте которой она стоит, относятся к началу XVI века. После сожжения шведским отрядом в сентябре 1589 года была возобновлена шатровая церковь. На месте сгоревшей вновь построена в 1651 году. В 1705 году построена шатровая колокольня. В 1845 году открыт самостоятельный Ковдский приход. С 1852 года священником Ковдского прихода являлся Николай Иванович Шмаков (1829–1902), окончивший по первому разряду Архангельскую духовную семинарию и прослуживший в Ковде более 23 лет, отец видного ученого, доктора медицины Ивана Шмакова (1869–1939), уроженца села Ковда. В 1894 году И. Н. Шмаков окончил медицинский факультет Томского университета и стал кольским уездным врачом (до 1898 года), изучал антропологию лопарей. Его диссертация «Материалы для антропологии русских лопарей: опыт этнографического и медико-антропологического исследования» (Санкт-Петербург, 1909) – первая исследовательская работа на степень доктора медицины, которую защитил уроженец Ковды.

Никольская церковь была закрыта одной из последних в Мурманской области в 1959 году. После ареста священника Александра Красильникова в 1933 году службы в ней возобновились в 1947 и проходили до 1959 года, когда настоятелем Свято-Никольской церкви в Ковде был протоиерей Илия Васильевич Кутузов (1903–1968) [1]. Религиозная обстановка и положение Русской Православной церкви в Кандалакшском районе и Ковде в советский период прослежены в работах кандидата

[1] Вольский В. Протоиерей-исповедник Илия Кутузов (1903–1968): электронная копия статьи // Миссионерская православная газета. 2014. № 2. С. 6–7. URL: https://vivaldi.mgounb.ru/stat%60qi/pravoslavna%60ya_gazeta_-_2014_02_-_%E2%84%962_s6.pdf/view/ (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте МГОУНБ: электрон. каталог.



исторических наук Оксаны Викторовны Грашевской и кандидата исторических наук Юлии Петровны Бардилевой [1].

Постановлением Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327 Никольская церковь признана памятником истории и культуры. В 1960-х годах в мурманской печати выходят статьи о необходимости беречь такие памятники, как Никольская церковь в Ковде [2]. Уже в 1961–1966 годах иконы Ковдской церкви реставрировались специалистами Русского музея в Ленинграде. Искусствоведы отмечали высокие художественные достоинства иконы «Никола с житием», написанной на сосновой доске размером 89х69 сантиметров в XVI веке [3].

Уточнению судьбы икон Свято-Никольской церкви и истории их бытования посвящена статья Светланы Анатольевны Романовой в сборнике докладов XXXV областной краеведческой научно-практической

---

1 Бардилева Юлия Петровна // Кольский Север: электронная библиотека. URL: http://kolanord.ru/index.php/autors/b/bardileva-yup (дата обращения: 02.02.2023).

2 Ушаков И. Ф. Сохраним памятники старины // Полярная правда. 1966. 12 янв.

3 Ушаков И. Ф. Мир иконы // Мурманский вестник. 1994. 28 мая.

конференции «Кольское Заполярье: от прошлого до наших дней» [1]. Сегодня иконы из Ковды хранятся в фондах Мурманского областного художественного музея, в церкви Иоанна Предтечи Кандалакши, в музее изобразительных искусств Республики Карелия, Государственном Русском музее и Мурманской епархии. После передачи Свято-Никольского церкви Архангельской и Мурманской епархии первая литургия в храме была отслужена 28 июня 2012 года.

История Ковдского храма и его святынь, реставрационные работы и обнаружение массового захоронения детей под алтарем Никольской церкви, найденного в результате реставрационных работ, широко освещались в мурманской периодике в 1990–2000-х годах, в том числе в циклах статей профессора И. Ф. Ушакова «Церковь на Кольском Севере» («Мурманский вестник», 1993–1994), «Мир иконы» («Мурманский вестник», 1994), «Храмы Кольского Севера» («Мурманский вестник», 1995) [2].

---

[1] Романова С. А. Иконы Свято-Никольской церкви села Ковда // Кольское Заполярье: от прошлого до наших дней: к 70-летию образования Мурманской области / Мурм. обл. краевед. музей. Мурманск, 2008. С. 64–65.

[2] Ушаков И. Ф. Храмы Кольского Севера. II. Церкви. 6. Ковда: электронная копия статьи // Мурманский вестник. 1995. 16 нояб. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/UshakovIF/UshakovIF_Cerkovj-na-Koljskom-Severe_2022/54/index.html#zoom=z (дата обращения: 02.02.2023). Доступна на сайте kolanord.ru.

О том, что представляет собой село Ковда в XXI веке, об особенностях его застройки, объектах культурного наследия села, Свято-Никольском храме рассказывает иллюстрированный альбом «Древние села Варзуга и Ковда» [1], изданный Мурманским областным центром по сохранению историко-культурного наследия Мурманской области. В настоящее время село делится на три части. Старая Ковда – изначальное место заселения с рядами домов вдоль берега, здесь же расположен храмовый комплекс Никольской церкви. Новая Ковда, которая стала застраиваться после пожара 1904 года. Третья часть – Запань, расположена на противоположной стороне залива. Во время весенних паводков и сброса больших объемов воды на всех каскадах гидростанций размывает единственный подъездной путь к селу по насыпной дамбе, и Ковда оказывается на несколько недель отрезанной от большой земли. В селе около 130 домов, постоянно проживают здесь несколько десятков человек, и только летом Ковда заполняется дачниками. Древнее село за полтысячи лет своего существования видело многое, переживало расцвет и запустение, нашествия врагов, победы военные и трудовые и теперь стало местом мирного отдыха.

[1] Древние поморские села Варзуга и Ковда: иллюстрированный альбом / Ком. по культуре и искусству Мурм. обл., Мурм. обл. центр по сохранению ист.-культур. наследия Мурм. обл. [2-е изд., испр. и доп.]. Мурманск: Мурманский областной центр по сохранению историко-культурного наследия Мурманской области, 2013. 63 с.

БОБРОВ
Кирилл Анатольевич

ВОДОПЬЯНОВА
Светлана Олеговна

ЧЕРЕПИЧНЫЕ КРЫШИ МУРМАНА

В Мурманской области среди кровельных материалов черепица встречается реже всего. Авторы задались вопросом: почему огнестойкий материал не получил широкого распространения на севере? Существовало ли местное производство черепицы в Заполярье? На какие годы приходится пик ее популярности? Материалом для исследования стали архивные документы, фотографии, газетные статьи, редкие экземпляры черепицы, сохранившиеся на территории Мурманской области.

Первое упоминание о черепице на Кольском севере связано с землетрясением, которое произошло 18 (7 февраля) февраля 1772 г. В рапорте Кольской воеводской канцелярии, составленном для губернатора Архангельской губернии Е. А. Головцына, содержится описание события: «… в окрестностях г. Кола было землетрясение с севера на юг, продолжавшееся минуту; многие здания поколебались и черепицы попадали с крыш. Землетрясению предшествовал подземный шум, как бы от телеги, едущей по каменной мостовой. Погода стояла пасмурная с грозовыми облаками; во время землетрясения выпал снег и поднялся сильный ветер…» [1]. Использование поморами глиняной черепицы в эти годы маловероятно. Речь идет о дранке – названной в рапорте на европейский манер «черепицей». Она издавна использовалась для кровли

[1] Государственный архив Архангельской области. Ф. 1.Оп 1. Т. 5.

домов. От лемеха отличалась формой и способом изготовления. Древесину для щепы прямоугольной формы не распиливали, а раскалывали топором, дранка получалась долговечной, устойчивой к природным осадкам. Северные соседи (норвежцы и шведы) так же использовали для покрытия крыш гонт (черепицу из дерева). Веками дранка была самым дешевым кровельным материалом и использовалась на Мурмане до середины XX века.

Первые каменные крыши на Кольском севере появились в конце 1920-х гг. Строящийся Мурманск был сплошь заставлен деревянными домами. Остро стоял вопрос защиты города от пожаров. По представлению архитекторов, крыши из черепицы могли значительно повысить огнестойкость деревянных строений. В марте 1927 г. на VII Губернском съезде впервые говорится о необходимости организации черепичного производства [1]. В том же месяце было создано товарищество с ограниченной ответственностью «Мурманское товарищество огнестойкого строительства» [2]. Из устава Товарищества: «Цель – производство и распространение огнестойкой продукции. Распространяет свою деятельность на Мурманскую губернию и находится в г. Мурманске. Членами могут быть государственные предприятия и учреждения, кредитные товарищества, акционерные общества и частные объединения» [3].

Создание Товарищества всего на пару месяцев опередило положение Совета народных комиссаров РСФСР «Об органах государственного пожарного надзора в РСФСР» (от 18 июля 1927 г.) и постановление экономического совещания РСФСР «Об утверждении положения о специальном капитале сельскохозяйственного банка РСФСР для кредитования огнестойкого строительства в сельской местности» [4] (от 16 июня 1927 г.). В последнем дано понятие огнестойкого строения: это здание из кирпича, самана, песчано-известковой смеси, с глинобитными или глиносоломенными стенами; деревянное, если оно оштукатурено глиной, известкой или обложено кирпичом, и главное – под огнестойкой кровлей. Банк планировал кредитовать возведение

---

1 Прения по докладу Губземуправления // Полярная Правда. 1927. 3 март. С. 2.

2 Государственный архив Мурманской области. Ф.Р-94. Оп. 1. Д. 134. Л. 4–10.

3 Государственный архив Мурманской области. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 134. Л. 4–10.

4 Государственный архив Мурманской области. Ф. Р-94. Оп.1. Д. 134. Л. 53.

Седьмой Губернский С'езд

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ ГУБЗЕМУПРАВЛЕНИЯ

1. Прения по докладу Губземуправления. Полярная Правда. 1927. 3 марта. С. 2

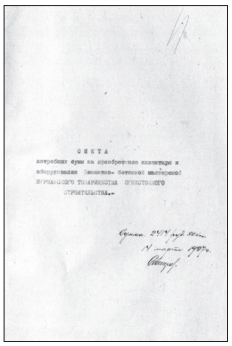
этих строений и устройство огнестойких крыш из черепицы, шифера и др. материалов [1].

Строительство завода велось на деньги пайщиков и заемных средств. Его началу предшествовали лабораторные исследования черепицы. Приборы и реактивы приобретались в Государственном сельскохозяйственном институте мелиорации, консультировали северян специалисты опытно-исследовательской мастерской огнестойкого строительства [2]. Из практических соображений выбор пал на производство цементно-песчаной черепицы. Для глиняной не были разведаны месторождения глины, требовались дорогостоящее оборудование и большой запас дров для обжига. Дерево же шло на строительство жилых домов и предприятий. Организация завода для цементной черепицы в разы была дешевле и проще. Помимо черепицы планировался выпуск карнизов, нолевых камней, труб, печных колен, кирпичей. «В громадном своем большинстве мурманские здания имеют цоколем бутовую кладку из дикого камня, в смысле архитектуры представляет собой примитив. Мастерская станет производить специальные цокольные камни. Продукция важна для Мурманска и периферии. Первая по прочности и красоте, гарантирует Мурманск без пожаров, имеет рынок сбыта» [3]. В списке оборудования – 2 станка для выработки цементно-песчаной черепицы, 500 железных шаблонов, 3 формы для че-

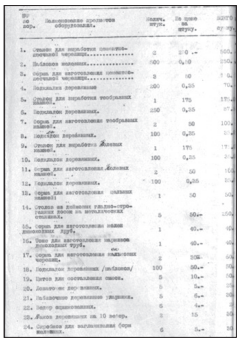
1 Государственный архив Мурманской области. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 134. Л. 48.

2 Государственный архив Мурманской области. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 134. Л. 1.

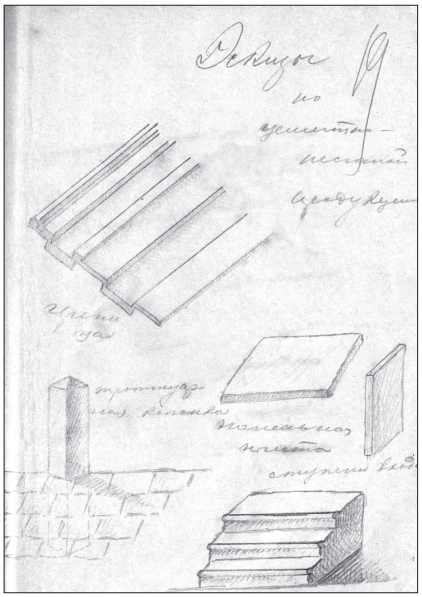
3 Государственный архив Мурманской области. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 134. Л. 34.



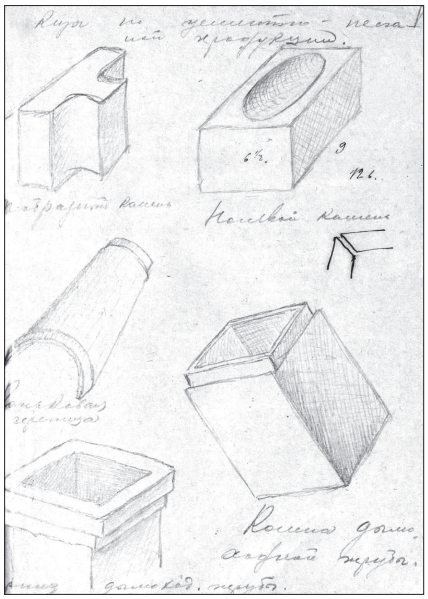
2. ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д 134. Л. 11



3. ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 134. Л. 11 об.



4. АМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 134. Л. 19



5. ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 134. Л. 20

репицы и 2 для коньковой черепицы, ящики для готовой продукции (подкладки) в количестве 600 штук и др. – всего на сумму 2414 р. 50 к.

В Государственном архиве Мурманской области сохранилось описание проекта завода [1]: «Бревенчатое здание в стиле русского деревянного зодчества на стульях под дощатой крышей. Печи и дымоходные трубы из кирпича, внешние стены обшиты досками, потолок для большей огнестойкости обмазан глиной». Предусмотрели завидные

[1] Государственный архив Мурманской области. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 134. Л. 31–40.

украшения: сложной работы полотенца по обе стороны домины и нарядные резные наличники на окнах. Среди подсобных помещений – склад цемента, песка, готовой продукции, сторожка и контора. Для подачи воды в цех требовалось устройство водопровода. «Цемент для нужд огнестойкого жилого строительства должны поставлять по себестоимости. В вагон войдет 100 бочек весом по 10 пудов, погрузочный вес цемента в 1000 пудов на один вагон». По предварительным расчетам для производства дневной выработки черепицы в 1125 штук достаточно 3–6 рабочих. «Специальность не требуется, достаточно аккуратности в работе».

Проект черепичного завода и цементно-бетонной мастерской был рассмотрен на заседании Колонизационного отдела 20 мая 1927 г. Представители Сельхозбанка, Госстраха, Мургубземуправления, других организаций высказались как «за» так и «против» строительства завода. Из протокола: «Стоимость дранкового покрытия на 1 кв. сажень – 5 р. 50 к., толевого – 5 р. 17 к., тесового – 9 р. 54 к., покрытие листовым железом – 17 р. 54 к., цементно-песочной черепицей – 5 р. 52 к. Черепичное покрытие является наиболее дешевым. Имеет колоссальное значение перед последними в части несгораемости и долговечности. Необходимо заключить о крайней необходимости снабжения Мурманска этим экономическим и в высшей степени практичным видом покрытия» [1]. «Какой срок эксплуатации зданий? Почему до этого времени огнестойкое строительство не получило применение? Есть только один кирпичный дом в Коле. Допустимо ли по климатическим условиям огнестойкое строительство в Мурманской губернии?». Только компетенция и сила убеждения инженера Ю. В. Севенарда повлияли на принятие решения в пользу строительства завода: «Учитывая массовую потребность г. Мурманска в огнестойкой продукции, недопустимое последствие ее неимения и принимая во внимание невыгодность глинообжигательного из-за дороговизны материала, считать целесообразным представление проекта» [2]. Первый опытный дом должен был появиться на колониальном отводе за счет Колониального отдела.

---

1 Государственный архив Мурманской области. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 134. Л. 33.

2 Государственный архив Мурманской области. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 134. Л. 43.

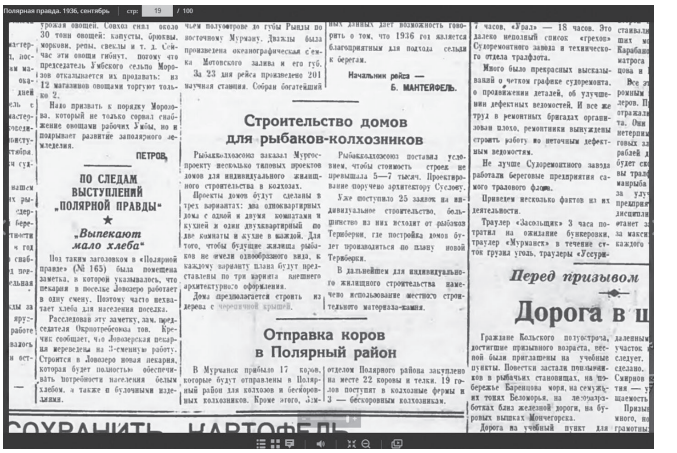
Деревянные дома под черепичными крышами, построенные в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Мурманске и области не сохранились. В большинстве своем они утрачены в годы Великой Отечественной войны, остальные снесены в связи с новым планированием городов и поселков. О том, что каменные крыши в эти и последующие десятилетия были востребованы, узнаем из газетных публикаций. Черепица использовалась для индивидуального и ведомственного строительства. «Полярная правда» в сентябре 1936 г. писала: «Рыбакколхозсоюз заказал Мургоспроекту несколько типовых проектов домов для индивидуального жилищного строительства в колхозах». Автор проектов – архитектор А. И. Суслов, проектировщик дома Главсевморпути в Мурманске. «Проекты домов будут сделаны в трех вариантах: два одноквартирных дома с одной и двумя комнатами и кухней и один двухквартирный по две комнаты и кухней в каждой. Дома предлагается строить из дерева с черепичной крышей». В 1936 г. из одной только Териберки поступило 25 заявок на строительство таких домов [1]. В сентябре 1937 г. газета сообщала о кровельно-черепичных работах на строительстве четырех восьмиквартирных домов на Кольском шоссе. Видимо, объем выпускаемой заводом цементно-песчаной черепицы был недостаточен. В октябре 1937 г. мурманское отделение Ленснабсбыта закупило для снабжения стройорганизаций города два вагона черепицы [2]. Дефицит огнестойкого кровельного материала был связан с участием завода в строительстве поселка энергетиков в Мурмашах.

Еще в 1927 г. правительство рекомендовало организовать работу передвижных черепичных мастерских «для возведения показательно-образцовых общественных сельских построек и популяризации огнестойкого строительства». Для этих целей отлично подходило небольшое мобильное оборудование по изготовлению цементной черепицы. Обжиг ей не требовался, высыхала она в течение нескольких недель в помещении с постоянной влажностью. Рабочие Туломстроя вспоминают: в 1936–1937 гг. черепицу делали рядом со строящейся плотиной на Зеленом острове. Необходимые материалы – цемент, песок и вода – были в избытке. Все посещающие стройку началь-

[1] Строительство домов для рыбаков-колхозников // Полярная правда. 1936. сент. С. 3.

[2] Стройматериалы // Полярная правда. 1937. 12 окт. С. 4.

6. Строительство домов для рыбаков-колхозников.
Полярная правда.
1936. сент. С. 3



Строительство домов для рыбаков-колхозников

По следам выступлений «Полярной правды»

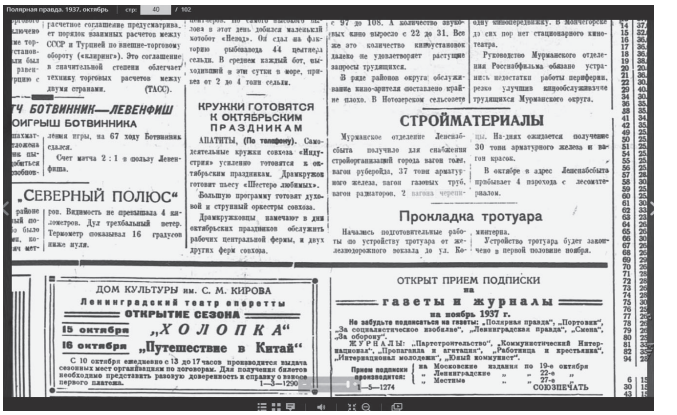
«Выпекают мало хлеба»

Отправка коров в Полярный район

Перед призывом

Дорога в ш

7. Стройматериалы.
Полярная правда.
1937. 12 окт . С. 4



Кружки готовятся к Октябрьским праздникам

Стройматериалы

Прокладка тротуара

Открыт прием подписки на газеты и журналы на ноябрь 1937 г.

8. Жилой дом в Мурмашах.
(Фото из открытого интернет-источника)

9–11. Фибролитовые дома в Мурмашах (Фото из открытого интернет источника)

12–13. Дом отдыха рыбаков в Мурмашах, санаторий «Лапландия» (фото из открытого интернет-источника)

14. Бывшая гостиница «Русалка» в Мурмашах (фото из открытого интернет-источника)

15. Бывшая гостиница «Русалка» в Мурмашах (фото из открытого интернет источника)

ники отмечали эффектный вид поселка. Черепичные крыши над белыми оштукатуренными стенами коттеджей заметно оживляли пологие сопки. Начиная с 1980-х гг. черепицу на домах поселка энергетиков постепенно заменили другими кровельными материалами. Сегодня на крышах строений не сохранилось ни одной цементной черепицы местного производства. Нет ее образцов и в Областном краеведческом музее.

Во время работы фестиваля «Том Сойер Фест» в сентябре 2022 г. у цоколя бывшей гостиницы «Русалка» обнаружили осколки черепицы. На разных фрагментах сохранилось клеймо «Колмовский завод осн. 1893». Можем предположить, что из-за недостатка кровельного материала Мурманский округ приобретал черепицу Колмовского черепичного завода (г. Великий Новгород).

Довоенный пик строительства в Мурманске пришелся на третью пятилетку. Северяне предполагали сдать более 13 тыс. кубометров жилья. «Выполнение плана потребует много строительного материала и огромного количества черепицы», – писала газета в 1937 г. «Необходимо строительство крупного черепичного завода» [1].

Технический проект Кильдинского черепичного завода рассмотрен 17 июля 1940 г. [2] Его создала проектная рационализаторская контора «Росстромпроект» (Государственный институт по проектированию

[1] Обсуждаем вопросы третьей пятилетки. О стройматериалах // Полярная правда. 1937. 3 июня. С. 3.

[2] Государственный архив Мурманской области. Ф. Р-754. Оп. 1. Д. 15 а. Л. 1–16.

16. Осколок черепицы бывшей гостиницы «Русалка», пос. Мурмаши (фото Водопьянова С. О.)

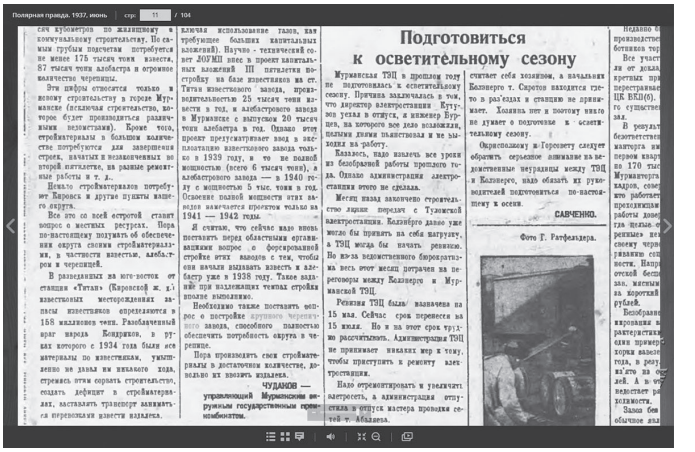
17. Осколок черепицы бывшей гостиницы «Русалка», пос. Мурмаши (фото Водопьянова С. О.)

заводов строительных материалов при Госстрое РСФСР) г. Москва. Главный инженер проекта Юнганс. Смету в 1 млн. 915 тыс. 400 руб. утвердил заместитель наркома НКПСМ РСФСР Е. Л. Рохваргер. Ефим Лазаревич был инициатором и участником внедрения поточно-автоматизированных конвейерных линий по производству керамической плитки. Возможно, по его инициативе кроме черепицы Кильдинский завод освоил выпуск метлахской плитки. Почти сразу в проекте были исправлены расчеты в связи с введением в стране восьмичасового рабочего дня и шестидневной недели. По предложению Рохваргера на всех зданиях завода вместо запроектированного рубероида следовало уложить черепичную кровлю [1].

Размещение новых корпусов планировалось на территории уже работающего кирпичного завода «Кильдинский ручей» с расчетом, что оба будут использовать глину одного карьера. Объем продукции – 2 млн. шт. черепицы и 2 млн. шт. кирпича в год. В отличие от предыдущего, новый завод полностью был укомплектован отечественным оборудованием. Производство организовано по методу пластического формирования с тоннельными сушилками. «Формовка глины осуществляется на револьверном черепичном прессе типа “Раупах” Ленинградского завода “Кооперато”, производительность 4 тыс. шт. за смену. Формовка коньковой черепицы (5 процентов от общего количества) на салазочном прессе Черниговского завода “3-й Октябрьский Молот”, производительность – 2400 шт. в смену. Отпрессованная черепица сни-

[1] Государственный архив Мурманской области. Ф. Р-754. Оп. 1. Д. 155. Л. 6.

18. Обсуждаем вопросы третьей пятилетки. О стройматериалах. Полярная правда. 1937. 3 июня. С. 3



Полярная правда. 1937, июнь | стр. 11 / 104

Подготовиться к осветительному сезону

Мурманская ТЭЦ в прошлом году не подготовилась к осветительному сезону. Причина задумчивась в том, что директор электростанции Кутузов ушел в отпуск, а инженер Бурцев, на которого все дело возложили, полными днями толкотился и не выходил на работу.

Казалось, надо извлечь все уроки из безобразной работы прошлого года. Однако администрация электростанции этого не сделала.

Месяц назад закончено строительство линии передач с Туломской электростанции. Колвицеро давно уже могло бы принять на себя нагрузку, а ТЭЦ могла бы начать ремонт. Но из-за волокитного бюрократизма весь этот месяц потрачен на переговоры между Колвицеро и Мурманской ТЭЦ.

Ремонт ТЭЦ был назначен на 15 мая. Сейчас срок перенесен на 15 июня. Но и на этот срок трудно рассчитывать. Администрация ТЭЦ не принимает никаких мер к тому, чтобы приступить к ремонту электростанции.

Надо отремонтировать и увеличить мощность, а администрация отпустила в отпуск мастера проводки сетей т. Абдалеева.

Подписываю: и Горсовету следует обратить серьезное внимание на волокитные неправильности между ТЭЦ и Колвицеро, надо обязать их руководителей подготовиться по-настоящему к осени.

САВЧЕНКО.

Фото Г. Ратфельдера.

ЧУДАКОВ — управляющий Мурманским вечерним государственным промкомбинатом.

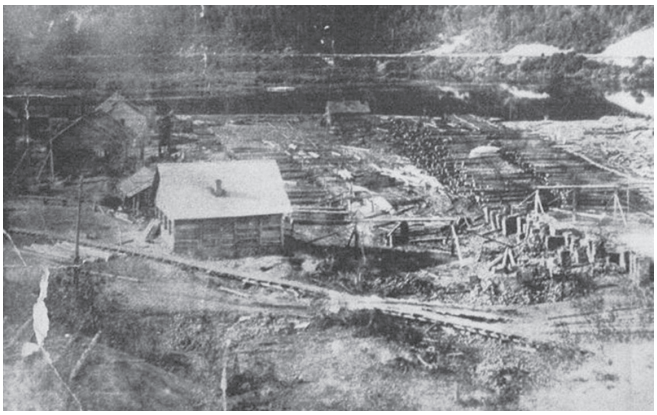
мается с барабана на рамки и укладывается на сушильную вагонетку. Прессовка ведется на гипсовых формах (изготавливаются в отдельном цехе). Глиномятка “Пионер” Истинского завода. Обжиг на дровяном топливе в 16-ти-камерной Гофманской печи “Зиг-Заг”, специально спроектированной для черепицы. Ножи стационарные типа “Нюрбергских”. Продукция – черепица марсельского типа (пазовая прессованная с боковыми и поперечными закроями и с двумя шипами)».

В 1834 г. компания братьев Жиралдони (г. Марсель, Франция) создала революционный тип черепицы, снабдив ее надежными креплениями. Соединялась черепица блокировочными пазами, продольные углубления сохраняли ее от деформации во время обжига. В 1850 г. они усовершенствовали свое изделие двойной блокировкой. Завоевав множество премий и наград, эта черепица размером 420 на 250 мм стала национальным достоянием французов. Она получила широкое распространение в Европе. В конце XIX в. ее производство было налажено и в России [1].

В апреле 1940 г. в лаборатории Кильдинского кирпичного завода были проведены испытания новой глиняной черепицы. Как отмечали лаборанты, испытания прошли не по стандарту, так как в камере замораживания -17°С, а в естественных уличных – от -7°С до -30°С. «При

[1] Дмитриевский Н. Н. Производство глиняной черепицы / Н. Н. Дмитриевский Москва: Всесоюзное кооперативное издательство, 1944.

19–20. Кильдинский кирпично-черепичный завод (фото из открытого интернет-источника)



таком испытании черепица не давала трещин, не разрушалась. Результаты считаем сугубо ориентировочными» [1].

С вводом черепичного, Кильдинский кирпичный завод стал именоваться комбинатом, а черепичный завод – цехом ширпотреба. Уже в 1940 г. он дал первую продукцию, но выйти на запроектированный объем не смог. Началась Великая Отечественная война.

На страницах газет запечатлены целые улицы из домов с нарядными черепичными крышами. И только рабочие знали, какой ценой давалась эта красота. «Обжиг кирпича (значит и черепицы. – Авт.) запроектирован на дровах, но организация дровяного хозяйства совершенно не разработана и по бездеятельности Главка не сдвинулась

[1] Государственный архив Мурманской области. Ф. Р-754. Оп. 1. Д. 15 а. Л. 94.

21. Музей истории города Мончегорска, дом Кондрикова
(фото из открытого интернет-источника)

22. Главный корпус МБС, Дальние Зеленцы
(фото из открытого интернет-источника)

23. Дом-музей С. М. Кирова, г. Кировск
(фото из открытого интернет-источника)

24. Здание главного лабораторного корпуса ПАБСИ, г. Кировск
(фото из открытого интернет- источника)

25. Железнодорожная станция (Роста)
(фото из открытого интернет-источника)

26. Лыжная база, г. Мурманск
(фото из открытого интернет-источника)

27. Дом Микояновского райсовета на Жилстрое, г. Мурманск (фото из открытого интернет-источника)

28. Дом Тралфлота на Жилстрое, г. Мурманск (фото из открытого интернет-источника)

29. Сборно-щитовой дом, пос. Шонгуй (фото Водопьянова С. О.)

30. Сборно-щитовой дом, пос. Зеленоборский (фото из открытых интернет-источников)

31. Сборно-щитовой дом, пос. Мурмаши (фото Водопьянова С. О.)

с места. Завод получает дрова сплавом по реке Кола, выгрузка дров на берег производится вручную. Машиной дрова доставляют к заводу на верхнюю террасу. Сейчас на распиле работает 80 человек, а надо 250» [1].

Вся продукция 1941 г. – 110 тыс. шт. черепицы – была передана для нужд комбината «Североникель» НКВД СССР. Где именно она использовалась, информации нет, скорее всего, на строительстве жилых домов для рабочих комбината в г. Мончегорске. В августе после начала Великой Отечественной войны комбинат законсервировали. Работал

[1] Государственный архив Мурманской области. Ф. Р-454. Оп. 5. Д. 35. Л. 2 (оборот).

32. Сборно-щитовые дома, пос. Росляково (фото из открытого интернет-источника)

33. Сборно-щитовой дом, пос. Мурмаши (фото Водопьянова С. О.)

только цех ширпотреба. Рабочие производили глиняную посуду, увеличивая ее выпуск год от года.

После подсчета ущерба, нанесенного фашистами Заполярью, Мурманск включили в число пятнадцати городов, подлежащих восстановлению в первую очередь. Потери от действий финских войск только по Карелии и Мурманской области составляли около 15 млрд. рублей или 2,8 млрд. долларов. Выплаты репараций производились не деньгами, а товарами. В период с 1944 по 1952 гг. Финляндия поставила в СССР морские и речные суда, электрооборудование, заводское оборудование для производства целлюлозы и картона, железнодорожные локомотивы и сборно-щитовые дома. Проекты домов были доработаны фин-

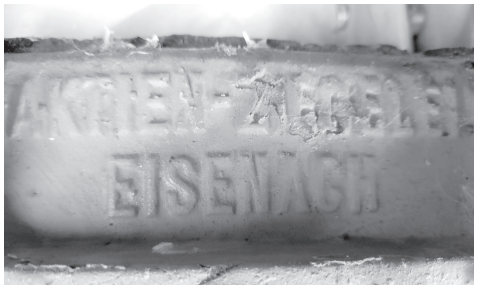
34. Сборно-щитовой дом, пос. Мурмаши (фото Водопьянова С. О.)

35. Сборно-щитовой дом, пос. Мурмаши). (фото Водопьянова С. О.)

нами с учетом пожеланий советской стороны. Так появились две трубы вместо одной, веранда, помещение для душевой, ставни на окнах. Дефицит жилья был так велик, что на первый этаж заселяли по две семьи, мансарду предоставляли холостякам.

В эти годы в городах и поселках Мурманской области выросли целые улицы из небольших двухэтажных домов с мансардой – в Североморске, Кировске, Мурмашах (ул. Зеленый городок), Зеленоборском (ул. Княжегубская, Октябрьская, Зеленая, Средняя, Парковая), Шонгуе, Ура-губе и др. (список уточняется). Крыши этих домов были покрыты черепицей немецкого производства, привезенной из Германии. Финские дома не оборудовались канализацией, водопроводом, имели печное отопление. Отсутствие удобств привело к тому, что к концу XX века от них

36. Сборно-щитовой дом, пос. Мурмаши (фото Водопьянова С. О.)



37. Клеймо завода AKTIEN-ZIEGELEI EISENACN (фото Водопьянова С. О.)

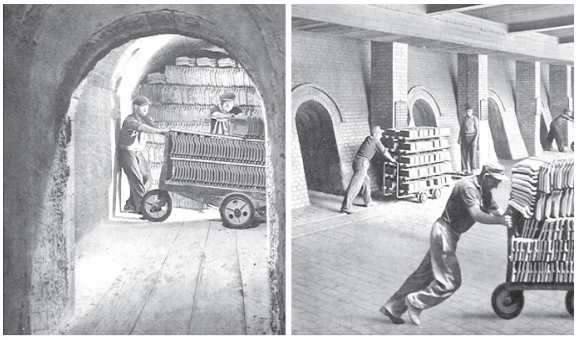
почти ничего не осталось. В архиве Полярного ботанического сада сохранились фотографии этих строений, на месте одного из них сейчас стоит памятный знак ботанического сада.

Несколько оставшихся в области финских сборно-щитовых домов используются как дачи. Один из них – в Шонгуе, два – в Зеленоборском, пустующие дома в Мурмашах намеренно разрушают. Еще в прошлом году двери домов были закрыты, целы веранды. Сейчас двери сорваны, выломаны оконные рамы веранд, выбиты окна, оторваны перила лестницы, ведущей в мансарду. Надо приложить немало усилий, чтобы подобным образом расправиться с качественно произведенными строениями.

Нам удалось сфотографировать и собрать разные образцы немецкой черепицы. Вся она марсельского типа, схожая с той, которую выпускал Кильдинский комбинат. Черепица маркирована. Самую старую из них можно датировать началом XX века. Вес каждой более 3 кг.

38. Клеймо завода HÖNGEDA,
(фото Водопьянова С. О.)

39. Черепичный завод Хёнгеда, коммуна Вайнберген, Тюринген, Германия (фото источник: https://www.creaton.de)



40. Клеймо завода CLOSTER-ZIEGELEI GERSTUNGEN A.- G.
(фото Водопьянова С. О.)

Рисунок 37. Тюрингская черепица с клеймом кирпичного завода, основанного в Айзенахе в 1864 г. геологом Johann Georg Bornemann. Размер – 420 х 250 мм.

Рисунок 38. Тюрингская черепица с клеймом черепичного завода в Хенгеде, основанного в 1884 г. Размер – 415 х 245 мм.

Рисунок 40. Еще одна черепица была произведена в коммуне Герстунген (Тюрингия).

От предыдущих отличается составом глины (более хрупкая), цветом, весом (легче на 400 грамм). Размер – 405 х 230 мм. Имеет маркировку – 1H049. Немецкое обозначение 1H – тип черепицы, 049 – год изготовления – 1949. Предположительно была произведена специально для репарационных выплат СССР.

Срок эксплуатации черепицы – 50 лет. Как показывает практика, при бережном отношении черепичная крыша может прослужить сто и более лет. Несмотря на это, администрации поселков и владельцы деревянных строений сделали выбор не в пользу черепицы, заменив ее другими кровельными материалами.

Мы хотели бы обратить внимание администрации поселка Мурмаши Кольского района на сохранение аутентичности уникального поселка энергетиков. Считаем, что на фибролитовые и бревенчатые дома необходимо вернуть черепицу!

Содержание

МИТРОПОЛИТ МИТРОФАН (БАДАНИН)
Роль преданий в изучении истории Кольского края *10*

ХЛЕСТКИНА Е. К.
На пути к освоению Арктических рубежей:
взгляд через призму современных знаний о биологической адаптации *20*

ЛОБАНОВ К. В., ЧИЧЕРОВ М. В., ГОРНОСТАЕВА Т. А., ПРОКОФЬЕВ В. Ю.
Кольская сверхглубокая скважина – космический полет в недра
Арктической зоны России *27*

ГАЙДА Ф. А.
А. Ф. Трепов – государственный деятель предреволюционной России *57*

СЕВЕР НА ПУТЯХ ОСВОЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ РУБЕЖЕЙ

ПРОТОДИАКОН ВЛАДИМИР ВАСИЛИК
Путешествие в Биармию Оттара из Холугаланда: некоторые замечания *66*

ДАВЫДОВ Р. А.
Деревянные парусные суда типа «ёла» на Русском Севере
(1860-е – начало 1920-х гг.) *76*

БОГОМАЗОВА А. А.
Промысловые суда в варзужской службе Соловецкого монастыря
в конце XVI – 70-х гг. XVII века *115*

ПОЛЯКОВ И. А.
Князья Ромодановские – воеводы на Русском Севере *126*

СОРОКОЖЕРДЬЕВ В. В.
Временная обсерватория Румовского в Коле в 1769 году *142*

ГЕРАСИМОВ Д. А.
Основание Мурманска: от планов к строительству города *154*

ФЕДОРОВ П. В.
От Романова-на-Мурмане – к «городу без церквей»:
образ и антиобраз раннесоветского Мурманска *163*

ПОРЦЕЛЬ А. К.
К вопросу об исторической памяти: как создавали краеведческий
музей на Шпицбергене *169*

СЕВЕР В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

ЖИРОВ В. К., ГОНТАРЬ О. Б., МЕГОРСКИЙ В. В., ИЕРЕЙ ИОАНН ДАНИЛЕЦ
Целостность человеческого естества и православная медицина. Ландшафтная терапия: назад к тринитарности *183*

ИЕРОМОНАХ ГРИГОРИЙ (МАТРУСОВ)
Христианство в Норвегии до святого Олава *233*

ОКЛАДНИКОВА Е. А.
Священные реликвии «Фаддеевской коллекции» Российского государственного музея Арктики и Антарктики *249*

ДИАКОН НИКОЛАЙ СЕРЕБРЯКОВ
«Лестница творений» в христианской традиции *277*

ЕДОВИН А. Г.
О времени проникновения христианства на Кольский полуостров *285*

АВДЕЕВ А. Г.
«Каменные» синодики и их эволюция в конце 40-х годов XVII – начале XIX в. *292*

ШАХНОВИЧ М. М.
Археологическое обследование церкви Рождества Пречистой Богородицы в городе Кандалакша *317*

БАРЫШЕВ И. Б., ВАДАТУРСКИЙ Д. А.
Церковь «Введения во храм Пресвятые Богородицы» на Пустозерском городище *338*

ВЕРБИН О. Г.
Погребальные сооружения Кольского Оленеостровского могильника *364*

КИРИЧЕНКО О. В.
Этнографическое изучение Русского Севера в послевоенный период (1945 – 1990) *369*

СЕВЕР В ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

СТАРИЦЫН А. Н.
Образование Холмогорской и Важской архиепископии как средство борьбы со староверием *386*

КАЗАКОВА К. С.
Особенности просветительской деятельности приходов Первого Кольского благочиния Архангельской епархии в конце XIX – начале XX веков *397*

ПЕТРОВ И. В.
Иоанн Лелюхин – самый известный деятель северной церковной эмиграции: новые сведения из биографии *413*

ОРЕХОВА Е. А.
Дело о постройке часовни в Голицинском выселке *425*

ИЕРЕЙ АНАТОЛИЙ КОРЯКОВСКИЙ
Благочиннические округа Русской Православной Церкви, краткий исторический обзор приходских православных храмов и часовен на Кольском полуострове в XIX – начале XX вв. *436*

КОЖЕВНИКОВА Ю. Н.
Епископ Никанор (Каменский) на Кольском Севере: посещение приходов Мурманского и Терского берегов *461*

БАРДИЛЕВА Ю. П.
Антирелигиозная пропаганда на Кольском Севере в 1923 – 1942 гг.: центр и регион *473*

ПРОТОИЕРЕЙ ВАСИЛИЙ ВОЛЬСКИЙ
Протоиерей-исповедник Илия Кутузов (1903–1968) *492*

ОВЧАРЕНКО К. А.
«Миссионерская православная газета» *498*

МАКАРОВА О. А., ГОНТАРЬ О. Б., ШИПИЛИНА Л. Ю.
Зеленые насаждения вокруг храмов – центр изучения природы *521*

СЕВЕР В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ

АКУЛОВА Т. В.
Рукописный журнал «Мурма́нския мидии» *528*

КОРЖОВА Н. Б.
Жизнь и творчество поэта Николая Владимировича Колычева как сотворителя истории Трифонова Печенгского монастыря *547*

БАКУЛА В. Б.
Переводы духовной литературы на языки кольских саамов *586*

ГУЦКАЛОВА Т. Н.
«Азбука колянина»: люди, названия, памятники *597*

САМОЙЛОВА Т. Е.
Почитание иконы «Богоматерь Тихвинская» в эпоху Василия III *599*

ГОРМИНА Н. В.
Вкладной ковш XVII в. из Новгородского Епархиального древлехранилища и традиции православного благочестия *614*

СМИРНОВА М. А.
Русский Север в путевых заметках Г. Т. Полилова-Северцева *624*

МИХАЙЛОВА Е. А.
Валаамская обитель в судьбе семьи Тюменевых: по «Моей автобиографии» И. Ф. Тюменева *634*

МЕРЗЛЯКОВА Е. Б.
История села Ковда по материалам в фондах Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки *663*

БОБРОВ К. А., ВОДОПЬЯНОВА С. О.
Черепичные крыши Мурмана *680*

Материалы международной
историко-краеведческой конференции

ПЯТНАДЦАТЫЕ ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**«СЕВЕР В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ.
ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И ТРАДИЦИИ»**

**г. Мурманск
21–23 октября 2022 года**

Под редакцией
митрополита Митрофана (Баданина)

Корректор
Анна Куприянова

Обложка
Галина Мельникова

Художественное оформление и верстка
Галина Мельникова

Фото
Ирина Корнева

Подписано в печать 25.09.2023. Формат 70 x 100/16.
Заказ № 57. Тираж 500 экз.

Издательство Мурманской епархии

Выбрать книги, издающиеся в Мурманской епархии
и посвященные Крайнему Северу, можно на официальном сайте:
http://mmeparh.cerkov.ru
Заказ на книги отправлять по электронному адресу:
eparhia_murmansk@mail.ru
или на почтовый адрес:
183010, Мурманск, ул. Зеленая, д. 11. Тел.: 8-815-25-97-61.
В свободной продаже книги во всех церковных лавках
Мурманской и Североморской епархий и в книжном магазине «Глобус»:
Театральный бульвар, д. 8.

«Отпечатано в издательстве ФГБУН ФИЦ «КНЦ РАН»
184209, г. Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14
https://rio.ksc.ru/

Издательство Кольского научного центра
2023

ISBN 978-5-91137-497-6